

Г.Е. Крейдлин

НЕВЕРБАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА

**Москва
Новое литературное обозрение
2002**

ББК 88.53
УДК 159.9
К 9

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. XXXIX

Художник
Д. Балабуха

Крейдлин Г.Е.

К 9 Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. —
М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 592 с.

Кинетические стороны поведения людей — их жесты и позы, как люди стоят или сидят, как располагаются по отношению друг к другу, как обмениваются взглядами — играют решающую роль в устной коммуникации. В центре монографии — человек и особенности его невербального поведения в акте коммуникации. Автор анализирует разнообразные невербальные и вербальные единицы, описывает русскую жестовую систему и кинетическое поведение, ищет новые подходы к этой до сих пор малоисследованной теме, привлекая для этого данные разных частных наук, входящих в состав невербальной семиотики.

ББК 88.53
УДК 159.9

ISBN 5-86793-194-3

© Г.Е. Крейдлин, 2002
© Художественное оформление.
«Новое литературное обозрение», 2002

*Памяти моего отца,
Крейдлина Ефима Григорьевича*

ВВЕДЕНИЕ

Предмет книги

Более тридцати лет тому назад мне в руки попала статья выдающегося русского лингвиста А. А. Реформатского «О перекодировании и трансформации коммуникативных систем» (Реформатский 1963). В этой замечательной работе речь шла о характере и способах совместного существования в одном коммуникативном акте нескольких знаковых систем и затрагивались различные проблемы, относящиеся к особенностям функционирования в речи знаков разной природы и к анализу их поведения в интерактивном общении.

А. А. Реформатский считал, что без решения вопросов о том, как происходит невербальная коммуникативная деятельность человека и каково ее соотношение с вербальной деятельностью, «немыслимо моделирование коммуникативных систем и самого мыслительного процесса». Опираясь на исследования детского психолога, физиолога и педагога И. А. Соколянского, в которых рассматривались особенности усвоения грамматики языка слепоглухонемым ребенком, ученый подчеркивает исключительную важность жеста и жестового, или, иначе, кинетического, поведения в целом как связующих звеньев между тактильной и речевой деятельностью человека. По мнению А. А. Реформатского, в акте устного общения никогда не осуществляется простое кодирование смысла или перекодирование информации. В нем сосуществуют параллельно разные системы обработки знаковой информации, и — позволю себе еще раз процитировать ученого — «хотя они как-то и конкурируют в принципе, но не накладываются друг на друга, а представляют собой более сложное соотношение».

В настоящей монографии речь пойдет о различных сторонах такого соотношения. В центре ее находятся человек и особенности его невербального поведения в акте коммуникации.

О коммуникативном поведении людей и способах их речевого общения до сих пор известно крайне мало. Наши представ-

ления о мотивах, целях и характере даже собственных действий, мыслей, слов и чувств, не говоря уже о поведении реального или воображаемого собеседника, по сей день удивительно нечеткие, наивные и путанные, а сумма и глубина наших знаний о речевом диалогическом поведении никак не соответствуют сегодняшнему уровню развития и возможностям лингвистической науки. Что же касается невербальных аспектов человеческого поведения в ситуации коммуникативного взаимодействия и проблем соотношения невербальных языковых кодов с естественным языком, которые составляют основной предмет нашего исследования, то они не только не описаны систематически, но в целом ряде отношений просто не затронуты.

Книга, которую держит в руках читатель, ставит своей целью в известной степени восполнить указанный пробел. В ней принят подход, заключающийся в параллельном анализе разнообразных невербальных и вербальных единиц. Такой анализ предполагает изучение богатого арсенала знаковых средств, используемых в человеческом общении, описание разнообразных семантических, прагматических и синтаксических соотношений между невербальными и вербальными знаковыми единицами и выявление особенностей их совместного функционирования в коммуникативном акте, о которых писал А. А. Реформатский.

Невербальная коммуникация является одной из важнейших областей функционирования знаков и знаковой информации и занимает значительное место в жизни человека и общества. Подчеркивая важность невербальной коммуникации, кто-то заметил: «Words may be what men use when all else fails» — «Слова, быть может, это то, чем пользуются люди, когда все остальные средства общения оказались безуспешными (букв. <...> когда все остальное терпит неудачу)». Науку, предметом которой являются невербальная коммуникация и, шире, невербальное поведение и взаимодействие людей, я предлагаю называть невербальной семиотикой. Невербальная семиотика как целостная научная дисциплина еще только складывается, она очень молодая. Входящие в невербальную семиотику частные науки, или отдельные подсистемы, изучены в разной мере и нередко вообще не связаны одна с другой. По целому ряду объективных и субъективных причин, к которым можно отнести: (а) фрагментарность и плохо мотивированную избирательность объектов изучения; (б) недостаточное количество устойчивых и проверенных на практике теоретических понятий, методов и инструментов анализа, а отсюда по преимуществу дескриптивный характер исследований во всех разделах невер-

бальной семиотики; (в) малую разработанность и практическую несовместимость языков описания предметных областей невербальной семиотики; (г) отсутствие надежной методологической и эмпирической базы в части, касающейся семантики, прагматики и синтаксического поведения невербальных единиц; (д) нередко гадательный, плохо обоснованный и в высшей степени проблематичный характер отдельных научных утверждений и полученных результатов, — приходится констатировать, что многие задачи и положения, формулируемые в рамках невербальных подсистем, требуют существенной корректировки, а в ряде случаев и полного пересмотра.

В такой ситуации особенно остро ощущается потребность в едином семиотическом подходе к исследованию невербальных и вербальных средств поведения людей в коммуникативном акте, поскольку только в рамках такого подхода невербальное поведение человека и, в частности, русская невербальная традиция могут получить максимально многостороннее и адекватное объяснение. В книге предлагается **интегральное описание основных подсистем невербальной семиотики в рамках единой научной идеологии и общих концептуальных и методологических установок, в их соотношении друг с другом и с естественным языком.** Определяются состав этих подсистем, характерные особенности их внутренней организации и закономерности функционирования, проводится практическое изучение и теоретическое осмысление важнейших механизмов взаимодействия невербальных подсистем друг с другом и с естественным языком, описываются нетривиальные ситуации невербального общения людей и связанные с ними явления.

Следует отметить, что в силу разных, по большей части околонучных, обстоятельств в существующей литературе по невербальной семиотике почти полностью игнорируются данные русской лингвосемиотической традиции, между тем как ее культурная и этнолингвистическая значимость едва ли нуждаются в особом обосновании. Наша книга впервые обращается к системному исследованию русского невербального материала: в ней содержится детальный разбор совсем новых для невербальной семиотики фактов и привлекается новая информация для установления сходств, расхождений и перекличек русского и других невербальных языков. Проведенный широкий анализ мировой и отечественной литературы, а также личные научные контакты со многими крупными учеными, работающими в разных областях невербальной семиотики, дают основание утверждать, что настоящая книга представляет собой первое систематическое научное изложение основ невербаль-

ной семиотики в ее соотношении с лингвистикой. В ней впервые в отечественной и, как кажется, в мировой лингвосомиотической традиции ставится и решается ряд важных задач, которые были выдвинуты в рамках отдельных наук, входящих в состав невербальной семиотики. Назову лишь некоторые из обсуждаемых в книге проблем:

(1) усовершенствование понятийного аппарата и метаязыка невербальной семиотики, в частности приведение его в соответствие с понятийным аппаратом и метаязыком лингвистики; обоснование теоретической необходимости вводимых новых понятий и демонстрация их практической полезности;

(2) выявление и описание ранее не изучавшихся или не до конца изученных единиц, категорий и оппозиций паралингвистики, кинесики, проксемики и некоторых других частных наук, образующих ядро невербальной семиотики; установление аналогий и структурных сходств между достаточно удаленными друг от друга невербальными и вербальными феноменами;

(3) разграничение жестов и физиологических движений; инвентаризация основных жестовых противопоставлений и функций жестов в разных языках тела и коммуникативных ситуациях;

(4) выделение семантических типов и построение семантической типологии бытовых эмблематических жестов;

(5) лингвистический и концептуальный анализ голоса и тона — основных инструментов языковой и параязыковой коммуникации;

(6) построение оснований теории лексикографии жестов: разработка общей идеологии и структуры толковых словарей жестов, определение строения отдельных зон и способа представления в них необходимой информации;

(7) анализ наиболее примечательных особенностей созданного нами (в соавторстве) толкового словаря языка русских жестов, ориентированного на интегральное описание русской невербальной и вербальной семиотических систем, и представление решения ряда практических лексикографических задач, связанных с этим словарем (определение количества и состава зон словаря, раскрытие содержания и структуры каждой зоны, анализ ряда конкретных словарных статей и их фрагментов) и др.;

(8) разработка принципов и способов сопоставительного семантического описания жестов и языковых единиц — так называемых жестовых фразеологизмов, а также жестов и их языковых имен; проверка выдвигаемых гипотез и допущений на экспериментальном языковом (русском) материале;

(9) постановка и решение некоторых частных проблем межкультурного и межъязыкового соответствия жестовых эмблематических систем и перевода одной системы в другую (способы и виды перевода, проблемы интерпретации, нейтрализации и потери смысла, типология коммуникативных неудач и др.);

(10) построение внутриязыковой типологии семиотических актов касания в их соотношении с русскими глаголами касания и выражаемыми ими смыслами;

(11) описание универсальных стратегий, обнаружение и анализ закономерностей, а также формулировка конкретных правил невербального (жестового, визуального, тактильного и проксеимного) поведения, относящихся к русской повседневной коммуникации и русской культуре.

Помимо теоретических и практических вопросов в книге ставятся и обсуждаются некоторые методологические вопросы, связанные с проблемами выделения единиц и категорий невербальной семиотики и их соотношения с единицами и категориями лингвистики.

В силу указанных выше сложившихся обстоятельств решать большинство поставленных нами задач по аналогии с ранее уже решенными было невозможно. Почти каждая из них потребовала рассмотрения новых теоретических вопросов, восполнения имеющихся концептуальных и терминологических пробелов, использования оригинальных исследовательских приемов и разбора методологических оснований анализа с их последующей эмпирической проверкой. Сразу же скажу: постановку и представленные на суд читателя выводы и решения отдельных проблем кто-то может счесть сомнительными или недостаточно убедительными, однако, как мне представляется, это не только субъективная вина автора книги (которую он, впрочем, с себя отнюдь не снимает), но и неизбежный объективный итог всех исследований в новых областях знаний, русло которых лишь только начали прокладывать.

История создания книги

Серьезный исследовательский интерес к невербальной семиотике у меня возник довольно неожиданно и много лет спустя после знакомства с упомянутой выше статьей А. А. Реформатского. На первой летней Лингвистической школе (июль 1992 года, город Дубна, Московская обл.), где слушателями были ученики ряда московских и дубненских школ и студенты высших учебных заведений, в основном Российского государ-

ственного гуманитарного университета (РГГУ) и Московского государственного университета (МГУ), а я входил в число преподавателей, мне пришла в голову счастливая мысль организовать семинар для младших, 9—12-летних, школьников по изучению языка жестов. К моему удивлению, предложенная тематика занятий оказалась интересной не только младшим, но и старшим школьникам и даже студентам. После нескольких прочитанных мною вводных теоретических лекций, на которых были введены и описаны основные единицы, категории и отношения, существующие в русском языке жестов, состоялось несколько семинаров, и на первом же практическом занятии всем его участникам было предложено начать совместную работу по составлению толкового (объяснительного) словаря языка русских жестов. Тогда же я попытался обрисовать приблизительный облик этого словаря, каким я тогда его видел, и наметить общую схему словарной статьи, после чего мы стали все вместе заниматься совершенно конкретной лексикографической работой — писать словарные статьи для данного словаря. В результате сложилась группа, которая продолжила начатую деятельность в Москве на еженедельном семинаре по невербальной семиотике, по сей день проводимом под моим руководством в Институте лингвистики (ранее факультете теоретической и прикладной лингвистики) РГГУ. Коллектив людей, трудившихся над словарем, с течением времени постоянно менялся: одни студенты и школьники уходили, другие приходили. Это обстоятельство, конечно, весьма осложняло и замедляло работу, которая к тому времени получила моральное признание и материальную поддержку со стороны Института «Открытое общество» (фонд Дж. Сороса). Все же ядро группы, к счастью, оставалось неизменным, что в значительной мере способствовало окончанию работы.

В ходе индивидуальной и совместной работы над словарем языка русских жестов выяснились две важные вещи. Во-первых, предлагаемое лексикографическое описание сравнительно легко трансформируется в путеводитель по языку русских жестов или в соответствующее учебное пособие, которые понимаются нами здесь довольно широко, а именно как включающие в себя не только (а) собственно **жесты**, то есть знаковые движения рук, ног и головы, но также (б) **выражения лица**, (в) **позы** и (г) **знаковые телодвижения (движения корпуса)**. Во-вторых, наличие в нашем словаре зон, предназначенных для того, чтобы представить в удобной для пользователя форме особенности и механизмы взаимодействия невербальных и вер-

бальных единиц, делает его полезным инструментом для внутриязыкового сравнительного семантического анализа.

В качестве экспериментального материала для сравнительного семантического анализа единиц двух языков — повседневного, бытового русского языка и русского языка тела — были отобраны некоторые русские жесты и некоторые русские фразеологические обороты (жестовые фразеологизмы). В книге приводятся как довольно большой фрагмент лексикографического описания русского языка тела, так и некоторые, пока еще предварительные, результаты по сопоставительному изучению русских жестов и жестовых фразеологизмов.

Следует подчеркнуть, что **аналитическому описанию русской жестовой системы и кинетическому поведению, а также теории и практике жестовой лексикографии** в настоящей книге уделяется особое внимание, что нельзя считать случайным. В устной коммуникации роль жестов, мимики, поз и телодвижений трудно переоценить, и хотя естественный язык имеет здесь безоговорочный приоритет, кинетические стороны поведения людей, такие как жесты и жестикуляция, способы, какими люди стоят или сидят, как располагаются друг по отношению к другу, как меняют позы во время беседы, как, наконец, они смотрят друг на друга, играют решающую роль в коммуникативном взаимодействии. И надо сказать, что комплексность и разнообразие знаковых форм невербального общения вполне соответствуют сложности и разветвленности частных наук, входящих в состав невербальной семиотики.

Источники и материал

Основным источником для представленного исследования явились русские невербальные (устные) и вербальные (устные и письменные) тексты, хотя аналитический обзор и обсуждение идей, гипотез и результатов, выдвинутых и полученных в невербальной семиотике, опираются также на данные других языков. Кроме того, к примерам и фактам других языков и культур мы прибегаем для типологического сопоставления отдельных явлений или дешифровки некоторых деталей картины русского невербального поведения.

Более конкретно, в качестве собранного и обработанного материала, на котором основывается настоящая монография, послужили

(а) визуальные наблюдения, а также фото- и видеозаписи невербального диалогического поведения людей разных наци-

ональностей и культур, сделанные как мной лично, так и другими исследователями, в том числе моими молодыми коллегами — аспирантами и студентами. Основной корпус визуального, фото- и видеоматериала составили тексты русской культуры;

(б) русские устные и письменные тексты различных жанров и стилей, отражающие такое поведение. Прежде всего это литературные тексты (целиком или в достаточно представительных фрагментах), которые относятся к русской художественной прозе XIX—XX веков. Кроме того, иллюстративные примеры брались из переводной литературы и публицистики. Часть языковых примеров была взята из различных больших корпусов предложений, собранных и обработанных другими людьми.

(в) словарные материалы, содержащиеся в языковых (толковых, фразеологических и др.) и жестовых словарях разных языков и культур. Принимались также во внимание материалы, проанализированные в других научных работах, главным образом в монографиях и статьях;

(г) специально сконструированные автором экспериментальные языковые примеры, на которых проверялись многие из гипотез и утверждений, формулируемых в настоящей книге.

Методология и теоретические предпосылки исследования

Гуго Шухардт как-то заметил, что целостность и внутреннее единство области научных знаний достигается не столько однородностью ее содержания, сколько общей методологией и согласованностью подходов к решаемым проблемам. Признавая безусловную правоту крупного немецкого лингвиста и философа, я полагаю, что реальной базой для объединения разных неязыковых подсистем должен стать **единый семантический язык описания (метаязык) невербальных единиц и категорий**.

Данное положение, как мне представляется, является естественным продолжением тезиса о необходимости единого семантического языка для описания языковых фактов и явлений самых разных типов, который был впервые выдвинут и обоснован в рамках Московской (я имею в виду прежде всего работы И. А. Мельчука, А. К. Жолковского, Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой и их коллег и учеников) и Польской семантических школ (главным образом исследования А. Богуславского и А. Вежбицкой). Крайне желательно при этом, чтобы используемый **семантический язык** был **единым** для вербаль-

ных и для невербальных единиц, так как я считаю, что только на общем и прочном семантическом фундаменте можно достичь внутренней целостности невербальной семиотики и не менее желательной интеграции невербальной семиотики и лингвистики в рамках общей теории коммуникации.

К созданию такого единого метаязыка можно идти по-разному. Например, задать его извне и как бы заранее, после чего необходимо всякий раз, при каждом конкретном исследовании, обосновывать его теоретическую адекватность и доказывать практическую полезность. Или можно строить метаязык индуктивным путем на основании тщательных экспериментальных и полевых исследований и последующих теоретических обобщений. Наконец, можно предложить разные, но относительно простые и практически удобные семантические языки для разных областей невербальной семиотики с обязательным их дальнейшим совмещением (установлением необходимых соответствий, построением правил их комбинирования и перевода с одного метаязыка на другой и др.). В данной книге нашли отражение, хотя и в разной мере, все три возможности.

Одну из своих главных задач автор данной книги видел в том, чтобы предложить язык и формат описания, с помощью которых можно было бы строго, непротиворечиво, просто, понятно и удобно для читателя (мне очень нравятся обращенные к ученым слова Карла Поппера: «Если вы не в состоянии изложить свои мысли просто и ясно, вам следует не говорить, а продолжать работу до тех пор, пока вы не почувствуете, что можете это сделать») изложить те основные положения, к которым сегодня пришла невербальная семиотика, и представить полученные в ней наиболее значительные результаты, относящиеся к теме и предмету исследования.

Поставленная задача является не столь простой, как могло бы на первый взгляд показаться. Дело в том, что невербальная семиотика по сути своей является наукой междисциплинарной. Она возникла на границах разных научных областей и перекрестках разных научных традиций, причем как веками устоявшихся, имеющих свои объекты, теоретический и методологический аппарат, свои языки и исследовательские приемы, собственные интересы и внутренние проблемы, — я имею в виду, в частности, биологию, этологию (науку о поведении), лингвистику, логику, социологию и психологию, — так и сравнительно новых. Среди последних следует в первую очередь назвать общую семиотику, теорию этноса и этнических систем, культурную антропологию, когнитологию (науку о знании и познании) и теорию когнитивных систем.

Из сказанного вытекает, что настоящее исследование, хотя и является **лингвосемиотическим**, не может не учитывать целого ряда идей и достижений перечисленных дисциплин, а также особенностей тех метаязыков, на которых эти идеи и достижения излагаются. Впрочем, причисление какого-либо исследования, находящегося на стыке нескольких наук, к той или иной отрасли знания, на мой взгляд, по большей части является делом вкуса, — кто знает, где сегодня кончаются границы одной науки и начинаются границы другой? В любом случае я полагаю, что было бы неверным считать отнесение работы к одной науке, а не к другой ее очевидным априорным недостатком.

Вообще, хочется думать, что в канун XXI века, когда стало очевидно, что подавляющее большинство открытий второй половины XX века было сделано на стыке двух и более научных дисциплин, слова «это не лингвистика» перестали быть обвинением в адрес лингвистов. В этой связи было бы нелишне вспомнить, что подавляющее большинство «нелингвистических» работ еще в 60—70-х годах в нашей стране заранее объявлялись недостойными внимания ученых-лингвистов и крайне редко обсуждались в лингвистическом сообществе, — несмотря на то что часть из этих работ очень многие сугубо «лингвистические» факты, явления и закономерности хорошо объясняла или уточняла. Таковыми на памяти автора книги были исследования по социальной психологии и даже по психолингвистике (!), по машинному переводу, автоматическому реферированию и индексированию текстов, логическому анализу языка и десяткам других областей.

Невербальная семиотика уходит корнями сразу в несколько интеллектуальных традиций, причем наиболее явными ее истоками являются биология, психология, социология и лингвистика. Именно выдвинутый в этих науках определенный круг идей, допущений и концепций стал методологическим основанием подхода, развиваемого в книге. Как я надеюсь показать, современную научную парадигму в области невербальной семиотики отличает не разъединение указанных направлений, а их **сближение**, вплоть до подлинной интеграции. Я бы даже рискнул утверждать, что большинство современных фундаментальных трудов в этой области являются «био-психо-социо-лингвистическими».

К сожалению, методологическим проблемам невербальной семиотики в литературе до сих пор уделяется крайне мало внимания. Между тем выдвижение и обоснование программы

исследования вместе с методологически правильной постановкой отдельных задач, точно так же, как и выбор языка описания, далеко не всегда являются самоочевидными. И хотя методологические дефекты не могут отменить или дискредитировать конкретные результаты, полученные в какой-то одной науке, входящей в состав невербальной семиотики, только методологически корректное объединение отдельных частных наук, выполненное на базе **единого метаязыка**, может поддерживать равновесие в рамках рождающейся и закрепляющейся прямо на наших глазах научной парадигмы и способствовать проникновению в новое знание, не укладывающееся в прокрустово ложе одной дисциплины. Целое, как это обычно бывает, оказывается больше суммы своих частей.

На вопрос известного американского психолога Р. Зайонца, есть ли что-нибудь общее между такими, внешне, казалось бы, совершенно разными, физиологическими действиями, как чесать голову, потирать руки, грызть ногти, переворачивать перед сном подушку, чтобы «была прохладной», и поцелуем, можно правильно и содержательно ответить (ответ, что всё это действия, совершаемые человеком, с формальной точки зрения, разумеется, правильный, но бессодержательный), только если имеется группа четких понятий, образующих целостную систему, и достаточно мощный язык, охватывающий все пространство невербальной семиотики и позволяющий устанавливать инварианты в объектах и структурах, сколь угодно разных с точки зрения «здорового смысла». Методологическая установка и общая ориентация настоящей книги на сопоставление невербальных единиц с вербальными нацелены именно на такие нетривиальные отождествления и аналогии.

Многие центральные проблемы невербальной семиотики и лингвистики нельзя решить иначе, как в рамках комплексного научного подхода. Среди этих проблем выделяю (1) осмысление общих программ и способов человеческого поведения (см., например, работы Винкин 1995; Джонсон 1987; Косниер и др. 1982; Косниер, Броссард 1984; МакНил 1979; Пайк 1967; Розенталь 1979; Сегештрале, Молнар 1997; Харпер, Вьенс, Матараццо 1978; Хинде 1974; Шерер, Экман 1982; Шиминоф 1980; Эйбл-Эйбесфельд 1972); (2) теоретические и практические описания различных особенностей конкретных моделей поведения, выявление вербальных и невербальных коррелятов передаваемых в процессе коммуникации значений и установление правил взаимодействия людей в диалоге (Армстронг и др. 1995; Бентал, Полхехемас 1975; Биркенбил 1979/1997; Бли-

нушова 1995; Болинджер 1983; Жинкин 1998; Кристал 1971; Кристал, Квирк 1964; МакНил 1992; Николаева 1972; Николаева 1973; Педелти, МакНил 1986; Пойатос 1993; Раттер 1984; Фонадь, 1982; Шаронов 1996; Шерер 1992; Эйбл-Эйбесфельд 1988); (3) формальный и семантический анализ невербальных знаков в их сопоставлении с языковыми знаками, в частности определение явных и обнаружение скрытых смыслов невербальных семиотических единиц различной природы, которые замещают или сопровождают естественно-языковые знаки в акте коммуникации (Биркенбил 1979/1997; Болинджер 1986; Винклер 1981; Голдшмидт 1974; Голдшмидт 1993; Грэхэм, Аржиль 1975; Дрэй, МакНил 1990; Зигман, Фельдштайн 1978; Кей 1975; Крессвел 1968; Ламб, Уотсон 1979; Леруа-Гуран 1964; Мехрабиан 1971; Поджи 1998; Тинг-Туми 1994; Хенли 1977; Экман, Фризен 1972; Экман, Фризен 1982); (4) собственно лингвистические, социолингвистические и психолингвистические аналитические разработки, направленные на распознавание по невербальным и вербальным ключам психологических состояний и эмоций людей, отношения человека к другим людям и к окружающему миру (среди огромного количества публикаций см., например, работы Вайн, Кранах 1975; Вежбицкая 1992а; Вежбицкая 1992б; Вежбицкая 1995б; Волек 1987; Данкэн 1969; Данкэн, Фиске 1977; Диттман 1972; Добрунова 1990; Дэвитц 1964; Дракман и др. 1982; Изард 1977/1980; Изард и др. 1984; Лац 1988; МакНил, Леви 1982; Потапова 1990; Потапова 1997; Фельдман, Райм 1991, а также серию работ Поля Экмана: Экман 1972; Экман 1973; Экман 1978; Экман 1982; Экман 1984; Экман 1992а, Экман 1992б;) (5) анализ способов отображения невербального поведения человека и элементов невербального языка в письменных текстах, в частности в художественной литературе (Бевингтон 1984; Бенсон 1980; Данов 1980; Изон 1988; Кассел, МакНил 1991; Кэшер, Фейн 1996; Латейнер 1995; Леви, МакНил 1992; Пойатос 1977; Пойатос 1992; Сина 1983; Филиппов 1975; Шелгунова 1979).

При написании данной книги автор, будучи по профессии лингвистом, по мере сил и возможности старался осмыслить, учесть и использовать наиболее важные идеи и результаты, которые были получены в самых разных, в том числе и весьма далеких от лингвистики, науках. Основное внимание при этом обращалось на те моменты, которые имеют непосредственное отношение к естественному языку и языку тела, а также к проблемам совместного существования и взаимодействия в акте общения невербальных и вербальных знаковых систем.

Общее строение книги и распределение материала по главам

Настоящая книга, помимо Введения, включает в себя восемь глав и Заключение. Содержание книги составили пять основных наук, входящих в невербальную семиотику: паралингвистика, кинесика, окулесика, гаптика и проксемика. Основной акцент при изложении фактического материала и его теоретическом осмыслении и комментировании делается на структурных и функциональных элементах, которые играют решающую роль в коммуникативном взаимодействии невербальных единиц с вербальными.

Распределение материала по отдельным главам таково.

В очень небольшой по объему главе 1 «Невербальная семиотика (общая характеристика)» дается общая характеристика базовых единиц и категорий подсистем невербальной семиотики, оставшихся за пределами настоящей работы, а именно эскизно описываются аускультация, гастика, ольфакция, хронемика и системология.

В главах 2 и 3, которые называются, соответственно, «Паралингвистика» и «Кинесика», уточняются некоторые понятия и термины этих важнейших разделов невербальной семиотики и вводится целый ряд существенных единиц, категорий, признаков и противопоставлений, на базе которых строятся новые или корректируются имеющиеся классификации невербальных единиц и по-новому интерпретируются отдельные конкретные невербальные факты и явления. Одной из центральных задач в этих главах я считал последовательное введение русского читателя в сравнительно мало известные ему области научного знания, имеющие непосредственное отношение к проблематике невербального общения, — в их историю, идейную основу, проблематику, в понятийный и терминологический аппарат. Поэтому некоторые разделы каждой из первых трех глав носят обзорно-аналитический характер.

Остальные главы монографии содержат оригинальные авторские исследования, которые посвящены основным подсистемам, составляющим невербальную семиотику, и важнейшим аспектам русской невербальной коммуникации.

В главе 4 представлены концептуальный, лингвистический и семиотический анализ двух основных параметров языковой и параязыковой систем — голоса и тона.

Основную часть главы составили способы языкового представления голосовых и тональных характеристик в русских письменных текстах. Раскрываются существующие противопоставле-

ния в системах голосов и тонов, выявляются структуры многозначности и приводятся значения слов *голос* и *тон*, а также ряда других лексических единиц русского языка, семантически с ними связанных. Определяются функции голоса и тона в отдельных типах фраз, речевых актах и речевой деятельности человека в целом. Рассматриваются различные стратегии, тактики и параречевые технологии ведения диалога. Особое внимание уделяется эмоциональным и оценочным компонентам в составе речевых актов различных типов и передаче их голосовыми и тональными паралингвистическими средствами.

В главе 5, посвященной отдельным проблемам кинесики, содержатся основания теории жестовой лексикографии и лексикографическое описание фрагмента русской жестовой системы в ее соотношении с естественным языком.

Обсуждаются назначение, идеология, структура и содержание объяснительных жестовых словарей, обосновывается необходимость включения в словарь жестов того или иного типа информации, рассматривается проблема распределения ее по зонам в пределах словарной статьи. Приводятся примеры конкретных словарных статей русских невербальных единиц из экспериментального словаря русских жестов, мимики и поз.

В главе 6 ставится и решается ряд актуальных теоретических и практических проблем, относящихся к окулесике — науке о языке глаз и визуальной коммуникации.

В этом разделе книги определяются и уточняются репертуар, формальное устройство и значение русских глазных кинем, исследуются роль и функции языка глаз в коммуникации людей, анализируется ряд культурных концептов, передаваемых взглядами, формулируются некоторые правила визуального поведения в русской невербальной культуре и русской коммуникативной традиции.

Объектом рассмотрения в главе 7 является гаптика — наука о языке касаний и тактильной коммуникации. Речь в ней идет о категориях, функциях и формах человеческих касаний. Вводится ряд существенных различий и противопоставлений в системе гаптики и на базе вводимых дифференциальных признаков строится типология невербальных актов касаний и осязаний. Кроме того, анализируются основные смыслы, которые могут передаваться разного рода касаниями в интерактивном общении, указываются способы их невербального кодирования в русском языке тела. Характеристика тактильных единиц дается в сопоставлении с русскими глагольными лексемами, обозначающими касание и осязание. Описываются стереотипы тактильного поведения человека. Анализируются некоторые

случаи конкуренции зрения и осязания. Строится типология коммуникативных ситуаций, в которых тактильным знакам отводится ведущая роль.

Материалом главы 8 послужили единицы и категории проксемики — науки о коммуникативном пространстве и о том влиянии, которое это пространство оказывает на невербальное и вербальное поведение человека. Основные проблемы, которые ставятся и решаются в этом разделе книги, — это уточнение существующих и введение новых понятий и категорий проксемики, построение типологии пространственных параметров, которые определяют способы ведения диалога, выявление важных особенностей и формулировка отдельных правил проксемного поведения, свойственного русской и некоторым другим культурам.

В **Заключении** подводятся общий итог проделанной работы, отмечаются некоторые существенные «белые пятна» в невербальной семиотике и возможные пути их устранения.

Текст настоящей книги можно рассматривать и как целостную, законченную монографию, и как основу для ряда учебных университетских и школьных курсов, в частности «Невербальная семиотика» и «Теория и практика невербальной коммуникации». Книгу можно также использовать в качестве пособия для дополнительного чтения по самым общим научным дисциплинам — например, таким как «Семиотика», «Введение в языкознание», «Культурология», «Риторика», «Антропология», «Социология» или «Психология». Теоретический материал, разобранные примеры и выводы предположительно могут быть учтены при написании монографий и учебников по невербальной семиотике и теории коммуникации, при обучении русскому языку иностранцев и решении других лингводидактических задач, а также при создании систем автоматической обработки информации. Книга может оказаться полезной и при составлении словарей невербальных и вербальных языков. Выводы и результаты, относящиеся к невербальному коммуникативному поведению людей, могут быть использованы театральными режиссерами и кинопродюсерами в работе над, соответственно, сценическим и экранным воплощением письменных текстов пьес и киносценариев, а результаты исследования, относящиеся к лексикографии жестов и к закономерностям невербального поведения, возможно, заинтересуют представителей других наук, занимающихся проблемами челове-

ческой коммуникации, а также специалистов-практиков в сфере управления и бизнеса, медицины, юриспруденции, образования и пр. Наконец, анализ русских невербальных единиц и основных коммуникативных стратегий наряду с описанием специфических особенностей русского невербального диалогического поведения может оказаться полезным всякому человеку, который в устной коммуникации пользуется русским невербальным языком и который хотел бы за счет более глубокого понимания этого языка и повышения уровня языковой компетенции увеличить эффективность своего общения с другими людьми.

Некоторые пояснения

1. В большинстве глав параграфы для удобства читателя предв-
раются списком ключевых слов и словосочетаний.

2. Жирный шрифт используется в работе в трех функциях: для обозначения жестов, для выделения заголовков и указания наиболее важных понятий и идей, а курсив применяется для выделения языковых единиц (терминов, примеров и др.).

Благодарности

Я глубоко признателен всем своим коллегам из родного мне Института лингвистики (ранее факультета теоретической и прикладной лингвистики) РГГУ, без содействия и поддержки которых эта книга едва ли бы появилась.

Сердечную признательность я хотел бы выразить своему коллеге, учителю и товарищу Ю. А. Шихановичу, который своей стимулирующей энергией и действенной помощью, основанной на постоянном искреннем интересе к моей работе, в немалой степени способствовал ее написанию. Ю. А. Шиханович читал, комментировал и редактировал большинство глав книги, заставляя меня преодолевать природную лень и апатию и продвигаться вперед. Он существенно помог мне по ходу написания данной монографии исправить формальные и содержательные несуразности, логические некорректности и композиционные нестыковки.

Огромную благодарность и любовь я хотел бы выразить своим молодым друзьям и соавторам С. А. Григорьевой и Н. В. Григорьеву, с которыми меня связывает не только совместная работа над Словарем языка русских жестов.

Большое спасибо я говорю также тем моим друзьям, товарищам и коллегам, которые на разных этапах работы полезными обсуждениями отдельных проблем, соображениями и замечаниями особенно способствовали ее завершению, — А. Н. Барулину, В. А. Беликову, И. М. Богуславскому, О. Ю. Богуславской, Н. Г. Брагиной, М. Л. Бутовской, Е. Л. Гинзбургу, А. В. Гладкому, Анне А. Зализняк, Л. Л. Иомдину, А. А. Кибрику, А. Е. Кибрику, А. Д. Кошелеву, С. В. Кодзасову, М. А. Кронгаузу, С. А. Крылову, И. Б. Левонтиной, Т. А. Михайловой, М. Ю. Михееву, Т. М. Николаевой, В. И. Подлесской, Е. В. Рахилиной, Р. И. Розиной, В. П. Рудневу, О. Н. Селиверстовой, Е. В. Урысон, И. А. Шаронову, И. Б. Шатуновскому, А. Д. Шмелеву, Е. Я. Шмелевой, Т. Е. Янко и еще очень многим другим людям.

Огромное удовольствие я испытываю от того, что могу поблагодарить всех, бывших и нынешних, участников семинара по невербальной семиотике, студентов РГГУ и МГУ. Наше постоянное сотворчество, дружба и, надеюсь взаимная, любовь делятся уже 10 лет. Особенно признателен я нынешним аспирантам и своим бывшим студентам Т. Верещагиной, М. Даниэлю, А. Касьяну, А. Козеренко, О. Лавут, Ф. Минлосу, Е. Модель, А. Паниной, М. Самохину, Н. Фрид, М. Фрид, Е. Чувилиной и Ю. Шлезингер, некоторые из которых (А. Козеренко, М. Самохин, Н. Фрид и Е. Чувилина) стали моими соавторами. Все они своей порой жесткой, но всегда конструктивной критикой, дружескими советами и помощью безусловно внесли свой вклад в настоящую книгу.

Отдельно я хочу выразить свою искреннюю любовь и признательность Е. В. Падучевой и другим сотрудникам Отдела семиотики ВИНТИ (ныне — Отдел семиотических проблем информатики), с которыми мне посчастливилось работать в течение многих лет и у которых я всегда учился лингвистике и семиотике, а также двум замечательным руководителям двух замечательных Московских научных лингвистических семинаров — Н. Д. Арутюнову и Ю. Д. Апресяну. На заседаниях этих семинаров мне неоднократно предоставлялась счастливая возможность выступать с докладами по различным проблемам невербальной семиотики и лингвистики и получать изрядную долю вполне справедливых замечаний, убедительных возражений, ценных соображений и истинно дружеских советов.

Наконец, я хотел бы выразить бесконечную благодарность своей семье: маме А. Г. Крейдлиной, жене А. В. Крейдлиной и сыну Л. Г. Крейдлину, без которых не было бы не только книги, но и ее автора.

Глава 1

НЕВЕРБАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА

(общая характеристика)

В этой главе сначала перечисляются все наиболее крупные частные науки, из которых складывается невербальная семиотика, а затем дается очень краткая характеристика пяти подсистемам невербальной семиотики, оставленным за пределами настоящей работы.

1. **Паралингвистика** (наука о звуковых кодах невербальной коммуникации).

2. **Кинесика** (наука о жестах и жестовых движениях, о жестовых процессах и жестовых системах).

3. **Окулесика** (наука о языке глаз и визуальном поведении людей во время общения).

4. **Аускультация** (наука о слуховом восприятии звуков и аудиальном поведении людей в процессе коммуникации).

5. **Гаптика** (наука о языке касаний и тактильной коммуникации).

6. **Гастика** (наука о знаковых и коммуникативных функциях пищи и напитков, о приеме пищи, о культурных и коммуникативных функциях снадобий и угощений).

7. **Ольфакция** (наука о языке запахов, смыслах, передаваемых с помощью запахов, и роли запахов в коммуникации).

8. **Проксемика** (наука о пространстве коммуникации, его структуре и функциях).

9. **Хронемика** (наука о времени коммуникации, о его структурных, семиотических и культурных функциях).

10. **Системология**¹ (наука о системах объектов, каковыми люди окружают свой мир, о функциях и смыслах, которые эти объекты выражают в процессе коммуникации).

Современная невербальная семиотика, как можно видеть из этого списка, состоит из отдельных, но тесно взаимосвязанных дисциплин. Разные ученые, в зависимости от того, какой областью невербальной семиотики они профессионально занимаются и к каким общим философским и/или специализиро-

¹ Это название наше. в отличие от других наук, составляющих невербальную семиотику. здесь нет никакого хоть сколько-нибудь принятого названия

ванным научным школам себя причисляют, выделяют в качестве центральных то одни, то другие дисциплины и аспекты исследования. Так или иначе, два раздела невербальной семиотики всеми исследователями безоговорочно признаются основными. Это **паралингвистика** и **кинесика**.

Из указанных выше десяти наук далеко не всем уделяется равное внимание и далеко не все они изучены в равной степени. Основные разделы невербальной семиотики более «старые»; понятийный аппарат, теоретические подходы и методы исследования в таких областях, как паралингвистика и кинесика, наиболее разработанные. Наименее исследованными остаются пять разделов невербальной семиотики: аускультация, гасстика, ольфакция, хронемика и системология, — и это несмотря на то, что существует много разных областей человеческой деятельности, к которым соответствующие науки вполне применимы.

Именно здесь с особой остротой ощущается необходимость в языках описания самой деятельности и представления результатов, в теоретическом осмыслении сделанного, в новых перспективных идеях и в определении тенденций развития. Это, например, музыкально-певческая деятельность, отбор, структурирование и смысловая фильтрация речи в процессе ее восприятия, сурдопедагогика (для аускультации). Для гасстики — кулинарное искусство, врачебная деятельность, искусство приема гостей и обольщения людей, в частности путем ритуального приготовления любовных порошков или напитков (отвара из трав или, например, из «шпанских мушек», вина, коктейля и др.) — древние греки подобные напитки называли *филтра*. Ольфакцию интересует химическая и тепловая деятельность человеческого организма и их влияние на процесс коммуникации, практика речевого общения (запахи играют заметную роль, например, в коммуникации арабов, см. об этом, в частности, в работе Варгас 1986, с. 23—24), медицинская диагностика, поведение животных, парфюмерия, изучение языка цветов и искусство создания образов — имаджинология, или имиджмейкерство. Диалог на естественном языке, в частности ритмическое строение коммуникации и семиотика синхронной и асинхронной речи, синхронизация жестового общения, психотерапия и театральная деятельность — это предмет **хронемики**. Организацию пространственной среды («We shape our buildings, thereafter they shape us» — «Мы создаем наши дома, а затем они создают нас», как писал У. Черчилль), влияние экологии, архитектуры и дизайна и мебели на челове-

скую речь и коммуникацию в целом изучает проксемика. Язык украшений и язык одежды являются системами объектов, которые изучает системология.

Можно вспомнить, например, высказывание А. П. Чехова, который как-то заметил, что «для того, чтобы подчеркнуть бедность просительницы, не нужно тратить много слов, не нужно говорить о ее жалком несчастном виде, а следует только вскользь сказать, что она была в рыжей тальме». И современники великого русского писателя, по-видимому, прекрасно понимали, что кроется за «рыжей тальмой», за мало чем примечательной, простоватой по замыслу и исполнению длинной женской накидкой без рукавов. Говоря о языке одежды, можно назвать также специально изучаемое и развиваемое как танцевальный прием движение юбки в цыганских или испанских танцах, таких как фламенко, или знаковые манипуляции, совершаемые эфиопами с тогой. Напомним также в качестве примера символизм сочетания типа и цвета костюма в китайской культуре, в частности в классическом китайском театре. Например, возраст, социальное положение человека, вид деятельности или действия, совершаемые персонажем, его физическое или психическое состояние — все эти признаки передавались на сцене сложной комбинацией типа костюма, покроя, цвета: молодые герои носят светлую, чаще всего белую, одежду, а старые — темную, обычно темно-коричневую или черную; у бедняка вся одежда, включая головной убор, должна быть ветхой, покрытой заплатами; мандарин на сцене ходил в длинном, до пола, верхнем платье, а обувь у него должна была быть исключительно на высоких деревянных подошвах; по одежде особого покроя узнавался человек, собирающийся в путешествие, больной, военный, человек, только что поднявшийся после сна с кровати; различные движения рукавом одежды являются знаками привлечения внимания, выражения симпатии одного человека к другому, обозначали стыдливость, смущение и пр. (см. об этом подробнее Сорокин, Марковина 1988, с. 64—71). Язык веера, знаковые функции различных аксессуаров, в частности галстука, бабочки, шейного и носового платков или, например, бус, которые иногда надевают на себя греки-мужчины и которые по существующему в греческой культуре убеждению означают «отсутствие напряженности», парикмахерское искусство — все это также представляет интерес для системологии.

В дальнейшем я не буду касаться этих пяти очень молодых и совсем не разработанных областей невербальной семиотики — прежде всего потому, что сам ими почти не занимался (лишь в

последнее время мы на нашем еженедельном семинаре в РГГУ в рамках темы «Мода, язык и жест» начали изучение влияния различных видов одежды, отдельных аксессуаров и украшений на речевую и жестовую деятельность человека, а одна школьница, в то время учащаяся 10-го класса культурологического лицея № 1514 Н. Оганова, а ныне студентка, написала под моим руководством работу, представляющую собой семиотический комментарий к снятому ею самой видеофильму об искусстве танца фламенко). Укажу здесь лишь на некоторые, на мой взгляд интересные и полезные, публикации, непосредственно относящиеся к проблематике этих наук: Диттман, Левелин 1968; Джиббинс 1969; Кей 1982; Келли 1969; Мессинг 1960 (особенно с. 3 — 4, 558 — 560); Миллз, Аронсон 1965; Минц 1956; Райан 1966; Себеок и др. 1964; Сегештрале, Молнар 1997; Холл 1966 (см., например, описание «дружеского запаха» в среде арабов на с. 149 — 150); Эллис 1967; Эфрон 1941/1972.

В центре внимания настоящей книги оказываются, таким образом, пять наук — пять разделов невербальной семиотики: **паралингвистика, кинесика, окулесика, гаптика и проксемика.**

Глава 2

ПАРАЛИНГВИСТИКА

§ 1. ОСНОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ

Ключевые слова: паралингвистика, паралингвистический (параязыковой), единица, категория, система, параязык, центр паралингвистической системы, периферия паралингвистической системы, параметры звучания, квалификаторы, различители (дифференциаторы), альтернанты, коммуникация (общение).

Даже когда люди только говорят и не пользуются никакими другими знаками, в их распоряжении оказывается гораздо большее число голосовых элементов, чем реально содержится в данном речевом коде. Для реализации своих коммуникативных намерений люди нередко прибегают к параязыковым, или паралингвистическим, единицам.

Когда и кем был введен термин «паралингвистика», до настоящего времени в точности не известно. Некоторые исследователи, например М. Кей (Кей 1975), в этой связи называют 1954 год и фамилию Уэлмерс (Welmers). Более известна, однако, точка зрения Дж. Трэйджера (Трэйджер 1958), согласно которой термин «паралингвистика» впервые в научный обиход ввел А. Уилл, хотя сами параязыковые явления уже давно отмечались и изучались фонетистами. В вводных абзацах своей статьи Дж. Трэйджер говорит об отношениях между лингвистикой и паралингвистикой (с. 3—4) и довольно подробно рассказывает о дискуссиях и семинарах, которые проводились в США с 1952 года и на которых слушатели уже употребляли само это слово.

В отечественной традиции понятие и термин «паралингвистика» получили сразу несколько разных интерпретаций, от очень узкой до чрезмерно широкой. В качестве подтверждения сказанного назову вышедшую уже довольно давно книжку-брошюру Г. В. Колшанского (Колшанский 1974), которая так и называется «Паралингвистика» и где под этим словом имеется в виду обширная область знаний, вбирающая в себя чуть ли не все, что сегодня относят к невербальной семиотике в

целом. Определение термина «паралингвистика», как оно дается Т. М. Николаевой в Лингвистическом энциклопедическом словаре (Николаева 1990), отражает как раз обе крайние возможности — и узкое, и (сверх)широкое понимание.

Я не буду здесь делать обзор известных мне точек зрения на паралингвистику и подходов к ней, а скажу лишь, что придерживаюсь наиболее распространенного и, можно даже сказать, почти общепринятого определения. А именно: под **паралингвистикой** понимается наука, которая составляет отдельный раздел невербальной семиотики и предметом изучения которой является **параязык** — дополнительные к речевому звуковые коды, включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию².

В данной главе мне хотелось бы описать основные классы единиц и категорий паралингвистики — главным образом с целью уточнения понятий и терминов, которые понадобятся в дальнейшем.

Основные единицы паралингвистики разные исследователи называют по-разному, причем наиболее часто встречаются имена *параязыковые элементы (единицы), паралингвистические единицы, произносительные единицы и паралингвизмы*. Я буду пользоваться только первыми двумя терминами, поскольку в сочетании *произносительная единица*, как мне кажется, не учитывается двоякая — лингвистическая и паралингвистическая — роль произносительного средства. Термин *паралингвизмы* я вслед за Р. К. Потаповой предлагаю сохранить за невербальными средствами выражения **коннотативных сем** (см. Потапова 1997, с. 6—7).

Как и во всякой науке, в паралингвистике можно выделить **центр и периферию**.

В центр паралингвистической системы входят, например, (а) отдельные неречевые звуки, исходящие из ротовой и носовой полостей человека; (б) звуковые комплексы, которые возникают и принимают активное участие в разного типа физиологических реакциях и которые в акте коммуникации допускают конвенциональную семиотизацию, или означивание (то

² Кстати, как раз такое понимание и было с самого начала в целом характерно для нашей отечественной науки; см., например: Николаева, Успенский 1966, с. 63 и след.

есть приобретают особые контекстные значения; ср. насморк, кашель, плевки, икота, рыдание, свист и пр.); (в) голос и его постоянные качества, голосовые особенности актуально звучащей речи или игры голосом (фонации), а также (г) параязыковые просодические элементы, участвующие в процессе коммуникации и способствующие организации и передаче смысловой информации (то есть то, что можно было бы назвать *параязыковой просодикой*). К ним относятся, например, эмоциональное акцентное выделение слогов и более крупных фрагментов речевого потока, темп речевой реализации фраз при беглой речи или при скандировании, тональный уровень громкой, тихой и шепотной речи, длительность слога, например, при протяжной речи, продолжительность разделов между фонетическими синтагмами и пр. Важную роль в просодической реализации смысла играют также жесты и мимика, сопровождающие эмоциональные интонации, прежде всего при выражении субъективно-модальных (оценочных, экспрессивных и др.) значений. Например, при выражении недоумения, когда обычно реализуется ИК—6 с невысоким уровнем повышения тона (ср. *Куда он пропал? Просто понятия не имею*), плечи говорящего обычно подняты, руки разводятся в стороны, голова тоже слегка отводится в сторону. Таким образом образуются своеобразные интонационно-кинетические комплексы (о подобного рода единствах см. Муханов 1989, с. 11 и след.); (д) значимые молчания и паузы.

К периферии паралингвистической системы можно отнести вентрологические звуки и их параметры, звуки природы и различных механизмов или устройств, часто означиваемые и играющие далеко не последнюю роль в человеческой коммуникации; сюда же примыкает и просодика соответствующих звуковых последовательностей. К периферии паралингвистической системы принадлежат также разнообразные звуки или звуковые последовательности, возникающие во время действий человека с какими-то природными объектами и артефактами (например, звук от пощечины, звуки аплодисментов, звук от удара кулаком о стол в ситуации, когда, например, человек рассердился, или стук в дверь при входе в дом), а также звуки, возникающие от его контакта с человеческим телом, как со своим собственным, так и с чужим.

Особенность всех паралингвистических средств заключается в том, что они, хотя и не являются речевыми и не входят в систему естественного языка, в значительной степени организуют и определяют коммуникативный акт. Лишь крайне небольшое число устных речевых сообщений способно стать фактом

человеческой коммуникации без какого-либо паралингвистического сопровождения: паралингвистические средства в той или иной мере представлены в каждом устном высказывании. Почти со стопроцентной обязательностью присутствуя в речи, эти средства отличаются несистемностью и нерегулярностью своего реального воплощения. Вот один лишь пример: при произнесении русских вопросительных предложений определенного семантического типа, скажем частных вопросов со словом *какой*, требуется строго фиксированный интонационный контур (Крейдли, Рахилина 1984), между тем как тип модальной и тембровой окраски высказывания остается неопределенным и в принципе может быть любым. Если тип интонации — это факт речи и языка, то характер модальной и тембровой окраски — факт, лежащий «около лингвистики», то есть паралингвистический (греч. *para*, собственно, н означает «около»).

Вслед за Фернандо Пойатосом (Пойатос 1993), одним из наиболее авторитетных зарубежных специалистов в области семиотики, антропологии и теории коммуникации, мы выделяем **четыре основные паралингвистические категории** — **параметры звучания**, **квалификаторы**, **различители (дифференциаторы)** и **альтернанты**. Состав этих категорий, каковым мы его видим, однако, отличен от того, что указан Ф. Пойатосом. Впрочем, и приводимый нами список достаточно условен — во многом из-за пока еще недостаточной разработанности и изученности огромного числа самих параязыковых единиц. Он не обладает желанной четкостью состава и границ; во всяком случае, предлагаемый ниже перечень паралингвистических категорий ни формальным исчислением, ни классификацией не является.

1.1. Параметры звучания

Параметры звучания (*primary qualities*, по Пойатосу) — это не упорядоченные в систему основные **составляющие (признаки и их комбинации)** человеческой речи и неречевых звуков, выполняющие коммуникативную или эмотивную функцию.

К параметрам звучания относятся, например, мелодика интоном, градации интенсивности звука, длительность пауз и слогов, темп, ритм, высота тона и др.

Разные характеристики звучания могут быть обусловлены разными причинами:

(а) **биологическими**.

Например, у мужчин обычно более низкий тембр голоса, чем у женщин; у стариков в норме голос тише, чем у молодых,

а речь более медленная. Детские голоса, как правило, более высокие, чистые и мелодичные, то есть более звонкие, чем голоса взрослых; кроме того, у детей в норме высокая скорость речи и пр.

(б) психологическими.

Так, у людей, находящихся в состоянии явно выраженной депрессии, интонация однообразная, а речь монотонная; у человека в состоянии крайнего волнения — причем у женщин это проявляется в большей мере, чем у мужчин, — под влиянием эмоционального воздействия голос в разговоре *дрожит*, часто становится громче обычного, доходит до крика и, как говорят по-русски, *срывается* или *рвется*. По данным работы Ньюман, Мавер 1938, речь людей в состоянии депрессии отличается от обычной речи своими резонансными характеристиками и пониженным темпом.

Находит свое последовательное отражение в характеристиках речи и актуальное эмоциональное состояние человека (см. об этом подробно в главе 4). Было, в частности, обнаружено, что пиковые величины высоты звука присущи выражениям горя и любви, что крайние значения громкости отличают презрение и ярость, а резко сниженный по сравнению с нормой темп речи свидетельствует о безразличии, индифферентности говорящего к теме беседы или к событиям, происходящим вокруг него. Некоторые психологические состояния, такие как раздражительность, нервозность или счастье, распознаются нами в акте коммуникации по голосу легче, чем другие, скажем, такие как страх или удивление. Данное обстоятельство, по-видимому, в известной степени связано с тем, что человеческие проявления страха и удивления могут сдерживаться и даже подавляться (ср. нормальные сочетания *сдержанное удивление*, *подавить страх* и аномальные **сдержанная нервозность*, **подавить счастье*). Узнать о том, испытывает ли наш собеседник в данный момент эти эмоции, нередко бывает довольно сложно, и здесь обычно не помогают ни голос, ни жестовое поведение. Например, некоторые ученые, в частности Флора Дэвис (см. Дэвис 1973, с. 51 и след.), напрямую связывают нервное поведение человека с такими жестами и движениями, как облизывание языком губ, потирание глаз, произвольные движения корпуса, в частности произвольные подергивания плеч. Однако даже эти движения и жесты не говорят однозначно о нервном состоянии человека

Лабиализация в венгерском языке, согласно данным работы Фонадь, Маглич 1963, является одним из средств выражения «нежности»: особые тональные элементы тесно связаны с

определенными испытываемыми эмоциями. В серии экспериментов, описанных в работе Фэрбэнкс, Проновост 1939, профессиональные актеры, которые были скрыты от глаз испытуемых, читали им вслух один и тот же отрывок разными тонами, соответствующими, по их мнению, чувствам сожаления, страха, гнева, печали и безразличия. И слушающие смогли распознать эти чувства с довольно высокой точностью, варьирующейся от 88% для безразличия до 66% для страха.

Такой важный признак, как психологический тип личности, тоже имеет устойчивые корреляции с речевыми параметрами. Так, громкость и скорость речи у людей-экстравертов обычно выше, чем у интровертов; отличаются эти люди друг от друга и манерой говорения.

(в) физиологическими.

Примером влияния физиологических факторов является возрастная ломка голоса у юношей. А вот еще примеры. У людей с насморком речь, как правило, бывает с носовым резонатором; при отсутствии полного смыкания связок снижается громкость голоса, появляются сиплость, хрипота. Известны также особые свойства голосов у людей, которые перенесли операцию на горле типа трахеотомии, или у людей с аномальным строением нижней челюсти, например с микрогнатией, то есть ненормально маленькой челюстью. Существуют особые признаки звучания, определяемого Ф. Пойатосом как спастическая афония (Пойатос 1993, с. 206), — речевая патология, заключающаяся в нерегулярном чередовании голоса с шепотом или совмещении одного с другим.

(г) социальными.

У людей, занимающих более высокое место на социальной иерархической лестнице, при разговоре с людьми ниже их рангом темп речи обычно более медленный, чем у их собеседников; речь у священников, читающих проповедь, как правило, размеренная и спокойная; голос врача при разговоре с пациентом часто бывает резким, отрывистым, в особенности когда сопровождает команды типа «Раздевайтесь», «Покажите язык» или «Встаньте» и др. Существуют особые социальные типы голосов, см. об этом подробнее ниже в главе 4;

(д) национально-этническими и культурными.

Согласно данным, полученным из научных источников (см., например, Кочман 1981), и по моим собственным наблюдениям, сделанным во время пребывания в США, у чернокожих афроамериканцев звук в норме более сильный и полный, чем у белых «англосаксонских» американцев. Современным историком и лингвистом, известным специалистом по семито-

хамитским языкам и социально-языковой ситуации в современном Израиле И. Гринфельдом отмечено (в устной беседе со мной), что населяющие Израиль евреи-сефарды в общей своей массе говорят на иврите более медленно, словно растягивая слова, по сравнению с ашкеназийскими евреями. У англичан особая палатализация звука отмечена как модификация, свойственная усердным, но малообразованным работягам (*eager-beavers*), занявшим довольно высокое социальное положение и считающим палатализацию элегантным украшением речи, — подобно тому, как это делают носители некоторых диалектов на востоке США. Между тем в современной Чехии, как отмечает М. Кей (Кей 1975), палатализация в качестве паралингвистического средства экспериментально зафиксирована как характерная для первых слов чешских детей и, видимо, представляет собой особый экспрессивный фонетический элемент. Во французском и польском назализованные гласные являются элементом структуры языка, а в русском и английском назализованные гласные встречаются только в параязыке, например в так называемой сюсюкающей речи или словах ненависти, в ироничной и саркастической речи, в стилизованной речи определенных молодежных групп, в речевой коммуникации воров и бандитов. Назализация характерна и для речевого звука, напоминающего звук от натянутой струны, того, что по-английски называется *nasal twang*; этот звук часто встречается в речи американца — типичного представителя «глухой провинции» (*hillbilly*), см. об этом также в книге Кей 1975.

(е) **жанрово-стилистическими.**

Существуют особые звучания, отличающие саркастическую или ироническую речь, то есть передачу некой позитивной информации при звуковом или интонационном выражении отрицательного отношения говорящего к кому- или чему-либо. Другим примером жанрово-стилистической характеристики звучания служат выражаемое голосом подтрунивание или добродушная насмешка над человеком, к которому говорящий хорошо относится. Подтрунивание — это изложение негативного содержания положительным тоном, отрицательная оценка кого- или чего-либо, непосредственно выражаемая в тексте, или скрытая оценка, заключенная, например, в речевых актах осуждения и критики, но передаваемая в речи смягченными звуками, особым теплым тоном; см. об этом также в главе 4.

(ж) **прагматическими.**

Скорость (например, потеря обычной беглости речи или, наоборот, ускоренная речь), тембр и общая тональность речи,

особенности качественной характеристики отдельных звуков и структуры речевого потока в целом, применение специальных паралингвистических средств и тактик коммуникативного речевого поведения (паузы, речевые колебания и фонации, речевые пропуски и ошибки, редуцированная или, напротив, чрезмерно высокая вербальная продуктивность, отличительные звуковые, голосовые и тональные признаки, свидетельствующие о переходе от одного семиотического кода к другому, параллельное использование вербальных и невербальных единиц, особые условия и способы передачи коммуникативного речевого хода от одного лица к другому и еще очень многое другое) отличают истинную речь от лживой. Выявление и описание паралингвистических диагностических параметров, которые позволяют с той или иной степенью вероятности устанавливать факты сознательного обмана или случайного заблуждения говорящего, построение специальных методик и организация разрешающих процедур обнаружения речевых уловок, хитростей и лжи сегодня составили отдельную, исключительно важную в социальном отношении область паралингвистических исследований — «паралингвистику лжи»; достаточно хотя бы указать на такие сферы возможного применения полученных в этой области результатов, как бизнес, в частности ведение деловых переговоров, политика, торговля, риторика, образование и очень многие другие.

1.2. Квалификаторы

К **квалификаторам** относятся разнообразные по своим свойствам и обычно вызываемые человеком сознательно звуковые **эффекты** — дополнительные к речи модификаторы, направленные на достижение определенной коммуникативной цели.

Замечание. Сразу же отмечу, что один и тот же параязыковой элемент может в одном речевом контексте быть квалификатором, а в другом, например, различителем (см. ниже раздел 1.3), так что описываемые паралингвистические категории, разделяемые функционально, — это, как я уже говорил, пересекающиеся классы.

Появление квалификаторов в коммуникативном акте обусловлено множеством биологических и иных причин, которые пока не поддаются полному и непротиворечивому исчислению, — от особенностей устройства воздушных путей и прохождения по ним воздушного потока до анатомического строения

органов производства звука и степени их мускульного напряжения при артикуляции. Так, назальный звук может появиться в речи не только благодаря специальным фонетическим приемам, каковые отмечены выше, но и быть генетически врожденным звуком, возникающим из-за особого строения носовой перегородки. Голос может быть скрипучим, так сказать, сам по себе, благодаря определенным физиологическим особенностям, например аномалиям в строении речевого аппарата, а может становиться скрипучим в актуальной речи, если его владелец намеревается с помощью такого голоса выразить презрение к собеседнику или хочет поиздеваться над ним. В главе 4 мы еще вернемся к разного рода голосам и выражаемым ими смыслам.

К квалификаторам принадлежат также звуковые эффекты и функции шепотной, часто интимной, речи или, например, жесткого голоса, образуемого за счет колебаний нижней челюсти или ее сильного выпячивания.

1.3. Различители (дифференциаторы)

Третья паралингвистическая категория — это **различители**, или **дифференциаторы**. Различители представляют собой паралингвистические конструкторы разной природы, объединяемые, как следует из названия, функционально. Среди них выделяются следующие типы — в зависимости от того, что именно конструкторы различают:

(а) **звуки, различающие модели поведения** или отдельные **компоненты моделей**, в которых эти звуки являются неотъемлемым и важным составным элементом. Примерами различителей данного типа могут служить вздохи, зевота, кашель, плач, рыдания, свист, смех, шмыганье носом, икота и многие другие. Некоторые из перечисленных поведенческих форм и связанные с ними звуки и звуковые эффекты играют решающую роль в коммуникации межличностных отношений и в выражении актуальных эмоциональных состояний; ср. плач и рыдания в горе, звуки смеха при реализации позитивных или негативных отношений социального плана, например смех лести или подхалимажа, смех при снятии нервного напряжения (смех радости или облегчения), насмешка над собеседником и др.;

(б) разного рода **патологические звуковые варианты**, то есть **звуки, свойственные больным и не характерные для людей здоровых**. ср. плач невролика, истерический плач и крики, ры-

(в) паралингвистические звуковые и голосовые средства, **регулярно соотносимые с обманом, манипуляцией или языковой игрой**, например особая манера произнесения отдельных слов и высказываний, игра голосом (см. ниже главу 4, где подробно разбираются соответствующие примеры);

(г) звуки, **различающие физиологические реакции** самых разных функциональных типов: физические (например, звуки сильно бьющегося сердца), химические (урчание в животе), дерматологические (потирание кожи и звуки от этого, звуки при шелушении кожи), термальные (высокая температура, сопряженная со стонами) и пр.

1.4. Альтернанты

Еще одна паралингвистическая категория, **альтернанты**, — это противопоставленные нормативным речевым **одиночные неречевые звуки** и комбинации звуков, встречающиеся в коммуникации либо изолированно, либо вместе с речью. К альтернантам принадлежат так называемые кинетико-голосовые формы типа горловых прочисток, щелчков, фарингальных и ларингальных ингрессий и эксгрессий (то есть, соответственно, входа воздуха в легкие и выхода воздуха из легких). Альтернанты — это, например, шипение и сипение, звуки, возникающие при всасывании воздуха, звуки — заполнители пауз *зм*, *мм*, *э-э* и т.п., звуки, извлекаемые при замкнутых зубах или широко открытом рте, звуки от трения и тысячи других. Каждый язык и каждая культура обладают колоссальным числом альтернант, которые образуют своеобразный лексикон и постоянно участвуют в коммуникации.

Альтернанты характеризуются тем, что, во-первых, большинство из них обладают лексической и системной значимостью, а потому несут определенную смысловую и функциональную, прежде всего регулятивную, нагрузку при диалогическом взаимодействии. Ср., например, звук глубокого выдоха, обозначающий физическую усталость, или звук «тяжелого» вдоха, обозначающий, в частности, нечто вроде психологической усталости от невзгод и тяжелой жизни или означающий, что «все плохо» (в этой связи можно вспомнить историю-анекдот о том, как двое мужчин едут в купе поезда, какое-то время молчат, а потом вдруг оба по очереди глубоко вздыхают. И тогда первый из пассажиров произносит: «Ну, что, может быть, уже хватит нам говорить о политике?»). разнообразные «мычания».

точного выражения мысли или выигрыша им времени для планирования речи, о чем писал, в частности, наш замечательный психолог Н. И. Жинкин (Жинкин 1998, с. 146—152) и др. Во-вторых, альтернанты постоянно пополняют словарь естественного языка, ср. появление в русском языке междометий *гм*, *брр*, *уф* и др.³ В-третьих, альтернанты играют важную роль в эволюции коммуникативных процессов, а также разработке стратегий и механизмов коммуникативного взаимодействия (ср., например, звуки, отражающие передачу коммуникативного хода партнеру по диалогу).

§ 2. ПЕРИФЕРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА. АДАПТОРЫ

Ключевые слова: параязык, паралингвистика, невербальный, система, периферия паралингвистической системы, паралингвистический, единица, категория, адаптор, адаптор тела, волитивный, неволитивный, самоадаптор, адаптор-объект, коммуникация (общение).

Остановлюсь теперь на отдельных периферических паралингвистических средствах, в частности на негорловых звуках, которые могут возникать в ходе диалогического взаимодействия людей или при выполнении человеком каких-то действий с тем или иным материальным объектом — человеческим телом или предметом.

Комплексы из звуков, возникающих от действий с материальными объектами или над ними, и самих объектов — источников этих звуков (включая человеческое тело и звуки, возникающие от манипуляций с ним или над ним), которые принимают участие в акте актуальной коммуникации и во вполне определенных ситуациях **семантизируются**, или **означиваются**, получили название **адапторов**. Термин «адаптор» применительно к анализу невербальной коммуникации был впервые, по-видимому, введен в работе Экман, Фризен 1969, в которой он, однако, означает нечто иное, чем у нас: у П. Экмана и У. Фризена адаптор — это не комплекс, а исключительно материальный объект, по сути дела отделенный от производимых с его участием звуков. О некоторых особенностях адапто-

³ Функции, семантика и синтаксис многих из таких междометий были описаны Н. Р. Добрушиной (Добрушина 1995) в ее кандидатской диссертации, выполненной под моим руководством.

ров и связанных с адапторами жестов речь пойдет подробно в главах 3 и 5 настоящей книги. А здесь лишь отмечу, что с точки зрения внутренней природы все адапторы можно разделить на два основных класса: **адапторы тела** (или собственно адапторы, а также — к сожалению, в литературе встречается и такое, малоудачное на наш взгляд, словоупотребление, — **адапторы**). Я предпочитаю далее пользоваться терминами *адапторы тела* (реже, *собственно адапторы*) и *адапторы-объекты*, оставляя термин *адапторы* только как родовой.

2.1. Адапторы тела

Адапторы тела представляют собой способные приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям, то есть адаптивные, формы коммуникативного поведения людей. Это комплексы, состоящие из совершаемых в коммуникативном акте **самостоятельных знаковых движений тела или с телом человека** (см. Верещагин, Костомаров 1981, с. 37) и звуков от этих движений и функционально ориентированные, прежде всего, на партнера по коммуникации. К адапторам тела относятся, например, звуки, обязанные своим происхождением таким движениям и жестам, как похлопывание по плечу, топание ногой, аплодисменты (рукоплескания), поглаживание, щелчок, шлепок, удар, пощечина и пр. (более формально, адаптор тела — это комплекс типа «пощечина и звук от этого движения», «топание ногой и соответствующий звук» и т.п.).

Адапторы тела могут изменять смысл вербального сообщения, добавочно квалифицировать его, уточнять и даже полностью замещать словесное высказывание. Когда человек находится, например, в состоянии ярости, он может **сжимать зубы** или **скрежетать зубами**. Убеждая со страстью адресата, что именно он сделал нечто, мужчина иногда **бьет себя в грудь** («я, я это сделал»). Мы даем **пощечину**, чтобы унижить, а не наказывать, как нередко ошибочно полагают, другого человека, выражая таким образом ему свое презрение, и, наоборот, часто защищаемся **пощечиной** от полученного унижения или оскорбления, ср., например, *Она оказалась не в силах достойно вынести свалившееся на нее презрение и равнодушие мужа, и даже прежняя ее школьная ориентация защищаться пощечиной от оскорбления не вернулась к ней (Л. Петрушевская)*, но хлещем по щекам в наказание за очень серьезный проступок. Мы **разбиваем сцепленные кисти рук** — свою и партнера — при заключении пари, извлекая при этом характерный звук, и т.д. Во всех

этих и подобных случаях выполняются коммуникативно значимые жестовые действия с использованием адапторов тела, и звук в этих действиях играет заметную смысловую роль.

Адапторы тела можно разделить на два класса: **волитивные**, или намеренные, и **неволитивные**, вынуждаемые (например, вынуждаемые толпой). Волитивные и неволитивные адапторы тела в акте коммуникации могут восприниматься и интерпретироваться по-разному в зависимости от того, исполняются соответствующие движения сразу двумя (или более) партнерами по коммуникации или только одним из них; ср. жесты **обнять кого-либо**, выражая при этом участие, симпатию или любовь к адресату жеста, ср. *Раз вечером, когда она вошла оправлять ему постель, он подошел к ней и обнял ее за плечо. Она с испугом взглянула на него и, покраснев, прошептала: «Отойдите»* (И. Бунин. «Таня»), и **объятие** (взаимный жест приветствия⁴, осуществляемый обычно с характерным звуком хлопка).

В смысловом отношении адапторы тела тоже весьма разнообразны. Их коммуникативное и смысловое назначение — начинать и завершать невербальное взаимодействие в актуальном акте коммуникации (ср. жест **хлопать рукой** <при рукопожатии> и звук **хлопок** — для одной из разновидностей рукопожатия при приветствии, жест **воздушный поцелуй** на прощанье). Кроме того, адапторы тела выражают разнообразные чувства и отношения между партнерами (ср., например, **гладить** <рукой> при выражении ласки, **хлопать по плечу** в знак одобрения), обозначают агрессию и готовность к обороне и пр.

Особый подкласс адапторов тела образуют **самоадапторы**. Самоадапторы — это и звуки, которые человек извлекает из разнообразных действий с собственным телом, и объекты, каковыми являются части тела, участвующие в производстве таких звуков. Действия человека могут быть при этом проинтерпретированы адресатом как (а) осознанные поведенческие акты, целью которых является передача ему той или иной информации, или как (б) спонтанные поведенческие акты или неконтролируемые действия, выдающие испытываемые говорящим чувства. Кроме того, действия человека с телом могут осмысляться как (в) знаковые свидетельства и демонстрация отношения человека к адресату или предмету сообщения.

⁴ Жестовые объятия далеко не всегда бывают приятными. Ср. *Заранее расставленные для объятий руки почему-то всегда раздражают. Ты чувствуешь, что тебя принуждают к лицедейству. Чтобы соответствовать миру, танцующему в глазах пьяного человека, ты как бы в самом деле должен пускаться в пляс. И потом эти широкие объятия, идущие на тебя, одновременно означают: обниму и не пушу* (Ф. Искандер. «Табу»).

Приведу примеры самоадапторов. Внезапные частые подпрыгивания на месте в сочетании с улыбкой, хлопанием в ладоши обозначают «сильную радость, ликование», а энергичное похлопывание <себя> по животу передает идею «сытости». С силой обхватывают руками голову и даже иногда стонут, находясь в отчаянии. Когда человек постукивает кулаком по лбу, затем по дереву и после этого показывает на адресата, он демонстрирует как данной жестовой последовательностью, так и производимыми при ее реализации звуками, что считает самого адресата или только что совершенные адресатом действия глупыми (о связи смыслов «деревянный» и «глупый» см. в нашей статье Крейдлин 1990). Мгновенное принятие человеком решения иногда маркируется звонким шлепком рукой по бедру или ляжке, а то, что человек получил удовольствие от игры актеров, может выражаться аплодисментами разной силы и длительности. Во всех приведенных примерах наличие самоадапторов очевидно.

К самоадапторам примыкают звуки, производные от разнообразных действий, совершаемых человеком с одеждой и другими артефактами. Это своеобразные проекции тела на окружающий мир; они, строго говоря, занимают промежуточное положение между первым и вторым типом адапторов. В круг самоадапторов-звуков входят скрип половиц при хождении по дому, шелест платья, стук от каблуков, шум от башмаков и многие другие. Все они являются чрезвычайно красноречивыми элементами текста, не только насыщая текст дополнительными смыслами, но и украшая его.

Использование самоадапторов в живой бытовой речи зависит от того, какой степенью свободы обладает человек, в частности может ли он в конкретной коммуникативной ситуации трогать себя и принимать те или иные позы, способен ли выполнять определенные действия (например, может ли человек стоять или ходить с руками, сомкнутыми сзади в запястьях, может ли чесаться или открыто, не стесняясь слез, рыдать и плакать, свободен ли он кашлять или должен подавлять кашель, чтобы, к примеру, не разбудить спящего ребенка). Иными словами, крайне существенно, обладает ли человек возможностью, а также внешней и внутренней свободой выставить в данном коммуникативном акте действия со своим телом на обозрение.

Самоадапторы и степень свободы их употребления различаются по культурам, географическим районам, функциям, физическим, психическим и социальным признакам, таким как

этнос, раса, возраст, пол, здоровье, актуальное психическое состояние, статус, степень знакомства, отношение к другому лицу и многим другим.

2.2. Адапторы-объекты

Второй класс адапторов составляют **адапторы-объекты**. К адапторам-объектам принадлежат используемые в процессе коммуникации комплексы, состоящие из предметов и звуков, **возникающих во время действий человека с такими предметами**; ср. звуки барабанной дроби, стук в дверь или окно, шуршание шерстяного одеяла, сопровождающего жесты смерти у индусов (Кларк 1885, с. 412), звук хлопающей двери, царапанье, легкое постукивание пальцами по столу и сотни других.

Через посредство адапторов-объектов часто раскрываются семиотически важные свойства данной культуры или коммуникативного акта. Такова, например, барабанная дробь, вслед за которой или вместе с которой звучат фанфары, возвещающая о начале торжественного мероприятия, ср. также семиотическую значимость в известных ситуациях боя часов или курантов, перестукивания или звука от разбиваемой о борт корабля бутылки шампанского.

С помощью адапторов-объектов могут устанавливаться постоянные и переменные качества и черты характера исполнителя движения или жеста (например, быстрое постукивание пальцами по столу может говорить о нетерпеливости жестикулирующего, а непрерывные шаги взрослого человека по комнате свидетельствуют о его волнении или нетерпеливом ожидании кого-то), обогащаются в смысловом отношении передаваемые в процессе общения словесные сообщения. Вспомним в этой связи символическую значимость в нашей культуре звука ночных шагов по лестнице, символику шума от разбиваемой сознательно посуды, контекстную символизацию стука в дверь или в окно. Так, перед тем как войти в дом, мы обычно звоним или стучим в дверь, а, например, в ряде деревень, где живут американские индейцы, стук считается весьма грубым поведением по отношению к хозяевам и может повлечь за собой крупные неприятности для стучащего: там человека надо вызывать голосом. Стереотипным образом, но по-разному осмысляются и оцениваются в русской культуре легкий и тяжелый стук в дверь, по-разному означиваются стук в дверь сомкнутыми в кулак костяшками пальцев и более громкий и явно менее приятный стук в дверь кулаком. *Колотить в дверь* —

это совсем не то же самое, что *стучать в нее, постучаться* (= *постучать в дверь*, скорее всего, костяшками пальцев) не то же, что *дубасить* (если рукой, то только кулаком!).

К типичным адапторам-объектам относятся комплексы, в которые входят участвующие в коммуникации материальные предметы, непосредственно связанные с телом говорящего и предназначенные для защиты тела и удовлетворения разных других телесных потребностей. Например, это предметы, помогающие телу в повседневных бытовых ситуациях и даже оказывающие определенное влияние на поведение человека: одежда (или ее отдельные аксессуары), обувь, предметы туалета, украшения и пр. Особое значение для коммуникации имеют очки, пуговицы, носовые платки, галстуки, ордена, зонты, ботинки, шляпы, сумочки и некоторые другие предметы: несмотря на то что с помощью перечисленных вещей человек по большей части выполняет безотчетные и подсознательные действия, в каком-то конкретном акте коммуникации действия человека с ними могут быть проинтерпретированы адресатом как осознанные. Например, во время беседы говорящий может чисто машинально, просто в силу привычки, тереть пуговицы пальто или костюма или постоянно открывать и закрывать сумочку, однако адресат волен счесть такие движения как свидетельствующие о волнении говорящего или о его нетерпении.

Подведу некоторые итоги.

Коммуникативное, в частности голосовое, поведение человека — это не только адресованное собеседнику повествование человека о себе самом, то есть о том, кто он есть вообще, в каком состоянии сейчас находится, какие испытывает чувства или что делает или готовится сделать, но и направленная адресату просьба или команда, в которой говорящий сообщает о том, как он хочет, чтобы воспринимали его и, возможно, его окружение. Человеческое ухо, как известно, способно при этом различить сотни тысяч звуков голоса, из которых лишь несколько тысяч принадлежат естественному языку. Большинство голосовых единиц, используемых в параязыке, употребляются и в самом языке, но есть такие единицы, которые, насколько лингвистике сегодня известно, не встречаются ни в одной языковой системе. Человеческий голос производит много звуков, не входящих в систему языка, но означаемых в процессе коммуникации и образующих фонд паралингвистики. Эти звуки вызваны, прежде всего, способом и манерой гово-

рения, качеством голоса и тона, просодикой, то есть тем, как нечто сказано и зачем это сказано. Помимо чисто голосовых элементов в центре внимания паралингвистики находятся также сложные кинетико-голосовые формы и означиваемые в акте коммуникации разнообразные физиологические реакции, осуществляемые при непосредственном участии голоса, а также некоторые природные и другие звуки, в частности звуки, возникающие от манипуляций человека с предметами разных типов, включая человеческое тело (адапторами).

Физические элементы параязыка делятся на **независимые** <от речи> и **дополнительные** <к ней>. Примерами первых являются **различители** и **альтернанты**: свист, смех и др. Вторые были названы **квалификаторами** — они изменяют и расширяют артикуляцию, меняя тем самым качество речи (ср. хмыканье *Ха*, *Хм*, огрубление голоса, гнусавость).

В этой главе больше внимания было уделено основным аспектам паралингвистики, которые связаны с невербальными единицами — **кинемами**. Между тем параязык, разумеется, связан не только с невербальными коммуникативными кодами, но **прежде всего с языком и речью**, о чем мы еще поговорим более подробно дальше в главе 4.

Глава 3

КИНЕСИКА

§ 1. ВВЕДЕНИЕ

Ключевые слова: кинесика, язык тела (body language), жест, жесты рук, жесты ног, мимические жесты, позы, жестовые языки, искусственные жестовые языки, тайные жестовые языки, ритуальные жестовые языки, жестовые диалекты, территориальный, профессиональный.

Кинесика, понимаемая — в широком смысле слова — как наука о языке тела⁵ и его частей, наряду с паралингвистикой является центральной областью невербальной семиотики. Иногда кинесику отождествляют с техникой тела, включая в нее также незнакомые движения (термин *техники тела* «techniques du corps» принадлежит, по-видимому, М. Моссу, см. Мосс 1935/1996, с. 242—263). Однако все же подавляющее большинство исследователей склоняются к более узкому пониманию кинесики, считая ее учением о жестах, прежде всего жестах рук. Кроме того, объектом кинесики являются мимические жесты, жесты головы и ног, позы и знаковые телодвижения (в дальнейшем, если не будет особой необходимости эти единицы различать, я буду называть их для краткости просто жесты).

При том понимании кинесики, которого я здесь придерживаюсь, из объектов ее изучения исключаются искусственные жестовые языки, мало соотносящиеся с речью. Это, в первую очередь, языки, созданные для глухонемых, такие как, например, русский язык глухонемых (см. Гренобль 1992; Зайцева 1974; Зайцева 1987; Зайцева, Фрумкина 1981), амслен (American sign language) — знаковая система, используемая глухонемыми в Северной Америке, америнд (American Indian sign language) — «язык рук» глухонемых североамериканских индейцев, британ — язык глухонемых стран Британского содружества, язы-

⁵ В отечественной литературе этот язык странным и, на наш взгляд, ничем не объяснимым образом называют по-английски *body language* и так пишут. Мы стремимся избегать употребления кальки английского термина.

ки глухонемых Италии, России, Швеции, язык глухонемых папуасов из провинции Энга в Новой Гвинее и многие другие.

Оставляя я в стороне и такой интересный объект изучения, как (в общем случае не связанный с речью) **мимический язык**, или **язык пантомимы**. К мимическому коду человек чаще всего прибегает тогда, когда речь по какой-то причине невозможна или нежелательна; например, его могут использовать иностранцы, приехавшие в страну, языка которой они совсем не знают, когда им необходимо обратиться к местным людям. Однако пантомима в гораздо большей степени представляет собой совокупность индивидуальных актов жестового творчества (то есть особое мастерство и искусство обозначения и выражения), нежели устойчивую, закрепленную общественным договором и подтверждаемую многолетней практикой общения систему бытовых жестовых знаков. Важнейшее, если не центральное, место в мимическом языке занимает **театрализация** — символический знаковый процесс, при котором коммуникативный акт превращается в своеобразный спектакль, в социально и культурно оформляемое зрелище, которое предназначено для постороннего созерцания и участники которого не просто выполняют, но разыгрывают перед аудиторией свои роли.

Кроме того, отдельные, не входящие в кинесику области исследования составляют жестовые языки сравнительно узких **социальных групп** вроде языка монахов-траппистов или монахов-францисканцев, жестовых языков замкнутых культовых или тайных обществ, таких как оккультная секта орфиков или общество последователей фригийской богини плодородия Великой Матери (Кибелы), сицилийская мафия или Черная Рука (Black Hand) в Северной Америке, а также особые **ритуальные языки жестов**, весьма распространенные, например, среди аборигенов Австралии и имеющие довольно узкую сферу употребления. Использование последних вызвано необходимостью каким-то образом общаться во время ритуального молчания юношей при обряде инициации или в ситуации траура (см., например, язык женщин-вдов из австралийского племени Варлпири, подробно описанный в статье Кендон 1980б и монографии Кендон 1988; о некоторых ритуальных языках см. в обзоре Беликов 1983).

Исключаются мной из предметной области кинесики и профессиональные жестовые языки и диалекты, такие как язык мукомолов в Британской Колумбии (см. о нем в Мейснер, Филпот 1975), язык жестов водителей грузовиков (см. Лумис 1956), торговые и биржевые невербальные знаковые системы,

жесты спортивных судей (к ним относится, в частности, применяемый хоккейными судьями жест скрещенные над головой руки, который обозначает «высоко поднятые клюшки», что в хоккее с шайбой правилами запрещено), жесты военных, за исключением единиц типа отдать честь, прочно вошедших в обыденный жестовый язык, жесты японских воинов-самураев вроде тех, которые совершаются ими во время ритуального самоубийства — харакири, или, стилистически более нейтральный термин, сэппуку — вспарывание живота особым ритуальным мечом или кинжалом (к таким жестам относится, например, принятие самураем одной из двух ритуальных поз, считающихся наиболее удобными для осуществления сэппуку, — особой стоячей позы татибара или позы садиться на пятки) или иконические жестовые знаки стюардесс, объясняющих в самолете, как следует вести себя пассажирам во время полета и что делать в случае аварии.

Особое место среди жестовых профессиональных языков занимают жестовые изобразительные подсистемы языков театра и кино, а также языки танцев, такие как, например, язык индийского классического танца *abhinaya* (ЛаМери 1941). Главная роль в танце *abhinaya*, который известен уже более чем 2000 лет, отводится рукам, причем символическое значение приписывается самым разным положениям рук, их движениям, *hasta*, и ориентации относительно головы и корпуса танцора. Некоторые исследователи (см., например, Секвейра 2000) выделяют в данном языке два отдельных подязыка: знаковых движений одной руки, *asamyutta*, и (парных) знаковых движений двух рук, *samyutta*. Особенно значимым в языке жестов, инкорпорированном в индийский танец, является поведение пальцев: семантически нагруженными оказываются положение и движение пальцев, наличие или отсутствие пространства между пальцами, степень их наклона, даже позиция остальных пальцев по отношению к большому пальцу. Жестовая, ритмическая и музыкальная системы *abhinaya* соотносятся друг с другом очень сложным образом: правила взаимодействия этих систем еще более прихотливые, чем правила употребления знаков в пределах одной системы.

Причина, по которой все подобные специальные языки и диалекты по традиции остаются за пределами кинесики, достаточно очевидна: сфера их применения, в отличие от рассматриваемых в кинесике обычных языков тела, весьма узкая и ограничена четко очерченными социокультурными и ситуативными контекстами.

§ 2. ЖЕСТЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ. ЯЗЫК ЖЕСТОВ И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: жест, невербальный, вербальный, коммуникация, деятельность, номинация жеста, естественный язык, язык тела, аналогия, сходство, различие, движение тела, история, культура, общество.

Слово *жест* восходит, по всей видимости, к латинскому *gestus*, производному от многозначного латинского слова *gerere*, означающего «действовать» в самом широком смысле этого слова, то есть «делать, носить, нести ответственность, контролировать, выполнять, исполнять и др.». Этимологический словарь Парtridge 1959 утверждает, что непосредственным предком слова *жест* (точнее, его английского эквивалента *gesture*) является *gestura*, слово из средневековой латыни, значение которого может быть описано как «способ действия». Судя по данным первых английских памятников, где встречается слово *gesture*, оно имело в тот период времени значение «способ ношения тела, то, как человек стоит или ходит» (и применялось прежде всего к поведению человека во время религиозных церемоний). А. Кендон отмечает, что позднее, в трактатах, относящихся к риторике, английское *gesture* и его иноязычные эквиваленты применялись только для обозначения **правильного телесного поведения** оратора во время произнесения речей, то есть того, как оратор должен использовать возможности своего тела, чтобы воздействовать на слушателей (Кендон 1981, с. 150—151). За таким словоупотреблением стоят значимые движения рук, ног, корпуса или лица; иначе говоря, оно сближается с современным употреблением термина *жест*. В указанном значении данный термин впервые встречается в ранних трактатах по риторике, например у Цицерона и Квинтилиана. Так, у Квинтилиана в едва ли не самом известном его труде, курсе античной риторики «*Institutiones Oratoriae*» («Об образовании оратора»), имеется отдельный раздел «*Actio (Pronunciatio)*», где говорится о правильном жестовом поведении оратора во время выступления и произнесения им речи.

Развитие философской и психологической мысли, рост интереса к проблемам, относящимся к природе знания и эмоций и к возможным способам их выражения, усиление внимания исследователей к механизмам естественного языка и других семиотических кодов, к стоящим за ними психологическим процессам, наблюдение за человеческим поведением и потреб-

ности практической коммуникации людей — все это способствовало выходу за пределы риторики круга употреблений слов, соответствующих термину *жест*, и этим словом постепенно начинают обозначать одну из естественных форм выражения смысла, рассматривая жест как знак повседневного невербального человеческого поведения, прежде всего интерактивного.

Люди общаются между собой не только с помощью слов, но и посредством телесных движений. Каждый из атрибутов тела, будь то форма, размер, положение или рост, при определенных условиях выражает или передает некоторое значение. Даже неисполнение жеста, например когда человек сдерживает проявление на лице своих подлинных чувств радости или горя — мы часто говорим в подобных случаях, что *по лицу человека ничего не видно* или что *у него непроницаемое лицо*, — может оказаться столь же значимым, сколь смех или слезы. Возраст, род занятий, жизненные радости и невзгоды, чувства и мысли — всё оставляет «следы» на человеческом теле и находит свое отражение в невербальном поведении человека. Тело, его движения и действия, по словам замечательного отечественного историка и философа М. Я. Гефтера, «являются таким же историческим документом, свидетельствующим о прошлом, как дневник или грамота» (из устной беседы с автором).

Между жестовыми и естественными языками наблюдается определенное сходство. Параллельное существование и взаимодействие языка тела и языка слов в коммуникативном акте возможно в силу того, что **глубинные процессы, лежащие в основании невербальной и вербальной деятельности человека, по всей видимости, в существенных отношениях аналогичны**. Об этом говорят, как минимум, следующие факты:

(а) в определенных условиях смысл может выражаться только жестами (см., например, смысл «молчи» и русский жест **прижать палец к губам**), только словами или параязыковыми единицами или комбинацией тех и других знаков. К такого рода смыслом и жестам относятся, например, смыслы «иди сюда» или «отлично» и, соответственно, русские жесты **помахать пальцем** и «**показать большой палец**» («во»)⁶, часто сопровождаемые словами; смысл «плохой запах» может выражаться, например, словами *плохо пахнет*, *воняет* и т.п., параязыковым элементом типа *пф-фф* или жестом **зажать нос**);

(б) практически любой элемент невербального поведения, как и элемент языка, может стать компонентом конвенциональ-

⁶ О том, почему обозначения некоторых жестов заключены в кавычки, см. ниже.

ного соглашения и обрести контекстуальное значение, как, например, проведение рукой по лбу, шелканье пальцами, похлопывание руками или помахивание платочком;

(в) жесты, как и языковые единицы, по большей части являются символическими знаками. Они образуют лексикон языка тела, точно так же, как лексические единицы составляют словарь естественного языка. При помощи жестов, как и при помощи слов, можно выражать мысли и чувства, передавать идеи и эмоции. Жесты, как и слова, могут быть адресованными, то есть обращенными к конкретному человеку или к аудитории, и не адресованными к кому-либо конкретно, то есть обращенными к любому; инструктивными (например, жесты человека, объясняющего, как проехать к некоторому месту) и констативными (ср. кивок согласия), спокойными и экспрессивными, успокаивающими и угрожающими, теплыми и холодными, <стилистически> нейтральными и окрашенными (например, озорные). Жестовые последовательности могут образовывать жестовые семиотические акты, подобно тому как речевые высказывания комбинируются в акты речи;

(г) аналогично словам и более крупным единицам языка, жесты способны выступать в разных контекстах и играть разные роли в коммуникативном акте. Как и для языковых единиц, контексты употребления жестов разнообразны не бесконечно и могут быть строго и полно заданы и описаны в некотором жестком формате, например в рамках жестового словаря. Например, известный итальянский жест, имеющий форму «пальцы руки согнуты, выпрямленный большой палец указывает в сторону рта, голова чуть откидывается назад, возможно, при этом слегка наклоняется в сторону», обозначает различные идеи, связанные с употреблением алкоголя, а именно желание человека выпить или просьбу дать ему выпить, приглашение адресату пойти выпить, сообщение о том, что кто-то третий пьет, и др., но он не может быть использован как невербальный дейктический знак для указания на какое-то лицо или предмет;

(д) жестовое поведение людей, как и речевое, меняется в пространстве, во времени, а также под действием изменяющихся социоэкономических и культурных условий; ср. *У каждого времени своя жестикуляция, своя походка, своя манера раскладываться, брать под руку, пить чай, держать речь. В пятидесятые годы вели себя иначе, чем в тридцатые или двадцатые. Например, на всех произвело впечатление, что Зубр поцеловал руки встречавшим его женщинам. Тогда это было не принято. Поёживались от его громкого голоса, от неосторожных фраз. Что-то было в поведении приехавших не нынешнее, не тутотшее*

и в то же время смутно узнаваемое, как будто появились предки, знакомые по семейным преданиям. Этакое старомодное, отжитое, но было и другое — утраченное (Д. Гранин. «Зубр»);

(е) многие жесты данного языка тела допускают перевод и на соответствующий вербальный язык, и на другой, «иностраный» жестовый язык, причем проблемы перевода, связанные с жестовыми языками, примерно те же, что и проблемы, касающиеся перевода с одного естественного языка на другой.

Вербальное отражение кинемы я буду называть номинацией (ср. употребление примерно в том же смысле термина *речение* в статье Верещагин, Костомаров 1981). Номинацией жеста обычно является полнзначное слово или сочетание слов.

Репертуар жестов и их номинаций, вообще говоря, со сменой языка меняется. Так, Р. Бирдвистел в течение довольно длительного времени наблюдал за человеком, мэром Нью-Йорка в 30—40-х годах прошлого века Фиорелло ЛаГуардиа, свободно говорящим на трех языках — английском, идише и итальянском, и заметил, что с каждой сменой языка у этого человека менялось также кинетическое и параязыковое поведение, причем смена невербального кода происходила столь же естественно, сколь и переход к другому естественному языку. Согласно свидетельствам ряда исследователей (см., например, Бирдвистел 1964; Познер и др. 1998), усвоение людьми нового языка тела происходит значительно медленнее, чем овладение новым языком. Группа немецких ученых с кафедры семиотики Технического университета г. Берлина под руководством Р. Познера (Р. Познер, Р. Крюгер, Т. Ноль и М. Серенари) установила, что иммигранты из Турции, которых они изучали на предмет овладения ими немецким жестовым языком в целях социальной адаптации, быстрее и успешнее овладевают новым для них немецким языком, чем столь же новым языком немецких жестов.

На протяжении истории многие жесты проходят путь от иконических знаков до символических, от выражения конкретных «простых» значений с помощью иконических форм к выражению самых абстрактных идей. В тех ситуациях устного общения, когда речевые единицы являются явно преобладающими, доминирующими способами кодирования и передачи смыслов, последние часто структурно оформляются и кодируются не одними только естественно-языковыми средствами, но также знаковыми элементами поз и движений различных частей тела. Бедуины на Аравийском полуострове, например, прямо говорят, что такой-то человек «ведет разговор» с помо-

щью рук, пальцев, палки или камней. Утверждая преимущество устного слова над письменным, К. Огден и А. Ричардс отмечают, что говорящему, в отличие от пишущего, не нужно полагаться на одни лишь слова, поскольку в его распоряжении имеются также «подвижные лицо и руки, голос с его изменчивыми модуляциями и переменной скоростью, посредством которых он может передавать тончайшие оттенки значений, уточняя и усиливая их при желании, покрывая обнаженные слова яркими красками и превращая мертвые слова в живые» (цит. по: Критчли 1975, с. 13, пер. мой).

Несмотря на наличие важных общих свойств, между естественным языком и языком тела имеются более заметные **фундаментальные различия**, которые не позволяют рассматривать эти языки как изоморфные семиотические коды или хотя бы как явления одного порядка. Укажу здесь лишь на три наиболее очевидных различия.

А. Во-первых, между носителями естественного языка существует определенное согласие относительно формы, значения и употребления языковых единиц: почти про каждый элемент люди, свободно владеющие данным языком, могут сказать, принадлежит он языку или нет, и если да, то что он значит и как употребляется в предложении и тексте, при этом большого расхождения во мнениях обычно не наблюдается. И хотя в большинстве случаев немногие люди способны точно и ясно описать семантику языковых единиц или сформулировать правила их употребления, все они примерно одинаково реагируют и на возможные изменения формы единиц, и на изменение значения, причем это касается не только центра языковой системы, но и периферии. Естественные языки все состоят из относительно стабильных и дискретных единиц.

В то же время никакой сопоставимой стабильности и дискретности в языках тела не обнаруживается: невербальный язык гораздо более неустойчивый и вариативный, что проявляется как в самих единицах, то есть жестовой лексике, так и в правилах их комбинирования, или в жестовом синтаксисе. Нет также ясного согласия носителей языка тела относительно состава и особенностей функционирования системы данного языка: только центр системы более или менее очерчен, а периферия не только плохо описана, но и слабо освоена. Например, про многие невербальные единицы бывает весьма трудно понять, являются они жестовыми знаками или представляют собой незнакомые физиологические движения.

Б. Во-вторых, механизм референции языковых единиц устроен и действует иначе, чем механизм референции жесто-

вых знаков. В невербальной коммуникации принимает участие значительное число знаков, которые либо обозначают непосредственно свой денотат, каковым является объект и его признаки — форма, размер и т.п. (при этом сами части тела используются для прямого указания на объект или являются его субститутом), либо обозначают целые ситуации или фрагменты ситуаций, выступая в акте коммуникации как аналоги речевых высказываний. Ср., например, русские жесты кивок (близкий аналог речевого высказывания согласия — *Да*), мотать головой (невербальный аналог высказывания *Нет*, ср. — *Ты болен?* — *Мальчик замотал головой.* — *Ты не болен?* — *опять спросила дама. Мальчик снова замотал головой* (Н. Лесков), прижать руки к груди (эквивалент речевого акта обещания) или поднять (вскинуть) бровь (аналог вопроса-удивления, что-то вроде *Да ну?*).

Невербальная референция всегда конкретная: она имеет дело с конкретными объектами и ситуациями, с актуальными пространственными категориями и в гораздо меньшей степени, например, с временными категориями⁷ (тут необходимо напомнить читателю, что из рассмотрения исключены языки глухонемых, больше похожие в этом отношении на естественные). Между тем, как хорошо известно, языковые единицы обладают возможностью референции и к абстрактным понятиям, категориям и идеям, таким как род, время, вид, таксис, число, сущность, возможность, различие, цвет, доброта и т.п., что позволяет им обслуживать несравненно большее число идей.

В. В-третьих, жестовые знаки, в отличие от слов естественного языка, воспринимаются по большей части глазами. В основном это зрительные знаки (в редких случаях — тактильные), причем наделенные особыми функциями: они не только описывают явления, ситуации, объекты и свойства реального мира, но и изображают реалии и указывают на них. Жестовые элементы по своей природе демонстративны и выполняют в коммуникативном акте помимо информативной, экспрессивной, регулятивной и пр. изобразительную функцию.

Языку тела и невербальной коммуникации в истории и культуре всегда уделялось достаточно много внимания. Особенно

⁷ Отмечу сразу же, что сказанное отнюдь не означает, что русский жестовый язык не допускает обозначений времени; например, настоящее время может обозначаться жестом «указательный палец направлен вниз перед жестикулирующим».

часто они были объектами таких областей человеческой деятельности, как риторика, медицина, психология, педагогика, искусство и физиогномика, которая представляет собой учение о том, как отражаются в чертах, формах и выражениях лица человека его внутренние качества. Сюда же можно добавить и такие весьма важные в культурном отношении области, как хирология (язык линий и бугорков рук), хиромомия (искусство мануальной риторики) и хиромантия (искусство гадания по руке). Именно они явились предметом одной из первых книг о языке тела, руководства Дж. Балвера, которое вышло в свет в 1644 году (Балвер 1644/1974). По Дж. Балверу, язык рук является естественным, природным образованием, в отличие от искусственного, придуманного языка слов, и уже потому достоин самого серьезного внимания и изучения.

По всей видимости, человеком, с которого начинается систематическое изучение движений тела, был Иоганн Каспар Лафатер, пастор из Цюриха, который в 1792 году опубликовал «Эссе по физиогномике». И. Лафатер был первым, кто провел подробное наблюдение и описание корреляций между выражениями лица и конфигурациями тела, с одной стороны, и типами личностных свойств человека — с другой (вспомним, однако, что еще Петроний за тысячу лет до работы И. Лафатера в своем романе «Сатириконе» писал: «По лицу человека я узнаю его характер, а по походке я могу прочесть его мысли»).

Исследования И. Лафатера по физиогномике оказали огромное влияние на русскую культуру и науку. Так, многие русские писатели в своем творчестве использовали его соображения и идеи. Н. М. Карамзин считал, что лучше И. Лафатера никто не знает, что такое человек и человеческий характер, а А. Н. Радищев чуть ли не прямо следовал за Лафатером в описании характеров простых людей. М. Ю. Лермонтов, судя по всему прекрасно знавший тексты И. Лафатера и увлекавшийся его идеями, явно тоже давал портретные характеристики своим персонажам, в частности в «Герое нашего времени», с учетом сформулированных И. Лафатером признаков и закономерностей их проявления. Ср., например, следующий фрагмент из «Княгини Лиговской»: *«Лицо его смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера и его последователей: они прочли бы на нем глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущности....* Или вот описание, данное М. Ю. Лермонтовым другому своему персонажу, Григорию Печорину, которое отмечено тонкими наблюдениями над соотношением внешнего облика и строения тела человека с его внутренним миром: *Он был среднего роста; стройный,*

тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными; <...> Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, — верный признак некоторой скрытности характера. <...> Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость; он сидел, как сидит бальзакова 30-летняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительно-го бала. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более 23 лет, хотя после я готов был дать ему 30. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность: белокурые волосы, выющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только по долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекающих одна другую и вероятно обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева, или душевного беспокойства. <...> чтобы закончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; об глазах я должен сказать еще несколько слов.

Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! — Вам не случилось замечать такой странности у некоторых людей? <...> Это признак — или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного, или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный — взгляд его, непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно-спокоен» (Лермонтов. «Герой нашего времени»).

Каждое моральное или психическое качество души, по мнению И. Лафатера, находит отражение в соответствующих эстетических, как он их называл, характеристиках тела. Красота, безобразие, физическая немощность или полнота рассматривались им как знаки, непосредственно указывающие на подлинные черты человеческого духа, то есть утверждалось прямое соответствие между физическими и психическими свойствами. Особое внимание И. Лафатер уделил искусству познания людей по чертам лица. Лицо для него было своеобразным анатомическим атласом психического устройства человека: черты лица, по его мнению, однозначно соответствовали характеристикам душевного склада. Он писал, например, что неприят-

ное лицо указывает, что его обладатель либо плохой человек вообще, либо человек, замысливший что-то нехорошее.

Красота и безобразие имеют свои корреляты в невербальном поведении человека; красота, например, обусловлена не только чертами лица или характеристиками фигуры, но также свободой и уверенностью в движениях, умением держать и носить тело, изысканными жестами и взглядами⁸. Человек со стиснутыми зубами, зловеще сжатыми кулаками (любопытно, что в ряде языков, например в английском, для обозначения сжатых кулаков и стиснутых зубов или челюсти существует один и тот же глагол *to clench*), вялыми движениями едва ли может быть признан красивым.

Одним из самых известных оппонентов пастора был выдающийся немецкий ученый и писатель Георг Кристоф Лихтенберг, который резко критиковал И. Лафатера за чересчур упрощенный подход к физиогномике [ср. «<...> Иногда злобой называют то, что делается с некрасивым выражением лица» (Лихтенберг 1965б, с. 154)], за стремление объяснить мир, только исходя из сознания, в отрыве от реального мира («убивая материю и растворяя ее в духе», как писал Г. Лихтенберг) и практической человеческой деятельности, ср. «Как танцмейстер и учитель фехтования никогда не начинают с изучения анатомии рук и ног, так и здоровая полезная философия должна брать свое начало из чего-то более высшего, чем эти отвлеченные умствования. Ногу надо ставить именно так, ибо иначе упадешь» (там же, с. 266). Он видел аморальные и опасные следствия, которые может повлечь за собой подобный подход: «Если физиогномика станет тем, что ожидает от нее Лафатер, можно будет вешать детей задолго до того, как они совершат поступки, заслуживающие виселицы» (там же, с. 150). Г. Лихтенберг считал, что правильное изучение выражений лица и знаковых телодвижений должно сочетать в себе анатомический, физиологический и психологический анализ движений человеческого тела.

Чарльз Белл, анатом, нейрофизиолог, хирург и художник, был одним из первых, кто заинтересовался выражениями эмоций на человеческом лице. Его исследования в области функционального анализа нервной системы заставили обратить внимание на соотношение различных частей тела и деятельности отдельных групп мускулов и нервов. функционально ответствен-

⁸ В еще большей мере невербальное поведение лежит в основе таких свойств, как грациозность, изысканность (позитивные характеристики) или неуклюжесть, неловкость (негативные свойства).

ных, как тогда считали, за выражаемые с их помощью эмоции (Белл 1844). В частности, он пришел к заключению, что все сильные чувства, такие как, например, страх, ярость, радость или горе, сопровождаются изменениями в дыхании, а также мускульной активности лица и корпуса, поскольку те находятся под действием изменившихся моделей дыхания. Как пишет Ч. Белл, «чтобы понять, как выражается эмоция, требуется тщательное изучение анатомии лица и органов дыхания» (там же, с. 197—198).

Несколько позже появились пионерские работы о влиянии биологических признаков на формирование определенного социального человеческого типа, научные исследования, посвященные описанию связей между характером человека и типом его телосложения (Кречмер 1925), между эмоциями человека, их телесными манифестациями, в частности мимическими жестами или выражениями лица, и смыслами, которые эти невербальные единицы выражают (Дарвин 1872/1965). Шли поиски общих принципов, управляющих телесным поведением человека, велось изучение конкретных механизмов невербальной и вербальной коммуникации. Разные науки, прежде всего биология, антропология, психология, философия и социология, стремительно шли к многостороннему анализу своего нового объекта — языка тела.

Следует отметить, что история знает периоды, когда язык тела был не менее значим, чем язык слов. Например, культуру Средних веков иногда называют культурой жеста, или жестовой культурой, подчеркивая этим одновременно и ту роль, которую движения и положения человеческого тела играли в социальных отношениях, и то, что средневековая культура сама много размышляла о своих жестах, создавая, по сути дела, их теорию. Во времена позднего Ренессанса и в эпоху маньеризма философский и чисто практический интерес к жестам и жестовому поведению проявили и такие замечательные люди, как Джованни Бонифацио, Джованни Батиста делла Порта и Фрэнсис Бэкон. Дж. Бонифацио в своем трактате «*L'arte de' senpi*» («Искусство чувств»), вышедшем в Венеции в 1616 году, утверждает, что существует универсальный язык жестов, понятный всем народам, и потому европейцам следует использовать его во время торговых переговоров между собой и с местными жителями, а Дж. Б. делла Порта в работе «*Della celeste fisionomia*» сопоставляет мимику и жесты человека с мимикой и жестами животных, пытаясь за движениями тела и выражениями лица обнаружить силы, определяющие человеческий

характер и темперамент. Отрицая господствовавшую в ту пору точку зрения, по которой темперамент человека зависит от действий астральных, космических сил, Дж. Порта предположил, что темперамент складывается из четырех качеств — холодного, теплого, влажного и сухого. Фрэнсис Бэкон в сочинении «Advancement of Learning» («Распространение образования») 1605 года пишет, что жесты необходимо постоянно изучать хотя бы потому, что «<...> as the tongue speaketh to the ear, so the hand speaketh to the eye» («как язык говорит нечто уху, так и рука говорит нечто глазу»), — эти слова Ф. Бэкона цит. по работе Кендон 1981, с. 155.

Хотя жестовая культура, в особенности существовавшая в Средние века, представлена и охарактеризована в относительно небольшом числе публикаций (из которых наиболее известны, пожалуй, книги Бреммер, Руденбург 1991; Ситтл 1890/1970 и Шмит 1992; см. также статьи Богуцкая 1983; Кендон 1982; Мучемблед 1987; Ноулсон 1965, Рейнах 1924), можно все же допустить, что представление о жесте и жестовом поведении как о природной форме выражения индивидуально-психологических и общественных процессов было весьма распространенным и устойчивым. Французский историк и философ Марк Блок отмечал, что ритуализация феодального общества в гораздо большей степени выражена в жестах, чем в устных словах или письменных текстах. Обыкновенный жест обладал огромной юридической и религиозной силой, способной привести в действие не только отдельных людей, но и целые коллективы. Человек рассматривался как единство души и тела, и жесты воплощали в себе их связь, выражая желания и волю, чувства и устремления — все, по словам С. С. Аверинцева, «священные движения души».

Общество и в Средние века, и в более позднее время тоже воспринималось как нечто цельное. Это было тело или организм, члены которого — голова, глаза, уши, руки и корпус — представляли разные социальные группы (которые, кстати, часто именно так и назывались, ср. слова и выражения *городской голова, это мои глаза и уши, корпус* и т.п.) с четко обозначенными функциями, культурными, моральными и этическими ценностями, отображенными в отдельных жестах и жестовых высказываниях. Можно даже сказать, что такие группы, как рыцари, купцы, монахи, палачи, риторы, врачи, ученые, ремесленники и землевладельцы, образовывали каждая свое жестовое сообщество со своим порядком и своим невербальным языком.

В ту пору жесты выполняли по меньшей мере две основные функции. С одной стороны, они подтверждали принадлежность человека к данному коллективу, а с другой — отражали иерархию членов как внутри одной группы, так и между группами. Все жесты, будучи знаками, имели значение (*signification*); все жесты, занимая определенное место в культуре и выполняя в ней определенные роли, имели значимость (*valeur*). Сказанное относится как к официальным ритуальным жестам, исполняемым во время коронации или свадебного обряда, во время богослужения или в ходе судебного процесса, так и к повседневным жестам, ср. **перекреститься** перед трапезой, при встрече с юродивым или перед опасным предприятием, **рукопожатие** при встрече, прощании или как знак примирения, **положить руку на грудь** в знак признательности, почтения или смирения. Каждый из этих жестов имел свое значение и свои контексты употребления.

И по сей день жесты не только обслуживают различные общественные и частные ритуалы; они являются неотъемлемым и необходимым компонентом бытовой жизни людей. В каждом этническом коллективе, в каждой культуре жесты не только выполняют идеологические, культовые или социальные функции, они отражают также практическую деятельность частного человека. В арабской поэзии, например, когда некий человек принимает на себя нерасторжимое обязательство, говорится, что «он вложил свою руку в мою», а в известной степени противоположный по смыслу жест, передающий разрыв зависимости, сопровождался отрыванием части одежды и отбрасыванием ее в сторону. Арабский поэт мог поэтому сказать возлюбленной: «Отвяжи мое сердце от своего, как ненужную одежду».

Особенность нашего времени заключается еще и в том, что в период быстро растущей сложности социальных и межличностных взаимодействий, когда большое значение отводится отношениям между отдельным человеком и коллективом, а также между частным человеком и властью, реально исполняемые простые движения и примитивные «техники тела» сами по себе утрачивают способность предотвращать военные, социальные и дипломатические конфликты, как это нередко бывало в Средние века и чуть позже. Сегодня для этого нужна серия поступков или, если угодно, нетривиальных жестов навстречу оппоненту. Как показывают некоторые события современной истории, часто бывает достаточным исполнения таких символических жестов, как **протянутая для рукопожатия рука** или **доброжелательная улыбка**, **поз склонить голову** или **снять шля-**

пу перед могилой, чтобы пришли в действие силы, приводящие к желанным конкретным результатам (ср. склоненные головы немецких официальных лиц перед могилой русских солдат, погибших от рук фашистов во Второй мировой войне, — знак, прочитывающийся не только как знак скорби, но и как свидетельство приносимых России от имени всего немецкого народа искренних извинений, или обошедшие в свое время весь мир фотографии рукопожатия И. Рабина и Я. Арафата, жеста, принятого и оцененного как знак надежды на мирное разрешение ближневосточных проблем). Эффективность социальных, политических или клерикальных ритуальных жестов в современной общественной практике может быть весьма высокой.

§ 3. ЖЕСТЫ И ЖЕСТОВЫЕ ФРАЗЕМЫ

Ключевые слова: жест, понятие, слово, фразеологическая единица, фразеологизм, фразема, жестовый фразеологизм (жестовая фразема), знак.

Жесты, как и любые другие знаки, с течением времени могут измениться и даже исчезнуть. Сегодня лишь отдельные фразеологические выражения напоминают нам о многих живых жестах прошлого, ср. такие языковые единицы, как *бросить перчатку, пасть на колени, руки опускаются, припадаю к вашим ногам, низко кланяюсь, разрешите откланяться, поклониться святым, снимаю шляпу перед Вами, бить челом*. Подобные единицы я предлагаю называть **жестовыми фразеологизмами**, или **жестовыми фразами**; им посвящен специальный раздел главы 5 настоящей книги.

В современном русском языке слово *жест* само по себе означает «демонстративное выразительное движение человеческого тела или некоторого органа, сигнализирующее о чем-то», ср. — *Я не хочу этого обмана! — сказал он с энергическим жестом отрицания (Л. Толстой); Она сделала негодующий жест, но от ответа воздержалась; повернувшись к нему спиной, она стала здороваться с окружающими и затем вышла из комнаты (М. Леблан); — Чем могу вам служить? — спросил он, бросив запечатанное им письмо в мусорную корзину: этот жест показался мне необычным, но я не счел нужным вмешаться (В. Набоков); Я понял, что сейчас случится нечто потрясающее, но на лице у меня, несомненно, была улыбка, и, кажется, угодливая, и моя рука, которая тянулась, обреченная встретить пустоту, эту пустоту предчувствовала и все-таки до конца пыталась довести*

жест, звеневший у меня в голове словами: элементарная вежливость (В. Набоков). Выражение *сделать жест по отношению к кому-либо* или *в сторону кого-либо*, по крайней мере, в двух своих значениях уже не обозначает никакого конкретного жеста. Оно либо передает идею некоторой уступки со стороны агенса противоположной стороне и выполнения им действия, прежде для него нежелательного, но желательного этой противоположной стороне, и демонстрации со стороны говорящего его действий (ср. *Замбия сделала дружеский жест в сторону Зимбабве — наконец-то послала туда своего посла* — это первое «нежестовое» значение данного выражения), либо символизирует выполнение некоего демонстративного действия или серии действий или поступков, совершаемых с определенной целью, умыслом или в знак чего-либо. Ср. *Что ты все время шлешь в деревню разные посылки? Что, у тебя есть лишний миллион, что ты постоянно делаешь такие жесты?* или *Друзья присылают цветы. ... Кто они, мы пока не знаем. Присланные цветы трогают нас. Еще один скромный дружеский жест* (А. Первенцев, цит. по: МАС 1981—1984, т. 1, с. 479) — это второе «нежестовое» значение. В подобных случаях слово *жест* часто выполняет роль классификатора действий, как в примере *Он часто посылал ей цветы, делал подарки, заботился о ее старенькой маме. Эти жесты внимания были несомненно ей приятны* (Б. Екимов). От исходного «физиологического» значения слова здесь остается лишь материя, а именно то, что мы называем формой выражения действия.

Однако и здесь за нетерминологическим, бытовым употреблением слова *жест* (в отличие от *жестикуляции*!) закреплена его соотнесенность с осознанно исполняемым, видимым телесным действием, которое воспринимается адресатом и/или наблюдателем как знаковое, то есть несущее определенный смысл, ср. *Законы чуда нам недоступны, но секреты виртуозности следует пытаться понять, и поэтому рассмотрим в тот таинственный жест правой руки, которым заканчивается мизансцена, жест, описывающий дугу, линию оборванной жизни. Жест возникает из едва уловимой дрожи. Что-то дрогнуло в улановской руке, что-то порвалось — будто душа оторвалась от тела. И весь этот едва намеченный жест как бы следовал за отлетевшей душой, душой отмучившейся, отстрадавшей* (В. Гавевский. «Наш век ее пугал...»). В обыденной речи слово *жест* не используется для обозначения физиологических, часто неконтролируемых движений, таких как, например, движения глаз, манеры поведения, спонтанные выражения или проявления эмоций, физиологические реакции; не обозначают этим

словом и утилитарные, практические действия человеческого тела с разнообразными материальными предметами, а также действия, связанные с пространственным перемещением, ориентацией или размещением тела и его частей.

Даже для отражения терминологического смысла в обычном бытовом языке мы применяем чаще не слово *жест*, а родовое по отношению к нему слово *знак*. Например, сочетание *подать знак* обозначает невербальный акт, смысл которого либо сразу вычисляется, либо раскрывается в последующем контексте. Фраза *Он подал знак, чтобы я вышел* означает исполнение одного жеста, а *Он подал знак, чтобы я замолчал* — совсем другого. Интересно, что вне проясняющего контекста сочетание *подать знак* в норме обозначает жест привлечения внимания (ср. *Он подал мне знак*).

§ 4. КИНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: кинетические исследования, направление исследований, прекинесика, микрокинесика, макрокинесика (социокинесика).

Основные направления современных кинетических исследований составляют

(а) биоморфологические, лингвистические, антропологические и психологические описания жестов;

(б) типология жестов и жестового поведения внутри жестовой системы (на основе их структурных или смысловых особенностей, с точки зрения функционирования, ареальных и социальных контекстов использования, соотношения с речью и др.);

(в) межкультурный компаративный анализ жестовых систем различных типов;

(г) изучение лингвистических, психологических, социальных и культурных аспектов жестовой коммуникации, как самой по себе, так и в ее соотношении с коммуникацией словесной;

(д) терапевтические и клинические исследования патологии кинетического поведения;

(е) исследование происхождения, закономерностей исторической, социальной и культурной эволюции жестов и жестовых систем;

(ж) прикладные аспекты кинесики (моделирование жестовой коммуникации на компьютере, применение жестов в вое-

питании детей и в обучении, роль и функция жестов в риторике, анализ кино- и театральных жестов, изучение изображений жестов в живописи разных художественных школ и направлений, описание соотношения жестов и мимесиса, кинетическая география и диалектология и очень многое другое).

Все кинетические исследования в работах Кей 1975, Кей 1972/1978 были условно разделены на три большие группы. Первая, **прекинесика**, занимается анализом физиологии и морфологического строения жестовых движений, их пределами и границами, а также возможностями и условиями перехода одних жестов в другие. Вторая, **микрокивесика**, изучает минимальные единицы жестового языка — кины и кинемы и их объединения в более крупные единицы и классы. Основным предметом микрокинесики являются морфология, семантика, синтаксис и прагматика жестовых слов и жестовых фразеологических единиц. Третья группа исследований получила название **макрокинесики**, или **социокинесики**. Она посвящена описанию функционирования жестов в социальном контексте, то есть в таких условиях, где функции жестов достаточно четко очерчены и определены. В макрокинесику входят также исследования, которые связаны с построением теории невербальных речевых актов, имеющих очевидную социальную направленность.

§ 5. ЖЕСТЫ В ИХ СООТНОШЕНИИ С РЕЧЬЮ

Ключевые слова: жест, знак, информация, речь, речевой, высказывание, коммуникация (общение), кинетический, поведение, форма, смысл, смысловая роль.

Жесты играют в человеческом общении самую разнообразную роль:

(1) они могут повторять, или дублировать, актуальную речевую информацию. Ср., например, единицы показывать пальцем, глазами или даже головой — эти жесты часто, а иногда и обязательно сопровождают во время коммуникации дейктические местоимения и наречия *это, вот, вон, сюда, туда* и др.;

(2) жесты и кинетическое поведение в целом могут противоречить речевому высказыванию (и тем самым даже вводить адресата в заблуждение). Так, человек, говорящий, что он, дескать, абсолютно спокоен, но при этом ломающий руки или

перемещающийся по комнате в довольно беспорядочных и порывистых движениях, как бы противоречит самому себе. Улыбка может сопровождать отнюдь не дружелюбное высказывание, в частности умение скрывать за улыбкой «наполненную мелкими досадами и огорчениями сторону жизни» (Л. Толстой) считалось нормой светского воспитания. Граф Честерфилд указывал сыну на то, что в светской жизни приходится многие неприятные вещи «встречать с непринужденным и веселым лицом», что человек должен казаться довольным, когда он далек от этого. Для этого, как объяснял Честерфилд, нужно научиться «с улыбкой подходить к тем, к кому охотнее подошел бы со шпагой». Кроме того, улыбкой человек защищает свой внутренний мир от непрошенных свидетелей (см. об улыбках, например, Бугенталь, Лав, Джанетто 1971; Экман, Фризен 1982; о русских жестах-улыбках и их функциональных, структурных и семантических разновидностях см. в статье Крейдлин, Чувилина 2001a и ниже в данной книге;

(3) жесты могут замещать речевое высказывание. Примером ситуации замещения является жест **кивок**, часто используемый как эквивалент положительного ответа на положительный по форме общий вопрос или как субститут речевого акта согласия; жест **приложить палец к губам** является эквивалентом высказываний *Молчи!*, *Ни слова!* и под.; ср. *Женщина и лакей остались стоять в коридоре, испуганно посмотрели друг на друга и, нагнувшись, прислушались. Но в комнате было молчание. Казалось невероятным, что там, за дверью, трое людей. Ни единый звук не доносился оттуда. — Они молчат, — шепнул лакей и приложил палец к губам (В. Набоков)*;

(4) жест может подчеркивать или усиливать **какие-то** компоненты речи. В русской жестовой системе такую роль играет, например, единица, которая обычно исполняется детьми и которая является экспрессивным вариантом жеста **показать фигу (кукиш)**; это своеобразная «экспрессивная фигура» (кавычки при наименовании жеста означают, что жест не имеет в соответствующем естественном языке стандартного и прагматически освоенного имени; см. об этом подробнее ниже). По форме этот жест напоминает обыкновенную фигу, но остальные пальцы «рабочей» руки с имитируемым усилием в сочетании с выраженным на лице жестикулирующего ожесточением кладутся (как говорят сами дети, *накручиваются*) с помощью второй руки последовательно и относительно медленно на средний палец. Подчеркивает величину предмета кинема «**вот какой большой**», при которой руки широко разводятся в стороны;

данная кинема всегда сопровождается соответствующими словами. Существует также акцентированный счет на пальцах и др.;

(5) жесты могут дополнять речь в смысловом отношении. Слова угрозы *смотри у меня*, семантика, синтаксис и прагматика которых подробно описана в работе Баранов, Крейдлин 1992б, нередко дополняются в актуальной коммуникации жестом погрозыть пальцем или, что является выражением гораздо более сильной угрозы, погрозыть кулаком в сторону адресата;

(6) жесты могут выполнять роль регулятора речевого общения, в частности быть средством поддержания речи. Ср. периодически повторяющийся кивок одного из участников коммуникации (*академический кивок*) — жест с явно выраженной фатической функцией. Есть жесты, назначение которых прервать речь говорящего, чтобы, например, возразить ему или получить возможность задать уточняющий вопрос. К ним относится, в частности, жест «поднятая на уровне груди или плеч рука (иногда в нетерпении дрожащая) с открытой ладонью, обращенной к адресату». Жесты также могут быть фильтрами хезитации, сигнализировать о том, что роль говорящего перешла к партнеру по диалогу⁹. Таким образом, в устном диалоге жест с регулятивной (контактоустанавливающей или контактоподдерживающей) функцией может исполнять роль сигнала обратной связи.

Подведем некоторый итог. Сопоставление невербальных единиц с вербальными, как мы видим, правомерно не только из-за функциональной общности кинетического и речевого поведения. «Живые» наблюдения за поведением людей в акте коммуникации, разнообразные экспериментальные и клинические исследования показали, что (а) глубинные, прежде всего биологические, процессы, лежащие в основе речевого и жестового типов поведения, сходны; (б) повседневные жесты языка тела, как и слова, обладают значением и, подобно словам, могут изменяться во времени и пространстве; (в) они подвержены влиянию психологических, социальных и культурных факторов; наконец, (г) формулировки определенных закономерностей в исполнении жестов, которые касаются конфигурации составных частей, упорядоченности движений, их контекстной обусловленности и др. и которые проявляются в актуальном акте общения, очень напоминают синтаксические

⁹ В англоязычной традиции такие жесты и паралингвистические маркеры получили название *turn-takers*.

законы и синтаксические правила естественных языков. Все сказанное о сходстве вербальных и невербальных единиц дает основания полагать, что определенные методы лингвистического анализа могут быть вполне успешно применены и при описании жестов. Практическое доказательство этого тезиса см. в последующих разделах настоящей книги.

§ 6. РОЖДЕНИЕ КИНЕСИКИ: ЛЮДИ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ, ОСНОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Ключевые слова: кинесика, наука, жест, рождение, кин, кинема (жест), аллокин, культура, американский, кинемы бровей, нотация, невербальный, коммуникация, система, системный, анализ, поведение, правило, контекст, параметр, кинетическая переменная, характеристика, номинация, форма, смысл.

Создателем науки кинесики является замечательный американский антрополог Рэй Бирдвистел. Годом ее рождения можно считать 1952-й, когда в свет вышла знаменитая монография Р. Бирдвистела «Введение в кинесику: аннотированная система записи движений рук и тела» (Бирдвистел 1952). В ней ученый представил результаты многолетних исследований в этой области, причем не только свои собственные, но и своих коллег. Кроме того, в этой книге он предложил оригинальную нотацию для записи жестов.

Р. Бирдвистел начал изучать жесты, будучи в аспирантуре. По ее окончании он уехал в Западную Канаду и поселился среди индейцев кутенаи с целью изучить и описать язык, обычаи, культуру и просто образ жизни этих людей. И тут, как впоследствии отмечал сам ученый, для него стало подлинным открытием то, что жестовое поведение аборигенов при разговоре между собой, то есть в процессе диалога на родном языке, разительно отличается от их жестового поведения во время беседы с чужими, когда они вынуждены переходить на английский или, реже, на французский язык. Улыбки, кивки, выражения лица, движения рук, позы — все выглядело иначе. Именно тогда, в Западной Канаде, Р. Бирдвистел задумал свой знаменитый проект, к реализации которого он приступил в 1959 году, возглавив кафедру теории коммуникации в городе Анненберге (штат Пенсильвания, США) и — чуть позже — лабораторию в Восточно-Пенсильванском институте психиатрии в

г. Филадельфии (США), и который принес ему мировую славу не только среди антропологов, но также среди психологов, физиологов, специалистов в области семиотики и культурологов. Речь идет о создании каталога, или атласа, отдельных простейших человеческих движений и статичных поз — кинетических атомов и молекул. Еще ранее элементарные акты телесного человеческого поведения были названы им **кинами** (= «мельчайшие, далее не делимые, наименее заметные движения»; «кин имеет чрезвычайно малую длительность, приблизительно 1/50 сек», см. Бирдвистел 1952) и **кинемами** (= «более крупные единицы, с помощью которых происходит реальное общение людей»; «кинемы образуют структуру и объединяются в более крупные единицы — кинеморфы, кинеморфемы и кинесинтагмы»).

Поскольку слово *жест* я понимаю достаточно широко, слово *кинема* для меня — это просто его синоним.

Наряду с понятием кина и кинемы важным является и введенное Р. Бирдвистелом понятие **аллокина**. Кинема — это имя класса сходных аллокинов, то есть движений, контекстно взаимозаменяемых без изменения значения. Дифференциальные значения кино в Р. Бирдвистел определял путем опроса информантов.

В ходе работы над каталогом кино в кинем ученый вместе со своими коллегами и учениками описал отдельные жесты в разных культурах и у разных народов. В частности, он обнаружил, что в его родной американской культуре люди регулярно используют в общении обычно порядка 50—60 кинем, из которых больше половины соотносятся с головой, главным образом с областью лица. Это 3 вида кивков: **однократный кивок**, **двукратный** и **трехкратный**, 2 вида поворотов головы в сторону (*lateral head sweeps*): **одно- и двукратный поворот головы**; 1 кинема: **вскидывание головы вверх** (*head cock kineme*); 1 кинема: **наклон головы вперед** (*head tilt kineme*); 3 вида связок (*connectives*), или движений всей головой (*whole head motion kinemes*): «голова поднята и некоторое время находится в таком положении», «голова опущена и находится в таком положении **какое-то время**»; «голова принимает **какое-то иное положение**»; 5 кинем бровей; 4 носовых кинемы: **сморщенный нос**, **сжимать ноздри**, «**выдохнуть** или **высморгаться**, **сжимая одну ноздрию**» (жест презрения); «**выдохнуть** или **высморгаться** **через две ноздри**»; 7 кинем рта: **сжатые губы**, **выпяченные губы**, **втянутые губы**, «**одна губа накрывает верхнюю часть другой**», **надутые губы**, «**чуть приоткрытый рот**» (*lax mouth opening*) и «**широко открытый рот**» (*large mouth opening*); 1 кинема для языка (**высунуть язык**),

2 кинемы для подбородка: **выдвинутый вперед подбородок** и «**движение подбородка в сторону**» (*anterior and lateral chin thrust*) и, наконец, 2 кинемы для щек: **надуть щеки** и **втянуть щеки**.

Ученый попытался выделить типовые формы жестов, свойственные всем или большинству культур. Развивая идеи Р. Бирдвистела и дополняя его список, мы сегодня можем указать, например для бровей, следующие, с семиотической точки зрения основные и, насколько можно судить по изученной нами литературе и беседам с многими зарубежными учеными и студентами, по большей части универсальные, положения. Справедливости ради отмечу, что некоторые из приводимых ниже кинем были выделены и охарактеризованы Р. Бирдвистелом еще в 60-е годы (см. Бирдвистел 1967; о кинемах бровей см. также Экман 1979):

(а) **поднятые вверх брови** (так называемая *вспышка бровей*, см. Грэммер и др. 1988), характерные для удивленных или изумленных глаз. У этой кинемы в русском языке имеются и другие синонимичные номинации: *вскинутые (вверх) брови*, *брови поднялись*, *поползли вверх* и др.

(б) **изогнутые брови**, указывающие на удивление, а также, как утверждает в словаре Иорданская, Паперно 1996, с. 19, на непонимание или недоверие. Другой способ назвать тот же жест — использовать глагольные сочетания: *изгибать брови* (или: *бровь*), *поводить*, *повести бровями* (*бровью*);

(в) брови, опущенные вниз и сдвинутые с силой к переносице. Эта форма жеста, который по-русски называется **насупленными** (или: **сдвинутыми**) брови. **Насупленные брови** сопровождаются характерным выражением всего лица и прежде всего особой формой губ. Такая комбинация кинем придает лицу *суровый*, *угрюмый*, *мрачный* или, как говорят также, *насупленный вид* и указывает на неудовлетворенность или гнев;

(г) существует и другая, внешне напоминающая ее форма бровей — **нахмуренные брови**. При **нахмуренных бровях** ведущим сопутствующим движением является не смена положений губ, как при **насупленных бровях**, а изменившаяся по сравнению с нормальной форма лба. Морщины на лбу человека собираются в складки, вследствие чего его лицо приобретает несколько более «мягкое» — *сердитое* выражение, — или еще более мягкие формы, такие как *недовольное*, *озабоченное* или *сосредоточенное*, *задумчивое* лицо. Ср. также сочетания *сердитый*, *недовольный*, *озабоченный*, *задумчивый вид лица* или *сердитое*, *недовольное* лицо. Жест нахмуренные брови указывает не только на отрицательное эмоциональное состояние человека, но и на

возможный с его стороны мыслительный акт (сосредоточенное размышление над какой-то проблемой). Изменение формы лба обозначают словами *нахмуренный лоб* или *наморщенный лоб* (подробное описание значения жеста *нахмурить брови* дается ниже в § 14, где речь идет об эмоциях и мимических жестах);

(д) опускание вниз бровей без их одновременного движения в горизонтальной плоскости. Такая жестовая форма, выделенная Р. Бирдвистелом в целом ряде невербальных культур Запада, для русской культуры не характерна;

(е) поднимание вверх (или опускание вниз) одной брови — то, что по-английски передается терминами **lifted (lowered)** (или: **single-brow) movement**. В русском языке глаз данная кинема является мимическим выражением скепсиса. Кроме того, указанное движение брови часто сопровождает словесно выраженный вопрос, затрагивающий или волнующий жестикулирующее, то есть то, что называется вопрос личного свойства.

Движения и положения бровей, как мы видим, тесно связаны с выражением разнообразных чувств и отношений. Важность кинем, связанных с бровями, для характеристики внешности и описания физических и психических свойств человека легко доказывается многочисленными примерами, взятыми из русской прозы и поэзии: из Н. В. Гоголя (*Черные очи и брови мелькнули, как молния*), М. Ю. Лермонтова (*Вот нахмурил царь брови черные // И навел на него очи зоркие*), М. Е. Салтыкова-Щедрина (*Брови у него насулены, табачный дым так и валит изо рта*), Л. Н. Толстого (*[Наташа] оглянулась на него, нахмурилась и с выражением холодного достоинства вышла из комнаты*), А. Н. Толстого (*Лицо ее было озабочено и брови сдвинуты*), И. С. Тургенева (*Вот как, — промолвил Павел Петрович и, словно засыпая, чуть-чуть приподнял брови. — Вы, стало быть, искусства не признаете?*), М. И. Цветаевой (*На проходимца вскинувши бровь — Как восклицаешь: — Будет любовь!*) и др.

Р. Бирдвистел, как мы уже говорили, не только создал атлас жестов, но и предложил для них достаточно полную и удобную систему записи. Так, для обозначения закрытого глаза ученый использовал знак «—», а для обозначения широко раскрытых глаз — знак «??». Символ «—?» в его системе обозначает подмигивание, «/» — наклон вперед, «N» — полный кивок головой вверх и вниз, а «o» — вертикальное положение тела. Подобные условные знаки Р. Бирдвистел называл **кинеграфы**. В его нотации тело делится на восемь областей, а движения каждой из них описываются особым видом кинеграфических символов. С помощью последовательностей, или цепочек, условных знаков можно описывать сложные движения, в ко-

торых естественным образом вычлениются структурно или содержательно важные элементы. Например, цепочкой АТА шифруется положение рук, параллельных туловищу, где часть цепочки АА указывает, что в движении участвуют обе руки, а не, скажем, одна. Последовательность RAC кодирует круговое движение, совершаемое правой рукой, а подпоследовательности C и RA обозначают, соответственно, кинеграфы «круговое движение» и «правая рука».

Наконец, Р. Бирдвистелом (а также его учениками и последователями) были построены различные семиотические и функциональные классификации кинем, опирающиеся не только на формальные признаки, с помощью которых пытались классифицировать жесты и до него, но также и на содержательные.

Описание кинем и особенностей их употребления было далеко не единственной проблемой, интересовавшей Р. Бирдвистела на протяжении всего его в высшей степени продуктивного и стимулирующего научного творчества. Очень важным для него было определение того влияния, которое те или иные жесты оказывают на речевое общение, и того вклада, который вносят в коммуникацию людей вербальный и невербальный коды порознь и вместе. В какой мере эти коды самостоятельны и независимы, а в какой не могут обойтись один без другого, каким образом речь и жесты могут дополнять друг друга, может ли один из кодов мешать другому, и если да, то при каких обстоятельствах, какой из кодов и в каких ситуациях оказывается доминирующим — вот лишь несколько из вопросов, занимавших ученого. Кроме того, Р. Бирдвистел, по-видимому, был первым, кто поставил проблему соотношения голоса и жеста. В частности, он был уверен в существовании жесткой корреляции между голосовыми и кинетическими признаками, считая отношения между ними причинно-следственными и утверждая, что при достаточной тренировке можно научиться по голосу определять, какое движение делает человек в данный момент произнесения, и наоборот, наблюдая за жестами в момент речи, можно установить, каким голосом говорит человек.

Примерно в то же время, явно не без влияния научного и чисто человеческого авторитета Р. Бирдвистела, стали появляться многочисленные теоретические и экспериментальные работы в области кинесики, то есть начался буквально исследовательский бум. Например, появились первые исследования, относящиеся к анализу явлений межкультурной омонимии и синонимии жестов, пионерские работы по типологии функций и ролей жестов в интерактивном общении, стали вестись си-

стематические наблюдения над взаимодействием вербальных и невербальных единиц и категорий в разного рода коммуникативных актах.

В нашей отечественной науке исследование жестов тоже велось в разных направлениях. Правда, в основном это были работы биологического и психологического планов, относящиеся к таким разным областям знаний, как теория движений, развитие детей, обучение языку, теория коммуникации и пр. Лингвистов жесты интересовали в меньшей степени, и отечественных научных лингвистических сочинений, специально посвященных кинесике и невербальной семиотике, не так уж много. Назову работы Акишина, Кано 1980; Верещагин, Костомаров 1981; Волоцкая и др. 1962; Галичев 1986; Горелов 1980; Горелов, Енгальчев 1991; Красильникова 1977; Красильникова 1983; Муханов 1989; Николаева, Успенский 1966; Панькин, Филиппов 1979; Смирнова 1971; Сорокин 1999; Формановская 1982, Шелгунова 1979. Хотя метод анализа, который применяли в своих исследованиях эти ученые, был преимущественно дескриптивный, все они рассматривали невербальную коммуникацию как сложное целое, состоящее из взаимосвязанных элементов и частей, то есть как систему.

Анализ невербальной коммуникации тоже должен быть **системным** — именно такой точки зрения я придерживаюсь. Системный подход к невербальной коммуникации предполагает, что межличностное невербальное поведение имеет структуру (в чисто формальном, логико-математическом смысле слова, понимаемую как множество единиц с заданными на нем отношениями) и совершается по определенным правилам, которые я предлагаю называть **правилами невербального поведения**. Первоочередной задачей кинесики является описание как самой этой структуры, так и правил невербального поведения.

Невербальное поведение человека, которое представляет интерес для лингвистики и семиотики, в своей основе является, как и вербальное, осмысленным, интерактивным, социальным и культурным, в то время как его другой вид, неосознанное и неконтролируемое поведение, — это, прежде всего, предмет изучения не лингвосемиотики, а биологии, психологии и, возможно, других наук. При таком понимании вербальный и невербальный знаковые коды предстают хотя и отдельными, но во многих отношениях неразделимыми, интегральными частями одной коммуникативной интерактивной системы. Приведу здесь всего лишь два простых примера, свидетельствующих о спаянности речевого и неречевого кодов в реальном устном

общении¹⁰: (а) нельзя сказать *Посмотри, на кого ты похож!* и при этом не смотреть на собеседника; (б) нельзя произнести *Я во как наелся* и не показать это жестом.

Замечание. Много позже, основываясь на тесной связи жестов и речи, некоторые ученые, в частности замечательный американский психолог и кинесиолог Дэвид МакНил (см., например, монографию МакНил 1992), выдвинули и попытались обосновать интересную, хотя и весьма спорную гипотезу, по которой жесты (имеются в виду только мануальные жесты) являются компонентами вербального, а вовсе не невербального поведения. Это предположение базируется на сходстве смысловых структур речевых и жестовых единиц, на общности их прагматических свойств (в частности, на единообразии реакций адресата на вербальные и невербальные высказывания и — если воспользоваться терминологией из области теории речевых актов — перлокутивного воздействия на партнера), на параллелизме их временной организации и на идентичности эволюционных характеристик.

Решающим фактором и условием для производства и понимания жеста Р. Бирдвистел и многие его последователи справедливо считали **контекст**, а кинетическое поведение человека рассматривалось ими как функция от двух вещей — от характеристик самого жестикулирующего и физических или социальных свойств контекста, в котором он действует. Один из самых почитаемых и обильно цитируемых его учеников, выдающийся современный американский психолог и антрополог А. Кендон в одной из работ (Кендон 1972) приводит пример человека, стоящего с поднятым вверх кулаком. Вне контекста нельзя понять, что это за жест и каков его смысл, — то ли это жест приветствия, то ли угрозы, а может быть, это политический символ власти или знак, отражающий принадлежность человека к определенной политической партии. Точно так же, при виде человека, стоящего на земле на коленях, и интерпретируя его поведение как знаковое, мы можем прийти к различным заключениям о том, какой смысл выражает данная поза — «боль», «смирение», «выражение любви (предложение руки и сердца)», «поиск предмета на земле» и др., — в зависимости от целого ряда признаков как самого человека, так и внеязыкового контекста, в котором тот находится. К таким признакам относятся возраст жестикулирующего (ребенок это или взрослый), его здоровье (возможно, человеку сейчас просто очень плохо), место, где человек находится (например, в церкви он или на пляже), его действия (например, молится ли человек один в тишине или говорит что-то другому человеку, делает

¹⁰ Другие, более сложные примеры на ту же тему можно найти в гл. 5.

другому искусственное дыхание, всматривается в лицо другого и под.). Соединение рук может быть синонимом рукопожатия или обозначать вступление в брачный союз, ср. *Чтоб ни грозило впереди, Все беды перевешивает счастье Свидания с Джульеттой хоть на миг. С молитвою соедини нам руки, А там хоть смерть <...>* (Шекспир. «Ромео и Джульетта», пер. Б. Пастернака). Только в контексте уточняются смысл и функции кинем, участвующих в коммуникативном процессе.

Уделив в научной деятельности большое внимание невербальному коммуникативному контексту, Р. Бирдвистел ввел в обиход очень важное понятие **кинетической переменной** <данной кинемы>. Кинетические переменные, как и кинетические константы, — это **характеристики жестов и жестовой деятельности**, такие как время совершения движения, способ его реализации, объем движения, направление движения, степень мускульного напряжения и пр. Впоследствии понятие кинетической переменной было расширено и к кинетическим переменным кинемы стали относить также некоторые свойства контекста ее **употребления**, такие как социальный статус партнеров по коммуникации, их пол, возраст, психологический тип личности, национальная и расовая принадлежность, отношение партнеров друг к другу и т.п.

§ 7. ФОРМЫ И СТАДИИ КИНЕТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: кинетический, коммуникативный, знаковый, поведение, невербальный, форма, собственно жест, жест руки (мануальный жест), выражение лица (мимический жест), мимика, поза, телодвижение, манеры, динамический, статичный, форма жеста, смысл жеста, жестикулирующий, адресат, способ исполнения жеста, место исполнения жеста, свободная кинетическая форма, связанная кинетическая форма, свободная жестовая форма (форма жеста), связанная жестовая форма, артикуляция, фаза (стадия), пик, молчание.

Среди знаковых форм кинетического поведения мы выделяем **собственно жесты, выражения лица (мимика)**, позы, **телодвижения** и манеры. Особого пояснения требует последняя форма поведения из-за многообразия видов манер и их интерпретации. Под манерами я понимаю социально обусловленные ритуализованные формы поведения, приспособленные к определенным ситуациям. Так, можно говорить о манерах поведения за

столом во время еды, поведения в гостях и на официальных приемах, этикетных манерах разговорного общения или манерах приветствия. Манеры в таком терминологическом понимании слова, в отличие от прочих форм, — это по большей части комплексные динамические знаковые формы. Их знание приобретает как в опыте общественной жизни, так и в специальном обучении, вызванном необходимостью для человека соблюдать определенные социальные и моральные нормы. Мы обращаем внимание на жестовое поведение человека, прежде всего на его манеры, с первых же минут знакомства с ним. Текстами типа, приводимого ниже, которые описывают невербальные знаковые действия персонажей, просто заполнены литературные произведения, поскольку такие тексты существенно дополняют речевые портреты героев, ср. *Пнин в тенниске, с улыбкой Джоконды на устах, демонстрирует жесты, лежащие в основе таких русских глаголов, как «махнуть», «всплеснуть», «развести»: рука роняется, как бы смахивая усталую уступку; две руки театрально распахиваются в изумленном отчаянии; «разъединительный» жест — ладони разъезжаются в знак беспомощной покорности»* (В. Набоков. «Пнин»); *Юлиус не произнес ни слова. Он даже не потрепал меня по руке. Это вообще был человек без жестов. Он сидел в машину, выходил из нее, закурил сигарету, надевал пальто — ни неловко, ни изящно — никак. А поскольку меня всегда подкупали в людях именно жесты — манера двигаться или сохранять неподвижность, — то мне казалось, что рядом со мной манекен или калек* (Ф. Саган. «Неясный профиль»).

Остальные формы поведения тоже противопоставлены друг другу по ряду признаков. Так, поза, в отличие от других, динамических, форм, является формой статичной. Собственно жесты и телодвижения отличаются от поз инструментом исполнения: первые исполняются руками или, реже, ногами, а в исполнении вторых главная роль отводится корпусу. В сочетании выражение лица зафиксировано также место исполнения жеста и т. д.

Все кинетические формы можно разделить на два класса — свободные и связанные. Свободными кинетическими формами являются движения или позы, исполняемые в интерактивном акте одной или несколькими частями человеческого тела без участия каких-либо объектов — других людей или предметов. Связанные кинетические формы представляют собой движения или позы, осуществляемые с помощью каких-то предметов или тел. Было отмечено, что частота связанных форм в общении довольно высокая и гораздо выше, чем свободных. Особенно важной оказалась роль связанных форм в становлении и развитии личности, вследствие чего их сегодня изучают самые раз-

ные науки о человеке, такие как психология развития, психолингвистика, социальная психология и психотерапия человека, антропология, а также теория и практика межкультурной коммуникации.

Важными для нас подклассами свободных и связанных кинетических форм являются, соответственно, свободные и связанные жестовые формы, или формы жеста (см. о них также ниже в 9.6). Каждая из жестовых форм, будь то свободная или связанная, имеет с разной степенью четкости выделяемые фазы (стадии) артикуляции жеста, или фазы жеста. По аналогии с фонетикой, их можно назвать, соответственно, **экскурсия**, **реализация** (воспроизведение) и **рекурсия**.

И свободная форма жеста руки **манить** к себе пальцем, и свободная форма-поза **сидеть**, **положив ногу на ногу**, и связанная по форме жестовая форма **хлопнуть дверью** — все имеют по три стадии. Центральной для каждой из жестовых форм является одна стадия, реализация, в особенности ее кульминация, именуемая **пиком** (нередко в литературе по кинесике «пиком» называют также, на наш взгляд неудачно, всю целиком фазу воспроизведения). Экскурсия готовит движение, придавая ему нужную форму, рекурсия — это стадия, освобождающая энергию, это выход из движения. Движения могут начинаться с разных исходных положений и дальше идти к пику разными маршрутами, после чего имеет место рекурсия.

Фазы жеста могут иметь для разных жестов разную продолжительность. Например, по нашим наблюдениям после выполнения жеста-движения **натянуть юбку на колени** руки женщины обычно на какое-то мгновение задерживаются на ноге и только потом медленно уходят (в данном жесте фазой-экскурсией является «положение рук на юбке», реализацией — фаза «натягивание юбки», а рекурсией — фаза «отведение рук», причем вторая и третья стадии более медленные, чем первая). После центральной фазы жеста поманить к себе **рукой** рука может сразу перейти в другую позицию, исходную для выполнения другого жеста.

Фазы жеста соотносятся с такими кинетическими параметрами, как интенсивность движения, направление и траектория движения, степень мускульного напряжения. Они связаны с амплитудой, или широтой, движения, напоминающей длину произносимого слога, со скоростью или временной продолжительностью движения, подобными темпу речи. Описывая фазы жеста, необходимо всякий раз учитывать коммуникативные — речевое, паралингвистическое и проксеминое (см. гл. 8) — типы поведения, которые оказывают значительное влияние на характер исполнения жеста.

К коммуникативному поведению относится также молчание, которое часто является, по выражению М. Бахтина, «продолжением беседы» и которое бывает двух абсолютно разных с функциональной, семантической и прагматической стороны типов, на что, кстати, кажется, до сих пор не обращали внимания, несмотря на довольно большую литературу об акте молчания.

К первому типу относится молчание с параязыковыми и жестовыми заполнениями, ко второму — молчание с полным отсутствием голосовых звуков; ср. *Все мучения, которые она испытывала, явно отразились в длительном молчании, наполненном слезами и стонами (Ю. Крелин)* и *Я выходил из себя, жена молчала. Молчание — огромная сила. Надо его запретить, как бактериологическое оружие (С. Довлатов)*; *Она не смела слова проронить, ужасаясь его молчанию: уж не рассердился ли он на что-нибудь? Он это понимал и нарочно молчал (И. Бунин)*. Молчание, таким образом, противопоставляется не говорению как таковому, о чем часто ошибочно пишут, а передаче информации речевым способом¹¹. Плохо сказать **Петя молча кашлял*, где *кашлять* — действие неконтролируемое и не несущее смысловой нагрузки, и вполне допустимо предложение *Снова воцарилось молчание, и было слышно, как грозно сопит Федор Симонович, потерявший дар слова (Стругацкие)*, где *сопение* является действием, передающим определенный смысл. *Угрюмое молчание* и *красноречивое молчание* (последнее сочетание лишь в одном из значений) характеризуют жесты, взгляды и, возможно, другие формы невербального поведения, сопровождающие молчание, но нельзя **красноречиво не говорить* или **угрюмо не говорить*.

Параязыковые элементы и жесты могут полностью вытеснить словесные реплики, разрушая речевую коммуникацию или вовсе делая ее невозможной, ср. *Она все крепче начала его прижимать к себе, хотела еще что-то сказать и уже не могла (И. Бунин)* или *Она сжала его руки сильнее, требуя, чтобы он молчал (М. Леблан)*.

Таким образом, наступление молчания в конкретном акте общения часто свидетельствует не о простом неговорении, а о переходе замолчавшего к другому семиотическому коду; при этом выразительные возможности молчания в сочетании с параязыковыми элементами и жестами никак не меньшие, чем

¹¹ Речь, конечно, идет только об одном из значений слов *молчать* и *молчание* (и соответствующем значении слов *говорить* и *говорение*). В другом значении *молчание* противопоставлено *говорению* как производству звуков с помощью голоса (ср. правильное предложение *Она молча колотила в дверь* и неправильное **Она молча орала*).

при полном молчании, поскольку тело нередко говорит нам о том, о чем слова сказать не могут. Ср. *Он не мог вымолвить ни слова и молча заплакал (Ф. Достоевский); Я это сейчас заметил, хотя она почти все время молчала и стояла передо мной, потупив глаза и ужасно стыдясь (Ф. Достоевский); Князь был поражен чрезвычайно и молча, обоими руками обнял Ганю. Оба искренно поцеловались (Ф. Достоевский); Он помолчал, диковато озираясь, потом неожиданно зевнул, потом улыбнулся со злобой (М. Булгаков).*

Оба типа молчания соотнесены со звуком, голосом, причем молчание как слово и понятие входит вместе со звучанием и голосом не только в языковые, но и культурные оппозиции; см. об этом подробно в двух словарных статьях этнолингвистического словаря славянских древностей — слова «голос», составленной Т. А. Агапкиной и Е. Е. Левкиевской, и слова «голошение», составленной Н. И. Толстым (Славянские древности 1995, т. 1, с. 510 — 513). Так, если голос в русской и, шире, славянской культуре является приметой живого мира, то молчание — это характерная черта мира загробного. Почти полное безмолвие отличает, например, ситуацию похорон или поведение людей во время некоторых ритуальных обрядов. В славянских заговорах болезни гонят туда, где царит беззвучие: не слышны голоса животных, не поют птицы, не играет музыка, не водят хороводы и не поют девушки (там же, с. 510).

В западноевропейской культурной традиции XIX—XX веков тоже широко представлены разнообразные текстовые и стилевые знаки молчания. Это поэзия французского символизма, «статический театр» Метерлинка, проза модернизма и абсурдистская драма. Понимание мотивов и культурных концептов, выражаемых молчанием, совершенно необходимо для порождения и правильного прочтения текста, для раскрытия его интеллектуальной и эмоциональной внутренней символики.

§ 8. ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ЖЕСТОВ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: жест, функция, жестовый, коммуникация, коммуникативный акт, речь, речевой, поведение, невербальный, перформативный, троп, риторический, искусство, ораторский, контекст.

Опишем теперь основные функции жестов в коммуникации. Среди них можно выделить:

(а) **функцию регулирования и управления вербальным поведением говорящего и слушающего; ср. жесты, сопровождающие**

приветствия, приказы, убеждения, просьбы, согласия, угрозы и многие другие речевые акты;

(б) **отображение в коммуникативном акте актуальных речевых действий.** Эта функция является основной у так называемых **перформативных речевых жестов.** Итальянский психолог, известный специалист в области кинесики Пио Энрико Риччи-Битти в своем докладе на международном симпозиуме «Семантика и прагматика повседневных жестов» (Берлин, апрель 1998) заметил, что «перформативные речевые жесты обеспечивают визуальную репрезентацию некоего разворачивающегося речевого действия». К такого рода жестам принадлежат, например, невербальные акты просьбы типа **помахать пальцем**, жесты-вопросы, жесты-угрозы, жесты-предложения и пр.;

(в) **коммуникативную функцию передачи адресату** некоторой порции **смысловой информации.** Этой функцией обладают, например, коммуникативные эмблемы, о которых подробно говорится в следующем разделе;

(г) **репрезентацию внутреннего психологического состояния** жестикулирующего или его **отношения к партнеру** по коммуникации. Примером жестов с такой функцией являются симптоматические эмблемы, см. о них также ниже;

(д) **дейктическую функцию**, например указание на местоположение человека или объекта или жестовое уточнение местоположения;

(е) **жестовое изображение физических действий** человека, контуров и параметров объекта и др.; ср., например, жестовое представление чьей-либо походки или имитацию манеры чужого поведения за столом, пояснение величины или размера какого-то предмета;

(ж) **риторическую функцию.**

Значение и употребление некоторых жестов может быть охарактеризовано в терминах риторических, большей частью тропеических, фигур, таких как метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, ирония и т.п. Жесты могут выражать и передавать как буквальное значение, то есть значение, раскрываемое в словарном толковании жеста, так и небуквальное, которое, будучи семантическим производным (дериватом) от исходного, «вычисляется» с использованием механизма и правил семантического вывода, когнитивных операций или сценариев, типовых метафорических схем.

Подобно тому как это происходит в диалоге на естественном языке, поверхностное оформление смысла с помощью жестового кода всегда осуществляется отправителем сообщения,

реализующим свои коммуникативные намерения и учитывающим различные условия и характер коммуникации. Адресат, чтобы понять полученное им высказывание, должен выявить пропозициональные установки и намерения своего партнера и понять смысл сказанного. И также, подобно тому как это бывает в диалоге на естественном языке, понимание особенно затруднено, когда адресат сталкивается с художественными невербальными средствами, прежде всего с жестовыми тропами. Жесты с тропеической организацией значения, использующиеся в акте коммуникации в риторических целях, мы называем риторическими.

Замечание. Риторическими могут быть как жесты-эмблемы, так и жесты-иллюстраторы (см. о них ниже в 8.1). Основным назначением риторических иллюстраторов, однако, является не смысловое дополнение речевых сообщений или их фрагментов, как у обычных иллюстративных жестов, а украшение и усиление отдельных аспектов той речи, которую они сопровождают.

У риторических жестов есть свои функции в коммуникативном акте: помимо передачи точного значения они участвуют в обработке исполнения сообщения. Риторические жесты, будь то эмблемы или иллюстраторы, участвуют в процессе становления жестово-интонационной структуры коммуникативного акта. По удачному замечанию, сделанному Н. Дрэй и Д. Мак-Нилом (Дрэй, МакНил 1990), они «связаны с процессом определения коммуникативных контрастов», который весьма существен для производства и понимания речи. При использовании риторических жестов акцент со слова переносится на визуальный образ, который это слово порождает; слова должны быть увидены — в этом тезисе кроется существо ораторского приема употребления такого риторического жеста. Выступающий может перевоплотиться в чудовище или дикого зверя с целью внушить аудитории страх или ужас (риторический прием, называемый *бестиализация*). Желая быть более убедительным, поклясться аудитории нечто сделать, обрушить на чью-то голову град проклятий и ругательств или просто создать у слушающих нужное ему настроение, он может ввести себя в состояние аффекта, а может, например, превратиться в смиренного грешника, чтобы выразить идеи набожности и повиновения, — все подобные телесные метаморфозы призваны выразить словесно невыразимое, и в этом можно видеть цель и назначение риторических жестов.

Примером риторических иллюстративных жестов, относящихся к основам ораторской техники, типичной, например, для Франции XVIII века, служат особые символические движения, иконически отображающие некоторые стороны подобного перевоплощения; см. следующую рекомендацию: «Когда ты говоришь о жестокой вещи или гневно, сожми кулак и потряси рукой. Когда ты говоришь о вещах небесных или божественных, возведи очи и укажи пальцем на небо <...> Когда ты говоришь о святой вещи или набожно, воздешь руки» (М. Баксанделл, цит. по Ямпольский 1994, с. 30). Эмблематический жест кулак Дантона (вытянутая вперед рука, пальцы сжаты в кулаке) тоже имел риторическое употребление: искусный оратор, подавляя речь, плотно сжимал губы и, выкатив глаза, устремлял кулак в сторону аудитории. Этот жест является очевидной невербальной метафорой, выражающей установку на отталкивание и одновременно на вторжение, проникновение в аудиторию, а также то, что все эти действия происходят в актуальном настоящем времени.

В России тоже большое значение придавалось умению жестикулировать во время публичного выступления. Так, М. М. Сперанский, известный политик и государственный деятель России начала XIX века, считал, что рука оратора должна действовать, когда нужно дополнять и подчеркивать понятия, что хорошая ораторская речь сочетается с жестами, передающими эмоциональное состояние говорящего и подчеркивающими внутреннюю убедительность произносимого, а К. С. Станиславский неоднократно повторял актерам, чтобы те обращали должное внимание на роль жеста и мимики в своей игре на сцене; он призывал их при словесном общении «говорить не столько уху, сколько глазам».

Аналогично тому, как это происходит в естественном языке, выбор поверхностной реализации смысла с помощью невербального (жестового) метафорического кода каждый раз осуществляется с учетом коммуникативных намерений отправителя сообщения и имеющихся контекстных условий, а адресат, чтобы понять высказывание, должен эти намерения и установки партнера выявить. Изоморфизм (или, точнее, очень высокая степень сходства) процессов вербальной и невербальной метафоризации подчеркивает сходные черты в лексических знаках двух языков.

Заканчивая описание основных функций человеческих жестов в коммуникации, подчеркнем, что невербальное жестовое событие, как правило, характеризуется не какой-то одной, а сразу несколькими разными функциями, из которых, однако, обычно лишь одна-две являются доминантными.

§ 9. ВАЖНЕЙШИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ВНУТРИ ЖЕСТОВ И ВНУТРИ ЖЕСТОВЫХ СИСТЕМ

Ключевые слова: кинема (жест), разновидность, знак, форма, смысл, коммуникация, невербальный, семиотический класс (тип) жеста, эмблематический жест (эмблема), иллюстративный жест (иллюстратор), регулятивный жест (регулятор), индексальный жест (жест-индекс), иконический жест (жест-икона), символический жест (жест-символ), символизация, семиотический процесс (семиозис), основные жестовые противопоставления: исконные и заимствованные жесты, жесты бытового языка и жестовые диалекты, мужские и женские жесты, взрослые и детские жесты, жесты с адапторами, жесты без адапторов, прагматически освоенные жесты, прагматически не освоенные жесты.

9.1. Основные семиотические классы жестов

Среди кинем можно выделить три основных семиотических класса: (а) кинемы, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от вербального контекста, (б) кинемы, выделяющие какой-то речевой или иной фрагмент коммуникации, и (в) кинемы, управляющие ходом коммуникативного процесса, то есть устанавливающие, поддерживающие или завершающие коммуникацию.

Первый вид кинем Давид Эфрон еще в 1941 году назвал эмблематическими, или эмблемами (Эфрон 1941/1972). Бывают эмблемы — невербальные аналоги слов, но для русского языка жестов более типичны эмблемы — аналоги речевых высказываний. Большинство эмблематических жестов в пределах одного жестового языка автономны от речи и могут выступать в коммуникативном акте изолированно от нее, хотя существуют также эмблемы, требующие обязательно речевого или звукового сопровождения. С отдельными эмблематическими жестами мы уже встречались, кроме того, многочисленные примеры эмблем даются ниже, особенно в главе 5.

Второй вид кинем получил название иллюстративных жестов, или иллюстраторов, а третий — регулятивных, или регуляторов (термины тоже принадлежат Д. Эфрону). Иллюстративные жесты по своей природе не могут передавать значения независимо от вербального контекста и никогда не употребля-

ются отдельно от него. Примерами иллюстраторов служат русские невербальные единицы «легкое опускание век при произнесении утвердительного предложения в конце его», «чуть расширяющиеся глаза в конце обычного вопроса» и «раскрытые руки в направлении ладонями вверх и слегка наклоненные к адресату». Последняя жестовая форма, к примеру, показывает, что жестикулирующий намеревается сразу же вслед за исполнением данного жеста ввести в свою речь новую тему сообщения. В коммуникативном акте данный жест всегда выступает вместе со словами *А теперь...*; *<А> вот сейчас...* и т.п.

Замечание. Эмблема с обязательным звуковым сопровождением отличается от иллюстративного жеста и типом выражаемого значения, и природой звукового сопровождения. Так, звуковое сопровождение при эмблеме имеет свой смысл, а не подчеркивает смысл жеста. Жест *приложить палец к губам* (форма «палец перпендикулярно губам, губы сомкнуты») может выполняться либо без речевого сопровождения (жестовая лексема *приложить палец к губам 1*, значение которой можно условно описать как «молчи»), либо с речевым сопровождением типа *тсс* (*приложить палец к губам 2*, значение «тише»). У элемента *тсс*, паразыкового аналога лексемы *тише*, есть, однако, свой смысл, не сводимый к смыслу жеста. Каждая из этих жестовых лексем — эмблема, но значат они разное и имеют разные контексты употребления (их полное описание содержится в нашем Словаре языка русских жестов, см. ниже).

Как было давно и совершенно справедливо отмечено в статье Т. М. Николаевой и Б. А. Успенского, «когда жесты, сопровождающие речь, не факультативны, *<...>* т.е. обязательно сопровождают слово или выражение языка (скажем, определенным образом изменяя его значение), то тогда их роль можно уподобить роли просодических средств в языке и, соответственно, можно назвать такие жесты просодическими» (Николаева, Успенский 1966, с. 67, сноска). К подобным эмблематическим жестам относится кинема *ва!* в значении «возьми то, что я тебе сейчас протягиваю».

Многие русские слова и даже целые высказывания «любят» определенные иллюстративные жесты, например мелкие движения головой, глазами, руками, пальцами и др. Указательные слова *здесь*, *тут*, *это* или личные местоимения *я*, *мы* и их формы в косвенных падежах обычно выступают вместе с легким движением руки, направленным в сторону говорящего, причем употребление слова *мы* и его форм обычно завершается едва заметным вращательным движением руки. Напротив, использование в речи местоимений *ты*, *вы*, *они*, *то*

сопровождается иллюстраторами, отображающими движение от говорящего в сторону реального или воображаемого человека или предмета. Высказывание *Да ну?* в норме сопровождается вскидыванием головы и поднятием бровей, высказывание *Никогда!* — покачиванием головы и т.п. Нет сомнения в том, что систематическое и детальное описание всех подобных знаковых кинетических элементов обогатит не только представление о языке тела, но и о естественном языке, прежде всего о его лексике (см. об этом подробнее в Крейдлин, Шаронов 1998).

Жесты-иллюстраторы разных языков тела и формально и семантически описаны очень плохо (из редких приятных исключений назову работы Кальбрис 1990; МакНил 1992; Фридман 1977), не выделены их типологически релевантные параметры, соответственно, не построена и типология иллюстративных жестов. Чуть лучше представлены в литературе исследования, связанные с описанием отдельных коммуникативных функций иллюстраторов; см., например, Козн 1977; Райм, Шиаратура 1991, и, еще лучше, работы, описывающие роль иллюстраторов в развитии детей¹².

Третья разновидность жестовых единиц, регуляторы, может, как и эмблемы, выступать как вместе с речью, так и без нее. В коммуникации эти жесты, как следует из определения, выполняют регулятивную функцию, в частности фатическую функцию поддержания общения. Пример регулятивного жеста мы уже приводили — это **кивок**; еще одним примером регулятивного жеста является «<периодическое> открывание и закрывание глаз», мимический аналог **кивка**.

Эмблематические жесты тоже могут выполнять регулятивную функцию, например, контакт глаз, когда один человек хочет установить речевой контакт с другим (см. подробно о контакте глаз и других глазных жестах в § 2 гл. 6).

Хотя выделение эмблем, иллюстраторов и регуляторов сегодня в кинесике более или менее общепринято, сами имена классов жестов не являются устоявшимися: в литературе можно встретить и другие названия. Так, в ряде своих работ А. Кен-

¹² Так, выдающийся французский психолог Жан Пиаже отметил, что для детей в возрасте до семи-восьми лет иллюстративные жесты не менее важны, чем слова, и, по сути дела, образуют особый «социально закрепленный язык детей». Исследования Ж. Пиаже, а вслед за ним и других ученых показали, в частности, что дети с самого рождения широко пользуются указательными жестами-иллюстраторами (особенно в общении со взрослыми) как наиболее точными средствами референции, а затем с возрастом эти функционально и семантически более простые единицы постепенно уходят, а их место занимают более сложные кинемы.

дон вместо термина «эмблемы» использует термины «автономные жесты» (autonomous gestures) и «цитируемые жесты» (quotable gestures); см., например, Кендон 1981; Кендон 1992, а итальянская исследовательница жестов И. Поджи называет эмблемы «лексическими жестами» (lexical gestures); см. Кальдоньетто, Поджи 1997; Поджи 1998. Наряду со словом «иллюстраторы» в литературе встречаются именно в этом смысле употребленные названия «жестикуляции» (gesticulations), см. Кендон 1983, и «движения, направленные (ориентированные) на речь» (speech-focused movements), см. Баттерворт, Битти 1978.

Замечания. 1. Пока все или весьма представительное большинство жестов разных языков семантически не описаны, не ясно, дают ли эмблемы, иллюстраторы и регуляторы в совокупности разбиение жестов на семиотические классы, то есть является ли деление жестов на указанные три класса классификацией. Очевидно лишь, что произвольная кинема в силу данного нами определения соответствующих семиотических разновидностей жестов не может принадлежать одновременно двум классам, то есть классы эмблем, иллюстраторов и регуляторов не пересекаются.

2. Не вполне понятно нам сегодня и то, как могли бы выглядеть разные содержательные дальвейшие членения каждой из указанных разновидностей жестов (впрочем, ниже приводится семантическая классификация эмблематических жестов). Тем не менее уже сейчас кажется, что, после того как будут семантически охарактеризованы основные эмблемы разных жестовых языков, откроется возможность провести более дробное функциональное деление эмблематических жестов, например выделить в качестве отдельного подкласса эмблем единицы, основной функционально-коммуникативной характеристикой которых является, так сказать, противоречие словесному или жестовому высказыванию. К жестам указанного типа относятся, например, заговорщицкие подмигивания, скрещенные за спиной жестикулирующего и потому скрытые от сторонних глаз пальцы (форма «средний палец лежит на указательном пальце») и некоторые другие. В тех случаях, когда эмблемы данного типа выступают параллельно речи, именно они, а не речевые единицы говорят правду. Выделение подобных жестов является очень важным с коммуникативной и социальной точек зрения.

Вслед за крупнейшим немецким психологом, философом и физиологом Вильгельмом Вундтом (Вундт 1911/1973) на основании разных значений признака «способ соотнесения зна-

ка с референтом» Д. Эфрон выделяет среди эмблем **указательные** (дейктические), **изобразительные** и **символические** жесты. Эти виды жестов вполне соответствуют знаменитому делению Ч. Пирсом знаков на индексы, иконы и символы (и, вообще говоря, их выделение логически не зависит от вышеприведенного: среди иллюстративных жестов можно выделить аналогичные классы). Ввиду такого параллелизма можно говорить об **индексальных эмблемах**, или **<жестах-индексах>**, **иконических эмблемах**, или **иконах**, и **символических эмблемах**, или **символах**.

Подобно тому как незнаковое поведение может стать знаковым в процессе **семиотизации**, так и эмблематические жесты, в своей исходной функции и исходном значении принадлежащие какому-то одному классу из классификации Д. Эфрона, могут переходить в другой класс и приобретать иные функции или значения, находясь под действием различных процессов, из которых, быть может, самым важным является процесс **символизации**, превращение жестов-индексов и жестов-икон в жесты-символы. Изучение происхождения и культурной эволюции незнаковых движений, путей и способов перехода их в разряд жестов, а также анализ процессов семантической деривации одних жестов из других дает основание говорить об особых **типах невербального семиотического процесса**, или **жестового семиозиса**. (См. описание фрагментов некоторых из таких процессов в Бреммер, Руденбург 1991; МакГуир 1980; Моррис 1977; Моррис и др. 1979; Пойатос 1976; Пойатос 1988; Экслайн, Фер 1978). Так, многие жесты с общим значением «оскорбления» или такие жесты, как **прикрыть рот** и **закрыть глаза руками**, своим происхождением, по всей видимости, обязаны вере людей в злой глаз, влиянию демонических сил и магии на жизнь человека, то есть эти движения обрели культурные смыслы (см. об этом подробнее в гл. 6). Прикрывание рта во время зевка сегодня служит в европейской культуре знаком «приличного поведения» и входит в этикет, а раньше, судя по находкам английского антрополога, психолога и специалиста в области невербальной семиотики П. Коллета, это движение, видимо, было защитой от действий злых сил (П. Коллет, устное сообщение).

Еще одна особенность жестового семиозиса, понимаемого как процесс образования и функционирования жестовых знаков, состоит в том, что отдельные жесты напоминают своей иконичностью словесные идеофоны, но являются конвенциональными и произвольными в том смысле, что разные культуры выбрали разные пути или аспекты для подчеркивания сход-

ства знака с референтом. Например, счет на руках может начинаться с большого пальца, а может с мизинца, причем пальцы могут загибаться или разгибаться. Приглашение к выпивке и сам процесс потребления алкоголя можно выразить жестом, в котором участвуют большой и указательный пальцы, направленные параллельно один другому и изображающие стаканчик, или другим жестом, обозначающим штопор для откупоривания бутылки (большой палец поднят кверху, мизинец оттопырен и смотрит в сторону, остальные пальцы руки согнуты и прижаты к ладони). Наконец, этот смысл можно передать еще более сложным — метонимическим — способом, а именно **пощелкиванием по горлу**, при выполнении которого человек щелкает по горлу ногтем среднего или указательного, реже большого, пальца, в результате чего возникает звук, напоминающий звук от постукивания по горлышку бутылки (горло человека выступает здесь как самоадаптор). Жест **стаканчик** свойствен и японской культуре и, насколько можно судить по проведенному нами опросу среди немецких студентов и преподавателей, вполне характерен также для культуры немецкой. Однако немцами он редко используется в значении «приглашение к выпивке», а применяется обычно для указания того количества алкогольного напитка, которое просит налить себе жестикулирующий. Другой жест того же лексикографического типа, **штопор**, вообще не осознается немцами как исконная кинема их культуры, а воспринимается как заимствованный жест (см. об исконных и заимствованных жестах в следующем разделе); опрошенные нами немцы утверждают, что штопор крайне редко встречается в их среде, по крайней мере молодежной.

Помимо приведенной существуют и другие семиотические классификации жестов. Среди наиболее известных — классификация, предложенная Десмондом Моррисом (Моррис 1977; см. также рецензию на эту работу Кендон 1980а, с. 185—192). С самого начала все жесты в ней делятся на два класса — *primary gestures*, то есть основные или исходные жесты, и *incidental gestures*, жесты побочные, случайные, неосновные. Первые предназначены исключительно для коммуникации людей, а вторые выполняются людьми с разными иными целями, отличными от цели общения. К жестам второго класса он относит жесты-прихорашивания (приглаживание волос, одергивание платья и т.п.), жесты-подпорки (поддерживание головы рукой или руками, позы «человек стоит и рукой опирается о стол» или «сидит, держась руками за спинку стоящего перед ним стула»

и т.п.), шмыганье носом и пр. Жесты первого класса — это мануальные жесты, выражения лица и некоторые другие виды жестов, несущие определенную информацию. В этом классе Д. Моррис выделяет ряд подтипов (хотя основания деления, по всей видимости, являются функционально-семантическими, в явном виде это не сказано, и в действительности та логическая конструкция, которую предлагает Д. Моррис, классификацией не является) и среди них такие, как *expressive gestures*, экспрессивные жесты, посредством которых выражаются чувства и эмоциональные отношения; *descriptive gestures*, дескриптивные жесты, описывающие конкретные объекты и абстрактные понятия или их свойства; *directive gestures*, директивные жесты, призванные направлять действия или управлять действиями адресата в ситуациях, когда люди должны действовать согласованно, но по каким-то причинам, например из-за незнания языка, из-за шума или большого расстояния, не могут пользоваться речью (при погрузке и выгрузке грузов на складах, на аэродромах во время посадки самолетов, на киносъёмках, в телевизионных студиях во время записи телепередачи, во время пребывания за границей и др.); коммуникативные жесты, передающие желания жестикулирующего, обращенные к адресату, например поздороваться или попрощаться, чтобы адресат подошел к нему или, наоборот, отошел, чтобы адресат обратил внимание на некоторый объект и т.п., жесты, выражающие согласие или несогласие с чем-либо, и др.

Наряду с жестами, соответствующими разным типам эмблематических жестов в классификации Д. Эфрона, Д. Моррис выделяет и описывает некоторые «иллюстративные жесты», в особенности знаки, названные им *batons*, жестовые ударения, ответственные за ритмическую организацию сопутствующей речи.

9.2. Исконные и заимствованные жесты

По отношению к источнику своего появления в данном языке тела все жесты, подобно словам или фразеологическим единицам естественного языка, делятся на два класса — **исконные** и **заимствованные**. Пример заимствованного жеста немецкой культуры мы привели выше; заимствованным жестом в русской культуре может служить жест ОК, известный также под названием «кольцо». Этот жест очень популярен, особенно в русской молодежной среде. Интересно, что, хотя жесты с внешне сходной формой можно встретить в целом ряде миро-

вых культур, они обычно имеют в них разные значения. Русский язык тела заимствовал лишь один вариант, американский, со значением «все хорошо, все в порядке»; о жестах других культур, имеющих такую или почти такую форму, пойдет речь ниже.

9.3. Жесты языка и диалектные варианты

Языку жестов, как и естественному языку, свойственна вариативность. Наряду с повседневными бытовыми жестами, образующими центр кинетической системы, имеются географические, или территориальные, а также профессиональные, социальные, конфессиональные и другие жестовые диалекты.

Каждый человек обладает своим жестовым языком, отражающим определенные особенности той или иной культуры. Однако у него может появиться и особый жестовый «акцент» — географический, этнический, социальный и т.п. Особый географический жестовый ареал для итальянских жестов образует, например, Южная Италия, однако каковы все существенные отличия жестов Севера и Юга Италии, пока еще до конца не выяснено. Или вот еще один неочевидный пример. Согласно предварительным результатам, полученным группой ученых из Технического университета г. Берлина во главе с проф. Р. Познером, существуют явные лексические расхождения в кинетических системах даже в пределах одного города — Восточного и Западного Берлина. Эти исследования лишь совсем недавно стали предметом серьезного обсуждения (см. об этом Познер и др. 1998).

Географической вариативности жестов посвящена книга Моррис и др. 1979, в которой, в частности, показано, как меняется смысл по мере продвижения одной и той же жестовой формы с севера на юг Европы. Так, распространенная в большей части Европы, но отсутствующая в русской культуре форма «указательный палец находится под нижним глазным веком и чуть оттягивает его, несколько расширяя глаз»¹³, согласно материалу, представленному в упомянутой книге, означает в Англии «я все вижу» или «я настороже» («I am on alert»), а при движении к Франции и Италии значение данной формы меняется до предупреждения «ты должен быть начеку», что хорошо видно по одной из многочисленных диалектологических карт, содержащихся в книге и демонстрирующих путь и

¹³ В англоязычной традиции эта форма называется *eye touch gesture*.

характер распространения той или иной жестовой формы. Между тем в азиатской культуре, у китайцев, например, данная форма обозначает «презрение», см. Стефенсон и др. 1993, с. 243 (описание смысла) и с. 245 (изображение жеста).

Выводы, которые я могу сделать, основываясь на данных, полученных в исследованиях по жестовой географии, в частности данных упомянутой выше книги Моррис и др. 1979, и сравнивая имеющиеся жестовые диалектологические карты с некоторыми языковыми диалектологическими картами, состоят в том, что (а) границы распространения жестовых территориальных диалектов не только не совпадают с границами естественных языков, но и весьма причудливым образом соотносены с ними; кроме того, (б) жестовая форма, видимо, в среднем более устойчивая, чем языковая, тогда как значение ее меняется достаточно быстро. Я, однако, хорошо осознаю предварительный, а потому вполне гипотетический характер данных утверждений, которые нуждаются в тщательной проверке. Такой проверке могло бы способствовать создание различных жестовых диалектологических карт и атласов — задача, которая, насколько мне известно, в кинесике еще не была даже поставлена. Построение жестовых диалектологических карт, нанесение на них жестовых изоглосс и последующий картографический анализ (определение пучков изоглосс, зон и характера разрывов линий, типов переплетений и т.п.) становятся сегодня необычайно актуальной и важной задачей.

Что касается профессиональных, социальных и других диалектов, то они, по нашим данным, имеются во всех развитых культурах. Так, например, в Австралии особый жестовый язык отмечен у охотников целого ряда племен, а в Англии особые жестовые знаки применяют фаны — футбольные болельщики. Имеются, как уже говорилось, особые жесты у военных (Шатер 1979) и мукомолов (Мейснер, Филпот 1975), есть жестовые языки дирижеров и танцоров. В статье Ямпольский 1994 рассказывается о необычных жестах палачей, ораторов и актеров, существовавших в разных частях света с самых древних времен, а в исключительно содержательном докладе С. Квэй из Токио наХН Международном симпозиуме по социолингвистике (Лондон, март 1998) речь шла об удивительном языке монахов-траппистов из монастыря Нотр-Дам де Фэр в Хоккайдо (Япония); о жестовых языках монахов см. также книгу Баракат 1975.

Социальная, профессиональная и религиозная дифференциация чрезвычайно характерны и для русской жестовой системы, ср. жесты спортивных судей в различных национальных

видах спорта, например в городках, самбо или хоккее с мячом, особые жестовые языки альпинистов и водолазов, религиозные жесты, исполняемые во время православной службы в церкви, жесты старообрядцев или христиан-баптистов. Из невербальных неологизмов отмечу отдельные жесты так называемых «новых русских» и элементы молодежного жестового сленга.

9.4. Жесты взрослых и детей

Важным в социальном и культурном планах является выделение взрослых и детских жестов¹⁴. Все жесты мы делим на три класса: взрослые, детские и нейтральные, свойственные как взрослым, так и детям.

Русскими детскими жестами являются, например, жестовые единицы из лексикографического типа «дразнилок», такие как *показать язык*, *показать нос*, *надуть щеки*, *«корчить рожу»* и другие. Отмечу попутно, что если в России жест *показать язык* является детским жестом-дразнилкой, то в Тибете — это жест приветствия, исполняемый равным образом и взрослыми и детьми, а в Венгрии *«корчащий рожу»* взрослый человек оскорбляет адресата и при этом поведение жестикулирующего считает непристойным (см. об этом Балаш 2000, с. 206). К детским жестам относятся также жест *«экспрессивная фига»*, являющийся, как мы уже говорили, вариантом жеста *показать кукиш*, телодвижение *скакать на одной ножке*, жест *«лопух»*, или, как его еще называют дети, *«чебурашка»*. Последний жест имеет примерно такую форму: большие пальцы рук затыкают ушные отверстия, руки с растопыренными остальными пальцами развернуты в направлении адресата, жестикулирующий несколько раз быстро машет кистями рук; при этом лицо его принимает особое «идиотское» выражение — рот открыт, нижняя челюсть подается вперед, голова при этом может трястись, и жестикулирующий может несколько раз произнести звуковую последовательность *ы-ы-ы*.

Взрослыми жестами являются русские невербальные знаки *развести руками*, *закрыть лицо руками*, *«осуждающе» качать головой*, *поглаживать бороду*, *стукнуть кулаком по столу*, кинемы из лексикографического типа *«приглашение выпить»*,

¹⁴ Детским жестам и невербальной коммуникации детей посвящена большая специальная литература, см., например, Бак 1975; Блертон-Джоунз 1972; Буженталь и др. 1970; Льюис 1978; МакНил 1986; Саарни, Хэррис 1989.

жесты-«укрытия», заботы или защиты (загородить спиной, вести, взяв за руку, стоять руки в стороны), обценные жесты, некоторые виды касаний и ряд других.

Замечание. На самом деле полная классификация по признаку «возраст» (да и по другим параметрам тоже) должна была бы учитывать наличие диалогического партнера. Имеются русские жесты, которые взрослые исполняют только по отношению ко взрослым (таковы, например, «неприличные» жесты), жесты, которые взрослый обращает исключительно к детям (типа жеста «покачать указательным пальцем» со значением «нет» или «не делай этого»), или жесты типа японского «указательный палец у виска», который обозначает «он сумасшедший» и который исполняется взрослыми при обращении к детям или детьми друг к другу (см. Кальбрис 1990, с. 35), жесты только детей, обращенные к детям (ср. жест «экспрессивная фига») и т.п., но мне неизвестно, например, существуют ли в какой-нибудь жестовой культуре кинемы, которые дети исполняют регулярно и только в отношении взрослых (впрочем, быть может, таковым является жест «возьми меня на ручки», когда младенец протягивает к взрослому руки, чтобы тот взял его на руки).

9.5. Мужские и женские жесты

Хорошо известно, что параязыковое невербальное поведение женщин отличается от аналогичного поведения мужчин (см. об этом хотя бы сборник статей Майо, Хенли 1981 или книгу Кей 1996, в особенности гл. 11 «Nonverbal, extra-linguistic messages», с. 101–111). Достаточно упомянуть особые мужские и женские голоса (см. о них в гл. 4), различные у мужчин и женщин голосовые приемы выражения эмоций или такое невербальное интерактивное поведение, как молчание, которое, как уже говорилось ранее, у некоторых народов, населяющих Австралию, например варлпири, закреплено за вдовами, но не за вдовцами. А поскольку жестовые движения, как и паралингвистические категории, имеют явно выраженную биологическую основу (хотя, разумеется, общество и культура могут существенным образом изменить влияние биологических факторов), релевантность противопоставления мужских и женских жестов в кинетической системе любого языка априори столь же очевидна.

В статье «Мужское и женское в жестовой коммуникации» Р. Бирдвистел выделил и описал типологически и социально значимые противопоставления по полу, или гендерные разли-

чия, имеющие место в жестовых системах американских культур. Так, он пишет: «Мои занятия кинесикой привели меня к выводу о том, что у человека, а возможно, и у некоторых других биологических видов <...> с необходимостью проявляются половые различия, которые обнаруживают себя в позах, телодвижениях и в выражениях лица» (Бирдвистел 1970, с. 42).

Несовпадения мужских и женских телодвижений и поз особенно заметны в углах наклона корпуса тела и в положении таза, что проявляется главным образом в походке и позах (см. подробный обзор работ, описывающих особенности телодвижений и поз женщин и мужчин, в статье Вругт, Керкстра 1984, а также работы Волбот 1982; Риджио, Фридман 1986). Впрочем, следует сказать, что эти работы, как и многие другие невербальные исследования, не носят компаративный характер и не учитывают возможные межкультурные различия в невербальном гендерном поведении людей. Так, утверждается, в частности, что мужчины в сидячей позе чаще, чем женщины, отклоняются назад (Клейн 1984), что, например, для русских мужчин, по моим наблюдениям, не очень характерно.

Более тонкой и трудноуловимой является разница в движениях глаз и век. Тем не менее, как отмечается в Бирдвистел 1970, с. 44 и след., информанты обычно точно описывают поведение глаз и век как мужское или женское, не видя целиком человека, а видя одни лишь глаза. Иными словами, для правильной квалификации глазного поведения как мужского или как женского людям вовсе не обязательно видеть тело человека.

Тщательные наблюдения и измерения позволили установить, что структурные элементы собственно глазного и околоорбитного поведения тесно взаимосвязаны. Например, когда у человека глаза закрыты, движения зрачков не бывает. Мужчины, испытывающие боль или страдания, относительно быстро закрывают и открывают веки, так что невооруженным глазом эти движения глаз заметить не так-то легко; женщинам же такое поведение, вообще говоря, не свойственно (Аржилль 1967). Английский психолог, специалист в области кинесики и окулесики М. Аржилль попытался описать типовые программы мужского и женского глазного поведения, точнее, модели движения глаз, присущие англичанам — мужчинам и женщинам (см. Аржилль 1967; Аржилль, Ингам 1972), однако серьезная работа по созданию моделей и правил глазного поведения еще только начинается; пока еще, как кажется, накоплено и обработано слишком мало материала для каких-либо теорий и действующих моделей обобщающего характера. Ниже, в гла-

ве 6, мы подробно остановимся на отдельных особенностях русского глазного поведения и укажем ряд существенных признаков мужского и женского глазного поведения, свойственных русской культуре, а также те смыслы, которые при таком поведении выражаются. После чего мы обсудим вопрос о том, являются ли подобные фрагменты модели глазного поведения национально-специфичными или универсальными.

Помимо очевидных расхождений в форме реализации одних и тех же жестов различными оказываются также некоторые мужские и женские невербальные формы выражения одного и того же смысла в пределах данного жестового языка. Например, выражая смысл «смущение», русские мужчины чаще потирают рукой подбородок или нос, а женщины потирают щеки или область непосредственно перед шеей. Различия по полу, отражаемые в невербальном поведении, привели к тому, что отдельные жесты и даже целые стили невербального поведения стали оцениваться как (более) женские и, соответственно, (более) мужские, независимо от реального пола их исполнителя. Больше того, для ряда культур были составлены специальные таблицы соответствующих форм и типов мужского и женского поведения, присущих носителям данной культуры (см. Барлоу и др. 1979; Перкинс 1986).

Существуют мужские позы, мужские жесты рук и мужская походка. Мужскими являются такие русские позы и жесты, как сидеть, развалившись в кресле; стоять, широко раздвинув ноги; чесать в затылке; потирать руки; стукнуть кулаком по столу, различные обценные жесты. Примерами мужских жестов служат также обращенный к мужчине (см. замечание в конце предыдущего раздела) иконический знак, изображающий контур женской фигуры, и кинема погладить бороду или — для тех мужчин, у которых нет бороды, — потирать челюсть (подбородок). См. — *А теперь что, босс? — спросила она. — Я думаю об этом, — сказал я и потер челюсть, дабы доказать это* (Г. Гаррисон. «Крыса из нержавеющей стали»).

Замечание. Все сказанное относительно противопоставления мужских и женских жестов совсем не означает, что мужчины вообще не могут исполнять некоторые женские жесты (или наоборот), просто такое невербальное поведение не является для мужчин нормативным и стереотипным.

Женский стиль кинетического поведения тоже отражается в особых позах, походке и жестах, таких как поправить волосы; чуть наклонить голову; сидеть, сомкнув колени; ходить, по-

качивая бедрами. О женских испанских жестах любви см. интересную работу Бейнауэр 1934. Известный специалист в области кинесики Э. Монтегю в связи с половыми различиями в жестовом поведении пишет: «<...> возможно, самый известный в западной культуре мужской жест — это почесывание в затылке. Женщины так себя обычно не ведут» (Монтегю 1971, с. 207).

Половые различия в употреблении собственно жестов особенно заметны. В случае умственного затруднения или недоумения мужчины разных географических и культурных регионов потирают рукой подбородок или чуть тянут вниз мочки ушей, трут лоб, щеки или тыльную сторону шеи. Находящиеся в тех же самых интеллектуальных и психологических состояниях женщины пользуются совсем другими жестами. Например, они, «несколько приоткрыв рот, прикладывают указательный палец к нижним передним зубам либо приставляют его к подбородку» (Монтегю 1971, с. 208). Китайские мужчины, приветствуя другого на расстоянии, машут обычно вытянутой рукой, что китайским женщинам не свойственно: выполняя то же движение, они держат руку близко к телу (Стефенсон и др. 1993, с. 237—238). Адам Кендон вместе с Эндрю Фербером выделяют пять положений головы, свойственных людям разных национальностей и культур во время приветствий: (а) прямая (ненаклоненная) голова; (б) голова, несколько наклоненная вперед; (в) голова, несколько откинута назад; (г) голова, чуть приподнятая и наклоненная в сторону; (д) выдвинутый вперед подбородок. По их мнению, мужчины отдают предпочтение первому и последнему положениям с прямой головой (27 из записанных на видео 35 приветствий), тогда как женщины больше по сравнению с мужчинами наклоняли голову в сторону (18 из 20), причем в особенности наклон головы был замечен во встречах женщин с мужчинами (Кендон, Фербер 1973, с. 593 и след.).

Наиболее выражены различия по полу в тех ситуациях общения мужчин и женщин, в которых особое значение имеют социальные и интерактивные кинетические переменные, такие как статус, роль, мотивация, психотип личности, нормативные ожидания, установки, преференции и др. Положение женщины в обществе, существующие стереотипные представления, касающиеся ее невербального поведения, стремление избежать санкций за девиантное жестовое поведение (за не «ту позу», «неприличные жесты», «вызывающие взгляды» и т.п.), а отсюда нередко заметная скованность и несвобода в движе-

ниях — все эти факторы очень сложным образом взаимодействуют со значениями указанных переменных. Так, невербальное поведение в диалоге с мужчиной женщины-«начальницы», вообще говоря, иное, чем женщины-«подчиненной», а невербальные стратегия и тактика «просительницы», стремящейся во что бы то ни стало достичь поставленной цели, например уговорить мужчину-врача положить ее старенькую маму в больницу (сильная мотивация), совсем другие, чем «просительницы», протежирующей постороннему человеку (слабая мотивация). Подобные различия в поведении (позы, жесты, мимика) вполне осознаются людьми, что, в частности, прекрасно продемонстрировали ролевые диалогические игры, время от времени проводимые мной на ежегодном семинаре по невербальной семиотике в Институте лингвистики РГГУ.

Наличие гендерных расхождений в жестах и невербальном поведении характерно для самых разных культур. Вот несколько письменных свидетельств этому: англо-саксонская культура: *Я хочу, чтобы мужчины мной восхищались, но этому учишься в школе — повела глазами, понизила голос, коснулась плеча. Если они [мужчины. — Г. К.] думают, что ты от них в восторге, они будут в восторге от твоего вкуса, будут восхищаться, и хоть на время покажется, что в тебе есть что-то хорошее (Г. Грин);* русская культура: *Он уснул около двух, часа в четыре проснулся и по-мужски положил руку мне на плечо: он понял, что я сразу повернусь к нему (В. Маркова);* австрийская культура: *Однажды в училище поступил молодой князь Г., отпрыск одного из самых влиятельных, старинных и консервативных дворянских родов империи. Все находили его кроткие глаза пошлыми и жеманными; над его манерой стоя выпячивать одно бедро и при разговоре медленно играть пальцами они смеялись, как над бабьей (Р. Музиль).*

9.6. Жесты с адапторами и жесты без адапторов

На основе введенного ранее противопоставления свободных и связанных жестовых форм естественно выделить жесты без адапторов и жесты с адапторами. Русские жесты без адапторов — это махнуть рукой, показать пальцем, подмигнуть, поза стоять смирно и многие другие. Адапторы тела присутствуют, например, в жестах похлопать по плечу (адаптор тела — плечо адресата, а также звук от хлопка) и аплодисменты (адаптор тела — руки аплодирующего; ср. *рукоплескания*). В жестах хлопнуть дверью и стучать кулаком по столу участвуют адапторы-

объекты — соответственно, дверь и стол, а во втором жесте присутствует и адаптор тела — кулак. Все это примеры жестов с адапторами.

В Древней Руси существовал жест **бить челом**, содержащий адаптор тела — чело. Били челом в знак высшего почтения перед адресатом. Этот жест имеет следующее физическое описание: «низко кланяться, касаясь лбом земли или пола» (ср. такое, сегодня явно негативно оцениваемое поведение человека как *низкопоклонство*), откуда, кстати, извлекается информация о наличии адаптора-объекта «земля/пол». У данного жеста были особые контексты употребления и прагматика. Били челом, приветствуя знатных и уважаемых людей, то есть жест использовался как этикетный, или же обращаясь к адресату с почтительной просьбой; в последнем случае **бить челом** выступал как общекоммуникативный жест (об общекоммуникативных, в том числе этикетных, жестах см. ниже).

На Руси били челом также, низко кланясь царю или его приближенным, когда подавали заявления с просьбами или вручали жалобы, так называемые *челобитные*.

В XVIII веке, после реформы Петра I, обычай бить челом постепенно начал забываться, жест **бить челом** выходит из употребления, а языковое выражение *бить челом* получает переносное значение. В современном языке высказывание *Х бьет челом перед Y-м* указывает на «нижайшую» просьбу X-а к Y-у и подчеркивает зависимое положение просящего. Предикат *бить челом*, таким образом, задает ограничения социального характера на переменные X и Y, а именно ранг (социальный статус) X-а должен быть меньше ранга Y-а.

Хотя название адаптора чаще всего содержится в номинации жеста, бывает, что слово, которое обозначало бы адаптор, в названии жеста отсутствует, как, например, отсутствует имя адаптора-объекта в жесте **бить челом** (при том, что адаптор тела в названии жеста присутствует). Во всех подобных случаях отношение жестовой формы к разряду связанных должно определяться путем более глубокого ее анализа. В частности, соответствующая информация, как мы видели, может извлекаться из физического описания жеста; кроме того, ее иногда можно получить из его толкования. В обоих случаях такие адапторы уместно назвать *скрытыми*; например, в описании жеста **бить челом** адаптор земля/пол является скрытым. Поскольку сведения о том, как выполняется жест и что он означает, должны присутствовать в каждом мало-мальски приемлемом его описании, скрытые адапторы становятся явными.

Адаптор может «скрываться» не только в физическом описании жеста или его семантике, но также и в языковой номинации жеста. Ср. обозначение жеста с адаптором тела — пощечина — в разных языках. В русском языке жестов адаптором тела здесь является щека (и соответствующий звук от удара), а в польском — лицо, что видно из морфологического членения его названия *policzek 2* «пощечина» (при *policzek 1* «щека»), буквально «по лицу». То, что в польском языке отражается в морфологической структуре слова, в английском выражено отдельным словом *face* «лицо»: *slap in the face* «дать пощечину» или просто «пощечина». Еще на один любопытный момент в связи с пощечиной обратила внимание А. Вежицкая (Вежицкая 1995а): в русском и польском названиях жеста участвует обозначение части лица, а в английском обозначено целиком лицо, при том что сам жест и в польском и в русском языках тела, по всей видимости, один и тот же. Это обстоятельство служит косвенным подтверждением того, что жесты как единицы языка тела и естественно-языковые номинации жестов имеют, вообще говоря, разные значения.

Разные органы тела в разных культурах могут связываться с разными когнитивными и эмоциональными компонентами. Например, в русской невербальной культуре смысл «наказание», если можно так выразиться, стереотипно «закреплен за задней частью тела», ср. жесты отшлепать (шлепок), подзатыльник, пиннок <под зад>, удары палками по спине и пр., редкое исключение составляет, видимо заимствованный, жест щелчок. Между тем у представителей ряда племен индейцев Южной Америки, не носящих практически никакой одежды и обычно говорящих приезжающим к ним в гости европейцам нечто вроде «наше тело — это все равно что ваше лицо», смысл «наказание» выражается иначе, чем у русских. Там существует следующая социальная практика: наказывая человека, разрешается наносить ему удары палкой и рукой чуть ли не по всем частям тела, а не только по спине (исключение составляют только половые органы), можно в наказание бить человека по передним частям ног, по лбу и даже — последнее все же касается только мужчин — по животу (Кнапп 1972/1978).

Смыслы «человеческая привязанность» и «любовь» передаются в европейской культуре в основном губами и руками; ср. поцелуй, погладить, прикоснуться, обнять, ласкать и др., а смысл «свобода телесного поведения» передается, как правило, всем корпусом и/или ногами; см. походки и позы, вплоть до так называемых «развязных»: ходить вразвалку; ходить, пока-

чивая (вихляя) бедрами; развалиться; сидеть нога на ногу; сидеть ноги на стол; потягиваться и др. Между тем в культуре народа тикопиа, живущего на тихоокеанском побережье Австралии, как указывает Р. Фёрс (Фёрс 1970), природное пространство членится на переднее (anterior) и заднее (posterior), и все важнейшие смыслы, отображающие межличностные отношения, закреплены за передним пространством, или, как называет его народ тикопиа (в переводе на русский), *лицом*. Например, смысл «любовь к человеку» в этой культуре закреплен за носом; говоря точнее, смысл «любовь», а также смыслы «уважение к другому» и «установление контакта» выражаются путем касания носом различных частей тела другого человека (носа, запястья или колена — чем больше любовь или уважение, тем место касания ниже), который должен стоять лицом к жестикулирующему. Пространственная ориентация лицом к лицу и пространственная близость здесь подразумевают тождественность или сходство социальных статусов.

9.7. Прагматически освоенные и неосвоенные жесты

Среди жестов одни единицы являются, как я предлагаю говорить, **прагматически освоенными**, то есть стали устойчивыми и привычными для людей данного этноса или данной культуры и сравнительно часто употребляются, тогда как другие единицы, **прагматически неосвоенные**, используются в коммуникативном акте в гораздо меньшей степени и далеко не всегда в нем распознаются как жесты.

Первый класс жестов образует центр невербальной системы любого языка тела, а единицы второго класса жестов либо составляют периферию системы, либо вообще только еще находятся на пути в лексикон рассматриваемого невербального языка. Важным показателем того, что данный жест относится к прагматически освоенным, является наличие у него **стандартного языкового обозначения** в виде **закрепленной** в языке **номинации** (а чаще — нескольких синонимичных номинаций). Примером русских прагматически освоенных жестов и их названий являются **подмигнуть**, **протянуть руку**, **пожать руку**, **показать глазами**, **дотронуться до плеча**.

Прагматически неосвоенные или плохо освоенные жесты обычно не имеют общепринятого языкового имени. Однако и

некоторые прагматически освоенные жесты тоже не имеют стандартного наименования. Таким образом, деление жестов на прагматически освоенные и неосвоенные не совпадает с делением жестов на жесты, имеющие <стандартную> языковую номинацию, и жесты, не имеющие стандартной номинации. Если у жеста в языке нет стандартного названия, то для его обозначения мы обычно используем смысловые единицы из текста его толкования или языковые единицы из текста его физического описания, заключая название жеста в кавычки. Ср., например, прагматически освоенные русские жесты «**стоп**» (вертикально направленная в сторону адресата выпрямленная открытая ладонь жестикулирующего), «**закр^ыть и откр^ыть глаза в знак согласия**», «**спать**» (наклоненная голова, щека лежит на ладони), «**есть**» (рука с воображаемой пищей движется ко рту; возможен вариант исполнения жеста, при котором вытянутый указательный палец с прижатым к нему большим пальцем изображают ложку с находящейся в ней едой)¹⁵, и др.

Жесты и жестовое поведение по-разному отражаются в вербальных формах, и прежде всего это касается связи жестов с их естественно-языковыми номинациями. Так, один и тот же жест может быть передан в тексте разными номинациями, причем вариативность бывает синтаксической (*опустил голову / голова опустилась, нахмурил брови / брови нахмурены*), лексической (*делать большие/круглые глаза, барабанить/стучать пальцами, раскрыть рот / открыть рот*) и стилистической (*опустить глаза/очи вниз/долу, поднять/возвести глаза, скалить зубы / смеяться, поднять палец / воздеть перст, <широко> открыл рот / разинул рот / раскрыл пасть, обвести/смерить кого-либо взглядом*). Возможна и противоположная ситуация, когда одна реально встречающаяся в тексте словесная форма соответствует разным жестам, ср. слова и словосочетания *поцелуй, улыбка, кивок, махнуть рукой, поднять руку, протянуть руку*. Адекватное владение русским невербальным языком включает в себя не только умение пользоваться русскими жестами как элементами невербального семиотического кода, но и знание всех номинаций каждого из жестов, а адекватное владение русским языком в качестве одной из составляющих предполагает не только умение пользоваться русскими языковыми номинациями как

¹⁵ Так выглядит стандартная форма русского жеста, а в Японии, например, жест с тем же смыслом выполняется иначе: одна рука неподвижная, находится на уровне подбородка и поддерживает снизу воображаемую чашку с едой (рисом?), а другая в движении как бы вычерпывает из нее еду.

элементами вербального семиотического кода, но и способность распознавать по номинациям стоящие за ними жесты.

9.8. Стилистически нейтральные и стилистически маркированные жесты

Среди жестов большинство являются стилистически нейтральными и обиходными, которые могут в общении свободно применяться людьми. Но в каждой культуре есть и жесты стилистически маркированные, начиная от жестов высокой тональности (возвышенные ораторские жесты, поцелуй руки в знак приветствия или прощания, галантные манеры обхождения и ухаживания, некоторые невербальные ритуалы (например, торжественный прием в посольстве, рассаживание гостей на официальном банкете) и этикетные способы поведения (такие как, например, вызов на дуэль, формальное приглашение на бал или в гости) и пр.) и кончая фамильярными жестами (такими как, например, некоторые похлопывания или подмигивания), грубыми (ср. жесты с пометой «грубый» в Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001) и вульгарными (см. ниже в § 16 о вульгарных позах). Разумеется, свои стандарты и нормы невербального знакового поведения имеют разные общественные группы: мужчины и женщины, взрослые и дети, а потому стилистические различия в жестах должны, строго говоря, отмечаться для каждой из таких групп отдельно.

Введя и охарактеризовав основные оппозиции внутри кинетических систем, перейдем к анализу отдельно каждого из трех выделенных семиотических типов жестов.

§ 10. ЭМБЛЕМЫ

Ключевые слова: кинема (жест), эмблематический жест (эмблема), семантический, класс, тип, классификация, знак, форма, смысл, коммуникация, невербальный, употребление, нормальный, условие, контекст, коммуникативный эмблематический жест (коммуникативная эмблема), симптоматический эмблематический жест (симптоматическая эмблема), дейктическая (указательная) эмблема, этикетная эмблема, общая (общекommunikативная) эмблема, прямая

иконичность, косвенная иконичность, жест-индекс, жест-икона, жест-символ, морфологический, воспроизведение (исполнение, осуществление, реализация) жеста, способ, место, активный (рабочий) орган, пассивный орган.

10.1. Семантическая классификация эмблематических жестов

Ниже приводится уточненная семантическая классификация эмблематических жестов, основы которой были заложены еще в 1992 году в начале нашей совместной работы с С. А. Григорьевой и Н. В. Григорьевым над экспериментальным словарем русских жестов (более подробно об этой классификации см. в Крейдлин 1998).

Выделяются два основных семантических типа эмблем — коммуникативные и симптоматические.

10.1.1. Коммуникативные жесты

К коммуникативным эмблематическим жестам относятся кинемы, несущие информацию, которую жестикулирующий в коммуникативном акте намеренно передает адресату. Таким образом, по своей природе это чисто диалогические жесты, причем некоторые из них являются **иллокутивно независимыми** (**иллокутивно вынуждающими**), например **протянуть руку для рукопожатия**, а некоторые — **иллокутивно зависимыми** (**иллокутивно вынуждаемыми**), как **кивок согласия**¹⁶.

Самый большой по объему класс коммуникативных жестов образуют коммуникативно нейтральные (иначе общие, или **общекоммуникативные жесты**). К русским общим жестам принадлежат такие единицы, как **склонить голову**, **приложить палец к губам**, **подмигнуть**, **покачать головой**, **погрози́ть кулаком**, **покрути́ть пальцем у виска**, **отверну́ться**, **постуча́ть рукой по лбу**, **похлопа́ть рукой по животу** и др.

Как можно судить уже по названиям этих жестов, в передаче их смысла принимает участие не только собственно конфигурация, но также расположение и ориентация органа, тип

¹⁶ Понятия иллокутивно независимых, или иллокутивно вынуждающих, и иллокутивно зависимых, или иллокутивно вынуждаемых, речевых актов и реплик были введены в наших двух работах по теории диалога, см. Баранов, Крейдлин 1992а; Баранов, Крейдлин 1992б.

его движения; в число значимых структурных параметров жеста может входить также наличие/отсутствие адапторов разных видов. В позах и мануальных жестах сама конфигурация тела и его ориентация, обычно наряду с другими физическими параметрами, могут указывать на отношение жестикулирующего к адресату, например нейтральное оно или небезразличное (ср. агрессивную по отношению к адресату позу **стоять руки в боки**), на отношение жестикулирующего к передаваемой информации или к поведению адресата (ср. русские жесты **«сдаюсь»** (**«руки вверх»**) с ладонями, повернутыми в сторону адресата, или **«стоп»**; у итальянцев есть коммуникативный жест, означающий примерно следующее: «что ты кипятишься, успокойся», при котором обе руки подняты до уровня груди, а их открытые ладони направлены к жестикулирующему, руки при этом быстро и часто трясутся, как бы передразнивая взволнованное поведение адресата) и еще на многие другие смысловые и прагматические моменты.

Характерным свойством жестов вообще, и в особенности коммуникативных эмблем, является их **жесткая привязанность к определенным актуальным ситуациям**. Так, русский эмблематический жест **похлопать рукой по животу** передает ощущение сытости и, возможно, полученного удовольствия от только что съеденной еды, но не используется, например, в ситуации **«боль в животе»**. Немецкая научная аудитория после прочитанной перед ней лекции или доклада, как правило, благодарит выступавшего не аплодисментами, а легким постукиванием костяшками сложенных в кулак пальцев по столу или другому твердому предмету, похожему на стол рядом свойств, с целью извлечь из адаптора-объекта характерный звук. Однако данный жест не используется немцами, например, в театре: после окончания спектакля в зрительном зале в знак признательности и одобрения раздаются аплодисменты, но никак не **«постукивание костяшками пальцев»**.

Среди русских коммуникативных жестов есть единицы, которые являются **невербальными репликами-стимулами**. Это жесты **погрозить кулаком**, **подмигнуть**, **поманить рукой**, **протягивать руку**, **показать язык**, **показать нос** и т.п. Другие жесты являются **невербальными репликами-реакциями**; ср. **кивнуть головой** <в знак согласия>, **помотать головой**, **захлопать в ладоши**, **«стоп»**, **отвернуться**, **заткнуть уши** и пр.

Некоторые коммуникативные эмблемы содержат в своей семантике указание на участников актуальной ситуации общения, на объект и его параметры, на место и время, релевантные для этой ситуации. Например, для невербального выра-

жения смысла «я» европейцы и американцы часто показывают указательным пальцем или рукой на область сердца или груди, а китайцы указывает на нос. Такого рода жесты я по уже сложившейся в кинесике традиции называю **указательными**, или **дейктическими**. Примеры русских дейктических эмблем — это **подзывать рукой**, **показать рукой**, **показать пальцем**, **показать глазами**, **поманить пальцем**. Дейктический подкласс коммуникативных эмблематических жестов является, как уже давно установлено, самым древним в жестовой системе любого языка. Неудивительно, что в данной точке жесты разных народов и культур обнаруживают больше всего общих черт, см., например, статью Вокер и Нэзми 1979, а также работу Д. Дживенса об иконических и символических жестах размера в разных культурах (Дживенс 1986).

Коммуникативные жесты имеют строго закрепленные за ними условия нормального, или стандартного, употребления, которые вполне допускают словарное описание. Однако, как и для вербальных знаков, канонические контекстные условия употребления жеста могут видоизменяться или нарушаться. Типичным примером нарушения таких условий являются игровые ситуации. В игровых ситуациях обычно не выполняется стандартное условие искренности жестикулирующего; ср., например, шутовское употребление русского указательного жеста **погрозить пальцем**, не передающее идеи настоящей угрозы.

Отдельный подкласс коммуникативных жестов составляют **этикетные жесты**. Этикетные жесты — это невербальные знаковые единицы коммуникативного поведения людей, говорящие о его соответствии нормам общественного поведения в данной актуальной ситуации и подчеркивающие ритуальные особенности этой ситуации. Этикетные жесты исполняются в конкретных, строго фиксированных ситуациях в качестве элемента, передающего либо информацию о структуре коллектива, в который включен жестикулирующий, либо информацию о типе разворачивающейся ситуации. Можно сказать, что каждый этикетный жест является кинетическим коррелятом некоторого конкретного речевого акта. В свою очередь, в описание этикетного речевого акта, с нашей точки зрения, следует включать информацию о **возможных неязыковых способах его реализации**, что, заметим, не делается даже составителями лучших современных толковых словарей. См. жесты кивок и помотать головой, являющиеся, соответственно, невербальными эквивалентами высказываний *Да* и *Нет*, жесты **поднять бровь** как эквивалент вопроса-недоумения, «зуб даю» как аналог клятвы или русские жесты угрозы **погрозить пальцем**, **грозить кулаком** и пр.

К подклассу русских коммуникативных этикетных жестов относятся жесты приветствия и прощания, такие как, например, **рукопожатие**, **поцелуй**, **вставание** (со стула, с дивана и т.п.), **махать рукой**, **поклон**, **реверанс** и др., жесты бракосочетания, такие как, например, **надевать на палец обручальное кольцо**, **соединить руки**, ср.: (Ромео) *Все беды перевешивает счастье Свидания с Джульеттой хоть на миг. С молитвою соедини нам руки, А там хоть смерть* (В. Шекспир. «Ромео и Джульетта», пер. Б. Пастернака), застольные этикетные жесты¹⁷, жесты ухаживания, дипломатические жесты и некоторые другие.

Исходно этикетные жесты могут сопровождать речь, **употребляясь** как иллюстративные и подчеркивая ритуальный характер вербальной коммуникации. Так, русские этикетные речевые формулы приветствия и прощания — слова *Здравствуйте, Добрый вечер, До свидания* и т.п. — сочетаются с определенными жестами и позами (**улыбкой**, **протягиванием руки для рукопожатия** и др.), а также знаковыми телодвижениями (остановками в движении, поклонами, приподниманием шляпы).

Существуют социально маркированные ситуации, требующие исполнения конкретных этикетных жестов. Это, например, ролевая ситуация поведения в суде, когда при словах *Встать, суд идет!* необходимо встать; ситуация воинской команды (**вытянуться по струнке**) или целование знамени.

Согласно ритуалу, принятому в Российской армии и зафиксированному в уставе воинской службы, целование знамени применяется для повышения боеготовности солдата, является свидетельством любви солдата к Родине и своей части. Войсковое знамя целуется каждой ротой отдельно. Место поцелуя определено как «тканевая основа флага примерно на 15 см выше нижней кромки». Целование знамени по уставу происходит в

¹⁷ Вот лишь один фрагмент застольного этикета, соблюдаемого во время торжественного банкета, происходящего в столице Швеции Стокгольме после ежегодной церемонии вручения Нобелевской премии. Самые почетные места за столом отводятся королю Швеции и его супруге. Рядом с королем должна также сидеть жена лауреата, обычно это жена лауреата-физика. По протоколу пить можно только по команде председателя Нобелевского комитета. Пока он произносит тост, гости должны стоять, держа бокалы за ножку. Мужчины держат бокалы на уровне не выше самой верхней пуговицы своей манишки, а женщины — не ниже второй пуговицы сверху. После первого глотка все садятся, но тут же снова встают, и ритуал повторяется, пока речь произносит король, выступающий всегда вторым. Чокающиеся гости обязаны смотреть в глаза друг другу (такая традиция идет, видимо, со времен викингов, которые не доверяли один другому и опасались неискреннего поведения партнера; считалось, что чокающийся может даже убить гостя, если не смотрит на него).

три этапа, каждый из которых имеет свое название: (1) «склонение знамени к поцелуям» — медленное раскрытие чехла или иная подготовка знамени к поцелуям; (2) «поднесение знамени к лицу» — губы вытягиваются навстречу, целующий становится перед знаменем на правое колено; (3) «нанесение поцелуя». Последний солдат из числа совершивших описываемый воинский ритуал должен взять знамя и поставить его на специально отведенное для знамени место.

Социально маркированной является также ситуация гостевого визита, регламентируемая определенными этикетными правилами, в том числе и невербальными. По принятым в нашей культуре нормам этикетного поведения хозяин имеет преимущество перед гостем. Человек, пришедший в гости, ждет, когда ему откроют дверь, затем на какое-то время останавливается в дверях, ожидая ритуального приглашения войти. Войдя в комнату (не в спальню) или на кухню, гость не может, например, лечь или сесть, где захочет, без разрешения хозяев. При ответе на вопрос учителя, заданный на уроке, за исключением особо оговоренных ситуаций, ученик в российской школе, прежде чем ответить, должен встать, а при появлении учителя в классе встает, как правило, весь класс, чего, кстати, почти никогда не делают российские студенты. Между тем в Германии даже появление лектора в студенческой аудитории нередко отмечается уже известным нам постукиванием костяшками пальцев <по столу>, и этот жест является выражением благодарности: так студенты благодарят преподавателя за то, что тот пришел к ним читать лекцию или проводить семинарское занятие.

Из трех выделенных подклассов коммуникативных жестов самый большой по объему класс образуют, конечно, общекоммуникативные жесты.

В противоположность тому, что писал Д. Эфрон, коммуникативные жесты могут быть не только символическими, но также дейктическими и изобразительными знаками, передавая смысловую информацию разными способами. Мы выделяем коммуникативные иконические жесты, у которых связь со своими референтами непосредственная, которые, так сказать, напрямую отображают мир, — такое явление можно назвать прямой иконичностью (ср., например, ситуацию, когда человек объясняет руками объекты: рисует руками круг, прямоугольник или какую-либо кривую — либо изображает движения,

например движение молотка при забивании гвоздя; в последнем случае сжатая в кулак рука имитирует движение находящегося в ней молотка в направлении другой, статичной руки, тоже сжатой в кулак и как бы держащей невидимый гвоздь) — и коммуникативные иконические жесты, которые похожи не на свои референты — объекты и события, а на какие-то другие, лишь косвенным образом связанные с первыми. Это косвенная иконичность, которая проявляется, например, когда референция к предмету или событию происходит при помощи изобразительной метафоры (ср., например, ситуацию, когда указательный и средний пальцы жестикулирующего располагаются у рта, демонстрируя курение или сигарету, или движение — выстрел, ср. жест «пистолет у виска»). Иконические жесты обозначают (прямо или косвенно) также количество при счете, размер, объем.

Иконические жесты, как было показано в целом ряде работ (укажу лишь некоторые: де Форнел 1987, Розик 1998, Штрек 1987, Щеглоф 1984), помимо выполнения изобразительной, назывной, указательной и коммуникативной функций являются важным средством организации (ориентации, упорядочения и структурирования) коммуникативного взаимодействия людей.

Коммуникативные иконические жесты могут образовывать иконические предложения, в которых одни знаки функционируют как субъекты пропозиции, а другие выполняют роль предикатов. Так, изображая поведение некоего человека, мы можем одним невербальным знаком указать на референт, или объект идентификации (например, показав головой или пальцем на этого человека или в его сторону), а другим знаком нечто сообщить о нем (например, выпятив вперед живот, сказать этим, что данный человек толстый, или, чуть наклонив вниз голову и подставив ладонь одной руки под глазами, изобразить с помощью другой руки стекающие слезы, то есть показать жестом, что данный человек плачет).

Иконический жест, отображающий некую ситуацию, часто совмещает в себе обе функции — и субъектную и предикатную. Поднимая над головой вытянутую вертикально вверх руку, жестикулирующий этим движением обычно описывает не высоту вообще, а некоего конкретного высокого человека; имитируя закрывание или открывание форточки, он сообщает этим либо то, что сам произведет (или уже произвел) соответствующее действие, либо то, что он просит сделать это адресата и т.п.

В связи с иконическими жестами возникают исключительно важные вопросы: что из себя представляет телесное отображение мира, насколько человеческое тело пригодно и свободно для изображения действительности, какого рода концептуальные программы и когнитивные модели реализует данный иконический жест или класс жестов и какие смыслы при этом выражаются, какие артефакты и признаки артефактов выбирают разные культуры и разные жестовые языки для телесного представления, какие характеристики объектов и какие действия легко имитировать, а какие трудно, и почему, каким образом отображается в жестах трехмерность мира, каковы особенности коммуникации с помощью иконических жестов и сколь велика эффективность распознавания иконических жестов в диалоге — и многие другие. Далеко не все эти проблемы были ранее поставлены, и все они еще ждут своего решения.

Иконические, индексальные и символические коммуникативные жесты можно найти в невербальных языках разных народов и культур, причем существуют культуры, например, итальянская, арабская или испанская, в которых репертуар эмблематических, в особенности коммуникативных, жестов особенно богат и разнообразен. Такие культуры получили в невербальной семиотике название **высококинетичных** и противопоставляются культурам **низкокинетичным**, каковыми являются, например, британская, норвежская или эстонская культуры.

У каждого народа есть свой жестовый язык и свои любимые коммуникативные жесты. Например, в Европе и Америке едва ли не самой частой формой приветствия является **рукопожатие**, а народ тикопиа **рукопожатиями** вообще не пользуется. Напомню, что здесь один человек приветствует другого, устанавливая с ним контакт и выражая определенное чувство или отношение (обычно ту или иную степень уважения), касаясь носом носа, руки в области запястья или колена партнера. У коренных жителей Новой Зеландии принято приветствовать гостей, **касаясь носом носа** гостя и совершая **дыхание изо рта** в рот (аборигены считают, что надо «дать гостю почувствовать дыхание друга»). У индусов при приветствии в знак высшего почтения принято касаться **стоп** родителей, старших братьев и сестер, а также учителей. Китайцы в приветствиях часто пользуются мануальной кинемой, существующей с самых древних времен и носящей название *Da'i*. Ее форма такова: руки жестикулирующего находятся чуть ниже уровня глаз, ладонь правой руки накрывает кулак левой. Применяемый сегодня в качестве приветствия жест *Da'i* считается знаком вежливости и особого уважения. В Японии (разумеется, не в среде тех, кто ориен-

тирован на западную культуру, кто учился, работал или просто долгое время жил на Западе) рукопожатием при приветствии пользуются не очень часто — оно заменяется обычным традиционным поклоном¹⁸. Напротив, в Боливии, входя в дом, обязательно следует приветствовать всех находящихся в нем лиц рукопожатием или особым объятием *abrazo* (жест *abrazo* обычно применяется к пожилым и старым людям). Даже если домочадцы и гости находятся в другой комнате или во внутреннем дворике, патио, гостю все равно следует пойти к ним и обменяться с ними рукопожатиями или объятиями: одним общим обращением типа *Hola* «Здравствуйте» тут обойтись нельзя, причем не важно, пришел гость поговорить только с одним членом семьи или пообщаться со всеми. Аналогичным образом происходит и стандартное боливийское прощание.

В то же время еще один жест из класса поклонов, **глубокий** (или: **низкий**) поклон, в американской культуре считается знаком раболепства или унижения. Такое отношение к жесту породило, как известно, в свое время серьезные проблемы, связанные с пребыванием американских оккупационных сил в Японии. Дело в том, что в Америке, если вы смотрите собеседнику прямо в глаза и не кланяетесь, то это не знак вызова, а знак самоуважения и внутреннего достоинства. Однако впечатление, возникавшее из-за такого глазного поведения солдат в Японии, было резко отрицательным и неоднократно приводило к серьезным недоразумениям и конфликтам между войсками и местным населением.

На поклоне, этом очень древнем по происхождению и очень важном с социальной и коммуникативной точек зрения этикетном эмблематическом жесте, или, точнее, классе жестов, остановлюсь чуть подробнее.

Поклоны известны очень давно; так, по всей видимости, первое описание японского поклона в японской литературе восходит к 600 году до н.э. Оно содержится в священной книге синтоизма «Кодзики» (*Kojiki*) «Записи о деяниях древности», древнейшем памятнике японской письменности, сохранившемся до наших дней (см. Кодзики 1994). Поскольку в книге «Кодзики» есть специальное упоминание поклона, можно по-

¹⁸ У некоторых народов имеются приветствия, которые сопровождаются не жестами радости от встречи, а, наоборот, жестами печали и слезами. М. Мосс (Мосс 1921/1996, с. 74 и след.), ссылаясь на исследования этнографа Фридеричи, указывает на распространенность «обязательного и морально предписанного» использования слез в качестве средства приветствия у многих народов Австралии и Полинезии.

лагать, что этим отмечена не столько его прагматическая освоенность, сколько особая социальная и культурная значимость. Впоследствии японские учебники, имеющие отношение к образованию и к воспитанию в обществе морали и нравственности, то есть к тому, что по-японски называется *dotoku*, при описании правильного этикетного поведения людей во время приветствия стали выделять разные виды поклонов как особые жестовые разновидности приветствия, передающие прежде всего идеи «вежливости» и «учтивости». Не случайно японское слово *о-дзиги* «поклон» состоит из морфем вежливости — *о*, — приветствия — *дзи* — и жеста — *ги* — и означает буквально «жест для приветствия».

Основное правило относительно воспроизведения наиболее характерных и частых неглубоких японских поклонов гласит: не следует кланяться от талии, в поклонах должны участвовать только голова и шея.

Выделяются как основные (по меньшей мере, поскольку в действительности поклонов существует гораздо больше) следующие виды японских поклонов¹⁹:

(а) **эсяку (*eshaku*)** — легкий поклон. Эсяку — это быстрое (порядка 1 сек.) наклонное движение головой вперед под углом примерно 15 градусов; взгляд жестикулирующего направлен на адресата;

(б) **юу (ю:)** — еще одна разновидность легкого поклона. Выполняется стоя или сидя на коленях. При выполнении поклона в положении сидя руки держат на коленях, кисти скрещены перед жестикулирующим, туловище наклонено вперед под углом примерно 15 градусов;

(в) **фуцурэй (*futsurei*)** (сегодня относительно редко встречающийся жест) — это нормальный, или средний, поклон под углом порядка 20—30 градусов, длительностью 2—2,5 сек.;

(г) **сайкэйрэй (*saikerei*)** — глубокий поклон, совершается под углом примерно 45 градусов и длится 3—4 сек.

У многих поклонов имеются варианты. Так, существуют разновидности глубокого поклона, в частности мужская и женская. Более длительный по времени исполнения мужской поклон обычно выполняется следующим образом: перед поклоном жестикулирующий смотрит на адресата и вежливо улыбается, руки остаются прямыми, кисти рук скрещены перед жестику-

¹⁹ В этом месте книги мной использованы некоторые результаты из зачетных работ, написанных под моим руководством студентками из Института лингвистики РГГУ Н. Царук и В. Ашвариной и посвященных, соответственно, японским и китайским поклонам.

лирующим. В течение первой секунды туловище наклоняется под углом 45 градусов, руки разводятся вдоль туловища, голова опускается вниз так, чтобы лицо оказалось параллельно полу, глаза человека при этом закрыты. В таком положении исполняющий поклон стоит примерно секунду, после чего медленно, в течение еще одной секунды, поднимается, руки и кисти рук возвращаются в исходное положение. После исполнения поклона снова стоят, смотрят на собеседника и вежливо улыбаются. Женская версия глубокого поклона помимо скорости исполнения отличается от мужской тем, что руки исполняющей поклон женщины все время свисают вдоль туловища. Есть также более короткий вариант мужского глубокого поклона, длящийся приблизительно 2 сек. и выражающий меньшую степень вежливости. Он используется, например, при приветствии человека, занимающего высокое общественное положение, когда тот занят.

Б. Уен, китайская студентка из Международного христианского университета в Токио, описавшая некоторые из этих поклонов, проинтервьюировала примерно 36 врачей, то есть людей с социально высоким статусом, чтобы выяснить, часто ли они кланяются, а также кому и когда кланяются. 93 процента опрошенных совершают по праздникам поклон перед человеком, являющимся старшим в некоей иерархии — по возрасту, общественному положению и др., 67 процентов опрошенных кланяются равному, а 47 процентов — человеку, занимающему более низкое, чем они, положение в иерархии. По данным Б. Уен, наибольшее число поклонов исполняется во время похорон, когда все присутствующие независимо от своего статуса, возраста и иных кинетических параметров совершают поклоны в сторону усопшего; на свадьбах же всегда кланяются старшим по возрасту. Вообще, во всех ситуациях, кроме похорон, при исполнении поклонов отчетливо ощущалась разница в статусах, при этом, хотя сайкэйрэй сегодня выходит из употребления и существующие японские книги по этикету утверждают, что он не пользуется популярностью, 31 процент опрошенных докторов, по свидетельству Б. Уен, отметили, что вполне могли бы исполнить этот жест перед старшими по возрасту или рангу.

Глубокий поклон в его полном варианте японцы совершают перед национальным флагом, перед алтарем в буддийском монастыре, он исполняется в процессе традиционных для Японии чайных церемоний, прогулок по саду во время цветения сакуры и в некоторых других формальных и полужформальных ситуациях. Глубокий поклон исполняет продавец, приветствуя

в магазине покупателя (а в больших универмагах продавцам даже дают специальные уроки того, как следует исполнять этот жест), однако в менее формальных ситуациях применение глубокого поклона сегодня резко уменьшилось. В то же время неглубокие поклоны совершаются и при приветствии, и при прощании, и при обмене визитными карточками. Они исполняются даже при разговорах по телефону, поскольку и при дистантном диалоге японцы ощущают себя находящимися в тесном, как они сами говорят, «телесном», контакте друг с другом.

Юу (ю:) — это одна из разновидностей легкого поклона. Таким поклоном японцы, сидя на татами, приветствуют пришедших к ним в гости домой коллег по работе и друзей. Если кто-то из гостей садится сзади или сбоку от вас, вы должны приветствовать его этим поклоном, поворачивая в направлении гостя корпус и руки, колени разрешается оставлять неподвижными.

Эсяку, поклон-кивок, является очень часто исполняемым жестом приветствия при повседневном общении с друзьями или коллегами по работе, с равными или нижестоящими по рангу и/или возрасту. Эсяку коренным образом отличается от другого японского кивка, **наттоку**, жеста-регулятора (о жестах-регуляторах см. подробно ниже в §12). **Наттоку** — это диалогический жест, который по правилам ведения диалога, принятым в японской культуре, выполняется неоднократно в течение разговора. Постоянно или периодически кивая головой, жестикулирующий показывает говорящему, что внимательно его слушает и понимает, что ему говорят или хотят сказать. Жест **наттоку** служит невербальным средством поддержания общения.

Еще более сложными, чем форма японских поклонов, являются правила их употребления. Вот лишь весьма малая часть из них (некоторые из приводимых ниже правил я узнал из бесед со студентами-японцами и студентами-лингвистами, специализирующимися в области японского языкознания и культуры, часть правил заимствована мной из книг КЯО 1999 и Пронников, Ладанов 1996).

1. Нижестоящий всегда кланяется вышестоящему. Вышестоящими при прочих равных условиях считаются старшие по возрасту люди для более молодых, мужчина по отношению к женщине, отец в сравнении с матерью — даже при том, что влияние матери в семье может быть гораздо большим. Рассматриваются как вышестоящие клиенты перед обслуживающим персоналом, например, покупатель всегда имеет ранг выше, чем продавец, заказчик — чем портной, а персонал гостини-

цы — чем любой поселившийся в ней человек. Учитель является лицом вышестоящим для ученика, независимо от возраста или каких-то иных, например социальных, факторов. Звание учителя как бы дано человеку пожизненно. Японцы говорят, что ученик, ставший, например, министром правительства и встретивший на улице своего бывшего учителя, будет так же глубоко ему кланяться, как и прежде.

2. Раньше при встрече с более высоким по рангу человеком нижестоящему полагалось снимать надетое пальто, а если он ехал на велосипеде, то должен был слезть с него для приветствия. Сегодня ни то ни другое делать необязательно; единственное, что нижестоящий должен сделать непременно, так это остановиться и поклониться вышестоящему.

3. Если человек идет с сумкой, то ее сначала нужно положить и только потом выполнить поклон. Если положить сумку куда-то, то нужно поместить ее под мышку или держать на вытянутых руках перед собой и в таком положении исполнить поклон. Если человек шел с сумкой через плечо, то он не может сразу после поклона опять перекинуть ее через плечо; ему следует пройти несколько шагов, остановиться и только потом снова перекинуть через плечо сумку.

4. И до и после поклона принято смотреть на партнера и улыбаться (см. Пронников, Ладанов 1996, с. 248).

5. При выполнении поклонов в храме или во время некоторых официальных церемоний слова не требуются, однако в повседневном бытовом общении поклоны чаще выступают вместе с речевым сопровождением. В зависимости от времени суток японцы при встрече говорят, как и русские, слова, означающие «Добрый день (вечер, утро)», но общего приветствия типа *Здравствуйте* у них нет. Есть речевые клише со значением «Вы здоровы?» и есть фамильярное *я*, означающее «Привет». При прощании японцы, кланяясь, обычно произносят *саёнара*, что означает «До свидания».

Японцы считали и продолжают до сих пор считать поклоны всех указанных видов сугубо «своими» жестами и, в особенности если судить по современной японской живописи и рекламе, а также литературе, театру и кино, очень хотят, чтобы другие люди тоже считали поклоны японскими невербальными знаками, то есть характерными именно для японской культуры, — и это несмотря на то, что поклоны очень широко употребляются также в целом ряде других культур, главным образом восточных: индийской, корейской, китайской и др. Так, еще во времена Конфуция в Китае предполагалось, что каждый гражданин точно знает, кому, когда и как следует кланяться

(например, китайской женщине полагалось кланяться мужчине, причем даже сидящему, при том, что она сама в этот момент перед ним стояла), а в Индии даже словесное приветствие открывается заимствованным из санскрита словом *намастэ*, означающим «поклон тебе», а словесное прощание предваряется, так сказать, другим «словесным поклоном» — словом *намаскар*, которое означает «выполнение (букв. делание) поклона».

Китайские поклоны, как и японские, в сильной степени связаны с культурными традициями. Для выражения поклонов в китайском языке имеется большое количество лексем, каждая из которых обозначает какой-либо вид поклонов в зависимости от того, кому он адресован, кем выполняется и в каких ситуациях. Единица *libai*, например, обозначает поклоны, которые выполняются на воскресном богослужении в храме. Здесь морфема *li* имеет значение «обряд, церемония, этикет», а морфема *bai*, входящая составной частью в большое число слов, значение которых так или иначе связано с поклоном, обозначает само действие «кланяться». Морфема *bai*, употребленная самостоятельно, кодирует наиболее нейтральный поклон, а именно человек склоняет голову, чуть наклоняя при этом вперед корпус. Если та же морфема не присоединяется к какой-нибудь другой, описывающей специальную ситуацию, как в случае с *libai*, то обозначаемые поклоны тоже относятся к нейтральным и непринужденным. Например, для слов *jiaobai* и *duibai*, где *jiao* и *dui* передают взаимное направление движения друг к другу, китайские словари дают значение «кланяться, приветствовать друг друга». Однако употребление соответствующих жестов ограничено друзьями и близкими людьми, причем показательно, что слово *jiaobai* означает также «пить на брудершафт».

Китайские поклоны бывают и более сложными. Есть поклон приветствия *gong* (буквально «поднять руки в знак приветствия») со сложенными на груди руками, левая ладонь частично покрывает правый кулак. Этим жестом начинается схватка в ушу, им же она заканчивается, хотя сходная форма называется в этом случае уже иначе — *gongbie*, где морфема *bie* означает буквально «расставаться». Наряду с *gong* китайцы часто используют обозначения *gongshou* и *gongyi* со значением «приветствовать в поклоне со сложенными на груди руками» (морфема *shou* обозначает «руки», а *yi* имеет значение «древний обряд приветствия со сложенными на груди руками»). Помимо глубокого поклона *kou-tou* имеются также поклоны *guixiakoutou* — «встать на колени» + «отбивать поклоны» = «стоя на коленях, отбивать

земные поклоны», **guixiaketou** «стоя на коленях, класть земные поклоны», **koutoulibai** «отбивать глубокие (земные) поклоны на богослужении».

Если на Востоке поклон был бытовым жестом, то в Европе в Средние века поклон был жестом ритуальным, и сфера его употребления была ограничена. Особенно часто поклоны исполнялись во время торжественных церемоний и судебных процессов. Например, в средневековых Англии, Франции и Испании кланяться два-три раза при подходе к королю или к другому знатному лицу было делом вполне обычным. Первый поклон делался при входе в зал, где король принимал гостей, второй — примерно посредине пути к королю, а третий — непосредственно перед королем; те же действия в обратном порядке выполнялись и при расставании, при этом не поворачивались каждый раз спиной к королю, а пятились назад и останавливались только для поклонов. Вот что пишет М. Алданов о придворном французском этикете и устойчивых невербальных поведенческих стереотипах: *Посол попросил разрешения представить его величеству своих сотрудников и назвал их имена и должности. Кангаров овладел собой и называл имена даже немного громче, чем полагалось, — обер-гофмаршал только поглядывал на него с приятной усмешкой, которая могла бы сойти за хозяйскую улыбку. Король каждый раз наклонял голову и произносил несколько любезных слов, по существу, одних и тех же, но без буквальных повторений. Руки он никому, кроме нас, не подал, — позднее Кангаров узнал, что это считалось знаком неблагосклонного приема: король умышленно остался в пределах обязательного минимума любезным <...>. По этикету страны посол и его свита должны были отступить к двери, не поворачиваясь спиной к королю (М. Алданов. «Начало конца»).*

Во Франции поклоны выполнялись также в суде и на балах, где мужчины кланялись женщинам, а в Германии было принято даже специальное обучение подобострастному поклону, **Bückling**, который следовало исполнять, например, во время танцев. Обучение поклонам на уроках танцев было довольно жестким: во время урока учитель мог с силой наклонить голову нерадивого ученика перед особой женского пола. Обучение подобным этикетным жестам в Германии и в ряде других государств мира входило составной частью в получаемое светское образование.

Общим для всех ритуальных и раболепных поклонов было их **неоднократное повторение**. Так, люди, приезжавшие в Китай на аудиенцию к императору, должны были кланяться ему девять раз (три раза по три поклона). Повтор поклонов мы

предлагаем интерпретировать как способ усиления и подчеркивания тех смыслов, которые передает одинарный поклон.

Впоследствии, главным образом в Европе, вошли в моду взаимные, или симметричные, поклоны — знаки обоюдного уважения, а затем поклоны стали постепенно вытесняться рукопожатиями и исчезать.

В русской культуре бытовой **обычный поклон** (жест, ныне тоже выходящий из употребления) является знаком вежливости и уважения. Не случайно его основная номинация — существительное *поклон* — выступает в текстах не только в сочетании с прилагательными *низкий* или *глубокий*, подчеркивающими характер исполнения жеста, его физическую реализацию, но и со словами *вежливый*, *уважительный*, а глагол *поклониться* сопровождается наречиями *вежливо*, *почтительно* и т.п., проясняющими семантику жеста; ср. *Старый господин поднял цилиндр и почтительно поклонился императрице* (М. Алданов). В XIX веке на Руси в среде воспитанных людей было принято *передать кому-либо поклоны*, а не, скажем, *приветы* (слово *привет* означало в то время «приветливость», а сочетание *передать привет* в его современном смысле вошло в употребление в 20-е годы прошлого столетия). Что же касается **глубокого поклона**, то сегодня он существует в русской культуре лишь как знак религиозного почитания и преклонения; ср. также *Было неудобно встречаться глазами с этими хасидами и цадиками: как встретишься — поклоняйся, приветствуя людей побежденных* (М. Пришвин).

В русском языке есть и такие выражения, как *кланяться в пояс*, *отвешивать поклон* (согласно словарю Даля это «низко кланяться, перегибаясь в поясе»), *гнуть спину перед кем-либо*, *кланяться в ноги* или *бить земные поклоны*, которые передают разную степень наклона спины и обозначают разные поклоны.

Симметричные, исполняемые одинаково обоими участниками акта коммуникации жестовые формы приветствия — это все коммуникативные знаки, передающие идеи «солидарности» и «мира» (их даже иногда так и называют *солидарные приветствия*). Однако русская бытовая кинема **стоять, согнувшись** перед кем-то, или **кланяться**, — жест несимметричный. Это знак того, что вы слабее или ниже по рангу: сгибаясь и как бы делая себя меньше, одновременно опуская вниз глаза, вы даете адресату понять, что у него преимущество. Японский поклон как выражение вежливости и отражение более низкого статуса является жестом смирения, а также указания — через сравнение с общественным положением адресата — на собственный социальный статус (Морсбах 1988).

Неправильная интерпретация, вызванная неумением или нежеланием понять и принять во внимание культурные различия коммуникативных жестов, приводит к коммуникативным и к более серьезным — этническим, социальным и политическим — конфликтам (о жестах разных культур и различиях между ними см. подробнее ниже).

10.1.2. Симптоматические жесты

Симптоматические жесты выражают эмоциональное состояние жестикулирующего. Означаемым всех симптоматических жестов является именно эмоция, а не ее физиологическое проявление (то есть, например, горе, а не слезы), о чем мы еще будем говорить. Примерами русских симптоматических жестов являются: **прикрыть рот рукой (от изумления)**, **кусать губы**, **бабанивать пальцами по столу**, **привстать со стула**, **делать большие (круглые, страшные) глаза**, **топнуть ногой**.

Симптоматические жесты могут производиться не только в присутствии другого, но и тогда, когда человек остается один, то есть симптоматические жесты, в противоположность коммуникативным, в своем исходном употреблении не являются диалогическими. Однако для симптоматических жестов верно и то, что жестикулирующий может воспроизводить их в диалоге в той или иной степени намеренно для обозначения соответствующей эмоции, при этом либо вовсе не испытывая данной эмоции, либо испытывая ее в гораздо меньшей степени, чем та, о которой свидетельствует жест. Фактически речь идет о **возможности регулярного перехода жестов из разряда симптоматических в разряд коммуникативных жестов**.

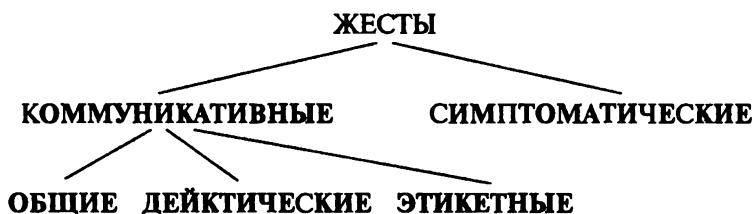
Покраснение щек, например в случае стыда, жестом не является, поскольку нормальный человек не может вызвать покраснение щек усилием собственной воли. Покраснение щек — это неконтролируемая физиологическая реакция на некую причину, вызвавшую эмоцию, или на саму эмоцию. Между тем та же эмоция стыда может быть выражена и передана жестом, например русским симптоматическим жестом **закрыть лицо руками <от стыда>**. Существенно, что, даже не испытывая чувства стыда, жестикулирующий может закрыть лицо руками, имитируя стыд. В этом случае мы очевидно имеем дело с вторичным, коммуникативным, употреблением симптоматического жеста.

Таким образом, для симптоматических жестов мы различаем два типа употреблений: симптоматические жесты в симптомати-

ческом (исходном) и симптоматические жесты в коммуникативном (переносном) употреблении. По отношению к коммуникативным жестам такое различие употреблений нерелевантное.

Для лексикографического описания жестов сказанное означает следующее: в силу регулярности перехода от одного типа употреблений к другому нет смысла иметь для симптоматических жестов две единицы — симптоматические жесты следует помещать в словарь только в их исходном употреблении.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИХ ЖЕСТОВ

10.2. Морфологические классификации жестов

Жесты, причем сразу же оговорюсь, что не только эмблематические, но также иллюстративные и регулятивные, можно классифицировать и по тому, какие органы человеческого тела являются главными в их исполнении. Подобную классификацию жестов естественно назвать морфологической.

Существуют по меньшей мере две морфологические классификации жестов, каждая из которых по-своему значима. Первая из них, более важная, предполагает деление жестов в соответствии с частью тела, которая называется активным, или рабочим, органом. Активный орган является основным в реализации данного жеста, то есть определяющим способ воспроизведения жеста. Соответственно классификацию, задающую способ исполнения жеста, мы называем классификацией жестов по активным (рабочим) органам.

Другая, двойственная, классификация разбивает жесты на классы в зависимости от того, какая часть тела служит местом исполнения жеста. Это классификация жестов по пассивным органам, или по месту воспроизведения жеста.

Когда говорят о жестах рук, ног, головы или глаз, то имеют в виду органы производства жеста, то есть активные орга-

ны, причем для каждого из жестов какие-то одни элементы оказываются физиологически более значимыми во время исполнения, а какие-то менее. Например, для жеста руки, или жеста, исполняемого рукой, наиболее важными являются следующие связанные с этим органом параметры: (а) конфигурация руки (рука прямая или согнутая, например в локте, открыты ли ладони, сложены ли пальцы в кулак и т.п.), (б) направление (в частности, направлена рука в сторону адресата или поднята вверх), (в) характер движения руки (например, указание силы, с которой рука движется; является ли жест однократным или многократным), (г) способ производства жеста (то, как он выполняется), (д) место производства жеста, (е) рабочая часть руки, то есть какая именно часть руки является главной, определяющей способ исполнения данного жеста, (ж) архитектура жеста, в частности положение частей руки при его воспроизводстве (например, какова ориентация ладони или пальцев, наклонена ли ладонь, и если да, то в какую сторону и под каким углом, совершают ли пальцы движение и какого рода — прямолинейное, вращательное и пр., каково направление кисти и запястья и т.п.). Так, при стандартном исполнении русского жеста **покрутить пальцем у виска**, «рабочая» рука согнута в локте, ее указательный палец выпрямлен и представлен вплотную к виску, остальные пальцы согнуты в кулак, но относительно свободно прилегают к ладони, а не с силой прижаты к ней, рука с вытянутым пальцем совершает вращательное, «крутящее» движение из стороны в сторону.

Очевидно, что один и тот же орган, например голова, для одних жестов (скажем, помотать головой или кивать) может быть активным органом, а для других (**хлопнуть по лбу** или **подзатыльник**) — пассивным.

В разного рода речевой деятельности разные органы могут играть разную по динамике роль. Например, руки и ноги в гораздо большей степени, чем голова, приспособлены к тому, чтобы играть активную роль в упорядочении и синхронизации речевой коммуникации. В когнитивной деятельности, особенно в той ее части, которая связана с представлением о воображаемых, не воспринимаемых непосредственно органами чувств предметах и событиях или с мыслями о них (например, при построении смысловой и формальной репрезентации спонтанного устного рассказа), основными активными органами являются руки, а регулирование хода диалога по большей части осуществляется глазами и головой. Чтобы успокоить и убедить в чем-либо своего клиента, адвокату рекомендуется широко

применять мимические жесты (см. ЛаКросс 1975), активными органами в которых являются части лица, а для выражения идеи «смирения» в качестве рабочих обычно используются руки, голова и корпус (туловище).

§ 11. ИЛЛЮСТРАТОРЫ

Ключевые слова: кинема (жест), коммуникация, акт, речь, речевой, иллюстративный жест (иллюстратор), тип, жестовое ударение, основной, вторичный (дополнительный), дейктический, пространственный, временной, идеографический, маркер, идеограф, кинетофонограф, кинетограф, идентификатор, экстерналайзер.

Д. Эфрон (Эфрон 1941/1972) выделил и описал шесть функциональных разновидностей иллюстраторов (напомню, что иллюстраторы, или иллюстративные жесты, — это кинемы, выделяющие в акте коммуникации какой-то речевой, жестовый или иной фрагмент и потому всегда выступающие в коммуникативном акте вместе с речью, ее фрагментами или паралингвистическими звуковыми единицами). Рассматривал иллюстративные жесты в качестве отдельного вида кинетических знаков и Р. Бирдвистел (Бирдвистел 1970, с. 103), называя их жеста́ми-маркерами. По словам ученого, «жесты-маркеры постоянно сопровождают те или иные синтаксические конфигурации речи» (там же).

Иллюстраторы вносят свой большой вклад в смысловую, синтаксическую, прагматическую и изобразительную составляющие коммуникативного акта и устного рассказа, делая соответствующие высказывания не только более богатыми содержанием, но и более живыми по форме. Иллюстраторы вступают в самого разного рода связи с ритмом речи, с ее ходом и остановками, с просодическими и смысловыми акцентами, со многими речевыми, параречевыми и жестовыми лексическими единицами, с организацией речевого потока в связный текст-дискурс и др.

Некоторые иллюстраторы, такие как ритмические жестовые ударения и разного рода имитационные жесты — идеографы, кинетофонографы и кинетографы (см. о них ниже), — например, пощелкивания пальцами, ритмические постукивания ногой или взмахи руками, помогают говорящему вспомнить ускользнувшее от него слово и извлечь из своей пассивной памяти нужное название предмета или обозначение понятия, действия или свойства. Такие иллюстраторы освобождают за-

стрявшее слово, и мускульная активность говорящего как бы выталкивает слово наружу, активизируя «лексическую память» (термин, принадлежащий, по-видимому, американскому психологу Р. Клауссу), убыстряя и делая более гладким процесс речевого общения.

Наиболее типичными представителями иллюстраторов с точки зрения формального устройства являются **жесты руки**, или **мануальные жесты**, а с функциональной точки зрения самыми важными являются следующие **типы иллюстраторов** (классификация расширена по сравнению с той, что была предложена Д. Эфроном):

(1) **жестовые ударения** (**batons** в терминологии Д. Эфрона, **underliners** в терминологии П. Экмана или **strokes** в терминологии А. Кендона).

Жестовые ударения — это движения рук, синхронные с актуальной речью и осуществляемые в одном с нею коммуникативном пространстве, движения головой и др. Основное назначение этих иллюстративных жестов, как следует из самого их названия, — кинетически акцентировать, выделять какие-то фрагменты речи, отделяя их от остальных, и тем самым более четко структурировать речевой поток. Во времени жестовые ударения нередко предшествуют речевым отрезкам, которые они сопровождают, или паузам, предваряющим смену говорящих в ходе диалога (хотя разница во времени между жестовым ударением и соотносимой с ним единицей речи в норме чрезвычайно мала), а по данным работы Щеглоф 1984 жестовые ударения в английском языке вообще, как правило, ставятся на последнем акцентно выделяемом слоге непосредственно перед теми сегментными речевыми или параречевыми единицами, с которыми они связаны. Преппозитивные жесты-иллюстраторы, не будучи следами каких-либо мыслительных или психических процессов, являются осознанно и широко используемыми людьми средствами построения связного устного текста (Щеглоф 1984, с. 267 и след.).

Жестовой организации речи у некоторых восточно-африканских народов посвятил свое интересное исследование С. Крейдер (Creider 1978). Описывая то, как происходит жестовая коммуникация среди говорящих на кенийском луо²⁰, он обнаружил, в частности, что их речь обычно сопровождается особыми движениями рук или головы: руки или голова последовательно

²⁰ Кенийский луо — один из западнонилотских языков (группа восточносуданских языков). Распространен в основном на западе Кении и северо-западе Танзании.

поднимаются, некоторое время находятся в неподвижном положении, после чего опускаются. Такая жестовая последовательность, акцентирующая те или иные смысловые элементы речи, по месту и времени почти в точности совпадает с единицами, которые С. Крейдер называет «тоновыми группами» (tone groups) и которые он считает основными смысловыми единицами в речевом потоке. Другими словами, речь и жестикация служат общим упаковочным материалом для описания действительности. Ранее С. Крейдер изучал также иллюстраторы и их функции в языках кипсигас и гусии, на которых говорят восточноафриканские народы, географически близко расположенные друг к другу²¹. Жесты в кипсигас, как и в кенийском луо и гусии, объединяются в более крупные единицы и параллельно тоновым группам выражают определенный смысл, однако у кипсигас имеются свои особенности жестовой коммуникации. С. Крейдер связывает разницу в жестовой организации речи в кипсигас, с одной стороны, и луо и гусии, с другой, с различием в функциях языковых ударений. Языковое ударение в кипсигас не выделяет речевые (тональные) группы, как оно делает это в двух других языках, и, соответственно, ядерный элемент жестовой группы не имеет тут постоянного положения, согласующегося с позицией языкового ударения. Поэтому людям, говорящим на кипсигас, бывает очень трудно определить, с каким слогом или словом связаны данный жест или комбинация жестов.

Можно различать **основные** и **дополнительные (вторичные)** жестовые ударения. Основное жестовое ударение представляет собой четкое и ясное кинетическое движение, обычно сопровождающее сильное речевое ударение или предшествующее ему.

Основные жестовые ударения выполняют в коммуникации роль, аналогичную той, которую играют на письме некоторые пунктуационные знаки, не только выделяя, но и одновременно с тем отделяя одну порцию информации от другой. Тем самым ударение как бы придает пунктуации визуальную форму. Ведущая функция всех таких жестовых ударений в акте коммуникации — грамматическая.

Дополнительное, или вторичное, жестовое ударение является движением более ослабленным и менее акцентированным по сравнению с основным ударением. Оно противопоставлено безударному кинетическому движению, сопровождающему

²¹ Кипсигас — один из южнонилотских языков. Распространен в основном в Кении, Уганде и Танзании, гусии — это язык из группы Банту.

речь, а также жесту со снятым или с сильно редуцированным ударением в живом речевом потоке.

Примерами жестовых ударений являются «ритмическое отбивание слогов кистью руки при скандировании», «резкое движение рукой сверху вниз», «подъем» или «отведение руки в сторону».

Следующий по степени своей значимости для коммуникации и по своей частотности класс иллюстраторов — это

(2) **дейктические маркеры**, или сопровождающие речь **указательные жестовые движения (кинемы)**.

Дейктические маркеры могут дополнительно к вербальному сообщению указывать на человека, объект, размер, место; в том числе и в случае, когда референт отсутствует (см. фразы *Я только что оттуда* и *Подойдите ко мне вот на столечко поближе* с соответствующими жестами), они могут указывать на время события или его стадий: «сейчас», «всегда», «сначала», «потом» (ср. последовательность движений, сопровождавшую нами наблюдавший устный рассказ *Сначала* — рука идет в сторону — *он встал, потом* — рука отводится еще дальше — *пошел к двери...*). Слова *вон там* часто сопровождаются иллюстраторами — **кивком головы** и **взглядом** в сторону человека или предмета, причем жест может указывать даже на объекты, отсутствующие в поле зрения коммуникантов. Заметим, что указание головой обычно сопровождается указанием с помощью глаз в случае, когда в коммуникации участвуют только двое; когда же присутствует еще кто-то третий помимо собеседника, контакт глаз может происходить (хотя это и необязательно) с собеседником, а голова жестикулирующего указывать при этом в сторону третьего человека.

В среде латиноамериканцев распространена такая указательная жестовая комбинация: подбородок — **взгляд**, ср., впрочем, характерное и для русской культуры указание подбородком: *Что все то значит?* — и он строго указывает подбородком на злополучную расписку (С. Гандлевский). У народа масаи в Африке (см. Кирк, Бертон 1976) и у индейцев куна в Панаме (Шерзер 1972) широко используется указательный жест нижней губой. Впрочем, это тоже скорее не один жест, а сочетание кинем, включающее подъем (резкое вскидывание) головы, прямой взгляд, приоткрытый рот и выдвижение вперед губы. Как утверждает Дж. Шерзер, заметивший и описавший этот жест у индейцев куна, указание губой можно наблюдать в разных коммуникативных контекстах. Это вопросы и ответы о месте и направлении, команды, декларативные суждения с демонстративным значением или приветствия. К дейктическим

иллюстраторам относятся в культуре куна и некоторые кинемы-касания.

Разница между дейктическими эмблемами и дейктическими иллюстраторами состоит в том, сопровождают ли они речь, и если да, то с какой степенью обязательности. Однако граница между этими двумя видами жестов не является жесткой: не случайно такая известная французская исследовательница в области кинесики, как Ж. Кальбрис, анализирует дейктические эмблемы вместе с иллюстраторами в рамках единого теоретического подхода (см. Кальбрис 1985; Кальбрис 1987; Кальбрис 1998).

Важные подклассы иллюстративных жестов, функционально очень близкие к дейктическим, а быть может, даже составляющие отдельные подклассы дейктических иллюстраторов, образуют **пространственные** и **временные** маркеры;

(3) **пространственные** маркеры — это кинемы, описывающие разнообразные пространственные отношения. Они, будучи употребленными в коммуникативном акте, показывают размер или расположение человека или объекта в пространстве, а также дистанцию, отделяющую один объект или одного человека от другого. Ср. иллюстраторы — пространственные маркеры «*во какой*», «*от сих до сих*», «*здесь*», «*там*» и др. Некоторые из них близки к дейктическим маркерам не только по функции, но и по семантике;

(4) **временные** маркеры составляют весьма ограниченный в количественном отношении класс иллюстративных жестов, описывающих референтные временные отношения. Например, при произнесении высказывания *Он сделал это очень медленно (быстро)* амплитуда движущейся руки может меняться в соответствии со сказанным; точно так же разные мануальные движения коррелируют с растягиванием или, наоборот, с убыстрением произносимых слогов;

(5) **идеографические** маркеры, или **идеографы**.

К идеографам принадлежат иллюстраторы, которые предназначены описывать ход мысли, выделять отклонения от основного направления мысли в сторону и следы событий. Среди них, например, жесты, выделяющие в речи главное, то есть главную мысль или идею, жесты, маркирующие переход к новой теме изложения, и некоторые другие функциональные типы. Следует отметить, что, строго говоря, идеографами могут быть не только иллюстраторы: существуют и эмблемы-идеографы.

Анализируя коммуникативное поведение человека, нужно иметь в виду, что человек почти всегда пользуется идеографами

ми, вспоминая приятные и неприятные события — встречи, знакомства, добрые дела, причиненное ему зло и т.п. И здесь особую роль играют иконические идеографы с разного рода адапторами. Смущаясь, переминаясь на месте и чувствуя неловкость, некоторые люди, например, во время разговора мнут в руках сигарету, а вспоминая о ласке, иногда машинально поглаживают книгу, ручку кресла или еще какой-нибудь предмет. Напротив, по «идеографическому» поведению человека часто можно определить его состояние, понять, что он чувствует в данную минуту, о чем думает и т.п.

(6) кинефонографы.

Кинефонографами являются иллюстраторы, соединяющие изображение движений тела (отдельных частей тела) человека или животного с речью или с производимыми при этих движениях звуками. Ср., например, изображение ходьбы человека попеременным движением указательного и большого пальцев или передачу галопа лошади с помощью быстрого перебирания и постукивания пальцев о некоторую поверхность, то есть с помощью кинемы, которая сопровождает звук, имитирующий стук копыт. Еще один пример кинефонографа — имитация детьми звука вращающихся колес паровоза или поворачивающегося руля автомобиля. Кинефонографы, как и нижеследующие типы иллюстративных жестов, могут переходить в ряд иконических эмблем.

Очень близкими к кинефонографам являются

(7) кинетографы.

Кинетографы — это иллюстративные кинемы, изображающие произвольные действия, за исключением собственно движений, и имитирующие траекторию, силу и некоторые другие параметры действий, а также сопровождающие их звучания. Примером кинетографов служат кинемы, изображающие резание или сгибание предмета; есть кинетографы, имитирующие петлю или другие фигуры высшего пилотажа, которые исполняет самолет, кинетографы, изображающие закрываемую с силой книгу, деньги (форма: «указательный и большой пальцы трутся друг о друга, имитируя шелест денег при счете или платежных операциях»).

Следующие, выделяемые почти всеми исследователями иллюстративных жестов, категории представляются мне весьма интересными и интригующими. Речь идет о так называемых кинемах-манерах (о них я уже говорил) и близких к манерам поведенческих активностях: идентификаторах и экстерналайзерах.

(8) Идентификаторы — это кинемы, «ответственные» за особые стили и манеры человеческого поведения, обычно име-

нуемые по-русски как *строгий, мужественный, женственный, элегантный, вулгарный* и т.п. *стиль*. Идентификаторы довольно точно характеризуют человека, «выдавая» его возраст, пол, социальное или материальное положение, его культуру.

Кинетические высказывания с идентификаторами, строго говоря, не обязательно иллюстративного типа, хотя по большей части действительно сопровождают вербальные высказывания, выделяя в них какие-то элементы. Благодаря идентификаторам адресат распознает различные объекты и концепты, физические и моральные характеристики человека, качества вещей и свойства среды. Идентификаторы создают «материальную базу», мотивы для различных языковых оценок людей, таких как, например, *скучный, осторожный, несимпатичный, мужественный, дружелюбный, мягкий или жесткий человек*, а также для высказываний о качествах или поступках человека: *невозможный, абсурдный, удивительный, необыкновенный* и т.п. Примерами кинем-идентификаторов являются *гордая походка*²², *высоко поднятая голова, взгляд поверх головы, отставленный <в сторону> мизинец <при еде или чаепитии> за столом*, некоторые разновидности *улыбок, вкрадчивые телодвижения*.

(9) Совершенно особое место среди кинем занимают так называемые *экстернализеры* (externalyzers).

К ним принадлежат разнообразные поведенческие единицы, которые, как мы говорили, в строгом смысле не являются иллюстраторами (хотя их обычно причисляют к таковым), поскольку обычно не сопровождают слова или неречевые звуки, а являются *реакциями на них*. Экстернализеры — это невербальные отклики человека на реальность, настоящую или, быть может, воображаемую, отклики на то, что было когда-то кем-то сказано или сделано, на то, что не сказано и не сдела-

²² Походка человека издавна воспринималась многими как знаковое движение тела, то есть как жест, а то, как человек ходит, то есть способ движения, подобно почерку, считался диагностическим ключом к человеческому характеру. *Гордая походка, ходьба вразвалку, изящная, смущенная, мягкая, кошачья, тяжёлая, размеренная, ковыляющая, утиная, семенящая, торопливая, размашистая, легкая или неуклюжая походки* и др., наряду с осанкой и выправкой, не только представляют особую манеру человеческого поведения, *манеру держать себя*, но и свидетельствуют об определенном физическом или психическом состоянии человека, о его чувствах и настроении, о принадлежности к определенной социальной группе, ср.: *Никитин спросил что-то и забыл свой вопрос, глядя на девушку, на движение ее низких бедер, по которым всегда можно узнать русскую барышню* (В. Набоков. «Порт»). Исследование разных знаков — разновидностей походок, помимо прочего, может помочь раскрытию природы и механизма человеческого движения.

но, и даже на то, что будет сделано или сказано. Иными словами, экстерналайзерами являются жесты-реакции человека на коммуникацию, на ее контекст, на собеседника, на действительный мир в целом, определяющие и отражающие его материальный и духовный опыт. По форме они представляют собой движения рук, ног, глаз и корпуса; кроме того, это могут быть различные звуки; ср. **щелчки** (например, пальцев), **мигания глазами**, **повороты корпуса**, разного типа жесты «**прихорашивания**»: **приглаживать** волосы, **поправлять галстук**, даже **одергивать одежду** и т.п.

Как и для эмблематических жестов, для иллюстраторов смысловоразличительными являются отдельные физические элементы и свойства, составляющие и характеризующие сам жест. Так, по данным, изложенным в работе Винер и др. 1972, в англоязычной невербальной традиции существенную роль играют такие компоненты иллюстративных жестов руки, как положение и ориентация ладоней. По мнению авторов работы, например, положение рук «ладони вверх», или «*palms up*», в англоязычной культуре равносильно выражению неуверенности говорящего. Оно сопровождает слова *Я думаю* или *Мне кажется* и в смысловом отношении дополняет речь примерно следующим образом: «я в сказанном неуверен и снимаю с себя за него ответственность, а потому не следует со мной на эту тему долго говорить», ср. «[the position palms up] adds for the addressee the message that the issue need not be pursued since noncertainty is indicated» (Винер и др. 1972, с. 211).

Положение рук с открытыми ладонями вниз, «*palms down*», тоже показывает, что вербальное высказывание, которое этот жест сопровождает в коммуникативном акте, не может быть оспорено или поставлено под вопрос, и в этом М. Винаер и его соавторы правы. Однако тут это происходит, как мне представляется, по иной, чем в первом случае, причине. Жест «*palm down*» («ладонь вниз») выступает вместе с такими английскими словами и сочетаниями, как *clearly* «очевидно, явно, ясно», *absolutely* «безусловно, совершенно, абсолютно», *without doubt* «несомненно, вне всякого сомнения», и подчеркивает непреложность сообщаемого, а также сигнализирует об уверенности и напористости жестикулирующего. Используя этот жест, люди как бы увеличивают значимость высказываемых ими мыслей и идей; особенно часто он используется ими для убеждения собеседников в правоте отстаиваемой точки зрения в спорах или диспутах. Однако жестовая форма «ладонь вниз» может иметь и другие значения, например, болельщики ударами ладонью вниз сопровождают выражение сильной радости, триумфа по

поводу победы любимой команды или спортсмена. Кроме того, по данным книги Моррис 1994, с. 194 — 195, та же форма может использоваться лекторами, преподавателями и другими лицами, выступающими перед большой аудиторией, не только чтобы подчеркнуть важность высказываемой ими мысли, но и чтобы, если это необходимо, успокоить собравшихся в аудитории людей. Ф. Дэвис в своей книге (Дэвис 1973, с. 89) рассказывает историю об одном американском профессоре, который, будучи в Колумбии и выступая там перед студентами, остановился в своей лекции на некоторых проблемах, связанных с дошкольниками, и опустил руку ладонью вниз, показывая рост ребят. Он, однако, был весьма удивлен, услышав немедленно последовавший за этим смех всего класса. Дело все в том, что в Колумбии этот жест используется только для указания на размер животных и не применяется по отношению к людям.

Замечу также, что у иллюстративных жестов «ладонь вверх» и «ладонь вниз», как и у многих эмблем, имеются омонимы, исполняющие в акте общения роль регуляторов коммуникативного взаимодействия (см. следующий раздел).

Последний семиотический тип жестов, который мы рассмотрим, — это регулятивные жесты, или регуляторы, и их типы.

§ 12. РЕГУЛЯТОРЫ

Ключевые слова: кинема (жест), коммуникация, акт, речь, речевой, регулятивный жест (регулятор), тип, точка, позиция, представление.

Если иллюстраторы — это движения, которые выделяют и изображают то, что вербализовано, и напрямую связаны с речью, то регуляторами являются **движения, устанавливающие, поддерживающие и регулирующие диалог**, причем как вербальный, так и невербальный. Примерами регулятивных жестов являются некоторые **кивки**, мимические аналоги кивков типа **закрывание и открывание глаз**, мелкие движения типа смены поз и некоторые определенным образом **ориентированные движения тела**.

Регуляторы не коммуникативны в том смысле, что обычно не осознаются собеседниками и не контролируются ими

осознанно, но они и информативны и интерактивны, то есть применяются в ситуации взаимодействия. Регуляторы тесно связаны с социальной группой, с этносом и культурой, к которым принадлежит жестикулирующий (например, итальянцы, слушающие своего собеседника и желающие, чтобы говорящий остановился и дал им возможность хоть что-то сказать самим, часто просто хватают его за руку).

Психолог Альберт Шефлен посвятил структурному и функциональному анализу регулятивных (а также других) жестов серию работ (см. Шефлен 1963; Шефлен 1964; Шефлен 1972). Он же впервые выделил следующие три типа регуляторов:

(а) **точки** (points) — отдельные движения головы, шеи, глаз и рук, а также позы, обычно встречающиеся после словесных фраз собеседника;

(б) **позиции** (positions) — жестовые конфигурации и комплексы (например, контакт глаз и движение корпусом), состоящие из ряда точек и обозначающие различные отношения, возникшие или проявившиеся в диалоге;

(в) **представления** (presentations) — самые крупные жестовые конфигурации вместе с их параметрами, формирующие сложные комплексы движений, которые совершаются в интерактивном акте. По А. Шефлену, представления включают в себя совокупность единиц и кинетических признаков: (1) позиции; (2) расстояния между собеседниками, определяющие степень близости или степень интимности отношений между ними; (3) позы, указывающие на социальный статус человека или на его роль в данном коммуникативном акте, и (4) ориентации тел, определяющие характер и тип коммуникативного взаимодействия, в частности происходит ли вместе с сообщением передача адресату испытываемых жестикулирующим эмоций или к нему от жестикулирующего поступает некая «безличная» информация.

Завершив рассмотрение основных семиотических типов жестов, обсудим теперь ряд вопросов, относящихся к синтаксису жестов.

§ 13. СИНТАКСИС ЖЕСТОВ

Ключевые слова: жест, коммуникация, акт, участник, невербальный, взаимодействие, синтаксис, внутренний, внешний, правило, поведение, тип, корректирующий, поддерживающий, притворство, предусмотрительность, чрезмерность, неловкость.

Хотя природа жестовых единиц сильно отличается от вербальных, жестовые единицы, как и естественно-языковые, имеют не только семантику, но и синтаксис, впрочем, мало похожий на языковой. Я предлагаю различать **внутренний синтаксис жестов** и **внешний**.

Под **внутренним синтаксисом** я имею в виду комбинаторику, то есть особенности сочетаемости и упорядочивания, жестовых элементов при образовании комплексных жестовых выражений — сочетаний (включая жестовые фраземы). Например, выражения лица по особым правилам «складываются» из выражений губ, глаз, бровей и т.п., и это правила внутреннего синтаксиса. Одна из поз **смирения** состоит из семиотических компонентов «опущенная голова», «сложенные в замок кисти рук» и «прижатые к телу руки», согласующихся между собой по определенным законам.

Внешний синтаксис жестов определяет течение коммуникативного акта и описывается правилами двух типов — (1) правилами диалогического невербального взаимодействия партнеров по коммуникации и (2) правилами взаимодействия жестовой системы (или систем) со словесной.

1. Относительно закономерностей **диалогического невербального взаимодействия участников коммуникации Э.** Сэпир писал: «We respond to gestures with an extreme alertness and, one might always say, in accordance with an elaborate and secret code that is written nowhere, known by none, and understood by all» «Мы чрезвычайно внимательно относимся к жестам и отвечаем на них, если так можно выразиться, в соответствии с тем сложным и таинственным кодом, который нигде не записан, никому не известен, но всем понятен» (Сэпир 1927/1951, с. 556, пер. наш). Замечательный американский антрополог и психолог Э. Гоффман в своем анализе социальных ситуаций, которые в западных обществах повторяются изо дня в день (Гоффман 1956; Гоффман 1963; Гоффман 1967; Гоффман 1971), рассматривал типичные для этих ситуаций взаимодействия людей как игру, в которой игроки ставят перед собой цель и ведут себя таким образом, чтобы произвести выгодное впечатление на партнера. В предложенной им модели социального взаимодействия общее правило поведения формулируется достаточно просто — ни один из игроков не должен нарушать правил игры и должен вести себя так, как предписано нормами общественного поведения. Цель игры, в которой участвуют люди, вступающие в коммуникацию, состоит в том, чтобы выглядеть как можно лучше, завоевывая престиж.

Э. Гоффман описал два самых важных из общих типов социального взаимодействия людей, назвав их, соответственно, **корректирующий** (remedial) и **поддерживающий** (supportive).

Корректирующее взаимодействие преобразует девиантное коммуникативное поведение в следующем направлении: оно делает приемлемыми те действия, которые могли бы, не будучи подправленными, считаться агрессивными по отношению к собеседнику, обижающими или оскорбляющими его. Близкими к такому поведению являются и некоторые типы невербального <диалогического> поведения, которые я предлагаю также относить к **корректирующим**. Это, например,

(а) **притворное поведение, или притворство.**

Такое отклоняющееся от нормы поведение человека, если его не поправить или если партнер не обнаружит притворства, будет считаться адекватным, но если собеседник обнаружит обман, то он вполне может обидеться, оскорбиться и т.д. Примерами притворного поведения могут служить действия человека, в момент беседы то и дело смотрящего на часы, как будто у него должна вскоре состояться другая встреча; человек может держаться за щеку, притворяясь, что у него болит зуб; он может (и часто делает это в повседневной жизни) притворяться, что не понимает того, что ему говорят, и показывать это жестами: в удивлении поднимает брови, в недоумении **пожимает (двигает) плечами** (ср. — *Жить-то они где думают? — Чемоданов недоуменно двинул плечами (Л. Жуховицкий)*, делает **большие глаза** и т.п. Притворное поведение более свойственно людям, находящимся в ситуации неформального взаимодействия, и значительно реже встречается при формальном общении;

(б) **неумеренное поведение (чрезмерность, экзальтированность).**

Так, например, взбудораженного, взвинченного, находящегося в стрессовом состоянии или агрессивно настроенного человека люди воспринимают с явным неодобрением. Окружающие пытаются успокоить такого человека словами или жестами: в зависимости от возраста, пола, психологического состояния и многих других факторов окружающие, протягивая к нему руки, преграждают ему дорогу к собеседнику, человека держат за руки, прижимают к себе, обнимают, дружески ему улыбаются, гладят его по голове, и пр.

(в) **неловкое поведение (неловкость).** В качестве иллюстрации можно привести неловкое поведение человека, пытающегося выдать из себя улыбку и производящего какие-то непонятные движения в ситуации, когда, казалось бы, гораздо

более уместным было произнести в адрес другого лица жесткие слова укора, упрека или презрения, возможно, сопроводив их адекватными ситуации жестами-иллюстраторами.

При **поддерживающих невербальных взаимодействиях** люди демонстрируют внимание и уважение к партнеру и помогают наладить диалог. Примером поддерживающих взаимодействий являются акты приветствия и прощания. Их следует, на наш взгляд, рассматривать как особые ритуалы, или церемонии, имеющие четко определенную структуру, подчиненные вполне определенным принципам и программам поведения и упорядоченные в соответствии с определенными синтаксическими правилами. Общим для всех видов приветствий является то, что все они, будучи невербальным свидетельством присутствия данного человека в сфере другого, имеют значения «выражение желания установления контакта» или «предложение завязать некоторые отношения или участвовать в некой совместной деятельности» (в дальнейшем я буду называть данные идеи кратко: «совместность»). Оба указанных значения могут быть выражены только в диалоге. Невербальными средствами выражения значения «совместности» в русском языке тела являются (а) фронтальная ориентация тел, (б) определенные положения головы (головы собеседников повернуты лицом к лицу), (в) контакт глаз, (г) согласованность поз и жестов рук (например, оба партнера останавливаются, их руки протянуты для рукопожатий), (д) взаимные касания.

Кинетическая переменная «тип социального взаимодействия» используется в описаниях значений и употреблений разного типа жестов. Например, жест, имеющий форму «подойти к собеседнику ближе, слегка наклонив в его сторону голову и корпус», по-разному интерпретируется в поддерживающих (кооперативных) и корректирующих диалогах. В первом случае он рассматривается как знак дружелюбного расположения или симпатии (при этом жест дружбы часто сопровождается приветливой улыбкой), во втором — это знак истинной или притворной агрессии, угрозы или обозначает поведение, при котором один из участников коммуникации пытается занять более высокую, доминантную, или господствующую, позицию.

Телесное и глазное поведение людей, установивших между собой контакт, может синкретично выражать также определенный характер или качество образовавшейся связи. Известно, например, что глазное поведение незнакомых людей, идущих по улице во встречном движении, подчиняется, по крайней мере в европейской культуре, правилу «гражданского

невнимания», которое впервые сформулировал, видимо, Э. Гоффман. Согласно этому правилу смотреть на незнакомого человека допустимо, только находясь от него на строго определенном расстоянии. В частности, следует по возможности избегать контакта глаз на близкой с незнакомым человеком дистанции, поскольку в противном случае есть риск того, что ваше глазное поведение будет этим человеком неправильно интерпретировано, например оценено как желание знакомства или просто как назойливое, неприличное разглядывание.

2. Остановлюсь теперь на общей характеристике второго типа правил внешнего синтаксиса, а именно **правил взаимодействия жестовой системы со словесной**. Некоторые из этих правил носят частный, или словарный, характер; ср., например, в нашем Словаре языка русских жестов зону вербального сопровождения, где описываются возможные или крайне желательные языковые элементы, выступающие в коммуникативном акте вместе с соответствующими жестами. Другие правила определяют течение коммуникации в целом, во время которой взаимодействуют жестовые (или даже шире — невербальные) и вербальные системы. В отличие от первой группы, эти правила носят **общий характер** и не «привязаны» к конкретным жестовым лексемам или вокабулам: они, так сказать, словарно независимы. Аналогом такого рода правил в синтаксической модели естественного языка служат общие закономерности построения правильной синтаксической структуры предложения. В качестве примера таких общих коммуникативных правил можно привести запрет на общение «на ходу» на важные для одного или обоих собеседников темы или правило, согласно которому в так называемом «экзаменационном диалоге», чтобы диалог был успешным, необходимо использование со стороны экзаменатора жестов-регуляторов, поддерживающих диалог.

Хотя грамматики жестов, насколько нам известно, до сих пор не написано ни для одного языка тела, что во многом объясняется отсутствием достаточного объема накопленного конкретного материала, собранного по различным культурам и языкам тела, и крайне малым количеством существующих жестовых словарей разных языков, отдельные правила и — значительно чаще — примеры их применений найти в специальной литературе можно (см. статью Слама-Казаку 1976 о так называемом смешанном синтаксисе, то есть о синтаксическом взаимодействии невербальных компонентов с вербальными, а также монографии Кальбрис 1990; МакНил 1992). В главах 3 и 5 настоящей книги формулируются некоторые правила внешнего синтаксиса жестов: они описывают взаимодействие опре-

деленных кинем и выражений лица с некоторыми конкретными высказываниями и некоторыми типами речевых актов. Кроме того, в главе 4 можно найти примеры действия правил «тройного» согласования: параязыковых единиц (в частности, голосовых параметров), жестов и некоторых речевых высказываний, а в главе 8 обсуждается вопрос о регулярных соотношениях отдельных характеристик коммуникативного пространства с жестами и речью.

На этом анализ основных характеристик жестов, их классов и категорий, а также некоторых особенностей их синтаксического поведения можно считать законченным. Ниже нам хотелось бы остановиться более подробно на двух узловых и вместе с тем дискуссионных вопросах кинесики: проблеме межкультурного соответствия жестов и проблеме семантического описания жестов. В качестве образца для семантического описания взяты некоторые мимические невербальные единицы — выражения лица — в их соотношении с психологическими, главным образом эмоциональными, состояниями человека.

§ 14. ЖЕСТЫ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

Ключевые слова: кинема (жест), культура, межкультурный, соответствие, универсализм, проблема, понимание, переводимость, непереводимость, кинетический, текст, интерпретация, неправильный (ошибочный), частичный, неполнота, избыточный, культурно-независимый (безусловный), культурно-специфичный (условный), омонимия, синонимия, форма, внешне сходный, различный.

Проблема межкультурного соответствия жестов, или, как ее обычно называют в невербальной семиотике, проблема универсализма, тесно связана с интерпретацией невербального текста одной культуры носителями другой и с проблемой переводимости. Хотя в невербальных компонентах человеческой коммуникации в разных культурах больше сходств, чем различий, последние все же имеются. Можно выделить три вида отклонений от правильного понимания кинетического текста при переходе от одной культуры к другой:

(1) **неправильная интерпретация**, (2) **неполная интерпретация** и (3) **избыточная интерпретация**.

Первая категория, **неправильная** (или: **ошибочная**) интерпретация, сразу приходит на ум, когда говорят о непонимании:

обычно в работах, в которых делается сопоставительный анализ жестов и жестовой коммуникации в различных культурах, речь идет исключительно об ошибочной интерпретации.

Каждый народ и каждая культура имеют свое «немое кино». Ч. Чаплин как-то сказал: «Дайте мне посмотреть, как вы двигаетесь и жестикулируете, и я сразу скажу вам, где вы родились». Неправильная интерпретация носителями одной культуры невербального сообщения, сделанного представителем другой культуры, может привести к нежелательным конфликтам и опасным последствиям. Не случайно британская авиакомпания «British Airways» часто предупреждает пассажиров: «Be careful. Your gesticulation may bring you into unpleasant and ambiguous situations» «Будьте осторожны. Ваша жестикуляция может поставить вас в неприятное и двусмысленное положение». А Дж. Миллер (Миллер 1994, с. 660) пишет: «Неправильное понимание невербального поведения — один из самых огорчительных источников разногласий между людьми, без которого вполне можно было бы обойтись. Например, немногие американцы знают о том, что китайцы очень не любят, когда их трогают, хлопают по плечу и даже пожимают руку. Если бы американцы, для которых данные жесты означают близость и дружелюбие, не применяли их по отношению к китайцам, скольких обид можно было бы с легкостью избежать!».

Точное понимание смысла полученного невербального сообщения важно еще и потому, что отдельные жестовые формы, встречающиеся в разных культурах, хотя и не тождественны по значению, могут иметь в них семантически сходные интерпретации. Например, жестовая форма *пожать плечами*, насколько можно судить по существующим описаниям разных языков тела, значит «безразличие», «недоумение», «пренебрежение», «презрение», «незнание» и, возможно, еще многое другое (Дживенс 1977), но этой формой никогда не кодируются, например, «положительные» смыслы, такие как «удовольствие», «радость» или «воодушевление», — диапазон различных семантических интерпретаций данной формы достаточно ограничен. Точно так же форма *зажать нос* почти всюду свидетельствует о негативном ощущении «плохо пахнет, воняет (и подобных реакциях)», а отношение «почтения», по-видимому, во всех или в подавляющем большинстве культур может передаваться склоненными головой или корпусом. Однако из этих примеров тесной смысловой близости внешне похожих форм никак не следует, что не бывает случаев, когда почти тожде-

ственные формы жестовых знаков имеют весьма далекие друг от друга смысловые интерпретации.

Интересно, что сходное по форме невербальное поведение людей (как, впрочем, и вербальное) и внешне идентичные кинемы могут быть даже антитетическими, или энантиосемичными, выражая в разных культурах вещи прямо противоположные. Так, щекотка может быть актом агрессии и компонентом любовной игры; плевок может обозначать «презрение», а может и «любовь». Говоря об оппозициях и антитезах в невербальном поведении людей, Ч. Дарвин (см. Дарвин 1872/1965, с. 28, 50 и след.) приводит, правда в другой связи, слова Дж. Рэйнодса: «Любопытно наблюдать за тем, как высшие точки прямо противоположных страстей очень мало отличаются одна от другой, бесспорно также, что они могут выражаться одними и теми же действиями».

Канадский психолог А. Вольфанг, работающий в сфере образования, в течение довольно длительного времени наблюдал за невербальным поведением учеников и учителей в канадских школах Торонто, Монреаля и Ванкувера, в классах которых было много детей иммигрантов из других стран (например, в классах в Торонто в среднем примерно у 50% учеников ни английский, ни французский не являются родными языками), а потому такие классы можно рассматривать как удобные экспериментальные площадки для изучения особенностей межкультурного вербального и невербального взаимодействия. А. Вольфанга прежде всего интересовало, как канадские учителя учитывают в своей работе разницу в жестовом и параязыковом поведении учеников. В своей интересной и, несомненно, важной для работников сферы образования статье Вольфанг 1979 он показал, к каким неприятным последствиям может привести пренебрежение этим аспектом в деятельности учителя.

Ученики, приехавшие из Западной Индии, Южной Италии, Африки или Гонконга, привыкли к гораздо более формальному, чем в Канаде, отношению к ним учителей.

В школах этих стран на уроках меньше свободы и больше дисциплины. Там принято, чтобы ученики на уроках молчали, пока с ними не заговорит учитель, ученики больше слушают рассказ учителя, чем свободно делятся с ним своими мыслями, и меньше задают ему вопросов. Как пишет А. Вольфанг, «уважение к учителю там скорее изначально предполагается, чем зарабатывается» (Вольфанг 1979, с. 164). Поэтому от канадских учителей ожидается, что они, проявив терпение и выдержку, смогут создать в классе атмосферу свободы и дру-

жеского внимания к чужой культуре и позволят на первых порах учащимся вести себя так, как те привыкли, в частности непринужденно выражать вербальные и невербальные культурные и коммуникативные предпочтения.

Общая демократичная и полуформальная обстановка в канадской школе, с одной стороны, и авторитарная и формальная обстановка в школах указанных стран являются, по мнению автора статьи, первопричинами различий в невербальном поведении учащихся и, соответственно, учителей. Так, многих канадских учителей раздражает то, что в разговоре с ними ученики-иммигранты, в частности прибывшие из Ямайки, не смотрят в глаза, что, по мнению этих учителей, демонстрировало неуважение к ним. Между тем в ямайской культуре выражение уважения со стороны ученика к учителю в точности противоположное тому, что принято в Канаде: стоя перед учителем, ученик обычно опускает глаза. Смотреть прямо в глаза человеку, имеющему более высокий социальный статус, избегают представители многих культур, например негритянское население Америки (см. Джонсон 1971).

Из-за исходно одинаковой биологической природы жестов весьма общая рекомендация, которую можно было бы дать человеку, пытающемуся интерпретировать конкретный жест, не кажется нам абсолютно банальной, а именно: нужно знать заранее, к какой культуре принадлежит жестикулирующий. И с самого начала лучше смотреть на внешние идентичные или почти идентичные жестовые знаки как на имеющие разные значения.

Несоответствие жестовых знаков порождает потенциальные сложности перевода их языковых обозначений с одного естественного языка на другой. Наличие жестовых словарей и грамматик, хотя бы одноязычных, вне всякого сомнения, позволило бы упорядочить и типизировать использование разнообразных переводческих приемов, среди которых назову лишь несколько наиболее частых: поиск тождественного знака, привлечение изосемантического знака, имеющего тот же или близкий круг употреблений, но иного по форме, употребление языкового обозначения для жеста — переводного эквивалента, отличного от оригинала и по форме, и по смыслу, однако обладающего нужными переводчику смысловыми, культурными, идеологическими или иными коннотациями, использование знака-аналога из того же семантического поля и др.

В связи с трудностями интерпретации и перевода мне кажется вполне уместным вспомнить давно проведенное деление жестов по их отношению к адресату, интерпретирующему жест.

В работе Волоцкая и др. 1962 были выделены среди других безусловные жесты, то есть культурно независимые, чье восприятие понятно всем людям без специальной подготовки, и условные жесты — те, что приняты только у данного народа в разных ситуациях общения. Наличие условных эмблематических жестов и степень возможного их культурного несоответствия я проиллюстрирую на примерах, сгруппированных следующим образом: сначала демонстрируется явление межкультурной омонимии, затем речь пойдет о межкультурных синонимах, третий круг явлений связан с возможной различной интерпретацией идентичных или сходных кинетических форм, и, наконец, приводится пример того, как внешне сходные формы сопровождаются в разных культурах разными по смыслу языковыми и параязыковыми единицами. Подчеркну, что следующие ниже описания значений следует воспринимать скорее как необходимые иллюстративные пояснения, а не как законченные толкования.

14.1. Межкультурная омонимия

(одинаковые или очень похожие друг на друга формы имеют в разных культурах разные смыслы)

14.1.A. Кинема́ кольцо (*OK, ring, zero*)

В русскую культуру жестовая форма знака кольцо («указательный и большой пальцы вместе образуют кольцо, которое смотрит в сторону адресата; остальные пальцы несколько ослаблены и согнуты») вошла сравнительно недавно, и ее основной областью бытования стала русская молодежная среда и сфера бизнеса. Жест кольцо заимствован из американской кинетической системы, в которой имеет значение «все в порядке, все хорошо». Между тем в Японии та же форма означает «деньги», но не деньги вообще, фигурирующие в произвольной взятой ситуации, как часто неверно пишут про данный жест, а исключительно деньги, связанные с ситуацией купли-продажи. В Венесуэле эта жестовая форма относится к категории обценных: она имеет явно выраженный неприлично-сексуальный смысл, а в Тунисе форма принимает несколько иной вид — все пальцы, кроме указательного и большого, вытянуты вертикально вверх — и имеет совсем другое значение: «я убью тебя».

В Греции и на острове Сардиния в Италии форма жеста такая же, как в США, а значение жеста можно примерно опи-

сать как «отмахнуться». На Мальте таким способом метафорически изображают мужчину — пассивного гомосексуалиста.

14.1.Б. Кинема палец у виска

Когда немец, говоря о ком-то, прикасается пальцем к виску, то это означает, что человек, о котором идет речь, «несколько не в себе». Между тем в целом ряде африканских культур аналогичная жестовая форма означает, что жестикулирующий глубоко задумался, *погрузился в размышления*. Во Франции жест обозначает просто, что человек, о котором идет разговор, глупый, тогда как в Голландии подобная форма значит, что человек умный (= «обладает интеллектом»).

Особый интерес вызывают невербальные ситуации в полиэтнических сообществах. Столкновение культур здесь нередко приводит к появлению межкультурных кинетических омонимов и, как следствие, к возможной неправильной интерпретации жеста. Интересной в этом плане является жестовая ситуация в современном многоэтническом Израиле.

В последующих примерах я опираюсь на собственные визуальные и фотонаблюдения, сделанные мной во время посещения этой страны, и на данные работы Шнеллер 1992, посвященной жестовой ситуации в Израиле.

С одной стороны, в Израиле существует стандартный невербальный код межэтнического общения, или, если угодно, государственный жестовый язык. С другой стороны, каждый народ, населяющий страну, не утратил и свой жестовый язык, сфера функционирования которого обычно ограничена рамками именно данного народа и данной культуры, хотя при общении людей отнюдь не запрещено использовать и государственный жестовый язык. Последнее обстоятельство сильно затрудняет диалог и просто приводит к жестовым конфликтам. Чаще всего они возникают, когда бывает непонятно, какой из кодов, общенациональный или этнический, применяется в коммуникации. Так, в государственном жестовом языке современного Израиля, когда человек прикладывает указательный палец к виску, он хочет этим сказать собеседнику «ты умный» или «ты только что сказал умную вещь», а в культуре живущих в Израиле марокканских евреев (правда, по месту жест исполняется несколько правее) жест означает в точности противоположное — «ты глупый» или «ты только что сказал глупость». Аме-

риканские евреи, проживающие в Израиле, подобным способом кодируют смысл «ты сошел с ума», а румынские евреи — «я думаю» или «<по>думай».

14.1.В. Кинема указательный палец у нижнего века (существует вариант этого жеста, когда люди слегка оттягивают веко вниз)

В Австрии формой «указательный палец у нижнего века» передается «презрение к адресату», во Флоренции выражается смысл «доброжелательность», а в Испании — «недоверие» (кроме того, в испанском языке жестов имеется и другое значение этой кинемы, которое условно выглядит как «будьте осторожны и внимательны»). Во Франции указательный палец у нижнего века — это жест лжи, точнее, «меня считают лжецом», а в России такого жеста нет даже в качестве заимствованного.

14.1.Г. Жест ищущего третьего (выпить на троих)

Форма этого русского бытового жеста — «указательный и средний палец раздвинуты, образуя ножницы; остальные пальцы согнуты и прижаты к телу». Функционально жест соответствует речевому акту — предложению выпить вдвоем спиртное. Символическое значение жеста таково: два пальца обозначают двоих мужчин, которые уже готовы к немедленному распитию спиртного, и требуется найти третьего, кто хотел бы к ним присоединиться. (Впрочем, существует и другая интерпретация того же жеста: имеется один «жаждущий», ищущий двух других.) Третий человек нужен потому, что бутылка примерно соответствует трем стаканам. Ее, как правило, *разливают на троих* поровну, и каждый из пьющих, таким образом, выпивает стакан. К тому же когда-то цена бутылки распиваемой водки «хорошо делилась на три», и акт приглашения выпить на троих именовался в русском просторечии как *сложимся по рублику*.

Предложение выпить на троих всегда делается тайно: рука при исполнении жеста прячется внутрь одежды, снаружи видны только указательный и средний пальцы, причем жест в обязательном порядке дублируется соответствующей «заговорщической мимикой». Причина «скрытного» характера жеста понятна: распитие спиртного на троих происходит обычно вне дома, часто в подворотне, на чердаке, в подъезде или каком-то другом, «темном», явно не предназначенном для распития

спиртных напитков, месте, обычно стоя. И подобный способ потребления спиртного осуждается социумом.

Жест ищущего третьего — типично мужской: хотя женщины могут собраться вместе, чтобы выпить, но для них использование данного жеста не характерно.

Если в русской культуре жест **ищущего третьего** является коммуникативным эмблематическим знаком, полным символического смысла, то в Англии внешне идентичная форма является формой жеста этикетного, являющегося знаком принадлежности жестикулирующего к масонам из ордена Буйволов (the Order of Buffaloes): исполняя данный жест, человек «ищет своих в толпе».

Замечание. Кинема **ищущего третьего**, видимо, свойственна только русской культуре. Однако многие жестовые единицы, употребляемые, скажем, жителями Ближнего Востока, тоже уникальны: они либо не имеют точных аналогов в других языках жестов, либо, имея сходные с жестами этих культур формы, не совпадают с ними по значению. Например, в книге Горелов, Седов 1997, с. 117 отмечается, что арабы после шутки или остроты, которую они произносят во время разговора, протягивают собеседнику руку ладонью вверх. Тот должен ударить по протянутой руке ладонью, показывая этим, что хорошо воспринял и оценил произнесенную шутку как удачную; не ударить ладонью о ладонь — значит обидеть своего партнера (кстати, заметим мы, аналогичным образом ведут себя представители целого ряда народностей на Кавказе). В русском культурном сообществе данная кинетическая форма существует и достаточно распространена в молодежной среде (вне этой сферы форма «ударить ладонью о ладонь» не используется), но имеет в ней иное значение, а потому и жест иной. Нет в русской культуре и столь же широко принятой на Востоке мануальной кинемы со значением «помедленнее, не спеши», при исполнении которой пальцы, сложенные в щепоть, движутся сверху вниз и снизу вверх вдоль тела.

14.1.Д. Жест поманить к себе рукой

Русский жест **поманить к себе рукой**, совершаемый (для правой — правой) рукой, поднятой на уровень груди или плеча, пальцы сложены вместе, слегка согнуты и направлены вверх, ладонь при этом движется в скребковом движении в сторону самого жестикулирующего. Жест выражает «просьбу подойти»: так один человек может подзывать к себе другого. Арабы же понимают сходную жестовую форму — пальцы и ладонь «рабочей» руки, однако, направлены вниз — как «насто-

тельную просьбу или требование уйти», то есть в прямо противоположном смысле.

14.1.Е. Жест показывать язык

В русском языке тела жест **показывать язык** (или **высунуть язык**), как мы уже отмечали, является детским бытовым жестом-дразнилкой, на юге Китая быстрое движение языка наружу и втягивание его внутрь обозначает «смущение», на Тибете **высунутый язык** — это форма жеста ритуального почтительно-го приветствия, а на Маркизских островах та же форма выражает отрицание.

Жесту **показывать язык** посвящена отдельная статья Смит, Чейз & Либих 1974. Наблюдая за детьми и взрослыми, авторы приходят к выводу, что в ряде других культур жест может означать также «нежелание взаимодействовать с другим человеком», особенно в ситуации, когда жестикулирующий увлеченно занят некоторым важным для него делом, сконцентрирован на нем и не хочет отвлекаться.

14.1.Ж. Жест рога

Сравнительно недавно на границах поселения этрусков, живших в VI—IV веках до н. э. на территории современной Италии, археологами были найдены изображения рогов. Этнографы утверждают, что эти изображения служили у этрусков символом мужества и отпугивали злых духов. В современной Италии жест **рога** с формой «указательный палец и мизинец одной руки вытянуты вверх, напоминая ножницы, средний и безымянный пальцы согнуты и прижаты к ладони, большой палец лежит на них, сама рука согнута в локте и поднята на уровне головы» обозначает, в частности, то, что человека, к которому жест обращен, сглазили, что адресат жеста находится под воздействием дурного глаза.

Во Франции внешне аналогичная форма обозначает, что адресат роконосец. В России форма «вытянутые вперед пальцы» принадлежит детскому игровому жесту коза, однако рука при воспроизведении жеста коза не статична, как в Италии и Франции, а движется определенным образом (влево-вправо и вперед в направлении ребенка — адресата жеста; кроме того, «козу», то есть вытянутые вперед пальцы, могут у нас изображать также указательный и средний пальцы).

В не менее многоэтнической и многокультурной, чем Израиль, Америке мне несколько раз доводилось наблюдать случаи коммуникативных неудач при невербальной коммуникации людей, представляющих разные культуры. Так, однажды я сам видел, как чернокожий студент из Колумбии, встретив на территории кампуса Мичиганского университета двигавшихся ему навстречу двух девушек, белых американок-англосаксонок, которые в тот момент, как мне было точно известно, шли на факультет славистики писать контрольную по польскому языку, поднял правую руку вверх и выставил ее чуть вперед в сторону девушек. Указательный палец и мизинец руки были тоже вытянуты вверх, а остальные пальцы были сомкнуты в кулак; большой палец лежал на среднем и безымянном. (Мы уже знаем, что это форма жеста **roga**.) В тот же момент молодой человек несколько раз повел, покрутил рукой из стороны в сторону.

По лицам студенток и их поведению было ясно видно, что они этим чрезвычайно оскорблены и возмущены. Девушки моментально резко отвернулись, развернулись и пошли другой дорогой. Самым поразительным в этой неприятной ситуации, однако, явилось для меня не поведение девушек, а неприкрытое удивление и недоумение, которые легко читались на лице колумбийца. Я знал, что в Америке жест рога считается очень неприличным, особенно применительно к лицу противоположного пола. Жест обозначает «рогоносца», имеет четко выраженные сексуальные коннотации и крайне оскорбителен для адресата. Но вот чему тогда, казалось бы, мог удивляться юноша — ведь подобная реакция девушек не должна была бы оказаться для него слишком неожиданной?

К сожалению, в городе Энн Арборе, где находится Мичиганский университет, никто не сумел объяснить мне, что же произошло на самом деле, хотя, разумеется, я догадывался, что имело место взаимонепонимание. Разгадку я нашел позже в книге, о существовании которой мне сообщили перед самым моим отъездом из Америки и которую я по этой причине тогда не успел достать и прочесть. Речь идет о практическом руководстве Сэйтс, Червенка 1972, где сопоставляются именно американские и колумбийские жесты.

В Колумбии, как нетрудно, впрочем, было предположить заранее, жест, исполненный юношей, не несет значений обиды и оскорбления, которые ему приписали девушки. По всей видимости, студент, очевидным образом не желавший обидеть девушек, попал в США относительно недавно, и ему в голову не пришла мысль о возможности иной интерпретации жеста. В его родной колумбийской культуре данная форма имеет два

совсем других значения. Она передает, во-первых, «желание жестикулирующего предохранить адресата от возможной неудачи или зла, которые ему могут причинить» и, во-вторых, выражает «пожелание адресату успеха в некотором предприятии, в котором тот заинтересован» и тем самым обозначает солидарность с адресатом.

Замечание. В Колумбии упомянутый жест называется тоже несколько необычно — *амулет ящерицы (the lizard charm)*. Колумбийцы ритуально боятся возможного зла от произнесения в их адрес табуированного слова *culebra*, означающего «змея», а потому быстро зараннее говорят *lagarto* «ящерица» и исполняют этот жест. Если мы, желая успеха адресату, говорим ему *Ни пуха ни пера!*, то в ответ получаем ритуальное *К черту!*, отводящее возможную неудачу. В колумбийской же культуре ритуал как бы инвертирован по сравнению с русской: чтобы вам не сказали нечто вроде изначального *Иди к черту!*, следует быстро произнести *Ни пуха ни пера!* и исполнить жест *roga*.

Межкультурная омонимия возможна и для жестов с адапторами-объектами, и для жестов с адапторами тела, в частности с самоадапторами. Рассмотрим, например, жесты перевернуть стакан и провести ребром ладони по горлу. В русском языке тела первый из них означает, что говорящий либо вообще больше не пьет спиртное — так сказать, «завязал», либо не хочет дальше продолжать пить спиртное сегодня (это действие обычно осуществляется с силой: переворачивающий стакан ставит его вверх дном, ударяя об стол).

В Англии же переворачивание стакана в публичном месте, например в пивном баре, служит сигналом приглашения к драке: «вот-вот произойдет драка». Второй жест в нашем невербальном языке стандартно выполняется так: «жестикулирующий быстро проводит ребром кисти по горлу слева направо», обязательно сопровождая движение словами *во, во где, во как* и т.п. Жест имеет значение «Х мне смертельно надоел: я сыт Х-ом по горло». В Японии же подобная форма имеет два значения: иконическое «мне за это отрежут (или: отрезали голову)» и — как результат метафорического переноса — символическое «я уволен». В нашей культуре, желая выразить жестом значение «мне за это голову отрежут», люди тоже проводят ребром ладони по горлу, изображая движение резания, но в этом случае звуковое сопровождение иное, несловесное: произносится нечто вроде *гхх*, то есть имеет место явление звукоподражания.

14.2. Межкультурная синонимия (один и тот же смысл по-разному кодируется в разных культурах)

14.2.А. Смысл «оскорбление»

В Испании смысл «я оскорблен тобой» выражается прикосновением к мочке уха или взятием за мочку уха. В Греции тот же смысл выражается поднятой рукой с открытой ладонью в сторону адресата.

14.2.Б. Смысл «да»

В Болгарии при выражении подтверждения и согласия (но не при ответе на вопрос!) **покачивают** головой слева направо, приговаривая при этом *да* или «прицокивая» (Липовска 1999; Павлова 1998; Якобсон 1970; Якобсон 1972), то есть жест всегда имеет звуковое сопровождение. В России **кивают** головой сверху вниз, и жест не предполагает обязательного словесного или иного звукового сопровождения, являясь в строгом смысле слова эмблематическим. Негр, живущий в Северной Америке, обычно выражает смысл «да» едва заметным **кивком** головы или бормочет что-то вроде *mhm*, редко при этом делая одновременно и то и другое; белый же **кивает** головой гораздо более энергично и почти всегда в сопровождении последовательности *uh-huh*. У айнов на севере Японии кивок головой не известен; для выражения смысла «да» айны пользуются руками, а именно в знак подтверждения и согласия обе руки приставлены к груди и движутся вверх-вниз открытыми ладонями **кверху**. Заметим попутно, что и жеста мотать головой как знака отрицания у айнов тоже нет: для выражения смысла отрицания правая рука (у правшей) с ладонью, направленной в сторону адресата, движется несколько раз справа налево и обратно. Абиссинцы невербально кодируют смысл «да» следующим образом: они резко откидывают голову чуть назад и поднимают брови, а смысл «нет» передают резким толчком головы к правому плечу. Чернокожие пигмеи семаңги из центральной части Малайи, чтобы выразить смысл «да», резко выдвигают подбородок вперед, а для обозначения «нет» опускают вниз глаза²³ (ЛаБар 1947). Арабы, желая выразить смысл «да», покачива-

²³ Не менее контрастными, чем между разными возможностями кодирования «да» и «нет» или разными способами жестовой передачи

ют головой из стороны в сторону (а смысл «нет» они передают, вскидывая голову и обычно слегка щелкая при этом языком). Люди из народа диаки, проживающего на острове Борнео, в качестве жеста для «да» поднимают глаза, бенгалец из Калькутты в знак согласия быстро мотает головой четыре раза по дуге от плеча, а майори для невербального выражения того же смысла поднимают голову и подбородок (интересно, что сицилийцы так передают смысл «нет»!).

14.2.В. Смысл «восхищение»

Испанцы, колумбийцы и мексиканцы смысл «восхищение» выражают невербально путем комбинации прикладывания к губам трех пальцев и звука поцелуя, а в Бразилии для выражения восхищения используется та же форма, которой испанцы кодируют смысл «оскорбление», а именно «прикосновение к мочке уха» (жест *взяться за мочку уха*).

14.2. Г. Смысл «опасность»

Когда француз легонько потирает указательным пальцем кончик носа, этот жест означает одну из трех вещей: (1) «я хочу

смысла «да», бывают различия между невербальными выражениями обычного фактивного, или фактуального, «нет» и «нет» эмоционального. Например, греки и многие другие народы Средиземноморья выражают эмоционально окрашенное отрицание, возражение или отказ, смешанный с чувством досады или раздражения, вызванного излишней назойливостью партнера, таким образом: они откидывают голову назад, закрывают глаза, часто при этом качая головой из стороны в сторону, и иногда вытягивают руку вперед открытой ладонью к собеседнику, как бы отодвигая его от себя. В то же время в качестве фактивного отрицания этот жест используется крайне редко. Как отмечает выдающийся австрийский этолог И. Эйбл-Эйбесфельд, среди некоторых групп индейцев Парагвая существует еще один способ выразить эмоциональное (но не фактуальное) отрицание. Они морщат нос, как будто сталкиваются с резким неприятным запахом и закрывают глаза; губы их при этом выдвигаются вперед, как в нашем жесте *надуть губы*. А у народа эйпо в Новой Гвинее имеются два совсем других жеста, кодирующих «нет». Фактуальное отрицание передается, как и у нас, качанием головы из стороны в сторону, но употребление этого жеста ограничено индивидуальными, неформальными актами общения; в случае же социальных, более формальных, взаимодействий они надувают губы. Кроме того, выдвиганием губ вперед эйпо показывает, что он оскорблен или что он хочет прервать разговор или иной контакт (Эйбл-Эйбесфельд 1979, с. 24—25).

предупредить вас, что в этом есть что-то неясное»; (2) «здесь опасно, будьте осторожны»; (3) «вам не следует доверять этим людям». Итальянцы для выражения смысла, приблизительно совпадающего со «вторым французским», слегка постукивают по кончику носа. Любопытно, что в Голландии аналогичное постукивание передает смысл «ты пьян» или, будучи употребленным симптоматически, показывает, что жестикулирующий сам пьян.

14.2. Д. Смысл «угроза»

Эмблематический жест со значением «угрозы» в языке масаи ²⁴ передается следующим образом: выпрямленный горизонтально указательный палец жестикулирующего располагается параллельно губам между зубами, которые палец чуть сжимают. После этого жестикулирующий покачивает пальцем от себя и к себе и указывает им на адресата угрозы. Русские же только покачивают (*грозят*) пальцем или, в случае сильной угрозы, кулаком.

14.2. Е. Смысл «клянусь, это правда»

Если русские, уверяя собеседника, что все сказанное ими — чистая правда, иногда бьют себя в грудь, то жители масаи совершают для этого целую серию движений — указательный палец касается земли, затем кончика языка, после чего указывает на небо.

14.2. Ж. Смысл «подойди сюда»

Русские и американцы, желая подозвать к себе человека жестом, обычно используют повторяющиеся движения поднятого, вытянутого или, чаще, согнутого указательного пальца (реже мизинца) или кисти поднятой и согнутой в локте руки, направленные в сторону жестикулирующего. Итальянцы, турки, китайцы, иранцы, индусы и некоторые другие народы исполняют тот же жест иначе. Во-первых, в норме они дела-

²⁴ Масаи — один из восточносуданских (нилотских) языков Африки, относящихся к макросемье нило-сахарских африканских языков. Распространен в Танзании и Кении (на границе с Танзанией). Число говорящих на нем составляет чуть более 500 тыс. человек.

ют подзывающее движение не пальцем, а только рукой, и во-вторых, положение и движение рабочей руки тоже совсем иное, чем у русских или американцев: рука согнута в локте или опущена вниз и движется в сторону жестикулирующего, пальцы и запястье направлены при этом вниз.

14.3. Различная интерпретация внешне сходных форм

Неправильная интерпретация может возникнуть и в случае, когда человек вроде бы знает и семантику и форму жеста, но только при каком-то одном определенном характере жеста, например при определенной интенсивности движения. При этом он совершенно не учитывает того обстоятельства, что уже при другой интенсивности похожая жестовая форма может иметь другой смысл. Например, быстрое хлопанье в ладоши — это аплодисменты в знак благодарности за полученное удовольствие от только что увиденного зрелища (иногда в театре — это касается, прежде всего, традиции европейской культуры — хлопают и актеры со сцены, обращаясь к зрителям и благодаря их за поддержку и одобрение спектакля), а медленное и ритмичное **захлопывание**, то есть то, что по-английски хорошо передается выражением *to clap the actor off the stage* «хлопая, заставить актера уйти со сцены за кулисы», так сказать, «захлопывание», является невербальным знаком, обозначающим резкое неудовольствие от увиденного зрелища и его дальнейшее неприятие.

Формы жестов в разных культурах могут отличаться очень незначительно, так что при межкультурном сопоставительном анализе важно обращать внимание даже на мельчайшие расхождения в характере движения и как-то их фиксировать. Например, традиционная форма японских аплодисментов отличается от формы русских аплодисментов: обычно руки у японцев вытянуты вперед, указательные пальцы тоже вытянуты, ладони соприкасаются, а русские чаще кладут руки крест-накрест.

М. Мосс (Мосс 1935/1996) указывал, что даже самые элементарные физиологические действия человека — то, как люди сидят, спят, едят или ходят, — пусть в очень малой степени, но отличаются от общества к обществу и от культуры к культуре, что создает трудности при их интерпретации. Он заметил (а было это во время его работы в нью-йоркском госпитале в ходе Первой мировой войны), что у санитарок и нянечек — француенок и англичанок — разные походки, и, продолжая ежедневные наблюдения за их движением по госпиталю, еде-

лал вывод, что на походку французов оказали сильное влияние американские кинофильмы и их персонажи! У М. Мосса, описавшего некоторые типы и качества женских походок, был великий предшественник — О. де Бальзак, — который в 1833 году опубликовал увлекательный трактат «Теория ходьбы» («*Théorie de la demarche*»). В этом трактате содержатся тонкие наблюдения над особенностями человеческой походки, по сей день не утратившие своей ценности. Знаменитый французский писатель даже пытался определять по походке характер человека, его настроение, вкусы, привычки и особенности поведения, совершенно ясно осознавая несходство форм и качественных особенностей походки у представителей разных социальных и культурных сообществ.

14.4. Различия в речевом сопровождении внешне сходных форм

Здесь я приведу лишь один пример, так как факт наличия межкультурных различий в речевом сопровождении у внешне идентичных движений представляется вполне очевидным.

14.4.А. Форма махнуть рукой («Однократное встряхивание рукой сверху вниз»)

В русской жестовой системе форма *махнуть рукой* присуща, наряду с другими жестами прощания и приветствия, также жесту бессилия, близкого к отчаянию, а именно жест **махнуть рукой 1** обозначает отказ со стороны жестикулирующего от имевшихся у него ожиданий или надежд, связанных с кем-то или чем-то, и демонстрирует, что жестикулирующий считает, что он не способен изменить в лучшую для себя сторону некую ситуацию или положение вещей, и потому не будет принимать для этого каких-либо действий, а возможно, перестанет даже думать о них, считая их безнадежными. Ср. *Разговор <...> мало-помалу перешел опять все к тому же — к Матёре, к ее судьбе и к судьбе материнцев. Дарья, как обычно, решительно и безнадежно махнула рукой: А-а, ниче не жалко стало (В. Распутин).*

Жест *махнуть рукой 1* обычно сопровождается словами *А; А, ну его; А, черт с ним; Эх; Э*, а также резким выдохом и криком — параязыковыми элементами, видимо, иконически отображающими акт принятия решения в трудной ситуации и

наступление облегчения. Между тем в Центральной и Южной Америке, в испаноговорящих странах, таких как Аргентина, Венесуэла, Куба или Уругвай, кинетической форме «махнуть рукой» сопутствуют слова, переводимые на русский как *Вот здорово!* или *Как здорово!*, то есть сходная форма принадлежит жесту с совсем другой семантикой. В Перу движение (хотя жест, разумеется, уже другой) сопровождается словами *Ах, черт, как я ошибся!*, а в Чили — словами *представь себе только, что происходит*. В Никарагуа, Панаме и Эквадоре описываемая кинетическая форма соответствует жесту, являющемуся женским и детским. В этих странах жест с описанной формой сопровождается фразой, соответствующей русским высказываниям *Что-то будет* или *Что-то произойдет*.

На примере межкультурных кинетических расхождений мы рассмотрели случаи возможных неправильных интерпретаций. Однако есть не менее важные для кинесики и столь же интересные для исследователя случаи **неполных и избыточных интерпретаций**.

14.5. Межкультурные кинетические расхождения: неполные и избыточные интерпретации

В итальянской культуре невербальным выражением скуки является символическое **поглаживание** рукой бороды, реальной или воображаемой, осуществляемое в последнем случае по воздуху. Эта эмблема подразумевает, что событие, о котором идет речь в коммуникативном акте, столь длительное, что за это время либо у человека может вырасти борода, либо она станет большой и длинной, то есть событие (обычно это беседа) чересчур затянутое. Не исключено, что какой-нибудь человек, совсем не знакомый или плохо знакомый с итальянской жестовой системой, сталкиваясь с данным жестом, догадается, что его собеседник-итальянец хочет таким образом выразить и передать смысл «скуки», но он не может быть в этом абсолютно уверен. Поэтому ему трудно ручаться за то, что он в точности знает, что именно имел в виду жестикулирующий итальянец.

На этом простом примере видно, что адресат жеста может находиться под ошибочным впечатлением, будто ему полностью понятен смысл знака, а жестикулирующий при этом может думать, что адресат не до конца понял смысл переданного ему невербального сообщения. Подобная ситуация расхожде-

ния рефлексий собеседников порождает сомнения и нерешительность в ходе живого диалога (см. об этом в работе Раффлер-Энджел 1986, откуда заимствован данный пример). Интерпретация жеста оказывается неполной.

Неполнота интерпретации часто связана также с пропуском невербальных знаков в коммуникативном акте. Например, человек вообще не заметил жест или заметил, но не обратил на него должного внимания, ошибочно не считая его знаком. Так, человек может почесать в затылке, потому что задумался над поставленным вопросом, однако его собеседник может подумать, что человек чешет голову просто потому, что чешется. Адресат в этом случае не пропустил жестикуляцию, но счел ее физиологическим движением, а не конвенциональным знаком-жестом и потому не приписал движению нужный смысл. В свою очередь жестикулирующий, видя, что его жест замечен, может автоматически считать, что адресат получил и воспринял переданный ему смысл.

В известной степени противоположный случай избыточной интерпретации (или: **переинтерпретации**) жеста — вещь еще более коварная, чем неполнота. Ошибка здесь часто служит серьезной помехой в общении. Например, человек зевает из-за того, что в помещении душно и не хватает воздуха, однако его партнер приписывает неконтролируемому зевку конвенциональное значение «скуки» и считает, что зевающий вполне сознательно дает ему понять, что разговор стал скучным и неинтересным. Иными словами, человек интерпретирует физиологическое движение, не являющееся жестом, как коммуникативный жест. Его партнер вправе на это обидеться, и диалог прерывается: наступает коммуникативный провал.

Рассматривая случаи невербальных коммуникативных неудач при общении людей разных национальностей, В. Раффлер-Энджел ставит очень важный вопрос о возможных способах взаимного перевода жестов (Раффлер-Энджел 1986; Раффлер-Энджел 1988), утверждая, что каждая культура сама решает, в каких условиях какие мануальные жесты, манеры, выражения лица или позы допустимы, а какие недопустимы, какие будут уместны в данной ситуации, а какие нет. Он анализирует переводы, выполненные профессиональными переводчиками, и описывает свои наблюдения над их невербальным поведением во время переводческой деятельности (однако, как справедливо отмечает В. Раффлер-Энджел, отсюда совсем не следует, что непрофессиональные переводчики действуют как-то иначе). Эксперимент, проведенный ученым, довольно оригинальный и весьма поучительный, а потому на нем стоит ос-

тановиться чуть подробнее и прокомментировать некоторые не до конца проинтерпретированные результаты.

Изучалось поведение студентов университета в разнополых парах — в диалогах между молодыми мужчиной и женщиной (в каждой паре партнеры были примерно одного возраста). В ходе предварительной подготовки к эксперименту на видеокассете был записан небольшой диалог брата с сестрой — англосаксов, носителей американского варианта английского языка. После этого их беседа была показана восьми парам иностранных студентов.

Каждую из пар попросили перевести текст беседы на свой родной язык, и процесс перевода тоже записали на видеопленку. Важно подчеркнуть, что исходную «английскую кассету» показывали в течение одного и того же отрезка времени каждой паре по очереди, причем демонстрация фильма прерывалась всякий раз, когда один из участников диалога заканчивал свое высказывание. Таким образом была воспроизведена обычная ситуация последовательного перевода; о жестах при этом испытуемым-переводчикам вообще ничего не говорилось.

Перед основным этапом эксперимента, который состоял в оценке невербального поведения участников записанных диалогов, наборы, состоящие из двух кассет, оригинала и перевода, были просмотрены одновременно на двух мониторах, чтобы определить, насколько речевое поведение людей и их жестовое поведение, сопровождающее речевые высказывания, зафиксированы на пленке в параллельном режиме. Для сопоставления речевого и жестового поведения переводчиков было отобрано только первое высказывание, и специально приглашенный профессионал-дизайнер скопировал на отдельные кассеты жестовые элементы непосредственно с мониторов, причем отбирались только те жесты-иллюстраторы, которые были признаны наиболее тесно связанными с референциальным аспектом диалога. Добавим уже от себя: очевидно, что процесс перевода таких иллюстраторов описывать легче, чем, например, перевод жестов-регуляторов или даже эмблем, — хотя бы по той простой причине, что значение иллюстратора бывает гораздо проще «вычислить» по вербальной составляющей высказывания.

Далее, после того как все видеокассеты с переводами были получены, наступил решающий и последний этап эксперимента. Кассеты показали другим людям — «арбитрам», причем группу арбитров образовывали пары из мужчины и женщины, носителей одного из иностранных языков, представленных в эксперименте (для каждого иностранного языка пара арбитров

была, разумеется, своя). Всем парам раздали для просмотра по кассете, на которой были запечатлены люди их родной культуры, и попросили вынести определенные суждения по поводу увиденного. Ни один из арбитров не сделал каких-либо замечаний относительно невербального поведения своих соотечественников на экране, из чего можно было с уверенностью заключить, что жестовое поведение людей вполне соответствовало тому языку, на котором они говорили.

Основной темой записанной беседы были деньги. Во время произнесения первого предложения (*Well, it was your idea in the first place*) на экране появляется девушка, руки ее, что называется, «висят как плети». Она медленно подходит к юноше и, подойдя ближе, вытягивает руку вперед вместе с вытянутым вперед указательным пальцем. Затем девушка разворачивает корпус чуть вправо.

Хотя общая конфигурация движений и поз оказалась у всех переводчиков довольно похожей, экспериментатору все же удалось выделить две ясно противопоставленные друг другу группы. А именно французские, немецкие, бразильско-португальские и корейские пары, а также лица, говорящие на тагальском языке, использовали ту же форму (жест **указывать пальцем** с вытянутой вперед рукой и указательным пальцем), что и носители американского варианта английского языка. Исландцы, японцы и носители языка урду такого жеста не делали просто потому, что у этих народов его нет. Кстати, исландская девушка оказалась единственной из этой группы, у кого было заметно хоть какое-то движение рук. Когда она появляется на экране, обе ее руки сомкнуты в кулак. Затем ладони раскрываются, она чуть заметно сдвигает руки вперед и снова быстро закрывает ладони, размещая руки у талии.

Исландцы, как известно, очень традиционны в своих движениях, а их культура явно низкокинетичная, о чем, собственно, и свидетельствовала сделанная видеозапись. Что же касается девушек, говорящих, соответственно, на японском и урду, то существуют, по-видимому, две разные (и равновероятные), хотя и очень тесно связанные между собой, причины их подобного невербального поведения, а именно резкое противопоставление полов и особый характер взаимоотношений между людьми разного пола, свойственный именно этим культурам. В этой связи любопытно отметить, что, когда японца попросили перевести видеозапись разговора брата с сестрой о деньгах, он объяснил экспериментатору, что хотел бы, но ему это сделать крайне сложно, поскольку в Японии диалоги по-

добного рода абсолютно невозможны: сестра просто не может обвинять брата. Статус женщины в Японии делает невозможным употребление обвинительных жестов женщины в адрес мужчины.

Как видно даже из одного этого любопытного и тонкого эксперимента, в межкультурных диалогах человек, который ведет себя в соответствии с правилами, принятыми в его родной культуре, но не учитывает существования невербальных культурных различий, легко может допустить неприятную оплошность или серьезную ошибку. Столкнувшись с чужим жестом, он может, например, счесть его неприличным, неверно оценив поведение жестикулирующего как демонстрацию плохих манер, проявление властолюбия, стремление к доминанции и др. Напротив, отсутствие, по его мнению, необходимого в данном контексте жеста может неправильно интерпретироваться им как явное свидетельство человеческой слабости партнера по диалогу, как отсутствие с его стороны интереса к их беседе или ее теме и даже как неприятие чужого поведения.

Активное восприятие информации в обычной ситуации кооперативного общения отражает установку адресата на понимание. Руководствуясь принципом «демонстрируй свое непонимание, дай знать о нем партнеру» (этот постулат общения можно было бы назвать максимой **манифестации непонимания**), участник коммуникативного акта, не владеющий в достаточной мере языком, на котором говорит его партнер, или по каким-то причинам не имеющий возможности пользоваться им в данной конкретной ситуации, обычно переходит к жестовому коду. Но и в этом случае, как мы уже видели, нельзя гарантировать, что коммуникация будет успешной.

Культура человека — это не только определенный склад мышления и чувствования народа, это также знание языка и свободное владение невербальными кодами, принятыми в данном обществе, это следование выработанным нормам и правилам коммуникативного поведения, заставляющим людей чувствовать и осознавать свою принадлежность к данной культуре, в неперменном сочетании с вниманием и уважением к чужой культуре и ее носителям.

В следующем параграфе я остановлюсь на некоторых проблемах, связанных с семантическим описанием жестов. Сначала речь пойдет о соотношении эмоций с выражениями лица и мимическими жестами.

§ 15. ЭМОЦИИ И МИМИЧЕСКИЕ ЖЕСТЫ

Ключевые слова: кинема (жест), невербальный, выражение лица (лицевое выражение), правило, мимический жест, физиология, эмоция, чувство, концептуализация, языковой, коммуникация, акт, выражение эмоций, лицо, мышцы, кровь, ток, мозг, охлаждение, процесс, физиологический, движение, утилитарный, функция, семантический, описание, русский, слово, прилагательное, модель, поведенческий, радикальный универсализм, радикальный минимализм.

15.1. Эмоции, физиология и выражения лица

Очевидно, что по лицам людей в ничуть не меньшей степени, чем по их словам, можно судить об их актуальном психологическом, и в частности эмоциональном, состоянии, например нервничают ли они, удивлены чем-то, сердятся или радуются. Телесные проявления эмоций мы наблюдаем главным образом в мускульной активности отдельных частей лица человека, его рук, ног и головы, в позах, которые человек принимает, в модуляциях голоса и изменении тона, в особом дыхании и др. Эмоции, обычно обозначаемые в языке эмоциональными глаголами, могут проявляться в акте коммуникации также и в жестах, доступных внешнему наблюдению. Когда человек неистовствует или беснуется, он обычно ругается, крутит головой из стороны в сторону, бежит, сжав кулаки, трясет ими, а когда радуется, ликует или торжествует, то улыбается, смеется, танцует, поет, хочет поделиться своей радостью с другими людьми и т.п. Как указывает А. Вежицкая, «русские активно и вполне сознательно “отдаются во власть” стихии чувств» (Вежицкая 1996, с. 43). Идея активности эмоциональных проявлений и ее воплощение, как вербальное, так и невербальное, не являются, однако, универсальными: бурные проявления эмоций несвойственны в целом, например, англосаксонской культуре; чужды они и культуре японской.

Традиционная точка зрения на соотношение чувств и их невербальных проявлений общеизвестна: выражение чувства является не чем иным, как манифестацией внутреннего состояния человека. В этих случаях, по выражению психологов, происходит экстерииоризация чувства. По-видимому, первым, кто высказал эту точку зрения в печати, был Ч. Дарвин. Она изложена в его знаменитой книге «Выражение эмоций у человека и животного», вышедшей в свет в 1872 году (как и ранее, мы будем дальше опираться на переиздание этой книги 1965

года; см. Дарвин 1872/1965). Однако приблизительно в тот же период времени другой ученый, крупнейший американский философ и психолог У. Джеймс²⁵, высказал свой весьма оригинальный взгляд на вопрос об эмоциональных проявлениях, описывая отношение между чувством и манифестацией чувства как бы наоборот. Он считал, что внутренний эмоциональный опыт человека является производным от различных его внешних действий, в том числе от открытых телесных проявлений физиологического возбуждения и экспрессивного телесного поведения. «Мы чувствуем горе, потому что плачем; мы сердимся, потому что сжимаем кулаки или дрожим, а не наоборот», — писал он (Джеймс 1890/1984)²⁶.

В современной физиологии и кинесике есть сторонники как той, так и другой точек зрения. Действительно, лицо, по-видимому, и само выражает внутреннее состояние и вызывает изменения в наших чувствах. Однако для нас более интересны причины расхождений между подходами Ч. Дарвина и У. Джеймса.

Во-первых, подход Ч. Дарвина был, если так можно выразиться, монологическим, тогда как подход У. Джеймса — диалогический. Ч. Дарвин полагал, что эмоции вызываются факторами-стимулами, которые человек воспринял извне, обработал, квалифицировал и оценил, а выражение эмоций на лице является процессом, идущим в противоположном направлении, изнутри человека, и этот процесс по своей биологической природе чисто адаптивный и не направлен на другого. У. Джеймс, напротив, считал, что воздействия извне сразу же приводят к телесным изменениям у человека (Джеймс 1890/1984). К ним У. Джеймс относил жесты и чисто физиологические реакции, такие как пот, бледность, покраснение, кожные выделения и высыпания и пр. И только они уже, как правило, приводят к внутренним физиологическим изменениям, прежде всего в сосудистой системе, и чувствам.

Внешние состояния человеческого тела, по мнению ученого, являются не результатом, а подлинными источниками внутренних психологических состояний-чувств, «именно под их

²⁵ Иногда в литературе можно встретить неправильно, на наш взгляд, переданную фамилию этого ученого как *Джемс*.

²⁶ Соответственно двум описываемым точкам зрения на эмоции в современной медицинской психотерапии выделяются две ветви, или два направления, а именно соматопсихическая медицина, в основе которой лежит представление о том, что эмоции произвольны от состояний тела, и психосоматическая медицина, считающая, наоборот, что эмоции воздействуют на тело, обуславливая его различные состояния.

действием у человека возникают внутренние субъективные ощущения» (Джеймс 1890/1984). Тем самым, изучив внешние реакции человека на различные ситуации и на поведение других людей, можно делать правильные заключения о том, какие чувства человек испытывает, как он относится к другим людям и к тому, что вокруг него происходит.

Современные исследователи эмоций считают, что У. Джеймс был одновременно и прав, оспаривая безоговорочную истинность теории Ч. Дарвина, и не прав, видя в любых внешних изменениях тела первопричину и стимул всех внутренних чувств.

Замечания. 1. Сначала сделаю одно важное концептуально-терминологическое замечание. Обратим внимание на то, что само сочетание слов *выражение эмоций*, хотя и повсеместно принятое в отечественной лингвистике, отражает не только наивное представление людей о природе чувств, но и воззрение Ч. Дарвина, по которому чувства экстериоризируются, ища выхода наружу через различные проявления, прежде всего невербальные: мимику, позы и другие жесты. Между тем, если придерживаться воззрений У. Джеймса, согласно которым лицо является не столько пассивным регистратором, сколько активным источником и непосредственной причиной внутренних эмоциональных переживаний, то термины *выражение чувств* и *подавление чувств* оказываются неудачными, и ими лучше не пользоваться: следует просто говорить: *жесты, мимика, действия* (или: *движения*) *<мышц> лица*. Впрочем, я далее позволю себе оставаться в рамках традиционной фразеологии, удобной для описания языковой и жестовой концептуализации эмоций, не вкладывая, однако, в нее указанных «теоретических» физиологических оттенков.

2. В отличие от более терминологического, нежели бытового, сочетания *выражение эмоций*, оборот *выражение лица*, особенно в контексте прилагательных, обозначающих конкретные эмоции (таких как *радостное, печальное, грустное, испуганное, (не)довольное* или *злое*), относится к обычным разговорным единицам русского языка, хотя чаще все же мы пользуемся сочетаниями без слова *выражение*, а говорим *радостное, одухотворенное, удивленное, злое, недовольное, перекошенное от злости, грустное, испуганное, напряженное* и т.п. *лицо*. Нередко также вместо сочетания *выражение лица* мы употребляем в речи его разговорный, абсолютно не терминологический, оценочный квазисиноним — слово *мина*; ср. *делать хорошую мину при плохой игре*, или: — *Да что же это вы, такая молодая, пешком-то ходите? Дергает плечом, корчит отрицательную мину. — Не ваше дело, проезжающий!* (Вас. Аксенов).

3. Слово *эмоция*, в отличие от слова *чувство*, многие относят к разряду научных, технических или терминологических, однако я по-

дано, что это верно лишь частично, поскольку по меньшей мере в одной языковой форме, *эмоции*, данное слово уже прочно освоено бытовым языком и заняло в нем свою особую лексическую нишу, ср. *Оставьте свои эмоции*; <...> *Чем безнадежнее цель, тем глубже эмоции* (С. Довлатов); *Час пик, обычное явление. Тут главное — найти источник положительных эмоций* (С. Довлатов); *Здесь нужны действия, а не эмоции* (Ю. Крелин); *Появление Вари и Зои не вызвало никаких эмоций* (А. Рыбаков); *Он снова оборвал фразу, как бы не справившись с эмоциями, впрочем, наблюдательный собеседник, безусловно, заметил бы, что эмоциональные эти обрывы происходили всякий раз, когда все уже было сказано* (В. Аксенов); *Вот сейчас, не хитря, я даю вам слово палача: если вы, как на духу, расскажете мне о своих эмоциях, уясните: эмоциях, а не о бурных или медленных химических процессах, происходивших в вашей памяти, в совести, в мозгу, я повторяю, даю вам честное слово палача, оставляю вас наедине с вашей маменькой и больше никогда не займусь об этом деле* (Ю. Алешковский); *Ну вот, звон в ушах утих, сердце опять стучит ровно — теперь постараюсь по возможности без эмоций объяснить, к чему я затеял весь этот разговор* (Н. Шмелев). Широко используются в бытовом русском языке и производные от слова *эмоция* единицы, такие как прилагательное *эмоциональный*, существительное *эмоциональность* и наречие *эмоционально*.

В этой связи небезынтересно сопоставить слова *чувство* (в одном из значений) и *эмоция* и понять, есть ли и в чем состоят смысловые различия между ними. Ответ на первую часть вопроса представляется очевидным: да, есть, и в качестве самой предварительной гипотезы укажу лишь на некоторые из них, каковыми они мне представляются.

Во-первых, слово *чувство*, существительное, производное от глагола *чувствовать*, обозначает нечто внутреннее, некое физиологическое или когнитивное «возмущение», но обязательно имеющее телесное проявление (появление слез, покраснение кожи, повышение кровяного давления, застывший взгляд, опущенная вниз голова, движение языком по засохшим губам, усиленное сердцебиение, быстрая смена поз, учащенный пульс и еще очень многое другое), тогда как слово *эмоция*, которое, как уже было сказано, в единственном числе употребляется только как термин (в отличие, например, от бытовых слов французского — *sentiment* — или английского — *emotion* — языков), объединяет в себе сразу и чувство, и мысль, и телесные процессы. Семантический элемент «чувствовать (*feel*)» в метаязыке, предлагаемом замечательной польской лингвисткой А. Вежицкой для описания значений языковых единиц (из колоссального числа ее публикаций на эту тему см. хотя бы ее работы, сравнительно недавно выпущенные на русском языке, а именно Вежицкая 1996, Вежицкая 1999), является смысловым атомом, примитивом, то есть исходной единицей, не подлежащей толкованию. Статус же слова *эмоция* и его француз-

ского и английского ближайших соответствий совсем иной — все они имеют сложную семантическую структуру и должны быть истолкованы через более простые единицы.

Во-вторых, *чувство* больше направлено на реализацию конкретных целей и в этом отношении похоже на страсть. Чувства голода, жажды, сексуального желания направлены на их утоление, чувства озноба, страха, стыда — на их преодоление, чувства ревности или ненависти — на желание другому зла, на месть. Возникшее чувство обиды предполагает молчание или уход человека, испытывающего это чувство, а чувство брезгливости — уход, прекращение общения или полный разрыв отношений с человеком. Чувство томительного одиночества, чувства ненужности, заброшенности, изоляции или отчуждения проходят с появлением вокруг человека близких ему людей и постоянного приятного общения с ними, с возникновением каких-то конкретных интересных дел, занятий и т.п. Чувства жалости и солидарности тоже требуют конкретной реализации — оказание искренней помощи, поддержки или, по меньшей мере, выражаемого участия. Чувство любви к другому — это не только желание, но и активное стремление быть с ней или с ним, выражаемое с помощью действий (телефонными звонками, записками, письмами или какими-то иными способами и орудиями поиска встреч с любимым человеком). Фразы *Разве я могу теперь исследовать свое чувство <...> Тогда и чувство-то исчезнет* (В. Орлов); *Анна Андреевна! Не сделайте меня несчастнейшим! Согласитесь отвечать моим чувствам* (Н. Гоголь), сочетания *скрывать свои чувства*; *давно замолкнувшие чувства*, в которых прямо не говорится, какие ощущения человеком испытываются, понимаются однозначно как описывающие чувство любви. Да и в сочетаниях *прийти в чувство* или *упасть без чувств*, в которых слово *чувство*, по-видимому, имеет другое значение, так как обозначает не (физическое или психическое) ощущение, а психологическое когнитивное состояние, связанное с работой разума, все равно однозначно ясно, что имеется в виду способность адекватно воспринимать окружающий мир и реагировать на сложившуюся актуальную ситуацию. Эмоции же имеют общую, так сказать гештальтную, организацию и ориентацию, это больше когнитивные сущности, нежели чем страсти: они более пассивны, менее конкретны и связаны скорее не с действиями, а с ментальными или психическими аналогами действий, то есть с размышлениями о действиях, с внутренними переживаниями и с пассивным созерцанием, ср. в связи со сказанным нормальные фразы *Это все эмоции* и *Оставьте свои эмоции при себе* и не вполне корректные или странные ??*Это все чувства*, ??*Оставьте свои чувства при себе*. Эмоциональное поведение — это не инструментальное поведение (много слов, шума, непонятных движений и мало конкретных действий), а выражение чувств — это в большой мере знаковое (сло-

весное и жестовое) телеологическое поведение. Может быть, этими семантическими свойствами как раз и объясняется технический, не бытовой характер формы единственного числа слова *эмоция*: *эмоция голода* — это словосочетание из научного сочинения, а *чувство голода* — из повседневной речи.

Во-вторых, совершенно разными были цели и исследовательские задачи у этих ученых. Ч. Дарвина серьезно интересовали не только вопросы о биологической первопричине эмоции, происхождении экспрессивных движений и их относительном распределении у высших и низших организмов, но также проблема универсальности эмоциональных выражений. Он пытался доказать универсальность способов передачи эмоций²⁷ и возводил их к примитивным биологическим актам, сходным для всех высших животных. Ч. Дарвин считал, например, что рычание человека, пребывающего в ярости, восходит к акту агрессии у животного, когда оно огрызается, показывает когти или обнажает зубы, готовясь укусить кого-либо, что различные улыбки являются результатом эволюционного развития известных защитных реакций животного — гримасоподобных выражений страха, а также спокойствия и примирения. Очевидно, что если бы Ч. Дарвину удалось показать, что выражения эмоций у всех народов совпадают, то была бы доказана истинность его биолого-адаптивной теории эмоций. Между тем эмоциональные выражения в общем случае оказываются неуниверсальными, и вот всего лишь один широко известный по литературе об эмоциях факт, подтверждающий это. Если степень общности в мимических выражениях счастья между американцами, аргентинцами и чилийцами очень высока, по сделанным подсчетам порядка 97%, то уже при выражении на лице страха процент несовпадений весьма велик и достигает 30%. В противоположность Ч. Дарвину, искавшему общие принципы выражения эмоций и сопоставлявшему выражения лица у животных и человека, У. Джеймса больше интересовала психологическая природа процесса кау-

²⁷ Той же гипотезы универсальности в начале своей научной деятельности придерживался Р. Бирдвистел, считавший, что важнейшие, «базовые» человеческие эмоции, такие как страх или радость, должны единообразно выражаться во всех культурах, а потому должны существовать жесты, общие для всех народов и культур. Впоследствии, однако, он пришел к прямо противоположному, столь же крайнему, мнению, что универсальных жестов вообще нет: два одинаковых по форме выражения лица или две внешне идентичные позы всегда передают разные значения в двух разных культурах.

зации эмоциональных состояний человека (пути, факторы, механизмы, средства и т.п.).

В 1907 году поселившийся во Франции иммигрант из России, впоследствии известный во всем мире физиолог и врач И. Вэйнбаум, издает книгу, где пытается защитить и обосновать каузальную теорию У. Джеймса и ее основное положение о том, что выражения лица предшествуют чувствам и вызывают их. В то время И. Вэйнбаум работал врачом, основная сфера деятельности которого была болезни лица, главным образом лицевых мышц и нервов. И. Вэйнбаум считал, что лицевые нервы человека выполняют регулятивную и ресторативную, или восстановительную, функции для сосудистой системы головы.

По-видимому, он был первым, кто обратил внимание на ряд интересных морфологических и функциональных особенностей сосудистого строения шеи и лица человека. До него было известно, например, что основная артерия в этой области, сонная, или каротидная, делится в районе шеи на два русла. Одно из них, внутреннее, снабжает кровью мозг, а другое, внешнее, доставляет кровь к лицу.

И. Вэйнбаум предположил, что эти конфигурация и распределение функций сосудов необходимы человеческому организму для того, чтобы обеспечить нормальную деятельность лица, а именно каротидная артерия с ее двумя руслами, как показал ученый, действует как клапан. Мускулы лица могут сжимать артерию, уводя кровь из мозга в случае его перенасыщения, а могут, напротив, ослаблять напряжение артерии, способствуя более быстрому притоку крови к мозгу в случае его недостаточного снабжения. Иными словами, лицевые мускулы, согласно предположению ученого, — это своего рода биологические турникеты, основная функция которых состоит в регулировании скорости и объема кровяного потока и некоторых других его параметров. Действие этих мускулов обеспечивает не только нормальный ток от мозга к лицу и обратно, но и мимическую деятельность лица.

Ч. Дарвин писал, что человек краснеет оттого, что кровь течет к лицу (отсюда, кстати, русский глагол *краснеть* в одном из значений следует толковать не как «кожа на лице человека становится красной», что делают многие толковые словари, а как «кожа на лице человека становится красной в результате того, что кровь приливает к лицу»), а лицо в большой степени находится под контролем других людей. Поэтому у тех людей, которые больше находятся под наблюдением или надзором других, лица краснеют чаще. Например, дети и

женщины в среднем краснеют больше мужчин²⁸, ср. в этой связи нормальное русское сочетание *покраснел, как девица* и странное, нарушающее стереотипное представление *?покраснел, как юноша*.

И. Вэйнбаум, не соглашаясь с Ч. Дарвином, считал, что этиология покраснения лица совсем иная. Он полагал, что лицо краснеет, когда мозг переполняется кровью; в этом случае мозг пытается за счет работы *мышц лица*, или *лицевых мышц*, освободиться от избыточного количества крови. Языковая концептуализация проявляется и в этом случае: кровь, как мы говорим, *притекает*, или *приливает, к лицу*. Организм избегает гиперемии, то есть переполнения мозга кровью, и, как следствие, образования в нем застойных явлений.

Современные физиология и кинесика отвергли неверную оценку И. Вэйнбаумом роли лицевых мышц. Сегодня уже можно считать точно установленным, что артериальный поток крови управляется не мышцами лица, а сосудорасширяющими и сосудосуживающими нервными волокнами: крайне маловероятно, чтобы на мощный кровяной поток также могли оказывать сильное управляющее воздействие и гораздо более слабые мышцы лица. Тем не менее в одном, причем очень важном, И. Вэйнбаум оказался прав. Мышцы лица все-таки влияют на ток крови, и вот в каком отношении: лицо активно вмешивается в *процесс охлаждения мозга*, *изменяя температуру* крови, поступающей в мозг, что, в свою очередь, ведет к изменению нейрохимической активности мозга (например, некоторые его отделы под действием лицевых мышц активизируют деятельность и освобождают аминокислоты, в частности серотонин, который, как известно, имеет ярко выраженное антидепрессивное действие: отсутствие в мозгу человека достаточного количества серотонина, как известно, напрямую связано с его агрессивным состоянием). То, что охлаждение мозга с помощью мышц лица является важнейшим физиологическим процессом, тоже можно сегодня считать вполне доказанным фактом.

Мозг — это орган, который не может с той же легкостью, с какой это получается у прочих органов человека, переносить смену температуры. Его охлаждение связано с постоянным оттоком венозной крови, то есть мозг охлаждается в непрерывно

²⁸ По-видимому, указанное свойство объясняется не только или даже не столько психологическими, сколько биологическими причинами: у женщин и детей кровеносные сосуды расположены ближе к кожной поверхности, чем у мужчин.

происходящем тепловом обменном процессе. Как в точности протекает этот теплообмен, наука до сих пор не знает, но доподлинно известно следующее:

(а) место, где происходит процесс охлаждения мозга, — это так называемая кавернозная полость, или область синуса, причем конфигурация вен окружает артерию внутри этой полости мозга еще перед тем, как артерия в него входит;

(б) температура крови до прохождения через такой «теплообменник» примерно на три градуса выше, чем после выхода из него. Охлаждающая функция области синуса подтверждена не только в ходе многолетних и многочисленных опытов над животными, но и в процессе операций, выполненных на человеческом мозге;

(в) артериальная кровь отдает, таким образом, часть своего тепла; кроме того, охлаждение мозга осуществляется в процессе постоянно протекающего процесса испарения;

(г) охлаждающее действие области синуса оказывает заметное воздействие на субъективные ощущения человека. Так, субъективное ощущение, выражаемое словами *Я хорошо (плохо) себя чувствую*, с физиологической точки зрения является результатом нейрохимической активности мозга. В свою очередь, нейрохимическая активность, связанная с эмоциями, чрезвычайно остро реагирует на температуру мозга.

Остановимся более подробно на последнем положении, особенно для нас важном. Например, все мы знаем, что человек отвратительно себя чувствует, если у него в течение довольно длительного времени заложен нос. Но почему — ведь, казалось бы, можно дышать ртом и кожей? Замечательный американский психолог и физиолог Р. Зайонц предположил, что носовое дыхание не только играет роль простого проводника воздуха, но и охлаждает мозг! В случае заложенного носа носовое дыхание (а тем самым и охлаждение мозга с его помощью) затруднено. Между тем постоянная активность мозга приводит к выделению большого количества теплоты и повышению температуры, вследствие чего мозг нуждается в постоянном охлаждении, и отсутствие такового всегда ощущается человеком как дискомфорт, ср. положительно оцениваемое свойство *хладнокровный* или высказывание *Голова должна быть холодной*. Напротив, охлаждение мозга обычно воспринимается человеком как нечто приятное и комфортное.

Оригинальные эксперименты Р. Зайонца и других ученых показали, что такие речевые, чисто произносительные действия, как, например, весьма продолжительное чтение вслух положительно окрашенных эмоциональных слов типа англий-

ского *cheese* «хорошее дело, вещь» или *fine* «прекрасно, отлично», приводят к снижению температуры мозга и этим оказывают на самого читающего положительное воздействие. В то же время длительное произнесение вслух негативно окрашенных слов типа немецкого *Unglück* «несчастье» или русского *тьфу*, а также связанные с этими словами «искривления лица» ведут к повышению температуры мозга и, как следствие, к физически и психологически неприятным ощущениям.

Этот результат был подтвержден серией оригинальных экспериментов. В одном из них испытуемые — немецкие учащиеся — читали в аудитории вслух рассказы. Эти рассказы содержали очень большое количество умлаутов, предполагающих выражение лица, несовместимое с улыбкой. Температура тела у ребят при чтении вслух таких рассказов повышалась, и их субъективные ощущения были крайне неприятными. В другом классе немецким школьникам читались рассказы без умлаутов или почти без них, и температура и общее состояние ребят были вполне нормальными.

В еще одном эксперименте людям, которым ко лбу прикрепили специальные датчики, предложили, глубоко втягивая воздух в нос, нюхать будто бы совершенно разные запахи и всякий раз говорить, приятны они им или нет. На самом же деле воздух каждый раз слегка подогревался или охлаждался. В результате при подаче более прохладного воздуха температура лба согласно показаниям датчиков уменьшилась, что вызвало у испытуемых приятные ощущения, а при подаче теплого воздуха температура лба у них увеличивалась и ощущения были не из приятных.

Как видно из первого типа экспериментов, улыбка, как и, например, сморкание или чиханье, способствует регуляторному процессу и сообщает нам информацию о внутреннем состоянии улыбающегося. Улыбка, сморкание и чиханье — все это действия, которые осуществляют людьми разных национальностей и культур, однако сморкание и чиханье, в отличие от обычной улыбки, — это физиологические движения, а не жесты.

Основной критерий отделения жестов от физиологических, чисто утилитарных движений человеческого тела, жестами не являющихся, — это знаковый характер жеста.

Жест, как и всякий знак, имеет означающее, означаемое, синтактику и прагматику, причем связь между означающим и означаемым носит в большинстве случаев конвенциональный характер. Поэтому движениями, а не жестами являются, например, вращение головой из стороны в сторону, когда натирает шею тугой воротничок, смена положения ног в случае,

когда они затекли от долгого сидения нога на ногу, почесывание, когда чешется, моргание — не сознательно совершаемое подмигивание, а именно моргание глазами (например, в случае сильного ветра, солнца или попадания в глаз соринки), движения человека, отгоняющего от себя комаров, гримасы боли, смахивание крошек со стола, различные подергивания, вызванные произвольным сокращением мышц, горизонтальное положение тела спящего и тысячи других. Жесты служат для выражения некоторого, обычно конвенционального, смысла, подлежащего лексикографированию.

А чиханье, например, или сморкание, вообще говоря, в норме не имеют знаковой, или семиотической, функции. Ведь человек чихает не для того, чтобы выразить или передать какой-то смысл; например, он делает это заведомо не с целью информировать собеседника о неполадках в его системе дыхания. И хотя каждая телесная деятельность человека может что-то говорить наблюдателю о ее субъекте или ситуации в целом, это еще не означает, что ее следует считать знаковой. Как говорил О. Уайльд, «It is not wise to find symbols in everything that one sees» («Неумно поступает тот, кто ищет знаки во всем, что видит»).

Но есть ли что-нибудь общее между такими жестами, как улыбка (строго говоря, улыбка — это не жест, а имя класса жестов; см. об этом подробно в работе Крейдлин, Чувилина 2001б), почесывать голову, потирать руки, поглаживать подбородок или бороду, с одной стороны, и такими движениями, как жевать жевательную резинку или кусать ногти, обгрызать спички, карандаши или ручки, переворачивать подушку и чихать, — с другой? Ответ на этот вопрос Р. Зайонца, который мы поставили еще во Введении, сегодня, после открытий И. Вэйнбаума и Р. Зайонца, кажется простым и естественным: все эти жесты и движения охлаждают мозг, более энергично подводя охлажденную кровь к кавернозной полости (к синусу) и уводя оттуда кровь, более теплую. Как несколько шутливо и с долей иронии однажды заметил Р. Зайонц, поцелуй приятен, возможно, не потому, что, как считал З. Фрейд, рот является ярко выраженной эрогенной зоной, а потому, что вынуждает человека дышать носом, охлаждая его мозг.

Будучи жестом, поцелуй в губы похож на многие нежестовые физиологические действия, в частности на паралингвистические сигналы крика или плача, тем, что оказывает непосредственное воздействие на ток крови, изменяющий температуру мозга. Аналогично, сосание маленькими детьми пальца — это физиологическое действие, которому ребенка никто

специально не учит и которое считается «вредной привычкой», потому что от нее впоследствии бывает трудно избавиться. В действительности, однако, сосание пальца является абсолютно естественным физиологическим движением, поскольку при нем осуществляется глубокое носовое дыхание, охлаждающее мозг. Детский мозг дает телу чуть ли не 80% всего тепла, и выходит, что у ребенка имеется не одна, как считалось ранее, а по меньшей мере две, с физиологической точки зрения равно серьезные, причины для сосания пальцев. Во-первых (и это есть та самая известная единственная причина), сосание пальца является сохранившимся с младенческих лет рефлексом, который возник при всасывании молока из материнской груди. Этот рефлекс, как утверждает современная физиология, безусловный и является следствием естественных физических напряжений. Во-вторых, сосание приводит к охлаждению мозга, а это, как мы уже знаем, путь к удовольствию и наслаждению.

15.2. Языковая концептуализация физиологических процессов

Посмотрим теперь более подробно, как происходит языковая концептуализация части описанных выше физиологических процессов в русском языке.

В русском языке есть много слов и фразеологических единиц, обозначающих состояния и действия высокой интенсивности. Важный аспект русской языковой концептуализации психологических состояний, в том числе эмоциональных, — это их отношение к идее температуры, см. такие слова, как *кипятиться*, *кипятить*, *с горячей головой*, *горячиться*, *горячая кровь*, *бурлить*, *пылать*, *вспыльчивый*, *вспылить*, *вспыхнуть*, *воспламенеть*, *гореть*, с одной стороны, и *хладнокровный*, *остыть*, *охладись!*, *охладеть*, *прохладиться*, с другой. Ср. также английские сочетания *boiling mad*, *hothead*, *cool as a cucumber* «хладнокровный, невозмутимый» или выражение *cooling down*, имеющее в большом словаре Вебстера стилистическую словарную помету «спорт.» и означающее «приведение организма в нормальное (NB) состояние после соревнования или тренировки».

Оценки эмоционального поведения и состояния людей, стоящие за словами одной температурной шкалы, тоже бывают разные. За «крайними точками шкалы» — словами и метафорическими выражениями, относящимися к этой сфере, стоят отрицательные оценки: не следует *горячиться*, плохо быть и

вспыльчивым, и холодным как лед, трудно общаться с человеком, который постоянно *кипятится*. С обозначениями других точек и областей шкал ситуация сложнее. Так, например, прилагательное *прохладный* в температурном значении не означает «охлаждающий до приятного состояния», как утверждается в работе М. Копчевской-Тамм и Е. Рахилиной (см. Копчевская-Тамм, Рахилина 1999, с. 472): оценка состояния как приятного возникает при особом употреблении этого слова и не является фактом семантики. Если температура окружающей среды до момента речи была значительно выше нормы, то ослабление жары или соприкосновение тела с более холодным всегда оценивается как приятное. Иными словами, оценка связана с движением по шкале от горячего к холодному.

Положительная оценка связана именно с движением в этом направлении, а не наоборот. Поэтому оценивается как плохой *прохладный день*, если на улице вообще холодно. *Прохладный ветер* исключительно приятен после изнуряющего духотой дня, но не холодной весной или осенью. Сочетание *прохладная печка*, оцениваемое как крайне сомнительное в упомянутой выше работе, с языковой точки зрения нам кажется вполне допустимым, а ощущение от прохладной печки, на которой лежат во время жары (или если в это время к ней прислониться), очень даже приятное. Однако холодное или прохладное состояние печки, используемой в своей обычной функции как нагревательный аппарат, оценивается, разумеется, негативно.

Мы просим *разгоряченного* (физически и психологически) или *погорячавшегося* (только психологическая температура) человека *остыть* или *охладиться*, а *прохлаждаться* означает не просто «ничего не делать», а еще и «получать удовольствие от такого времяпрепровождения» — это, так сказать, *dolce far niente* (ит.) «приятное ничегонеделание» (другое дело, что многими людьми те представители общества, которые долго как бы прохлаждаются за их счет и не занимаются полезным трудом, обычно осуждаются).

Интенсификация выражения чувств и положительных отношений с помощью жестов может быть также передана исходно температурными прилагательными со значением высокой интенсивности. Такие жесты, как *горячие аплодисменты* или *объятия*, возникают как отклик или как сознательная активная реакция на некоторые в высшей степени положительные события — радость от соприкосновения с прекрасным или, соответственно, радость от встречи с приятным человеком. Объятие и, например, такой жест, как поцелуй в щеку, бывают и выражением любви, но не чувственной, так как тогда бы мы ско-

рее говорили о *жарких объятиях* или *поцелуях*, ср. нормальное *горячее приветствие*, но плохо **жаркое приветствие*. *Жаркая любовь* — это не то же, что *горячая любовь*, а *жаркие объятия*, как и *пылкие* или, в еще большей степени, *знойные*, — это слова из сферы плотской, чувственно-интимной, в то время как *жаркие слова* — это выразители страсти.

Как нам представляется, приведенные языковые температурные концептуализации, оценки и метафоры становятся более понятными и получают адекватное объяснение, если выйти за пределы лингвистики и обратиться к физиологии чувств и эмоциональных проявлений.

15.3. Эмоции и их невербальная концептуализация: функции лицевых выражений и мимические жесты

Если в предыдущем разделе главы мы говорили об одном фрагменте языковой картины мира, представляющем температурные и некоторые другие физиологические процессы, то сейчас речь пойдет главным образом о *невербальной концептуализации эмоций*, которая в большей степени связана с лицом, чем с другими частями тела.

Лицо и многие связанные с ним мимические жесты и движения, такие как *поднимать брови*, *закрывать глаза*, *надуть губы*, *поджать губы*, *закусить губу*, *наморщить лоб*, *нахмуриться*, *улыбка*, *поцелуй* (в лоб, в щеку, в губы) и некоторые другие, не только соотносятся с конкретными эмоциями, но и выполняют определенные коммуникативные и социальные функции. Лицо и лицевые выражения имеют те же основные функции, что и жесты рук и ног. Но прежде всего лицо — это место симптоматического выражения чувств, внутреннего состояния человека и межличностных отношений, то есть одной из главных функций лица является (1) *эмотивная*. Остальные функции лица — это (2) *коммуникативная*, то есть передача адресату определенной информации и отражение межличностных отношений, и (3) *регулятивная*, в частности контактоустанавливающая и контактоподдерживающая функции, ср., например, лицевые реакции на сообщения других людей. В диалоге даже малейшие изменения лица собеседника бывают чрезвычайно информативными, и на их основе люди часто выносят самые разнообразные по своему характеру суждения о коммуникативном партнере.

Ниже я рассмотрю только те функции лица и лицевых выражений, которые непосредственно связаны с эмоциями.

Один из наиболее авторитетных психологов, работающих в области невербальной семиотики и психологии эмоций, П. Экман и его коллега У. Фризен обнаружили, что существует свыше тысячи различных движений лицевых мышц, большая часть которых даже не имеет названий. Это наблюдение вполне соотносится со сделанным ранее открытием психолога С. Томкинса, который установил, что для каждой из выражаемых на лице эмоций имеется своя закрепленная за ней группа мышц и своя уникальная их конфигурация. Объединив исследовательские усилия, ученые создали оригинальную систему кодирования лицевых выражений, которую назвали FAST (Facial Affect Scoring Technique). Действие системы FAST напоминает составление портрета человека, подозреваемого в совершении преступления или пропавшего без вести, по характерным чертам лица, только «на вход» здесь подаются фотографии отдельных частей лица, предназначенных для выражения тех или иных эмоций (Экман, Фризен, Томкинс 1971). Лицо как бы разбивается на три области: (а) лоб-брови-глаза; (б) нос-щеки и (в) рот-подбородок, и в результате варьирования и комбинирования соответствующих элементов получаются комплексные лицевые выражения. Первоначальной целью исследований этих ученых был, однако, не поиск выражений лица, отвечающих тем или иным эмоциям, а обнаружение тех характеристик, которые говорят о том, что данный человек лжет, и только позже они стали изучать лицевые проявления эмоций.

Именно на основе системы FAST П. Экманом и его коллегами и учениками были разработаны и впервые применены на практике методы распознавания эмоций по выражениям лица, эмоций, которые возникают от чувственного восприятия каких-то людей или событий и которые составляют основу симптоматики, обнаруживающую, по словам Н. Д. Арутюновой, «скрытого человека». На лице человека отражаются многие его переживания, мысли и отношения к кому-то или чему-то. П. Экман считает, что по внешним проявлениям реконструируется и познается внутренний мир человека, к какой бы культуре он ни принадлежал. Согласно П. Экману, лицевые выражения представляют собой биологически врожденные двигательные активности, а потому служат надежными диагностическими показателями конкретных эмоций.

Мимика складывается из дискретных лицевых выражений, и физиологическая дискретность мимики вполне соответствует языковой. Симптом как таковой не является чем-то цельным, он как бы складывается из отдельных частей, и языковые описа-

ния симптомов тоже являются соединением его отдельных характеристик, описывающих симптом с разных сторон. Языковой портрет человека чувствующего — это языковое перечисление отдельных манифестаций его чувств, ср. *Она была явно чем-то взволнована: глаза бегали, щеки пылали, руки некуда было деть* (Ю. Крелин) или *По глазам его видно было, что он очень неглуп и чрезвычайно хитер...* Этот портрет, сделанный Ф. М. Достоевским, представляется ему самому неполным, и он продолжает: *но что-то высокомерно-насмешливое и жестокое было в лице его и улыбке.*

Языковое описание эмоций и симптоматических жестов часто неточно и неопределенно. Это связано с разными обстоятельствами: с диффузностью значений отдельных слов, с многозначностью большинства жестовых, в особенности лицевых, проявлений, с размытостью контекста и др. Однако, несмотря на то что языковое выражение, такое как, например, *смеющиеся глаза*, способно обозначать в контексте очень многое, множественность его контекстных интерпретаций и вытекающая отсюда неопределенность стоящей за ним эмоции, еще не означают, что русский жест смех и русское слово *смех* не имеют постоянного значения, подлежащего лексикографированию. Точно так же жест и соответствующая ему языковая номинация *почесать в затылке*, хотя и могут получить в контексте не одну интерпретацию — достаточно вспомнить Селифана из гоголевских «Мертвых душ», который, узнав о внезапном отъезде Чичикова из города NN, <...> *долго почесывал у себя рукою в затылке. Что означало это почесывание? и что вообще оно значит? Досада ли на то, что вот не удалась задуманная назавтра сходка с своим братом в неприглядном тулупе, опоясанном кушаком... Или жаль оставлять отогретое уже место на людской кухне... Бог весть, не угадаешь. Многое разное значит у русского человека почесывание в затылке*, — имеют фиксированное значение (см. описание жеста *почесать в затылке* в гл. 5).

Возвращаясь к системе FAST и ее использованию, отметим, что она является достаточно мощной, поскольку позволяет распознавать и синтезировать сложные и тонкие выражения чувств на лице. Я имею в виду прежде всего те чувства, выражения которых не получили в языке стереотипного языкового обозначения, а так и называются *горе вместе с радостью; любовь и страх, презрение, смешанное с жалостью*, и т.п. Все такие языковые выражения являются фразеологическими единицами особого класса — прагматическими фраземами, или прагматемами, в терминологии И. А. Мельчука (Мельчук 1995).

Опираясь на систему FAST, П. Экман различил семь человеческих эмоций, которые были им названы основными, в частности в связи с возможностью их непосредственного отражения на лице (о другом принципе выделения основных эмоций см. в серии работ К. Изард, например Изард 1977/1980, Изард 1992). К ним, по Экману, относятся: (1) радость/счастье; (2) удивление/изумление; (3) страх; (4) отвращение/презрение; (5) печаль; (6) гнев/ярость; кроме того, он причислил к эмоциям и (7) интерес/любопытство. Каждая из основных эмоций, по мнению П. Экмана, связана с нейронной программой, которую он считает универсальной, как и сами эмоции. Он утверждает, что основные эмоции являются универсальными, так как одинаково распознаются разными народами.

Все остальные эмоции П. Экман относит к дополнительным, или вторичным (*secondary*): вторичные эмоции не столь ярко выражены и, по его мнению, являются модификацией или некоей комбинацией основных. Теоретически существует четыре способа получения, или синтеза, дополнительных эмоций: (а) полное наложение двух и более основных эмоций (возможно, очень быстрое по времени и непрерывное, так что оно наблюдателю представляется пятном); (б) распределение эмоций: одна область лица выражает одну эмоцию, другая — другую; (в) частичное смешение эмоций за счет особых действий лицевых мышц; (г) последовательное, почти одновременное действие друг за другом нескольких основных эмоций.

Культурная вариативность, как полагает П. Экман, относится только к дополнительным эмоциям и их выражениям на лице (ср., однако, например, данные работы Килбрайд, Ярчовер 1980). Выражения эмоций на лице могут меняться как за счет осознанных волевых усилий, так и неосознанно, путем чисто автоматических движений. Культурно, коммуникативно и социально обусловленные изменения выражений лица я предлагаю называть **правила лицевых выражений**. Эти правила определяют, как должно меняться выражение лица (или какое выражение принимает лицо) в тех или иных контекстных условиях и при определенных значениях кинетических переменных, например в зависимости от пола²⁹ и возраста человека, от тех или иных

²⁹ О. Уайльд однажды заметил: «A man's face is his autobiography; a woman's face is her work of fiction» («Лицо мужчины — это его автобиография, лицо женщины — это ее художественное произведение»). Очевидно, писатель имел в виду то, что лица мужчин более соответствуют их внутреннему состоянию и жизненному опыту, тогда как женщина — человек, как правило, более эмоциональный — в гораздо большей степени реагирует на чувства и отношение к себе тех лиц, с которыми она взаимодей-

конкретных ситуаций общения, от типа культурного или социального контекста, от канала коммуникации, то есть пути, по которому отправляется или приходит сообщение. Они образуют важный подкласс правил невербального выражения эмоций (некоторые из таких правил содержатся в исключительно обширной и разнообразной по тематике литературе, относящейся к эмоциям, см., например, Вежбицкая 1995а; Вежбицкая 1995б; Вейте 1972; Галюас, Каллан 1986; Дэвитц 1964; Изард и др. 1984; Олпорт, Вернон 1933; Рис, Уитмэн 1962; Рубин 1973; Сегерштрале, Молнар 1997; Экман 1992а; Экман 1992б; Экман, Остер 1982; Экман, Фризен 1982).

Для синтеза и анализа жестов и для более точной формулировки правил невербального выражения эмоций важными являются также сведения о том, в какой последовательности появляется то или иное выражение лица, то есть о данном выражении лица необходимо знать, появилось ли оно сразу или следом за другим жестом. Например, чтобы правильно проинтерпретировать появление на лице человека слабой улыбки, нужно знать, возникла ли она сама по себе или пришла вслед за широкой улыбкой. Смена выражений лица в интерактивном акте, подобно смене речевого тона, часто оказывается фактором, более важным для диагностики эмоций, чем конкретная мимика. Чем более контрастно противопоставлены одно за другим появляющиеся выражения лица, тем четче выявляются стоящие за ними эмоции.

Совокупность правил невербального выражения эмоции образует **программу ее реализации** (в зависимости от уровня рассмотрения и представления, соответственно, поведенческую, жестовую, нейронную и др.). Например, выражение на лице эмоции радости связано с тремя основными частями лица: (1) бровями и лбом, (2) глазами и веками и (3) ртом, губами и подбородком. Их положение и взаимное соотношение определяют появление на лице такого жеста, как, например, улыбка. На самом деле за словом *улыбка* скрывается целый ряд различных выражений лица, а потому и целый ряд жестовых знаков, для многих из которых в естественных языках имеются свои особые номинации. Такой вещи, как обыкновенная улыбка, не существует. Положение головы и туловища, выражение глаз, движение рук, ориентация корпуса и другие моменты — все они оказываются значимыми для улыбок. Например, улыбка, сопряженная со слегка наклоненной в сторону голо-

ствует. Это заставляет ее приспосабливать свое коммуникативное, вербальное и невербальное поведение к нуждам другого, то есть «играть лицом», выражая им нужные чувства.

вой (рот при этом приоткрыт, поза свободная, раскованная), говорит о намерении жестикулирующего привлечь к себе внимание партнера и, возможно, соблазнить его, а улыбка, при которой морщины не собираются вокруг глаз, или сопровождаемая провисшим корпусом, воспринимается скорее как *вымученная, натянутая* или *деланая*.

Рассмотрим ряд *радостная, довольная, радужная, счастливая, веселая улыбка*. Эти номинации отражают главное значение и функцию улыбки как кинемы радости и удовольствия, что составляет смысловой инвариант ряда, ср. «enjoyment smile» в терминологии П. Экмана и У. Фризена. Уголки губ чуть оттянуты назад и слегка приподняты, рот при этом может быть как открытым, так и закрытым, соответственно, видны и не видны зубы, ярко выражена кожная складка от носа до открытого края губы, щеки приподнимаются, а около нижнего века и уголков глаз появляются мелкие морщинки (см. Экман, Фризен 1975, с. 112). В образовании счастливой улыбки не участвуют, как мы видим, лоб или брови, благодаря чему остается возможность для выражения на лице других эмоций. Так, если улыбку сопровождают стянутые к переносице и направленные вниз брови, то эта улыбка уже не воспринимается как счастливая; скорее, за ней скрывается некая отрицательная эмоция типа гнева или злорадства. Такая улыбка уже не будет счастливой. И в печальной улыбке, в отличие от счастливой, важную роль играют брови, внутренние уголки которых приподняты по сравнению с обычным положением.

Правила невербального выражения эмоций, в том числе правила лицевых выражений, являются в своей основе **культурно- и социально-специфичными**: они меняются от культуры к культуре, от одного социального диалекта к другому и по-разному выражают модификацию выражений лица. Действие этих правил в разных культурах может быть разным. Так, они могут предполагать:

(1) **интенсификацию**, или усиление, испытываемого человеком **чувства**. Например, при выражении печали представители некоторых культур Средиземноморья преувеличенно возбуждены и ведут себя так, как будто находятся в состоянии экзальтации и себя почти не контролируют. Они интенсивно жестикулируют руками, громко рыдают, причем делают это не только женщины, но и мужчины, они совершают множество суматошных движений, принимают нестандартные позы, мнут и рвут на себе одежду и т.п.;

(2) **деинтенсификацию**, или уменьшение, **чувства**. Например, от эстонцев, исландцев или японцев ожидается сдержан-

ность в эмоциональных проявлениях там, где от людей других национальностей и культур можно ожидать проявлений ярости или бурной радости (ср., например, разнообразные анекдоты о «горячих» эстонских парнях);

(3) **контекстный запрет на выражение определенной эмоции.** В России, например, мужчинам на людях, особенно в окружении незнакомых людей, не положено демонстрировать страх.

Кроме того, правила и нормы невербального поведения могут потребовать

(4) **маскировки одной эмоции другой.** В работе Морсбах 1973 отмечается, что японцам предписано улыбаться, чтобы не показывать собеседнику свою печаль, отвращение и даже омерзение.

Замечания. 1. Контроль над сообщениями, посылаемыми лицом, и выражаемыми лицом чувствами является одним из важнейших типов управления невербальным поведением. Можно выделить, по меньшей мере, четыре разновидности контроля, который осуществляется над лицом. Во-первых, это разделяемые всем обществом (или какой-то представительной его частью) культурные конвенции (например, в русской культуре на свадьбах и именинах не принято выглядеть грустным, а на похоронах — веселым). Во-вторых, это наследственные, родовые обычаи или привычки, воспитываемые в семье (например, ребенка могут учить не хмуриться и не смотреть исподлобья на взрослых, с которыми он играет или разговаривает). В-третьих, это социальные или профессиональные требования (в профессиональное мастерство дипломатов, продавцов, служащих банков, врачей, актеров и представителей целого ряда других профессий входит, в частности, умение управлять своим лицом). Наконец, в-четвертых, это контроль над выражением лица, вызванный требованиями текущего момента, в частности преследованием некоторой коммуникативной цели или решением какой-то задачи, возникшей в ходе актуального диалога (скрыть что-то от партнера, сдержать смех, «надеть маску» и пр.).

Во всех случаях, когда человек пытается управлять своим лицом, его усилия направлены на разные части лица неравномерно. Прежде всего контролю подлежит нижняя часть лица: на нижнюю часть щек, линию около носа и в особенности на рот и губы направлены его наибольшие усилия, поскольку именно нижняя часть лица является проводником самых сильных эмоций и их жестовых и параязыковых проявлений — улыбки, смеха, крика, плача, стоны и др.

2. Правила невербального поведения, включая правила невербального выражения эмоций, даже внутри отдельно взятой культуры модифицируются под действием ряда факторов, как неизменных, например пол человека или происхождение, так и переменных — таких как,

скажем, место жительства, физическое или психическое состояние, социальный статус или социальное положение человека, его отношение к партнеру, стилевые особенности акта коммуникации (ср., например, партийный, воинский стиль) и т.п. Так, во многих культурах пожилым и старым мужчинам можно не вставать со своего места, когда к ним подходит женщина. Детям целого ряда европейских культур и американской культуры разрешено канючить, хныкать, даже перебивать в разговоре старших и т.п. В соответствии с существующими в европейской культуре нормами общественного поведения следует избегать в диалоге (в особенности это касается мужчин) возможных невербальных проявлений эмоции смущения: смущаясь, человек отворачивается, закрывает лицо руками, закрывает глаза, затыкает уши и др. Однако и адресат, увидевший, что его собеседник смутился, должен сделать вид, что ничего не заметил (например, отвести взгляд, посмотреть в сторону), и продолжать разговор. Мужчина-американец, да и русский тоже, не должен «проявлять слабость», «быть сентиментальным», выражать на людях такие «слабые», «женские» эмоции, как нежность (ср. хотя бы выражение *телячьи нежности* с явно отрицательными коннотациями); в то же время невербальное проявление «сильных», «мужских» чувств типа гнева или ярости вполне допускается. Как отмечает Р. Бирдвистел, представители среднего класса, живущие в Новой Англии, в частности в штатах Массачусетс, Вермонт или Мэн, улыбаются на улицах значительно меньше, чем американцы, проживающие на Юге (Бирдвистел 1970). Таким образом, по Бирдвистелу, если мы встречаем на улице какого-либо южного американского города не улыбающегося нам знакомого, то с нашей стороны будут правомерными вопросы «Что произошло?» или «Почему вы сегодня такой мрачный?». В то же время идущего навстречу и широко улыбающегося жителя Новой Англии уместнее уже спросить «Что вы увидели забавного?» или «Что вам так смешно?».

Проведенные мной видео- и фотонаблюдения над невербальным поведением людей славянской, романской, германской и англосаксонской культур, изучение имеющихся в литературе данных и собственное исследование семантики русских и некоторых нерусских жестов, а также контекстов их употребления позволяют выделить некоторые важные невербальные кинетические параметры, которые служат индикаторами положительных эмоций и позитивного отношения человека к своему коммуникативному партнеру:

(а) сближенная по сравнению с обычной позиция по отношению к адресату;

(б) небольшой наклон тела в его сторону;

(в) ориентация головы и корпуса жестикулирующего такая,

чтобы можно было постоянно видеть лицо адресата и его реакции;

- (г) увеличенная длительность контакта глаз;
- (д) большее, чем нормативное, число касаний;
- (е) дружеская, приветливая улыбка;
- (ж) количество и скорость кивков головой;
- (з) большое число жестов, совершаемых рукой;
- (и) большее, чем в ином диалоге, количество повествовательных высказываний;
- (к) относительно большое число позитивных звуковых сигналов.

Более тщательное коллекционирование и скрупулезное описание подобных параметров, а также изучение механизмов их взаимодействия друг с другом должно составить важный этап на пути к построению поведенческих моделей человеческих эмоций.

Поведенческая модель человеческой эмоции — это функция, зависящая от трех величин: (1) стимульного события, (2) нейронной программы и ее реализации в вербальной или невербальной форме и (3) правил лицевых (а также жестовых и проксеменных) выражений, опирающихся на кинетические константы и переменные.

Помимо точки зрения, наиболее яркими выразителями которой являются Ч. Дарвин и П. Экман и которую мы называем **радикальным универсализмом**, существует конкурирующая с ней точка зрения на мимику и выражаемые с ее помощью эмоции. Согласно этой противоположной и столь же крайней точке зрения, у разных народов и культур существуют абсолютно разные способы выражения эмоций, а следовательно, и разные эмоции. Это представление можно назвать **радикальным минимализмом**. Его придерживался, в частности, «поздний» Р. Бирдвистел, писавший: «There are no universal gestures. As far as we know, there is no single facial expression, stance or body position which conveys the same meaning in all societies» — «Универсальных жестов не существует. Насколько нам известно, нет ни одного выражения лица, позы или положения тела, которые бы имели одно и то же значение во всех культурах (букв. «обществах». — Г. К.)». Истина же, как часто бывает, лежит, видимо, где-то посередине (см. весьма убедительные в этом отношении рассуждения, содержащиеся в статьях современного американского психолога, специалиста в области эмоций Дж. Рассела, — Рассел 1994 и Рассел 1995).

Из двух доминирующих сегодня представлений радикальный универсализм кажется более понятным и, что ли, естественным, поскольку покоится на незыблемом фундаменте — на биологической природе эмоций. Однако невербальную семиотику и лингвистику интересуют не столько биологическая и психологическая природа эмоций, хотя они и помогают понять многое, сколько их **вербальная и невербальная концептуализации**, то есть проведение эмоций через естественный язык и язык тела, а здесь ситуация выглядит иначе.

Постоянно воспроизводимые кинетические лицевые формы, такие как **нахмуренные брови**, оскал, широко раскрытые глаза, открытый рот, надутые губы, поджатые губы, подмигивание и другие, помимо биологической основы имеют фиксированные, культурно обусловленные конвенциональные значения. Эмоциональные категории, например гнев, радость, печаль или отвращение, являются и лингво-, и культурно-специфичными.

Как показали многие исследования (см., например, Годдard 1991; Мотли, Камден 1988; Рассел 1995; Рассел и др. 1993, а также серию книг и статей А. Вежбицкой, например Вежбицкая 1986, Вежбицкая 1992а, Вежбицкая 1992б, Вежбицкая 1995а и Вежбицкая 1995б), в большинстве языков мира вообще нет слов, соответствующих русскому слову *гнев* и английскому *anger*, русскому *страх* и английскому *fear*, русским словам *отвращение*, *радость* и другим обозначениям чувств и эмоциональных состояний. Так, итальянское слово *rabbia*, первое значение которого «ярость, бешенство», как указано в Вежбицкая 1995а, с. 228, отличается по значению от английского слова *anger* и связано с совсем другим, чем *anger*, набором чувств и выражений лица. Очевидно, что считать основной эмоцией *anger*, а не *rabbia* нет никаких оснований. А. Вежбицкая справедливо называет такой подход «ничем не мотивированным этноцентризмом». Она утверждает, в частности, что «способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит, по крайней мере до некоторой степени, от лексической сетки координат, которую дает им их родной язык. <...> Проявлением этноцентризма является то, что даже если у таитянцев нет слова, соответствующего английскому слову *sad* “грустный, печальный”, то они все равно должны обладать врожденной понятийной категорией “грусти” или полагать, что для их эмоционального опыта “грусть” — для которой у них нет названия — тем не менее более значима и более релевантна, нежели, например, чувства *toiāha* или *pe ‘ape ‘a*, для которых у

них есть название (хотя в английском языке для этих чувств названия нет).

Очевидно, что нет оснований полагать, что таитянцы не способны испытывать чувство “грусти”; точно так же, как нет никаких оснований полагать, что носители английского языка не способны испытывать чувство “toiaha” или “pe’ar’a”. И самое главное: у нас нет никаких оснований считать, что “грусть” является более важной или более “универсальной”, нежели “toiaha” или “pe’are’a”» (Вежбицкая 1999, с. 505).

Обычно эмоции не только вербально, но и невербально концептуализуются по-разному в разных культурах. В Ямайке и Тринидаде неудовольствие, раздражение и гнев передаются с помощью звуков, возникающих при посасывании зубов (втягивании воздуха при одновременном касании зубов языком), что европейцам несвойственно; хлопанье в ладоши в ямайской культуре никогда не передает радость, а является исключительно жестом привлечения внимания (машину на Ямайке, например, нельзя остановить, вытягивая руку в сторону или покачивая ладонью слева направо, а можно, только хлопая в ладоши, см. Вольфанг 1979, с. 167).

Понятийные категории грусти (печали) [«sadness»] и гнева [«anger»] релевантны для носителей русского (а также английского, французского и всех тех языков, где есть слова, соответствующие по смыслу словам *грустный* (*печальный*) и *сердитый* (*в гневе, разгневанный*), но в других культурах понятийная сетка эмоциональных координат может не совпадать с указанной (да и в русском и английском, например, легко найти большое число вербальных и невербальных различий, см. об этом Лац 1988).

Так, по данным, собранным О. А. Казакевич, у селькупов, если опираться на материал, представленный в их фольклорных текстах, обнаруживается минимальный набор из четырех основных эмоций — гнева, страха, радости и печали, «причем если гнев и страх непосредственно называются, то для передачи печали и радости используется описание их внешних проявлений» (Казакевич 1999, с. 275). Сердятся и гневаются обычно селькупские мужчины, это их привилегия, тогда как женщинам сердиться не пристало. Страху же в одинаковой мере подвержены и мужчины и женщины. Знаковым выражением грусти, печали и страха у селькупов является плач, а как выражение радости плач почти не используется.

В языке лакота североамериканских индейцев (это диалект тетон языка дакота, языковая группа сиу) существует особое женское междометие *ya* [ya:], являющееся возгласом страха,

между тем как мужской возглас страха отсутствует. В ситуации, когда мужчина лакота мог бы испытывать страх, он часто пользуется выражением *hna-hna* [хнахна], имитируя ворчание медведя гризли. Лицо его при этом принимает совершенно особое выражение, и таким комбинированным — вербальным и невербальным — способом мужчина лакота сам себя подбадривает. У индейцев лакота, безразлично, мужчин или женщин, в случае когда субъект, испытывая внутренний страх, контролирует ситуацию, лицевое выражение страха отсутствует, а из глаголов, в принципе способных обозначать в языке эмоцию страха, используется всегда один из двух, в зависимости от степени страха и опасности: *kokipa* [kʰokiʔa] «бояться, быть испуганным» (*kowakipa* «я боюсь») и *hinyangsla* [hɪʔaʔsgla] «испугаться, увидев нечто ужасное». Если же субъект, испытывая чувство страха, теряет контроль над ситуацией, то это можно наблюдать не только по его невербальному поведению, но также по тому, как он вербализует свои ощущения: в этом случае использование первых двух глаголов невозможно, а применяется глагол *inihan* [inihaʔ] «быть испуганным или напуганным чем-то» (*imanihan* «я испуган»).

Жители острова Бали рассматривают лицо как физический манифестант скрытых сил, аккумулирующихся в самом важном, с их точки зрения, органе — сердце. Классы и категории, по которым балиец распределяет выражения лица и их языковые обозначения, очень мало похожи на русские или английские, ср., например, индонезийские слова и выражения *setah muka* «ясные, светлые лица»; *layu* «отрешенные, печальные лица»; *muram* «мрачные, облачные, стыдливые лица»; *ni ebong* «жесткие лица»; *sinus* «циничные» или *galak* «яростные, ревнивые лица».

А вот еще один, последний, пример на эту тему. Народ дани, обитающий в Новой Гвинее, обозначает сходным образом такие эмоции, как гнев и отвращение. Действительно, гнев и отвращение объединяет то, что испытывающий эти чувства человек в обоих случаях приходит в возбужденное состояние и кем-то или чем-то сильно недоволен. Между тем народ Форе из той же страны не различает и выражает одинаково уже совсем другие эмоции — удивление и страх (см. Экман, Фризен 1971), тоже, впрочем, имеющие общие смысловые компоненты, например «неожиданность».

Как можно видеть по этим примерам, ментальные и языковые категории, на которые подразделяются эмоции и их обозначения, зависят от культуры и языка, а невербальные и вербальные концептуализации эмоций отнюдь не универсальны.

Нередко ошибочно полагают, что одно и то же стимульное событие должно вызывать у всех народов одну и ту же эмоциональную реакцию. Считается, например, что у негров из Нового Орлеана во время похорон на лице появляется особое выражение печали, которое очень похоже на нашу улыбку, и этот мимический жест мы бы, скорее всего, так и окрестили улыбкой, не зная мы, во время какой ситуации данное выражение лица появилось. Однако это выражение и на самом деле есть разновидность улыбки — именно такова невербальная реакция этих людей на смерть. Негры Нового Орлеана на похоронах не горюют и не печалются, как мы, а радуются за покойного, который, как говорят их верования и культурная мифология, уходит, чтобы встретиться со многими хорошими людьми на том свете³⁰. Чувство же радости вполне согласуется с улыбкой.

В связи со сказанным возникает ряд очень интересных и важных проблем, а именно, как же все-таки считается с человеческого лица информация о внутреннем психологическом состоянии человека той или иной культуры? И если не эмоции, то, может быть, хоть какие-то выражения лица являются универсальными? Или они все культурно-специфичны?

Мы выражаем удивление в основном глазами, а в древнем Китае для выражения удивления высовывали язык между зубами (Клинеберг 1940). В связи с обсуждаемой проблемой универсальности выражений лица антрополог О. Клинеберг в этой работе делает следующие три утверждения, не утратившие ценность и поныне;

(1) одни выражения лица, вроде китайского жеста высунуть язык между зубами, являются свойственными только отдельным культурам, другие — универсальны (к универсальным выражениям относятся, например, смех и плач). Лингвистическая и культурная специфичность одного выражения лица равным счетом ничего не говорит нам об универсальности или специфичности другого;

(2) сама культура определяет, являются ли данные выражения лица в ней разрешенными или запрещенными. В качестве иллюстрации О. Клинеберг приводит пример культурного разнообразия плача и выражений горя;

(3) культура может предопределять, какая из эмоций будет иметь место в данной ситуации и как она должна быть выражена. О. Клинеберг приводит такой пример. В одном сообществе, когда мужчина берет себе в жены еще одну женщину,

³⁰ Пример заимствован нами из работы Кей 1975.

это может составить предмет гордости, а в другом сообществе тот же акт будет предметом ревности со стороны первой жены. Очевидно, что у жен, наблюдающих, как их мужья берут себе в жены еще по одной женщине, в первом и во втором сообществах будут разные выражения лица.

Семантические области, в которых существуют и проявляют себя мимические жесты, также в значительной степени являются культурно обусловленными. Если в одной культуре выражения лица по большей части закреплены за областью, которую условно можно назвать «контроль за собственным поведением, за процессом коммуникации и управление поведением партнера» (это, например, такие выражаемые мимикой эмоциональные смыслы, как раздражение, рассерженность или отвращение, в противоположность удивлению или восхищению), то в другой культуре на передний план выступает, например, сфера «интенсивность эмоции». Другими словами, в этой культуре выражения лица передают только сильные эмоции, такие как гнев, ярость, ненависть, любовь и т.п., а слабые эмоции — удовлетворенность, спокойствие, умиротворение, скука и пр. — если и выражаются невербально, то как-то иначе.

Многие ученые в своих работах пытались описывать все пространство значений, которые в принципе могут кодироваться выражениями лица (см., например, Изард 1971; Мехрабиан 1970; Уильямс и Толч 1965) и другими жестами (Гэлловей 1968; Мехрабиан 1971; Шефлен 1964), и предлагали разные названия для соответствующих семантических шкал. Все эти описания, однако, представляют собой не более чем метафорические имена-ярлыки, как правило, малопонятные и плохо соотносимые друг с другом, поскольку не раскрывают стоящее за ними смысловое содержание и не определяют то общее и особенное, что имеется в невербальной и вербальной концептуализациях соответствующих эмоций. Что, например, скрывается под группой смыслов (а может быть, только одним смыслом), объединенных названием *dynamism* «динамизм» (Уильямс и Толч 1965)? Что означает *responsiveness* «чувствительность, сила отклика на внешний импульс», *immediacy* «непосредственность; незамедлительность, безотлагательность» или *power* «сила, власть» (Мехрабиан 1970)? Или что стоит за категориями *positiveness* «положительность» или *potency* «эффективность, сила» (Мехрабиан 1972), определяющими, как считает автор, не только эмоциональные, но и вообще все социокommunikативные координаты невербального поведения (сам автор «определяет», например, *positiveness* как то, что имеет отношение к

оценке людей или предметов и что определяет способ подхода к ним и характер дальнейшего предполагаемого взаимодействия). А какие смыслы располагаются на семантических (а может быть, психологических?) шкалах *encouraging/restricting* («поощряющий, поддерживающий/ограничивающий») и *facilitating/unreceptive* («способствующий, облегчающий/невосприимчивый» — Гэлловой 1968)? Скажу откровенно, что по прочтении и изучении упомянутых работ лично для меня все это осталось непонятным, и сам я не в состоянии ответить ни на один из поставленных мной же вопросов. Но еще более поразительным представляется мне тот факт, что многие психологи и антропологи, специалисты в области теории коммуникации и невербальной семиотики широко и совершенно свободно пользуются сегодня этими или подобными словами как самопонятными терминами метаязыка описания смысла мимических жестов, обладающими достаточной объяснительной силой и не требующими дальнейших толкований или, по крайней мере, развернутых содержательных пояснений.

Трудности, связанные с описанием значений и употреблений мимических жестов, носят не только субъективный, но и объективный характер. Основной метод концептуального и семантического анализа, такой как интроспекция, плохо применим к данному виду невербальных знаков хотя бы из-за того, что человек не может видеть свое лицо во время интерактивного общения. В такой ситуации, казалось, можно было бы порекомендовать опираться на визуальный опыт и суждения информантов, в особенности тех людей — родителей, бабушек и дедушек, жены, друзей, компаньонов и др., которые вступают с нами в повседневное общение и ежедневно наблюдают за нашим невербальным поведением. В обильно издаваемой сегодня научно-популярной и художественной литературе, в многочисленных и зачастую не слишком добросовестных в научном отношении пособиях по психологии межличностного общения, кинесике, бизнесу и этикету читателя все время уверяют, что именно эти люди крайне чувствительны к нашим ощущениям, мыслям и действиям и потому постоянно следят (порой, впрочем, не осознавая этого) за выражением лиц адресатов, за их позами и другими жестами. Между тем, насколько мне известно, каких-либо систематических научных наблюдений над лицевым поведением, которые были бы выполнены на статистически достаточно достоверном, представительном и хорошо предварительно обработанном материале, а также аналитического разбора весьма большого корпуса высказываний информантов о чувствах близких им людей, которые ин-

форманты делали бы, видя внешние проявления этих чувств, до сих пор вообще еще не проводилось³¹.

Мне, в частности, известны только три работы на подобную тему — Ансфилд и др. 1995; Стинсон, Икс 1992 и Флеминг и др. 1990, причем последняя из них лишь в кратком изложении, которое я нашел в статье Ансфилд и др. 1995, с. 136, 146. (Разумеется, сказанное не означает, что других публикаций о восприятии выражений лица определенными социальными группами людей вообще нет, но оно, во всяком случае, как я смею надеяться, свидетельствует об их не очень массовом характере.) В статье Флеминг и др. 1990 утверждается, что близкие друзья нередко намеренно посылают друг другу невербальные сообщения с помощью таких мимических сигналов, которые, как они считают, не могут быть расшифрованы посторонними людьми, а в работе Ансфилд и др. 1995 подводятся итоги исследованию того, как происходит интерпретация некоторых выражений лица друзьями (одного пола), незнакомыми людьми и самим человеком. Для этого авторы показали приглашенным для участия в эксперименте 14 студентам и 14 студенткам ряд эмоционально насыщенных изображений на цветных слайдах. Это были изображения приятные (красивые пейзажи, сцены, красивые маленькие дети и др.), неприятные (фрагменты хирургических операций, людей с ожогами и пр.) и необычные (фотоэффекты, специально подобранные ракурсы и пр.). Выражения лиц испытуемых были при этом записаны на видеокассеты, причем сами испытуемые об этом не знали. Затем каждого из 28 участвующих в эксперименте человек попросили назвать своих близких друзей того же пола, которые бы согласились тоже участвовать в дальнейших опытах.

Позже, спустя примерно год после сделанных видеозаписей, людей, имена которых были названы испытуемыми, вместе с самими испытуемыми снова пригласили в лабораторию и попросили описать и оценить снятые год назад выражения лиц.

³¹ Следует особо отметить, что различные утверждения и вытекающие из них советы и предложения, которые в изобилии представлены в популярной и псевдонаучной литературе по невербальной коммуникации и кинесике, часто бездоказательны или просто ошибочны, а если принять во внимание чисто практический характер многих из выпускаемых по этой тематике книг и их ориентацию на улучшение психического здоровья человека, на исправление недостатков в его характере и поведении, на совершенствование его коммуникативных способностей, то подобные рекомендации могут просто стать опасными.

Описание это осуществлялось по специально разработанной методике, а в квалификации выражений и их оценке приняли участие почти все приглашенные. В результате эксперимента оказалось, что какой-либо значимой корреляции между степенью знакомства (в том числе и с самим собой!) и точностью расшифровки выражения (а надо было квалифицировать лишь, является ли данное выражение лица приятным, неприятным или необычным) обнаружено не было, точнее, лица и их выражения, которые близкими друзьями наблюдались очень часто, в том числе и те, которые принадлежали самим опрашиваемым, прочитывались и разгадывались примерно с тем же успехом, что и лица малознакомые.

Кроме того, в ходе эксперимента был установлен еще один весьма любопытный факт, касающийся эмоций и их выражений с помощью мимических жестов. Широко распространенное убеждение, согласно которому женщины реагируют на невербальные эмоциональные проявления более чутко, чем мужчины, уже давно, казалось бы, доказанное многочисленными экспериментами в лабораториях и наблюдениями за поведением людей в естественных условиях, нуждается в коррекции. Авторы статьи обратили внимание на то, что все эти доказательства покоились на анализе невербальных взаимодействий незнакомых людей, между тем как по отношению к близким людям, по крайней мере к друзьям, это утверждение не подтверждается: мужчины распознавали выражения своих лиц и лиц своих друзей-мужчин несколько не хуже, чем женщины своих подруг.

15.4. Примеры семантического описания русских мимических жестов

Ниже приводятся выборочные примеры семантического описания некоторых русских мимических жестов, связанных с выражением или передачей эмоций. Однако вначале мне хотелось бы в явном виде сформулировать основные положения, которые я здесь выдвигаю и готов отстаивать.

Они заключаются в следующем:

(а) для анализа семантического содержания эмоций и выражений лица, как, собственно, и любой другой предметной области, нельзя использовать семантические ярлыки типа «*responsiveness*». «жест радости», «*contact*» или «удивление».

Описание смысла должно быть выполнено на семантическом метаязыке пропозиционального характера;

(б) чтобы правильно определить смысл симптоматического мимического жеста, надо установить все эмоции, в выражении которых он участвует, и выявить смысловой инвариант;

(в) не сами эмоции, а лишь некоторые их отдельные компоненты закреплены за определенными кинемами (гипотеза Ортони и Тернера; см. Ортони, Тернер 1990). Поэтому толковать следует не комплексное, «холистическое» выражение лица, а именно отдельные его жестовые компоненты, из которых данное комплексное выражение складывается (см. выше);

(г) мимический жест следует соотносить с семантически близкими жестами, описывая его в составе семантического лексикографического типа в терминологии Ю. Д. Апресяна (Апресян 1986а; Апресян 1995), или семантической семьи (family) в терминологии Берлинской семиотической школы (Познер и др. 1998). Так, надо попытаться установить смысловую корреляцию между, например, поднятыми бровями и расширенными глазами, большими (круглыми) глазами и раздвинутыми бровями, нахмуренными бровями и сжатыми губами, улыбкой и смехом и т.п.;

(д) в толкованиях, в соответствии с давно сформулированными и многократно проверенными на практике общетеоретическими — семантическими и лексикографическими — принципами и требованиями к языку толкований (см., например, Апресян 1974; Апресян 1995; Богуславский 1985; Вежбицкая 1985а; Вежбицкая 1992б), следует использовать по возможности самые простые концептуальные структуры и язык описания, подвергая жестовую единицу декомпозиции. Именно такие структуры и метаязык составляют реальную базу для компаративного анализа как самих психологических состояний, так и их жестовых и языковых манифестаций;

(е) синтез формы и значения целостного выражения лица осуществляется путем применения правил комбинаторики и контекстной реализации.

Анализ семантики мимических жестов начнем с единицы нахмурить брови (нахмуриться).

Нахмурить брови (нахмуриться)

В самом начале главы мы описали морфологическое (формальное) строение этого жеста. Что же касается его смысловых особенностей, то еще Ч. Дарвин, отмечая их, рассматривал нахмуренные брови как отражение возникших затруднений и как

«выражение неудовольствия чем-то или кем-то в потоке мыслей или в процессе выполнения каких-либо действий» (Дарвин 1872/1965, с. 222). К этому наблюдению можно добавить, что **нахмуренные брови** семантически противопоставлены обыкновенной улыбке. **Нахмуренные брови**, как указывается в работах Ортони, Тернер 1990 и Рассел 1995, сами по себе связаны не с чувством рассерженности или неудовольствия, а «отражают ментальное состояние, в котором находится человек, обеспокоенный тем, что не может из-за какого-то неожиданного препятствия достичь желанной цели» (Ортони, Тернер 1990, с. 321). Такая интерпретация жеста вполне совместима с тем фактом, что **нахмуренные брови** обычно сопутствуют таким состояниям, как напряжение, раздражение, концентрация интеллектуальных усилий и внимания перед некоторой проблемой или возникшее затруднение в выполнении задания и т.п.

Вполне соглашаясь со сказанным, предлагаю следующее толкование жеста:

Х нахмурил брови = «Произошло некоторое событие Q; жестикулирующий X ранее не думал, что оно произойдет; из-за того, что произошло Q, X хочет сделать некоторое P;

X думает, что не может сейчас сделать P, потому что считает Q неожиданно возникшим для него препятствием на пути к P; X из-за этого чувствует что-то плохое».

Семантический компонент «X чувствует что-то плохое» («X feels bad») был предложен для описания эмоций А. Вежбицкой и противопоставлен компоненту «X чувствует что-то хорошее» («X feels good»), содержащемуся, например, в толковании обычной русской улыбки или в толковании жеста **потирать руки**. Мы применяем этот компонент для толкования жестов.

Сжатые губы

Жест **сжатые губы** свидетельствует о решимости человека сделать что-то, от чего ему, возможно, будет плохо, например молчать в ответ на причиненное ему зло, когда в принципе он мог бы и сказать что-либо (сжатые губы не совместимы с жестом **открыть рот**) или просто издать какие-то звуки. **Сжатые губы** характерны также для ситуации, когда человек, терпя боль, решает не поддаваться ей и молчит, возможно, стонет (со стоном этот жест вполне совместим). Другими словами, **сжатые губы** являются невербальным показателем сильного самоконтроля со стороны жестикулирующего.

Предлагаю следующее толкование данного симптоматического мимического жеста:

Х сжал губы = «Считая, что ему сейчас нужно сделать некоторое Р, жестикулирующий Х готов сейчас сделать Р, хотя понимает, что если он сделает Р, то ему от этого может быть плохо; то, что Х-у может быть плохо, не может помешать ему сделать Р».

Комментарий. 1. Смысловой компонент «считая, что ему сейчас нужно сделать некоторое Р» говорит о намерениях и решимости жестикулирующего Х. Компонент «жестикулирующий Х готов сейчас сделать некоторое Р, хотя понимает, что если сделает Р, то ему от этого может быть плохо» показывает, что Х осознает, что в случае если он совершит действие Р, то это неминуемо повлечет за собой то, что ему станет от этого плохо. А вместе с последним компонентом толкования («то, что Х-у может быть плохо, не может помешать ему сделать Р») он передает информацию о том, что жестикулирующий контролирует свои возможные действия. Если Х **сжимает губы**, сдерживаясь, например, чтобы не наказать своего ребенка, то толкование накладывается довольно легко. В случае если Х сжимает губы от боли, пытаясь сдержать крики или стоны, то Р = «не показывать голосом, что (или: как) больно», а именно Х готов терпеть, хотя понимает, что если он не покажет, как ему больно, то есть не закричит или не застонет (будет терпеть), то ему будет плохо и из-за этого тоже — как известно, крики, плач, стоны облегчают перенесение боли.

2. **Сжатые губы** следует отличать от **поджатых губ**, которые имеют и несколько иную форму, и иную семантику: как кажется, поджимают губы, высокомерно осуждая кого- или что-либо, не понимая что-то, выказывая брезгливость, или когда просто жеманно, манерно ведут себя; ср., например, — *Проходи, Мариша, ждем тебя, — поспешно сказал отец, а мать еще раз промолчала; Иваненков подметил ее вызывающе поджатые губы, но не понял, отчего они поджаты: от глубочайшего осуждения или от столь же глубочайшего непонимания (Б. Васильев); Вслух высказывать эту мечту не принято — наоборот, полагаются брезгливо поджимать губки: мы, видите ли, такие утонченные, что разговаривать на языке этого оригинала не имеем моральных сил, а по-другому с ним нельзя (С. Лурье)*. Впрочем, семантика **поджатых губ** еще требует дальнейшего изучения.

Последний пример, который мы здесь разберем, — это симптоматический жест широко раскрытые (открытые) глаза.

Широко раскрытые глаза

Толкование: У X-а широко раскрытые глаза = «Сейчас произошло некоторое событие Р; жестикулирующий X не ожидал, что событие Р будет иметь место, и выражает глазами, что удивлен этим, и, возможно, хочет знать о Р больше».

Комментарий. 1. Как известно, зрительный канал поступления информации является для человека основным. Глаза, раскрытые больше, чем обычно, иконически передают желание жестикулирующего вместить в этот «контейнер» больше информации о только что происшедшем или происходящем неожиданном для него событии (ср. также жест раскрыть рот).

2. Данное толкование представляет собой измененную экспликацию значения жеста, предложенную А. Вежицкой (Вежицкая 1993). Так, желание узнать больше про наступившее событие не всегда, на мой взгляд, сопровождает жест — часто это выражение лица просто обозначает неожиданность. Я использую в толковании жеста вслед за А. Вежицкой семантический элемент «знать», а не «видеть», потому что этим жестом выражается удивление не только по поводу увиденного, но и услышанного (например, от внезапно услышанного стука глаза тоже часто расширяются, см. Аржиль 1967, а также гл. 6 настоящей работы).

3. На вход подается выражение У X-а глаза широко открыты, а не выражение Глаза X-а широко открыты, потому что первое говорит нечто об X-е в связи с его глазами, а второе — о глазах X-а; см. о предлоге у в конструкциях типа У X-а У и о смысловых различиях в конструкциях $X_1 X_2_{\text{род}}$ Р и $X_1 у X_2_{\text{род}}$ Р, где X_1 и X_2 — существительные, Р — предикат (глагол, прилагательное), в нашей работе Крейдлин 1979.

4. Жестовыми аналогами широко открытых глаз являются эмблемы поднять брови (форма «поднятые вверх искривленные брови, кожа под бровями слегка натянута, на лбу появляются горизонтальные морщины») и открыть рот <от удивления> (форма «рот открыт, губы и челюсть не напряжены, челюсть опущена таким образом, что губы и зубы становятся разъединенными»). Последний жест выражает большую, чем широко открытые глаза, степень удивления, а именно изумление и потрясение («очень удивлен»), ср. строчки, сочиненные М. Цветаевой в мае 1939 года, которая была потрясена фашистской оккупацией Чехословакии: *Его и пуля не берет. / И песня не берет! / Так и стою, раскрывши рот:/ — Народ! Какой народ!*

5. Речевые номинации того же жеста могут быть и иными, ср. *вылупить глаза, тарачить глаза*.

Все три истолкованных жеста в своем исходном употреблении являются симптоматическими. Поэтому во всех трех толкованиях имеется элемент «выражает», который является особым семантическим примитивом для симптоматических жестов. Подробнее о жестовых примитивах пойдет речь в главе 5.

Последний круг вопросов, которые мне хотелось бы поставить и решение которых мне хотелось бы предложить и обсудить в настоящей главе, относится к еще одному типу жестов, а именно к позам.

§ 16. ПОЗЫ КАК ЖЕСТОВЫЕ ЗНАКИ

Тщеславие нас всех подогревает.
Пока ж никто и не подозревает,
как мы полны тщеславием своим,
давайте в скромных позах постоим.
Б. Окуджава

Ключевые слова: кинема (жест), невербальный, действие, тело, поза, понятие, слово, поведение, коммуникация, акт, отношение, взаимодействие, культура, семантика, оценка, этика, этикет, норма, эстетика, функция, фаза, точка, позиция, представление, кинетическая переменная.

16.1. Семантика позы. Оценка в позе и оценка позы

В контексте человеческой деятельности, и прежде всего в акте общения, тело из собственно природной материи превращается в носителя атрибутов человеческой культуры и общественных норм. Можно сказать, что культура во-площается в теле как в некоем пространстве. Существование человека в физическом мире в значительной степени обусловлено тем вниманием, которое человек уделяет телу, и разнообразными по своему характеру телесными действиями, которые он выполняет. Люди в норме свободно владеют своим телом и действуют им применительно к другим материальным объектам. Противопоставление действий тела и действий с телом — это не мыслительное упражнение философов и логиков, а весьма перспективная область изучения разных наук.

В естественном языке, как хорошо известно, находят отра-

жение нормативные суждения о телесном поведении человека, о функциях и деятельности тела, высказывания об ориентации и этической мотивации физических действий, выполненных в интерактивном режиме, особые пропозициональные установки, обуславливающие нормальное (например, в этически выдержанном тоне) протекание диалога, разнообразные речеповеденческие прескрипции, спрятанные в высказываниях деонтической модальности, и др. Куда менее очевидным является то, что разноплановые оценки телодвижений и поз, главным образом социального и психологического — этического, нравственного и эстетического — характера, могут выражаться в акте коммуникации также невербальными средствами и прежде всего различными жестовыми знаками. Например, можно жестом дать человеку понять, что некрасиво сидеть в присутствии стоящего рядом человека, гораздо старшего по возрасту, и незаметно показать ему рукой, что он должен подняться. А иногда можно применить прием подражания, приняв ту же (как мы считаем, неподобающую в данной ситуации) позу, что и партнер, и этот прием приводит к тому, что адресат начинает осознавать неуместность своей позы и меняет ее.

В «Житиях святых. Месяц май. День восьмой» описан следующий случай из жизни преподобного Арсения Великого: *Старец сей удержал одну привычку из своей мирской жизни, именно — иногда он, садясь, полагал ногу за ногу, что могло показаться не совсем благопристойным. Некоторые братии видели это, однако никто из них не осмелился сделать ему замечание, потому что все весьма уважали его. Но только один старец, авве Пимен, сказал братии: «Пойдите к авве Арсению, и я сяду при нем так, как иногда садится он; тогда вы сделайте мне замечание, что я нехорошо сижу. Я стану просить у вас прощения; вместе с тем мы исправим и старца». Они пошли и сделали так. Преподобный же Арсений, поняв, что так неприлично сидеть иноку, оставил свою привычку.*

Из всех видов оценок, выражаемых невербальными знаковыми средствами, менее всего повезло этическим, — мне, во всяком случае, не известны какие-либо исследования в этом направлении. Между тем речь могла бы идти о своеобразной этике коммуникации и интерактивного поведения как элементе этикета, об оценке меры свободы действий своего тела в отношении другого, о вежливости и учтивости как искусстве проявлять внешними, вербальными и невербальными, знаками внутреннее уважение, которое мы имеем к человеку, и как искусстве быть приветливым или, по крайней мере, лояльным, то есть не проявлять открытой агрессии или даже неприязни к

человеку, к которому мы не испытываем никакого расположения. Речь могла бы также идти о проблемах стыда и его невербальном выражении, о важнейших культурных концептах «прилично» и «неприлично» и их невербальной кодификации, о вербальной этической оценке жестов, телодвижений и поз, в частности о выделении жестов, этически уместных и неуместных в той или иной ситуации, о пространстве коммуникации и его этической квалификации, о невербальной прагматике диалога и об еще очень многом другом.

Среди эмблематических знаков особую роль в выражении разнообразных оценок, в том числе этических, играют позы. Под *позами* я понимаю общие конфигурации тела и соотносительные положения его частей, как правило, более статичные, чем, например, жесты рук или ног. Поза всегда наличествует в любой ситуации, поскольку представляет собой биологически обусловленный способ размещения тела в пространстве. Немецкий психолог и антрополог Альфред Адлер как-то заметил, что если мы хотим понять человека, то должны заткнуть уши и только смотреть на него, тогда мы сможем увидеть все, как в пантомиме. Подчеркивая важность поз и жестов во время общения, ученый ссылаясь на известное изречение Мартина Лютера, протестантского священника и реформатора XIV века: «Когда вы разговариваете с человеком, следите не за его лицом, а за его кулаками». Действительно, из общей конфигурации тела, из положения отдельных частей и их морфологического строения можно многое узнать, например, о характере взаимоотношений участников коммуникации, об их соотносительном общественном статусе или актуальном эмоциональном состоянии.

В дальнейшем меня будут интересовать позы исключительно как жестовые *конвенциональные знаки*, а не как любые возможные положения тела, и под *позами* я буду иметь в виду только обозначение знаков.

Принятие человеком какой-либо позы обычно специально маркируется в тексте, только если она служит знаком определенного состояния, отношения или вида деятельности, и мы тогда говорим, например, об *оборонительной* или *защитной позе* (одна из возможных ее форм такова: тело напряжено, рука в течение некоторого времени поднята вверх и прикрывает лицо или голову; если рука при этом вытянута вперед и находится на некотором расстоянии от головы, то удар ожидается жестикулирующим с большей вероятностью). Нам известны также *поза просителя, мыслителя, боксера или льва* — подобные

сочетания, построенные по модели *поза X-а* или *X-овая поза*, где синтаксическое заполнение аргумента X при предикате *поза* обязательно, образуют другой круг употреблений слова *поза*, обычно с нереферентным статусом.

Словом *поза* может обозначаться также поведение в целом, при котором человек своим внешним видом, одеждой или положением тела, жестами, манерами и речью сознательно стремится обратить на себя внимание окружающих и ставит своей целью произвести на них положительное впечатление. Такое демонстративное, напускное и неискреннее поведение осуждается, и словом *поза* (лексема *поза* 2) выражается его неодобрение и негативная оценка говорящим. Именно для *позы* 2 в русском языке существуют производные слова *позер* и *позерство*. Первое из них — это резко негативно окрашенное обозначение человека, ведущего себя подобным образом, а второе является названием актуального поведения или постоянного свойства человека. Слово *позерство* имеет еще более выраженную по сравнению с *позой* 2 отрицательную оценку³².

В интересующем нас нейтральном по оценке значении слово *поза* (лексема *поза* 1) описывает конфигурацию частей тела и сочетается

(а) со словами, уточняющими эту конфигурацию, ср. самые общие обозначения основных человеческих поз: *стоячая, сидячая* или *лежачая поза*, такие имена поз, как *сидеть на корточках, сидеть по-турецки, стоять согнувшись, стоять смиренно, лежать растянувшись* <ничком, на боку, навзничь и т.п.>, *поза сирхасана* (поза йогов, когда человек стоит на голове), *поза лотоса* и пр.;

(б) со словами, выражающими душевное состояние, чувства и настроения человека, принимающего позу, — как правило, с прилагательными, которые стереотипно ассоциируются в нашем сознании с состоянием покоя, статичным положением. Ср. *грустная, меланхоличная, усталая* и т.п. *позы*, а также *Если это так, — продолжал Король, глядя на кроликов, застывших в сентиментальных позах обглаживания свежих стручков или хрумканья капустными листьями <...> (Ф. Искандер);*

(в) со словами, которые передают характеристику самой позы или ее субъекта (*непринужденная, развязная, небрежная, застенчивая, неудобная, чересчур вольная* и т.п.; см. также *Но оказались в спальне вещи и похуже: на ювелиршином пуфе в развязной позе развалился некто третий, именно — жутких размеров черный кот (М. Булгаков).*

³² Есть еще фразеологизмы *вставать (стать) в позу, принять позу* и др., но мы их здесь не обсуждаем.

С анатомико-физиологической точки зрения репертуар поз достаточно ограничен. Это связано, в частности, с тем, что антропоморфно допустимых положений тела не так уж много. Кроме того, число поз ограничено также с социальной и культурной точек зрения, поскольку в каждой культуре существуют различные расовые, половые, этические и т.п. табу на определенные позы в данной культуре. Согласно работам антрополога Гордона Хьюиса (Хьюис 1955; Хьюис 1957; Хьюис 1966), в мире всего имеется порядка тысячи поз, включая межкультурные варианты, и если объединить вариативные формы, то получится не более двух-трех сотен единиц, получающих каждая свое значение в зависимости от культуры, этноса и социума. Позы эти могут быть самые разные и, с точки зрения, например, носителя русской культуры, весьма странные, как странными бывают и нормы для поз, принятые в разных культурах.

Так, в японском трактате «Кодзики» (записи о деяниях древности) отмечается поза *агуми маситэ* «сидеть, скрестив ноги», которую принимали боги, ставя меч острием вверх и сядясь на кончике лезвия. Целью этой позы было продемонстрировать мощь и чудесную силу богов. По древним поверьям, боги всегда спускались с небес на землю и садились таким образом на меч (см. Кодзики 1994, с. 81, 190).

По меньшей мере странными кажутся нам и некоторые человеческие позы людей других культур. Например, А. Элкин описал необычную для нас позу **стоять на одной ноге** (*one-leg resting position*), положение тела, в котором представители ряда австралийских племен могут стоять без движения в течение примерно пятнадцати минут (Элкин 1953). Поза **стоять на одной ноге** не доставляет людям неудобства, и они ее охотно и часто применяют в диалоге. Данная поза является невербальным показателем ведущейся беседы людей, принадлежащих одному коллективу, то есть представляет собой очевидный дискурсивный жест. Во время разговора, который ведут между собой два человека из одного племени, каждый стоит на одной ноге. При этом собеседники крайне редко меняют ногу, никогда не стоят на двух ногах и скорее предпочтут закончить разговор и уйти, нежели снова встать на ту ногу, на какой они стояли в начале беседы.

Позой **стоять на одной ноге** несколько иной конфигурации регулярно пользуются также африканцы шиллук, живущие в бассейне Нила. Стоя так, они, однако, другой ногой опираются во внутреннюю часть колена опорной ноги. Эта поза у них

считается позой отдыха: человек принимает ее, когда хочет расслабиться и отдохнуть.

Необычные позы могут даже порождать необычные социальные течения. Теснота и бедность, бездомность, бродяжничество, отсутствие необходимого пространства для нормальной жизни и деятельности послужили толчком к возникновению движения американских сквотов, или скваттеров, — от англ. *squat* «сидеть на корточках». Изначально скваттерами называли американцев, которые захватывали пустующие дома, чтобы жить в них, поскольку если дом ремонтировался, то люди получали законное жилье в свою собственность. Ныне же сквоты — это феномен молодежной культуры и художественной богемы, причем не только в Америке. В названии и сути движения сквотов отразились, с одной стороны, некоторое физиологическое неудобство позы **сидеть на корточках** для взрослого человека, а с другой стороны, связанные с ней смысловые коннотации «близости», «спаянности», «детства», поскольку именно маленьким детям по большей части свойственно сидеть на корточках и у детей гораздо меньше вражды и больше единства. Может быть, этим отчасти объясняется то, что перформансы и вечеринки, которые устраивают сегодня скваттеры во всем мире, происходят обычно в помещении детских садов, групп и яслей.

Поза **сидеть на корточках** для взрослого человека русской культуры не характерна. Между тем на корточки любят садиться не только отдельные люди или группы людей, но даже целые народы, например многие африканцы и южноамериканцы. Так, говоря о своем отношении к позе **сидеть на корточках** у боливийцев, американская исследовательница, специалист по невербальной семиотике Марджори Варгас пишет: «Мои друзья из Боливии самого разного возраста считают, что сидеть глубоко на корточках ничуть не менее комфортно, чем на стуле или в кресле, и сами могут сидеть так сколь угодно долго. Я же никак не могла к ним присоединиться. Они смеялись и говорили мне, что это просто и что, вне всякого сомнения, у меня это легко получится — ведь по меньшей мере четверть населения земного шара сидит таким образом. На мои попытки протестовать: “А нельзя ли мне просто сесть прямо на пол?”, они обычно отвечали: “А вдруг пол холодный или сырой?” Понимая, что в их словах есть определенный резон, я делала все возможное, чтобы заставить гнуться свои атрофировавшиеся мышцы. Но когда я уже почти достигла нужной глубины посадки, я, потеряв равновесие, упала. Все дело в том, что я

слишком хорошо изучила и долго применяла на практике позы своей родной культуры» (Варгас 1986, с. 15).

В каждой культуре существуют позы, стереотипные для разных возрастов и полов, типичные социальные позы, выражающие отношения между людьми, ср. начальственные и холуйские позы. Имеются и прототипические позы, отображающие психическое или физическое состояние субъекта, например болезнь. Так, сгорбленная поза человека в русской культуре является характерным признаком старости или физического нездоровья, а *сидячая* поза осмысливается нами как поза статичная, неподвижная или малоподвижная, ср. русские прилагательные *непоседливый* и *усидчивый*, существительное *сиделка*, глагол *засиживать*ся, выражения *сидеть сиднем*, *сидеть много лет на одном месте*. Мужская поза *сидеть*, отклонив корпус назад (при этом руки часто сложены «в замке» и отводятся за голову, принимая форму арки) свидетельствует о попытке взглянуть на разворачивающуюся ситуацию как бы извне, охватить ее по возможности всю сразу, расширив свой коммуникативный кругозор, хотя реально жестикулирующий остается внутри ситуации. Эта поза обеспечивает доступ к возможным новым аспектам ситуации, а потому открывает для субъекта привилегию оказывать влияние на происходящее, направляя ход событий в соответствии со своими предпочтениями и интересами.

Эта поза в европейской и североамериканской среде считается неформальной позой покоя и отдохновения, а в африканских сообществах, например фульбе, сидеть, отклонив корпус назад и заложив руки за голову, можно только в особых ситуациях, поскольку там это поза траура, скорби по умершему человеку (восходящая, как указывается в работе Коваль, Тьям 1998, с. 179, к ритуальному невербальному поведению при оплакивании). А вот иллюстрация еще одной европейской свободной, расслабленной позы отдыха и наслаждения: *Там, над лунным плавным колыханьем волн, на каменной грани старинной пристани, он сел, свесил ноги и так сидел долго, откинув лицо и опираясь на ладони назад отогнутых рук (В. Набоков).*

Некоторые позы, связанные с определенным культурным стереотипом, сами тоже могут превращаться в культурный стереотип, в своего рода символ, несущий культурные или этнические коннотации. Ср. «Размашистая поза Сеятеля исполнена для людей хлебопашеских культур того же глубокого символического смысла, что и статичная поза Пастуха, держащего палку на плечах, — для жителей Западной Африки» (Коваль, Тьям 1998, с. 178).

Существующие описания поз в разных культурах — их форм, смыслов, функций и сфер использования — позволяют выделить ряд концептов и смыслов, для кодирования которых невербальные знаки-позы лучше всего приспособлены. Это

(а) **тип отношения к другому человеку.** Следует сразу отметить, что на то, какие чувства испытывает один человек (жестикულიрующий) к другому (адресату) вообще или в данном коммуникативном акте, указывают не только сама поза, но и ориентация тела жестикулирующего относительно адресата, степень наклона корпуса, мера открытости тела, прежде всего рук и ног (о последнем признаке убедительно и подробно написано в статье Мехрабиан 1969б, с. 359 и след.). Отношение к другому ясно выражено, например, в таких позах, как **сидеть обнявшись** или **сидеть на коленях**. Многие позы и сопутствующие им жесты выражают симпатию, любовь или, напротив, неприязненное отношение к партнеру. Так, например, если партнеры оба сидят, то поза, при которой один человек кладет голову на колени другому, дружеские прикосновения, уменьшение коммуникативной дистанции, наклоны корпуса и движения головой в направлении адресата, — все это свойственные европейской культуре невербальные проявления любви, интереса или просто общего хорошего отношения к адресату;

(б) **статус.** В упомянутой выше статье А. Мехрабиан, сообщая о результатах своих многолетних наблюдений над жестовым поведением людей в диалоге, пишет, в частности, что независимо от типа отношений, существующих между коммуникантами, у человека с более высоким социальным положением в стоячей позиции плечи распрямлены в большей степени, чем у человека с более низким социальным положением, при этом первый держится гораздо свободнее, чем второй: у него расслаблены руки и ноги, положение рук и ног относительно корпуса тоже более свободное, голова обычно опущена ниже, чем у партнера.

В общественных группах, которые отличаются ярко выраженной социальной стратификацией и в которых статус человека является высоко значимым параметром, коммуникативное взаимодействие людей разного социального положения в значительной мере является ритуализованным. Оно жестко подчиняется моральным и этикетным нормам, принятым в данном коллективе, что находит отражение не только как в вербальной, так и в невербальной компоненте коммуникации. Примером такой группы может служить зулусское общество (см., например, де Кадт 1998, с. 182 и след.)

Центральное понятие, характеризующее социальное взаимодействие зулусцев, обозначается глаголом *hlonipha* «оказывать уважение, почтение». Оказывать уважение, *hlonipha*, обязан каждый зулус более низкого ранга в разговоре с соотечественником более высокого ранга. Последнему, в свою очередь, предписывается проявлять чувство *ubuntu* «человечность, гуманность». Стратегии и средства, с помощью которых передаются эти отношения и чувства в диалоге, могут быть самыми разными. Говоря о языковых средствах, Е. де Кадт называет специальные формы обращения, особые этикетные речевые формулы и выражения вежливости, а также общую стилистику речевого поведения участников диалога. Что же касается невербальных средств, то в ситуации коммуникации с социально неравноправными участниками для зулусцев характерны использование особых жестов уважения и поз и строго регламентированное проксемное поведение. Так, ребенок, который принимает подарок от родителей или от других «старших», должен делать это сидя и не должен при этом смотреть на родителей. Сидячая поза — это именно то положение, в котором зулусы «оказывают уважение», то есть *hlonipha*, адресату.

Жестким правилам невербального поведения подчинены и диалоги взрослых зулусов разных статусов. Например, работник, пришедший просить хозяина о прибавке к жалованью, по прибытии должен немедленно встать на колени и поднять руки над головой. Затем вошедший садится, не спрашивая у хозяина разрешения, и принимает при этом явно не свободную сидячую позу: он садится прямо, не сгибаясь, ноги сомкнуты или одна нога лодыжкой лежит на другой. Руки работника чаще всего опущены вниз и располагаются между коленями; на хозяина он обычно не смотрит (де Кадт 1998, с. 188—189). Эти позы и жесты, а также некоторые другие формы невербального поведения говорят об уважении к партнеру, обладающему более высоким общественным статусом.

У хозяина-зулуса свободы поведения намного больше. Ему, правда, тоже, в соответствии с принятыми нормами, необходимо сесть, но положение его тела достаточно свободное и даже расслабленное. Хозяину позволено наклоняться в разные стороны, держать руки свободно, жестикулировать и при этом смотреть или не смотреть на посетителя; разговаривая, он может, например, держать в руках и разглядывать какие-то предметы. Такое невербальное поведение показывает, что жестикулирующий не только осознает свой более высокий ранг, но также понимает, что к нему пришли с некой просьбой, и готов оказать свое содействие, то есть проявить чувство, *ubuntu*, тому, кто его уважает, кто оказывает ему почтение, *hlonipha*.

Статусные различия, выраженные в позах, могут в определенных ситуациях нивелироваться, подавляться другими, более сильными факторами. Так, в России XIX века дворянская этика и кодекс чести дворянина требовали уважения личности независимо от служебной иерархии, а потому, оберегая свою честь и человеческое достоинство как высшую ценность, дворянин мог пренебречь некоторыми условными правилами невербального поведения, отражающими статусные различия. В романе «Война и мир» Л. Толстого есть эпизод, когда полковой командир делает замечание стоящему перед ним Долохову по поводу его достаточно вольной позы, однако говорит с ним в таком тоне и такой манере, которые задевают честь солдата-дворянина. И это обстоятельство определило последующие реакцию и поступок Долохова; ср.: *Ка-а-ак стоишь? Где нога? Нога где? — закричал полковой командир с выражением страдания в голосе, еще человек за пять не доходя до Долохова, одетого в синеватую шинель. Долохов медленно выпрямил согнутую ногу и прямо, своим светлым и наглым взглядом, посмотрел в лицо генерала. — Зачем синяя шинель? Долой!.. Фельдфебель! Переодеть его.. дря... — Он не успел договорить. — Генерал, я обязан исполнить приказания, но не обязан переносить... — поспешно сказал Долохов. — Во фронте не разговаривать!.. Не разговаривать, не разговаривать!.. — Не обязан переносить оскорбления, — громко, звучно договорил Долохов. Глаза генерала и солдата встретились. Генерал замолчал, сердито оттягивая книзу тугой шарф. — Извольте переодеться, прошу вас, — сказал он отходя;*

в) физическое и психическое состояние. Уставший человек, целый день простоявший на ногах, обычно хочет лечь или сесть. Ср. также следующие примеры выражения в позах состояний людей: *Плотий снова зашагал по комнате. Размашистыми, грузными шагами ходил он взад и вперед — тога натянулась на животе, седой венчик волос вокруг лысины на затылке слегка встопорщен, и, по обыкновению многих мускулистых людей, руки слегка согнуты, кулаки слегка сжаты: несмотря на его шестьдесят лет, само воплощение негодующей жизни (Г Брех); Рухнув ниц для молитвы, прижавшись лицом к полу, сначала замерев в неподвижности, затем с воздетыми руками поднявшись на колена, раб молился, чуть покачиваясь взад и вперед (Г Брех).*

В японском языке есть очень важное в культурном отношении слово *hara*, одно из значений которого, анатомическое, — это «живот, брюхо», а другие значения — «сердце», «ум, разум», «намерения», «мужество», «сила воли» (кстати, английское слово *guts* тоже объединяет в своей семантической

структуре значения «живот, кишки, брюхо» и «мужество, сила воли»). Любопытно, что производное от *hara* слово *haragei* (букв. «искусство живота») обозначает, помимо еще многого другого, «невербальную коммуникацию» и «психологическую стратегию» (нам более известно другое производное от *hara*, слово *харакири*, означающее буквально «расщепление, испарывание живота»).

Японцы, как свидетельствуют многочисленные языковые данные, считают, что внутреннее Я человека, его душа и телесный центр размещаются в животе. Брайан МакВей, например, в этой связи пишет (МакВей 1996, с. 38): «How one stands and holds one's stomach indicates one's level of spiritual and moral development» «То, как человек стоит и держит свой живот, показывает уровень его морального и духовного развития». Б. МакВей приводит целый ряд японских слов и выражений со словом *hara*, соотносящих позу человека с его физическим или психическим состоянием, отношением (с. 40): *hara ga tatsu* (букв. «стоит чей-то живот», литературный перевод «рассердиться»), *hara o miseru* (букв. «показать живот», литературный перевод — «проявить искренность»), *hara o sueru* (букв. «разместить, установить, расположить живот в пространстве», литературный перевод — «собраться с силами», «напрячь все силы», «приготовиться» и др.). Характеризуя позу человека словами, что *он держится прямо*, что, буквально, *его живот подтянут*, что *человек собран*, японец тем самым утверждает наличие у него *hara*, то есть эти свойства в совокупности говорят о том, что человек обладает внутренней силой, что ему присуща спокойная уверенность, что он держится с внутренним достоинством.

Многие движения и позы человека, как было установлено в ряде исследований по кинесике (см., например, работу Экман 1967), говорят о степени интенсивности испытываемой человеком эмоции и о том, в каком настроении он находится (между тем как выражения лица и положения головы человека несут информацию о том, какую именно эмоцию он испытывает);

(г) степень вовлеченности в диалог или в обсуждаемую ситуацию. Так, мы не любим беседовать о чем-либо важном на ходу, а предпочитаем разговор сидя, ср. *Лев все не решался сесть: сесть значило расположиться к беседе, — он предпочитал стоять или слоняться между кроватью и столом (В. Набоков)*. Позой можно также дать понять партнеру нечто вроде «я на твоей стороне (в том, о чем ты мне рассказываешь)» и др.:

(д) поиск участия или «тепла». Жестовый комплекс «поза с наклоненным в сторону адресата корпусом, уменьшенное по сравнению с обычным расстояние, частое заглядывание в глаза партнеру, кивки, робкие улыбки» обычно трактуется как выражение желания найти в партнере душевный отклик, теплоту или участие;

(е) обман. В ходе диалога можно принять, например, нарочито беззаботную позу, говорящую, вопреки реальному положению дел, о том, что, мол, ничего не произошло, ср. **сидеть нога на ногу** или **сидеть в кресле или на стуле, откинувшись назад** и огромное число других поз.

Для большинства социальных и коммуникативных ситуаций есть позы, которые рассматриваются как неподходящие, неуместные или неприличные (в данной культуре). Так, мы уже говорили, что, хотя сидение взрослого человека на корточках в Европе и Америке обычно оценивается отрицательно — поза считается и неудобной, и не всегда приличной, по утверждению Г. Хьюиса (Хьюис 1955), по меньшей мере четверть населения земного шара садится на корточки во время отдыха или работы. Во время официального обеда сидящие за столом люди не должны класть локти на стол, во время деловых переговоров не лежат в постели, а во время выступления лектора слушающим не рекомендуется вставать и ходить по залу (студентам и школьникам же это просто запрещается делать). Однако, имея намерение выразить некое отношение к другому лицу или к обсуждаемой проблеме, передать какую-то особую информацию, человек может принять позу, неподобающую для данной ситуации. Например, желая подчеркнуть свое неуважение к выступающему или неприязнь к нему, человек при объявлении имени выступающего может встать и демонстративно выйти из зала.

Этикетные нормы в отношении поз, как и всех других типов жестов, различаются по культурам и народам. Например, в европейской и американской культурах в знак уважения к партнеру, в особенности к старшему по возрасту или социальному положению, человек обычно встает перед ним, а на островах Фиджи и Тонга люди в знак уважения к партнеру принимают сидячее положение. Два индейца витуто разговаривают только сидя и никогда не стоя, при этом смотрят они не друг на друга, как, например, европейцы, а только в сторону на посторонние объекты. В знак приветствия мужчины-европейцы часто снимают шляпы и делают легкий поклон, а у некоторых народов Полинезии в этот момент, напротив, голова мужчины должна быть прикрыта и корпус выпрямлен. У народа тода в Южной Индии, согласно работе ЛаБар 1947, в знак

уважения, как и у нас, принято вставать. Однако затем они поднимают открытую правую руку к своему лицу и кладут большой палец на переносицу, исполняя жест, по форме почти идентичный русскому жесту *показать* нос из лексикографического типа «дразнилок». Очень интересными по своей форме и функциям являются приветствия у народа моеи, в частности весьма оригинальные с нашей европейской точки зрения поклоны (см. Коллет 1983), и у самоанцев, населяющих тихоокеанские острова Западного Самоа. Здесь человек, приходящий в гости в чужой дом, не должен смотреть собеседнику в глаза во время произнесения словесных формул приветствия, поэтому он принимает соответствующую позу и положение в пространстве (а если незнакомый человек входит в дом впервые и при этом смотрит хозяину в глаза, то этому человеку предлагают особое место, иногда даже место самого хозяина, поскольку считается, что подобным поведением гость сообщает собравшимся в доме людям о своем высоком социальном статусе). Как считает А. Дюранти, подробно описавший основные ритуальные приветствия самоанцев, такое глазное поведение (и, как следствие, принимаемая человеком поза) является следом древнего полинезийского обычая не смотреть на людей более высокого общественного положения, с тем чтобы избежать мощного действия исходящей от всех таких людей силы, *тапа* (Дюранти 1992, с. 657—678). А вот еще один пример, демонстрирующий существование особого австрийского этикета, относящегося к невербальному поведению во время светских приемов: *Услышав имена, Разумовский слегка поморщился: гости — и мужчины и дамы — были приятные, но среди них находились две дамы одного ранга. Это значило, что придется все время стоять. По этикету, принятому в ту пору в Вене, всякая графиня должна была уступать место входящей в гостиную княгине, которая вставала перед княгиней, старейшей по времени пожалования титула. Княгини уступали место обер-гофмейстерам. Если же высшие дамы в салоне были одинакового ранга, то ни одна не садилась и все общество проставало на ногах целый вечер (М. Алданов).*

Суть невербального этикетного поведения состоит в том, что оно должно быть совершенно автоматическим — таково основное правило всех этикетных школ. Отмечая вычурное, манерное поведение хозяев дома и, в частности, характеризуя их позы и жесты рук, а также тон, в котором хозяева, муж и жена, вели застольную беседу с гостем (рассаживание и сидение за столом, *назидательный тон хозяйки, ее изящно оттопыренный*

мизинец, неуместный хохот, улыбки и кивания головой невольно, формальная вежливость, сквозь которую гость уловил отлитые в холодноватый металл блоки готовых определений), писатель Б. Васильев в повести «Карнавал» со свойственной ему пронизательностью пишет: *Здесь же блюли азбучное толкование не столько этикета, сколько «приличных манер», ревниво следя, чтобы все выглядело так, как принято в «лучших домах» города Миловидова; этикет превращался в некую этикетку... В соответствии с этим и разговор утратил простоту и живость, превратившись в цепь комплиментов гастрономического направления со вкраплениями замечаний о погоде, природе и местных достопримечательностях*. Именно в таких случаях мы и говорим о позе как о негативно оцениваемом поведении человека, как о его *позерстве*.

Особое значение для характеристики как самой позы, так и, в соответствии с позой, психологического состояния человека имеют положения рук и ног (см. Блэйзер 1966). Например, *открытая поза* сидящей женщины (женщина сидит, локти далеко от тела, ноги вытянуты, колени разведены и пр.) противопоставлена *закрытой* (женщина сидит, локти близко от тела или почти прижаты к нему, руки скрещены, колени прижаты друг к другу). В Европе и Америке подобная открытая поза оценивается как нейтральная или даже положительная. Считается, что данный человек открыт и доступен для общения; о нем говорят используя для его характеристики такие выражения, как *открытый характер*, *открытый человек*. В Японии, однако, та же поза признается нехорошей и аморальной. Если *непринужденная сидячая поза* в русской культуре выражает отсутствие чувства дискомфорта, желание быть с окружающими «на короткой ноге» (сидящий в такой позе человек совершенно не зажат: тело его расслаблено и открыто, руки не закрывают корпус, ноги не напряжены, легко меняют положение), то *застенчивая сидячая поза* — «человек сидит; ноги прижаты друг другу, руки сложены, тело напряжено, чуть сторблено; человек будто сжимается, стараясь уйти в свое личное пространство и отгородиться от окружающих» — передает неуверенность и стеснение.

Интересно, что родители у нас обычно не учат детей специально, как производить многие мануальные жесты, однако что касается поз, то тут можно слышать родительские поучения в адрес ребенка: «*Не сутулься!*», «*Прекрати ерзать!*», «*Держи голову прямо!*», «*Не суй руки в карманы!*», «*Так стоять некрасиво!*», «*Смотри, ты совсем разлеглась!*». Внимание

к позам в этом случае вовсе не случайно, и причина его понятна — ведь большинство поз обслуживают такую важнейшую область повседневной жизни, как этика общения.

Индивидуальные и социальные взаимоотношения являются одной из смысловых доминант языка поз. В языке тела позы, существенно дополняя в смысловом отношении жесты рук, головы и ног, выражения лица и игру глаз, обычно обслуживают такие зоны концептов и смыслов, как **человеческие отношения и эмоции**. Особенно много говорят нам позы о содержании и структуре актуального процесса коммуникативного взаимодействия (см. об этом выше, а также Шефлен 1964; Шефлен 1973). Так, в работе Шефлен 1964 позы были разделены на три большие группы в соответствии с теми коммуникативными намерениями, которые, по мнению автора, отражает ориентация позы, например, является она вертикальной или наклонной, идентичной позе партнера или отличной от нее, сопровождается она какими-либо движениями или является неподвижной (с. 326 — 329).

В первую группу попадают позы, посредством которых жестикулирующий признает наличие другого и выражает желание или нежелание вступить с ним в диалог. В упомянутых выше работах сам А. Шефлен говорит о таких позах как о выражающих смыслы «inclusiveness»/«pooinclusiveness», то есть буквально обозначающих, соответственно, включенность/невключенность человека в диалог. Во вторую группу включены позы, с помощью которых жестикулирующий выражает определенные чувства к адресату, такие как половое влечение, симпатию, антипатию, враждебность и т.п. Наконец, третья группа образована из поз, выражающих статусные или коммуникативные различия, согласие/несогласие в чем-либо с партнером, а также, добавлю, поз, которые отражают значительное неравенство общественных статусов, делающих невозможным выражение несогласия с партнером. Это, например, напряженная прямая стоячая поза (ср. некоторые языковые сочетания, называющие или передающие впечатление от подобных поз: *стоять вытянувшись* <навытяжку, не шелохнувшись, по струнке, по стойке «мирно»>) или же, напротив, слишком открытая по сравнению с нормой поза в сочетании со стремлением придвинуться поближе к адресату, обладающему высоким социальным статусом, улыбками, кивками головой и наклонами/поклонами в его сторону (выражение раболепия, низкопоклонства, подобиострастия и др.).

Помимо того, что позы принимают активное участие в коммуникативных и социальных взаимодействиях людей, они

настолько точно отражают особенности характера человека и влияют на его формирование (например, японские матери, традиционно носившие младенцев на спине, убедились, что в таком положении ребенок получает недостаточное количество материнского тепла и эмоционального контакта, и постепенно начинают «перевешивать» ребенка на грудь), что могут служить надежным психологическим и медицинским диагностическим средством определения состояния человека, а также помогать в снятии мышечных напряжений и преодолении разных психических и физических нарушений; см. работы Лоуэн 1971/1997; Лоуэн 1998; Лоуэн 1969/1999; Райх 1933/1949. Психолог Вильгельм Райх, ученик З. Фрейда, расширил сферу типологии характеров, начало которой было положено его учителем. Одновременно с этим он установил различные корреляции между строением тела, спонтанными движениями и позами, с одной стороны, и стадиями формирования личности и особенностями личностных проявлений, с другой. Теоретические принципы и практические методики, изложенные в его книге «Анализ характера» (Райх 1933/1949, на русском языке вышла в 2000 году под названием «Характерология»), были огромным шагом вперед на пути к аналитическому пониманию связи положений тела, мышечного покрова и напряжений, энергетических блокировок и соматических заболеваний.

Знаменитый ученик В. Райха, крупнейший американский психоаналитик и психиатр Александр Лоуэн явился одним из создателей оригинальной терапевтической системы биоэнергетического анализа. Цель ее — познать личность через язык тела и происходящие в теле энергетические процессы с тем, чтобы снимать психологические проблемы и телесные напряжения у пациентов и с помощью специальных физических упражнений восстанавливать у них чувство тела и его энергетический потенциал. В одной из своих книг с ярким названием «Предательство тела» А. Лоуэн попытался описать те позы, которые, по его мнению, характеристически связаны с человеческими типами по Фрейду и Райху (Лоуэн 1969/1999). В ней отмечается, в частности, что в классификации характеров, предложенной З. Фрейдом, имеется тип «oral personality» «словоохотливый, любящий поговорить человек», для которого характерны, например, поза *oral sag* «прогиб», то есть отклонение корпуса назад и раскачивание, а также сидячее положение с руками за головой в форме арки и — в таком положении — попеременное сведение и разведение рук. В связи с достаточно устойчивой корреляцией типов личности и «любимых» поз А. Лоуэн утверждает, что в лечении психических отклонений и физических

ригидностей, то есть болезней верхних и нижних конечностей, связанных с ненормальным ограничением их подвижности, имеются общие методики и конкретные приемы. А именно речь идет о принятии пациентом под руководством врача определенных положений тела, благодаря которым на длительное время высвобождается необходимая и полезная для жизнедеятельности пациента энергия. В другой своей книге, «Язык тела», А. Лоуэн приводит следующий весьма показательный пример. «Пациенткой моей была молодая, очень привлекательная женщина. На первом же сеансе меня поразили посадка ее головы и сильная челюсть. Эта челюсть придавала лицу мрачноватое выражение. При такой челюсти, конечно, от решительного выражения до мрачного всего один шаг, но я был уверен в своем впечатлении. Пациентка страдала от безрадостного существования и в личной жизни, и в семейном окружении. Она сразу же поняла мое замечание относительно мрачности в ее характере. Со слегка склоненной набок головой и приподнятыми плечами тело ее приобрело выражение безропотной покорности, а лицо — мученической мрачности. Прорабатывая положение ее тела, я на каждом сеансе уйму времени тратил, стараясь смягчить челюсть и снять напряжение с затылка. Но всякий раз, как я приступал к этим областям, она начинала тихо плакать, хотя быстро и с готовностью успокаивалась и оживлялась. Я упорно продолжал именно эту работу и несколько месяцев спустя был приятно удивлен, не обнаружив на ее лице и следа мрачности. Структура характера начала слегка поддаваться, но эта черта была единственной исчезнувшей, по крайней мере в тот момент» (Лоуэн 1971/1997, с. 135—136).

16.2. Функции поз в акте коммуникации и в языке тела

Многие исследователи поз изучали позы с точки зрения способности выполнения ими определенных социальных и дискурсивных функций. Так, психолог А. Мефлен считает, что индивидуальная речь человека в акте коммуникации проходит ряд упорядоченных фаз в соответствии с теми позами, которые принимает его тело. Названия этих фаз аналогичны названиям жестов-регуляторов (см. §12), что не случайно.

Первую фазу он назвал **точкой** (**point**). Точка примерно соответствует акценту, то есть отдельному выделенному моменту в беседе, который обычно сопровождается движением (сменой положения) головы. Несколько точек составляют вторую

фазу — позицию (**position**). Позиция отражает изменение говорящим точки зрения (или принятие некоторой точки зрения) в процессе беседы, и это изменение фиксируется сменой позы, в которой принимает участие, как правило, больше половины тела. Наконец, третью фазу исследователь назвал **представление (presentation)**. Представление связано со всеми позами, принимаемыми человеческим телом в акте коммуникации, и завершается обычно полной сменой положения тела.

Таким образом, позы и изменения в позах могут служить своеобразными указаниями на **программы поведения** человека, отвечающие некоторому заранее предполагаемому сценарию или возникающие спонтанно в ходе коммуникации. Программа поведения состоит из отдельных стадий, отражающих динамику развития социальных событий. Собрание, встреча друзей или знакомых, обслуживание в ресторане, сервировка стола к званому обеду, спортивное состязание, заседание в зале суда, церковное богослужение и тысячи других событий маркируются особыми позами и их комбинациями. Так, каждая стадия уголовного судебного процесса, будь то речь прокурора или адвоката, допросы обвиняемого или свидетелей, последнее слово подсудимого или чтение приговора и др., отмечается сменой поз. Служба в православной церкви тоже маркируется определенными позами: в определенные ее моменты люди встают, становятся на колени и т.д.

В работах А. Шефлена и других ученых не учитывался, однако, тот момент, что позы не только выполняют дискурсивные функции, влияя на ход разговора или маркируя его отдельные существенные части; они являются также невербальными показателями социальных ситуаций и отдельных социальных коллективов; например, позы **вытянуться в струнку** и **отдание чести** (не в ситуации игры) в русской культуре типичны при встрече военных. Кроме того, позой часто отмечается вхождение лица в определенный коллектив. Можно поэтому говорить о типичных позах младших школьников (см., например, «**сложить руки перед собой на парте**»; в советской педагогике считалось, что эта — явно несвободная — поза помогает выработке у младших школьников навыка концентрации внимания), о позах военных, полицейских, спортсменов, дирижеров, официантов и пр.

Сходство или тождество поз у собеседников в актуальной коммуникации может свидетельствовать как о близости их взглядов или точек зрения на обсуждаемую тему, так и — в случае вхождения собеседников в одну социальную группу — о сходстве исполняемых ими в этой группе ролей или близости ста-

тусов. Когда один из собеседников принимает ту же позу, что и другой, он как бы становится вровень с партнером, несмотря на возможные социальные различия, и это дает ему возможность лучше понять и почувствовать партнера. Некоторые психотерапевты утверждают, что сознательное принятие ими позы, сходной с позой пациента, позволяет им в ряде случаев быстрее достичь нужного вербального контакта с ним.

На что внимания почти не обращалось, так это на то, что сами позы или нетождественность поз могут, напротив, являться ясным показателем различий в социальных статусах или отношениях к данному человеку или вопросу. Например, поза восседать — это не то же, что сидеть; ср. *В самой его [кабинета. — Г. К.] глубине, на дистанции, достаточной, чтобы всяк сюда входящий почувствовал разницу между собой и государством в лице очередного хозяина, располагалось нечто похожее на поле для настольного тенниса, за которым восседал (именно восседал, а не сидел) как бы в некой туманной дали вождь области Василий Никифорович Фирсов (В. Максимов).* Лица более высокого общественного положения в разговоре с нижестоящими принимают более свободные позы, а людям более низкого положения в диалоге с вышестоящими свойственны позы **внимания**.

Заметно асимметричными при этом являются положения рук и ног. Так, сидящий в своем кабинете на стуле начальник в разговоре с подчиненным может свободно положить свою руку на спинку стула, стоящего рядом. Другая рука его часто лежит при этом на столе или на колене, тело не напряжено, голова чуть наклонена, спина откинута назад, положение ног тоже часто несимметричное. Подчиненный же едва ли может позволить себе такую свободу; например, можно предположить, что он будет скорее держать руки сложенными вместе или лежащими на коленях.

В работе Мехрабиан 1969а утверждается, что такую позу, как **стоять руки в боки**, в Северной Америке чаще принимают при встрече люди, относящиеся к другому с неприязнью. Кроме того, в англосаксонской культуре эта поза свойственна человеку, встречающемуся с другим человеком гораздо более низкого социального статуса. В Испании поза **стоять руки в боки** характерна для молодых людей вообще и присуща больше людям из маленьких городов. В особенности любят принимать ее женщины среднего и старшего возраста, а также подростки и молодые люди мужского пола, тогда как молодым девушкам более привычно стоять со скрещенными руками. Кроме того, как отмечает А. Мехрабиан, эта поза присуща также молодым испанцам во время представления при знакомстве. Для срав-

нения укажем, что в русской культуре люди, имеющие более высокий статус, в разговоре с людьми более низкого статуса иногда принимают так называемые «расслабленные позы», каковые с этической точки зрения следует оценить отрицательно и каковых, насколько мне известно, в испанской культуре нет.

Жесты маркируют вещи, оцениваемые этически, а потому для совокупности этических норм телесного поведения людей я предлагаю ввести термин *телесная этика* и ниже остановлюсь на одном концепте телесной этики — социальной несправедливости, или социальном неравенстве, — и покажу, как могут разные позы в разных культурах его по-разному отражать.

Если поза отклоняется от нормы, то именно этот факт по обыкновению получает в тексте вербальную квалификацию и оценку. Одни позы характеризуются наблюдателем как *скованные*, другие — как *свободные, расслабленные, раскованные*, третьи — как *чересчур свободные* и т.д., вплоть до *развязных*. Подобная манера держаться получила в русском языке название *вульгарной*. Каждая из указанных поз в отдельно взятой культуре имеет свое стереотипное воплощение и свои смыслы, в частности *вульгарная поза* в русской культуре несет в себе явно выраженные сексуальные коннотации.

Этика позы, как уже говорилось, неразрывно связана с этикетом, а потому этические оценки распространяются и на этикетные манеры. Составляются даже особые кодексы поведения человека в обществе, касающиеся положений тел, их квалификации и оценки. Один простой пример. Если в комнату входит гостья, то по нормам европейской культуры, но не, например, мусульманской, сидящему мужчине, если тот не очень стар, болен и т.п., полагается встать, чтобы поприветствовать вошедшую, оказав ей уважение, познакомиться с ней (быть ей представленным) или просто уступить ей место. Такое поведение мужчин, однако, многими женщинами-феминистками на Западе рассматривается как проявление неравенства полов.

Существуют особые правила телесного этикетного поведения детей разных возрастов в разговоре со взрослыми, включающие в себя составной частью нормативные позы. Детские позы не соматогенные (врожденные); в каждой культуре и каждом этносе детей полагается учить специально, как вести себя в разговорах с взрослыми, и здесь необходимо учитывать связь между позами, с одной стороны, и возрастом и стадиями формирования личности, с другой. Маленьким детям Европы и Америки присущи расслабленные, свободные позы. В то же время в среде взрослых расслабленные позы могут принимать-

ся (и это мы уже видели на примере русской культуры) людьми с более высоким статусом в диалоге с человеком того же или более низкого статуса, а противоположная ситуация, то есть принятие подобных поз человеком, занимающим подчиненное положение, перед более высоко стоящим, считается нарушением норм телесной этики.

Приведу еще один пример культурного расхождения поз. В современных европейских и американской культурах, в отличие, например, от китайской или японской, поза **глубокий поклон** расценивается как явный знак униженности или раболепства жестикулирующего перед адресатом, в общем, как нечто сугубо отрицательное. Я уже отмечал ранее, что японцы считают поклон исключительно своим, характеристическим для их культуры жестом, хотя поклон встречается и в Корее, и в Индии, не говоря уже о Китае. Так, китайская поза *kou-tou* «глубокий поклон» является высшим выражением неравенства, поскольку, как полагают китайцы, сгибаясь низко в поясице, вы делаете себя ниже не только физически, но и социально. Значение этой позы можно сформулировать примерно следующим образом: «я считаю себя много ниже вас и готов оказывать вам разные услуги». Между тем в Японии **глубокий поклон** является не столько знаком униженности и раболепства, сколько уважения к другому и смирения; это, если угодно, **знак неравенства-почета**, а не неравенства—**несправедливой иерархии**. Если, по утверждению историков, этнографов и просто путешественников, не поклониться низко в Китае рассматривалось как очень дерзкое, но вместе с тем всецело индивидуальное поведение, не нарушающее общественных норм, то в Японии не поклониться так означало прежде всего отход от норм общественного поведения и оценивалось не как дерзкое поведение, а как грубое нарушение этики, проявляющееся в неучтивости и невежливости. Важно подчеркнуть, что proverbial вежливость японцев на самом деле напрямую связана с определенной ситуацией, а их поведение жестко подчинено законам телесной этики. Как рассказывали мне японские студенты и наши студенты, побывавшие в Японии, люди обычно не кланяются в транспорте, в лифтах, на эскалаторах метро, не кланяются, когда несут на руках маленьких детей, и в ряде других особо выделенных социальных ситуаций. Больше того, ненормативная сверхвежливость тоже считается в Японии неэтичным поведением и осуждается обществом.

В культурах стран Азии идеи и представления людей тесно связаны с позами и действиями в мире телесном. Однако и в других культурах прослеживается взаимозависимость телесного

и духовного миров. Так, во время церковных богослужений люди разных культур становятся на колени, раскачиваются в молитве, совершают поклоны и пр. Беседа, игра, встреча близкого человека на вокзале или в аэропорту, поведение официанта в ресторане — все эти общественные взаимодействия поддерживаются особыми **этикетными позами** или их сменами³³. Например, официанту по этикету не положено принимать у клиента заказ сидя, даже несмотря на возможные различия между ними по полу и возрасту. Еще совсем недавно в Америке у молодых людей была широко принята «свободная независимая» поза **сидеть, вытянув ноги вперед**, которая у нас не привилась, в отличие, например, от жеста **кольцо (ОК)**. Молодые американцы и даже американки очень любили эту позу и сидели таким образом, вовсе не только будучи одни. Мне самому, когда я в 1991 году преподавал в США, пришлось столкнуться с тем, что студенты, ничуть не стесняясь, сидят на занятиях, вытянув ноги вперед прямо перед преподавателем. Любопытно, что сегодня эта молодежная поза в Америке едва ли не повсеместно осуждается как незтичная и некрасивая — в особенности это касается разговоров младших со старшими или мужчины с женщиной — и мало-помалу выходит из употребления. В этом выводе я опираюсь как на собственные наблюдения, сделанные во время своего другого визита в США спустя шесть лет, в 1997 году, так и на высказывания моих коллег-преподавателей из Мичиганского университета и американских студентов, сделанные в ответ на мой вопрос относительно данной позы. Таким образом, можно заключить, что этикетная норма на наших глазах изменилась. Отмечу, кстати, что, например, в Исландии, сидеть с вытянутыми вперед ногами и в такой позе вести диалог, по всей видимости, издавна считалось оскорбительным для собеседника.

В русской культуре отмеченная ранее поза **стоять руки в боки** характеризуется как недружелюбная и агрессивная, а потому порицается. Во всяком случае, становиться так перед друзьями или близкими родственниками не принято (такая поза допустима разве что как игровая или шутливая). А с точки зрения существующих в обществе этических норм она вообще едва ли возможна, что, несомненно, является следствием ее семантики. В отличие от русских, у японцев, как мы уже знаем, не поклониться старшему означает не просто нарушить этикет,

³³ Смена поз является таким же знаком, как и поза, и очевидным образом играет в коммуникативном акте не менее важную роль, чем сама поза.

это больше — совершить неэтичный общественный поступок и обидеть партнера. И тут мы скорее всего сталкиваемся уже не с семантическим, а с прагматическим запретом. Вообще, различие положений тел у собеседников является, по-видимому, более характерным признаком для азиатских культур, чем для европейской или американской, поскольку именно позами в азиатских культурах маркируется, помимо всего прочего, вхождение человека в определенную общественную группу.

16.3. Позы и кинетические переменные

Для описания повседневной, бытовой, эмблематической позы, свойственной данной культуре, необходимо провести ее структурный анализ с перечислением всех релевантных признаков и отношений между ними; в частности, нужно указать основные кинетические переменные позы и возможные способы их контекстного заполнения, выявить типичные контекстные изменения позы. Далее, необходимо определить значение позы, установить соотношение ее с определенными выражениями лица и сопровождающими жестами (если таковые имеются), выявить географические, социальные и культурные ограничения на использование позы и многое другое. При анализе позы следует учитывать и то, что в разных культурах сходные положения тела могут оцениваться по параметрам, относящимся к разным шкалам. Например, в Японии позы получают оценку прежде всего на статусной шкале, а в России главными являются этическая и этикетная шкалы «прилично» — «неприлично» и эстетические шкалы «красиво» — «некрасиво», «приятно» — «неприятно». Ср. высказывания типа *Красивая осанка; У него развязная походка; Неприятно смотреть, как ты ходишь; Что ты развалился — так сидеть неприлично (некрасиво)!*; *Нехорошо стоять руки в карманах* или *Эта поза выглядит не очень-то эстетично*. В этой связи любопытна этическая оценка статичных положений тел, характерных для одной культуры, представителями другой.

В одном из экспериментов, описанных Б. Перрино, анализировались и оценивались американские и японские позы, причем американские позы оценивались японцами, а японские — американцами. Психологическое измерение поз у японцев велось в основном на шкале, идущей от «*otoko rashii*» «истинно мужская, то есть принадлежащая типичному мужчине» до «*onna rashii*» «истинно женская», тогда как американцы строили свои заключения, распределяя оценки вдоль несколь-

ко иной шкалы, а именно от «самый (наиболее) мужской» до «самый женский». Однако и японцам и американцам этих шкал оказалось недостаточно: многие суждения информантов выходили за их пределы, и представители обеих культур предлагали оценки совсем другого, этического, плана, вплоть до скрытых поучений или порицаний, ср. *Эта поза слишком агрессивная, так мужчинам у нас нельзя сидеть; Так женщинам вести себя не позволительно; В такой позе у нас сидеть неприлично/неудобно; Так можно сидеть, только если женщина в брюках; Американцы любят принимать такие напряженные позы и пр.*

Весьма популярными в разных культурах являются вербально выраженные оценки невербального поведения типа *неприлично*, которые соотносятся главным образом с *этикетным* поведением, а также с *половыми различиями* и *сексуальной сферой*. Надо сказать, что невербальное взаимодействие мужчин и женщин друг с другом особенно чувствительно к этическим нормам и отклонениям от них. В значительной степени сказанное относится к позам: позы и связанные с ними ориентации рук, ног, головы и туловища по-разному отражают принадлежность к определенному полу, а этические оценки поз, учитывающие различия по полу, составляют в разных культурах основу нормативного этикетного поведения.

Это ясно видно, даже когда наблюдаешь диалогическое поведение мужчин и женщин одной культуры, но в особенности заметны расхождения в позах во время коммуникации разнополых пар, при которой собеседники являются представителями разных культур, о чем ниже. Наблюдения над «живыми» диалогами, эксперименты и психологические измерения, которые проводились исследователями в разных странах Запада, показали, в частности, что взрослые мужчины, когда они сидят, чаще, чем сидящие женщины, меняют позу и положение ног, и особенно часто это происходит у мужчин при их первом знакомстве и беседе с женщиной. Психологи и антропологи (см., например, Брид 1972; Дэвис, Уэйте 1981; Мехрабиан 1968) утверждают, что частая смена позы стереотипно связана с повышенным чувством неловкости у мужчин и с большим, чем у мужчин, чувством уверенности в себе женщин. Исследования показали также, что мужчины и женщины чувствуют себя более комфортно и активно в разговорах с человеком того же пола, чем противоположного, и это проявляется не только в вербальном, но и невербальном поведении. Например, в беседах с лицом того же пола человек с большей легкостью принимает свободные позы, а движения его рук и туловища имеют большую амплитуду. Позы у женщин при этом.

как правило, менее открытые, чем у мужчин, а мануальные жесты менее крупные по объему, что, по-видимому, объясняется, с одной стороны, ролью и статусом женщины в обществе (социальные действия и общественная роль мужчины требуют большого пространства и свободы, тогда как от женщины ожидается физически не навязчивое, сдержанное и скромное поведение), а с другой стороны, умением женщины сравнительно быстро приспосабливаться к изменяющимся социальным условиям и к текущей ситуации, а также лучшей, чем у мужчины, способностью находить контакт с другими людьми. Все эти выводы, подчеркну еще раз, были сделаны исследователями и при анализе экспериментальных ситуаций, и на основе наблюдений за реально происходившими актами общения.

Мужчины и женщины часто маркируют позами свое отношение к партнеру по диалогу. Поза женщины имеет четко выраженную фронтальную ориентацию по отношению к человеку, который ей приятен, и боковую ориентацию (то есть угол между плечами партнеров близок к прямому) к человеку, который ей очевидным образом не нравится, а мужчины в беседах с мужчинами, которые им безразличны или по какой-то причине неприятны, часто несколько наклоняют туловище в сторону. А. Мехрабиан полагает, что данное телодвижение семиотически значимо и означает «напряженность отношений» (Мехрабиан 1968).

По моим собственным наблюдениям, когда у нас женщина беседует с рядом стоящим мужчиной, который вызывает у нее интерес, руки ее открыты и чуть отодвинуты от тела, при этом женщина, как правило, *приветливо улыбается*. Напротив, если собеседник-мужчина ей не нравится, то руки прижимаются к телу, улыбки на лице нет вообще или, как говорят, улыбка *вымученная* или *кривая*. Поза, которую женщина принимает в разговоре с таким мужчиной, носит явно выраженный закрытый характер, или, говоря на языке психологов, «обращена вовнутрь».

Разумеется, между указанными квалификациями и оценками поз, с одной стороны, и взаимоотношением людей, с другой, жесткой корреляции нет: соответствие между ними носит скорее градиционный характер. При формулировке правил невербального коммуникативного взаимодействия мужчин и женщин в той части, которая касается положений их тел и знаковых телодвижений, должно быть учтено действие и целого ряда других факторов, о которых я здесь почти ничего не говорил по причине полной неизученности соответствующих

проблем, например, разного рода биологических, исторических или географических особенностей функционирования поз, физических параметров, относящихся к каналам их восприятия — визуальному, тактильному и др.

Выдвинутая сравнительно недавно гипотеза о том, что каждая культура обладает своим ядерным набором эмблематических поз, вообще говоря, разных для мужчин и женщин, и что каждая такая поза имеет значение, подлежащее словарной дефиниции, нуждается, как мне кажется, в более строгой формулировке и тщательной проверке. Наш опыт работы над словарем языка русских жестов и выполненный семантический анализ многих жестов других невербальных языков (английского, немецкого, шведского, японского) подсказывают скорее нечто другое. Как и в случае с мимическими жестами, есть весьма серьезные основания полагать, что **единицей**, которую следует толковать, в общем случае является не семантически комплексная целостная поза, а ее отдельные **знаковые элементы** (многие из которых еще только предстоит выделить), поскольку именно они, а не поза в целом передают определенные смыслы и выражают определенные эмоции и человеческие отношения.

Глава 4

ПАРАЛИНГВИСТИКА: ГОЛОС И ТОН В РЕЧИ, ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

§ 1. ГОЛОС

Ключевые слова: голос, семантика, многозначность, лексемы *голос 1* — *голос 14*, *немота*, метонимия, стереотип, голосовые признаки, голосовые свойства, сочетаемость, семантический, согласование, функция, коммуникация, акт, коммуникативный, прагматический, диалог, неконтактный, речевой, акт, молитва, контактный, тихий голос, громкий голос, символизация, виды голосов, речевой голос, музыкальный голос, виды речевых голосов, виды музыкальных голосов, концептуализация, мужской голос, женский голос, взрослый голос, детский голос, высказывание, текст, имитация, эмоция, выражение эмоции, проявление эмоции, толкование, авторский комментарий, социальный голос, массовый, устный, власть, тоталитарный, народ, идеология, риторика.

1.1. Семантика слова *голос*

Анализ речевых произведений, равно как и любых текстов вообще, предполагает получение исчерпывающего ответа не только на вопрос «что сказано?», но и на вопрос «как сказано?», а потому задача систематического описания и последующей классификации лексических и грамматических средств квалификации и оценки речи является не только интересной, но и весьма актуальной. Хотя таких средств в любом языке, в том числе и в русском, огромное количество, среди них никак не могут затеряться слова *голос* и *тон*, которые с полным основанием могут быть отнесены к группе важнейших факторов, определяющих и организующих речевую коммуникацию. Среди последних выделим условия и характер протекания коммуникации, успешность в достижении цели, физическое и психическое состояние участников общения и стилистику их поведения в диалоге, прагматическую заданность/стихийность появления речевых и поведенческих реакций и многие другие.

Человеческая жизнь начинается с голоса; голосом фиксируется само появление человека на свет: «Жизнь начинается с крика, смерть — с молчания» (О. Савич). Голос дан человеку

от рождения, а потому обладание им может рассматриваться как природное и неотъемлемое свойство человека, имеющее свое типичное проявление, именуемое *звучанием*.

В своем исходном, первом, значении слово *голос* (лексема *голос 1*) — это «звуки, возникшие в результате колебания связок и выходящие изо рта человека или некоторого животного (или из полости, подобной ротовой, — как, например, у некоторых птиц)»; ср. сочетания *громкий голос, размеренный голос, звучный голос, доносится голос*. Но *голос* также и «орган производства таких звуков» — в дальнейшем лексема *голос 2* (ср. *звуки голоса, больной голос, голосовые связки*), и «способность человека или животного извлекать такие звуки» — лексема *голос 3* (ср. *потерять голос, восстановился голос, Я сегодня без голоса*).

Слово *голос* отличает разнообразная по своему характеру метонимия. Вот лишь несколько примеров. Выражение *подал голос* применимо к людям, но это не просто языковое свидетельство присутствия человека в определенном месте в определенное время, то есть непосредственный дейксис. Это также вербальный экзистенциальный акт — подобно тому как рукопожатия в знак дружбы, знакомства или примирения являются не только невербальными экзистенциальными, но и акциональными актами.

С помощью слова *голос* в русском языке метонимически обозначаются также отдельные периоды эволюции человека на протяжении его жизни. Мы говорим о *становлении голоса человека*, желая сказать о становлении самого человека, говорим, что с возрастом *голос крепнет, мужает*. Мутация голоса у мальчика — одно из внешних свидетельств его физиологического роста и зрелости, но *голос* (слово, взятое в переносном значении *голос 4* «человек, обладающий голосом 2 или голосом 3») может возмужать и окрепнуть также у взрослого человека, ср. *Расплавленный страданием крепнет голос // И достигает скорбного закала // Негодованьем раскаленный слог...* (О. Мандельштам). Лексема *голос 4* употребляется для обозначения человека тогда, когда сам человек в своем, так сказать, телесном облике физически отсутствует или не виден, то есть когда, кто он, неизвестно. Приведу характерные для данной лексемы контексты употребления: *Голос за дверью (то есть «человек, находящийся за дверью») тихо произнес: «Кто там?»; А хриплый голос («человек с хриплым голосом») все что-то говорил и говорил (Ю. Давыдов); — Ты на стол влезь, мать, — вдруг резко, с открытой неприязнью сказал молодой голос (Б. Васильев); Голос в трубке был женский, молодой, знакомый — но сколько их.*

знакомых... (Л. Жуховицкий) и т.п. «Присутствующего на сцене» человека мы словом *голос* обычно не обозначаем.

Посредством слова *голос* в языке могут передаваться смыслы «становление человека как личности»; ср. *Нужно заметить, что подлинность и реальность Я обретается лишь тогда, когда это Я становится субъектом речи, голосом «здесь и теперь»* (В. Н. Топоров), «наступление этапа творческой зрелости человека» и «стиль творческого лица». Таким образом, *голос 5* — это обозначение пространственно-временного среза индивида вообще или какой-либо творческой личности — художника, музыканта, артиста, режиссера, писателя, см. выражения <внезапно> *прорезавшийся голос*; *У него свой голос*; *Сегодня мы повсюду слышим совсем другие голоса* (В. Войнович), где выступает данная лексема.

Освобождение человека, получение им гарантированных обществом свобод и гражданских прав метафорически описываются как *освобождение* (или: *обретение, нахождение, становление, возвращение* и т.п.) *голоса* и *появление речи*. Ср. *Рабы безгласны и мрачны; их поражает немота. Голос пробуждает чувства у бесчувственных рабов* (книга «Зохар»); *К ним (пленникам-заложникам. — Г. К.) снова вернулся голос; Наконец-то зазвучал человеческий голос, голос человеческой экзистенции* (Ю. Нагибин); *И только когда Моисей обрел совершенный Дар Речи, Голос и Речь обрзовали совершенное единство* (книга «Зохар»).

Появление голоса, как мы видим, знаменует рождение на свет не только человека, но и Личности. Признать, что у человека *появился собственный голос* (*голос 5*), значит отметить его уникальность и выделенность как личности в некотором коллективе, констатировать, что человек обрел особую, присущую лишь ему, точку зрения, свой собственный взгляд на положение дел в мире. А потому неудивительно, что рассматриваемое слово имеет не только речевые значения, приложимые к людям и животным, и не только обозначает людей. Оно обладает также ментальными значениями «мнение или суждение человека, высказываемое по тому или иному существенному вопросу» (лексема *голос 6*) и «право человека заявлять свое мнение при решении некоторых вопросов в государственных и общественных учреждениях» (лексема *голос 7*). Ср., например, такие языковые единицы, как *голосовать, голосование, решающий голос, совещательный голос, делегировать кому-либо свой голос, подсчет голосов*, с одной стороны, и *голос читателя* или <говорить> с чужого голоса (*Х, не имея или не желая высказывать свое мнение по поводу некоторого Р, повторяет сказан-

ное по поводу Р другими; говорящий относится к этому отрицательно»); ср. также предложения *Здесь важен прежде всего голос учителя* (то есть *голос б* «его мнение») или *Голоса избирателей неожиданно разделились*.

Как мы видим, применительно к человеку голос и его свойства могут характеризовать не только отдельное частное лицо, но и указывать на профессиональное мастерство, творческий стиль или манеру целой группы людей и передавать коллективное мнение по некоторому вопросу. Мы говорим — не только в конкретно-референтном, но и в родовом смысле — о *голосе армии* или *голосе народа*, но можем вести разговор (используя те же значения слова *голос*!) о *голосах кинокритиков, оперных певцов, о голосах театральных режиссеров и поэтов*: Раньше всех ужасил уже новой интонацией *голос Бальмонта, капризный, изменчивый, весь пронизанный водоворотами и отливами... Голос Зинаиды Гиппиус — стеклянно-четкий, изгибистый и кольчатый. Металлически-глухой чеканящий рифмы голос Брюсова... (М. Волошин. «Голоса поэтов»)* и *Смысл лирики — это голос поэта, а не то, что он говорит (там же)*; *М. Горький ратовал за то, чтобы писатели умели говорить от себя и своим голосом; Человек любит, когда другие повторяют или цитируют его слова. Но не голос, поскольку собственный голос он иногда меняет на другие виды собственности*.

Потеря или отсутствие голоса (в разных смыслах слова *голос*) обозначается в художественных и публицистических текстах словом *немота* — физиологическая, психическая, общественная или творческая: *Оттепель давала немотствующему народу робкую надежду (М. Ветров)*; *Не в познании мира человек невежествен, он потерпел поражение в понимании и выражении своего внутреннего мира, в частности, своего предназначения и своих потребностей. Рабство — это бездна, пустота и немота (А. Штайнзальц)*; *Наступила эпоха гласности — после долгих лет молчания появились голоса исключительно звучные, богатые тонами и изгибами (из интервью с Вл. Максимовым)*.

Замечание. Слово *немота*, как и *голос*, тоже имеет, как я полагаю, несколько значений:

1. «полное отсутствие способности говорить или временная потеря дара речи», то есть «полное или временное отсутствие голоса». Именно в этом значении выступает слово в сочетаниях *немота от рождения, состояние немоты от болезни*;

2. «нелюбовь или нежелание говорить». Эта *немота* — не то же самое, что *отсутствие голоса*, ср. *Она устала от его немоты и ненуж-*

ности; На него иногда находило состояние какой-то немоты. Для слова *немота* в этом значении имеются свои синонимы — лексемы *молчаливость, неразговорчивость*;

3. «полное отсутствие звуков». Здесь синонимы у *немоты* опять иные — это *тишина, безмолвие*; ср. *неподвижная немота леса; Только — немота глухого неба, Только — черный камень и вода. Словно здесь никто от века не был И уже не будет никогда* (Л. Решетников — цит. по МАС 1981—1984, 2-е изд., т. 2, с. 455). Отметим, что данное значение слова *немота* — «отсутствие каких-либо звуков» — лишь частично соотносено с *голосом*.

Семиотическая значимость концепта голоса и широта его языкового распространения проявляются прежде всего в знаковых бинарных оппозициях, таких как «свой»—«чужой»: *родные голоса, знакомые голоса и чужие голоса, незнакомые голоса, вражеские голоса, зарубежные голоса, «сакральный»—«профанный»: неземные голоса, небесные голоса, Голос свыше, ангельские голоса и земные, приземленные голоса и др.* Мы говорим о *голосах друзей, любимых или родных и голосах недругов, о голосе природы и голосе совести, о голосе народа и голосе Родины*, различаем музыкальные (прежде всего — певческие) и речевые голоса, голоса мужские и женские, взрослые, детские и младенческие, голоса индивидуальные и социальные (см. подробнее об этом ниже).

По человеческому голосу мы не только узнаем и распознаем человека в толпе или на большом расстоянии, когда не можем человека увидеть или разглядеть. Благодаря человеческому голосу в нашем сознании возникает образ конкретного человека или человека определенного типа. По голосу мы узнаем или, точнее, «угадываем» человека, «вычисляя» какие-то черты его внешнего облика (хотя, разумеется, опознавая человека по голосу, можно и ошибиться). По звучанию голоса мы можем также описать физическое и психическое состояние человека и часто даем незнакомому или малознакомому человеку характеристику или оценку. *Глухой или тусклый тембр голоса* в нашем стереотипном представлении скорее отвечает характеру мрачному, угрюмому, а *резкий, скрипучий голос* ассоциируется с недоброжелательным, сварливым или попросту с неприятным человеком. *Голос слабый, робкий, сдавленный* говорит о личности больной или нерешительной, робкой, неуверенной в себе (ср., например, *Из глубины мансарды слышался кашель; больная женщина с добрым грустным, изможденным лицом, тяжело поднявшись на постели, спрашивала слабым голосом: «Кто тут?»* (М. Алданов). Напротив, *сильный, сочный и*

красивый — это голос человека с твердым характером, физически здорового, красивого или внешне интересного, голос человека благородного. Случаи рассогласования возникающего мысленного образа человека со стереотипным голосом обычно всегда эксплицитно отмечаются в тексте; ср. *Редактор был человек щедедушного сложения, с тряпичными какими-то движениями, но зычным раскатистым голосом, никак не вязавшимся с его обликом* (Я. Кумок).

О прекрасном голосе говорят (по большей части, правда, не в «речевом», а в «музыкальном» значении, о котором еще пойдет речь ниже) как о Даре свыше; ср. *Ей (ему) дарован (или: дан) голос*. Прекрасный голос называют *божественным, ангельским, неземным или чудесным*. Люди владеют голосом как инструментом, но не утилитарным, не так, как, скажем, пилой или малярной кистью, а как инструментом, предназначенным *сугубо для творчества*, — музыкального (пение), поэтического (стиль) или речевого (говорение). Им не **работают*, но *владеют, пользуются*. Ср. в следующем тексте характеристику голоса как инструмента, который могут использовать для достижения определенных творческих целей профессиональные юристы: *Как юрист, специализирующийся по уголовным делам, Робинсон почти не знал поражений. Огромным его преимуществом был голос: мягкий и вкрадчивый, через мгновение он мог звучать повелительно и непререкаемо, презрительно, почти издевательски — судя по обстоятельствам* (Г. Мазур).

Голосом можно *играть*, его *изменяют, повышают* или *понижают*, меняя звучание. От волнения голос *дрожит*, а от напряжения или крика *срывается*, при этом *голос* можно *потерять*. Если болит горло, он часто *пропадает* или, как говорят, *садится*; иногда в таких случаях употребляют выражение *лишиться голоса* (человек *лишился голоса*).

Голосовая игра, падения и повышения тона, внезапно наступающие паузы, изменение силы и тембра голоса постоянно сопровождают речь. Изменение голоса, не вызванное болезнью или возрастом, обычно маркирует изменение состояния или статуса, причем это характерно как для обычных способов коммуникации, так и для разных форм народной культуры. Например, в магической практике используются только маркированные голоса и голосовые модификации, намеренная голосовая мимикрия, причем способы произнесения текста зависят от типа ситуации и ролевых характеристик ее участников. При встрече с колдуном ритуальную формулу оберега человек произносил шепотом, напротив, во время обхода полей люди громко пели и кричали. В русской народной культуре

ряженные говорят с домочадцами подчеркнуто низкими или нарочито высокими голосами, дополняют свою речь другими параязыковыми элементами, например свистом или хохотом, и подражают голосам животных. Способность мифологического персонажа изменять голос считается одним из проявлений оборотничества как свойства нечистой силы. Известно, что леший может хохотать и петь петухом, водяной блеет, как баран, или крикает, как утка, а упыри, не имея телесного облика, обозначают свое присутствие не иначе как голосом, то есть голос тут является единственным проявлением нечистой силы (см. словарь *Славянские древности* 1995, с. 512).

В повседневной коммуникации с помощью актуально звучащего голоса происходит не просто передача смысла, но его изображение. Благодаря свойствам голоса речь приобретает и этические и эстетические характеристики; см., например, положительно окрашенные эпитеты, передающие эстетическое впечатление от голоса или каких-то его свойств — тембра, окраски, силы и других: *хороший, красивый, удивительный, прекрасный, замечательный, приятный, бархатный, сильный, выразительный, сочный, мягкий* и т.п. *голос*.

Само слово *голос* используется и для обозначения человека с его психическими и интеллектуальными качествами (то есть выступает в значениях *голос 4* и *голос 5*) и для квалификации или оценки творческой деятельности, стиля, направления и даже отдельных произведений искусства, то есть имеет значение *голос 8*, часто, впрочем, трудно отделимое от значения *голос 5*. Вспомним в этой связи метонимию «стиль художника — автора произведения» — «стиль произведения»: *Мой дар убог, и голос мой не громок, // Но я живу ... — голос 5 (Е. Баратынский)* и *Здесь каждый собор звучит своим голосом — голос 8 (И. Бродский)*. См. также *Спектакль как обыденная внешность, но незаурядный сасеи — голос. Одинокий голос человека — капризный, набухший скандалами, заносчивый, сдавленный — своей интонационной пластикой, достойной «театра у микрофона», изживал одиночество героини (из рецензии на театральный спектакль)*. Последний пример демонстрирует «размытое употребление» слова — не ясно, какая здесь лексема: *голос 1, голос 5* или *голос 8*.

Слово *голос* может выражать и «внутренние побуждения человека к каким-то действиям», как в сочетаниях *голос сердца, голос совести, голос рассудка, голос разума* и *внутренний голос*. В них слово *голос* выступает еще в одном своем значении — лексема *голос 9*.

Тем же словом обозначаются не только речевые звуки и не только способность произносить их человеком или животным. *Голос* может означать и «звуки, сопровождающие явление природы или работу каких-то механизмов» — лексема *голос 10*: *голос ветра, голос моря, голос природы, голоса моторов, заводские голоса* и др.

Наконец, со словом *голос* связан целый ряд смыслов, относящихся к одной конкретной сфере человеческой деятельности, а именно к творческой — музыкально-певческой. Так, лексема *голос 11* имеет значение «звуки пения», ср. *Ее раздражали лживые голоса уличных певцов*; лексема *голос 12* = «способность к пению» (см. *многоголосие, диапазон голоса*, а также *У него есть голос; У нее неплохой голос*). Лексема *голос 13* — это «одна из частей музыкального произведения или партия в вокальном ансамбле», ср. *романс для двух голосов*, а *голос 14* передает значение, которое сегодня, видимо, уже вышло из употребления и является устаревшим, — это «мотив, мелодия» (ср. пушкинское *Голос песен грузинских приятен. Мне перевели одну из них слово в слово*).

Заканчивая описание семантики слова *голос*, укажем, что для некоторых его речевых и природного, но не для ментальных или музыкальных значений, в русском языке по сей день сохранился устаревший или — в каких-то иных случаях — стилистически маркированный (возвышенный) синоним *глас* (пометы «устар.» и «книжн. высок.» для слова *глас* достаточно сложно распределяются по значениям и контекстам), ср. сочетания *грозный глас, глас народа, глас колокола, звучный глас моря*.

Кроме того, следует упомянуть и другие встречающиеся в текстах, но сегодня устаревшие слова и словосочетания, производные от слова *голос*, например прилагательное *голосный* с вариантом *голосной*, зафиксированное в Словаре русского языка XVIII века (*голосный*, см. Словарь XVIII 1984, вып. 1) и Словаре В. И. Даля (в обоих вариантах *голосной* и *голосный*, см. Даль 1978—1980) и означающее «состоящий из звуков голоса» (*голосной 1*) и «производимый музыкальным голосом» (*голосной 2*), сочетание *голоса разносчиков*. Ср. строчки из стихотворения Ф. Глинки «Музыка миров», где выступает лексема *голосной 1*: *Неслись из клокота волненья, И треск, и говор, и молва. И вылетавшие слова Сливались в голосное море* (Ф. Глинка), и ремарку на старых нотах «голосное терцо для тенора», в которой употреблена лексема *голосной 2*. Про оборот *голоса разносчиков* можно прочесть у Н. Телешова в «Записках писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом»: *Бывало, посредине улицы ходили*

разносчики и громкими голосами выкрикивали о своих товарах, немножко нараспев. У всякого товара был свой определенный мотив, или голос. Кто и когда узаконил эти мотивы — неведомо, но они соблюдались в точности в течение долгих лет, так что по одному выкрику, даже не вслушиваясь в слова, можно было безошибочно знать, с каким товаром идет разносчик или едет в телеге крестьянин, продавая либо молоко, либо клюкву, лук, картошку, либо уголь, или бредет, не торопясь, с мешком за плечами старьевщик, скупающий всякий хлам, обноски, скарб — то, что в старину называлось «борошень», идет и покрикивает, но непременно скрипучим голосом: «Старья сапог, старого платья — нет ли продавать?» <...> И у всякого товара свой определенный мотив, свой напев. Эти возгласы были записаны и напечатаны в виде нот в большом этнографическом сборнике.

Вообще, следует отметить наличие большого числа фразеологических оборотов со словом *голос* в разных его значениях: *в один голос* — «высказываясь единодушно, в полном согласии мнений» или «говоря разными голосами, слившимися будто в один», *с голоса* — «воспринимать на слух, пользуясь исключительно слуховым каналом восприятия», *петь с чужого голоса* — «не иметь своего мнения по данному вопросу и повторять чужое; говорящий относится к этому отрицательно», *во весь голос* — «громко, чтобы все слышали» и другие.

В заключение сформулируем еще раз значения слова *голос*.

Речевые голоса

1. *Голос 1* = «звуки, возникшие в результате колебания связок и исходящие из рта человека или некоторого животного (или из полости, подобной ротовой, — как у некоторых птиц)».

Примеры: (а) *Голос девочки доносился откуда-то издалека;* (б) *Я его узнал по взволнованному голосу.*

2. *Голос 2* = «орган производства таких звуков».

Примеры: (а) *Я сразу же почувствовал, что у Тани больной голос;* (б) *Не надо напрягать так голос!*

3. *Голос 3* = «способность человека или некоторого животного извлекать такие звуки».

Примеры: (а) — *Так точно, товарищ генерал! — начал вновь обретать голос Михаил Иванович;* (б) *Голос уже восстановился, но горло еще болит.*

Обозначения человека

4. *Голос 4* = «человек, обладающий голосом 2 или голосом 3».

Примеры: (а) *«Отдаю должное вашей проницательности», — продолжал все тот же голос;* (б) *Детский голос вдруг спросил: «Это всё мне?».*

5. Голос 5 = «творческая личность в ее становлении и развитии».

Примеры: (а) *У Марфиной был свой голос;* (б) *«Астрономы точно предсказывают возвращение кометы через большой промежуток времени. Для тех, кто знает Виллона, явление Верлена представляется именно таким астрономическим чудом». Вибрация этих двух голосов поразительно сходная (О. Мандельштам).*

Ментальные значения

6. Голос 6 = «мнение или суждение человека, высказываемое по тому или иному существенному вопросу».

Примеры: (а) *«Доктор советует ехать на воды за границу. Что ты скажешь?» — Что же мне сказать? Тут, я думаю, голос доктора важнее моего (И. А. Гончаров);*

(б) *Решающим на выборах будет голос народа.*

7. Голос 7 = «право человека заявлять свое мнение при решении вопросов в государственных и общественных учреждениях».

Пример: *Каждый избиратель имеет один голос.*

Культурное значение

8. Голос 8 = «квалификация или оценка творческой деятельности, стиля, направления и отдельных произведений искусства».

Примеры: (а) *Через голос художника протекает путь к Голосу (Б. Зайцев);*

(б) *«Неповторимые интонации: прихотливая, с угрозой жеманства у Ю. Борисовой, своевольная и ломкая у О. Яковлевой, надтреснутая и музыкальная у А. Фрейндлих». Обретают голоса и стили целые театральные направления (из рецензии).*

Интенциональное значение

9. Голос 9 = «внутренние побуждения человека к каким-то действиям».

Примеры: (а) *Тайный голос подсказывал ему: «Не ходи туда»;* (б) *Голос совести — это антитеза общепринятому, это «чувство правды в сердце человека».*

Природное значение

10. Голос 10 = «звук, сопровождающие явление природы или работу каких-то механизмов».

Примеры: (а) *Я долго стоял на берегу и слушал голос морского прибоя;*

(б) *Голоса самолетов слились в один общий гром, сотрясавший землю.*

Музыкальные значения

11. *Голос 11* = «звуки пения».

Примеры: (а) *Голос у нее был чистый и звонкий;* (б) *У него приятный баритон.*

12. *Голос 12* = «способность к пению».

Примеры: (а) *Маша имела прекрасный голос и большие музыкальные способности (А. Пушкин);* (б) *Концерт пришлось перенести: у певца сел голос.*

13. *Голос 13* = «одна из частей музыкального произведения или партия в вокальном ансамбле».

Пример: *Они исполнили фугу на четыре голоса.*

14. *Голос 14* (устар.) = «мотив, мелодия».

Пример: *Голос песни этой мне был знаком.*

1.2. Признаки и свойства голосов

Производство речи не может осуществляться иначе, как с помощью голоса: голос является не только выражением способности к речи, но также ее органом и формой ее реализации. Как и ритмомелодический рисунок речи, голос в значительной мере обусловлен физическим и эмоциональным состоянием говорящего, отношением говорящего к собеседнику и к содержанию сказанного.

Голосовые признаки, и среди них прежде всего физические — такие как высота (параметр, зависящий от числа колебаний голосовых связок в секунду: чем больше число колебаний, тем выше голос), сила или громкость (параметр, связанный с амплитудой колебаний голосовых связок, которая, в свою очередь, зависит от индивидуальных особенностей голосовых связок, от величины подсвязочного давления — чем давление больше, тем звук сильнее — и от строения речевого аппарата), тембр и фонации, обуславливающие общую и (преимущественно) эмоционально-чувственную окраску и обрамление звуков голоса (тембр и фонации — это характеристики, зависящие главным образом от степени разработанности голосовых резонаторов и строения артикуляционного аппарата), — все перечисленные признаки голоса уточняют, а порой и однозначно задают тот или иной конкретный тип речевого акта в коммуни-

кации. Достаточно назвать такие речевые акты, как причитание, нытье, клятва, уверение, наставление, поучение, вопрошание, подбадривание, утешение, извинение, оправдание, упрек, оскорбление, ругань, или различного вида апелляции — каждый из них связан с определенным видом голоса.

Голосовые особенности влияют на восприятие адресатом получаемой информации и на квалификацию передаваемого сообщения, придавая сообщению определенную аксиологическую или экспрессивно-стилистическую окраску. В ходе диалога голос служит чрезвычайно мощным инструментом воздействия, убеждения, подавления. Им можно выразить самые разные чувства и отношения — нежность и ласку, сострадание и покорность, презрение и ненависть, в голосе можно услышать иронию и насмешку, радость и жалость, восторг и злорадство, восхищение и боль; см., например, — *Свалился все-таки, — сказал Кирилл со смесью досады, жалости и неловкости* (В. Крапивин); или слова Дездемоны: *I understand the fury in your words but not the words* — «До меня доходит Какой-то ураган в твоих словах, Но не слова» (В. Шекспир. «Отелло», акт 4, пер. Б. Пастернака).

Обладая психологической реальностью, голосовые характеристики сами являются коррелятами человеческих характеров, чувств, индивидуальных и социальных межличностных отношений, разнообразных поведенческих реакций, причем соответствия эти настолько устойчивы, что образуют в сознании людей стереотипные представления о формах проявления эмоций, о распределении интерперсональных ролей и о структурах поведения, отражаемые в речевой просодике. Подобные стереотипы подлежат фиксации в толковых словарях или моделях коммуникации, а возможные отклонения от стереотипов, вызываемые лингвистическими или экстралингвистическими факторами, доставляют интересный материал для семантического, грамматического и прагматического анализа.

В текстах слово *голос* чаще всего можно встретить в сочетаниях с прилагательными, обозначающими различные признаки и свойства голоса. Среди них выделяются несколько важных в коммуникативном отношении семантических групп.

1. В первую группу попадают слова, фиксирующие физические (по большей части врожденные) свойства звучащего голоса: (а) высоту (ср. *высокий, низкий, грудной, писклявый голос* и пр.), (б) громкость и силу (*громкий, зычный, сильный, слабый, тихий, негромкий, громовой, ревущий, оглушительный голос* и др.), (в) тембр и четкость звучания (*бархатный, гнусавый, гундосящий, резкий, звучный, звонкий, глухой, приглушен-*

ный, металлический, медный, хриплый, четкий, отчетливый голос и т.п.); другие физические характеристики, например, (г) скорость производства звуков речи или (д) различные голосовые вибрации и модуляции голоса; ср. *мягкий, грубый, мелодичный 1, гортанный, дребезжащий, дрожащий, протяжный, тягучий, щебечущий, прерывистый голос* и т.п.; время, когда звучит голос, — *утренний, вечерний голос*, ср. *утренние пионерские голоса. На площади перед вокзалом стояли гуськом все те же дряхлые извозчики. Покрикивал тот же газетчик глухим вечерним голосом* (В. Набоков. «Возвращение Чорба») и др.

2. Еще одна группа прилагательных — это слова со значением оценки (обычно эстетической) качеств голоса человека или животного: *красивый, некрасивый, приятный, тусклый, сочный, мелодичный 2 голос* и т.п.

3. Отдельную группу образуют атрибутивные сочетания, в которых атрибуты обозначают пол или возраст человека — обладателя голоса (значение «принадлежащий»), либо определенный тип голоса (сопоставительное значение «как у...»); ср. *детский, взрослый, молодой, старческий, юношеский, мальчишеский, девичий, женский, бабий, мужской голос*.

4. Очень крупным по числу входящих в него слов является класс прилагательных, выражающих физические и психические состояния говорящего; к ним примыкают и обозначения речевого сопровождения неречевыми голосовыми звуками. Вот примеры слов, относящихся к данной группе: *усталый, измученный, изможденный, больной, спокойный, охрипший, хриплый, умирающий, мертвый, надтреснутый, погасший, сонный, грустный, радостный, жизнерадостный, восторженный, веселый, бодрый, скучный, томный, квелый, бесцветный, энергичный, возбужденный, взволнованный, робкий, страстный, несчастный, заунывный, завывающий* (или, как называла этот голос М. Цветаева по ассоциации с голосом волка, *голос-волос*), *плачущий, рыдающий, ноющий, захлебывающийся, упавший, уверенный, неуверенный, томный, булькающий, огорченный, удивленный, жаркий* и др., ср. также *Я больше всего люблю человеческий голос. Он бывает жарким, морозным, морозящим. В нем есть свои глубины, темноты, мерцания. По долгу службы я часто записываю голоса на пленку. По голосу, как по пульсу, я сужу о людях, об их душевном здоровье. Иногда мне хочется подставить голосу плечо, иногда я хочу выключить аппаратуру, чтобы уберечься от опасного акустического облучения. Но всегда, да, всегда голос волнует, тревожит, восхищает* (И. Померанцев).

5. Наконец, сочетания прилагательных со словом *голос* могут обозначать не только актуальное состояние говорящего.

но и выражать различные отношения между говорящим и слушающим: пространственное положение человека по отношению к адресату или наблюдателю (*далекый, отдаленный. голоса*), степень родства или знакомства (*отцовский, знакомый, незнакомый, чужой голоса*), эмоциональное отношение к адресату (*родной, любимый, приветливый, раздраженный*), социальные или интерактивные особенности общения, например доминанцию говорящего над слушающим или субординативное положение говорящего, вежливость и ряд других.

Особо отмечу то, что некоторые слова из последних двух классов могут одновременно указывать и на чувства, испытываемые обладателем голоса, и на принадлежность произносимой реплики к речевому акту (к определенному типу речевых актов, к речевому жанру); ср. *требовательный, просительный, гневный, умоляющий, дружеский, предупредительный, недружелюбный, надрывный, провокационный, сочувственный, равнодушный, властный, сдержанный, ласковый, издевательский, ироничный, насмешливый, враждебный, почтительный, покровительственный, примирительный*.

Для слов, которые, обозначая физические или психические характеристики голоса, синкретично также выражают отношение говорящего к собеседнику (то есть слов типа *дрожащий, ворчливый, сюсюкающий* или *нежный*), физические и психологические компоненты смысла являются главными: прагматизация голоса происходит именно на их основе. Однако за психологическими определениями часто стоят строго фиксированные, а потому словарно закреплённые физические параметры голоса: *сочувственный голос* — это голос, теплый по тембру, ровный и негромкий, *ненавидящий* — резкий и громкий (или: тихий, но шипящий), *дружеский* — по высоте ниже, чем обычный, и т.п.

Помимо рассмотренных групп прилагательных существуют стереотипные или эталонные голоса представителей ряда профессий, родов деятельности, социальных рангов и постов, тоже обычно выражаемые прилагательными, ср. *командирский, дикторский, начальственный, учительский, менторский, тренерский* голос и другие социальные голоса. Подобные характеристики показывают как индивидуальное, так и типичное в речевой манере коммуникантов.

Как известно, согласование или рассогласование семантических элементов отражается на возможности гесп. невозможности сочетаемости слов в предложении, в частности глаголов речи с наречиями (ср. допустимое *воркующе звать* и неправильные **воркующе гаркнуть, *воркующе орать*; можно *сладко го-*

ворить, щебетать, но не *кричать; заискивающе просить, но не *требовать) или существительных с прилагательными: можно по-русски сказать *дружеский призыв* или *возглас*, но плохо **дружеский окрик*; *извиняющимся голосом* говорят негромко, а *приказным* — громко. Во всех этих случаях именно голосовые признаки обеспечивают нормальное синтаксическое соединение слов во фразе или препятствует таковому.

Указания на те или иные свойства голоса содержатся в семантике не только прилагательных, но и других единиц языка, в частности некоторых глаголов речи и наречий. Это глаголы, описывающие разную степень громкости и силы звучания: *визжать, вопить, восклицать, гаркнуть, голосить, горланить, грохотать, зыкать, кричать, надирать (глотку, горло), орать, реветь, рокотать, рычать, рвать, с одной стороны, и <едва> шевелить <губами>, шептать, шушукаться* и пр. Кроме того, это глаголы, указывающие на ту или иную скорость речи: *барабанить, бросать, кидать, ронять (слова), стрекотать, частить, выдавливать (из себя), тянуть*; на определенные высоту или тембр голоса: *басить, брюзжать, верещать, ворковать, ворчать, выть, гудеть, кудахтать, квохтать, мурлыкать, нудить, пищать, сипеть, скрипеть, скулить, рычать, хрипеть* и др., на степень четкости произношения и отчетливости восприятия речи: *бубнить, бормотать, бурчать, гугнявить, лопотать, мямлить, скрежесать, скандировать, чеканить, цедить (сквозь губы, зубы)* и десятки других.

К приведенным глаголам можно добавить не менее разнообразные по речевой семантике наречия: *шепотом, звонко, зычно, вятно, глухо, тихо, живо, вяло, сухо, сипло, хрипло, шепеляво, размеренно, протяжно, бодро, жестко, отрывисто, с расстановкой, быстро, скороговоркой, медленно, несвязно, вполголоса, фальцетом* и др., а также синтаксические единицы, более крупные, чем слово, разной структуры и разного лексического наполнения; ср. *неспешно расставляя слова; подбирая слова; сказал чуть мягче; говорил чуть слышно; говорил, придавая голосу задушевенность; произнес не без ядовитости; размеренная речь уверенного в себе человека* и пр.

Скрытые во всех этих словах и словосочетаниях голосовые признаки, сложным образом взаимодействуя с модальностью высказывания, делают отчетливыми многие его референтные характеристики. А в конкретном акте речевой коммуникации паралингвистические параметры голоса согласуются с определенными кинетическими средствами, включающими в себя семиотически значимые мимику, жесты рук, головы и ног,

позы и телодвижения; см. примеры, взятые нами из разных художественных произведений: *затрещала, размахивая руками; кричал, сжав кулаки; заголосила, закрыв лицо руками; кричал, обхватив голову; плакал в голос, лежа на диване и уткнувшись в подушку; медленно растягивал слова, отбивая рукой ритм* и многие другие. Невербальные признаки поведения участников диалога на письме получают разнообразное словесное оформление, подробное изучение которого — наряду с исследованием возможностей его согласования с языковыми обозначениями квалификации и оценки речи — позволит в будущем более полно и точно описать инструментарий голосовой деятельности, способы его применения и закономерности функционирования.

1.3. Семантические, коммуникативные и прагматические функции голоса в тексте

А. Неконтактные диалоги

Из всех видов текстов семантическая и коммуникативная значимость голоса особенно велики в так называемых неконтактных (или: разобщенных) диалогах, участники которых не находятся в едином зрительном пространстве. Я имею в виду разговор по телефону или, например, беседу людей, находящихся в разных комнатах одного помещения и не видящих один другого. В подобных ситуациях голос выражает бытие как присутствие и служит единственным средством идентификации собеседника. По голосу мы часто определяем, с кем разговариваем, различаем, тот ли это человек или не тот, устанавливаем, здесь находится человек или его нет (ср. *Твой голос я отличу среди тысячи голосов; Голос за дверью удивительно напоминал мне одного человека, которого я столько лет не видел*). Голос является знакомым или незнакомым, таинственным, он появляется и исчезает. Как указывает в своей книге «Демон и лабиринт» М. Б. Ямпольский, «тот факт, что голос мгновенно и без следа исчезает, делает его идеальным означающим для идеи настоящего — момента между прошлым и будущим. Более того, именно через говорение человек по преимуществу и переживает настоящий момент как момент присутствия, как момент бытия» (Ямпольский 1996, с. 193). В подобных случаях слово *голос* выступает всегда в одном из своих метонимических значений, чаще всего — *голос Ж*; см. типичный для этой лексемы контекст употребления: *Я так давно не слышал твой голос (тебя) = Я так давно не разговаривал с тобой*.

Мужчины (но не женщины!) могут иногда говорить высоким, «бабьим» голосом, но предложения *Женский голос произнес: «Слушаю»* или *В трубке раздался незнакомый женский голос* однозначно указывают на пол говорящего. Если же в ситуации неконтактного диалога идентификация говорящего уже произошла, то, например, бабий голос знакомого мужчины сам по себе едва ли помешает нормальному общению.

В разобщенных диалогах, когда собеседники не видят друг друга, голос служит также единственным способом распознавания актуального эмоционального состояния человека и его настроения. Так, в предложении *Позвонил Петр и не своим голосом закричал, чтобы я срочно приехала* сочетание *не своим голосом* отражает сильную взволнованность звонившего.

Совершенно особая ситуация возникает при ритуальном общении с Богом. Единица *Голос* (написанная с прописной буквы), которая часто используется для описания такой ситуации, имеет иное, чем ранее указанные значения того же слова, а именно обозначает «голос Божий» или, метонимически, «голос свыше». *Голос*, которым говорит Господь, имеет особую коммуникативную установку. Это голос громкий, он должен быть услышан всеми людьми.

Обращение людей к Богу в разного типа речевых актах осуществляется разными голосами. В мольбах, воплях, стенаниях, рыданиях голос человека более громкий, чем в обычной спокойной речи, но в частной молитве человек общается с Богом тихим голосом.

Частная молитва — это тихая, часто даже внутренняя речь при внутреннем безмолвии. «Внутреннее безмолвие, по словам митр. Антония, — это отсутствие всякого внутреннего движения мыслей или эмоций, но <...> это состояние открытости к Богу (“Молитва и жизнь”, VIII). Разговор с Богом в молитве, как говорил прот. А. Мень, — это сдержанное внимание голосу Божию и произнесение текста молитвы вполголоса» (из записанной проповеди). Ср. *Тихим голосом взываешь к Нему, ждешь Его отклика* (П. Флоренский); *Маленький «болотный полик» виднеется на весенней проталинке и творит вечернюю молитву. «Вечерняя прелесть увила вокруг него свои тонкие руки». Он тихо молится, улыбается, клонится* (М. Волошин); *И голос молящего тих: «Ранят тело твоё пресвятое, Мечут жребий о ризах твоих»* (А. Ахматова).

Как известно, изначально христианская молитва была стоном и криком человека о помощи: через нее человек *взывал к Богу*. Но и тогда нередко раздавались «беззвучные тихие стоны, безмолвный крик человека» (А. Мень). Библия учит, что

когда пришел Моисей, в мир пришел Голос. Люди осознали, что рабское существование, боль, унижения и мучения, корыстолюбие и взаимная нетерпимость являются подлинным злом. *И стонали сыны Израилевы от работы и вопияли, и вопль их от работы восшел к Богу. И услышал Бог стенание их, и вспомнил Бог завет Свой с Авраамом, Исааком и Иаковом (Исход, 2:23, 24).* Не случайно «внимающий к боли и воспринимающий боль» — это один из атрибутов Бога.

Мольбы людей, находящихся в рабстве, «людей из рабства», как о них сказано в Библии, угнетенных, столкнувшихся с жестокой и безжалостной реальностью, были обращением к Всевышнему. И людские молитвы сегодня тоже являют собой особого рода просьбы к Нему: человек просит у Него помощи, различных благ и веряет себя Ему. Однако молитвы как речевые акты имеют двойственный характер — это еще и тексты покаяний грешного человека. Вопль и крик о помощи являются актами спонтанными, они составляют ядро и суть всякой молитвы. Но молитва — это также эмоциональное и интеллектуальное переживание человека, и как таковое она являет собой речевое действие сугубо личное, интимное.

Внутренняя антиномия речевого акта молитвы, совмещающего в себе два противоположных начала — эмоциональное переживание, материализованное в столах и криках о боли и унижениях, о горе и страданиях, и одновременно с этим чувственное и рациональное познание Бога, готовность служить Ему всем сердцем, — находит отражение в русском языке. Мы говорим не только *взывать к Всевышнему; Человеческое сердце вопиет к Богу*, но и *Она произносит негромкие слова молитвы; Он тихо молится*. Ср. также: <...> *Чем прогневили тебя эти серые хаты, — Господи! — и для чего стольким простреливать грудь? Поезд прошел и завыл, и завывали солдаты, И запыхал, запыхал отступающий путь. <...> — Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше, Чем этот жалобный, каторжный вой о чернотных красавицах. — Ох, и поют же Нынче солдаты! О господи боже ты мой — неужели поэт (М. Цветаева. — Г. К.), прорывавший эти слова, не прописал себя на веки веков в великой русской литературе, а значит, и в любой точке российской земли? Ведь это то же, что хоть и шепотом, но с той же силою проговорила тогда же — Ахматова: «Закрыв лицо, я умоляла бога До первой битвы умертвить меня. (Вот ведь несхожие, чуждые друг другу поэты, а потрясая с Россией беда, и два голоса одарили нас одной и той же молитвой. Вопль: «Нет, умереть!» Шепот: «До первой битвы умертвить меня» (Л. Чуковская).*

Б. Контактные диалоги

Теперь перейдем к контактным диалогам. Как в диалоге человека с Всевышним, так и в контактных беседах обыденной, повседневной жизни *тихий голос* — это прежде всего выражение интимности, это *задушевная* беседа, разговор двух любящих сердец (вспомним пушкинское *Мой голос для тебя и ласковый, и томный...*). Тихий голос близок к шепоту, к шепотной речи; ср. *Они шептались в углу* — вовсе не обязательно «говорили шепотом», но наверняка «говорили тихим голосом». Этот голос сродни голосу *задушевному, мягкому, теплому* или *лирическому*, которые тоже предполагают интимное обращение к адресату; ср. *Стихи создаются для двоих, если это стихи, а не рифмованные лозунги (А. Найман). Лирический голос* поэта, голос на расстоянии, подобен голосу молящегося. Не случайно Зинаида Гippiус писала: «Все стихи всех действительных поэтов — молитва». *Тихий голос* — это голос веры, тайны и сговора, *тихими «мистерическими» голосами* поют ангелы, тихо секретничают между собой люди, это скрытые голоса обертонов. *Тихим* бывает и голос Божественного откровения. *Тихий голос* в контактном диалоге — это голос почтения и обожания, дружеского совета и увещевания. Им произносятся слова смирения и уважения, прощения и покаяния, в *тихий голос* вслушиваются, им утешают.

Однако и *громкий голос* свойствен определенному виду русских бытовых текстов и речевых актов, взять хотя бы воинские команды, плачи, причитания, воззвания или призывы. *Громкий голос*, если оставить в стороне его чисто физиологические особенности, является голосом резко обозначенной иерархии, голосом властным и приказным, то есть присущим начальству и власти. Это голос недовольства и раздражения, окрика и призыва, и хотя «в мире нет ничего такого, из-за чего стоило бы громко разговаривать» (Ф. Искандер), мы постоянно сталкиваемся как в реальной жизни, так и в текстах с *громовыми, зычными, кричащими, визгливыми, бешеными, властными, требовательными, командными голосами, голосами на повышенных тонах*. Такие голоса *гремят, громяхают и орут*.

Замечание. Все сказанное относительно громких голосов верно только в отношении определенных культур, а внутри каждой культуры еще и определенных ситуаций общения. Чтобы подчеркнуть в разговоре какой-то важный момент, мы повышаем голос, и он становится ропчем, но точно так же мы иногда поступаем, когда сердимся. Между тем китанцы например, повышают голос только когда сердятся и

при этом теряют самоконтроль. *

В разговоре мы просим *Говорите, пожалуйста, погромче*, если по какой-либо причине не можем разобрать слова говорящего, например слишком велика коммуникативная дистанция, но реплика *Говорите, пожалуйста, потише* связана не только и не столько с помехами восприятия. *Громкий голос* обычно возникает в речи, если есть какая-то преграда в общении, скажем плохая слышимость, незнакомый речевой код или психологическая невосприимчивость информации. В этих случаях, пытаясь преодолеть акустический или перцептивный барьер, человек начинает говорить громче (а иногда одновременно с тем четче и размереннее). При этом если говорящий считает, что слушающий не понимает его «простых» слов или смысла того, что ему говорят, так сказать, «с первого раза», то он обычно раздражается и повышает голос, как если бы собеседник его плохо слышал из-за физических помех. Отсюда понятно, почему именно *тихий голос* является голосом интимного общения: ведь между вступающими в такое общение людьми нет ни ментальной, ни психической перцептивной преграды, а потому нет никакой необходимости увеличивать громкость голоса. Также понятно, и почему несколько странно звучат по-русски фразы типа *Внутренний голос прокричал, заорал...* и т.п. — ведь между *внутренним голосом* и его носителем барьера не существует.

Внутренний голос говорит едва слышно, он может только *нашептывать* и *подсказывать*, то есть выступает в сочетаниях с глаголами, семантическая структура которых содержит компонент «тихо» (на этот факт мое внимание обратила С. А. Григорьева). Ясно также, почему именно *громкий голос* характерен для воплей, плачей и причитаний, обращенных к Господу: эмоции «вырываются» наружу и вместе с параязыковыми и речевыми звуками должны распространиться очень далеко — дойти до Неба, до ушей Всевышнего. «*Шрай цум Гот*» (идиш) «кричи к Богу» — говорят в таких случаях евреи.

Несимметричными являются в русском языке и такие выражения, как *повысить голос* и *понижить голос*, — у них абсолютно разные коммуникативные и прагматические функции. Повышение голоса передает отдаление от собеседника, стремление занять в диалоге командную позицию, что, как правило, вызывает ответную негативную реакцию. Ср. *Я не помню, чтобы бабушка повысила голос, но взглядом она умела «устыждать» людей* (Т. Лещенко-Сухомлина). А писатель Вл. Маканин, на-

пример, справедливо оценивает поведение мужчины, ранее повысившего голос на женщину-собеседницу, вовсе как недостойное: *Мужчина, который повышает голос, во-первых, не мужчина. А во-вторых, мужчина, который повышает голос, явно не на своем месте.*

Особыми причинами повышения голоса, которое нарушает этикетные нормы повседневного общения, чаще всего служат эмоциональные факторы: гнев, злость, негодование, раздражение, возмущение и прочие сильные чувства. В то же время говорение на пониженных тонах больше связано непосредственно с прагматикой общения, с социальными и интерперсональными факторами. А потому оно прежде всего свойственно людям, чей социальный статус значительно ниже, чем статус их собеседника, и это может проявляться в конкретных коммуникативных актах. Мы говорим *Скажите же об этом вслух!* (то есть *громко, во всеуслышание*), когда хотим, чтобы человек, к которому мы обращаемся, проявил смелость и мужество, преодолевая коммуникативный или социальный барьер. Говорение на пониженных тонах — это речь, осуществляемая *упавшими, тусклыми, потухшими, нерешительными, вкрадчивыми, робкими, извиняющимися, просительными, заискивающими* голосами, это произнесение слов *неполным голосом, тихим голосом, вполголоса.*

Любопытно, что многие производные от слова *голос* в своей семантической структуре содержат элемент «громкий» или «сильный»: *голосить, голосина, голосище, возглас, голосистый*; ср. также сочетания *в голос!* <*кричать, рыдать, плакать, радоваться*: — *Ага, аа — громко, в голос радовалась Аннушка (Вл. Максимов)*>, то есть «очень громко», *во весь голос* «громко, так, чтобы все слышали» или *в полный голос*, тогда как лишь наречие *вполголоса*, если не считать сложных образований типа *тихоголосый*, обозначающее природное свойство голоса, имеет значение «пониженным голосом», то есть «ниже, чем обычно» или «ниже, чем полагается в норме в данной ситуации».

Согласование силы голоса с эмоциональным состоянием говорящего отражается и в выборе союза при синтезе фразы по заданному смыслу. Допустимы предложения *Он кипятился, но говорил тихо* и *Он кипятился и говорил громко*, но плохо **Он кипятился, но говорил громко.*

Хотя *громкий голос* хорошо слышен, его этическая оценка в условиях нормального диалога, как правило, отрицательная, что вполне соответствует физическим и психическим особенностям этого голоса. Не случайно слова *громогласный, громкоголосый, громовой, громозвучный* да и само *громкий* имеют пе-

реносное значение «чрезмерно торжественный, высокопарный»; ср. *И напыщенными стихами, Набором громозвучных слов Я петь пустого не умею* (А. Пушкин). Столь же отрицательно оцениваются *громогласные утверждения, громкоголосые заверения, громкие слова и фразы, глагол громыхать*.

Нанесенное собеседнику оскорбление, сделанное обидное замечание резко меняют тональность и общий характер диалога. В процессе общения люди вообще крайне чутки к малейшим колебаниям в голосе собеседника. Они ловят неожиданные тоны и интонации, реагируют на изменившуюся силу, высоту или тембр голоса, фиксируют вибрации голоса, внезапно наступающие паузы, всевозможные нюансы в голосовой игре; ср., например, *Произнесла она свое любезное приветствие голосом без звука, фразами без интонации* (Л. Чуковская). Комментируя речь персонажей, автор текста часто отмечает те или иные свойства голосов, легко создавая — по М. Бахтину — «эффект непосредственного присутствия» читателя при диалоге: *Слушай, хватит там в прятки играть, а? — сказал он вдруг изменившимся голосом. — Не хочешь со мной разговаривать, так и скажи, я к этому готов* (В. Матлин); *Я не уловила, было это сказано с сарказмом или с горечью* (В. Токарева).

Голоса в диалоге могут внезапно меняться и даже срывать. Громкий голос срывается как по физиологическим, так и по психологическим причинам. Между тем, когда в диалоге срывается обычный голос, мотивы для срыва, как правило, всегда чисто психологические. Фразы *Он сорвал голос* и *Не кричи так, сорвешь себе голос!* вызваны происшедшими или вероятными резкими сменами физических параметров голоса в отсутствии каких бы то ни было психических коррелятов. Между тем *срывающийся голос*, равно как и некоторые другие голоса, например *дрогнувший, изменившийся, потухший*, маркирует внезапный переход в диалоге от одного тона к другому, переход, обусловленный чрезвычайно сильными переживаниями или возникшими эмоциями. Так, *срывающийся голос* свидетельствует, в частности, о том, что «эмоциональное состояние говорящего уже достигло критической точки, вследствие чего он уже не в состоянии управлять голосом»: *ему не хватает воздуха, у него перехватывает дыхание, сжимается горло, заплетается язык. Срывающийся голос, как правило, сопровождается криками, всхлипываниями, слезами и рыданиями, изменением мимики, неожиданными позами и телодвижениями*. Ср. *Бабушка кричала: — Кормилец ты наш, на кого ты нас оставляешь! — Как странно звучит ее жалкий, срывающийся голос* (В. Андреева): *Вдруг голос ее задрожал, глаза заблестели, она быстро*

приблизилась к нему и сказала: «Как ты смеешь так разговаривать с матерью!». И глядя на меня заслезившимися глазами, крикнула срывающимся голосом: «Уходи, немедленно уходи!» (С. Левина); Севка сбросил с себя руку Шворца и резко повернулся к нам. Лицо его было искажено, руки дрожали: — Ну и что? Что вы мне здесь доказали? — крикнул он срывающимся голосом так громко, что перекрыл крик толпы. — Что всем здесь заправляет Шворц, так, что ли? (В. Матлин).

1.4. Речевые и музыкальные голоса

Ни то обстоятельство, что речь возникает исключительно благодаря голосу, ни сам факт обладания речевым голосом не нуждаются в специальном языковом обозначении. Предложение *У него есть голос* означает «хороший певческий (а не речевой!) голос», текст *Голоса у тебя нет. И души вроде бы тоже нет* произносит, оценивая музыкальные способности героя рассказа С. Довлатова «Встретились, поговорили», учитель пения.

Он с его голосом... и *Он не в голосе* — это чисто оценочные предложения, а предложения **Он сказал это голосом* или **Он пел голосом* вообще неправильные. Акцентного или рематического выделения требуют именно признаки речевого и музыкального голоса, поэтому при существительном *голос* в речевых и музыкальных значениях, выступающем в предложении в семантической функции инструмента, какие-то лексические распространители обязательны.

Значения указанных смысловых признаков входят также в толкования глаголов речи, о которых мы говорили выше, — *рывать, гаркать, визжать, звенеть, скрипеть, бурчать, вырваться* и пр., наречий, часть из которых сочетается исключительно с речевыми предикатами, — *басом, визгливо, зычно, угрюмо, резко, спокойно, тихо, мягко* и др., и существительных, обозначающих разновидности голоса, — *бас, тенор, баритон, альт, сопрано* и др. Производные от этих существительных не все могут описывать речь.

Следует различать **виды голоса как источника речевых звуков** и **виды голоса как источника музыкальных звуков**.

Музыкальные голоса — это постоянные характеристики человека, а языковые обозначения музыкальных голосов допускают метонимический перенос по модели «голос — носитель голоса». Ср. *У Евсея оказался альт. учитель взял его в церков-*

ный хор (М. Горький); Из-за ученических столов выползают дисканты и альты (А. Чехов).

Музыкальные голоса, как и речевые, делятся по возрастному и половому признакам. Однако музыкальные голоса имеют в русском языке особые обозначения. Детские голоса — это *альт*, *дискант*, мужские взрослые голоса — это *бас*, *баритон* и *тенор*, среди женских различаются *альт*, *контральто*, *сопрано*, *меццо-сопрано* и *колоратурное сопрано*.

Речевые голоса характеризуются признаками, связанными с речью и параречевыми элементами, например с особой артикуляцией звуков или с особенностями актуальной коммуникации и различными социальными факторами (ср. *фальшивый голос* — только речевой, в отличие от глагола *фальшивить*, который может указывать и на пение; выражение *без голоса* может обозначать и «потерю обычного речевого голоса», и «отсутствие хорошего музыкального голоса», а слово *безголосый* обозначает только «отсутствие способности к пению»). Музыкальные голоса определяются различными свойствами, связанными с пением; например с качеством голоса (ср. такие слова и сочетания, как *сфальшивить*, *диапазон голоса*, *напрягать голос*, *объемный голос*, *чистый голос*, *владеть голосом*, *управлять голосом* и другие) или с его эстетическими оценочными характеристиками (*хороший голос*, *плохой голос*, *удивительный голос*, *безобразный голос*, *замечательный голос*).

Речевые голоса, в отличие от музыкальных, непостоянны. Они меняются, как мы уже видели, не только в зависимости от пола и возраста или от физических и физиологических причин, но также от характера и содержания сообщаемой информации, от физического и психического состояния говорящего и его отношения к предмету обсуждения, к адресату или к высказываниям адресата, сделанным в ходе диалога.

Обозначением речевого, а не только музыкального голоса является *бас* (*бас 2*) «результат мутации голоса как проявление (= внешнее свидетельство) взрослости человека», ср. *Петя уже говорит басом*; *Смотри-ка, у него уже бас!* В языковой картине мира мужчины говорят низкими голосами, а женщины — высокими. *Бас* как обозначение очень низкого речевого голоса присущ мужчинам, и лишь окказионально — для указания на подобие женского голоса мужскому — может приписываться в речевом контексте женщинам: *Она произнесла эти слова дрогнувшим голосом, а затем низким голосом, почти басом спросила: «Ты в Москве?»* (В. Попов).

Из речевых голосов, в противоположность музыкальным, стандартные языковые обозначения имеют только низкие го-

лоса; из высоких, пожалуй, только *тенор* и *фальцет* — «высокий мужской голос» — способны характеризовать речь. Речевые голоса образуют непрерывную шкалу от самого низкого голоса, речевого баса, до наиболее высокого, тенора, а среднее положение — положение нормы на шкале речевых голосов занимает баритон.

С речевыми басом и тенором в языковой картине мира связаны устойчивые ассоциации. Бас коррелирует не только с определенным физическим обликом человека, но также с известной солидностью, устойчивостью и размеренностью, что проявляется в особенностях сочетаемости. Невозможно, например, **тарахтеть* или **тараторить басом*, трудно представить себе *?захлебывающийся бас*. Тенор же ассоциируется с легкостью и мягкостью, им вполне можно говорить быстро, даже тараторить.

Имеются и другие сочетаемостные ограничения, связанные с противопоставлением музыкальных и речевых голосов. Вполне допустимо сказать *Малыш присел на левую пятку и сочным баритоном произнес: «Сверчок на печи» (Стругацкие)*, можно *пробасить* какие-то слова, но не **протенорить* или **просопранить*. Уместно замечание *Попутчик говорит скоро, тонким фальцетом, вздыхает (Слепцов)*, но имена, называющие женские музыкальные голоса, речь не характеризуют. Плохо не только **Лена уже говорит сопрано* (или: *альтом, меццо-сопрано*), но и **Она сказала это сопрано* (при несколько лучшем *?Она сказала это своим обычным сопрано*). Слово *баритон* в исходном значении — это «певческий мужской голос», однако, желая подчеркнуть особенности речи персонажа, авторы часто используют это слово для описания мелодических и тембровых свойств звучащей речи, таких как глубина голоса, сочность и, быть может, некоторая напевность; ср. *Говорил он баритоном, медленно растягивая слова*.

Мы отмечали различия в концептуализации мужских и женских голосов, детских и взрослых. В дополнение к сказанному укажем, что такой вид голоса, как *грудной*, свойствен женщинам, но не мужчинам, а, например, *бабий* голос (как и *отеческий тон*) — только мужчинам. Как недопустимо **Он сказал это голосом*, так плохо и **Он сказал это мужским голосом*, если он — «мужчина» (при абсолютно нормальном *Он сказал это бабьим голосом*). В рематической позиции в подобных предложениях должны быть представлены признаки, не соответствующие семантике субъекта, ср. *Она сказала это низким мужским голосом*.

Изменения в возрасте параллельны изменениям голоса (о стереотипах возраста и его языковой концептуализации см. Крейдлин 1996): *Я вдруг ясно почувствовал, что голос его изменился, превратился в старческий (В. Набоков)*. В этом предложении прилагательное *старческий* описывает возрастные изменения и выступает в прямом, а не в сопоставительно-сравнительном значении «как у старого человека». Интересно, что слово *старушечий* в аналогичных ситуациях еще указывает и на пол говорящего, в то время как пол человека, произносящего фразы старческим голосом, определяется только по контексту.

Взрослым голосом всегда говорит ребенок, а детским — может и взрослый. В самом раннем возрасте речь неразборчива, и тогда мы говорим, что *ребенок что-то лопочет и лепечет*, но неразборчивая речь в более зрелом возрасте обозначается как *бормочет, лепечет, говорит <себе> под нос, бубнит, цедит или говорит неразборчиво* (не только по содержанию, но и по форме). Выступая в роли субъекта, сочетания *женский голос, детский голос и мужской голос* в нормальной ситуации однозначно указывают на пол/возраст говорящего; ср. *Неожиданно послышались шаги и голоса. Кто-то шел по тропинке к пасеке. — Душно! — сказал женский голос. Как, по-вашему, будет дождь или нет? — Будет, моя прелесть, но не раньше ночи, — ответил тамно очень знакомый мужской голос (А. Чехов)*. В то же время определение *человеческий* применительно к голосам людей подчеркивает либо переход от необычных характеристик к нормальным, ср. *Вот теперь я слышу человеческий голос (В. Драгунский)*, либо отмечает интимную речь, появление «теплоты в голосе», ср. *И сказал истопник человеческим голосом (Р. Зеленая)*.

Хотя голос является неотъемлемой принадлежностью человека, встречается ситуация реального несовпадения визуального и акустического «Я», когда голос искусственно отрывается от своего носителя и начинает жить в чужом теле. Такое явление имеет место в процессе дублирования фильма, когда голос одного актера приписывается изображению другого, и голос как бы начинает жить в другом теле; ср. «в дубляже экранная звезда, видимая на экране, отнимает голос у живого актера, который старается вписать движения своего рта в чужую, «готовую» артикуляцию» (Ямпольский 1996, с. 172). Дублирование — это своеобразная пересадка голоса, «когда предпринимается попытка восстановить насильственно разорванное единство голоса и тела» (там же), это техника совмещения и повтора голосового и артикуляционного жестов — дыхания, скорости движения голосовых связок, движений губ и языка. Дублирование строится на принципе копирования артикуляции, движения губ,

причем речевая мимика в идеале должна полностью соответствовать жестам и движениям тела актера — только тогда можно рассчитывать на то, что удастся преодолеть чужеродность голоса и тела. Однако именно в силу того, что голос — это неотъемлемое свойство человека, идеальное его повторение, то есть полное копирование голосовой мимики, невозможно.

Техника дубляжа породила в среде кинематографистов чисто профессиональные выражения типа *продал свой голос, поглотил чужой голос, забил голос, купил или уступил голос за бесценок*, которые для бытовой речи нехарактерны.

Параметры различных голосов, как специальных, так и бытовых, ориентированы не только на мир человека — они во многом определяют стиль и фактуру текста, а указание в тексте голосовых свойств различных персонажей является одним из часто применяемых приемов выразительности. Характеристики голосов сложным образом соотносятся как с коммуникативными намерениями говорящего, так и со смысловыми элементами сообщения и способами их языкового выражения. Не любое содержание вводится такими художественными оценками речи, как *с вызовом бросал слова; истекал словами; с явно ощутимым элементом женственности прочла вслух; сладострастно шепчет; гнусавым голосом второразрядного артиста изрекает истины; начинает лаяться; ронял чугунно-глухие слова; истерически вопила; приятный звонкий голос сменил вкрадчивый насморошный; гаркнул не своим голосом*; ср. также — *Тише!* — сказал Иван Иванович таким голосом, как будто в зале был покойник. Приказ несовместим с ласковой речью, просьба — с криком, обычный вопрос — с заискиванием. Клич победителей никогда не сливается с воплем побежденных.

Некоторые формальные показатели, например в одной из словоформ прямой речи, коррелируют с протяжным голосом (ср. *Уходи-и!*), с громкостью (*Молча-ать!*), со скандированием и тем самым с длительностью (*У-чи-тель*), ср. неправильное предложение *— *Уйди-и!* — сказала она быстро. Бурчание под нос слов-извинений часто воспринимается как неискреннее, а фраза «Я вас люблю», — произнесла Лиза жалобным голосом осознается не столько как признание в любви, сколько как желание вызвать в собеседнике жалость и пробудить в нем ответное чувство, и, быть может, даже содержит в себе упрек.

Голосовые модуляции нередки и в других языках. Так, Д. Эфрон (Эфрон 1941/1972, с. 71, 180) пишет, что в идише

«существует особая вокальная модуляция слова *ли*, которое в речи часто произносится с вопросительной интонацией (ср. рус. *Ну?* — Г. К.) и сопровождается особым жестовым движением, мелким по объему, вопросительным по своему характеру и имеющим довольно замысловатую извилистую траекторию». Такая комбинация из паралингвистического и жестового элементов должна отмечаться в толковом словаре.

Едва уловимые, порой даже не получающие языковых обозначений модуляции голоса позволяют человеку сделать вывод о том, что его собеседник сегодня в хорошем настроении или, наоборот, не в духе. Неуместная «игра голосом» способна спровоцировать у собеседника отрицательную реакцию, реакцию не на диктум, а на модус сообщения, ср. реплики *Зачем вы так кричите?*; *Не нужно со мной подобным образом разговаривать!* или *Скажите это еще раз и, по возможности, другим тоном*. Впрочем, тут не исключены и ошибки в оценке. Адресат может уловить иронию в голосе там, где это вовсе не входило в намерения говорящего. Он способен принять шепотную речь, вызванную физиологическими причинами, например болезнью, за неуместное проявление близости, а быструю речь счесть свидетельством стремления говорящего побыстрее закончить разговор и уйти. Нередко автор высказывания в своих метатекстовых замечаниях указывает на изменение голосовых характеристик и обозначает мотивы, приводящие к таким изменениям: *Об этом мне хотелось бы сказать чуть помедленнее, это очень важно; Признаюсь, я начал тихо, так как в зале было очень шумно; Теперь я бы хотел немного «помычать» вот на какую тему, «помычать», потому что внятно я еще не умею говорить об этом* (М. Хомяков, из устного выступления). Очевидно, что указание причин голосовых трансформаций, одна из разновидностей метатекста в тексте, отражает стремление говорящего эксплицитировать свои коммуникативные намерения (о различных мотивах речевого поведения говорящего см., например, в работе Шмелева 1988).

1.5. Голосовое оформление речевых высказываний

Имеются высказывания (даже типы высказываний), и число их достаточно велико, в которые определенным образом голоса как бы встроен, то есть которые можно произнести только голосом с фиксированными признаками: *Да ну?!* — голосом более протяжным, чем обычно. происходит удлинение конечного

гласного; слова *черт побери*, *черт-те что*, *черт его знает* произносятся достаточно быстро; *Ой!* — высоким или более высоким голосом; *Брысь!* — резким, отрывистым голосом; *Закон есть закон* — разделяя слова.

Подчеркну, что речь здесь идет не об особенностях интонации, о которых можно было бы говорить отдельно, а именно о голосовых параметрах ее выражения; ср. *Уверенность* — это как бы голос, тон, в котором повествуют, как обстоят дела, но из тона нельзя делать вывод, что сообщение оправданно (Л. Витгенштейн. «О достоверности»). Выражение сильных эмоций перехватывает горло, голос захлебывается. Пришедший в сильное волнение, испуганный или чем-то потрясенный человек, человек, испытывающий или только что испытывавший глубокое переживание, говорит другим голосом, не своим голосом, изменившимся голосом, <как бы> чужим голосом. Подбадривать нельзя заунывным голосом, вопить — шепотом, а утешать — голосом зычным. Команды и приказы отдаются четким твердым голосом, отрывисто и резко (ср.: — *Послушай, Вергилий*, — сказал он со всей менторской твердостью, какую всегда принимал его голос, когда наставлял черед просто отдать приказ. — Г. Брех), а напутствия — голосом мягким и теплым. Фраза *У меня срочное сообщение* канонически произносится быстро, а оценочные восклицания типа *Чушь!*, *Дребедень!*, *Сила!*, *Красота!*, *Фантастика!* или *Кошмар!* — голосом отрывистым, громким и резким. В примере *Тетя Каля... — взмолилась она* (Б. Екимов) обращение произносится совершенно иначе, чем в предложении *Тетя Каля... — позвала она*, а пропозиция *Читал я*, — выразительно произнес *Каледин* требует иного голосового оформления, чем пропозиция *Читал я* во фразе *Читал я*, — ухмыльнулся он.

Ласковое обращение может требовать и другого морфологического оформления по сравнению с обычным, ср. широкое предложение? — *Старуха*, — вдруг ласково обратился он к бабе *Тане* и совершенно нормальное — *Старуня*, — обратился он к ней ласково (Б. Екимов).

Недовольство передается ворчанием, брюзжанием, бормотанием, фырканьем: *Капризная она чрезвычайно: обожаю, говорит, финики. А принесешь ей — фыркает: я, говорит, терпеть не могу фиников, а только винные ягоды* (М. Горький). В подобных случаях, в отличие от фраз с частицами *якобы*, *мол*, *дескать*, трансляция чужой речи почти с обязательностью предполагает имитацию, возможно даже с нарочитым передразниванием голоса говорящего. *Ворчание*, например, означает «выражение недовольства определенным способом», а именно ворчание реализуется обычно монотонным голосом, подчерки-

вающим, так сказать, говорение одного и того же. В предложении *Отец все, бывало, ворчал, недовольный и едой, и врачами, и палатой* эффект ворчания усиливается благодаря присутствию перечислительной конструкции, образованной именами объектов, вызвавшими недовольство. Ворчание также совершается голосом невнятным, размеренным и низким (или более низким, чем обычно).

Не отвечающая содержанию или иллокутивной силе высказывания голосовая оркестровка ведет к коммуникативному провалу диалога. Рассмотрим следующий короткий текст: — *Я прошу...* — *Нет, вы не просите, а рычите, как леопард.* — *Ну хорошо, я прошу вас...* — *Вот теперь другое дело. Пойдемте.* В приведенном диалоге анафорическая конструкция *Вот теперь другое дело* относится к новому голосовому оформлению: произносящий ее человек только теперь готов отнестись к словам *я прошу вас* как к просьбе.

Отношение говорящего к собеседнику и к его словам может обозначаться разными способами. Так, во фразе *«Ловкая работа!»* — *восхитился он (сказал он с восхищением, сказал с восхищением в голосе)* чувство, выраженное голосом и, возможно, какими-то еще паралингвистическими и кинетическими средствами, отражено в авторском комментарии и, вообще говоря, может передаваться синонимичными или квазисинонимичными единицами. Однако у автора текста имеются средства, так сказать, развести по разные стороны отношение говорящего к каким-то объектам или событиям, которое выражается с помощью голоса (то есть возможную голосовую симуляцию, неискренность или игру) и истинное отношение, возможно тщательно скрываемое.

Замечание. Любопытно, что по представлениям индусов характер человека определяют не что иное, как **три основных вида голоса**: голос *джелал*, означающий **силу**, голос *джемал*, означающий **красоту**, и голос *кемал* — голос **мудрости**. В разных жизненных ситуациях и в разных речевых актах человек пользуется разными голосами и качествами голоса (см. ниже), иногда пряча за ними свои истинные чувства. Ср. «Если вы будете внимательно следить за повседневной жизнью, вы обнаружите, что иногда, прежде чем человек закончит говорить, вы становитесь раздраженными. Это не из-за того, что он сказал, но из-за его голоса. И вы также начинаете замечать, может быть, не каждый день вашей жизни, но время от времени, что другой человек сказал что-то один раз, и это навсегда осталось с вами, постоянно вызывая прекрасное чувство, всегда успокаивая, исцеляя, возвышая, вдохновляя <...> Разве не было в истории мира такого, что, услышав голос

командира «Шагом марш!», люди маршировали сотни миль с огромной силой и энергией, не зная, с чем они столкнутся лицом к лицу? Казалось, что весь страх и тревога ушли прочь, а сила и мужество были даны им, когда они шагали на марше» (Хан 1998, с. 148—149).

По мнению индусов, существует также **пять** качеств голоса — **земное, водное, огненное, воздушное и эфирное**, — которые связаны с конкретными человеческими свойствами или состояниями, а также с теми целями, которые ставит перед собой человек, вступая в коммуникацию. Земное качество — это голос надежды или одобрения, водное качество — это голос успокаивающий и исцеляющий, качество огня — это голос громкий, действующий раздражающе, возбуждающе или ужасающе; например, предупреждения обычно делаются голосом огня. Воздушное качество возвышает человека, это голос легкий, как бы уносящий человека в даль. Наконец, эфирное качество голоса вызывает и опьяняет, эфирный голос — голос неземной. В каждом из трех типов голосов — джелал, джемал и кемаль — может преобладать одно из качеств, и в соответствии с ним голос производит то или иное воздействие на человека и на окружающий мир.

Голосу, как и лицу, можно придавать определенное выражение; ср. *искренним голосом*; *фальшивым голосом*; *Она постаралась придать голосу печальное выражение*. Голос можно изменять, *направляя его в нужную сторону*. Именно таким способом действует чревовещатель. Работая с куклой, чревовещатель-вентрилок, как описывает свою деятельность на эстраде известная актриса-чревовещательница М. Донская, «направляет звук в нужную ему сторону, не разжимая рта». Способность направлять голос (чревовещатели называют это свойство «полетностью») основывается на умелом использовании чревовещателем определенных органов-резонаторов: рта, глотки и мягкого неба. Комбинируя их, вентрилок может усиливать или ослаблять звук, а также посылать его в том или ином направлении на необходимое расстояние. Звуковая имитация обычного внешнего голоса здесь происходит внутри тела.

Однако умение направлять голос в определенную точку пространства и на нужную дистанцию, когда рот открыт и имеет место артикуляция звуков, присуще всякому человеку, владеющему голосовым инструментом. Во время беседы говорящий, обращая свой голос непосредственно к адресату, облегчает ему восприятие речи. Напротив, говорение в сторону от адресата изменяет параметры звучащего голоса, причем иногда настолько сильно, что может полностью измениться сам голос: он становится *трудно узнаваемым* или даже *неузнаваемым*. Голос говорящего как бы дистанцируется от истинного источника

звучания, а потому создается иллюзия чужого голоса. Говорение в сторону, таким образом, открывает неплохие возможности для разнообразных голосовых манипуляций.

В связи с проблемой имитации голосов особое внимание обращает на себя использование автором текста в комментариях к прямой речи таких наречий и прилагательных, как *натужно, делано, нарочито, преувеличенно, притворный* и (в одном из значений) *подчеркнутый*. Ср.: *Ну, что будем делать? — спросил он меня делано бодрым голосом, будто не глубокая ночь стояла за окном; «Где ты вчера был?» — с нарочитым безразличием в голосе спросила жена; «И давно это у вас?» — спросил Дмитрий Григорьевич с притворным равнодушием, разглядывая маленькое черное пятнышко у нее под коленом (Ю. Крелин)*. Безразличие и равнодушие, чувства, имитируемые голосами, здесь никак не отражают подлинных (и вполне понятных) интереса со стороны жены и беспокойства врача, ср. неправильные выражения **с безразличием в голосе забеспокоился, *равнодушно заинтересовался*.

Голосовые свойства различных речевых актов и выражаемых в них коммуникативных установок хорошо известны в риторике. К ним с вниманием относятся также театральные режиссеры и профессиональные актеры-чтецы, выступающие на сцене и эстраде. Декламационное чтение, или *чтение с выражением* (= *с выражением всех необходимых чувств*), предполагает правильную голосовую оркестровку речи. И здесь актерам и режиссерам помогают авторские ремарки к тексту.

В то же время адресату обычной речи нередко гораздо важнее понять не столько, что именно сказано, сколько, как сказано. Внимательный, настроенный на партнера, так сказать «кооперативный», адресат часто вслушивается в речь собеседника не для того, чтобы, напрягая слух, расслышать что-либо, а для того, чтобы услышать, то есть понять собеседника, причем понять не только и не столько высказанное, сколько недосказанное и невысказанное, «уловить речевые обертоны» (М. Цветаева). Слабые, едва заметные голосовые модуляции, быстро меняющиеся в ходе общения, слушающий крайне редко успевает подвергнуть рациональной интеллектуальной обработке. Поэтому, когда он говорит *Я не уловил, с какой интонацией все было сказано*, это совсем не то же самое, как если бы он произнес *Я не понял, с какой интонацией все было сказано*. Понять что-то, а тем более кого-то, можно, лишь подвергнув всю сумму полученной и имеющейся информации активной обработке разумом и поместив результаты этой обработки в свое сознание; ср. ТКС 1994 (словарная статья глагола *понимать*, автор статьи И. М. Богуславский). Нельзя, однако, **уловить*

кого-либо, а уловить что-либо, в отличие от *понять*, можно также подсознанием. Чтобы *уловить*, например, *намек в голосе*, достаточно его зафиксировать, не анализируя разумом. Между тем *понять намек* (не **понять намек в голосе!*) означает не просто его зафиксировать, но и с помощью целенаправленной деятельности ума получить информацию о его содержании. Поэтому *уловить* может быть обозначением пассивной деятельности, это скорее *воспринять*, чем *понять*. Во фразе *Его удивляло, что она говорит о молниях, тучах, закате солнца, о богатырях сказок, греческих богах, — он не мог уловить никакой связи во всем этом* (М. Горький) речь идет о том, что один из собеседников не мог увидеть даже, есть эта связь или нет, тем более *понять*, в чем ее суть. Ясно также, почему предложение *Я не уловил, было это ею сказано с сарказмом или с горечью, и только спустя несколько часов понял, что она чувствовала в тот момент* кажется абсолютно корректным, а предложение *По тому, как он это произнес, я понял, что он раздражен, но не мог уловить, почему — сомнительным*. *Голос*, — писала М. Цветаева, — *большой обаятель <...>. Перевести фразу с голоса на мысль — осмыслить, осознать произносимое — не всегда успеваешь: плывешь по голосу. Голос — и чувство в ответ, вне промежутка слов <...>. Бессмысленное а-а-а-а, о-о-о-о может целую толпу повергнуть в прах, повести на приступ. Равно как — при голосовой несостоятельности — ни Шекспиру, ни Расину не помочь. (Голос здесь не только как горло, но и как разум).*

1.6. Спецификации голоса и типы речевых актов

Голос является и органом — источником производимых звуков, и инструментом речи, голос служит надежным средством выражения эмоций и отношений между людьми и их речевыми действиями. Эмоции концептуализуются в текстах и как содержимое «голоса-вместилища», и как внутренняя причина голосовых изменений.

В голосе можно услышать испуг и торжество, дрожание и металл [ср. *Я знаю, с кем я разговор веду, // и если слышен в голосе металл, // то это к непосильному труду. // Я видел куст — он кровью истекал* (Вл. Гандельсман. «Данте»)], печаль и радость. а также слезы и смех — типичные внешние проявления многих эмоций. От волнения горло сжимается, гортань немеет, и голос становится *дрожащим*, подчас *хриплым*. тогда как от счастья, хотя горло не расширяется (в русском языке сочетание

горло расширяется не используется для передачи эмоций), голос становится *высоким* и *звонким*. Пользуясь голосом как инструментом, мы легко выделяем в речевом потоке нужные нам смыслы, слова и более крупные единицы, ср. такие выражения, как *выделять голосом, подчеркивать голосом что-либо, говорить с нажимом или без нажима <в голосе>*. От природы человеку дан обыкновенный, красивый или некрасивый голос, но плохой или слабый голос удастся улучшить, если его *поставить*, чем специально занимаются певцы.

Поставленный, или, что то же самое, *хорошо поставленный*, *голос* в норме является характеристикой музыкального голоса (см., впрочем, ниже). У человека *поставленный голос* либо с рождения, то есть *врожденный*, либо обретается им в результате специальных длительных упражнений; *плохо поставленный голос* — это исключительно результат недостаточных усилий со стороны его владельца (и, возможно, некоторых других людей, например педагогов или врачей-фонистров), в каких-то целях, прежде всего профессиональных или по медицинским показаниям, сознательно пытающегося *улучшить голос*. Поставленным голосом легко управлять, поэтому утилитарная оценка такого голоса положительная. Однако человек с поставленным голосом отнюдь не всегда пользуется им в достойных, этически положительно оцениваемых целях, и в таких случаях этическая оценка человека или его поступков бывает весьма низкой. Когда мы встречаем в рассказе фразу «*Будет вам, душа моя, я люблю вас*», — сказал Николай Петрович своим *хорошо поставленным голосом* (Е. Харитонов), как-то слабо верится и в искренность слов утешения, и в истинность чувств Николая Петровича к полюбившей его женщине. Мнение автора об этом персонаже, выраженное в комментарии, явно отрицательное.

Очевидно, что голос относится к тем устройствам или органам, которые способны сами по себе передавать актуальное эмоциональное состояние человека. Можно, например, *говорить взволнованно, возмущенно, тихо, сердито*, то есть *взволнованным, возмущенным* и т.п. *голосами*, — голосами, связанными с чувствами и эмоциональными отношениями, но нельзя **говорить звонко, высоко* или **дребезжаще* (при правильном *говорить звонким, высоким или дребезжащим голосом*): глагол *говорить* сочетается лишь с теми «голосовыми» наречиями, которые актуализуют в нем одновременно семы «голос» и «эмоции».

Голос в определенной степени синхронизирован с текущим психическим состоянием человека. Однако *искренний голос* не может служить безусловным гарантом истинности сказанного

в тот момент, когда говорящий сообщает некоторую информацию или выражает свое мнение по какому-либо вопросу. Не свидетельствует голос и о подлинности физического или психического состояния, в котором в данный момент пребывает говорящий: если человек говорит с собеседником *ласковым, нежным, сердитым, обиженным или спокойным, скорбным, покорным, уверенным голосом*, то это отнюдь еще не означает, что он испытывает к нему эти чувства или находится в описываемом состоянии. Поэтому, например, сочетание *говорить сердитым голосом* следует, как нам кажется, толковать с использованием элемента сравнения, то есть как «говорить голосом, каким обычно говорят люди, когда сердятся за что-то на собеседника».

Спросим себя, однако, любые ли психологические прилагательные, способные выступать в таких конструкциях, требуют подобной семантической дефиниции? Можно ли, например, — не в ситуации сценической игры — говорить *взволнованным* голосом, будучи в этот момент абсолютно спокойным? И можно ли обращаться к адресату властным голосом, не испытывая при этом чувства некоего превосходства над ним? Думается, вряд ли. По-видимому, для таких прилагательных толкование должно выглядеть иначе: *говорить взволнованным голосом* значит «будучи в данный момент чем-то взволнованным, голосом выражать это состояние». Для прилагательных, обозначающих речевые акты (*говорить просительным, извиняющимся, предупредительным, увещательным* и т.п. *голосом*), толкование тоже строится по несопоставительному типу.

Любопытно, что смыслы «находиться в некотором эмоциональном состоянии» и «определенным способом выражать это состояние» в русском языке могут передаваться внешне очень похожими синтаксическими конструкциями, ср. *сказать что-либо в раздражении* и *сказать что-либо с раздражением*. Однако вторая конструкция свободно допускает присоединение группы *в голосе*, что для первой невозможно: *сказать что-либо с раздражением* означает «находиться в состоянии раздражения и голосом выразить это состояние».

Сами способы выражения эмоций следует отличать от способов их проявления. Имеются органы человеческого тела, которые приспособлены не только для проявления, но и для трансляции эмоций, — это голос, глаза, руки. С их помощью мы осуществляем намеренную и контролируемую передачу информации. А есть органы, которые ориентированы исключительно на внешнее проявление испытываемых ощу-

ний, на произвольное или неконтролируемое их выражение. Это, например, щеки, которые могут гореть от стыда или краснеть от смущения, уши, которые пылают от возмущения, или брови, произвольно поднимающиеся вверх при удивлении или изумлении; ср. Апресян 1995, с. 369. Можно *говорить таким-то голосом*, можно даже *говорить глазами* или *руками*, но нельзя **говорить ушами, лбом, щеками или бровями*. Глаза и руки, как и голос, способны выступать в функции инструмента для выражения эмоций, а щеки, уши, лоб и брови — нет, хотя по внешним симптомам мы часто судим о конкретных эмоциях, испытываемых человеком. В этой связи возникает вопрос, с помощью каких еще инструментов выражения чувств помимо голоса люди могут симулировать то или иное ощущение, например возможно ли, не будучи грустным, смотреть на другого грустными глазами? Ответ на него, впрочем, требует особого исследования.

Ведя разговор о голосе и его характеристиках как о важнейших частях аксиологического механизма речевой коммуникации, нельзя не коснуться проблемы определения объектов и мотивов оценки, а также способов семантического согласования некоторых голосовых признаков в тексте авторского комментария с элементами контекста. Рассмотрим следующие два примера:

(1) — *Рыжик, правда, что ты в этой яме ночевал?* — обратился к Саньке Володя, и на бледном лице мальчика появилось выражение любопытства и удивления. — *Правда,* — твердым голосом ответил Санька (А. Свирский).

(2) — *Ведь ему еще десяти годов нету, а ты уже его в ученье... Небось ежели б он был тебе родной, ты бы так не стал делать...* — *Ан стал бы!* — с легким раздражением в голосе перебил Аксиныю Тарас. — *Стал бы потому, что самим жрать нечего. Когда мы его взяли, у нас своих ребят не было, а теперича, сама знаешь, сколько у нас ртов...* (А. Свирский).

В тексте (1) спецификация голоса обозначает то, как была произнесена Санькой реплика *Правда*. В скобках заметим, что людям вообще свойственно произносить слова правды или слова, выдаваемые за правду (то есть должны убедить адресата в том, что высказываемое есть правда), твердым и спокойным голосом: малейшие колебания, дрожь в голосе, равно как и отводимые в сторону или бегающие глаза, могут сразу вызвать у собеседника сомнения в истинности слов говорящего. Антецедент именной группы *бледное лицо мальчика* тоже вычисляется по правилам семантического согласования: вопрос и

удивление, вопрос и любопытство соотнесены по смыслу, в частности совпадают субъекты акта вопрошания и эмоциональных реакций. Отсюда *мальчик* — это *Володя*, а не *Санька*, которого прозвали *Рыжиком*.

В тексте (2) голосом, в котором слышится раздражение, произнесено высказывание *Ан стал бы!*, но не ясно, так ли произносится оставшаяся часть реплики. Столь же неопределенным является и то, что именно в словах Аксиньи послужило причиной голосовых изменений до той поры спокойной речи Тараса. Очевидно, что упрек — это наиболее сильный фактор для раздражения, а потому согласование смысла «раздражение» с семантико-прагматической структурой высказывания *Небось ежели б он был тебе родной...* высоко вероятно. Однако участвует ли в согласовании семантический материал первой части реплики Аксиньи, уже не столь ясно: оценка взятой самой по себе, изолированной фразы *Ведь ему еще десяти годов нету, а ты уже его в ученье* совсем не обязательно является отрицательной, ср. нормальное высказывание *Какой ты молодец, ведь Саше еще и пяти нет, а ты его уже в лицей определил!*

В предложении (3) «*Я скоро буду*», — *недовольным голосом произнес он* недовольство говорящего вызвано какими-то словами или действиями адресата речи: в словах *Я скоро буду* нет ничего, что предсказывало бы авторскую оценку речи персонажа. Между тем в предложении (4) «*Чего тебе?*» — *недовольным голосом спросила Анна*, когда дочь подошла к ней слова Анны, если не однозначно, то, по крайней мере, с точностью до семантического класса, определяют выбор оценочных средств в тексте авторского комментария. Фраза (5) «*Чего тебе?*» — *спросила Анна* по смыслу достаточно близка фразе (4). Ведь по своей языковой форме интеррогатив *Чего тебе?* — это и собственно вопрос, и выражение недовольства (термин *интеррогатив* как обозначение вопросительной формы языковой единицы сегодня широко используется в работах по логике вопросов и ответов, или эротетической логике; см., например, книгу Белнап, Стил 1981, откуда этот термин нами заимствован, или монографию Падучева 1985).

Указание на признаки голоса может существенно влиять на интерпретацию речевого акта в составе прямой речи. Рассмотрим два предложения:

(6) «*Вы знаете его или нет?*» — *спросил Пуаро.*

(7) «*Вы знаете его или нет?*» — *раздраженным голосом спросил Пуаро.*

В предложении (6) представлен обычный альтернативный вопрос: знаменитый сыщик Пуаро хочет знать, известен ли

адресату данный человек. Что же касается предложения (7), то мы видим, что раздражение спрашивающего вызвано словами или действиями адресата, — возможно, желанием адресата каким-то образом уклониться от ответа на ранее поставленный вопрос, скорее всего по форме идентичный или сходный с данным, а может быть, и нежеланием адресата оказаться как раз в той ситуации, когда ему прямо будет задан данный вопрос. Мы понимаем, что у Пуаро, наблюдающего за поведением адресата, могло сложиться вполне определенное мнение, какая из выдвигаемых альтернатив имеет место в действительности, а потому скорее склонны интерпретировать здесь слова сыщика не как вопрос, где все альтернативы изначально равновероятны, как во фразе (6), а как вопрос с гипотезой. Иными словами, соотношение между интеррогативами в примерах (6) и (7) похоже на то, которое существует между вопросами *Ты пойдешь на вечер?* и *Ты пойдешь на вечер или нет?*

Еще А. Тарским было отмечено, что мы употребляем дизъюнкцию пропозиций, только если полагаем имеющей место в действительности или «истинной», как говорил сам Тарский, одну из них, но не знаем, какую именно (Тарский 1948). Применительно к альтернативным вопросам можно сказать, что мы задаем их в абсолютно аналогичной ситуации. В тех же случаях, когда у нас уже сформировалась конкретная гипотеза по поводу того, какая из запрашиваемых альтернатив имеет больше шансов получить подтверждение, мы, согласно принципу минимизации усилий и постулатам речевого общения, должны выбрать иной вид вопроса (ср. с выбором одной из форм *Ты идешь на вечер?* и *Ты не идешь на вечер?* в зависимости от исходного предположения).

Но тогда почему в примере (7) для вопроса с гипотезой выбрана неподходящая форма альтернативного вопроса? Видимо, потому, что это не первое его вхождение в текст, потому, что этот вопрос уже был задан, а точного ответа на него не последовало. Коммуникативный акт потерпел провал, и спрашивающий уже не может опереться на все свои предположения и догадки — он остается в ситуации неведения, какая же из пропозиций истинна. Вследствие этого он в полном соответствии с тезисом Тарского выбирает форму альтернативного вопроса. Таким образом, здесь перед нами не прямой, а косвенный речевой акт, речевой акт с косвенной иллокутивной функцией, и подсказывает нам такую его интерпретацию текст авторского комментария (*раздраженным голосом...*).

Подтверждением правильности данного анализа могут служить единицы *так и в конце концов*, свободно присоединяющиеся к словам прямой речи в примере (7) и дублирующие

смысл, содержащийся в высказывании. Синтаксически они столь же легко присоединяются и к словам прямой речи во фразе (6), но при этом существенно меняют смысл всего предложения. Дело в том, что одно лишь «желание узнать информацию» хорошо согласуется, например, с «интересом» и «любопытством», но плохо сочетается с «раздражением» или, к примеру, с «возмущением».

Голос — это внутренний сколок человеческой души, это одна из самых загадочных и чарующих ее характеристик. В каждомдневном гуле голосов мы счастливы различить голоса близких и друзей, голоса, живущие в нас вместе со своими неповторимыми интонациями. Но мы хорошо помним и голоса ушедших, нежность, обаяние и теплоту их интонаций.

Теофиль Готье как-то писал, что, когда человек уходит, безвозвратнее всего погибает его голос. Нам, однако, с этим очень трудно согласиться — голоса родных и любимых навсегда оставляют отпечаток в наших сердцах.

1.7. Голос как средство устной массовой коммуникации

Голос — это не только характеристика отдельного человека или его речи; голос является основным средством устной массовой коммуникации, в частности коммуникации между властью и народом.

Власть всегда заявляет о своем присутствии целыми рядами знаков. Символика, ритуалы, жесты, особые виды подязыков и текстов (декреты, указы, постановления, лозунги, призывы, закрытые письма, инструкции, законы, законные и подзаконные акты и пр.) — все это относится к семиотическому воплощению власти и ее функционированию в обществе. Голос и разнообразные формы его выражения тоже используются различными властными структурами. Именно поэтому, хотя слово *голос* в своих исходных значениях имеет отношение к частному лицу, мы легко переносим не только соответствующее понятие, но и связанные с ним концепты и оценки на различные ассоциации людей и общественные явления, включая страну, народ, нацию.

В этой связи может возникнуть резонный вопрос о правомерности подобного распространения индивидуальных понятий, мерок и оценок на общественные коллективы и на обла-

сти социальных наук. Как бы отвечая на него, А. Солженицын абсолютно справедливо замечает, что люди, «живя общественными скоплениями, нисколько не перестают быть людьми и в скоплениях не утрачивают (лишь огрубляют, иногда сдерживают, иногда разнуздывают) все те же основные человеческие побуждения и чувства, всем нам известный спектр их» (Солженицын 1994, с. 3). Использование понятия голоса и слова *голос* при анализе языков массовой коммуникации кажется мне вполне оправданным — ведь общество не освобождено от законов, потребностей и требований, составляющих содержание, смысл и цель жизни отдельных людей.

Определяющими началами устной массовой коммуникации являются два вида социальных голосов — *голос власти* и *голос народа*, находящиеся в постоянном диалоге. Их различие, особенно ярко проявляющееся в тоталитарном государстве, объясняется прежде всего выражением различных иллюкутивных намерений, а также чувств и общественных устремлений. Ниже речь пойдет в основном о *голосах в тоталитарных государствах*.

В голосе народа, обращенном к тоталитарной власти, отражаются самые разные чувства и отношения — от покорности и отчаяния до презрения и ненависти, а голос тоталитарной власти служит прежде всего мощным инструментом воздействия и подавления. Поэтому для властных структур типичен громкий голос, голос резко выраженной доминации, начальственный голос недовольства, уверенный голос или же голос увещевания, «отеческого» одобрения и призыва. Голоса представителей тоталитарной власти — это *зычные, кричащие, командные, приказные и призывные голоса, голоса на повышенных тонах, орущие и гремящие*; в них трудно бывает расслышать нотки сомнения, участия или задумчивости; ср. *Но вот голоса с противоположного берега — голоса министров, царедворцев, когда громкие фразы, честность и благородство существуют только напоказ, так сказать, для царских выходов, а внутри души лежит мелкое коварство, ребяческая хитрость, пугливая лживость* (С. Витте); *Я подходил к разным банкам с разных сторон <...> Чертил схемы. Сидел в засаде. Купил темные очки. Ставил командный голос для криков при ограблении* (И. Яркевич. «Большое русское ограбление»).

Возвышенные интонации часто опираются на голос, поставленный на диафрагму, на так называемый *металлический голос*. Пустословие и ложь, словесная каша и обман сочетаются с параязыковыми элементами — многозначительными паузами, вздохами, имитирующими сожаление и безнадежную усталость. Особенно нелепой выглядит начальственная манера представи-

телей тоталитарной власти выделять голосом отдельные слова или куски фраз. В этом случае политическая фразеология превращается в самопародию. При необходимости менторская или покровительственная интонации меняются на заискивающе-задушевные, ласково-интимные или доверительные интонации, свойственные тихим голосам. В диалоге социально не равноправных людей, например между вышестоящим лицом и нижестоящим, важным и нередко применяемым приемом является неоднократная смена речевого тона (см. о тоне ниже).

Изменение физических параметров звучащего голоса имеет определенные психологические и смысловые мотивы. Смена голоса может отражать, в частности, и лицемерие начальства, и его вероломство. «Где возражать не дано, там любой краснобай — громовержец», — говорил Овидий. В разговоре с частыми сменами голосов наряду с «духом убаживания и уступок» (А. Солженицын) могут присутствовать маниакальность и злость — все зависит от содержания и цели беседы, от отношения говорящего к слушающему. Нужно вас изрядно отругать, но не уничтожить, уговорить, а не заставить — голосовая мимикрия выражена ярче; нужно вас раздавить или уничтожить — голос звучит громче и резче, а мелодический рисунок речи становится более ровным.

Замечателен репертуар чуть ли не клишированных единиц «советского» языка, произносимых на *повышенных тонах*. Это прежде всего разнообразные по смыслу и прагматике риторические высказывания со сдвоенными, а то и строеными иллокутивными функциями типа *Мы что, врать вам будем?!*, *Да вы нам не верите?!*, *Да как вы смели поднять руку на советскую власть?!*, *Вы, видно, не любите свой народ*. Выражения такого рода произносились так, будто за голосом и лицом говорящего стоит весь народ, будто голос и лицо его являются образом родины. Усиливать такое ощущение должны были наличествующие в высказывании местоимения *мы* и *вы* — то ли это «мы, Николай II» или это «мы-власть, передовая часть общества»; то ли это «вы, такой-то, такой-то» или же это «вы: всякие там отщепенцы, диссиденты...». Резкий голос и повышенный тон встроены и во фразы, содержащие в себе скрытые угрозы типа *Мы давно хотели с вами серьезно поговорить*; *Вы не думаете о своей матери (жене, сыне, семье...)*; *Вы не бережете своих близких*; *Вы играете с огнем*; *Вы оторвались от народа?!*, *Вы на кого (или: на что) замахиваетесь?!*, *Вы, очевидно, не хотите с нами разговаривать, сотрудничать?* и т.п. Угрозы власти во всех этих примерах кроются не в словах или, точнее, не столько в словах, сколько в голосе, которым эти слова произносились.

Повышение властного тоталитарного голоса в коммуникативном акте выражает стремление отделиться от собеседника социальным барьером, поставить собеседника на место, показать ему, со сколь значительным лицом он имеет дело, и еще более подчеркнуть субординацию и многое другое. Этот голос передает и свойственную ему гамму чувств и эмоциональных отношений — гнев, раздражение, ярость, злость, ненависть и т.п.

Представители тоталитарной власти часто практиковали различные вербальные способы внезапного прерывания диалога (если таковой вообще имел место), для чего ее представители использовали окрашенные разнообразными эмоциями клишированные фразы типа *Хватит!; Долго мне это терпеть?!; Прекратите с нами в прятки играть!* Подобные фразы обычно сопровождались повышением тона, определенной мимикой и жестами недовольства и раздражения, жестами прерывания контакта, такими как, например, резкое **вставание из-за стола** или удар кулаком по столу.

По сути дела, когда мы имеем дело с языком власти в тоталитарном государстве, мы постоянно сталкиваемся с **новым типом референции**, с новым типом соотнесенности языковых единиц с миром. Слова соотносятся не с действительностью, какова бы та ни была, реальная или фантастическая, а с заранее установленным, фиксированным и предопределенным способом говорить о действительности. Язык тоталитарной власти, таким образом, представляет собой не способ оформления смысла, не инструмент познания и осознания мира и не средство бытового общения, это механизм втискивания мысли в известный идеологический канон. А голос и голосовые признаки являются вполне надежными референциальными средствами, обеспечивающими работу данного механизма.

Впрочем, и сегодня тоже не умерла ораторская, псевдодидалогическая форма речи, связанная с революционными явлениями, о которой еще 1928 году писал А. М. Селищев (Селищев 1928). Мы слышим ее на разных митингах, собраниях и заседаниях, хотя это уже речь не собственно власти, а неких отдельных появившихся «вождей». По-прежнему с трибун, кафедр и других командных высот доносятся громкие, резкие, зычные, орущие, визгливые и кликушествовающие голоса, перебиваемые малоразборчивыми возгласами, а иногда и просто нечеловеческими выкриками слушателей. Тезисы и лозунги, угрозы, ругань и проклятия облекаются в новые речевые шаблоны. Здесь нет места для дискуссии и для конструктивного созидания, для интересных предложений или серьезной полемики. На митингах

и других массовых сборищах люди обычно лишь повторяют то, что слышали и чему слепо верили раньше. Скудость мысли легче рождает единомышленников, вторящих один другому. Ораторы вешают уверенными голосами; ведь, по словам М. Осоргина, «массы всегда идут за теми, кто громче кричит и больше обещает».

Между тем вне подобных массовых мероприятий «голос лжеца двоятся и дребезжит» (А. Волконский), говорящему ложь вне толпы скрыть ее от адресата гораздо труднее, приходится насилловать голосовые связки и прятать блеск глаз. *Правду выдавать* не надо, язык попросту избегает такого выражения. *Ложь же выдается и проявляется*. Даже уверенный, без ноток сомнения голос не может служить безусловным гарантом точности и подлинности сообщения.

На сегодняшних идеологически окрашенных массовых мероприятиях в голосах ораторов и организаторов все чаще проскальзывают трагические интонации. Да и в толпе появляются иные — *надрывные, кликушествовающие, визгливые* голоса, — сочетающиеся со странными позами, конвульсивными движениями тела и своеобразной мимикой. Как и прежде, создаются особые штабы и группы «активистов-клакеров», распределяющие среди участников шествий и митингов флаги, знамена, транспаранты, лозунги и... голоса! Клакерам прямо предписывается в нужный момент оглашать воздух надрывными экзальтированными криками, выражающими бурные эмоции, и «заводить» собравшихся. Ведь такие мероприятия должны звать на борьбу, войну, подвиги, к новым славным победам, на смерть и расправу. В голосе толпы нет «тебя», есть только «мы». Голос толпы — это страшный голос, наполненный злобой и угрозами. Вот что пишет о нем поэт: «Мы — то самое большинство, То беспамятное, — в котором Лиц не видно (ни одного!), Общим все перекошены ором. Мы — толпа. А язык толпы односложен и крут гораздо: “У” — угроза. Глумление — “Ы”. “А” (растянутое) — злорадство. Это мы — иль невдомек? — Вождедем тайно о казнях. Нынче праздничек, наш денек! А какой без кровушки праздник?!» (Лев Мочалов. «Голос толпы»).

Вне идеологических мероприятий, однако, слышны другие голоса. Митинги, парады и демонстрации кто-то удачно назвал праздниками для других, а на подлинно народных гуляньях, карнавалах и других «праздниках для себя» мы обычно встречаемся с *голосами искренними и непосредственными, веселыми и радостными*, здесь раздаются *голоса теплые*, передающие подлинное настроение людей. Эти голоса резко отлича-

ются как от нарочито кликушеских голосов власти, так и от искренних народных голосов на праздниках власти.

Голос и отголоски, тоны и обертоны, мелодика и интонация, паузы и ритм — все это важнейшие факторы, организующие не только индивидуальную бытовую речь, но и устную социальную коммуникацию. Мощное, быстрое и эффективное воздействие устного идеологического слова постоянно поддерживается и подпитывается энергией голоса, организующего, направляющего и мобилизующего массы.

§ 2. ТОН

Ключевые слова: тон, семантика, лексемы *тон I* — *тон II*, аналогии, синтаксический, выражение, текст, речевой, речь, функция, коммуникация, коммуникативный, акт, текст, стиль, жанр, голос, сходство, различие, речевая манера, прилагательное, сочетаемость, парадигматический, связь, аналогии, эстетизация, язык, метафора, музыкальный, музыка, слово.

2.1. Семантика слова *тон*

2.1.1. Тон как единица художественного целого (тон I)

Слово *тон* относится к единицам, которые позволяют заглянуть — через них — в обуславливающий их душевный мир человека. Это слово связано со многими разными смыслами и идеями, в частности с идеей творчества и интонационными моментами речи; оно чрезвычайно многозначно и семантически насыщено, а его смысловая структура совмещает даже противоположные семантические элементы. *Тон* является одним из очень немногих слов русского языка, которые совмещают в смысловой структуре смыслы «единичность» и «целостность».

Лексема *тон I* обозначает «отдельно взятый звук, цвет, оттенок или нюанс», то есть «мельчайшую единицу соответствующего эстетического (художественного) пространства»; см. следующие предложения: *Сера ограничил свою палитру швейцарским кругом четырех основных цветов и промежуточных тонов (М. Алпатов); Концерт Брамса в его (Рихтера. — Г. К.) исполнении поражал светлыми тонами (из рецензии); Некоторые тоны его речи были тихими (Д. Самойлов).* Во всех этих приме-

рах отдельный тон мыслится как единица, онтологически предшествующая тексту («порождающая единица»).

Но тон может быть концептуализован также и как элемент, выделяющийся из текста в результате его делимитации, то есть как некая сущность, представляющая текст, как носитель свойства целого текста («результатирующая единица») — см. ниже обсуждение лексемы *тон 2*. В этом отношении слово *тон* подобно слову *единица*, которое обозначает не только первый член некоторого ряда или крайнюю точку какой-то шкалы, но и высоко оцениваемые свойства целостности, единства и нерасчлененности некоторого объекта или человека; ср. *Всякий Бог есть совершенная в себе единица, и всякая совершенная в себе единица есть Бог*.

Замечание. *Единица* и как отдельный, выделенный на фоне других элемент, и как целое часто отмечена высшей оценкой или сакральностью: *Взяв из рук врага блага, мы полагаем, что стали единицами* (В. Сендеров); *Мы почитаем всех нулями, а единицами себя* (А. Пушкин); *Начать все с нуля способны лишь единицы* (Б. Крутиер). Здесь можно вспомнить о близости слов *единственный* и *уникальный* и о том, что выражение *в первый раз* «обозначает стадию, никак не дифференцируемую в пространственном и временном отношении, то есть часть, отделенную от состояния мира, когда такая дифференциация началась» (Махов 1993). Это понятно — ведь идея «начала» возникает только в пространственной или логико-временной перспективе развертывания, предполагающей «продолжение»; ср. *день первый* и библейское выражение *день один*.

2.1.2. Тон как эстетическое свойство текста (тон 2)

Лексема *тон 2*, второе «эстетическое» значение слова, обозначает «целостное свойство художественного произведения (то есть сам цвет, звук и т.п.), выражающее эмоциональное настроение от его восприятия». В этом значении слово *тон* выражает совокупный итог, сумму эстетических впечатлений, получаемых или полученных человеком от художественного текста. По этой причине рассматриваемая лексема часто выступает в предложении в сочетании с модификаторами *общий*, *единственный* или *главенствующий*, подчеркивающими смыслы «уникальность», «целостность», «единство» и «важность». Ср. примеры употребления данной лексемы: *Эмоциональный тонус слушателей в конечном счете определяется главенствующим в данный*

момент тоном произведения (М. Юдина); Он (Рахманинов. — Г. К.) был способен передать один-единственный общий тон, пробуждающий чувства и приводящий в состояние экстаза (Ю. Нагибин); Общий тон его картины необычайно мрачный (М. Дмитриева); см. также чрезвычайно частотные, едва ли не клишированные выражения с переносной по отношению к *тон* 2 лексемой *тон* 3, о которой пойдет речь ниже, — *тон всего его творчества, общий тон стихов, тон спектакля, тон книги (рассказа, новеллы, народных песен и баллад и т.п.).*

В книге «Эстетика немецких романтиков» Ф. Рунге отмечает, что хорошее живописное полотно должно обладать тоном как высшим качеством, а Ф. Шлегель последовательно различал тон как «неопределенное» цельное единство качеств художественного текста и дух как «определенное» единство. Согласно системе романтического сознания всякий сложно организованный объект независимо от своей природы является носителем некоего Grundton-a, основного тона, к которому сводятся и из которого выводятся все остальные тона (см. Махов 1993, с. 62—63).

Как нам, однако, представляется, различие по смыслу между сочетаниями *тон произведения* и *дух произведения* связано не с собственно прагматическим по своему характеру противопоставлением «неопределенности» / «определенности», как считал, например, Ф. Шлегель (там же, с. 63), — различие между ними лежит в сфере семантики. Хотя оба сочетания выражают идею суммарности, обозначая квинтэссенцию качеств эстетического текста, и не передают каких-то конкретных его свойств, первое из них скорее относится к поверхностному оформлению произведения, к используемым в нем приемам выразительности; оно в большей мере ориентировано на план выражения и прямо связано с адресатом произведения, к которому данное произведение обращено. Сочетание *дух произведения* отражает глубинные, внутренние свойства текста: оно отстоит дальше от человека и относится скорее к содержанию и теме произведения, чем к их поверхностному воплощению. *Дух произведения* как бы отвечает на вопрос о том, что самое важное в данном произведении, тогда как *тон произведения* говорит о том, как это главное выражено и как воздействует на адресата.

Подобное смысловое различие укоренилось и в целом ряде других языковых единиц, причем относящихся не только к области эстетики и творческой деятельности, но и к обыденному сознанию. Так, *прочувствовать какое-то произведение* или *сказанное*. обычно высокочастотное, а иногда и отмеченное

знаком сакральности, означает не просто провести интеллектуальную работу по осмыслению произведения (сказанного), но и испытать при встрече с ним определенный комплекс чувств и прийти в определенное настроение. Эта идея часто выражается по-русски также словами *ощутить дух* произведения (или, как говорили в этом случае символисты, его *звучание*). *Тон* же, по необыкновенно меткому замечанию Б. Пастернака, — это «материализация в звуке настроения произведения» (Б. Пастернак. «Замечания к переводам из Шекспира»).

Слово *тон* (речь здесь идет как о лексеме *тон 2*, так и о переносных ее употреблении), отражая наиболее общие свойства текста, может приобретать коннотативные семантические признаки «неопределенности» и «невыразимости», что сближает его со словами *как-то*, *какой-то*, *почему-то* и другими местоименными показателями неопределенности, подробно проанализированными Н. Д. Арутюновой (Арутюнова 1998, ч. X, с. 794—873). Ср., например, предложения *Мы будто потеряли тон спектакля — что-то, что невозможно выразить простыми словами* (Ю. Любимов) и *Он какой-то грустный*.

2.1.3. Переносные употребления лексемы *тон 2*

Как мы уже видели, лексема *тон 2*, будучи непосредственно связанной с авторскими намерениями и с восприятием художественного текста, обладает ярко выраженными прагматическими функциями: она указывает на соответствие или несоответствие изображенного объекта миру адресата, а порожденного текста — представлениям адресата о том, как, по его мнению, этот текст должен выглядеть. Так, в живописи, музыке, литературе или речевом произведении *тон* указывает на место изображенного объекта в произведении, на тип музыкальной фразы, на характер живописных строк, на роль речевого сегмента в потоке речи и пр. А потому становятся вполне предсказуемыми и понятными типичные для лексемы *тон 2* регулярные переносы по модели «характеристика художественного произведения» — «стиль произведения или творчества в целом» — «манера поведения или стиль жизни», напоминающие задающий регулярную многозначность существительных перенос «свойство X» — «то, что имеет свойство X» (Апресян 1974). В выражениях *тон музыки*, *тон творчества* [ср. *мажорный тон всего его творчества* (Б. Эйхенбаум)], *тон стихов* выступает лексема *тон 3* «стиль произведения или художественного творче-

ства», а сочетания *тон чувств*, *тон души* или *жизни* содержат лексему *тон 4* «стиль жизни или жизненного поведения».

Приведем примеры предложений с этими лексемами: *Христианская виртуозность была главенствующим тоном его религиозных чувств, эта священная печаль — вот единственное название, которое нашлось для этого чувства в языке. Она сопровождала любую радость и любую боль, всякую любовь и всякий страх, и в его гордости, как и в его служении, она остается основным тоном, к которому тяготеют все остальные* (Ф. Шлейермахер — цит. по Махов 1993, с. 64—65); *Обрести тон жизни значило для нее обрести свое лицо* (М. Цветаева); *У каждой души есть основной тон, а у голоса — основная интонация* (М. Волошин); *извлечь тон души* (М. Цветаева); ср. также выражения *тон сердца* (не *сердечный тон*!); *задавать тон*: *Посредственность в мире всегда в общем торжествует и задает тон* (Вл. Гусев); *общий тон выражения* (Б. Пастернак).

Лексему *тон 4* можно усматривать и в таких сочетаниях, как *дурной тон*, *люди хорошего тона* (И. Гончаров) или *правила хорошего тона*, а также в предложениях, слегка, правда, устаревших или стилизованных под таковые: *В ней сохранился тот же тон, Был так же тих ее поклон* (А. Пушкин); *Она умела «попадать в тон»* (то есть вести себя как должно, принято, «соответствовать»); *Барские палаты были заняты купечеством, и барский тон сменился купеческим* (Вл. Гиляровский — цит. по МАС 1981—1984, т. 4, с. 379); *В таком тоне она прожила чуть ли не всю жизнь* (А. Цветаева).

В следующем примере, на первый взгляд, синкретично выражены речевое и поведенческое значения слова *тон*: <...> *Графиня Ливен нравилась ему и своим умом, и знаниями, и благородством тона, которое он особенно ценил*. Далее, однако, в этом отрывке из «Десятой симфонии» М. Алданова значение слова проясняется, и становится понятно, что в приведенном предложении выступает лексема *тон 4*: *Напротив, король Фердинанд, встретивший его тем же радостным смехом, что и сорок лет назад, показался ему образцом вульгарности. Андрей Кириллович с любопытством взглядывался в старого знакомого, и ему самому странно было, что он, внук малороссийского пастуха, не выносит дурного тона в потомке Людовика XIV* (М. Алданов).

Как видно из этих примеров, в переносных по отношению к лексеме *тон 2* значениях *тон* предстает как некая универсальная характеристика не только творчества (лексема *тон 3*), но и жизни в целом в ее протекании, в поворотах, перипетиях и перепадах, то есть как «общая характеристика жизненных радостей и печалей, жизненной неустроенности и благополучия.

побед и поражений» (лексема *тон 4*). В приводимом ниже примере, иллюстрирующем сказанное, встречаются одновременно обе лексемы (наряду с еще одной — *тон 11*): *У Высоцкого — мощь осмысления, всевидящее око. Надо понимать: «блатной» тон* (лексема *тон 11*, см. ниже. — Г. К.), *которым ведется рассказ, — это тон его творчества (тон 3), тон всей той военно-послевоенной жизни (тон 4), что нынче канула в прошлое... (М. Розовский).*

Выражение *задавать тон* (*тон 4*) обычно обозначает лишь положительное созидание, хотя посредственность тоже слишком часто *задает тон* всяким «начинающим». Гундель писал, что всякий голос имеет свой основной тон, задача состоит в том, чтобы извлечь из голоса все возможные нюансы. *Потеря жизненного тона* (лексема *тон 4*) чревата для человека риском *потерять себя, потерять свое лицо, свой голос. С тона, как жизненного, так и речевого, можно и пытаться сбить: <...> Призывы Мацулевича спасти театр, отстоять профессиональное достоинство, предъявить требования министру выглядели смешно. Его стали сбивать с тона — мол, не мальчишествоуй (А. Шапиро)*; дело в том, что тон жизненного поведения и речи Мацулевича отрицательно оценивался многими его коллегами по театру как *настырный*. К сказанному добавлю, что у художников и музыкантов бытует представление, по которому *выбор правильного тона* и «настройка на определенное звучание» (Рунге) равнозначны взятию на себя ответственности за смысл и стиль целого произведения (см. Махов 1993, с. 65 и след.).

Слово *тон* может символизироваться и несколько иначе, приобретая смысл «стихийно возникшей первоосновы жизни» (лексема *тон 5*). Эта идея тянет за собой целый пласт культурных смыслов — «хаоса», «душевного подъема», «экстаза», «кактарсиса» и пр.

По Э.-Т.-А. Гофману, например, *выдержанный тон* является точкой музыкального экстаза, высшей точкой чувственного наслаждения: *Когда турок произнес роковое слово, мне показалось, что я услышал рыдающую мелодию... а затем передо мной снова словно бы пролетел всего один-единственный выдержанный тон, этот звук божественного голоса, который я слышал той ночью (Э.-Т.-А. Гофман. «Автомат»).*

Отдельные употребления лексемы *тон 5* приобретают дополнительные, слабые смысловые признаки, такие как «неповторимость», «неисчерпаемость» и «уникальность»; ср. *религиозный тон* (А. Солженицын), *основной тон православия* (Е. Князев), *тон народа* (М. Мамардашвили). Говоря о живописных фразах Сислея, Бертен сравнивает *вибрации тона* с *вибрациями души*.

Семиотизация и символизация тона проявляются, таким образом, в том, что тон становится не только эстетической, но и этической, моральной ценностью.

2.1.4. Аналогии и источники неречевых значений слова «тон»

Тоны 1 (или: тона 1) объединяются в цветовые или музыкальные гаммы, палитры, аккорды, синтагмы, мелодии, музыкальные рулады, трели и колоратуры, а также интонацию. Все эти единицы образуют цветовой и мелодический рисунок произведения, воспринимаемый адресатом. «Эмоциональная интонация художественного произведения в конечном счете всегда образуется отдельными тонами», — пишет искусствовед М. Дмитриева. Отметим, что по очевидным семантическим причинам для лексемы *тон 2*, в отличие от лексемы *тон 1*, недистрибутивное множественное число не характерно.

Лексема *тон 2* квазисинонимична таким словам, как *тональность*, *интонация*, *<общее> настроение*. Атрибутами этой лексемы в тексте обычно являются прилагательные столь же обобщенной семантики. Это, например, прилагательные *светлый* и *темный*, в своем главном значении — «световые», это «музыкальные» слова *минорный* и *мажорный* в их метафорическом значении, «температурные» атрибуты *теплый*, *холодный* и др., имена прилагательные, характеризующие текст с точки зрения его сложности, жанра или стиля, коммуникативных намерений автора, — *простой*, *разговорный*, *интимный*, *пропагандистский* и т.п., а также некоторые прилагательные чувства и эмоционального отношения: *радостный*, *грустный*, *ласковый*, *успокаивающий*, *строгий*, *кричащий* и пр. Поскольку, напомним, слово *тон* в указанном значении всегда выражает идею соответствия (или несоответствия) выраженного авторского замысла представлениям воспринимающего человека, ему свойственны также и такие определения, как *истинный*, *ложный*, *фальшивый*, *верный* или *неверный*; см. хотя бы высказывание братьев Гонкуров о художнике Шардене: *Шарден передал предметы в их верном тоне* или, например, такие замечательные строки: *Вдруг в течение мелодии врывается ответ или возражение ей в другом, более высоком и женском голосе, и другом, более простом и разговорном тоне. Нечаянное препирательство, мгновенно улаживаемое несогласие. И нота потрясающей естественности вносится в произведение, той естественности, которою в творчестве все решается* (Б. Пастернак «Люди и по южения»).

Помимо эстетических и этических значений, слово *тон* имеет значения «технические» и «речевые». Прежде чем перейти к наиболее интересным речевым значениям, отметим отдельные моменты, относящиеся к структуре музыкальных и технических (или, быть может, правильнее сказать терминологических) значений, исторически породивших ранее описанные. Лексема *тон б* — это специфически музыкальный термин; это слово музыкального подъязыка, обозначающее интервал из двух полутонов; ср. *Возьмите на два тона ниже. Тон б* определяется, таким образом, в музыкальном подъязыке через... полутоном! *Полутоном* же, в техническом смысле, считается минимальной единицей измерения разности звуков по высоте.

Лексема *тон 7*, точнее конструкция *Х имеет тон 7* и квазисинонимичные ей, означает «способность Х-а издавать тон 1» (на место именной группы *Х* здесь подставляются имена со значением «музыкальный инструмент»); ср. *В школе был рояль с мягким, приятным, но не очень чистым тоном*. Как видно, *тон 7* является переносным по отношению к *тон 1* контекстно связанным значением.

Лексема *тон 8* является единицей медицинского языка, обозначая характерный звук, издаваемый некоторыми органами человеческого тела в процессе их работы. Говорят *сердечные тоны, тон(ы) кишечника* (не: **<сердечные> тона, *тона кишечника*) или *тоны (в) легких*; см. высказывание врача *У больного притупился тон в левой доле легких*. «Медицинские» тоны прослушиваются, они могут быть *нормальными* или *болезненными*: *тупыми, глухими* или *хрипыми*, они *притупляются* или *обостряются*. Нарушения в последовательности (медицинских) тонов или в их характере являются для врачей важными знаками — симптомами определенных болезней.

2.1.5. Речевые значения слова «тон»

Перейду теперь к собственно речевым, или, если угодно, к «обиходным» значениям слова *тон* — ведь именно их чаще всего использует в речи рядовой носитель языка.

В своем первом, логически первичном, речевом значении рассматриваемое слово обозначает определенное свойство звучащего голоса, а именно *тон 9* — это «высота звучащего в момент речи голоса». Таким образом, вопреки бытующему мнению о том, что слова *голос* и *тон* являются синонимами с разной сочетаемостью, мы считаем их разными по смыслу.

Тон не есть свойство человека, тон — это свойство голоса, но не постоянный признак голоса как такового: плохо сказать

**У него сильный тон, *Он всегда говорит громким тоном (при нормальном Он всегда говорит громким голосом) и *Его голос имеет высокий тон.*

Тон специфицирует, причем не сам по себе, а своими признаками, особенности актуально звучащего голоса (= голоса 1). Допустимо: *Она говорила ровным тоном; Семья проявила чрезвычайную деликатность; о расстройстве дел говорили в тоне беззаботном (М. Алданов) или: — Я неделикатен, — сказал он тоном, не допускающим возражений и почти торжествующим (Ф. Сagan), и нельзя: *Она говорила тоном; *Она говорила в тоне; *«Я неделикатен», — сказал он тоном.* В подобных контекстах при имени *тон* (как, впрочем, и при слове *голос*, см. выше) должен обязательно быть синтаксически выраженный зависимый член, например в форме прилагательного или существительного в родительном падеже — родительном метафорическом, сравнения или определительном: *Она говорила с ним тоном знатока (прокурора; человека, много испытавшего на своем веку).* Можно говорить *тоном священника (Е. Попов), тоном оскорбленного мужа (М. Жванецкий), тоном любимого мужчины (А. Волкова)* и даже *тоном дрессировщика, уговаривающего льва встать на тумбу (В. Сторожев).*

Речевой тон, как и голос, может концептуализоваться как вместилище чувств, мыслей, настроений, ср. *В ее тоне не было ласковой доброты, которой всегда отличалась его ирония по отношению к близким людям ... Может быть, ее тон означал, что я — человек из прошлого общения, а не из настоящего и будущего (Д. Самойлов); В тоне, каким она это говорила, читался неподдельный интерес к учителю (С. Ларин).* Зависимыми при слове *тон* в указанном речевом значении могут быть разнообразные прилагательные (к уже приводившимся примерам добавим сочетания *говорить оптимистичным, взвешенным, твердым, наставительным, требовательным, умоляющим, заискивающим, ироничным, просительным, особым, саркастичным, шутливым* и др. *тоном*) или даже целые предложения: *Она говорила с ним таким тоном, каким никогда раньше не разговаривала.*

Отдельные признаки тона, как и признаки голоса, комбинируясь, передают обобщенно-типические характеристики говорящего, и мы различаем *административный, директорский, командирский* и другие социальные тоны.

Как уже говорилось, физические параметры звучания голоса, даже будучи взятые в так сказать «чистом» виде, обычно соотносятся с определенными эмоциями, реляционными и поведенческими элементами. Лексема *тон 10*, наиболее частотная из речевых, обозначает «способ выражения звучащим голосом чувств говорящего, его отношения к адресату или к

предмету речи». Слово *тон*, таким образом, обозначает здесь не инструмент, а манеру речи, способ говорения. Поэтому для него типична синтаксическая позиция обстоятельства способа речевого действия, обычно в пределах авторского комментария к тексту прямой речи, как во фразе: — *Из дали лет, — элегическим тоном начал Иван Сергеевич, — многое видится по-другому* (Ю. Нагибин). Здесь, как мы видим, звучащая речь и квалифицируется и оценивается; ср. также *По тому, каким тоном они говорили, чувствовалось, что они — большие друзья* (В. Вересаев).

В атрибутивных сочетаниях *злой, раздраженный, нервный, возбужденный, разочарованный тон* выражено чувство говорящего; в *ласковый, нежный, насмешливый, властный, предательский тон* — отношение к адресату речи, а в *деловой, рассудительный, шутливый тон* — отношение к предмету речи (часто выражая синкретично отношение также и к собеседнику); ср. *«Отчего же вы не верите, господа, в близкий конец мира?» — спросил Вермандуа с полуулыбкой, соответствовавшей его полушутливому тону* (М. Алданов. «Конец мира»).

Выражения *ледяной, холодный, теплый* и *??горячий тон* описывают эмоциональную температуру диалога, но, как кажется, несколько по-разному. *Ледяной и теплый тон* скорее передают отношение к собеседнику, тогда как *холодный тон* и находящееся на грани грамматической правильности *??горячий тон* больше говорят о чувствах самого говорящего, о его собственном актуальном эмоциональном состоянии.

Переносным к *тон* 10 является еще одно речевое значение *тон* 11 «стиль речи», близкое к «культурному» *тон* 3 «стиль, манера письма или творчества». Именно в этом значении употребляет слово *тон* Г. О. Винокур по отношению к литературному стилю писателя или говоря о стилеобразующей функции языка. Ср. также Он [Р. Паулс. — Г. К.] *достаточно умен, чтобы не вступать в серьезный разговор, способный обнаружить его подлинные знания, и умело переводит таковой в тон светской беседы, в подтексте которого столь короткое понимание собеседниками проблемы, что и обсуждать не стоит* (А. Шапиро). А вот что писал о поэтическом стиле Вл. Маяковского и его манере письма, используя в том же смысле слово *интонация*, Е. Эткинд в статье «Русская поэзия XX века как единый процесс»: «Речевой ритм, зигзагообразный синтаксис, гиперболизм фантазмагорических образов, словесные новообразования, необычайные. порой трагически каламбурные и составные рифмы, вписанная в текст императивная интонация голоса, которая то поднимается до крика ("ора"), то гаснет до шепота, — разве все это не черты маяковской поэзии?» Можно здесь ука-

зять и на отмечавшуюся целым рядом современных литературоведов — исследователей творчества И. Бабеля важную для этого писателя роль тона как особого художественного средства выразительности, несущего конструктивную нагрузку в организации фразы. Эстетика синтаксиса текста писателя создается, по их мнению, тоном повествования и авторской интонацией. Характеризуя творчество Дж. Джойса, И. Кашкин в своей вступительной статье к «Дублинцам» подчеркивал, что тон является главным средством, помогающим «распутать замысловатый маршрут синтаксиса произведения». И последний пример. С. Аверинцев в статье «Спор мысли с самой собою», отмечая художественные достоинства прозы Вяч. Иванова, пишет следующее: «Философская, эстетико-критическая и ученая проза Вяч. Иванова уникальна по своей непреклонной «выдержанности», то есть тщательно соблюдаемой однородности редкостной лексики, ритма и тона». Очевидно, что слово *тон* в этом контексте выступает как обозначение индивидуального авторского стиля, как лексическое свидетельство психологии или, говоря словами Г. О. Винокура, «душевных привычек и склонностей писателя».

Приведу значения слова *тон* еще раз:

Культурные значения

1. *Тон 1* = «отдельно взятый звук, цвет, оттенок или нюанс как мельчайшая единица соответствующего эстетического пространства».

Пример: *Некоторые тоны на его картине были чересчур резкими.*

2. *Тон 2* = «целостное свойство художественного произведения (то есть цвет, звук и т.п.), выражающее эмоциональное настроение от его восприятия».

Примеры: (а) *Тон — это результат действия цвета на человека (В. Кандинский)*; (б) *Небо и море окрасились в мрачные тона.*

3. *Тон 3* = «стиль, манера письма или художественного творчества».

Пример: *Ложный тон его творчества вытекает из ошибочного понимания сути дела (Г. Померанц).*

4. *Тон 4* = «стиль жизни, общая характеристика жизненных событий».

Примеры: (а) *Избранный тон жизни мешал ей (Р. Катков)*; (б) *Правила хорошего тона.*

5. *Тон 5* = «стихийно возникшая первооснова жизни».

Пример: *Основной тон православия (Г. Князев)*

Музыкальные значения

6. Тон 6 = «музыкальный интервал, состоящий из двух полутонов 1».

Пример: *Она взяла на тон ниже.*

7. Тон 7 (Х имеет тон 7) = «способность музыкального инструмента Х издавать тон 1».

Пример: *В школе был рояль с мягким, приятным, но не очень чистым тоном.*

Технические значения

8. Тон 8 = «характерный звук, издаваемый некоторыми органами человеческого тела (сердцем, кишечником, легкими) в процессе их работы».

Пример: *Тон в левой доли легких — притупленный.*

Речевые значения

9. Тон 9 = «высота звучащего в момент речи голоса».

Пример: *Она говорила с дочерью ровным тоном.*

10. Тон 10 = «способ выражения звучащим голосом (= манера речи) чувств говорящего, его отношения к адресату или к предмету речи».

Примеры: (а) *Мне был неприятен ее назидательный тон;*

(б) *«Все это ерунда», — говорил он тоном знатока (Ю. Крелин);*

(в) *«Умерьте ваш тон», — обрываю я его.*

11. Тон 11 = «стиль устной или письменной речи».

Примеры: (а) *Я по мере сил поддерживал принятый тон (М. Чулаки);* (б) *Общий тон поэзии Феогида, как это и естественно для поэта, социальные идеалы которого идут вразрез с исторической реальностью его времени, — пессимистический (А. Доватур)³⁴.*

2.2. Функции тона речи в коммуникативном акте и тексте

Тон речи регулирует актуальный диалог и связан с прагматикой речевой коммуникации. Внутренняя, органическая сложность человеческого общения может оказаться легко преодолимой, если в разговоре сразу же *взять правильный тон* или *задать верный тон*, то есть «тон, соответствующий содержанию диалога, стилю или коммуникативным намерениям говорящего». *Неверный тон*, как правило, приводит к полному провалу

³⁴ Есть еще «лингвистический» тон, который мы оставляем в стороне.

коммуникации; ср. *Я уже перестал понимать самый тон и характер разговора, который вел со мной Сталин* (А. Фадеев).

В выражениях *тоном выше* и *тоном ниже*, отражающих, на первый взгляд, лишь изменение высоты тона, скрыта причина, вызвавшая такое изменение, а именно возникшая в процессе общения, соответственно, более высокая и более низкая степень определенных эмоций или происшедшая смена отношений, например возникшие чувства досады, раздражения, неприязни, повышенная агрессивность, апломб и т.п. Как несимметричны в смысловом и коммуникативном плане повышение и понижение голоса, так различны и эти сочетания, в которых реализуется лексема *тон* 10 и которые близки по смыслу к словам *громче* и *тише*. В ходе диалога, не имеющего каких-то технических помех, мы едва ли потребуем от собеседника повысить тон и не приказываем ему **тоном выше!* Однако, полагая, что собеседник чем-то раздражен, не в меру агрессивен или говорит с нами чересчур заносчиво или вызывающе, то есть *на повышенных тонах*, мы можем попросить его *сбавить* или *убавить тон*, а иногда более резко и более категорично (то есть *категоричным тоном*) потребовать *Тоном ниже, пожалуйста!* См. в этой связи согласование свойств звучащего голоса и семантики глагола в тексте авторского комментария в примере *Умерьте ваш тон! — обрываю его я* (В. Токарева). Здесь выражение *умерьте тон* означает «не кричите» или «не повышайте голос».

Свойства тона детерминируют степень интимизации диалога. В правила ведения нормальной беседы должно быть включено требование о взаимной настройке речевых регистров участников диалога: собеседникам следует разговаривать в одинаково ровной тональности, *подстраиваясь под тон* другого. Чаше всего, впрочем, никто заранее не ставит себе такую коммуникативную задачу — настройка в ходе общения происходит подсознательно; язык же фиксирует только различные нарушения этого правила речевого взаимодействия.

Специальные указания на *директивный*, *ультимативный*, *командирский*, *властный*, *назидательный*, *учительный*, *менторский*, *покровительственный*, *надменный*, *агрессивный* и т.п. *тон*, с одной стороны, и на *извиняющийся*, *просительный*, *кокетливый*, *заискивающий*, *жалобный*, *заигрывающий* и т.п. *тон*, с другой, свидетельствуют о неравенстве коммуникативных или социальных ролей собеседников и, возможно, о сознательном намерении одного из них занять в разговоре доминантное положение. В подобных ситуациях, особенно при четко выраженном неравноправии социальных ролей, попадание под нуж-

ный тон для лица субординативного, стоящего на более низкой, чем собеседник, иерархической ступени, оценивается либо как случайная удача, либо, что чаще, как успех, достигнутый в результате сознательных усилий. Напротив, *ненахождение правильного тона*, переход на другой, *неверный*, тон или, например, на ничем не мотивированный *крик*, *потеря нужного тона* каждый раз оцениваются как несомненная неудача; ср. *Иван Афанасьевич действительно расстроился, что с ним случилось не часто, и потерял нужный тон* (Ю. Нагибин) и *Но сегодня мы не разговариваем, мы кричим. Каждый кричит о своем. Если представить прошлое как наш архив, и вот мы, кричащие, беснующиеся от боли в этом архиве. Крича, мы способны только уничтожать и разрушать* (С. Алексиевич).

Тон (лексема *тон* 1П), таким образом, не только управляет ходом разговора, настраивая собеседников на нужную волну, но и определяет его стилистику; ср. *Найден тон в меру доверительного, в меру иронического диалога с читателем и ровесником. Эта интонация (мужская без ложной мужчинской мужественности) слышна и у Филатова, и у Лукина: их возрастом такой тон оплачен, и потому на стихи Филатова написано уже с десятков вполне поющих и анонимно разгуливающих песен* (Дм. Быков). Тоны умножают возможность поиска различных вариантов, альтернатив, разных форм ведения диалога.

В разговоре, как мы уже это отмечали раньше, люди обращают внимание и на то, что говорится, и на то, как это говорится, однако делают это в разных ситуациях по-разному — иногда больший вес для них имеет тон сообщения, иногда его содержание. В работе Бугенталь 1974 были описаны разные возможные случаи осмысления устных высказываний при несоответствии их речевых (формальных) и смысловых характеристик. В частности, Д. Бугенталь указывает, что если говорящий передает сообщение, в котором слова и тон находятся в противоречии друг с другом, а тон неубедительный (чересчур сглаженный, несколько замедленный, содержит непривычные вокализации и пр.), то он почти не оказывает влияния на интерпретацию сообщения. Напротив, непринужденная, естественная и убедительная голосовая игра заставляет адресата поверить именно тону, несмотря на все слова, которые в действительности произносит говорящий.

Сменой тона может маркироваться не только нарушение кодекса речевого поведения и не только переход из одной стилистики диалога в другую, но и ломка стилистических стереотипов. С помощью определенных характеристик тона передаются сведения об особенностях речевой манеры, о своеобразии

речи (термин К. де Вожла), то есть о мере соответствия ее статусу коммуникантов, и о жанре речи. Так, сочетания *в высоких тонах, на высоком тоне* относятся не только к степени высоты звучащего голоса, но и к стилевой особенности речи. *Небрежный, непринужденный, саркастический, развязный тон, монотонно* — все эти единицы квалифицируют и оценивают манеру ведения речи; *соболезнующий, исповедальный, полемичный, наставнический, приказной тоны* указывают на тип речевого акта, имеющего или имевшего место в конкретном диалоге, или на жанровые свойства речи.

2.3. Смысловые сходства и различия слов голос и тон

Говоря о речевых значениях слова *тон*, нельзя не сопоставить их с близкими значениями слова *голос*. Хотя смысловые различия между этими словами в большом круге контекстов сглажены и одно из них свободно подставляется вместо другого по стандартным правилам метонимического замещения *pars pro toto* или *totem pro parte*, отношение метонимии здесь не транзитивно: *голос* обозначает «человека», *тон* подставим на место *голоса*, но *тон* «человека» не обозначает. Особенно наглядно это видно на примере некоторых предложений, в которых остается свободной синтаксическая позиция подлежащего, а именно предложений типа *За дверью послышался незнакомый...* На место многоточия в данный контекст можно подставить только слово *голос*, но не *тон*: в силу своей семантической специфики слово *тон* не способно служить идентификатором человека.

Людей мы узнаем по голосам, а не тонам. Выделив в хоре голосов чей-то голос, мы можем распознать человека. Снимая телефонную трубку, мы слышим *телефонные голоса* (Б. Ахмадулина), но не **телефонные тоны*. Если *голос* может концептуализоваться как «инструмент», с помощью которого один человек передает другому определенную информацию, воздействует на него либо выражает свои чувства или отношение к кому- или чему-либо [ср. предложения *«Я тут рыбу принес», — сказал он бодрым голосом; Только одинокие голоса мы слышим, только солисты внушают доверие* (С. Довлатов); *Лгать человеку не свойственно, именно поэтому лжец часто выдает себя голосом* (Ю. Карякин)], если *голос* может восприниматься как «орган-вместилище» [см. *«Мне ничего чужого не нужно», — сказал он с праведной дрожью в голосе* (Б. Носик): *«Зачем ты так?» — со*

слезами в голосе сказала она (Е. Перова)], то тон — это никак не «орган» и не «инструмент», хотя в ряде контекстов, как мы уже говорили, вполне может интерпретироваться как «вместилище»; ср. *В самом тоне, каким он говорил с ней, ощущалось его превосходство* или *В ее тоне не было ласковой доброты, которой всегда отличалась его* (Б. Слуцкого. — Г. К.) ирония по отношению к близким друзьям (Д. Самойлов).

Речевой голос как врожденное свойство человека часто ему не подвластен, например изменения в голосе человек может и не контролировать. Между тем речевой тон находится во власти человека; человек обычно тон контролирует; ср. противопоставленные по смыслу высказывания *Голос его изменился* и *Тон его изменился*. Первое из них говорит скорее о новом физическом состоянии человека, тогда как второе явно свидетельствует о смене характера речевого поведения данного человека в актуальном диалоге.

В своем основном речевом значении слово *тон* — это способ передачи речи, речевая манера *par excellence*. Можно сказать что-то со слезами в голосе, но не *со слезами в тоне, между тем голосу не свойственно характеризовать предмет речи, обсуждаемый в текущем диалоге, ср. *Он сказал об этом решении деловым тоном* (*голосом) и *Почему у тебя такой деловой голос?* О каких-то вещах люди говорят юмористическим, философским, саркастическим тоном, но не *голосом; вести спор или дискуссию можно в полемичном тоне, но не *голосе.

В ряде случаев сочетаемость слов *голос* и *тон* с именами носит достаточно прихотливый характер; ср. *тоном* (?голосом) *знатока*; *усталым голосом* (?тоном); *скучным голосом* (*тоном); *мяукающим голосом* (*тоном); *сонным голосом* (*тоном); *назидательным тоном* (*голосом); *юмористическим тоном* (*голосом); говорят *учительским голосом*, но *учительным тоном* или *тоном учителя*. И в то же время в равной степени допустимы *спокойным голосом* и *спокойным тоном*, *бодрым голосом* и *бодрым тоном*, *доверительным голосом* и *доверительным тоном*; *выразительным* может быть *голос*, а может быть *тон*; фразу можно произнести *сердитым голосом* или *сердитым тоном*.

Общая сочетаемостная закономерность здесь такова: чем менее психическим по своей природе является признак, тем хуже выражающее его прилагательное соединяется со словом *тон*, и этот факт вполне мотивирован семантикой последнего (см. об этом подробнее в следующем параграфе). Так, неудачны сочетания *женский, детский, родной, далекий, сильный, простуженный тон. Сказанная по телефону фраза *Мне не нра-*

вится ваш голос скорее предполагает плохое физическое или моральное самочувствие адресата, между тем как фраза *Мне не нравится ваш тон* означает, что адресат ведет беседу неподобающим образом, например высокомерен, грубит, дерзит или кланчит, плачется и т.п. *Знакомый голос* — это отличительная характеристика человека, *знакомый тон* — это характеристика произносимых им здесь и сейчас слов. Зато слово *тон* в полном соответствии со своей речевой семантикой свободно сочетается со словами, передающими идею изменения или выражающими результат изменения актуального звучания голоса (ср. *упавший тон, изменившийся тон, повысить тон*), а также со словами, обозначающими эмоции человека, особенности его душевного склада и отношение к предмету или к субъекту речи. Как видно из приведенных примеров, даже в тех контекстах, когда слова *голос* и *тон* оба равновозможные, семантическая интерпретация сочетаний и предложений с этими словами будет разной.

В связи со сказанным интересно сопоставить функции голоса и тона в акте коммуникации. Основное назначение тона — согласовывать межличностные и социальные отношения между участниками данного акта общения, а потому тон является этикетно нормативным, контролируемым и регламентированным. Голос же, благодаря своим природным свойствам, является главным выразителем человеческих эмоций и в диалоге часто не контролируем. С его помощью мы, выражая некоторый смысл, можем воздействовать на адресата. Если тон выполняет в диалоге организующую и регулятивную функции и связан с манерой и стилем ведения устного диалога, то голос в диалоге является, прежде всего, основным инструментом эмоционального воздействия. Именно конкретные голоса, а не тоны сопутствуют определенным спонтанным эмоциональным реакциям и проявлениям участников диалога (ср. голосовые проявления смеха, слез, стонов, плача; именно голос, а не тон сопровождает с обязательностью некоторые жесты и жестовые движения и т.д.). Мы говорим *Он повысил голос*, не только отмечая изменение высоты голоса, но и характеризуя выраженное голосом эмоциональное состояние субъекта³⁵. Мы, однако, никогда не просим **Голосом ниже, пожалуйста!* (при абсолютно корректном *Не повышайте на меня голос!* или *Тоном*

³⁵ Фраза *Он повысил голос* говорит не только о том, что он стал говорить громче из-за изменившегося эмоционального состояния, но и то, что он мог себе это позволить: повышение голоса недопустимо в диалоге «снизу вверх».

ниже, пожалуйста!). Нельзя сказать **Умерьте ваш голос*, но можно *Умерьте ваш тон*. Для выбора тона в диалоге нет ограничений, кроме тех, что прямо связаны с желаниями говорящего и определенными социальными, в частности этикетными, нормами.

2.4. Парадигматические связи слова *тон* в его речевых значениях

Слово *тон* в речевых значениях имеет не только специфические синтагматические особенности поведения в предложении и тексте. Оно вступает в парадигматические связи с определенным кругом слов русского языка, таких как *нотка*, *мелодия*, *обертон*, *интонация*, *гармония* и ряд других.

Лексема *нотка 1* (или реже: *нота 1*) в речевом значении обозначает «мельчайшую единицу звуковой или тональной последовательности, в которой проявляется чувство говорящего или отношение к предмету речи», причем характерным вместилищем для *ноток* является звучащий человеческий голос, ср.: *Я услышала в ее голосе нотки сожаления*; — *Что, Илья, нелегкая тебе должность досталась? — он с досадой услышал в собственном голосе заискивающие нотки* (Б. Васильев); *Он говорил таким голосом, в котором явственно звучала нота бесконечного благожелательства к милому ребенку* (М. Салтыков-Щедрин). Переносное употребление лексемы *нота 2* иллюстрируют следующие примеры: *В этом единственная трагическая нота этого человека с такой трагической судьбой и без всякого трагизма в своей личности* (С. Волконский); *Вот я и услышал ту самую ноту <...> Только эта нота не подведет и не обманет. Иди за ней как за Вифлеемской звездой — и минувешь все ямы и капканы. Доверься ей — и грубыми фальшивками покажутся тебе все ложные ориентиры, совлекающие в сторону от единственно верного пути. И все-таки я обращался к ней очень редко — лишь в самые ответственные моменты жизни. Только тогда, когда инстинкт самосохранения заставлял меня воспользоваться именно ею, а не чем-нибудь другим. Почему же не чаще? — Кажется, я знаю, почему. Дело в том, что эта нота обладает одной удивительной особенностью: она всегда звучит очень тихо* (В. Тростников).

В диалоге человек может фиксировать свое внимание на малейших *призвуках основного тона* или даже *полутонах*. Нередко для слушающего чуть более высокие или более низкие по звучанию дополнительные тоны оказываются существенно более значимыми, чем основные. Дополнительные тоны-призвуч-

ки получили в языке название *полутонов* (для эстетических значений) или *обертонов* (для речевых значений), ср. *В голосе его звучали такие обертоны, что я не выдержал и тотчас согласился* (Вик. Ерофеев). Обертоны в речи соответствуют в пении и музыке *подголоскам*, то есть голосам, которые вторят ведущему голосу или мелодии.

Словом *мелодия* (лексема *мелодия* 1) в русском языке обозначается «последовательность тонов, растянутая во времени и рассматриваемая как некоторое музыкальное единство». Хотя свойство «мелодичности» обычно оценивается человеком как положительное, слово *мелодия* в указанном значении «последовательность тонов...» безоценочно. Имеется, однако, другое значение того же слова — *мелодия* 2; оно-то как раз оценочное. *Мелодия* 2 — это «свойство благозвучности речевой, певческой или иной звуковой последовательности», ср. *И голос твой мне слышался впотьмах, Исполненный мелодии и ласки*.

Напевность или музыкальность звукового ряда всегда получают положительную оценку. В особенности это касается *cantus firmus*, *ведущей мелодии* произведения. А потому не случайно признак «мелодичность» постепенно становится определяющей характеристикой не только некоторых конкретных текстов, написанных на естественном языке, но самого языка. Так, о певучем характере русского народного языка в целом и о мелодичности русских лирических песен, о напевности украинских песен и мелодичности украинского языка говорят как о безусловно положительных их свойствах.

Слово *интонация* помимо специальных терминологических значений, среди которых выделю два: (а) «повышение и понижение тона в речевом потоке» и (б) «звучание музыкального инструмента или голоса», имеет также «бытовое» или, точнее, коммуникативное значение, а именно «выражение голосом определенного смысла или коммуникативного намерения». Можно сказать, что областью действия понимаемой так интонации является семантика: интонация в языке призвана соответствовать коммуникативным потребностям говорящего и отражать распределение по предложению и тексту смысла, который говорящий хочет выразить, то есть представлять актуальное членение предложения и текста.

Поскольку интонация является основным средством отражения коммуникативной перспективы высказывания, ее рассогласованность с истинными коммуникативными намерениями говорящего легко вводит адресата в заблуждение. Играя ведущую роль в организации высказывания, интонация регламентирована, как и тон, но, в отличие от последнего, регу-

лируется не столько общими правилами речевого общения, сколько коммуникативным смыслом.

Все перечисленные единицы — *мелодия, тоны, обертоны, интонация* и т.п. — в конечном счете отражают постоянный процесс эстетизации языка, то есть включение языка в эстетическое (художественное) пространство. Именно к таким единицам бывают особенно чувствительны адресаты речи — все те, кто воспринимает, квалифицирует и оценивает речь. «Так у меня голос нормальный, — шутит М. Жванецкий, — но если недодать чего, интонация мгновенно меняется».

Особенно существенна роль всех описанных культурных слов в создании разного рода художественных и перлокутивных эффектов. Речь оценивается как *красивая* или *некрасивая*, как *приятная на слух* или *резкая*, как *напевная* или как *отрывистая* и т.п. Мы уже говорили, что от неверно выбранного или непривычного тона может возникнуть диалогическая напряженность, неприятное, обычно трудно формулируемое, ощущение, часто оставляющее на душе осадок. Меняются тон или интонация, обычный мелодический рисунок речи или беседы — и разговор *накаляется*, или, наоборот, внезапно наступают внутреннее спокойствие и даже умиротворение: *Накаленность возникает не от людей, но прорывается на людей (М. Жванецкий)*.

Интонационно-мелодический характер речи, как известно, далеко не всегда отвечает ее содержанию, но тон и интонация вовсе не всегда проигрывают содержанию в борьбе за адресата. Возникающий перлокутивный эффект зачастую предопределен именно тоном и интонацией, а не смыслом речевого произведения.

2.5. Язык, тон, музыка

Тон является языковым оператором, переводящим один речевой акт в другой, одни чувства в другие, и тем самым представляет собой своеобразный канал передачи эмоциональных ощущений и отношений от одного человека к другому в ходе коммуникативного акта. Говорящий всегда выбирает тон осознанно и намеренно, в отличие от интонации и голоса, которые говорящему часто не подконтрольны. Так, спокойный и уверенный тон человека, скажем врача, может вполне благотворно действовать на пациента, несмотря на волнующую или даже тревожную для него информацию. Напротив, нотки тревоги, услышанные в голосе, могут привести к тому, что высказывание, которое первоначально было задумано говорящим

как сообщение, на первый взгляд совершенно нейтральное по смыслу, заставит адресата почувствовать себя неудобно. Адресат начинает интерпретировать данное высказывание как предупреждение, совет или угрозу, то есть как все что угодно, но только не как простое сообщение. Вопреки изначальному намерению говорящего и нейтральному смыслу самого высказывания адресату, как говорят в таких случаях, *передаются опасение, тревога или озабоченность*. Точно так же дискуссия, проходящая в неподобающем для нее тоне, перестает быть дискуссией и превращается в митинг, ссору и т.п.; ср. *Когда обсуждение проходит в тоне осуждения, мне нет смысла в нем участвовать* (Ю. Крелин).

Слова *голос, тон* и их аналоги — *звук, аккорд, нотка, палитра, мелодия, интонация, гамма, нюанс* и многие другие — в комбинации с другими словами языка существенно пополняют набор его музыкальных метафор; ср. *музыка жизни, души; палитра звуков; оркестровка текста* (Ю. Лотман); *голос из хора* (А. Сиявский); *нотки грусти; мелодии детства; смерть как мелодия; музыка как религия* (В. Артемов); *музыка как молитва* (Х. Борхес); *мир как симфония* (Новалис); *человек как эолова арфа* (Вас. Жуковский); *любовь как аккорд эоловой арфы* (Т. Гофман); <...> *Но и любовь — мелодия* (А. Пушкин); *лебединая песня; Я умираю, и моя душа изливается как печальный и мелодичный звук* (А. Ламартин) и десятки других. Все эти в изобилии представленные в русском языке музыкальные метафоры вполне соотносимы с устойчивой метафорой речи как музыки.

Понятие музыки во многих культурах непосредственно связано с языком. Например, санскритское понятие *sangīta* «музыка» имеет три аспекта: язык, исполнение и движение. Главное, что, по представлениям индусов, их объединяет, — это существование некоего единого способа выражения речевого тона и музыкального ритма. А тон и ритм объединены в дыхании. Две тенденции дыхания — выходить наружу и входить внутрь — можно увидеть и в природе, и в речи, и в музыке, и внутри самого человека.

Тело человека вибрирует, что позволяет ему регулировать ритм кровообращения, сердцебиения и дыхания с помощью вибраций языка и музыки, как речевого тона, так и музыкального ритма. Звук и дыхание соединяются в одном санскритском слове *siṅga*, которое означает как то, так и другое. Ср. «одно переходит в другое, потому что в конце это одна и та же вещь. Именно дыхание предмета может быть названо звуком; а слышимость дыхания может быть названа голосом. Поэтому дыхание и голос едины; дыхание и звук не есть две разные

вещи, если только человек может понять, что они имеют одну и ту же основу. Если и существует какое-либо объяснение, почему человек наслаждается музыкой, которую играют ему, или почему она производит на него впечатление, то оно в этом» (Хан 1998, с. 119).

Музыка и слово перекликаются с самыми разными явлениями и процессами человеческого бытия. Символически переосмысленные, слова музыкального и речевого рядов постоянно приобретают новые эстетические и этические употребления и значения, выходя за пределы тех фрагментов мира и тех областей, которые они изначально были призваны обслуживать. Вот лишь один пример. Если стилистика в музыке в значительной степени обусловлена различными кадансами, понимаемыми как ритмические последовательности музыкальных тонов (Л. Мазель), если стилистика стиха тоже во многом определяется имеющимися в нем кадансами (В. Шаламов, М. Гаспаров), то В. Розанов уже просто любил говорить о кадансах характера как формирующих облик человека. *Тоны и звуки, гаммы и палитры, аккорды и кадансы*, обретая новые смыслы, начинают выступать одновременно и как составляющие моделей языка и речи, и как компоненты моделей поэтического и музыкального творчества и стиля, и как единицы моделей житейского поступка, образа мысли и самой жизни.

Глава 5

КИНЕСИКА: ЛЕКСИКОГРАФИЯ РУССКИХ ЖЕСТОВ

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВАРЯ ЯЗЫКА РУССКИХ ЖЕСТОВ

Ключевые слова: язык, русский язык, жест, эмблематический жест (эмблема), мимика, поза, телодвижение, знак, словарь, толковый, модель, жестовый, жестовый фразеологизм, учебное пособие, экспериментальный, научный, Словарь языка русских жестов, жестовые словари, структура, лексикография, словарная статья, структура словарной статьи, вход, интерпретация, зона, информация, тип информации, описание, примеры.

В настоящей главе речь пойдет о назначении и строении нового толкового словаря языка русских жестов, мимики и поз, о типах содержащейся в нем лексической информации и структуре лексических входов (в дальнейшем мы будем называть этот словарь кратко «Словарь»). Словарь был создан нами совместно с С. А. Григорьевой и Н. В. Григорьевым (см. Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001). Основной задачей составителей было построение полного, строгого и внутренне непротиворечивого лексикографического описания основных эмблематических единиц русской кинетической системы.

Замечание. Мой вклад в создание Словаря языка русских жестов таков: помимо общего руководства работой, участия в составлении теоретической части и редактировании текста мною были разработаны общая идеология Словаря, структура и состав большинства зон; участвовал я и в написании и редактировании многих его словарных статей. Мною также построены толкования большинства русских жестовых фразеологизмов, о которых упоминалось в разделе «Введение». Наконец, мною был написан заключительный раздел Словаря — «Кинесика». Полагаю, что все это дает мне моральное право представить результаты работы над Словарем языка русских жестов в данной книге.

Словарь был задуман не только как справочная книга, содержащая все важнейшие сведения об основных бытовых русских эмблемах, но и как необходимый первый шаг на пути построения двух формальных моделей — модели сопоставитель-

ного анализа вербальной и невербальной семиотических систем и модели их взаимодействия в коммуникативном процессе. С этой целью в Словарь был введен целый ряд зон, содержащих информацию вербального характера (см. ниже). Таким образом, его формат обеспечивает единообразное описание жестов и жестовых фразеологизмов, а потому вполне отвечает двум главным **целям**, соответствующим замыслу разработчика: представить русский язык жестов в его существенной части как семиотическую систему и соотнести единицы этого языка с русскими языковыми единицами.

Следует подчеркнуть еще одну особенность построенного Словаря: с самого начала Словарь мыслился составителями не только как научное, но и как **практически полезное учебное пособие**, отражающее все разнообразие репертуара русского жестового эмблематического поведения. Поэтому в его словник были включены русские эмблемы каждого из выделенных семантических типов, то есть симптоматические жесты и коммуникативные жесты трех видов, вместе с указанием типовых контекстов их употреблений, таксономических категорий, происхождения и пр. С самого начала мы сознательно стремились к созданию такого лексикографического сочинения, пользователь которого мог бы не только легко найти всю нужную ему информацию о русских эмблемах, но и познакомиться с русским языком жестов вообще.

Для того чтобы некий словарь мог служить практически полезным учебным пособием, он должен быть написан живым языком, а его материалы должны быть хорошо систематизированы и сравнительно легко запоминаться. Поэтому мы попытались найти компромисс между научной строгостью и точностью представления результатов лингвосемиотического анализа жестов, с одной стороны, и доступностью, живостью и ясностью изложения лексикографического материала, с другой. В итоге была написана книга, которая, как хотелось бы надеяться, соединяет в себе качества научного толкового (объяснительного) словаря и учебника для аудиторного изучения языка русских жестов (или учебного пособия для его самостоятельного изучения).

Наш Словарь включает в себя эмблемы, образующие центр русского языка обиходных жестов. Всего в корпусе словника содержится порядка 120 жестовых лексем разных типов (более 60 вокабул), которые могут встретиться в разных стилях и жанрах речи. — это собственно жесты, мимические жесты, позы и знаковые телодвижения. Словарь имеет ряд особенностей, отличающих его от всех прочих словарей и коллекций жестов.

которые мне известны. Но прежде, чем указать его наиболее характерные признаки, остановлюсь кратко на строении и содержании некоторых из существующих жестовых словарей.

Наиболее известными из них можно считать путеводители по жестам разных культур и описания распределения жестов по культурам и географическим районам (Баракат 1969; Лэйкин 1963; Моррис 1994; Хьюис 1955; Хьюис 1957; Хьюис 1966), словарь жестов Америки и Колумбии (Сэйтс, Червенка 1972), описание американских эмблем (Джонсон, Экман, Фризен 1975), сопоставительный словарь американских и арабских эмблем (Сафади, Валентайн 1990), словари арабских (Баракат 1973; Брюер 1951) и бразильских жестов (Ректор 1986; Ректор, Тринта 1985), словари и описания африканских жестов: кенийских (Крейдер 1977), камерунских (Сорин-Баррето 1982), масаи и кикую (Кирк, Бертон 1976), описания эмблематических жестов языков иврит (Сафади, Валентайн 1988) и идиш (Бройде 1977), словари голландских (Андреа, Бур 1982), испанских (Грин 1968; Колл и др. 1990) жестов, словари и описания итальянских жестов [Диадори 1990; Кендон 1992 (описание)]; Мунари 1963; Поджи, Зомпарелли 1987; Поджи 1998; Риччи-Битти 1976; Риччи-Битти 1992 (словари)], описание каталанских эмблем (Пайрато 1993), словари немецких жестов (Кирх 1987; Познер и др. 1998), описание иранских жестов (Спархок 1981), описания и словари французских (Вили 1977; Кальбрис, Монтредон 1986; см. также монографию Кальбрис 1990, посвященную в целом описанию французских жестов и где на с. 26—40 дается сопоставительный анализ 34 французских, венгерских и японских жестов и их номинаций) и японских жестов (Джонсон 1985; Лебра 1976; Тэйлор 1974), словари и описания японских жестов, их номинаций и жестовых фразеологизмов (Гаррисон 1948/1990; Неуступный 1987; Раздорский 1981; Тумаркин 2001), описание жестов негритянской части населения США (Джонсон 1971) и жестов, распространенных на западе этой страны (Джонсон 1972), многоязычный словарь жестов (Баумль Б., Баумль Ф. 1975) и, наконец, словари русских жестов (Акишина, Кано 1980; Акишина А. А., Кано и Акишина Т.Е. 1991 и Монохан 1983).

Все перечисленные словари обладают следующими общими чертами:

(1) сознательная ориентация их составителей не на научное лексикографическое описание данного невербального языка, а на практику использования жестов в повседневном общении и в преподавании родного и иностранных языков;

(2) почти полное игнорирование тех требований, которые предъявляет к лексикографическим сочинениям современная

наука, прежде всего лингвистика, семиотика и теория коммуникации, а именно: большая неопределенность и неоднозначность языка описания, полное отсутствие семантических дефиниций или их неточность, отсутствие формулировок правил употребления невербальных единиц, немотивированность или неэксплицитность большинства принимаемых словарных решений, несогласованность описаний лексических единиц, обладающих общими свойствами. Иными словами, существующие жестовые вокабулярии отмечены пренебрежением многими важнейшими принципами системного анализа лексики;

(3) малая информационная насыщенность словарей: объем сведений о жестах, которые в них содержатся, явно недостаточен ни для того, чтобы они могли быть полным и всесторонним справочным пособием по данному языку тела, ни для построения моделей синтеза и анализа невербального текста;

(4) отсутствие согласованности невербального и вербального описаний. Существующие словари и описания жестов плохо соотносены с данными естественных языков, что, по нашему убеждению, является неправильным с методологической, нецелесообразным с теоретической и малооправданным с практической точек зрения.

Ниже я остановлюсь лишь на трех словарях, которые мне представляются наиболее показательными для демонстрации сегодняшнего, в целом далекого от удовлетворительного, состояния лексикографии жестов, — и это несмотря на то, что в очень многих отношениях разбираемые словари являются весьма удачными.

1. В вышедшем на английском языке словаре Баумль Б., Баумль Ф. 1975 собраны жесты разных культур и народов и указаны их формы и значения. Словарный материал упорядочен по алфавиту имен частей тела — в нашей терминологии «мест <исполнения жестов>» и «рабочих органов» (см. об этих понятиях ниже). Основной текст словаря открывается статьей **ABDOMEN** «живот», за которой идут «двойные» и «тройные» входы: **ABDOMEN, CHEST, HAND** «Живот, Грудь, Рука» и **ABDOMEN, FINGER** «Живот, Палец».

Интерпретация словарных единиц выглядит очень просто. Сначала приводится однословный ярлык, с помощью которого, по мнению авторов словаря, раскрывается семантика жеста, затем дается физическое описание жеста, то есть указывается, как жест в норме должен исполняться, причем, и это, на мой взгляд, действительно большое достоинство словаря, приводятся разные возможные реализации данной жестовой

формы в разных культурах. Есть в словаре и другая информация, которая, однако, подается крайне несистематично и нерегулярно. Это сведения о сфере применимости жеста, стилистические пометы типа «грубый» и «неприличный», текстовые иллюстрации с указанием на источник, ссылки на другие жестовые словари и специальные работы, откуда заимствуется либо целиком описание жеста, либо какие-то частные сведения о жесте.

Рассматриваемую книгу можно признать как относительно информативным, так и практически полезным справочным пособием, поскольку в ней содержатся сведения о том, как выглядят и что приблизительно означают жесты многих культур мира, однако отнести ее к научным словарям, которые бы удовлетворяли требованиям современной системной лексикографии и лингвистики в целом, никак нельзя: в ней совсем нет толкований, эксплицитно не указаны синтагматические и парадигматические связи описываемых единиц, не отражены контексты использования жеста, отсутствуют сведения о связи жеста и его номинации и многое другое.

2. Изданный в Японии на русском языке словарь русских жестов А. А. Акишиной и Х. Кано (Акишина, Кано 1980) представляет собой сопоставительное лексикографическое описание русских и японских жестов. Книга открывается вступительной статьей, в которой содержится много важных теоретических сведений о жестах и жестовых системах вообще и русском жестовом языке в частности, о чем говорят даже отдельные рубрики вступительной статьи (названия даются в том виде, в каком они представлены в словаре): «Жест», «Некоторые общие правила русского жеста», «Эстетика движения», «Походка и стояние», «Сидение», «Этикет» (с подрубриками: «Куда смотреть при разговоре», «Нормы поведения с незнакомыми людьми», «Ситуация в лифте», «Знакомство», «В гостях»). Под заголовком «Общие сведения» в живой и занимательной форме сообщается информация о жестовых функциях различных частей тела в каждом из двух невербальных языков, о выражениях лица и позах, о допустимости и недопустимости касаний, а также сведения о некоторых других невербальных параметрах диалогического общения, например о нормах дистанций между собеседниками.

В ходе словарного описания русские жесты всякий раз сопоставляются с их японскими невербальными эквивалентами и аналогами, а контексты употребления русских жестов соотносятся с существующими нормами и особенностями употребления японских жестов в разных ситуациях общения.

Основной текст словаря А. А. Акишиной и Х. Кано построен следующим образом. Лексемы группируются в соответствии с тем рабочим органом, который участвует в производстве жеста; первым описывается класс жестов, исполняемых пальцем или пальцами. Внутри каждого класса единицы упорядочены в алфавитном порядке начальных слов в составе основных номинаций жестов. После знака косой черты приводятся другие возможные языковые обозначения описываемого жеста; например, для жеста **барабанить пальцами** указаны номинации *барабанить пальцами / кончиками пальцев, костяшками пальцев по поверхности чего-л.* Далее за значком «См.», если таковой в данной статье имеется, идут отсылки к другим единицам, содержащимся в словаре. Так, от номинации **барабанить пальцами** словарь отсылает к номинациям *перебирать пальцами и стучать пальцами.*

Затем следует зона физического описания, или физической реализации, жеста, где приведены не только основная форма жеста, но и допустимые ее модификации. Например, для жеста **барабанить пальцами** указываются такие варианты физического описания: «1) Кисть расслаблена, качается, пальцы собраны, стучат кончиками ногтей. Общий жест с японским. 2) Кисть висит или лежит на столе, начиная с мизинца или безымянного к указательному или среднему, поочередно опускаются пальцы на ногти или на подушечки пальцев. Большой палец или прижат к столу, или висит в воздухе. В японском обычно в этом жесте работают не все пальцы, мизинец не участвует, поэтому русский жест вызывает затруднения. 3) Локти стоят на столе или прижаты к телу, пальцы немного расслаблены, пальцы одной руки ударяются о пальцы второй руки одновременно, как в японском, или поочередно, начиная с мизинца по направлению к указательному, что вызывает трудности у японцев. Большие пальцы при этом или расслаблены, или могут быть соединены друг с другом. 4) Фалангами пальцев стучать в дверь, по столу, друг о друга». После такого подробного описания указывается, что жест **барабанить пальцами** имеется также в японском.

За зоной физического описания следуют зоны «Значение» и «Текстовые примеры», иллюстрирующие употребление каждой из выделенных в пределах жестовой вокабулы лексем. Значение, однако, «раскрывается» через слова-синонимы, то есть, по сути дела, не раскрывается вовсе, ср.: «Значение: 1) Сосредоточенность мысли, задумчивость <далее следует пример>; 2) Рассеянность, безучастность...; 3) Нетерпение, нервозность...». Кроме того, в словаре сообщаются сведения об упот-

реблении описываемой единицы, в том числе приводятся правила этикета. Например, в упомянутой словарной статье вокабулы **барабанить пальцами** содержатся некоторые этикетные правила, связанные со стуком, даны примеры употребления выделенных здесь лексем в различных ситуациях общения.

Есть в рассматриваемом словаре и зона «Фразеология», где указаны соотносимые с жестом фразеологизмы и описана их семантика. Например, во фразеологической зоне статьи **барабанить пальцами** приведена фраза *палец / пальцем, пальца / о палец не ударить* и ее объяснение: «ничего не сделать для достижения цели». Эта формулировка, надо сказать, уже гораздо больше отвечает требованиям, предъявляемым к современным толкованиям, чем экспликация смысла через синонимы.

Словарь А. А. Акишиной и Х. Кано, как можно понять даже из данного краткого описания, содержит относительно большой объем информации о жестах, распределенной по разным зонам. В нем хранится много важных сведений, причем в форме, удобной для неискушенного пользователя, на которого, собственно, словарь и рассчитан. Это делает его весьма полезным практическим руководством по русскому языку жестов, в особенности для японского читателя. Однако даже этот словарь не отвечает требованиям системной лексикографии и не является научным в строгом терминологическом смысле этого слова.

3. В еще большей мере сказанное касается изданного по-английски словаря русских жестов Б. Монохан (Монохан 1983). По существу, этот словарь был первоначально ориентирован на обучение русским жестам студентов-иностранцев («It was originally planned as a learning experience and a teaching tool to complement intermediate and advanced Russian classes», с. 11), но затем автор переориентировала его на более широкую аудиторию, расширив словарный репертуар и снабдив жесты дополнительной информацией.

Устроено это лексикографическое пособие весьма хаотичным образом; например, с самого начала совершенно не ясно, какую информацию автор считает необходимым поместить в словарь, поскольку в нем нет даже пояснительной статьи, в которой бы излагались принципы отбора и упорядочения материала как в пределах словаря, так и отдельной статьи. Хотя, в отличие от подавляющего большинства словарей, данный словарь содержит фотоиллюстрации, текстовые примеры в нем почти полностью отсутствуют, а некоторых жестов, которые попали в его словник, вообще нет в современном русском языке тела. Дело в том, что на представленных в словаре фотогра-

фиях явно изображены актеры или эмигранты из России, видимо, давно не бывавшие в ней и потому либо демонстрирующие несуществующие русские жесты типа мне *вылы* (с. 96—97), прикусить язык (с. 98—99) или *давай переспим* (с. 146—147), либо исполняющие жесты с явно не подходящей для этих жестов мимикой и позами, нарушая одно из требований системного лексикографического описания — согласованности (см. ниже).

Семантические и физические описания жестов в словаре Б. Монохан далеки от идеального. Они построены в виде произвольного по структуре и лексике рассказа, пометы к входным единицам даются нерегулярно, а в ряде случаев отсутствуют правила употребления.

Таким образом, перед нами не словарь, каким он должен быть согласно современным представлениям о словарях, а скорее откомментированный список наиболее употребительных русских жестов, куда включены даже такие «жесты», как *умыть руки*; где *была твоя голова*; *мозги перевернуты*; *смотри в оба*; *загляни кошке под хвост*; *тройной поцелуй* или жест (!) *чесать правой рукой левое ухо*.

Вот, например, как выглядит словарная статья жеста **Quiet! Calm yourselves!** «Тихо! Успокойтесь!» в этом словаре (с. 92—93), то есть того жеста, который мы обычно называем *прижать палец к губам*, а американцы — *cross* «крест»: «Жест типично, а возможно, и исключительно женский, хотя его значение универсально: “тихо”». Вот, собственно, и всё, что сказано о данной единице!

А так выглядит словарное описание жеста **I am sleepy**, имеющего форму «сложенные вместе руки кладутся под наклоненную набок голову» (с. 118): «Жест, означающий “я хочу спать”, может использоваться детьми в разговоре со взрослыми или родителями в ситуации, когда они хотят показать своему ребенку, что ему пора идти спать. Употребляя данный жест, родители также могут задать детям невербально выраженный вопрос типа “Ты уже спишь?” в ситуации, когда вербальное выражение вопроса могло бы перебить речь взрослых и было бы в какой-то мере неуместным или невежливым. В подобной ситуации ребенок точно таким же способом сигнализирует о своем состоянии родителям» (переводы наши. — Г. К.).

Приведенный, в действительности при переводе даже несколько исправленный, текст словарного описания правильно фиксирует значение и стандартные ситуации использования данного жеста, однако на этом, по сути дела, словарная статья и заканчивается. Она, в частности, не содержит ни зоны

физической реализации с указанием возможных вариантов исполнения жеста, ни сведений о мимике, которая обязательно должна сопровождать описываемый жест.

Перейдем теперь к нашему Словарю языка русских жестов и расскажем о его основных особенностях, в совокупности отличающих его от всех других известных нам жестовых словарей.

А. Словарь языка русских жестов является лингвистически и семиотически ориентированным.

Это означает, что в основу Словаря положены понятия, принципы и концептуальный аппарат, разработанные в конкретной языковой теории. В качестве таковой нами была взята теория лингвистических моделей «Смысл — Текст» И. А. Мельчука и А. К. Жолковского, основные идеи и положения которой мы полностью разделяем. Кроме того, идеологическую и понятийную базу Словаря составили теоретические разработки и практические результаты в области современной лингвистической семантики и системной лексикографии. Я имею в виду прежде всего работы Ю. Д. Апресяна и его коллег и учеников, выполненные в рамках московской семантической школы, лингвистические постулаты, сформулированные А. Е. Кибриком и его сотрудниками и учениками, а также базирующиеся на этих постулатах исследования, проводимые в рамках предложенной и развиваемой общетеоретической и типологической научной парадигмы. Кроме того, в Словаре нашли отражение многие идеи и построения, выдвинутые польской семантической школой, главным образом А. Вежбицкой и А. Богуславским.

Из теоретических представлений, понятий и результатов назову здесь лишь совсем немногие, которые мы так или иначе учитывали при создании Словаря: структурный подход к языку, уровневое построение теории и модели описания языка, различение языка-объекта и языка описания (метаязыка), понятие семантического представления как базового, исходного, наиболее глубинного компонента многоуровневой модели языка, идеи семантической простоты и семантического разложения как сведения более сложных в смысловом отношении единиц к более простым, требование точности моделирования языковых явлений, тесная взаимосвязь семантики знаков с механизмами реальной коммуникативной деятельности и когнитивными операциями, осуществляемыми человеком в процессе общения, представление о словаре как важнейшем и сложнейшем продукте интеллектуальной деятельности человека, признание равноправного и согласованного участия словаря

(словарей) и грамматики в порождении и анализе текста и другие основные принципы системной лексикографии³⁶.

Размышляя о том, какова должна быть общая организация и структура Словаря, а также содержание его зон, мы не могли не принять во внимание многие понятия, положения и результаты общей семиотики, касающиеся строения знака, типологии знаков и знаковых систем, коммуникативного акта и его структуры и др. Наконец, при построении Словаря мы опирались не только на опыт составителей существующих жестовых словарей, но и на теоретические исследования в самых разных областях невербальной семиотики, и прежде всего кинесики.

Б. Словарь языка русских жестов является толковым объяснительным словарем.

Это означает, что основная цель Словаря — предоставить читателю по возможности максимально полное, точное и ясное описание значений жестов и показать все существующие связи между жестами разных типов и их естественно-языковыми аналогами. Для этого нами был разработан особый семантический <мета>язык, на котором записывается смысл жестов. Контексты жестовых лексем и вокабул тоже частично формулируются в семантических терминах, а именно указываются сочетаемостные семантические (наряду с синтаксическими и прагматическими) свойства и признаки описываемых единиц.

Семантическая основа Словаря является очевидным следствием следующих принципов и положений, которых я придерживаюсь:

(а) прагматически освоенные, распознаваемые и стабильные формы жестового поведения имеют свою семантику, а также стандартные модели и контексты правильного употребления;

(б) обиходные жесты, позы, знаковые телодвижения и выражения лица обладают значениями того же типа, что и значения, кодируемые в естественном языке. Описание большой группы жестовых фразем, выполненное в ходе работы над Словарем, подтверждает это положение;

(в) русские эмблематические жесты являются в основном символическими знаками и противопоставлены физиологическим движениям (хотя и существует ограниченное число лексикографических типов русских иконических эмблем, занимаю-

³⁶ К некоторым из этих представлений и положений мы позже еще вернемся.

щих промежуточное положение между жестами и физиологическими движениями). Значения большинства эмблем, включенных в словник нашего Словаря, являются абстрактными и конвенциональными; их нужно заучивать наизусть и хранить в памяти на протяжении всей жизни;

(г) жест, как и всякий знак вообще, имеет означающее (форму), означаемое (смысл), синтактику и прагматику. Противопоставленные им <физиологические> движения, как мы уже говорили в гл. 3, представляют собой действия тела чисто утилитарного характера, при том, что они имеют сходную с жестами биологическую природу. Между тем почесывание в затылке может быть знаком недоумения, пожать плечами — указывать на незнание [ср. *Я просто подумала: желтое или бежевое будет миндальное пирожное. Должно быть, что-то среднее. В конце концов, не зная, что сказать, я спросила об этом Юлиуса. Он... пожал плечами — у мужчин верный признак того, что им нечего ответить, — и спросил, как поживает Алан (Ф. Сазан)*], можно утвердительно **кивнуть** и отрицательно **помотать головой**, и это все конвенциональные знаки-жесты. Отметим, что для значительной части жестов их означающее идентично с формой того или иного движения;

(д) интерпретация данного движения как жеста или как физиологической реакции входит в функцию адресата актуальной ситуации невербального общения. Эта интерпретация может оказаться неправильной, и в подобных случаях возможен коммуникативный провал. Представим себе, например, что в разговоре один из собеседников зевнул. Другой может истолковать этот зевок двояким образом: либо как физиологическую реакцию, вызванную, например, хроническим недосыпанием партнера, либо как знак, говорящий о том, что зевнувшему разговор неинтересен или попросту скучен.

Не вполне четкая граница между жестами и физиологическими движениями и их общая биологическая основа частично объясняют, почему многие движения в акте коммуникации могут сознательно использоваться как жесты. Так, желая обратить внимание собеседника на то, что у него болит зуб, говорящий может приложить руку к щеке, и в этом случае данное движение становится жестом. В нашем Словаре употребления такого рода не рассматриваются; в него включены лишь жесты устоявшиеся и прагматически освоенные.

Важным, хотя и не единственным, критерием отнесения жеста к классу прагматически освоенных является, как мы уже говорили, наличие у него особого общепринятого языкового обозначения, или *номинации*. Например, наклон головы впе-

ред, означающий согласие, одобрение или формальное приветствие, называется **кивок**, а если подобное движение выражает скорбь и выполняется в особых ситуациях (обычно на похоронах или стоя перед могилой), то используется выражение **склонить голову**. Все это жесты. При наклоне же головы вперед с целью рассмотреть какой-нибудь предмет на земле или на полу (то есть для физиологического движения, а не жеста) эти языковые единицы не используются, ср. неправильные **кинул, чтобы рассмотреть, *склонил голову, чтобы разглядеть*. **Потрепать по щеке** — это жест, а *похлопать по щеке* — движение. *Поднимать и опускать плечи* — это номинации незнакомых движений, а *пожать плечами* — название жеста. Одно дело **дать кому-то подзатыльник** в наказание за какой-то незначительный проступок (жест наказания) и совсем другое — *ударить по затылку* (движение).

Еще одним отличием жестовых знаков от незнакомых физиологических движений является способность жестов менять свое значение в географическом и культурном пространстве и во времени. Поэтому жесты имеют однозначные варианты — географические, социальные или культурные. Физиологические движения в силу неконвенциональной связи между их формой и значением такой способностью не обладают. Много примеров жестов, которые изменили на протяжении истории свое значение, содержится в книге Бреммер, Руденбург 1991; примером русского жеста, не только изменившего значение, но и расширившего сферу употребления, является жест **перекреститься**, сегодня уже приобретший, наряду с религиозным, «бытовое» значение.

Степень фразеологизации жестовой номинации выше, чем у свободного сочетания слов. Это проявляется, в частности, в том, что если в названии жеста имеется предлог, то ударение смещается именно на него. Имя жеста **стучать кулаком по столу** по нормам русского языка должно прочитываться с ударением на предлоге *по*, в то время как свободное сочетание слов *стучать молотком по столу*, называющее конкретное физическое действие, имеет ударение на слоге *лу* в словоформе *столу*; ср. также **хвататься за голову** (жест, ударение на предлоге) и *внезапно схватился за голову* (свободное сочетание, ударение не на предлоге). Впрочем, сказанное об ударении в именах жестов не является безусловным правилом, а существует только как тенденция, ср. жесты **шелкать по носу** (ударение на предлоге *по*) и **провести рукой по горлу** (ударение не на предлоге *по*);

(е) значение жеста, как значение вербального знака отличается и от его социальной или коммуникативной функции, и

от условий текстового употребления. Значение жеста следует отличать от условий его употребления точно так же, как мы отличаем, скажем, смысл фраз *Как прошел сегодня ваш доклад?* или *Как приятно с тобой разговаривать!* от их функционирования в качестве, соответственно, выражения заботы или грустной иронии;

(ж) семантическая природа жеста полностью раскрывается только в его сопоставлении с семантически близкими жестами и с вербальными, в частности фразеологическими, языковыми выражениями.

В. Словарь языка русских жестов обладает свойством внутренней и внешней согласованности.

Современная системная лексикография выдвигает на первый план принцип интегральности лингвистического описания, впервые введенный в работах Ю. Д. Апресяна (см., например, Апресян 1986а). Одним из проявлений этого принципа является согласование словарного и грамматического описаний. На достижение подобной *внутренней согласованности* был по замыслу ориентирован и наш словарь. Кроме того, невербальный характер рассматриваемой знаковой системы, существующей хотя и параллельно естественному языку, но в тесной взаимосвязи с ним, налагает дополнительные требования на структуру словаря и форму словарного описания. Он должен удовлетворять условию *внешней согласованности*, под которой мы понимаем координацию лексикографических представлений жестовой и естественно-языковой систем.

Внешняя согласованность жестовой и языковой систем проявляется, по меньшей мере, в двух отношениях. Во-первых, большинство русских эмблематических жестов имеют стандартные языковые имена. Если у жеста нет имени, закрепленного в языке, то он получает в нашем Словаре условное название, образованное с помощью слов, составляющих звуковое сопровождение жеста, слов, входящих в описание его формы, или с помощью семантических признаков, составляющих ядро его семантической структуры; само имя жеста при этом заключается в кавычки. Примерами такого рода единиц служат жесты «**стоп**» и «**поднятие руки**» <как выражение желания ответить на вопрос>. Во-вторых, в нашем Словаре имеется ряд специальных зон, непосредственно ориентированных на естественный язык. Их содержанием является определенная языковая информация о входном жесте. Это — зона «Другие номинации».

Помимо основного, наиболее частотного имени Словарь сообщает читателю сведения о некоторых других названиях дан-

ного жеста, с которыми он может встретиться в произвольном письменном или устном тексте. Данная зона введена в Словарь для того, чтобы пользователь мог узнать жест в тексте. В самом простом случае мы сталкиваемся с синонимичным варьированием слов в составе номинации жеста, ср. *переступить* и *переминаться с ноги на ногу* (варьирование в пределах одного стилистического регистра), *опустить глаза* и *опустить очи* или *покачать пальцем* и *повести пальцем* (варьирование с переходом от одного стиля к другому). В других ситуациях номинация жеста может быть нагружена дополнительными по отношению к основной смыслами, ср. *открыть рот* и *рот раскрылся до ушей*, *делать большие глаза* и *глаза на лоб вылезли*. На нынешнем этапе в Словаре отражено только варьирование первого рода;

— зона «Речевое и звуковое сопровождение».

В нее включены те речевые и звуковые последовательности, которые с необходимостью или с высокой степенью обязательности воспроизводятся в реальном коммуникативном акте вместе с данным жестом. Например, для жеста *провести ладонью по горлу* указывается звуковое сопровождение *Во!; Во где!; Во как!;* а для жеста *приложить палец к губам* (в одном из значений) — последовательность *Тс—с—с!;*

— зона «Звуковые и речевые аналоги».

В этом месте Словаря содержатся вербальные единицы, которые близки по значению к описываемым жестам и могут замещать их в подходящих контекстах. Так, речевыми аналогами для жеста *помахать пальцем* будут единицы *Эй!; Поди сюда!;* и некоторые другие, а для *кивка* — *Да; Ага;*

— зона «Фразеология».

Эта зона дает разнообразную информацию о жестовых фразеологизмах, семантически связанных с данным жестом³⁷. Здесь читатель может найти сведения о механизмах семантической деривации, таких как семантические сдвиги, семантические операции, метонимические и метафорические переносы, о когнитивных схемах и сценариях, управляющих образованием производных значений из исходного и задающих структуру многозначности, о функциях и ролях тех или иных компонентов фразеологизма (см. примеры описаний жестовых фразеологизмов ниже). Сообщаются в этой зоне и сведения о культур-

³⁷ Много фразеологизмов, генетически восходящих к жестам, приводится в статье Верещагин, Костомаров 1981, с. 45: *дойти до ручки; засучив рукава; ломать шапку; очертя голову; пасть ниц; чур меня!; стоять фертом; ходить гоголем; выделять кренделя* и др.

ных коннотациях фразеологизма и связанного с ним жеста. Рассмотрим, например, фразеологическую единицу *опускаются руки*, семантически соотносящуюся с жестом. *Опускающиеся руки* свидетельствуют о том, что человек не хочет действовать, что он отступает перед возникшими перед ним трудностями, поскольку считает их для себя непреодолимыми, что он не может справиться со стоящими перед ним задачами или возникшими обстоятельствами и потому отказывается от, по его мнению безнадежных, попыток их преодолеть³⁸. Данный фразеологизм восходит к библейскому представлению о жесте поднятой руки как означающей силу, физическую и моральную. Соответственно, опустившиеся или опущенные руки говорят о потере данных качеств. Именно такая информация и помещается в наш словарь, сопровождаемая необходимыми иллюстрациями. Предвещая гибель врагам Израилевым, филистимлянам, Иеремия говорит о том, что противник филистимлян уже движется на них, что *от шумного топота копыт сильных коней его, от стука колесниц его, от звука колес его, отцы не оглянутся на детей своих, потому что руки у них опустятся от того дня, который придет истребить всех филистимлян* (Иер. 47: 3—4). И израильтяне за свое отступничество будут наказаны, как утверждает в книге пророка Иезекииля: они *будут стоять, каждый за свое беззаконие. У всех руки опустятся, и у всех колени задрожат, как вода* (Иез. 7: 16—17).

О жестовом фразеологизме, *носить на руках*, восходящем к соответствующей позе, которая свидетельствует об отношении к носимому как к ребенку, следовало бы сказать, если бы мы поместили его в наш Словарь, что в Библии любовь Господа к человеку и забота о нем уподобляются любви родительской, а потому мы можем встретить в библейских текстах, например во Второзаконии, высказывания типа *Бог твой носил тебя, как человек носит сына своего, на всем пути* (Вт. 1: 31). Подобные употребления фразеологизма тоже должны быть представлены в Словаре.

Г. Словарь языка русских жестов претендует на то, чтобы быть системным и полным.

В соответствии с назначением и общей ориентацией Словаря русские эмблемы распределены по лексикографическим

³⁸ Другое значение этого жестового фразеологизма — выражение сильной физической усталости, изнеможения; ср. *Пойду в погоню за Давидом в эту ночь; и нападу на него, когда он будет утомлен и с опущенными руками* <...> (2 Цар. 17: 1 — 2).

семантическим классам, или типам. Члены каждого класса — по определению жесты, семантически сходные и имеющие нетривиальное общее смысловое содержание, — получают в словаре идентичные или похожие описания. Например, все жесты прерывания контакта с собеседником представлены в словаре более или менее единообразно; то же касается коммуникативных жестов приветствий или симптоматических жестов удивления. Все различия в структуре семантических дефиниций эмблем, в отражении особенностей их сочетаемости внутри каждого из типов и в формулировке правил употребления должны подкрепляться реально существующими расхождениями в их невербальном поведении людей, а иногда и в вербальном поведении их номинаций. Таким образом, описание лексикографических семантических типов дополнено в нашем Словаре лексикографическим портретом каждой из представленных в нем кинетических единиц (о понятии лексикографического портрета языковой единицы см. Апресян 1986а).

С точки зрения семантики Словарь языка русских жестов представляет все наиболее важные семантические разновидности невербальной лексики. Сведения, передаваемые русскими эмблематическими жестами, можно разделить на две большие группы: (1) сведения о мире и (2) сведения о ментальном — интеллектуальном и психологическом — состоянии жестикулирующего. Говоря об информации о мире, можно отметить, что значения русских обиходных эмблем включают в себя разнообразный семантический материал, относящийся к **именам**: (а) людей (ср., например, жесты **я**, **чебурашка** или поднятый вверх кулак в жесте **рот-фронт**, который имеет прямое отношение к коммунистам; поза **мыслителя** обозначает задумавшегося человека и пр.); (б) животных (ср. иконическое изображение бега лошади); (в) материальных предметов (ср. иконические жесты **ножницы**, **сигарета**, **стаканчик**). Другие жесты (а иногда и те же, поскольку в жестовых языках различие между именами и глаголами весьма нечеткое, размытое), сообщая о мире, кодируют семантические **предикаты**: (а) действия, например, «резать», «курить», «идти», «слушать» и др.; (б) свойства, ср. «глупый», «толстый»; (в) состояния, такие как «наелся», «надоело», «сонный», «тошнит» и пр.; (г) отношения, например, «связь», «там», «дружба», «любовь» и пр.; (д) кванторы («много», «два», «весь» и др.).

Что же касается сведений о ментальных состояниях человека, то их можно разделить на несколько семантических групп и среди них сведения (а) о целях жестикулирующего (о том,

что он клянется, ср. жест **зуб даю**³⁹, угрожает партнеру, ср. жесты **погрозыть пальцем или кулаком**, **угрожающая поза**, спрашивает (**поднятая бровь**), отвечает на вопрос (**кивает головой**) и пр.; (б) о **мыслях** (например, **покачивая головой**, жестикующий дает понять, что он не склонен верить адресату); (в) о **чувствах**, ср. жест **нахмуриться** или мимический жест **смотреть прямо в глаза** и (г) **оценках**, ср., например, или **«поднять большой палец»** (форма «рука сжата в кулак, большой палец поднят вверх»).

Хотя в подготовленную к изданию версию Словаря мы включили только часть из упомянутых выше жестов, в целом он достаточно хорошо отражает семантический спектр русской эмблематической лексики.

Д. Словарь языка русских жестов избегает логических кругов в толковании жестов.

В словарном языке описания жестов используются, как нам кажется, только ясные категории, понятия и символы. В построении лексикографических представлений мы не полагались на интуитивные и плохо выражаемые мысли и чувства человека, а также на его туманные рассуждения относительно смыслов отдельных кинем и свойств невербального поведения в целом. Все понятия, термины и символы, которыми мы оперируем, либо поясняются, либо (что гораздо реже) даются явные ссылки на сравнительно доступные литературные источники, в которых содержатся необходимые разъяснения.

³⁹ Любопытно, что этот русский жест имеет форму, сходную с английским жестом Елизаветинской поры **грызть ноготь** (рука согнута в кулак, а ноготь большого пальца той же руки цепляется и дергает один из верхних зубов). Английский жест в XVI—XVII веках был жестом оскорбления, о чем можно судить, например, по тексту трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта». В первом акте в первой сцене происходит следующий диалог между Самсоном и Грегорио, слугами Капулетти, перед домом Монтеки: Самсон говорит Грегорио: *«Я буду грызть ноготь по их адресу. Они будут опозорены, если смачат»* (*“which is disgrace to them if they bear it”*). Сразу вслед за этими словами входят слуги Монтеки — Абрам и Балтазар. И далее разговор уже ведут между собой Абрам и Самсон. Абрам: *«Не на наш ли счет вы грызете ноготь, сэръ?»* (*“Do you bite your thumb at us, sir?”*). Самсон: *«Грызу ноготь, сэръ»*. И, оценив этот жест как вызов, Грегорио чуть позже, после того как Абрам снова повторил примерно тот же вопрос, обращается к Самсону: *«Вы набиваетесь на драку, сэръ?»* (пер. пьесы Б. Пастернака).

Добавлю также, что в Италии сходной формой часто выражают презрение или отвращение к кому- или чему-либо, а в некоторых странах арабского мира та же форма означает «у меня совсем нет денег».

Е. Словарь языка русских жестов содержит культурные и энциклопедические сведения.

В нашем Словаре наряду с собственно лингвистической и семиотической информацией представлены культурные и энциклопедические сведения о жестах в том объеме, который составителями Словаря признается необходимым для правильного употребления и понимания жестов.

§ 2. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ В СЛОВАРЕ ЯЗЫКА РУССКИХ ЖЕСТОВ

Перейду теперь непосредственно к подробному описанию структуры и содержания словарной статьи.

Сначала еще несколько слов о словнике Словаря. В нем представлены как коммуникативные, так и симптоматические русские эмблемы — жесты головы, рук и ног, выражения лица, позы и знаковые телодвижения. **Подмигнуть**, **мотать головой**, **протянуть руку** (для приветствия), **погрозить пальцем** или **пожать руку** — это примеры включенных в Словарь коммуникативных жестов, предназначенных для сознательной и целенаправленной передачи информации от жестикулирующего к адресату.

В составе коммуникативных жестов, вошедших в словник, имеются представители каждого из трех его семантических подклассов: общекоммуникативные и этикетные (как приведенные выше), а также дейктические (как, например, **показывать пальцем** или **показывать глазами**). Из более или менее крупных лексикографических типов, содержащихся в Словаре, укажу на общекоммуникативные жесты прерывания контакта, жесты угрозы, приглашения к выпивке, дразнилки, среди этикетных жестов — жесты приветствия и прощания, этикетные позы.

Прикрыть рот рукой, **всплеснуть руками**, **заламывать руки**, **уставиться** или **улыбаться** являются примерами описываемых в Словаре симптоматических жестов. Так, **сжать** (стиснуть) губы — это выражение гнева, а **кусать губы** — выражение злости или нервного состояния. Симптоматические жесты, как мы уже говорили, занимают промежуточную позицию между «настоящими», коммуникативными, жестами и физиологическими движениями. Напомним, что с последними их сближает то, что основу всякой эмоции составляют физиологические реакции, и потому проявление любой эмоции в своей основе фи-

зиологично. Тем не менее связь между означаемым и означающим у симптоматических жестов остается конвенциональной: означаемым всякого симптоматического жеста является сама эмоция, а не ее физиологическое проявление. Включение таких жестов в жестовую систему языка, а тем самым и в наш Словарь, объясняется тем, что жестикулирующий может воспроизводить их намеренно, и тогда мы имеем дело с коммуникативным употреблением симптоматического жеста. В силу регулярности такого перехода нет смысла вводить в словарь для симптоматических жестов две единицы описания. Поэтому они помещаются в Словарь только в своем исходном варианте.

Теперь перейду к строению самого Словаря. Он состоит из нескольких частей: это вспомогательные тексты (инструкция пользователю, грамматический очерк, списки условных обозначений и словарных помет, ряд указателей) и основная часть — собственно словарь.

Инструкция содержит сведения о том, что представляет собой данная книга, о назначении и адресате Словаря, о том, как следует им пользоваться, и объясняет структуру указателей. Кроме того, в инструкции приводятся некоторые понятия и термины, специфические для описания жестовой системы.

Грамматический очерк представляет собой теоретическую часть словаря и отвечает сразу нескольким целям. Во-первых, в нем содержатся общие сведения о кинесике, кинетических системах и выделяемых основных классах жестов. Во-вторых, в очерке рассказывается об основных типах знаков, применяемых в русской жестовой системе. В-третьих, в нем имеется информация грамматического, прагматического и иного характера, относящаяся к жестам в целом или к большой группе жестов; например, тут можно найти комбинаторные правила, говорящие о сочетаемости классов жестов между собой, или правила образования жестовых фразеологизмов и др. Именно на основе такого рода информации формируется лексикографический тип жестов и строится соответствующая типологическая классификация.

Основной единицей лексикографического описания является жестовая лексема, то есть невербальная кинема, имеющая ровно одно значение. Вся релевантная лингвистическая и семиотическая информация, строго говоря, относится именно к этой единице, что дает возможность выявить и сформулировать для каждой отдельной лексемы (то есть для каждого значения в отдельности) ее сочетаемостные свойства, область возможного варьирования, стилистические характеристики, указать ее связи с другими лексемами и классами лексем и др. Невербаль-

ные единицы, имеющие одинаковые формы и общие нетривиальные семантические признаки в их толкованиях, объединяются в жестовые вокабулы. При этом информация, касающаяся всех лексем одной вокабулы, извлекается и «возводится до уровня вокабулы» (здесь я пользуюсь терминологией, принятой в ТКС 1984, с. 47) с целью избежать нежелательного дублирования. В свою очередь, информация, общая для нескольких вокабул (например, для некоторого лексикографического типа), возводится до грамматики словаря и помещается в его теоретическую часть.

2.1. Вход

В соответствии с традицией, принятой в лучших лингвистических словарях, словарная статья представляет собой упорядоченную пару из двух элементов: входа и интерпретации. Специфика жеста заключается в том, что не существует очевидных и общепринятых способов точно зафиксировать на бумаге его означающее. Поэтому вход Словаря языка русских жестов имеет существенно более сложную организацию, чем, например, в обычных толковых словарях. Он состоит из трех частей: (а) схематического изображения жеста (фотография или рисунок); (б) номинации жеста; (в) тезаурусно-классификационной характеристики. Упорядочение словарных статей — обычное алфавитное по номинации жеста.

Статичность рисунка или фотографии не позволяет отразить динамику жеста, поэтому при необходимости вместо одного рисунка или фотографии могут быть даны несколько изображений жеста, фиксирующих три основные фазы или варианты его воспроизведения. О номинации жестов я уже говорил, и в частности о том, что одному жесту, как правило, соответствует не одно, а несколько языковых выражений. В этом случае в качестве входа выбирается наиболее употребительное и устойчивое из них, а остальные приводятся в зоне «Другие номинации».

Тезаурусно-классификационная часть входа задает парадигматические связи данного жеста, опираясь на ряд важных противопоставлений, о которых шла речь в главе 3. А именно: по признаку участия в актуальной жестовой коммуникации мы разделили части тела на активные органы (рабочие органы) и пассивные органы. Функция активных органов состоит в конкретном задании способа реализации жеста, а пассивные органы определяют место его реализации. Такое деление органов

и последующая группировка словарных статей по названию активных органов не только фактически приняты в большинстве существующих жестовых описаний, но и, как показывает практика, естественны и удобны для пользователя. Следует отметить, что указание активного органа-орудия с необходимостью входит в каждую словарную статью, а информация о пассивном органе может отсутствовать. Например, для жеста **бить себя в грудь** выделяется активный орган **КИСТЬ** (кулак или ладонь) и пассивный орган **ГРУДЬ**; для жеста **почесать в затылке** — активный орган **КИСТЬ** (пальцы) и пассивный орган **ГОЛОВА**; для мимического жеста **зажмуриться** указывается лишь активный орган — **ГЛАЗА**, а для позы **сидеть** нога на ногу активный орган — **НОГА**.

Вход может быть снабжен **стилистическими** пометами. Они помогают решению многих важных лексикографических проблем: провести границу между обычными ситуациями использования жеста и, например, шутливыми или игровыми, разграничить ситуации употребления жеста, скажем, по степени интимности, или отделить стилистически не маркированные жесты от стилистически маркированных (грубых, неприличных, ироничных и др.). Так, при жесте **показать кукиш** в нашем Словаре стоит помета *грубый или детский*, а при жесте **показать язык** — помета *игровой*. Пометы могут стоять и при номинации жеста, например, при номинации **сунуть руку** стоит помета *«пренебр.» (пренебрежительный)*.

2.2. Интерпретация

От описания входа перейду к характеристике интерпретации.

1. Порядок следования зон в интерпретации один и тот же для всех единиц. Открывается интерпретация важной зоной **«Физическое описание жеста»**. Если схематическое изображение фиксирует статический результат создания жеста, то зона физического описания (или: физической реализации) направлена на последовательный синтез жеста. Физическое описание жеста осуществляется на специальном языке, сконструированном именно для этой цели. Этот метаязык физического описания жеста включает в себя русские названия основных частей тела и движений, совершаемых ими. Последние описываются обычными глаголами из фонда обиходной русской лексики. Что же касается первых, то выбор единиц определяется ориентацией Словаря на массового пользователя. Поэтому мы старались избегать узкоспециальных анатомических терминов и

обращались к ним только по мере крайней необходимости. В подавляющем же большинстве случаев для обозначения той или иной части тела подбирается выражение обыденного языка, референциально тождественное термину. В тех ситуациях, когда бытовое название части тела не совпадает с научным (анатомическим, медицинским), как для русского слова *плечо*, предпочтение всегда отдается бытовому, стереотипному, и только когда использование выражений обычного языка делает физическое описание жеста чересчур громоздким и малопонятным, мы вводим в метаязык терминологические обозначения отдельных частей тела. Таковы, например, имена *фаланга*, *корпус*, *ушная раковина*. Все введенные в метаязык термины приведены в инструкции пользователю и снабжаются необходимыми пояснениями.

Отмечу, что некоторые физические компоненты жеста находят соответствие среди смысловых компонентов в составе его толкования. Например, медленное движение пальцев при исполнении жеста **барабанить пальцами по столу** выражает «задумчивость», тогда как быстрое движение указывает на «волнение» или «нетерпение».

Один и тот же жест может иметь несколько альтернативных способов физической реализации. Из них основным считается физиологически наиболее удобный, или наименее маркированный, вариант, который и представлен в нашем Словаре. Физиологически удобным называется жест, для которого место реализации согласовано с наиболее естественным способом его исполнения. Например, жест **покрутить пальцем у виска** в норме выполняется правой рукой у правого виска (я говорю сейчас про правшей), и эту информацию, как мы считаем, не следует помещать непосредственно в словарной статье данного жеста. В физическом описании жеста **заткнуть уши** не должно указываться, что левая рука затыкает левое ухо, а правая — правое. Принцип выбора физиологически наиболее естественного варианта эксплицитно формулируется в теоретической части Словаря (в его грамматическом очерке).

Помимо указания необходимых артикуляций при воспроизведении собственно жеста в зону физического описания вносится информация об **обязательных** сопутствующих телодвижениях, позах, мимике (а в зону физического описания позы, мимического жеста и пр., наоборот, включается информация об обязательных сопутствующих жестах головы, рук и ног) или о релевантной дистанции между коммуникантами. Поэтому в словарных статьях нашего Словаря можно встретить такие выражения. как *корпус подается вперед. губы сжаты. взгляд*

направлен на адресата, стоят на расстоянии вытянутой руки и т.п. Некоторые из описываемых телодвижений, поз и мимических фигур могут при этом входить в Словарь на правах самостоятельных единиц — вокабул; ср., например, **отвести** глаза, **делать большие** глаза, **отвернуться** и целый ряд других.

Наконец, в указанную зону может попасть информация об адапторах (для жестов с адапторами).

2. Зону физического описания дополняет информация об удлинителях, хранящаяся в особой зоне «Удлинители». Удлинителями мы называем такие материальные объекты, которые, не будучи частями тела человека, могут служить составным элементом того или иного жеста. Например, жест **показать пальцем** может осуществляться ручкой или другим подобным предметом (карандашом, веточкой, тонкой недлинной палочкой и т.п.), как бы составляющим продолжение руки. Между тем название жеста, будучи вполне устойчивым, при этом сохраняется: жеста *показать ручкой* в русском языке тела нет. Аналогично, исполняя жест **помахать рукой** (на прощание), женщина может воспользоваться, например, платком или шалью, а мужчина — шляпой, шапкой, шейным платком и т.п., и все эти предметы будут удлинителями руки.

3. Теперь о зоне «Толкование», которая содержит семантическое описание жеста. В качестве входа толкования выбрана номинация, представленная в пропозициональной форме, содержащей имена, предикаты и переменные. Основным элементом входа толкования является глагол в одной из его видо-временных форм — той, которая исследователю представляется наиболее удобной для отражения семантических особенностей жеста и одновременно в максимальной степени отвечает природе его физической реализации. Так, для однократного жеста-действия **топнуть ногой** входом является выражение *Х топнул ногой* (переменная на входе, как обычно, отражает семантические актанты предиката), а для протяженных во времени жестов-действий **помахать пальцем** или **почесать в затылке** входом является глагол в форме актуально-длительного значения несовершенного вида: *Х махит пальцем* У-а, *Х чешет в затылке*.

Текст толкования пишется на том семантическом метаязыке, что принят в московской семантической школе для описания смысла языковых единиц. Заметим, что это также обеспечивает внешнюю согласованность словарных описаний в невербальном и вербальном словарях, о которой речь шла выше. Впрочем, семантическое разложение в Словаре русских жестов не всегда доводится до того уровня, который принят в

современных объяснительных языковых словарях: в нем разрешается, например, использовать единицы, входящие в основной лексический фонд русского языка и потому, строго говоря, не относящиеся к семантическому метаязыку. Это делается прежде всего для удобства неискушенного пользователя; предполагается, что лингвист-профессионал, опираясь на существующие толковые словари русского языка, без особого труда сам достигнет нужной ему глубины семантического разложения.

Важной особенностью нашего Словаря является наличие в нем фиксированных вершинных элементов — **семантических примитивов жестового языка**, или **жестовых примитивов**, — по которым легко определяется семантический тип жеста. Для коммуникативных жестов таким элементом является **«показывает»** (для дейктических — **«указывает»**), а для симптоматических жестов — **«выражает»**. Хотя в реальных дефинициях эти примитивы, как и другие репрезентативные элементы лексикографического типа жестов, могут отсутствовать (чаще всего они опускаются составителями словаря сознательно, чтобы не усложнять текст толкования), предполагается, что при желании читатель их сам сможет реконструировать при помощи сравнительно простых операций над толкованием.

В остальном структура толкования соответствует той, что принята для языковых единиц в интегральной модели языка. Для многозначных жестов отдельные лексемы получают каждая отдельное толкование. Само толкование структурировано: в его тексте выделяются модальная рамка, пресуппозиции и ассерции; соблюдаются и такие стандартные требования, как отсутствие синонимии и омонимии, фиксация всех необходимых причинно-следственных связей и т.п.

Каждая культура имеет свой собственный репертуар основных и любимых идей, которые постоянно кодируются вербальными или невербальными семиотическими средствами. Эти *культурные сценарии*, если воспользоваться термином А. Вежбицкой, и их коды управляют многими аспектами невербального поведения людей в данном коллективе или сообществе. Как мы знаем, **поклоны** чрезвычайно распространены в Японии, **похлопывания по телу** собеседника — в Италии (см. об этом, например, Кендон 1990), **улыбки** — в Таиланде, а **объятия** *hugs* — в Северной Америке. В русской культуре таковыми являются жесты прерывания контакта, некоторые жесты приветствия и прощания, жесты приглашения к выпивке, поцелуи, жест **идти**, взявшись за **руки** и некоторые другие. Смысловая декомпозиция жеста в той форме, которая представлена в данной зоне Словаря, не только помогает определить, как

нереальным или национально-специфичным является данный жест, но и выявляет локальные культурные сценарии.

4. Зону «Толкование» дополняет «Комментарий», который содержит довольно свободный по форме текст комментария к толкованию. В него включаются, например, сведения о причинах, по которым те или иные смысловые компоненты включены в толкование, или о мотивах перехода жестикулирующего от речевой формы выражения к жестовой, информация о возможных модификациях толкования в тех или иных контекстах и др.

5. Еще одна семантическая зона — это «Однословная характеристика <семантики жеста>». Однословная характеристика, во-первых, создает основу для полезной семантической классификации жестов (например, с ее помощью можно узнать, как выглядят русские жесты отчаяния или угрозы). Во-вторых, она позволяет указать ту единицу естественного языка, которая теснее всего связана с данным жестом. Так, для жеста **топнуть ногой** в этой зоне приводятся слова **УПРЯМСТВО** и **КАПРИЗ**, для жеста **заламывать руки** — **ОТЧАЯНИЕ**, а для жеста **бить себя в грудь** — **УБЕЖДЕНИЕ**.

Я убежден в том, что однословная характеристика не может и не должна подменять толкование жеста (хотя именно такой способ описания смысла и принят в существующих жестовых словарях). Однословные характеристики — это искусственные семантические ярлыки, никак не раскрывающие ни смысл толкуемой единицы, ни отличие ее от единиц, близких ей по смыслу. Как различаются тогда, при таком описании, например, жесты наказания **подзатыльник** (**дать подзатыльник**) и **шлепок** (**отшлепать**)? Получается, что тождественны по смыслу и все жесты прерывания контакта человека с миром, такие как, например, **закрыть лицо руками**, **заткнуть уши** и **отпрянуть**. Между тем мало того, что они не являются полными синонимами, — некоторые из жестов этого типа, например **закрыть лицо руками**, имеют несколько значений, довольно далеко отстоящих друг от друга.

Так, разный характер внешне сходного поведения жестикулирующего в ситуации общения может быть вызван разными причинами. Одно дело — **закрыть лицо руками**, чтобы не видеть (жестовая лексема **закрыть лицо руками** 1), и совсем другое — чтобы не видели (**закрыть лицо руками** 3). А жестовая лексема **закрыть лицо руками** 2, означающая «прерывание жестикулирующим всякого контакта с миром, чтобы ничто не мешало ему думать о некотором объекте или ситуации», фактически совмещает в себе оба типа поведения (подробный ана-

лиз этих жестов см. ниже в § 3). Семантически неоднородными являются и русские эмблематические жесты удачи. Так, в жесте *постучать по дереву*, когда человек стучит костяшками сомкнутых в кулак пальцев, он выражает, скажем неформально, либо желание того, чтобы пришедшая к нему удача его не покинула, либо надежду на то, что маячащая где-то близко удача вскоре придет. В то же время <исторически ритуальная> форма жеста *скрестить пальцы*, когда жестикулирующий кладет средний палец руки поверх указательного, обозначает его желание избежать неудачи — весьма вероятных, по мнению жестикулирующего, нежелательной встречи с каким-то человеком или нежелательного наступления какого-то другого события. Иначе говоря, первый жест обозначает пожелание того, чтобы была удача, а второй — пожелание того, чтобы не было неудачи.

Резюмирую сказанное. Будучи именами классов жестов, семантические ярлыки указывают лишь на некоторые общие смысловые компоненты в семантических структурах соответствующих жестов, а потому не могут заменить полноценных описаний с толкованиями жестов.

Заканчивая характеристику семантических зон нашего Словаря, подчеркну еще один важный момент. Семантический анализ жестов разных народов и культур является необходимой общей платформой, с которой можно начинать движение в сторону освоения межкультурного невербального пространства. Как, например, перевести на английский фразу *Он ее обнял*, если мы не знаем в точности, какой жест был осуществлен в данной ситуации и какое значение он выражал? Ведь у нас имеется сразу несколько вариантов перевода, не синонимичных один другому: *He embraced her*, *He hugged her*, *He gave her a hug*, *He squeezed her*, *He pressed her* и др. Однако жест *embrace* выполняется иначе, чем жест *hug* (а *hug* иначе, чем, скажем, *press*), и имеет другое значение: он выражает другие — интимные или, во всяком случае, более интимные — отношения между партнерами. *Hug*, и об этом писала также А. Вежбицкая (Вежбицкая 1995а), является жестом чисто приятельским, дружеским, всегда сопровождается дружеской улыбкой. Он выполняется двумя руками, сравнительно короткий по времени исполнения и компактный по месту приложения (при нем обхватывается только верхняя часть корпуса человека), в отличие, например, от русских жестов объятие или обнять, ср. *обнять за талию*. Кроме того, добавлю, в жесте *hug* нет никаких любовно-эротических коннотаций, а потому предложения *Она долго была (находилась) в его объятиях* или *Она бросилась* (или:

упала) к нему в объятия нельзя передать по-английски с помощью слова *hug* или сочетания *to give a hug*.

В то же время английский глагол *press* означает «прижать» скорее в смысле «надавить на кого-то», а потому, будучи примененным для описания действия, осуществляемого человеком по отношению к другому человеку, имеет отрицательные коннотации. Фразе *Он прижал ее к груди* (или: *к себе*) следует, по общему мнению наших американских и русских информантов, переводить на английский с помощью глаголов *hug* или *clasp*: *He hugged her* или *He clasped her to his bosom*. Однако в первом случае форма жеста, как мы уже видели, будет иной, а во втором случае *clasp* обозначает более интимный жест, чем *hug*. *Clasp* — это вообще жест — воспользуемся здесь для краткости ярлыком — защиты, тепла и укрытия и потому обычно применяется мужчиной по отношению к женщине или людьми обоого пола по отношению к ребенку (см. Вежицкая 1995а). Если «объятие» по времени долгое, например человек в течение какого-то времени стоит, прижимая к себе другого человека, то употребляется еще одно выражение *He held her (him) tight*.

Замечание. Как уже говорилось, *hug* — это жест американской, точнее англосаксонской, культуры. По нашим наблюдениям, живущие в США студенты-перуанцы и мексиканцы, например, никогда не применяют его, находясь в кругу «своих». Только в том случае, если они осознают себя носителями или частью культуры, так сказать, американской, они могут применить этот жест. И это не простое копирование жеста, как сегодня делают у нас в стране многие молодые люди, которые широко применяют жест кольцо (ОК) в значении «все хорошо, все в порядке», — это отражение факта принадлежности человека одновременно к нескольким культурам, нескольким этносам.

6. Возможная сочетаемость жеста, ситуативные и прагматические условия его употребления, социальные, коммуникативные и другие кинетические параметры составляют основное содержание зоны «Условия употребления». Например, для коммуникативного жеста схватиться за голову указывается, что он свойствен преимущественно взрослым, про этикетный жест поцеловать руку сообщается, что он в норме осуществляется мужчиной в отношении женщины или людьми обоого пола по отношению к человеку высокого духовного сана, а о жесте показать язык говорится, что исполняющий этот жест взрослый человек ведет себя как ребенок.

7—8. О зоне «Звуковое и речевое сопровождение» я уже говорил. Напомню, что в нее включены звуковые последова-

тельности, которые с необходимостью или с большой степенью обязательности сопровождают данный жест. К этой зоне тоже возможен «Комментарий».

9. К зоне звукового и речевого сопровождения жеста при-
мыкает зона «Сопутствующие жесты». В ней указываются
собственно жесты, мимика, позы и телодвижения, которые
могут факультативно исполняться и часто исполняются одно-
временно с описываемым жестом.

10—11. Две зоны «Звуковые и речевые аналоги» и «Жесто-
вые аналоги» содержат те коммуникативные единицы (соответ-
ственно, звуковые комбинации, слова и выражения русского
языка и жесты), которые близки по смыслу к описываемому
жесту и потому могут заменять его в процессе общения. При-
меры речевых и звуковых аналогов я уже приводил выше, а
жесты **показать язык** и **показать нос** являются жестовыми ана-
логами друг друга.

12—13. Далее идет зона «Другие номинации», о строении
и содержании которой я тоже говорил, и зона «Комментарии
<к зоне «Другие номинации»>».

14. Зона «Энциклопедические и культурные сведения <о
жестах>» содержит сведения различного характера. Во-первых,
в нее помещаются этимологическая и историческая информация
о жесте. Это сведения о разных существующих этимонах жеста,
как, например, для единицы **показать нос**, исторические факты
о людях и событиях, связанных с жестом, как, например,
курьезная история, связанная с происхождением жеста **показать
большой палец**, точнее с его — сравнительно еще недавно об-
щепринятой — ложной этимологией, или указание на две, по-
видимому равно достоверные, версии об истоках позы **стоять
как вкопанный**, одна из которых возводит позу к казни, распро-
страненной ранее на Руси и в ряде других стран и состоящей в
закапывании живых людей обоего пола в землю за убийство
родителей или жены за убийство мужа, а вторая этимологически
соотносит позу с вкопанным в землю столбом. Для жеста вы-
брошенной вверх руки со сжатым кулаком, носящего истори-
ческое название **кулак Дантона**, если бы жест был включен в
Словарь, мы бы сообщили необходимые сведения о Дантоне,
позволяющие правильно интерпретировать эту кинему, а для
позы **мыслителя** следовало бы дать указание на известную скульп-
птуру Родена. Во-вторых, в эту зону Словаря попадают сведе-
ния о культурной мотивации жеста и его коннотациях. Так, для
жеста **воздуть руки к небу** отмечается его религиозная мотива-
ция, а для жеста **засучить рукава** — коннотация грязной деятель-
ности, к которой собирается приступить человек.

15. Зона «Текстовые иллюстрации» содержит примеры употреблений языковых выражений, описывающих данный жест. Иллюстрации в основном берутся из произведений классической и современной литературы, а также из записанных текстов разговорной речи.

16. Теперь я подробнее остановлюсь на зоне «Фразеология». В ней описываются социально и культурно наиболее значимые, а в языковом отношении наиболее употребительные **жестовые фразеологизмы**. Эти языковые единицы либо построены на базе входной жестовой единицы, либо каким-то иным образом связаны с ней по смыслу. В зоне приводится толкование фразеологизма, делается комментарий о его связи с жестом, могут указываться условия употребления фразеологизма.

По аналогии с введенным в гл. 3 понятием свободных и связанных жестовых форм можно определить двойственное ему понятие, относящееся к языковым единицам, — <**жестовых**> фразеологизмов без адапторов и <**жестовых**> фразеологизмов с адапторами. Работа над Словарем жестов и анализ некоторых жестовых фразеологизмов показали, что именно при семантическом сопоставлении жестов и с адапторами фразеологизмов можно ближе подойти к пониманию природы важного процесса культурного означивания материального объекта. Чтобы это показать, рассмотрим пример сопоставительного семантического анализа жеста и фразеологизма с адаптором «дверь», а именно хлопнуть дверью.

Сначала дадим толкование этому жесту.

Прежде всего отметим, что слово *дверь* в номинации жеста выступает в своем основном значении объекта, закрывающего отверстие в стене, которое служит для входа в помещение и выхода из него (а не, например, в значении «проем»), а действие *хлопнуть дверью* совершается человеком X в реальном или мысленном присутствии некоторого человека Y, на которого это действие направлено.

X хлопнул дверью (в присутствии человека Y) 1 означает: «<пресуппозиция> в течение некоторого времени T имеет место ситуация, в которой люди X и Y высказывают свое мнение о некотором P, причем каждый хочет убедить другого в своей правоте;

по прошествии времени T, которое X считает достаточно большим для того, чтобы Y мог понять, что X прав, X начинает думать, что все его доводы в пользу того, что его мнение по поводу P является истинным, а мнение Y-а — ложным, не могут далее убедить Y-а изменить свое мнение о P:

<ассерция> считая, что дальше вести какой-либо разговор с Y-м бессмысленно по причине полного нежелания или неспособности Y-а понять не только, что X прав, но и что-либо вообще (= Y глупый или тупой), начиная испытывать от этого большую злость к Y-у, X выражает ее следующим способом: X уходит, громко хлопнув дверью, показывая этим, что не хочет больше иметь никаких контактов с Y-м; Y при этом как бы перестает сейчас для него существовать».

Прокомментируем данное толкование.

(1) Выполняя жест **хлопнуть дверью**, жестикулирующий действует, а не «говорит» (как, например, при кивке);

(2) роль адаптора (самой двери и звука от хлопанья) проявляется на заключительном этапе напряженного разговора между X-м и Y-м по поводу P. С одной стороны, дверь является тем местом, через которое совершается уход X-а, не выдержавшего сознательного упорного нежелания Y-а признать правоту X-а, глупости (глупого упрямства) или тупости Y-а («неспособности Y-а к пониманию»). С другой стороны, конкретное телесное действие, которое совершает X и о котором прямо говорится в тексте толкования (уходит, хлопнув дверью), метафорически осмысляется как разрыв отношений между X-м и Y-м; ср. предложение *Она от меня ушла* или сочетание *уход и смерть Льва Толстого*, где физические действия осмысляются как психологические.

При переходе от жеста **хлопнуть дверью** к соответствующему жестовому фразеологизму происходит символическое превращение жеста как значимого физического действия тела в культурный и языковой элемент. Именно во фразеологизме телесность как биологическая суть жеста семантически отходит на задний план (фон), а на передний план, на роль фигуры, как говорят когнитивисты, выходят смысловые компоненты, определяющие психологическую и культурную функции жеста.

С материальными объектами и их использованием при выполнении определенных жестов связано еще одно важное в культурном и семантическом отношении явление, особого рода семиозис: появление в акте коммуникации семиотических паразыко-языковых элементов, в частности звуков. Когда, например, хлопают дверью, возникает удар, резкий по силе и кратковременный по длительности звук, напоминающий звук при разрыве твердых предметов или при взрыве, то есть звук, сопровождающий процесс разрушения целостной структуры объекта

(звук при разрыве) или полного уничтожения самого объекта (звук при взрыве). Обе ассоциации присутствуют в семантической интерпретации адаптора-объекта в составе данного жеста.

Дадим толкование соответствующего жестового фразеологизма.

Х хлопнул дверь 2 = «<пресуппозиция> человек Х связан с человеком или учреждением Y некоторым институционализированным (= оформленным по определенным социальным правилам или законам) отношением Q;

Х в соответствии с отношением Q должен иметь некоторые права Р;

считая, что его права ущемлены (=Х имеет меньше Р, чем должен иметь согласно Q), Х в течение некоторого времени Т предпринимал усилия к тому, чтобы получить эти права от Y-а;

по прошествии времени Т, которое Х считает достаточно большим для того, чтобы Y мог понять, что Х должен получить права Р, Х начинает думать, что все его усилия, направленные на это, не могут далее убедить Y-а предоставить ему эти права;

<ассерция> считая, что дальше продолжать находиться с Y-м не только в отношении Q, но и в любом другом отношении бессмысленно по причине полного нежелания или неспособности Y-а понять, что X-у положено иметь права Р, а также по причине нежелания или неспособности Y-а соблюдать вообще какие-либо социальные правила и законы, начиная испытывать от этого очень злое чувство к Y-у, Х выражает его следующим способом: Х демонстративно, как бы хлопая дверь 1, прерывает с Y-м всякие отношения, так что Y как бы перестает для него существовать».

Сопоставим теперь тексты двух толкований — жеста и фразеологизма.

(1) Если толкование жеста *хлопнуть дверь 1* описывает актуальную ситуацию коммуникации и подчеркивает природу этого жеста как действия, то толкование фразеологизма *хлопнуть дверь 2* представляет собой не само действие, а его описание. Фразеологизм является интерпретативной языковой единицей, поскольку за поведением человека Х, о котором идет речь в ее толковании, не стоят никакие конкретные, определенные действия (действиями человека Х, прерывающего контакт, могут быть и реальный уход из учреждения, и уход из семьи, никак социально не оформляемый, и просто прерывание разговора, после которого человек покидает помещение). Существенно, что каждый раз это делается демонстративным

способом, а именно *Х*, *хлопающий дверью*, производит, так сказать, социальный шум; ср. аналогию со звуком, который происходит, когда человек уходит, физически хлопая дверью.

(2) Сравнивая приведенные толкования невербальной и вербальной единиц, можно наблюдать, как физическое действие превращается в социокультурное. С одной стороны, имеет место генерализация, а именно контакт *Х*-а с *У*-м, происходящий в конкретном акте общения, возводится до уровня социального контакта человека *Х* с учреждением или человеком *У*. С другой стороны, индивидуальное тоже превращается в социальное: частные мнения *Х*-а о его собственной правоте и неправоте *У*-а превращаются в устанавливаемые данным обществом права частного лица. И еще одно: реально осуществляемое хлопанье дверью и тем самым извлечение звука «окультуриваются»: человек совершает некоторые демонстративные действия, означающие прерывание контакта, а именно те, которые обычно осуществляются в данной культуре людьми, прерывающими социальный контакт и, что важно, желающими продемонстрировать это окружающим.

Таким образом, семантическая связь между жестом и жестовым фразеологизмом здесь отражается не только в общих смысловых компонентах в составе толкований этих единиц, но и в когнитивных операциях, осуществляемых над толкованием жеста, в результате которых происходит «рождение фразеологизма». Кроме того, жест и фразеологизм связываются посредством семантического элемента «как бы», присутствующего в толкованиях единиц на правах связующего элемента, напоминающего об их общей внутренней форме и играющего в толковании двоякую роль. С его помощью подчеркиваются, во-первых, ассоциативное сходство физического и социального ухода, а во-вторых, способ, каковым оба эти ухода маркируются, — звук, демонстративное поведение и полное исчезновение *У*-а для *Х*-а.

Рассмотренный пример показывает, как выглядят толкование фразеологизма и комментарий к нему во фразеологической зоне нашего Словаря, как можно в принципе проводить сопоставительный семантический анализ невербальной и вербальной единиц и как фиксируется интуитивно ощущаемая связь между этими единицами. Не следует, однако, думать, что механизм установления и обозначения семантической связи будет одним и тем же для любой сопоставляемой пары. В случае с сочетанием *хлопать дверью* такая связь очень прочная, она если можно так выразиться, двойная: во-первых, жест и

фразеологизм имеют значительное число общих элементов, а во-вторых, они связаны ассоциативной связью. Но так бывает не всегда.

Например, ассоциативной связи может не быть, а смысл жеста целиком входит в смысл фразеологизма, как в случае мимического жеста широко открытые глаза. В русском языке есть целая группа фразеологизмов: *делать большие (огромные, круглые, страшные) глаза*, смысловая структура которых полностью включает в себя смысл указанного жеста, а ассоциативной связи между соответствующими единицами, по всей видимости, нет.

Возможна и другая ситуация. Языковая форма фразеологизма совпадает с номинацией жеста, между тем как их значения если и имеют общие смысловые компоненты, то только тривиальные. Рассмотрим такой пример. В русском языке жестов есть, как мы уже знаем, жест-дразнилка *показать язык*. У этого жеста имеются и другие текстовые номинации, синонимичные данной и содержащиеся в зоне «Другие номинации». Среди них есть выражение *высунуть язык*. Однако фразеологическая единица *высунуть язык*, омонимичная приведенной номинации жеста, семантически очевидно с ней не связана.

Приведем еще несколько примеров заполнения фразеологической зоны и обсудим другие вопросы, связанные с параллельным описанием жестов и фразеологизмов.

Чесать в затылке — жест:

Х чешет в затылке = «получив новую информацию, которую жестикулирующий *Х* воспринимает как имеющую к нему отношение и побуждающую его к некоторым действиям, *Х* испытывает затруднения в осмыслении ситуации или в выборе плана дальнейших действий».

Чесать в затылке — жестовый фразеологизм:

Х чешет в затылке = «*Х* не делает вещи, которые бы следовало сделать»; (ср. также фразеологизм *Х чешет языком (языками)* со значением «*Х* говорит, вместо чтобы сделать что-либо полезное или важное»).

Определения фразеологизмов *чесать в затылке*, *чесать языком* и жеста *чесать в затылке* отражают принципы естественной, или наивной, логики человека, а именно представления о том, что «думать — вещь бесполезная, это не то, что действовать» и «говорить — не значит делать что-то важное». В данной ситуации связь между значением жеста и значением фразеологизма коннотативного типа.

Процесс идиоматизации от жеста к фразеологической единице может идти и по-другому: не через обретение коннотаций, а путем изменения смысла, отражающегося в изменении поверхностной формы номинации. Поясним, что мы имеем в виду, на одном примере. Номинация жеста *махнуть рукой* представляет собой полусвободное глагольное сочетание, называющее конкретную ситуацию общения. Добавляя актант, скажем *на Петю*, мы получаем выражение *махнул рукой на Петю*, которое открывает возможность двойного понимания — и в качестве жеста, и в качестве фразеологизма. При другом заполнении объектной валентности — *махнул рукой на всё* — сочетание воспринимается только как фразеологизм. Такое обобщение позволяет «получить» из жеста жестовую фразу. Аналогично из жеста *окинуть глазами (взором)* при особом заполнении его второй валентности кванторной именной группой типа *<все> прожитые дни*, когда в буквальном, физическом, смысле видеть объекты мы не можем, получаем фразы типа *Алеша последний раз окинул взором все прожитые дни*, где *окинул взором* — это фразеологизм.

Возможен и другой способ генерализации ситуации, а именно опущение актанта.

В предложении *Ну что, работать будем или строить глазки?* фразеологическое сочетание *строить глазки* явно связано с жестом *строить кому-то глазки* 1, и смысл сочетания может быть описан так: *Х строит глазки 2* = «вместо того чтобы выполнять то полезное, что ему надлежит, человек Х занят чем-то несущественным и бесполезным, как если бы строил кому-то глазки 1».

Процессы генерализации чрезвычайно характерны для «превращения» коммуникативных жестов во фразеологизмы. Однако для жестов симптоматических, которые свидетельствуют о текущем эмоциональном состоянии жестикулирующего и номинация которых не содержит глагольных лексем, несущих информацию о намеренном действии жестикулирующего, соответствие между жестом и фразеологизмом, как правило, иное. Так, эмоция, стоящая за жестом, закрепляется не только за его номинацией, но и за самим фразеологизмом. Говоря собеседнику *Не делай большие глаза*, говорящий хочет также, чтобы адресат не производил жест, а не только или не столько, чтобы тот не испытывал, например, эмоцию удивления.

Толкование мимического жеста *делать большие глаза* выглядит тем самым следующим образом:

<Человек> Х делает большие глаза 1 <по поводу Р> = «размер глаз Х-а становится больше нормы, что свидетельствует о

том, что Х очень удивлен тому, что Р, не понимает, что происходит, или очень испуган Р», а толкование фразеологизма будет таким:

Х делает большие глаза < по поводу Р > = «человек Х очень удивлен тому, что Р, не понимает, что происходит, или очень испуган Р; от этого выражение лица у Х-а такое, будто Х делает большие глаза 1».

Комментарий и примеры употребления

А. Фразеологизм имеет интерпретирующее значение, то есть на самом деле передает только то, что из-за испытываемых чувств выражение лица у Х-а изменилось и приобрело именно такой вид; реально же с его глазами могло, вообще говоря, ничего не происходить;

Б. Возможно употребление фразеологизма без глагола *делать*, как в примере (а), или в форме *смотреть на что-либо большими глазами*, как в примере (г):

(а) *Города удивляют своим ухоженным видом и количеством статуй только гостей. <...> Вопрос типа «зачем так много статуй?» нарывается на большие глаза и встречный вопрос «разве много?» («Московский комсомолец»).*

(б) — *Ну, что будем делать? — спросил Максим. — Как что? Мы же собирались к Мадлен! — К какой Мадлен? — Биг-Мак сделал большие глаза (Ю. Каменецкий).*

(в) — *Вы, главное, не волнуйтесь! Отец обязательно найдет нормальную работу <...> Не здесь, так за бугром! Бугор нынче низкий, его перепрыгнуть в один прыжок можно, как говорит моя подруга Костикова. Бабушка, не делай большие глаза! Я же шучу. (Ю. Каменецкий).*

(г) — *Откуда ты? — Он смотрел на нее большими глазами. — Ты уже приехала? (А. Макаров).*

В. Описываемый мимический жест может встретить в диалоге следующие ответные словесные реакции *Что ты удивляешься?, Не удивляйся!, Тут нечему удивляться, Что ты делаешь такие глаза?* и т.п., каждая из которых означает только то, что тут нет ничего удивительного.

Г. Близкие к рассмотренным жест и фразеологизм *делать круглые глаза* отличаются только тем, что в них акцентируется изменение формы, а не размера глаз. Сопутствующими жестами и движениями для жестов *делать большие глаза* и *делать круглые глаза* будут поднятие бровей с возможным одновременным выдвижением головы вперед и втягиванием головы в плечи. В еще одном жесте того же лексикографического типа *делать страшные глаза 1* семантический сдвиг происходит по

обозначению выражаемой эмоции страха, а у его квазиконверсива, жестовой лексики **делать страшные глаза 2** <перед Y-м по поводу P>, значение уже не, так сказать, «испугаться», а «напугать», а именно: «человек X делает **большие глаза 1** и смотрит прямо на человека Y неподвижным взглядом, показывая, что испуган P и желая вызвать у Y-а такую же реакцию на P <то есть чтобы Y тоже испугался P>»); ср. *Не делай такие страшные глаза, я все равно тебя не боюсь!* (Р. Зеленая).

А вот как выглядят толкования, соответственно, жеста **хлопать глазами** и жестового фразеологизма **хлопать глазами**:

X **хлопает глазами** <по поводу P> = «Глаза X-а расширяются, и X часто моргает ими, что свидетельствует о том, что X растерян перед неожиданным P или не понимает P».

X **хлопает глазами** = «X бездействует в ситуации, в которой, по мнению говорящего, требуются немедленные действия; говорящий подает это так, как будто X хлопает глазами».

Примеры

(а) *Блаженный сон д'Артаньяна вскоре был прерван, причем не самым любезным образом: нашего героя просто-напросто пырнули вилами в бок. Издав пронзительный визг кошки, которой наступили на хвост, бедняга от боли взлетел над конной, а затем приземлился на шею остоленевшего от неожиданности крестьянина с вилами в руках. Это, по-видимому, был хозяин сена. Хозяин тупо хлопал глазами до тех пор, пока д'Артаньян не сломал на его голове вилы (О. Вовк);*

(б) *Я терпеть не могу людей психологии «подумаешь, эка невидаль», скорее мое состояние Алисы в Стране чудес: я был словно во сне и принимал и готов был принять любое чудо за должное, требующее более развернутой реакции, нежели простое разевание рта и хлопанье глазами (Стругацкие).*

Прежде чем перейти к примерам лексикографического описания жестов, сделаем одно вполне очевидное замечание: содержание некоторых зон для данных жестовой вокабулы или жестовой лексики может быть пустым.

§ 3. ПРИМЕРЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЖЕСТОВ

Ниже приводятся образцы словарных статей и фрагментов статей эмблематических жестов из числа тех, что упоминаются в настоящей книге. Эти жесты принадлежат разным лексико-

графическим семантическим типам, имеют разную сферу и частоту употребления, а потому отдельные примеры лексикографических представлений достаточно хорошо, на мой взгляд, отражают как общую внутреннюю организацию Словаря русских жестов, так и содержание отдельных зон. Для большинства жестов из-за ограничений объема указаны заполнения только наиболее важных и интересных для этих единиц зон; лишь очень небольшое число жестов описывается в полном объеме. Следует особо отметить, что тексты словарных статей в этом разделе сознательно построены менее «технично», чем в самом Словаре, поскольку нас здесь не сковывает жесткая структура Словаря.

ПОЖИМАТЬ РУКУ

Часть тела: РУКА

Активный орган: РУКА

Пассивный орган: РУКА

физическое описание

Жест выполняется двумя людьми. Жестикулирующие, находящиеся на расстоянии одного-двух шагов, протягивают друг другу распрямленные ладони с сомкнутыми пальцами; большие пальцы при этом отогнуты и направлены вверх. Ладони жестикулирующих приходят в контакт, пальцы сгибаются и обхватывают ладонь партнера, сжимая ее (пожатие). Обычно после этого руки сразу расцепляются.

Допустимо выполнение жеста с разной силой, в частности бывают сильное, «мужское», рукопожатие и слабое, «вялое», рукопожатие.

Возможны варианты реализации жеста, при которых один из жестикулирующих может задержать руку другого в своей или трясти ее, а также вариант (при котором один из жестикулирующих обхватывает свободной от рукопожатия левой рукой правую руку другого жестикулирующего в районе плеча (обычно чуть ниже плеча) или за локоть.

комментарий

1. Последний вариант рукопожатия, который по-английски называется **arm grasp**, обычно не употребляется при реализации смысла «договор» (лексема **пожимать руку** 1.2).

2. Эта реализация жеста представляет собой нечто среднее между обычным рукопожатием и начальной фазой объятия, своеобразное «полуобъятие». Касание и обхват плеча являются невербальными интенсификаторами обычного рукопожа-

тия — такой вариант исполнения жеста говорит о том, что более активный жестикулирующий очень рад контакту с адресатом (встрече с ним, представившейся возможности вести с ним беседу или переговоры, возможности выразить партнеру признательность или благодарность и т.д.). Особенно часто таким образом приветствуют друг друга политические деятели и деловые партнеры при встрече или (несколько реже) прощании.

3. Согласно замечанию П. С. Тумаркина, японцы часто нарушают принятый у русских ритуал рукопожатия, а именно «1) соблюдают традиционную дистанцию вежливого общения (три шага) и потому протягивают руку издалека; 2) одновременно с рукопожатием кланяются или, напротив, отклоняют корпус назад в стремлении сохранить традиционную дистанцию; 3) не смотрят в глаза партнеру и не улыбаются при рукопожатии во время знакомства; 4)жимают руку вяло и стремятся скорее закончить рукопожатие; 5) мужчина может первым подать руку женщине. Это может производить на русских впечатление холодности и высокомерия или, наоборот, — неуместного подострастия» (Тумаркин 2001, с. 17).

сопутствующие жесты

Лицо выражает дружелюбие, часто на лице появляется приветливая улыбка. Глаза смотрят на партнера.

Пожимать руку 1.1

толкование

Х и У пожимают друг другу руки 1.1 = «Жестикулирующие Х и У приветствуют друг друга и показывают один другому, что готовы к возможной совместной деятельности».

комментарий

Жест симметричен: если Х пожал руку У-у, то и У пожал руку Х-у (см. зону физического описания).

условия употребления

1. Жест используется в ситуациях приветствия (на близком расстоянии), знакомства, примирения, прощания. Все эти ситуации объединяют желание и готовность людей взаимодействовать или общаться.

2. Сильное (мужское) рукопожатие, так сказать «до хруста пальцев», при встрече (в особенности при встрече малознакомых людей) или при знакомстве может быть воспринято одним из участников коммуникации как проявление агрессии со стороны другого и привести к обострению или срыву дальнейшего гладкого общения. Напротив, мужчина, подающий дру-

гому мужчине руку медленно и вяло, как бы нехотя, или же слабо пожимающий протянутую ему руку, либо проявляет неуверенность и безволие, либо нарушает этикетные правила общения, поскольку вялое рукопожатие со стороны мужчины может интерпретироваться партнером как нежелание взаимодействовать и общаться или как знак безразличного отношения не только к самому акту рукопожатия, но и к партнеру.

3. При исполнении жеста в ситуациях знакомства или приветствия жестикулирующий обычно улыбается.

4. В ряде ситуаций употребление жеста носит ритуальный, а потому обязательный характер. Например, при представлении или знакомстве, если один из участников коммуникации протягивает другому руку, то другой должен пожать ее.

5. Если данный жест исполняется при прощании или по окончании **некоторого соревнования, игры и т.п.**, то он имеет дополнительные смысловые наращения: жестикулирующие благодарят друг друга за участие в совместной деятельности или времяпрепровождении.

6. Возможность употребления жеста определяется следующими факторами: (а) степенью знакомства и частотой общения жестикулирующих; (б) соотношением их возрастов и социальных статусов; (в) половыми различиями. Общие закономерности употребления таковы:

(I) чем люди чаще общаются друг с другом, тем реже они пожимают друг другу руки. Так, близкие родственники, проживающие совместно, обычно делают это крайне редко. Не протягивают руки и малознакомым людям, за исключением ситуации знакомства или представления. Наоборот, люди, близко знакомые, но встречающиеся нерегулярно, обычно пожимают друг другу руки при каждой встрече;

(II) если встречаются два человека разных возрастов, то обычно первым протягивает руку для рукопожатия старший, за исключением тех ситуаций, когда младший значительно выше старшего в некоторой социальной иерархии;

(III) жест преимущественно мужской, и многие женщины вообще не употребляют его в неофициальных ситуациях. Во всяком случае, в неофициальной обстановке мужчина не должен первым протягивать руку женщине в знак приветствия. Женщина может первой протянуть мужчине руку для рукопожатия лишь при знакомстве.

7. В официальных приветствиях определяющую роль играют социальные статусы жестикулирующего и адресата жеста, остальные факторы менее существенны. В частности, мужчина-

начальник может первым протянуть руку для приветствия своим подчиненным, в том числе женщинам.

однословная характеристика

ПРИВЕТСТВИЕ

речевые аналоги

привет!, здравствуйте!, здорово! (для приветствия); *до свидания!, пока!, всего доброго!* (для прощания)

другие номинации

рукопожатие, подать руку 1, протянуть руку (может обозначать также движение руки, приглашающее к рукопожатию); разг. *здороваться за руку*, пренебр. *сунуть руку* (обозначает только приглашение к рукопожатию); пренебр. *трясти руку*, ср. также *не заметить протянутой руки*.

энциклопедические и культурные сведения

По свидетельству Эразма Роттердамского, рукопожатие ввели квакеры в конце XVII века, не желавшие кланяться или снимать шляпу перед другим человеком. Данный жест был задуман как приветствие равного равному, поскольку жесты *кланяться* или *снимать шляпу* часто несли нежелательные коннотации неравенства жестикулирующего и адресата.

текстовые иллюстрации

(а) *С Алексеем Нилычем мы свежка раскланялись, но молча и почему-то не пожали друг другу рук* (Ф. М. Достоевский. «Бесы»).

(б) *Но тут судья свистнул на перерыв. После перерыва мы с Трофимовым встретились уже на другом краю. Пожали друг другу руки как друзья-соперники* (А. Житинский. «Дитя эпохи»).

(в) *Из дома выскочил Папаня, включил в сенях свет и спросил: — Кто тут? — Я, бригадир, — ответил незнакомец. Затем он вошел в сени, они пожали друг другу руки (значит, друзья — лаять не положено) и подошли к Биму* (Г. Троепольский. «Белый Бим черное ухо»).

(г) *(Джюльетта). Святой отец, пожатые рук законно. Пожатые рук — естественный привет* (В. Шекспир. «Ромео и Джульетта», пер. Б. Пастернака).

Пожимать руку 1.2

физическое описание

Физическая реализация жеста в целом совпадает с жестом *пожимать руку 1.1*, однако может предполагать большую резкость и силу, с которыми руки жестикулирующих приводятся в контакт, — ладони жестикулирующих могут ударяться друг о друга. Удар ладоней часто осуществляется с замахом и извлечением звука.

толкование

Х и У пожимают друг другу руки 1.2 = «Жестикулирующие Х и У подтверждают, что будут выполнять условия, о которых договорились».

однословная характеристика**ДОГОВОР**условия употребления

1. Данный жест обычно скрепляет некоторую договоренность, достигнутую между двумя жестикулирующими. С момента осуществления жеста эта договоренность вступает в действие и ее условия более не подлежат пересмотру.

2. Жест преимущественно мужской.

звуковое и речевое сопровождение

по рукам!

комментарий

Единица *по рукам!*, сопровождающая жест, используется только для выражения согласия

звуковые и речевые аналоги

договорились!; решено!

другие номинации

рукопожатие; ударить <хлопнуть> по рукам

фразеология

по рукам! ≈ «договорились»

текстовые иллюстрации

— *Не пишите больше! — попросил пришедший умоляюще. — Обещаю и клянусь! — торжественно произнес Иван. Клятву скрепили рукопожатием, и тут из коридора донеслись мягкие шаги и голоса (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»).*

Пожимать руку 2, офиц.

толкование

Х пожимает руку 2 У-у = «Жестикулирующий Х поздравляет или благодарит адресата У».

однословная характеристика**ПОЗДРАВЛЕНИЕ/БЛАГОДАРНОСТЬ***условия употребления

1. В официальных ситуациях жест употребляют для поздравления или выражения благодарности за совершенный социально

* Имеется еще одна жестовая лексема **пожать руку 3**, употребляемая при споре с разбиванием, когда один протягивает руку другому со словами (реже без слов) «Спорим!». Эту лексему мы здесь не описываем.

значимый поступок (при награждении, вручении аттестата, диплома и т.п.). Жест подчеркивает именно социальную значимость поступка и поэтому очень редко употребляется для того, чтобы поблагодарить, например, за подарок или за выполнение личной просьбы. Благодарность или поздравление выражается как бы от лица социального института (Родины, правительства, организации и т.п.), представителем которого выступает жестикулирующий, обычно обладающий достаточно высоким социальным статусом.

2. В неофициальных ситуациях жест встречается редко. В тех случаях, когда он все же используется, его употребление носит подражательный, иронический, шутливый или игровой характер и указывает на то, что адресат, по мнению жестикулирующего, сделал нечто очень достойное.

другие номинации

рукопожатие; тряссти руку

текстовые иллюстрации

(а) *Тут иностранец отколол такую штуку: встал и пожал изумленному редактору руку, произнеся при этом слова: — Позвольте вас поблагодарить от всей души! (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).*

(б) — *Браво! — страшно взревел зал. Когда утихло, конференсье поздравил Канавкина, пожал ему руку, предложил отвезти в город в машине домой (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).*

ПОКАЗАТЬ КУКИШ, *груб.*, простореч.

Часть тела: РУКА

Активный орган: КИСТЬ

физическое описание

Средний палец, безымянный палец и мизинец сгибаются так, чтобы они своими подушечками касались ладони той же руки. Распрямленный большой палец просовывается между указательным и средним пальцами. Указательный палец обхватывает большой палец сверху.

Жест направлен к адресату. В общем случае одновременно со складыванием кукиша или после этого происходит резкое разгибание локтя руки по направлению к адресату.

Возможны варианты исполнения жеста. В наиболее оскорбительных для адресата вариантах кукиш подносится к его лицу; ср. выражения *поднести кукиш к носу, сунуть фигу под нос*. Факультативно возможно легкое сгибание и разгибание руки в локте, а также покручивание (вращение) кисти вокруг оси

руки. Возможен вариант исполнения жеста с демонстративно медленным складыванием комбинации пальцев.

толкование

Х показывает кукиш Y-y = «Адресат Y хотел, чтобы имела место некоторая ситуация P, и считал, что это возможно. Узнав об этом от Y-а, жестикулирующий X дает Y-y понять, что его желание и предположение о том, что ситуация P будет иметь место, оказались необоснованными и что P не осуществилось или не осуществится».

условия употребления

1. Часто (но не всегда) жест сопровождается особой эмоцией — злорадство, злость, <злое> торжество. В случае, когда осуществление ситуации P зависит не от желания и воли жестикулирующего, а от третьих лиц или внешних обстоятельств, жест не ставит своей целью уязвить адресата, а выражает сильную досаду жестикулирующего и его негодование по поводу третьих лиц. Ср. — *Ну что, дали тебе зарплату? — Да как же, во дали (жест)!*

2. Жест является грубым, его употребление даже в неофициальной обстановке ограничено.

3. Наиболее типичными являются ситуации его употребления, когда он осуществляется следующими категориями людей: ребенок по отношению к ребенку; взрослый — к ребенку [только в игровых ситуациях] и равный — равному [в ситуации неформального общения].

4. Жест обычно употребляется детьми или людьми с низким культурным уровнем. В последнем случае он предполагает равенство статусов жестикулирующего и адресата или несколько более низкий статус адресата, при этом жест является особенно грубым и обидным и осуждается уже не столько этикетной, сколько этической нормой.

Тем самым невозможно употребление данного жеста ребенком по отношению к взрослому: *Ты сделал домашнее задание? — *Фигу вам (тебе)!*; младшим по отношению к старшему и вообще человеком, имеющим более низкий социальный статус, по отношению к человеку с более высоким статусом.

5. Если статус адресата не позволяет жестикулирующему осуществить жест в его сторону открыто, он может сложить кукиш в кармане или за спиной.

комментарий

Если осуществление ситуации P зависит от самого жестикулирующего, то жест может быть показан без звукового или речевого сопровождения; если же осуществление ситуации P зависит не от жестикулирующего, а от внешних обстоятельств,

воспроизведение жеста без речевого или звукового сопровождения затруднено или невозможно:

— Ну, что, дали тебе зарплату?

* — ... (жест) [нужно: жест вместе со звуковым сопровождением]

звуковое и речевое сопровождение

фиг тебе; шиш тебе; фиг, фигу с маслом; кукиш с маслом; физиушки; физиушки с маслом; накоса-выкуси; а это видел?, а это <фигу; этого> не хочешь?, вот тебе!; во!

речевой аналог

груб. держи карман шире!; груб. или сленг. губы раскатал

другие номинации

показать фигу <кукиш, дулю, шиш, комбинацию из трех пальцев>; сложить <сделать> фигу, комбинацию из трех пальцев; сложить дулю.

энциклопедические и культурные сведения

Во многих культурах данный жест запрещен вне особо оговоренных ситуаций, поскольку имеет отчетливо выраженную фаллическую символику.

текстовые иллюстрации

— *Париж стал совершенно невыносим. Гранд-Опера, а в ней кто-то показывает кукиш. Сложит, покажет и спрячет опять. Сложит, покажет (М. Булгаков. «Театральный роман»).*

ОБЛИЗНУТЬСЯ

Часть тела: ЛИЦО

Активный орган: ЯЗЫК

Пассивный орган: ГУБЫ

физическое описание

Жестикулирующий круговым движением языка облизывает губы.

Облизнуться 1.1

сопутствующие жесты

приветливая улыбка; «горящие глаза»

толкование

X облизнулся 1.1 = «Жестикулирующий X, видя или представляя некоторую пищу, которую собирается съесть, предвкушает, что получит от этой пищи большое удовольствие, и показывает, что очень хочет ее съесть».

однословная характеристика

ПРЕДВКУШЕНИЕ

условия употребления

1. Жест в его исходном употреблении обычно выполняется в качестве неформального выражения похвалы тому, кто приготовил вкусную или аппетитно выглядящую пищу.

2. Возможно переносное (мужское) употребление жеста, когда жестикулирующий Х — мужчина, а Р — «аппетитная» женщина. В этом случае жест носит явно выраженный вульгарно-похотливый характер. Ср. *Мельком — я заметил, как, в сторону скользнув большим аквамариновым глазом, — он самым кончиком языка молниеносно облизнулся. Я машинально посмотрел туда же и увидел Нину (В. Набоков. «Весна в Фиальте»).*

жестовые аналоги

потерсть руки

звуковые и речевые аналоги

пальчики облизнешь

текстовые иллюстрации

(а) *Покажи-ка мне, матушка, осетра! — сказал Ахинеев, потирая руки и облизываясь. — Запах-то какой! Так бы и съел всю кухню! (А. Чехов. «Клевета»).*

(б) *Варенье варят. — Да, в самом деле! То-то я все замечаю, что Пашутка поминутно бежит куда-то и облизывается (И. А. Гончаров. «Обрыв»).*

(в) *Ну, как сегодня капуста? — бывало, спрашивал Король, когда рядовые кролики, выполняя огородный налог, прикатывали кочаны и складывали их в королевской кладовой. — Хороша, — неизменно отвечали кролики, облизываясь (Ф. Искандер. «Кролики и удавы»).*

Облизнуться 1.2

толкование

Х облизнулся 1.2 = «Жестикулирующий Х показывает, что пища, которую он только что съел, очень вкусная».

однословная характеристика

УДОВОЛЬСТВИЕ

жестовые аналоги

погладить себя по животу

звуковые и речевые аналоги

пальчики облизнешь

текстовые иллюстрации

(а) *Для бодрости духа и сугрева выпили по стопочке, егерю стакан подали. Хлебнул в один дых, облизнулся по-песью, в глаза*

глядит, только что хвоста нет, а то вилял бы: — Потом, потом! — машут на него руками небрежно. — Нажрешься и все испортишь! (В. Астафьев. «Царь-рыба»).

(б) Где у нас дело, которое бы каждый делал, так сказать, облизываясь от удовольствия, как будто бы ел любимое блюдо? (И. А. Гончаров. «Обрыв»).

ПОКАЧАТЬ ГОЛОВОЙ 1

Часть тела: ГОЛОВА

Активный орган: ГОЛОВА

физическое описание

жестикулирующий слегка наклоняет голову к плечу, обычно к левому, и совершает ею движение влево-вправо и еще раз влево.

толкование

Х покачивает головой = «Жестикулирующий Х показывает, что неодобрительно относится к действиям адресата или некоторой ситуации, не делая попытки прекратить их или устранить их последствия».

однословная характеристика

НЕОДОБРЕНИЕ / ОСУЖДЕНИЕ / НЕДОВОЛЬСТВО

условия употребления и комментарий

1. Выражая негативную оценку действий адресата или некоторых обстоятельств, жестикулирующий обычно остается сторонним наблюдателем: он не вмешивается в ситуацию, не пытается изменить ее, не препятствует действиям адресата.

2. Типичным для данного жеста является его использование взрослыми для оценки нежелательного поведения ребенка.

звуковое и речевое сопровождение

ай-яй-яй!

жестовые аналоги

нахмуриться

звуковые и речевые аналоги

нехорошо!; некрасиво так себя вести!

текстовые иллюстрации

(а) *Ефимова повернулась и вышла, не попрощавшись. «Какие все-таки нервные, несдержанные посетители», — подумал Семен Еремеевич. Он снисходительно покачал головой (С. Антонов. «Анкета»).*

(б) *Он сказал, негодяй, что ранен в боях, — рыдала ба-рышня. — Лжет, — непреклонно отвечал Филипп Филиппович. Он покачал головой и продолжал; — Мне вас искренне жаль, но*

нельзя же так с первым встречным только из-за служебного положения <...> Детка, ведь это безобразие (М. Булгаков. «Собачье сердце»).

ЗАТКНУТЬ УШИ

Часть тела: РУКА

Активный орган: КИСТЬ

Пассивный орган: УШИ

физическое описание

Жестикулирующий прикладывает руки к ушам так, чтобы не слышать звуков. Руками он перекрывает слуховой канал, препятствуя тем самым попаданию в уши звуков.

комментарий

Жест имеет много вариантов физической реализации, из которых наиболее распространенными являются следующие:

1. Жестикулирующий прижимает к ушам распрямленные ладони.

2. Жестикулирующий затыкает указательными пальцами ушные отверстия.

3. Жестикулирующий прижимает пальцами (обычно указательными или средними) выступы ушных раковин, находящихся непосредственно над ушными отверстиями со стороны виска (этот выступ называется *козелок*), закрывая ушные отверстия.

Заткнуть уши 1

толкование

Х заткнул уши 1 = «Слыша некоторые звуки, жестикулирующий Х показывает, что они вызывают у него неприятные ощущения, поскольку характер этих звуков таков, что Х не может их вынести».

условия употребления

Неприятный характер звуков может быть обусловлен их громкостью, резкостью или тембром. Жест может быть употреблен в качестве не прямой просьбы замолчать или уменьшить, убрать неприятный звук. Жест может также свидетельствовать, что неприятные ощущения, возникшие у жестикулирующего, вызваны тем, что его собеседники говорят все одновременно, в силу чего он лишается возможности уловить содержание их речи, которая превращается для него просто в шум.

другие номинации

закрывать уши; зажать уши

сопутствующие жесты

Факультативно возможно одновременное осуществление жеста потрясти <трясти> головой и мимических жестов зажаться или поморщиться. Жест потрясти головой, как правило, употребляется в ситуации, когда шум вызван одновременной речью нескольких собеседников жестикулирующего. Жест заткнуть уши 1 согласуется с жестом потрясти головой по смысловому компоненту «Х не может вынести действия некоторого звука».

текстовые иллюстрации

(а) *Азazelло вынул второй револьвер из второго заднего кармана брюк и вместе с первым, презрительно кривя рот, протянул их хвосту. — Маргарита сидела, заткнув пальцами уши, и глядела на сову, дремавшую на каминной полке. Кот выстрелил из обоих револьверов (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).*

(б) *Музыкант поет, тоску наводит. Я, как захожу к нему, затыкаю уши (Е. Шварц. «Дракон»).*

Заткнуть уши 2сопутствующие жесты

помотать головой

толкование

Х заткнул уши 2 = «Жестикулирующий Х показывает, что слова, которые говорит или собирается произнести адресат, содержат такую информацию, которую жестикулирующий не хочет или не должен слышать, как бы не может ее вынести».

условия употребления

Данный жест часто формирует представление о жестикулирующем как о честном, скромном, чистом, застенчивом, неиспорченном человеке. В качестве исполняющего жест человека чаще всего выступает женщина или молодой человек.

Как всякое действие, обрывающее разговор, жест указывает на некоторую напряженность, возникшую в отношениях жестикулирующего и адресата в ходе их беседы; употребление жеста допускается этикетом только в том случае, если жестикулирующий считает, что адресат своей речью нарушает или хочет нарушить некоторые этические нормы.

жестовые аналоги

«стоп»; помотать головой

звуковые и речевые аналоги

слышать этого не хочу <не желаю>!, замолчи!

текстовые иллюстрации

(а) *Палача отняли, жандармов отняли, пугают. Свиньи вы, а не верноподданные. Не смейте ходить за мною! Не слушаю, не*

слушаю, не слушаю! (Убегает, заткнув уши) (Е. Шварц. «Обыкновенное чудо»).

(б) У окон и дверей стояла стража, заткнув уши на всякий случай, хотя принцесса читала завещание про себя (Е. Шварц. «Тень»).

(в) Секреты ее стали для меня вдруг чем-то священным, и если бы даже мне стали открывать их теперь, то я бы, кажется, заткнул уши и не захотел слушать ничего дальше (Ф. М. Достоевский. «Бесы»).

ЗАКРЫТЬ ЛИЦО РУКАМИ

Часть тела: РУКА

Активный орган: КИСТЬ

Пассивный орган: ЛИЦО

физическое описание

Жестикулирующий закрывает лицо двумя ладонями (реже одной ладонью; ср. *закрыть лицо рукой*) так, чтобы не видеть.

удлинители

Возможно использование различных предметов-удлинителей, которыми жестикулирующий закрывает лицо: платок, шаль, шапка и др.

Закрыть лицо руками 1

сопутствующие жесты и комментарий

Жест может сопровождаться жестами (ср. *отвернуться, зажмуриться*) или движениями (например, жестикулирующий опускает голову вниз, как бы пряча лицо в ладонях), которые направлены на то, чтобы не видеть. Такие жесты и движения усиливают жест.

толкование

Х закрыл лицо руками 1 = «Увидев нечто, что позволяет ему считать, что имеет или будет иметь место некоторая ситуация Р, жестикулирующий Х показывает, что он понимает, что имеет или будет иметь место нежелательная для него ситуация Р и что он не хочет это видеть».

жестовый аналог

заткнуть уши 2; отвернуться

другие номинации

закрыть лицо рукой, закрыть глаза руками <рукой>, прикрыть глаза руками <рукой>

текстовые иллюстрации

(а) На доске тем временем происходило смятение. Совершенно расстроенный король в белой мантии топтался на клетке, в

отчаянии вздымая руки. — Маргариту чрезвычайно заинтересовало и поразило то, что шахматные фигурки были живые. Кот, отставив от глаз бинокль, тихонько подпихнул своего короля в спину. Тот в отчаянии закрыл лицо руками (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

(б) Она, как раненый зверь, упала на одно колено, тяжело приподнялась и ускоренными шагами, падая опять и вставая, пронеслась мимо, закрыв лицо шалью от образа Спасителя, и простонала: «Мой грех!» (И. А. Гончаров. «Обрыв»).

Закрыть лицо руками 2

толкование

Х закрыл лицо руками 2 = «Некоторая мысль Z настолько поглощает внимание жестикулирующего X, что он прерывает всякий контакт с внешним миром, чтобы ничто не мешало ему думать о Z».

однословная характеристика

СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ / УЙТИ В СЕБЯ

текстовые иллюстрации

(а) Среди голода и сна, в момент любви — вдруг вдалеке, в глубине тела опять раздавался грустный крик мертвого, и молодая женщина сразу меняла свою жизнь — прерывала танец, если танцевала, — закрывала лицо руками, если была одна (А. Платонов. «Счастливая Москва»).

(б) Он погрузился в собственные воспоминания о ранних годах молодости — и лег на диван. Долго лежал он, закрыв лицо (И. А. Гончаров. «Обрыв»).

Закрыть лицо руками 3

физическое описание

Жестикулирующий закрывает лицо одной или двумя ладонями так, чтобы адресат не видел его лица. Обычно жестикулирующий старается прикрыть ладонями не только глаза, но и щеки.

удлинители

Возможны удлинители (обычно таковым бывает платок).

толкование

Х закрыл лицо руками 3 = «В ходе общения жестикулирующий X испытывает сильную эмоцию, которая вызвана тем, что он отрицательно оценивает свое состояние или ситуацию, в которую он попал. X не может справиться с собой, и эта эмоция проявляется на его лице, и возможно, в поведении. X не

хочет, чтобы адресат видел проявление испытываемой им эмоции на его лице».

условия употребления

1. Жест употребляется преимущественно взрослыми людьми.

2. Типично употребление данного жеста, когда жестикулирующий плачет, когда испытывает горе, смущение или стыд.

3. Описываемый жест предназначен для того, чтобы скрыть именно проявление эмоции, а не саму эмоцию: обычно скрывают слезы как проявление горя или печали, покрасневшие щеки как проявление стыда, а не сами эмоции горя или стыда. Поведение жестикулирующего обусловлено факторами воспитания: этикет предписывает сдерживать проявление некоторых эмоций в присутствии других людей.

текстовые иллюстрации

(а) *Он разрыдался, закрыв лицо руками: потом, стараясь одну руку так растопырить, чтобы она закрывала ему лицо, другою стал искать платок (В. Набоков. «Защита Лужино»).*

(б) *Москва, услышав это, закрыла лицо руками и неизвестно — заплакала или застыдилась себя (А. Платонов. «Счастливая Москва»).*

(в) *Тогда на вокзале, когда Варя увидела Сашу под конвоем, с ней была истерика, она рыдала, ничего не хотела слушать. В трамвае на них оглядывались: девочка в дамской, с чужого плеча котиковой шубе плачет, закрывает платком лицо (А. Рыбаков. «Дети Арбата»).*

(г) *С хохотом схватила свой бубен, начала петь, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно; она опять упала на постель и закрыла лицо руками (М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»).*

(д) *Закрывать лицо рукой, лицо рукой, // чтоб ты не видела вовеки // гримасы боли, горя — никакой, // иль, Боже упаси, влажнеющие веки (Вл. Гандельсман. «Стихи одного цикла»).*

ОТПРЯНУТЬ

Часть тела: КОРПУС

Активный орган: КОРПУС

физическое описание

Резким движением корпуса назад жестикулирующий отстраняется от адресата и отступает от него, делая шаг назад.

толкование

Х отпрянул от У-а = «Адресат У сообщил жестикулирующему Х-у некоторую неожиданную для Х-а информацию, или

во время их общения произошло нечто неожиданное для Х-а; Х поражен этим; сам У, информация, сообщенная им Х-у, или способ, каким эта информация была сообщена, очень неприятны Х-у, и поэтому он прервал контакт с У-м: Х быстро и резко отклонился от У-а и этим как бы разорвал связь с ним».

комментарий

Жест передает ту же эмоцию, что и жест *отшатнуться*, но гораздо большей силы.

однословная характеристика

ПОТРЯСЕНИЕ

условия употребления

1. Условия употребления данного жеста в целом сходны с условиями употребления жеста *отшатнуться* (см. ниже). Жест *отпрянуть* передает то же эмоциональное состояние жестикулирующего, что и *отшатнуться*, но несколько большей силы.

2. В основе обоих жестов лежат пространственные невербальные метафоры, при которых увеличение (соответственно, уменьшение) дистанции показывает ухудшение (улучшение) отношений между людьми (ср. также высказывания *Он от меня отдалился*; *Мы сблизились*, где те же смыслы выражены на естественном языке⁴¹). Однако если в жесте *отшатнуться* жестикулирующий лишь увеличивает дистанцию между собой и адресатом, то в жесте *отпрянуть* жестикулирующий как бы разрывает пространство общения, или *личное пространство*, связывающее его с адресатом.

3. Существует употребление рассматриваемого жеста, не предполагающее возникновения у жестикулирующего отрицательной эмоции. В этом случае жест выступает только как произвольная реакция на неожиданное событие.

жестовые аналоги

отшатнуться; *отвернуться*

текстовые иллюстрации

(а) — *Ах, не бойтесь вы, — донесся глуховато Еленин голос из-за двери, — входите. — Карась отпрянул, и Лариосик тоже* (М. Булгаков. «Белая гвардия»).

(б) *Жилин вынул руки из кармана и приготовился на кого-то прыгнуть. Джошуа испуганно отпрянул* (Стругацкие. «Сталжеры»).

ОТШАТНУТЬСЯ

Часть тела: КОРПУС

Активный орган: КОРПУС

⁴¹ См. о понятии коммуникативного расстояния и пространственных метафорах подробно в последней главе.

физическое описание

Резким движением корпуса назад жестикулирующий отстраняется от адресата.

сопутствующие жесты

Жестикулирующий может выставить вперед одну или обе руки ладонями к адресату, глаза жестикулирующего могут расширяться.

толкование

Х отшатнулся от У-а = «Адресат У сообщил жестикулирующему Х-у нечто неожиданное для Х-а, или жестикулирующий неожиданно увидел перед собой некоторый объект У; сам У, информация, сообщенная Х-у адресатом У-м, или способ, каким эта информация была сообщена, неприятны Х-у, и поэтому Х прервал контакт с У-м: он быстро и резко отодвинулся от У-а и тем самым как бы отдалился от него».

комментарий

Неожиданная информация, полученная жестикулирующим от адресата в ходе коммуникации, может быть связана как с поступками адресата, так и со свойствами его характера, которые проявились в ходе разговора.

однословная характеристика**ПОТРЯСЕНИЕ / СТРАХ / ОТВРАЩЕНИЕ**условия употребления

1. Данный жест — это произвольная реакция человека, возникающая при неожиданном соприкосновении с чем-то неприятным. Жестикулирующий испытывает резко отрицательную эмоцию (страх, отвращение, презрение и т.п.) и инстинктивно стремится отдалиться от объекта или человека, вызывающего эту эмоцию.

2. Неожиданная информация, полученная жестикулирующим Х в ходе коммуникации, часто связана с плохими поступками или отрицательными свойствами характера адресата У, которые проявились в ходе разговора. В этом случае жест свидетельствует о том, что жестикулирующему неприятно продолжать разговор с адресатом.

3. Другой широкий круг употреблений данного жеста не предполагает возникновения у жестикулирующего неприязни по отношению к адресату. Адресат лишь сообщает жестикулирующему очень неприятную для того информацию. В этом круге употреблений жестикулирующий отстраняется не от адресата как конкретного человека, а как бы от самой негативной информации, от нежелательной ситуации.

жестовые аналоги

отпрянуть; отвернуться

иллюстрации

(а) — *И настанет царство истины?*

— Настанет, игемон, — убежденно ответил Иешуа.

— *Оно никогда не настанет!* — *вдруг закричал Пилат таким страшным голосом, что Иешуа отшатнулся* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

(б) «Однако у меня здорово расстроились нервы», — подумал он и поднял трубку. Тотчас же отшатнулся от нее и стал белее бумаги. Тихий, в то же время вкрадчивый и развратный женский голос шепнул в трубку: — *Не звони, Римский, никуда, худо будет* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

ОТВЕРНУТЬСЯ

Часть тела: КОРПУС

Активный орган: ГОЛОВА / КОРПУС

физическое описание

Жестикулирующий резко поворачивает голову и корпус так, чтобы адресат не видел его лица.

Отвернуться 1толкование

Х отвернулся 1 от У-а = «Испытывая отрицательное чувство по отношению к адресату У-у, жестикулирующий Х показывает, что не хочет с ним иметь дела».

жестовые аналоги

отпрянуть; отшатнуться

условия употребления

У описываемого жеста есть два основных круга употреблений.

Первый круг употреблений предполагает наличие диалога между жестикулирующим и адресатом. Данный жест часто исполняется, если в ходе разговора какие-то действия адресата У вызывают у жестикулирующего Х-а отрицательную реакцию, например жестикулирующий может быть обижен адресатом, негодовать или испытывать по отношению к нему презрение. Другая типичная ситуация, когда адресат обращается к жестикулирующему, а жестикулирующий не расположен к общению. В этом случае поведение жестикулирующего грубо нарушает этикетные нормы и потому оценивается резко отрицательно; такое поведение может привести к разрыву всяких отношений между жестикулирующим и адресатом. Таким об-

разом, в этом круге употреблений X показывает, что он не хочет разговаривать с Y-м.

Второй круг употреблений не предполагает наличия диалога. Жестикулирующий может демонстративно **отвернуться** при появлении неприятного ему человека. В этом круге употреблений жест обычно рассматривается как резкий или грубый, поскольку в его основе лежит указание на то, что адресат не существует для жестикулирующего.

звуковые и речевые аналоги

не хочу с тобой больше разговаривать!; видеть тебя не хочу (не желаю)!

фразеология

Данный жест мотивирует значение глагола *отвернуться*, реализуемое в предложениях типа *Все отвернулись от У-а* = «все перестали поддерживать какие-либо отношения с человеком Y, презирая его за неблагоприятные поступки».

иллюстрации

(а) — *К курьерскому ленинградскому, дам на чай, — тяжело дыша и держась за сердце, проговорил старик. — В гараж еду, — с ненавистью ответил шофер и отвернулся (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).*

(б) *Он отвернул капитана в сторону и стал говорить ему что-то с большим жаром; я видел, как посиневшие губы его дрожали; но капитан от него отвернулся с презрительной улыбкой. «Ты дурак! — сказал он Грушницкому довольно громко, — ничего не понимаешь» (М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»).*

(в) — *Что? — спросила продавщица. — Значит, надо, говорю, ехать на сенокос, — повторил свою шутку папа. Продавщица почему-то обиделась и отвернулась (Вас. Аксенов. «Папа, сложи!»).*

Отвернуться 2

сопутствующие жесты

Возможно последовательное или одновременное исполнение жеста **закрыть лицо руками** 3.

толкование

X **отвернулся 2** от Y-а = «Жестикулирующий X испытывает сильную отрицательную эмоцию и не хочет, чтобы адресат Y видел проявление этой эмоции на его лице».

условия употребления

Условия употребления описываемого жеста в целом сходны с условиями употребления жеста **закрыть лицо руками** 3 (см. выше **ЗАКРЫТЬ ЛИЦО РУКАМИ**), однако эмоция, которую

испытывает жестикулирующий в жесте отвернуться 2, обычно менее интенсивная. Менее интенсивны по сравнению с жестом закрыть лицо руками 3 и те проявления эмоции, которые скрывает жестикулирующий. Так, чаще всего жестовая лексема отвернуться 2 употребляется, если жестикулирующий плачет, но не рыдает.

жестовые аналоги

закрыть лицо руками 3

текстовые иллюстрации

(а) *От волнения на карих, таких чистых и безгрешных глазах у Сони выступили слезы. На мгновенье она отвернулась, прямо рукой, по-бабьи вытерла глаза и вздохнула (Ф. Абрамов. «А у папы были друзья?»).*

(б) *Ничего не понимая, не сознавая хорошенько, что он делает, он приблизился к ней, протянул руки <...> Она тотчас подала ему обе свои, потом улыбнулась, вспыхнула вся, отвернулась и, не переставая улыбаться, вышла из комнаты <...> (И. С. Тургенев. «Дым»).*

(в) *Тут он отвернулся, чтоб скрыть свое волнение, пошел ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматривает колеса, тогда как глаза его поминутно наполнялись слезами (М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»).*

«ПОДАЙТЕ ХРИСТА РАДИ»

Часть тела: РУКА

Активный орган: КИСТЬ

физическое описание

Жестикулирующий протягивает вперед слегка согнутую в локте руку ладонью вверх. Ладонь принимает такую форму, чтобы в нее можно было что-то положить (пальцы сомкнуты и чуть согнуты, ладонь напряжена). Корпус немного согнут, голова слегка опущена. Поза и лицо жестикулирующего выражают покорность и смирение.

комментарий

1. Жест часто выполняется левой рукой, правая рука свободна для благодарственного жеста — крестного знамения.

2. Возможно усиление жеста — протягивание к адресату обеих рук (если они есть).

3. Жест может «редуцироваться», когда он выполняется опущенной рукой, в которой находится пакет или сумка для сбора подаяния.

толкование

Подайте Христа ради = «Жестикулирующий X просит помочь ему милостинкой».

условия употребления

1. Место и время. Просящий подавание Х и подающий У находятся в общественном месте, где имеется относительно большое скопление людей: перед входом в храм, у ворот кладбища, в транспорте, обычно в вагоне метро или электрички, на людной улице или площади и т.п. Если действие происходит в вагоне, то в нем в момент исполнения жеста должно быть не более одного просящего подавание, возможно с сопровождающим, который в исполнении жеста участия не принимает. Действие начинается, только когда двери вагона закрылись. Часто жесту предшествует короткое повествование об обстоятельствах, которые привели человека к тому, что он стал просить милостыню (иногда оно бывает написано на картонке, обычно от руки и крупными кривыми печатными буквами, с множеством ошибок — реализация идеи неграмотности — и выставлено на обозрение). Просящий становится в проходе и, как правило словесно, излагает причины, по которым обращается с просьбой, а также саму просьбу. Текст просьбы простой и должен легко запоминаться; открывается он актами обращения, извинения за причиняемое беспокойство и пожелания здоровья и счастья; в лексиконе просящих часто встречается ненормативное сочетание *помогите на*. После этого просящий начинает неспешно и молча двигаться с протянутой рукой вдоль вагона с одного конца до другого (в метро время, за которое жестикулирующий должен успеть изложить просьбу и пройти по вагону с протянутой рукой, обычно равно времени перегона, то есть времени, которое затрачивает поезд, чтобы преодолеть расстояние между соседними станциями). Подавание обычно не просят в переполненном вагоне (пассажиры занимают проход) или пустом (слишком мало возможных подающих милостыню); соответственно, выбирается благоприятное время для прошения подавания.

2. Тип просящего. Просящий милостыню — это человек низкого социального статуса, больной, инвалид или остро нуждающийся в денежной помощи человек любого пола и возраста. Социальные типы просящих милостыню — это инвалиды, беженцы, ограбленные, старики, больные, сироты и др. Часто просящими являются дети или подростки с детьми. Всех, к кому жестикулирующий обращается с просьбой, он воспринимает как более богатых и потому имеющих возможность дать ему денег. Одежда и обувь просящего милостыню обычно грязные или рваные, верхней одежды может не быть вовсе. Инвалиды без ног, просящие милостыню в вагоне, передвигаются по нему либо самостоятельно при помощи костылей или на

коляске, либо их возят в коляске сопровождающие люди. Часто о предполагаемой болезни просящего милостыню или о его увечье свидетельствует только покрытые одеялом или пледом ноги. Драпировка других частей тела — это обычно забинтованные руки, темные очки или повязка на лице; их назначение — сообщить о неполноценности скрываемых органов.

3. Интенции и их реализация.

Прозящий милостыню должен вызывать жалость и сострадание. Отсюда сопутствующая интонация и жесты, особая мимика, позы (см. зоны «звуковое и речевое сопровождение» и «сопутствующие жесты»). Играть свою роль явные слова или неявные намеки на более низкий, чем у возможного подающего, статус и на болезненное состояние просящего: на бедность, бездомность, болезнь. Все это должно убедить адресата в том, что его положение гораздо лучше и стабильнее, чем у жестикулирующего. В своих словах просящие часто говорят о том, что то, что произошло с ними, может произойти с каждым, и потому подавание можно рассматривать как своего рода выкуп, как гарантию того, что с подающим ничего подобного не случится. Вызывая жалость и сострадание, жестикулирующий выпрашивает деньги.

По этикетным нормам, если человек дает деньги просящему милостыню, он дает сумму, соразмерную его финансовым возможностям. Эта сумма денег не должна быть чрезмерно маленькой, чтобы не унижать просящего. Само подавание (обычно это деньги, но если просящий — маленький ребенок, часто дают фрукты, сладости и т.п.) обычно не сопровождается какими-либо речевыми действиями. Напротив, ответные реплики со стороны просящего возможны, однако число их невелико, а сами они стандартны и ритуализованы. Это выражения типа *Дай Бог Вам здоровья, Благодарствую* и другие пожелания здоровья и благополучия дающему или его близким.

звуковое и речевое сопровождение

подайте, Христа ради!; подайте, люди добрые!

Слова, как правило, сопровождаются жалобной просительной интонацией.

сопутствующие жесты

Жест может сопровождаться опусканием углов рта, подъемом бровей, наклоном корпуса в сторону адресата, а также жестом мольбы — **прижать руку к груди**.

энциклопедические и культурные сведения

Нищие в христианстве (но не в большинстве течений протестантизма) обычно воспринимаются как божьи люди, блаженные, посланцы Бога на земле, которым должно оказывать помощь (во всяком случае, не отказывать, когда просят). Осо-

бенно поощряются подаяния на строительство, поддержание и оснащение храма, на лечение и похороны.

§ 4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ РУССКИХ УЛЫБОК⁴²

Еще в ребячестве, бессмысленный и злой,
Я встретил старика с плешивой головой.
С очами быстрыми, зеркалом мысли гибкой,
С устами, сжатыми наморщенной улыбкой.

А. Пушкин

Ключевые слова: улыбки, русский, типография, семантический, коммуникативный, симптоматический, жест, виды.

Предлагаемое **аналитическое описание основных типов русских жестов-улыбок и их естественно-языковых номинаций** является необходимым начальным этапом на пути построения семантической типологии русских улыбок. Оно родилось на перекрестке нескольких научных традиций, среди которых назовем в первую очередь работы по невербальной семиотике — паралингвистике, кинесике, гаптике, окулесике и др. (см. например, Крейдлин 2001; Крейдлин, Григорьева, Григорьев 1996; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 1996; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 и исследования по семантике, выполненные в рамках московской и польской семантических школ (И. А. Мельчук, А. К. Жолковский, Ю. Д. Апресян и их коллеги и ученики; А. Вежицкая и А. Богуславский), а также московской типологической школы (А. Е. Кибрик, его сотрудники и ученики).

В основе представляемого здесь исследования лежит целый ряд теоретических и методологических положений, и одной из важных задач мы считаем эксплицитное формулирование и обоснование большей части из них (о некоторых общих положениях мы уже говорили выше, и здесь они повторены только для удобства изложения).

Выдвигаемые положения удобно разделить на две группы. В первую группу попадают утверждения и гипотезы, касающиеся невербальных знаков и невербальных коммуникативных актов вообще, а во вторую — допущения, относящиеся непосредственно к улыбкам.

⁴² В основу данного параграфа положен материал статьи, написанной и в соавторстве с Е. А. Чувильной

I

(1) Невербальные семиотические коды в коммуникативном акте тесно взаимодействуют с естественным языком, а потому моделирование интерактивной коммуникативной деятельности невозможно без изучения и описания механизмов такого взаимодействия.

(2) Базой для внутриязыковой типологии невербальных актов и метаязыком для их описания должен стать особый **семантический язык**, один и тот же как для невербальных, так и для вербальных актов. Мы убеждены, что только на общем и прочном **семантическом фундаменте** можно достичь внутренней целостности невербальной семиотики и не менее желательной **интеграции невербальной семиотики и лингвистики в рамках общей теории коммуникации**. Этот метаязык должен быть семантическим языком **пропозиционального типа**, призванным отражать мыслительные, психологические, ценностные или какие-то иные установки жестикулирующего (говорящего). Таким образом, в качестве единиц языка описания значений улыбок не могут выступать выражения типа «жесты приветствия» или «улыбки радости», каковые присутствуют в подавляющем большинстве известных нам жестовых словарей и описаний. Подобные выражения годятся только для обозначения лексикографических типов (в смысле Ю. Д. Апресяна) соответствующих знаковых кинематических единиц и не могут служить толкованиями отдельных элементов жестовых языков. Действительно, если строить толкование только с помощью подобных, так сказать, семантических «атомов» или «молекул», то получается, что все жесты, объединенные, например, под рубрикой «улыбки радости» или под рубрикой «жесты прерывания контакта», следует рассматривать как полностью синонимичные, что заведомо неверно.

(3) Выдвигая тезис о целесообразности и возможности построения единого метаязыка для описания значений невербальных и вербальных единиц, мы вполне осознаем **качественное отличие невербальных знаков от вербальных**, а потому отдаем себе отчет в том, что семантическое описание слов и словосочетаний, обозначающих улыбки, вообще говоря, отличается от семантического описания самих улыбок.

Здесь, и это крайне существенно, описываются именно **невербальные единицы** (хотя они и постоянно соотносятся с языковыми выражениями).

(4) Необходимо отличать анатомию и физиологические свойства лица, а также психологические характеристики че-

ловека, которые передаются мимическими жестами, от семантики самих выражений лица, или, в нашей терминологии, мимических жестов. По этой причине структурные и психологические типы улыбок могут вполне расходиться с семантическими.

(5) Жесты, которые мы понимаем достаточно широко и под которыми имеем в виду жесты рук, ног и головы, позы — и знаковые телодвижения, имеют свой собственный синтаксис двух типов: **внутренний**, задаваемый правилами комбинаторики и упорядочивания разных видов жестов, и **внешний**, обуславливающий правильную сочетаемость в устном коммуникативном акте невербальных единиц с единицами естественного языка — словами, словосочетаниями, предложениями.

(6) Для более строгого и адекватного описания семантики жестов, в том числе с позиций «человека с улицы» (термин А. Вежбицкой), часто бывает необходимо **выйти за пределы лингвистики и прибегнуть к помощи других наук**⁴³. Сказанное отнюдь не означает, что успешный результат в виде экстралингвистического анализа языкового или семиотического явления должен непременно найти именно **лексикографическое отражение**, соответственно, в лингвистическом или жестовом словарях, ориентированных на рядового носителя языка и культуры. Однако внелингвистические научные интерпретации и объяснения, подкрепляющие и поддерживающие языковую интуицию, на наш взгляд, почти всегда помогают вскрыть побудительные причины и — независимо от интуиции и опыта конкретного исследователя — более аргументированно обосновать необходимость включения тех или иных смысловых единиц в толкование или в другие части семантического представления жестовой лексемы. Мы полагаем, что подобные объяснения способствуют большей объективизации, а тем самым большей точности и формальной строгости описания, а потому их поиск может и должен стать одним из важных инструментов и принципов современной невербальной семиотики и лингвистики.

Теперь сформулируем ряд гипотез и положений, относящихся к собственно улыбкам.

⁴³ Формулируемое положение — гуманитарная интерпретация теоремы Геделя о неполноте — *mutatis mutandis* становится постепенно важнейшим принципом современной науки вообще

II

(7) У жестов-улыбок имеется контекстно-независимый смысловой инвариант, по всей видимости, универсальный, не зависящий от культурных и языковых локальных конвенций (гипотеза А. Вежбицкой), что объясняет, в частности, почему эти жесты объединились в один языковой класс под именем *улыбки*.

Однако

(8) улыбка для нас — это не один жест, как, например, для А. Вежбицкой, а **класс семантически разнородных жестов**, причем смысловое разнообразие и соответствующее ему разбиение всех жестов-улыбок на классы является, по всей видимости, **культурно специфичным**. Русские улыбки, вообще говоря, отличны от китайских, польских или французских улыбок по смыслу и по функциям, по формальному строению и коммуникативному поведению, а также по ситуациям использования.

Действительно, исполнение и использование многих жестов, включая улыбки, являются культурно обусловленными, то есть зависят от культурных требований и предпочтений [Эфрон 1972; Кендон 2000]. Так, в отличие от европейских, азиатские культуры ориентированы не столько на раскрытие индивидуальности каждого отдельного человека, на идеалы просвещения и цивилизации и на жизненный успех как на основной результат, сколько на **нормативное воспитание личности**, то есть на воспитание ребенка в соответствии с существующими в обществе принципами и моделями жизни: религиозными и культурными традициями, духовными и моральными ценностями, поведенческими стереотипами и человеческими образцами. Такое воспитание предполагает и в последующей жизни следование особому устойчивому укладу, стилю отношений и поведения, а также способам и приемам этикетного общения, плохо понятным, например, европейцам.

Вот что пишет, например, о японском этикете, японской улыбке и соответствующем невербальном коммуникативном акте О. Клинеберг: «Японская улыбка вовсе не обязательно является самопроизвольным выражением удовольствия; она подчиняется нормам и законам японского этикета, развиваемого и культивируемого в обществе с самых юных лет. Этот молчаливый язык, по-видимому, бывает часто плохо понятен и трудно объясним европейцам и, как следствие, может вызывать у них непреодолимую неприязнь и ярость. Японский ребенок с детства учится улыбаться как некой социальной обязанности точно так же, как он учится кланяться или падать ниц. На лице японца всегда должно быть выражение радости, что-

бы не навязывать друзьям и знакомым свою грусть или печаль» (Клинеберг 1935, с. 285—286).

В другой статье отмечается следующее различие в ситуациях употребления улыбок у американцев и корейцев: «Американские жених и невеста во время брачной церемонии улыбаются, выглядят счастливыми, а в Корее ни жениху, ни невесте улыбаться не положено. Если невеста улыбается, то у нее первой родится девочка, а это совсем нежелательно. Поэтому отсутствие улыбки на лице, помимо того, что отражает идею подчеркнутого приличия и скромного поведения, идущую от давнего этикета времен Конфуция, служит также вполне осознанным и практически полезным инструментом, предотвращающим появление нежелательного события. По этой причине корейские жених и невеста остаются серьезными и до, и во время, и непосредственно после брачной церемонии» (Ким 1978. с. 2—3).

А в некоторых культурах, например в малайской, в целом ряде формальных ситуаций запрещены все жесты, даже взгляды, выражающие добрые чувства к адресату. В малайской культуре, как и в корейской, жених и невеста на свадьбе не должны улыбаться друг другу. Когда мужчина еще только начинает ухаживать за женщиной, обоим тоже предписывается тщательно скрывать свои чувства и не улыбаться. В противном случае «им же самим будет *стыдно* (*malu*)», а оценка *malu* «стыдно» является резко отрицательной характеристикой поведения в малайском обществе.

Приведем, наконец, один литературный пример, показывающий восприятие французских улыбок русским человеком, оказавшимся в Париже: (1) *Никто здесь не знал ни его имени, ни национальности, ни положения, и Тамарин понимал, что если он скоропостижно умрет в кофейне, то и приветливая хозяйка, и приветливый гарсон нисколько не огорчатся — разве что пожалеют, что стало одним клиентом меньше. Но в самых формах этих, в радостных улыбках... была человеческая приветливость, от которой он совершенно отвык в Москве (М. Алданов. «Начало конца»).*

(9) Русские улыбки тоже семантически отличаются друг от друга. Ср. в этой связи очень важное для нас замечание Е. В. Урысон, сделанное ею в словарной статье синонимического ряда слов *улыбка*, *усмешка*, *ухмылка* в [НОСС 2000, с. 366]: «Обычно *улыбка* выражает радость или другое подобное чувство, приятное субъекту, ср. *Он смотрел на нее с радостной <влюбленной, веселой> улыбкой*. Однако это может быть и весьма сложное чувство, в котором достаточно вели-

ка доля интеллектуальной оценки, причем радость переплетается с чувствами, неприятными субъекту, например, с печалью или злостью. Ср. *Он слушал ее с горькой <печальной> улыбкой; Он смотрел на нее со злорадной <издевательской, насмешливой> улыбкой.* В связи с этим улыбка может оцениваться как положительно, так и отрицательно. Ср. *На ее лице появилась приятная <неприятная> улыбка; От этой ужасной улыбки ее бросило в дрожь.*

Действительно, хотя улыбка — это типичное, стереотипное проявление счастья, радости, удовольствия, благодарности, восторга и других позитивных чувств, люди не так часто в каждый данный момент испытывают ровно одно, причем именно положительное, чувство, и улыбка передает всю сложность и разнообразие испытываемых переживаний и ощущений. Вообще, мимические выражения по большей части представляют собой комбинацию чувств, и поэтому разные улыбки воспринимаются людьми как разные жестовые единицы, что подтверждается многочисленными полевыми и лабораторными исследованиями. Так, *нервная улыбка*, как и *нервный смех*, в отличие, скажем, от *веселой улыбки*, больше говорит о напряженном актуальном состоянии улыбающегося или даже о том, что он все время находится в нервном напряжении, чем о том, что он чувствует что-то хорошее (у некоторых людей нервная улыбка вообще стала постоянной привычкой и *не сходит с их лица*). Смысловые компоненты, отвечающие за передачу позитивных чувств, тут как бы уходят на задний план, а в фокусе жеста *нервной улыбки* выступают совсем иные элементы.

Разумеется, восприятие улыбок зависит от самых разных факторов, а не только от конкретного значения, которое имеет та или иная улыбка. В частности, интерпретация улыбки зависит от ситуации, в которой возникает жест, от состояния адресата, воспринимающего улыбку, от степени его знакомства с субъектом, от того, как адресат к субъекту относится, и т.п. С одной стороны, многие улыбки, например *нормальная, искренняя, приветливая улыбка*, обладают в акте коммуникации огромной силой иллюкутивного вынуждения и связанным с ней любопытным свойством: встречаясь с искренней, приветливой улыбкой, ей очень трудно противостоять и, как мы говорим, *не улыбнуться в ответ*. Отсутствие улыбки в таких случаях воспринимается как непонятное или агрессивное поведение, ср. (2) *Это был очень старый, видимо, с трудом передвигающийся человек угрюмого вида. Он почти не улыбнулся в ответ на улыбку Кангарова и не объяснил цели своего приезда: ясно и без того. «Кажется, немой из Портичи», — шепнул по-русски*

Базаров. Посол на него покосился и торопливо пошел навстречу входившему в вестибюль церемониймейстеру (М. Алданов. «Начало конца»). Больше того, отсутствие ответной улыбки может даже привести к коммуникативному провалу, подобному тому, какой бывает в ситуации незамеченной или как бы не замеченной руки, протянутой в знак приветствия. С другой стороны, люди на улыбки часто никак не реагируют — хотя бы по той простой причине, что они вообще довольно сильно отличаются по своим способностям откликаться на чувства и переживания других. А еще бывает и так, что человек, квалифицирующий данную конкретную улыбку, обращает внимание на одни эмоции, пренебрегая другими, например, видит в направленной на него улыбке проявление самодовольства, а не, скажем, радости. Именно в этих случаях при языковом описании улыбок появляются разного рода слова, чаще всего прилагательные, обозначающие, по мнению говорящего, главные эмоции, испытываемые в данный момент человеком, ср. *самодовольная улыбка* vs. *радостная улыбка*.

Между тем — и это принципиальное для нас положение — иное словесное обозначение улыбки еще не означает, что перед нами другая улыбка, другой жест. Разные словесные обозначения улыбок могут вполне соответствовать одной жестовой форме, ср., например, *широкая улыбка*, *открытая улыбка*, *белоснежная улыбка* или *белозубая улыбка*, как в предложении (3) — *Здравствуйте, друзья — промолвил обладатель белозубой, открытой улыбки и национальной гордости; именно промолвил — трудно было применить другой глагол к его неторопливому аккуратному выговору с заметным акцентом*.

С другой стороны, улыбки могут существенно различаться по смыслу, и главным поверхностным показателем смысловых расхождений, как и в естественном языке, является модифицированная форма. Кроме того, у разных смысловых типов русских улыбок бывают, вообще говоря, разные контекстные жестовое, а возможно также языковое или параязыковое сопровождения. Например, при *широкой* улыбке обнажены оба ряда зубов, что придает лицу несколько агрессивный вид, о чем писал еще Ч. Дарвин (Дарвин 1872/1965); при этом за *широкой* улыбкой часто следует смех, а глаза улыбающегося смотрят на адресата или на объект, вызвавший улыбку. В то же время застенчивая улыбка — ср. (4) — *Фамилия твоя какая? — спрашивал он. — Кривомазов, отвечал я, подделывая застенчивую улыбку, и он гладил меня по голове и кормил конфетами* (В. Пелевин. «Омон Ра») — больше похожа не на *широкую*, а на *нормальную*, *обычную*, или, как ее еще называют, естествен-

ную улыбку, поскольку и при застенчивой, и при нормальной улыбках виден только верхний ряд зубов. Однако застенчивая улыбка отличается по своей форме также и от нормальной улыбки: при производстве застенчивой улыбки, в противоположность нормальной, верхние зубы обычно приходят в контакт с нижней губой, а в некоторых вариантах физической реализации даже чуть ее прикусывают. К тому же голова улыбающегося застенчивой улыбкой всегда слегка опущена, и он никогда не смотрит партнеру в глаза.

Смысловые элементы, которые различают русские улыбки и которые составляют базу для семантической типологии, образуют дополнение инварианта до конкретного смыслового наполнения того или иного вида улыбок.

(10) Семантический анализ улыбок, понимаемых как жестовые знаки, должен быть непосредственно связан с их морфологическим и структурным анализом, с выделением и описанием типовых кругов употреблений каждой из выделяемых единиц. У русских улыбок разных видов круг употреблений и набор согласующихся с улыбкой жестовых и речевых выражений, вообще говоря, разный.

Обоснование сформулированных гипотез и утверждений непосредственно связано, во-первых, с практической ориентацией нашей работы на будущее лексикографическое, словарное, представление собранной кинетической информации в особом словаре русских улыбок, о котором мы еще скажем чуть позже, во-вторых, с естественно-языковым отображением жестов-улыбок и на возможность параллельного этим жестам кинетического, речевого и параречевого сопровождения, и в-третьих, с определением особенностей функционирования русских улыбок в текстах разных жанров и стилей.

4.1. Аналитический обзор основных идей и результатов, связанных с анализом улыбок

С физиологической точки зрения улыбку можно описать как деятельность мускулов лица, в результате которой растягиваются губы. Авраам Линкольн как-то сказал: «The Dear Lord gave us our face, but we make our own mouth» «Наше лицо нам дал Господь, но рот мы делаем себе сами». С улыбки матери, с улыбки и голоса ребенка начинается жизнь человека на земле. Улыбающееся лицо матери является наиболее эффективным

стимулом, на который способен реагировать младенец на самой ранней стадии своей жизни. Крупнейший теолог нашего времени Ганс Урс фон Балтазар во время своей последней лекции в 1988 году произнес такие слова: «Ребенок пробуждается к сознанию только любовью, улыбкой своей матери. В этой встрече открывается горизонт бесконечного бытия».

Первую улыбку на лице младенца можно заметить на 8—10-ый день его жизни, однако на такой ранней стадии развития улыбку бывает очень трудно каждый раз соотносить с каким-то одним, строго определенным стимулом: как показали многочисленные наблюдения, улыбки младенца возникают как реакции на самые разнообразные факторы. Между тем есть много данных, говорящих о том, что даже в этот период улыбка является знаком, обращенным к адресату, и всегда выражает желание ребенка получить что-то или от чего-то избавиться. По мере взросления человека его улыбки становятся еще более определенным знаком, и в норме улыбка означает «удовольствие, радость, счастье». Жесты **широкая улыбка** и **обычная улыбка** являются как раз носителями этих позитивных смыслов.

Большая часть улыбок представляет собой **прагматически освоенные жесты**, то есть, напомним, единицы, ставшие устойчивыми и привычными для людей данного этноса или данной культуры. Они сравнительно часто используются и стандартно интерпретируются людьми в процессе устного общения, в то время как противопоставленные им **прагматически не освоенные единицы** употребляются в коммуникативном акте в гораздо меньшей степени и даже далеко не всегда распознаются как жесты. Прагматически освоенные улыбки входят в центр невербальной системы русского языка тела, а неосвоенные — в ее периферию или вообще еще только находятся на пути в лексикон рассматриваемого невербального языка. Важным показателем того, что улыбка относится к прагматически освоенным жестам, является наличие у нее стандартного языкового обозначения в виде закрепленной номинации (а чаще — нескольких синонимичных номинаций). Прагматически неосвоенные или плохо освоенные улыбки не имеют общепринятого языкового имени (укажем, впрочем, что некоторые освоенные улыбки тоже не имеют стандартного языкового наименования, ср., например, разбираемый ниже жест «**улыбнуться одними уголками рта**»).

Я считаю здесь важным подчеркнуть, что улыбка как таковая является исключительно важным социальным и культурным феноменом, причем роль этого жеста постоянно растет. И в первую очередь это связано с увеличением числа и значимости

социальных и культурных ритуалов в современном обществе. Речь идет о таких важных социальных ситуациях общения, как официальное представление-знакомство, деловые встречи, ведение коммерческих, дипломатических и политических переговоров, ритуализованные визиты и приемы, посещение банков, магазинов, юридических контор, медицинских и других общественных учреждений и др. Отметим и сегодняшнюю исключительно важную общественную роль рекламы, где улыбка человека стала чуть ли не обязательным элементом. В этих и подобных им случаях мы всегда сталкиваемся с социальными улыбками разных типов, видов и форм. По-видимому, во всех без исключения культурах улыбки играют первостепенную роль в организации и поддержании социальной жизни и коммуникации людей. Каждая дружеская встреча и диалог начинаются с первой улыбки, с первого дара любви, дружбы или просто хорошего отношения, которые, впрочем, рожают у другого ответственность за такое отношение. Мы все любим искренние улыбки, считая их хорошим знаком, ср. пушкинское *Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки Я русской речи не люблю*.

Основное социальное назначение и мотивация русских улыбок — оказывать положительное влияние на адресата, в частности успокаивать его и показывать добрые чувства к нему. Многие улыбки создают у партнера хорошее настроение или побуждают его к определенным действиям, ср. (5) *Он добрый? Вроде да — все время улыбается, говорит приятные вещи (В. Тростников «Сильные мира сего»)*.

Будучи употребленными как коммуникативные мимические эмблематические жесты, улыбки в своей семантической структуре содержат компонент «я хочу, чтобы ты знал...». Некоторые коммуникативные улыбки используются как знаки приветствия и прощания, люди их дарят другим в знак установившегося контакта или как обещание на будущее, ср. (6) *Она еще раз сжала ему руку и ушла, подарив на прощанье чудную, но настолько несчастливую улыбку, что я удивился (Г. Леру. «Духи Дамы в черном»)*. С другой стороны, по своей изначальной физиологической природе улыбки являются симптоматическими знаками-эмблемами. Иными словами, они являются такими жестами, которые в пределах данного невербального языка обладают собственным лексическим значением и способны выступать в коммуникативном акте изолированно от речи, выражая эмоциональное состояние субъекта, ср. характерные русские улыбки радости, смущения, растерянности, грустной иронии и т.п.

Симптоматические улыбки дают выход чувствам наружу, представляя собой мимический сигнал, который свидетельствует, в частности, о позитивных чувствах, испытываемых улыбающимся человеком в настоящий момент. Человек может улыбаться своим мыслям и чувствам, даже оставаясь один.

Отметим особо, что там, где нет какого-либо, вербального или невербального, показателя **негативной эмоции**, там мы либо имеем дело с ситуацией физического или психического нездоровья человека, либо сталкиваемся с отсутствием полного проявления самой эмоции. Жестикулирующий, как часто говорят, сознательно *сдерживает* или *подавляет свои чувства*. Умение человека не показывать своим поведением испытываемое им горе или демонстрировать сдержанность перед лицом опасности, то есть *сохранять* (sic!) *хладнокровие*, обычно оценивается другими людьми как положительное качество. Однако в случае испытываемых человеком позитивных эмоций ситуация иная: неулыбающееся, деревянное или невыразительное лицо, как и окаменевший взгляд или абсолютно застывшая, неподвижная поза, создают представление о «неживом человеке», и все эти невербальные манифестации оцениваются отрицательно. Кстати, совсем иное дело **непроницаемое лицо**, тоже не предполагающее появления на нем улыбки. Возможно, далеко не всегда приятное друзьям, оно не выдает информацию недругам, причем не только эмоциональную, но и когнитивную. Контроль за выражениями лица, в частности за улыбками, является одной из важнейших форм общего контроля за коммуникативной ситуацией.

Итак, у русских улыбок, как и у других симптоматических жестов, есть **два типа употреблений** — физиологически исходное, симптоматическое, употребление в качестве средства выражения эмоции, и производное, коммуникативное, употребление — сознательная передача адресату некоторой информации. Однако для улыбок последний круг употреблений, в особенности социально-информативная и этикетная сферы, имеет значительно более высокую функциональную значимость и частоту, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные языковые выражения типа *спрятать улыбку*, *сдерживать улыбку*, *удержаться от улыбки*, *убрать* (или: *снять*, *стереть*) *с лица улыбку*, ср. (7) *Посольство уже встало. Секретарь прошел мимо двери, стер с лица улыбку и холодно бросил: «Доброе утро, товарищ Дакочи...»* (М. Алданов. «Начало конца»), а также сочетания *встретить кого-либо улыбкой*, *выдавить* (или: *выжать*) *из себя улыбку*, ср. (8) *Надо будет выдавить из себя улыбку, выйдет натянутой, но, если очень постараться, можно улыбнуть-*

ся вполне прилично (М. Алданов. «Начало конца»), одарить (или: наградить) кого-либо улыбкой, раздвинуть губы в приветственной (или: прощальной) улыбке.

Приведенные и аналогичные им языковые единицы показывают, что как коммуникативные жесты улыбки являются сознательными и контролируемыми выражениями лица, хотя, разумеется, и у разных людей, и у одного человека в разных жизненных ситуациях степень осознанности и контроля над улыбками может быть различной, о чем мы еще поговорим позже.

Как известно, многие культуры обладают особыми социальными и культурными моделями, или сценариями, невербального поведения, в том числе эмоционального. Человек, относящийся к конкретной культуре, хорошо знает ее правила и нормы, утверждаемые соответствующими сценариями, и обычно действует, соглашаясь с ними. В тех же случаях, когда поведение представителей данной культуры происходит с явным нарушением норм, то это делается им либо осознанно — обычно с намерением выполнить определенное коммуникативное задание, — либо неосознанно. А тогда ненормативное поведение либо получает нестандартную интерпретацию, либо просто осуждается другими людьми как этически или эстетически нехорошее, как физически или психологически неприятное, а потому не благоприятствующее общению.

Американская культура, например, известна всему миру как система ценностей, одобряющая и высоко оценивающая улыбки на лицах людей, в том числе и в ситуациях, когда человек вовсе не испытывает положительных чувств. Многие русские, например, оценивают такое невербальное поведение американцев как неприятное, неискреннее и фальшивое. Между тем, как мне представляется, мы здесь просто имеем дело с серьезными межкультурными различиями. Целью подобного поведения улыбающегося американца является показать другому человеку, пусть совсем не знакомому, что ему, например, приятна встреча с ним; да и вообще это хорошо, когда люди думают, что тебе сейчас хорошо. Американские коммуникативные улыбки по своей ориентации являются активными, так как многие из них содержат в семантической структуре компонент, отражающий некое моральное обязательство: «я готов сделать для вас что-то хорошее». А, скажем, в японской культуре достойным считается поведение, при котором адресат не должен видеть проявление плохих чувств на твоём лице, в частности потому, что ему от этого тоже может быть плохо, и по

этой причине говорящему предписывается улыбаться даже в тех ситуациях, когда ему плохо. Таким образом, если одна из основных функций и задач американской улыбки состоит в налаживании и поддержании нормальной коммуникации, то у социальной японской улыбки *mikoniko*, о которой идет речь, главная функция — охранная, «сберегающая» чувства другого. Улыбка *mikoniko*, продукт с давних времен культивируемого этикета, чрезвычайно сложного и изысканного по исполнению, является более пассивной, чем упомянутая выше американская, поскольку содержит компонент «не хочу сделать вам что-то плохое». Кроме того, согласно японским этикетным нормам коммуникативного поведения, информацию, болезненную или тревожную для адресата, тоже следует передавать с улыбкой, которая, однако, в этом случае является уже не просто знаком успокоения, но и, как говорят сами японцы, проявлением вежливости, выражающейся в высшем самоотречении.

Улыбкам как семиотически нагруженным единицам посвящено довольно много исследований.

Чарльз Белл (Белл 1844), английский анатом, физиолог, хирург и художник, был одним из тех, кто первым заинтересовался выражениями эмоций на человеческом лице. Изучая улыбки, Ч. Белл пришел к выводу, что они передают тысячи различных значений — от безмятежной улыбки доброты и презрительного изгиба в улыбке нижней губы до улыбки самодовольного тщеславия или улыбки сожаления.

Исследованием эмоций и их проявлений на лицах у человека и животного занимался также Чарльз Дарвин. В своей знаменитой книге (Дарвин 1872/1965) он специально останавливается на улыбке и отмечает, что наиболее яркие эмоции у человека проявляются в выражениях глаз и мимике, а из мимических жестов самым экспрессивным является улыбка.

В особенности много исследований было посвящено происхождению улыбки и ее эволюционному развитию. Так, в статье Дж. ван Хоффа (Хофф 1976) речь идет о возникновении улыбок у высших приматов. Утверждается, что жест восходит к мимике обнаженных зубов, которая у всех обезьян связана с подчинением и легким испугом. В то же время противопоставленный улыбке, но тесно с ней связанный смех филогенетически соотнесен с игровым лицом (с так называемым игровым покусыванием, легкой агрессивностью и демонстрацией дружественных намерений субъекта).

О происхождении улыбок говорится и в работе Блертон-Джоунз 1972, где представлены результаты наблюдений над улыбками детей-дошкольников и констатируется значимость социальной функции улыбок у детей при установлении ими коммуникативных контактов. Там же выявлена важная функция улыбок — функция *умиротворения* (ср. русские сочетания *успокаивающая улыбка, примирительная улыбка, обезоруживающая улыбка*).

В этой функции улыбка у детей сходна с мимикой подчинения и страха у обезьян.

Р. Краут и Р. Джонстон (Краут, Джонстон 1979) тоже обращают внимание на то, что улыбка у животных возникла как сигнал, призванный сгладить напряженность во взаимодействиях между представителями одного биологического вида, живущими в одном коллективе, а потому «можно вполне предположить, что улыбки у людей тоже часто должны появляться в тех ситуациях, когда кто-то из них пытается успокоить или умиротворить другого, например, когда он или она сделали что-то неправильно или нарушили какие-то социальные нормы и приносят за это извинение» (Краут, Джонстон 1979, с. 1550). З. Фрейд, однако, возводил улыбку к мимике грудного ребенка, которого только что накормили молоком и который показывает матери, что наелся.

Эти, а также последующие исследования Дж. ван Хоффа вместе с С. Пройшофтом, посвященные социальным функциям улыбок и смеха (см., например, (Пройшофт, Хофф 1997), показали исключительно важную роль формы и положений губ, открытого рта и обнаженных зубов при исполнении основных видов улыбок.

Симптоматические улыбки-эмблемы составили предмет многочисленных трудов известного психолога, специалиста по эмоциям и их лицевому выражению П. Экмана и его коллег. Среди них выделим работы Экман 1992; Экман, Фризен 1982; Экман, Дэвидсон, Фризен 1990, которые, однако, как и упомянутые выше исследования других ученых, лежат исключительно в области антропологии, психологии и физиологии, но не лингвистики.

Коммуникативные улыбки-эмблемы изучались в основном в связи с их интерактивными и социальными функциями. Так, в уже упомянутой работе Краут, Джонстон 1979 было продемонстрировано одно любопытное соотношение между чувством радости и ее проявлением в виде обычной улыбки. Авторы наблюдали за поведением людей в естественных жизненных ситуациях, таких как встреча с другими людьми в учреждении-

ях, театрах и иных общественных местах, приветствие любимой команды на стадионе или спортивной арене, игра в кегли в кегельбанах и пр., и пришли к выводу, что люди редко улыбаются во время тех событий, которые предположительно являются каузаторами эмоций радости или счастья, то есть, например, когда производился успешный бросок шара во время игры в кегли или когда любимая команда забивала гол. Но улыбки всегда были спутниками людей во время коммуникативных взаимодействий, например при встрече знакомых, при обращении к болельщикам той же команды со своей радостью, соседям по трибуне или во время беседы в процессе игры в кегли. Такие улыбки рассматриваются как жесты, призванные выразить удовольствие от встречи или разделить успех, как призыв прокомментировать событие, происходящее на поле, и под. В то время, однако, оставалось неясным, были ли все это улыбки радости, — возможностей объективной проверки еще не было, да к тому же в естественных условиях это и сегодня не просто. Р. Краут и Р. Джонстон пишут (с. 1551), что они не знали также, одинаково ли исследуемые ситуации действовали на людей, за которыми велось наблюдение. Даже если предположить, что все они испытывали чувство радости, то часто возникавшие перепалки и потасовки с болельщиками другой команды во время матчей, подсчет очков после завершения партии в кегли и даже жаркое солнце могли для разных людей оказывать существенно разное влияние на интенсивность и длительность испытываемого чувства.

Одно из самых известных экспериментальных исследований последнего десятилетия, относящихся к сфере человеческих эмоций и эмоционального поведения, представлено в статье Фернандес-Долс, Руиз-Белда 1995. В ней описаны результаты анализа невербального мимического поведения 22 спортсменов разных стран (14 женщин и 8 мужчин), победителей летних Олимпийских игр в Испании, во время церемонии их награждения золотыми медалями. Авторы интересовали прежде всего улыбки на лицах чемпионов. Было выдвинуто, на первый взгляд очевидное, предположение, что эти люди испытывают чувство огромной радости от победы и что это чувство должно проявляться прежде всего в радостных улыбках на их лицах. Однако все оказалось не столь просто.

В ситуации награждения, уже самой по себе эмоционально накаленной, были выделены три фазы поведения, или три разных подтипа эмоциональных ситуаций, — поведение спортсменов перед пьедесталом (ситуация ожидания), нахождение на пьедестале во время награждения (ситуация коммуникативно-

го взаимодействия с официальными лицами и публикой) и спуск с пьедестала и стояние перед флагом во время его подъема и исполнения национального гимна (некоммуникативная ситуация снятия предшествующего сильного эмоционального напряжения). Важные и для нас выводы, к которым пришли авторы, таковы: (1) сами по себе радость и счастье от победы к улыбкам не приводят; испытываемых эмоций не достаточно для того, чтобы на лицах людей появились улыбки. Дело в том, что улыбки у подавляющего числа спортсменов наблюдались только во второй фазе, а именно в ситуации коммуникативного взаимодействия; (2) возможно, что в первой и третьей фазах многие вообще не испытывали эмоций радости и счастья или умело их сдерживали, поскольку у большинства чемпионов улыбок в этих ситуациях не наблюдалось (в первой стадии было зафиксировано всего 4 улыбки из 22, а в третьей вообще ни одной); (3) прототипическое выражение эмоции радости напрямую связано с коммуникативными и социальными задачами.

Иначе говоря, за улыбкой как невербальным средством выражения испытываемого чувства или переживания всегда стоят социальные мотивы, связанные, главным образом, с коммуникативным взаимодействием людей.

Исследования улыбок разных жестовых языков и культур показывают, что симптоматическая функция улыбки, которая отражает когнитивный — «мысль о чем-то» и эмоциональный аспект — «это что-то улыбающемуся приятно» и которая передается в толковании улыбки смысловым жестовым примитивом «выражает», постепенно отходит на второй план как вторичная по степени своей употребительности и важности, а главной **начинает становиться коммуникативная и социальная составляющие**, о чем мы уже говорили.

Коммуникативная функция улыбок тоже необходимо должна отражаться в их семантических представлениях, а потому смысловой инвариант улыбок содержит не только компонент «я чувствую нечто хорошее», как вполне справедливо полагает А. Вежбицкая, но и коммуникативную пропозицию «я хочу, чтобы ты знал...», вводимую жестовым семантическим примитивом «показывает» (о жестовых семантических примитивах см., например, работу Григорьева, Григорьев, Крейдлин; 1996).

Данный вывод, впрочем, следует пока что рассматривать не как окончательное утверждение, а как предварительную гипотезу. Ведь лингвистический анализ жестов-улыбок еще только начинается; до сих пор он остается совершенно в стороне от основного русла исследований в области кинесики и лингвистики. Ни семиотический анализ жестов-улыбок и их вариан-

тов, ни соотношение языковых номинаций улыбок с реально воспроизводимыми жестами, за исключением ряда работ А. Вежбицкой по семантическому анализу выражений лица, в частности, поиску семантического инварианта жестов-улыбок, — см. Вежбицкая 1993; Вежбицкая 1995а и особенно Вежбицкая 1999, не были, насколько нам известно, предметом специальных работ, причем сказанное касается как русских жестов-улыбок, так и иных. Между тем легко показать, что даже одна только вариативность в составе русских жестов-улыбок, как видно из разнообразия их названий и способов физических реализаций, могла бы стать объектом отдельного семиотического или лингвистического анализа. Русские люди последовательно различают, например, такие жесты, как улыбка, усмешка, гримаса, оскал и ухмылка, и такие слова, как глаголы *усмехаться*, *скалиться*, *лыбиться* и *осклабиться*.

В ряде исследований А. Вежбицкая дает толкование улыбке исходя из того, что улыбка как жест представляет собой нечто цельное и единое, что это не класс единиц, а одна единица. Так, в своей монографии Вежбицкая 1999, с. 173 она пишет: «... a smile is not polysemous (it doesn't have a fixed number of distinct meanings), and it does have one semantic invariant identifiable independently of context (улыбка не является полисемантической единицей (она не имеет фиксированного набора отдельных значений) и обладает смысловым инвариантом, устанавливаемым независимо от контекста)». И далее продолжает: «...the core meaning of a smile (that is, roughly speaking, of the configuration of facial muscles in which the corners of the mouth are raised, and of the movement which produces this configuration) can be stated as follows: «I feel something good now» «основное значение улыбки (то есть, грубо говоря, конфигурация мышц лица, при которой подняты уголки рта, а также движение, благодаря которому такая конфигурация достигается) можно сформулировать следующим образом: «я чувствую сейчас что-то хорошее». Ко многим аргументам, представленным А. Вежбицкой в защиту именно так формулируемого смыслового инварианта, можно добавить еще один, связанный со смысловым согласованием прямой речи и комментария к ней, ср. два комментария к прямой речи — нормальное предложение «Хорошо, что старик уехал: его от этой музыки разбил бы паралич», — с улыбкой подумал он и неправильное *«Плохо, что Дима не приехал», — с улыбкой подумала она.

Между тем, полностью соглашаясь с формулировкой единого смыслового инварианта для всех улыбок, мы хотели бы

все же выразить сомнение по поводу двух из высказанных А. Вежбицкой положений.

Во-первых, как показывают наши собственные видео- и визуальные наблюдения, а также целый ряд полевых и лабораторных исследований по описанию выражений лица, выполненных другими людьми, не при **всяких улыбках** поднимаются **уголки рта**, хотя соответствующие жесты продолжают **называться улыбками** (ср. *кривая улыбка*, которая стоит даже ближе к *ухмылке*, чем к стандартной настоящей улыбке, или *обиженная улыбка*, также сильно модифицированная форма по сравнению с улыбкой обычной). Г. Сифорд отмечает, в частности, что форма «уголки рта подняты», которая обычно называется U-образной формой, не характерна для улыбок американцев, живущих на юге Америки, — там улыбки исполняются без поднятых уголков рта (*«unraised corners»*) (Сифорд 1978, с. 7).

Мы, однако, абсолютно солидарны с Е. В. Урысон (НОСС 2000, с. 365 — 368) в том, что при всякой улыбке рот **растягивается**, и именно этот признак является общим для всех форм улыбок.

Во-вторых, из наличия у улыбок смыслового инварианта еще не следует, что жест улыбки имеет одно значение: смысловой инвариант может оставаться таковым для каждого отдельного значения, для каждой отдельной улыбки, «перетекая» от одного значения к другому. При анализе улыбок следует учитывать не только ранее приведенные различия в именах жестов, но и наличие языковых операторов, видеообразующие и модифицирующие улыбку, например, прилагательные при именах и наречия при глаголах. Именно различные типы смысловых наращений, модификаций и других смысловых или когнитивных операций над инвариантом создают разнообразие смысловых типов русских улыбок, часто даже размывая границы между улыбками и другими видами жестов, подобно тому как прилагательное *пивная*, приложимое к имени *кружка*, выводит, как считает А. Вежбицкая, *пивную кружку* за пределы настоящей, или прототипической, *кружки*; см. об этом подробно в книге Вежбицкая 1985.

Еще раз подчеркнем, что речь идет именно о смысловых, а не, например, о психологических, особенностях улыбок (хотя, заметим попутно, нам интересна не только семантика, но также и прагматика улыбок, их употребление, функции и роли в коммуникации людей). Ср. такие разные жесты, как голливудская улыбка, которую все носители русской культуры воспринимают как неискреннюю, ненастоящую улыбку, как кривая улыбка или, например, холодная улыбка, не передаю-

щие в целом именно того смысла, который, по мнению А. Вежицкой, имеет жест улыбки, ср. (9) *Он был выше меня на полголовы и, вероятно, чуть постарше; войдя в освещенную прожектором зону, он поднял ладонь в черной перчатке, растянул губы в холодной улыбке, и перед моими глазами на секунду мелькнул летчик в кабине истребителя с пиковым тузом (В. Пелевин. «Омон Ра»).*

4.2. Семантическая типология русских улыбок: методика и способ решения задачи

Вопрос о внутриязыковой семантической типологии невербальных единиц, и в частности улыбок, до сих пор, насколько нам известно, никогда не ставился.

Не рассматривалось и соотношение между названием классов жестов — *улыбка* — и глаголом *улыбаться*, хотя это соотношение достаточно нетривиальное и интересное для изучения, ср. *широкая улыбка* — *широко улыбаться*, *счастливая улыбка* — *счастливо улыбаться*, *глупая улыбка* и *глупо улыбаться* и *умная улыбка* — **умно улыбаться*, *знакомая улыбка* — **знакомо улыбаться*, *улыбнуться в знак прощения* и **улыбка прощения*. *Постоянная улыбка* — это не то же самое, что *постоянно улыбаться*; предложение *Она приветливо улыбалась* обозначает активные действия субъекта, субъект контролирует ситуацию, а фраза *На ее лице появилась приветливая улыбка* означает, что что-то произошло с субъектом, и он ситуацию не контролирует. По-русски можно сказать *Быть две недели в обществе Викторова ей не очень улыбалось*, но когда же появится еще одна возможность увидеть Лондон?, однако для этого значения глагола *улыбаться* в русском языке нет соответствующего деривата — существительного, и т.п.

Несмотря на то что сама типология улыбок до сих пор не попадала в сферу внимания ученых, некоторые психологи и специалисты в области социальной коммуникации выделяли и описывали отдельные важные разновидности улыбок. Из известных нам исследователей, которые, по всей видимости первыми, пытались выделить и описать наиболее часто встречающиеся улыбки, были Ч. Брэнниган и Д. Хэмфрис (Брэнниган, Хэмфрис 1967). Они рассматривали как отдельные три разновидности улыбок (названия терминологические, а не реально языковые): **simple smile** «обыкновенная, нормальная улыбка», **upper smile** «верхняя улыбка, или улыбка, приоткрывающая верхние зубы», **broad smile** «широкая улыбка» (с. 44), и это

деление жестов, основанное исключительно на их физических признаках, может служить основой для формальной, или морфологической, классификации улыбок. Мы надеемся, впрочем, показать, что эти формы довольно жестко соотносятся с определенными семантическими типами улыбок.

Наша работа по созданию семантической типологии русских улыбок строилась следующим образом. Из данных, собранных в процессе наблюдений за улыбками людей, а также из анализа номинаций улыбок, взятых из большого массива текстов, были получены дифференциальные признаки, по которым в дальнейшем осуществлялась классификация. Более конкретно невербальный материал был взят нами из различных видеозаписей, сделанных любительской камерой, а также из повседневных визуальных наблюдений, а вербальный материал — из произведений русских писателей первой и второй половины XX века.

На начальном этапе построения семантической типологии, о котором пойдет далее речь, мы решили уделить больше внимания соотношению жестов-улыбок и их языковых обозначений. Нам хотелось прежде всего решить две задачи: во-первых, выяснить, как обозначают разные виды улыбок носители языка, прежде всего русские писатели, и, во-вторых, понять, можно ли реконструировать конкретный вид жеста-улыбки по его языковому описанию.

Мы исходили из того,

— что за каждым видом улыбок стоят не только конкретные значения дифференциальных признаков, определяющих лексикографический портрет одной улыбки, но и интегральные признаки, задающие лексикографический тип улыбок;

— что русские улыбки многофункциональны и скрывают за собой ряд смыслов, обеспечивающих нормальное протекание речевой коммуникации, в частности такую важную ее социальную функцию, как установление контакта или желание поддерживать его, а также обозначают такие смыслы, как «приветливость», «искренность», «теплота» и ряд других;

— что вариативность присуща не только самим улыбкам, но и их языковым обозначениям. Имена русских улыбок допускают вариативность разного плана: синтаксическую, лексическую и стилистическую, о чем, помимо наших наблюдений, убедительно свидетельствуют, например, недавние замечательные лексикографические работы Е. В. Урысон (НОСС 2000, с. 365–368) и Л. Н. Иорданской и С. Паперно (Иорданская, Паперно 1996, с. 367–372). Ср. хотя бы такие слова и словосочетания, как *улыбка счастья и счастливая улыбка, улыбка и улыбочка, улынулся, одарил улыбкой и расплылся в улыбке, скрипил губы в улыбке и кривая улыбка, изученно улыбаться и улыбаться*

ся заученной улыбкой, выразить улыбкой благодарность и улыбнуться в знак благодарности и др.;

— что названия русских улыбок дают богатые по численности и лексическому разнообразию синонимические ряды, соответствующие, по всей видимости, одному жесту. Рассмотрим ряд *радостная, веселая, радужная, счастливая, восторженная улыбка*. Эти номинации отражают значение и функцию улыбки как жеста радости, что составляет смысловой инвариант ряда: «я чувствую сейчас нечто очень хорошее». Интересно, что так улыбаются, например, даже слепые дети, которые не могли видеть улыбку вообще и которых этому жесту никто не учил; они воспринимают ее как бы «мышечно». Как утверждает

К. Мори-Руан (Мори-Руан 2000), слепые дети радостной улыбкой реагируют на некое приятное событие или на что-то смешное. Это наблюдение подтверждает также Г. Уэйнрайт, которая пишет: «Даже слепые от рождения дети, никогда не видевшие чужого лица, улыбаются, когда что-то им нравится». Впрочем, в обеих цитируемых работах не проводилось четкого различия между улыбкой и смехом, что, на наш взгляд, следовало бы сделать.

В предыдущих разделах речь шла главным образом о теоретических положениях и методологических предпосылках построения внутриязыковой семантической типологии невербальных единиц. В последующих разделах описываются основные семантические типы русских улыбок.

Сначала в разделе 4.3 мы обратимся к важнейшим признакам, различающим улыбки, разбивая их на классы: физические признаки, социальные признаки, психические признаки, оценочные характеристики и др. Поскольку все эти признаки в русском языке регулярно выражаются прилагательными, классификация улыбок, будучи окончательно построенной, может одновременно служить и семантической классификацией соответствующих русских прилагательных⁴⁴, наряду с сочетаниями слова *улыбка* с видообразующими прилагательными, рассматриваются также и другие атрибутивные конструкции с этим словом. Далее, в разделе 4.4, на базе полученной классификации определяются главные семантические типы русских улыбок. Замечу сразу, что отнюдь не про каждую улыбку сегодня

⁴⁴ Многие из приводимых ниже сочетаний прилагательных со словом *улыбка* содержатся также в работах: Иорданская, Панерно 1996 и Урысон 2000.

можно с полной уверенностью сказать, в какой семантический класс она входит, или образует ли данная улыбка самостоятельный тип. Окончательный ответ на эти вопросы можно будет дать только после того, как будет построено исчерпывающее семантическое описание всех улыбок и их имен. Наконец, в разделе 4.5 ставится задача реконструкции жеста по его языковому описанию и намечаются некоторые пути ее решения.

Одна из причин выбранной композиции дальнейшего изложения материала заключается в следующем. Нам бы хотелось по возможности сохранить сложившуюся традицию обозначения некоторых классов, уже выделенных ранее в научной литературе, однако эти классы обозначаются иногда с помощью элементов физической реализации улыбок, а иногда с помощью элементов семантического описания. Именно поэтому сначала нами описывается атрибутивная сочетаемость, а потом указываются семантические классы улыбок. Элементы каждого из классов в общем случае собираются из единиц различных групп сочетаемости.

4.3. Семантика атрибутивных сочетаний со словом *улыбка*

1. Физические признаки

Из физических признаков назовем прежде всего (а) форму и степень открытости рта и положение губ.

Наши языковые данные подтверждают гипотезу этологов и антропологов о важной роли формы рта и зубов в формировании жестов-улыбок. Мы различаем здесь две разновидности русских улыбок: улыбки, в названиях которых отображается участие тех или иных органов при их производстве, и улыбки, в названиях которых отражается восприятие адресатом или третьим лицом формы рта, губ, зубов и пр. улыбающегося.

К первой группе относится, например, *белозубая улыбка*. Это улыбка с достаточно широко открытым ртом, обнажающим зубы, ср. (10) *В этот момент дверь открылась и из соседнего помещения вышел высокий представительный джентльмен с белозубой улыбкой, сразу выдававшей в нем иностранца*. В ту же группу попадают жест «*улыбнуться одними уголками рта*», не имеющий стандартной номинации и представляющий собой своеобразную, едва заметную улыбку, при которой степень растянутости рта максимально низкая и в образовании которой участвуют только уголки рта, жест «*улыбаться с сомкнутыми губами*», тоже не имеющий идиоматичного названия, и некоторые другие.

Ко второй группе принадлежат, например, улыбка на тонких губах, выражающая эффект от восприятия почти сомкнутых, растянутых и вытянутых в одну линию губ, при этом зубы не видны, белоснежная улыбка, открытая улыбка и широкая улыбка, когда рот широко раскрыт, видны оба ряда зубов, глаза улыбающегося обычно светятся радостью, см. также (11) *Обнажив в улыбке зубастый рот, он двинулся в нашу сторону, заранее распахнув объятия, которые, как мне подумалось с облегчением, были предназначены зятю* (Ф. Искандер «Табу»), и ряд других улыбок.

Многие из подобных улыбок в своей смысловой структуре содержат элемент оценки. Отметим, что наличие оценочных компонентов в семантике русских улыбок является характерным признаком этого класса жестов. Прилагательные *кривая, натянутая, дрожащая* являются языковыми характеристиками формы улыбки (например, форма *натянутой улыбки* близка по форме тонкой улыбке, но зубы при *натянутой улыбке* часто сжаты), однако это не исключительно показатели формы, но также слова, передающие ее отрицательную оценку со стороны говорящего. Приведем пример: (12) *У меня отнялся язык. И они, кажется, это почувствовали. — Ты тоже без дела не останешься! — генерал улыбнулся, но улыбка его была натянутой и неохотной.*

Еще одним физическим признаком, характеризующим улыбки, является (б) **интенсивность**.

Параметр интенсивности биологически обусловлен действием большого скулового, или, как говорят физиологи, зигоматического, мускула лица (zygomatic major). Изучавший социальную функцию улыбок А. Фридланд (Фридланд 1994) показал, что как в случае воображаемого, так и в случае реального партнера по коммуникации главную роль в улыбке играет именно этот мускул, который идет вдоль лица от угла губ вверх к передней части уха. А. Фридланд пишет, что при производстве улыбки «наблюдающий ее адресат физически может отсутствовать: активная работа большого скулового мускула точно так же происходит и при психологическом наблюдателе (psychological coviewer)» (Фридланд 1994, с. 236). Отметим, что, строго говоря, степень интенсивности создается не одной улыбкой, а целым комплексом «улыбка + отдельные компоненты некоторых других мимических, и не только мимических, жестов, прежде всего жестов глаз».

Известно, что в производстве *слабой улыбки*, равно как и *вымученной, вялой, блеклой* и т.п., участвуют только скуловые

мышцы. Рот жестикулирующего лишь слегка растянут и почти совсем не раскрывается, глаза грустные, мануальная и мимическая жестикуляция резко ограничены. И эти улыбки, составляющие отдельный тип, несут в себе соответствующие смыслы нездоровья, угнетенного состояния, личной или социальной зависимости («улыбки снизу вверх»). Например, *слабая улыбка* является лишь подобием обычной, стандартной улыбки, то есть является жестом, свидетельствующим о болезненном состоянии человека, его физической немощи, об особом психическом состоянии субъекта или об отношении к адресату («робость», «почтение»). Близкие к *слабой улыбке* *бледная, тусклая, вымученная, вымороченная улыбки* подчеркивают в своем названии разные оценки, связанные с тем или иным состоянием жестикулирующего; но при этом все они передают слабую по интенсивности улыбку и образуют вместе с ней отдельный тип.

В то же время большая степень открытости рта, и, соответственно, большая интенсивность, влечет за собой активизацию расположенных около глаз, или околоорбитных, мускулов. Для улыбок с подобной физической реализацией в теории эмоций существует даже особое видовое, терминологическое, понятие — *улыбка Дюшена* — по имени физиолога, описавшего ее форму (Дюшен 1862/1990). В работе Экман, Дэвидсон, Фризен 1990 показано, что улыбка Дюшена является подлинным проявлением положительных эмоций радости и счастья, а потому может служить невербальным ключом к распознаванию этих эмоций. Основными компонентами ее физической реализации являются: (а) растянутый, приоткрытый или открытый, рот с приподнятыми кверху уголками рта — результат действия основного скулового мускула; (б) сопутствующее движению губ поднятие щек и (в) появление складок кожи около глаз (действие околоорбитных мускулов).

2. К физическим признакам примыкает признак «**время**». Прилагательные времени, как и прилагательные интенсивности, тоже не являются видообразующими.

Применительно к улыбке мы предлагаем различать два разных признака «**время**» — **абсолютное** и **относительное время**.

Абсолютное время характеризует улыбку по времени ее исполнения (ср. *утренняя улыбка*) или по ее длительности (ср. *быстрая улыбка, мимолетная улыбка*). Прилагательные при слове *улыбка* обычно выражают признак длительности как вторичный по отношению к другим свойствам, таким как, например, статичность или изменчивость, и передают особенности

восприятия того или иного типа улыбки адресатом или сторонним наблюдателем: *неуловимая улыбка* — это «настолько быстрая улыбка, что как бы незаметная и потому трудно фиксируемая», *постоянная улыбка* (в одном из пониманий этого сочетания) отличает человека, улыбающегося все время в течение беседы, а близкая к ней *неизменная улыбка* говорит о том, что улыбка не сходит с лица и что форма ее не меняется.

Относительное время представляет собой параметр, назначение которого показать, что произведенная улыбка совершается вовремя или не вовремя. Например, *запоздалая улыбка* свидетельствует о том, что произведший ее человек совершил неуместное действие, поскольку, по мнению говорящего, время, когда было уместно улыбаться, прошло; ср. (13) *На другой день был к обеду его шурин, говорили как раз об иске Горна, дочка с некрасивой жадностью пожирала шоколадный крем, жена ставила вопросы невпопад. «Что ты, с луны, что ли, свалилась?» — сказал он и запоздалой улыбкой попытался смягчить выказанное раздражение (В. Набоков. «Защита Луужина»).*

Прилагательные времени занимают в известной степени промежуточное положение между словами, характеризующими улыбку как жестовый знак, который имеет определенную форму, то есть обозначающими разнообразные физические параметры, и словами, характеризующими ментальное, психическое или физическое состояния субъекта — носителя улыбки. Действительно, сочетание *постоянная улыбка*, как мы уже говорили, характеризует человека, с лица которого улыбка во время разговора не сходит. Вместе с тем прилагательное *постоянный* обозначает также свойство самой улыбки, а именно ее длительность. Прилагательные относительного времени, такие как *преждевременная улыбка*, *запоздалая улыбка*, *несвоевременная улыбка* и им подобные, саму улыбку семантически не определяют; они говорят нам нечто о ситуации в целом, то есть и о самом жестикулирующем, и об отношении времени появления на его лице улыбки ко времени описываемых в предложении событий.

3. Перейдем теперь к социальным признакам.

Кинетическими переменными, не только определяющими конкретный вид улыбки, но и фактически задающими контекст ее употребления, являются стандартные социальные характеристики жестикулирующего — (I) возраст, (II) профессия (в том числе обозначение местности, где распространена данная профессия, ср. жест голливудская улыбка), (III) вид ситуации,

в которой появляется улыбка, а также (IV) тип социальных и межперсональных отношений между жестикулирующим и его партнером по коммуникации.

Что касается (I) возраста, то в русском языке жестов выделяется как особая **детская улыбка**, свойственная только взрослым (при этом **взрослой улыбки нет**) или **младенческая улыбка**, ср. (14) *Итак, граждане, — заговорил Бенгальский, улыбаясь младенческой улыбкой, сейчас перед вами выступит... (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»);* есть также **старческая улыбка**.

Скажем несколько слов и по поводу отражения в названиях улыбок (II) профессии их носителя. Есть профессиональная **клоунская улыбка**, есть, как мы уже говорили, **голливудская улыбка**, ср. (15) *Перехватив заинтересованный взгляд Савелия, он расплылся в голливудской улыбке.* Последнее имя явно заимствовано, однако жест и по форме, и по семантике прочно вошел в центр русского языка жестов. Голливудской мы называем улыбку искусственную, деланую или фальшивую, однако, поскольку в намерения жестикулирующего входит показать ею хорошее отношение к адресату или (возможно, в действительности не испытываемые в данный момент) хорошие чувства, ее физическая реализация должна максимально походить на настоящую улыбку. Так обычно улыбаются красавицы с обложек журналов, ведущие телепрограмм, продавцы.

Помимо названий улыбок по некоторым видам профессий имеется и родовая **профессиональная улыбка**. Она свойственна продавцам, банковским служащим, врачам, психологам, юристам, работникам ЗАГСов и многим другим чиновникам: (16) *При этом все встали. После него, с профессиональной улыбкой, чиновник почтил новобрачных сырым рукопожатием, и все было кончено (В. Набоков. «Защита Лужина»).* Интересно, что не существует таких видовых профессиональных, стереотипных для русского языка, улыбок, как ***командирская, тренерская, учительская улыбка** и т.п.; ср. существование **командирского, тренерского, учительского голосов** (Крейдлин 1999).

Важное место в ряду кинетических параметров, выражаемых улыбкой, занимают (III) вид ситуации общения, в которой появляется улыбка, ср. **прощальная улыбка**, **приветственная улыбка**, и (IV) социальные и межперсональные отношения между партнерами по коммуникации, ср. **отеческая, материнская, дружеская, приятельская улыбка**; **начальственная, барская, хозяйская или холуйская улыбка**. Приведу лишь один пример. М. П. Погодин вспоминал о салоне Е. П. Ростопчиной, что для каждого, кто входил в ее гостиную, *находилось ласко-*

вое слово, привет, дружеская улыбка, пожатие руки и каждому у ней было тепло, весело, приятно...

Выражение отношений с помощью улыбок является типичным коммуникативным приемом, который с высокой частотой фиксируется в русских текстах. «Вежливость», «почтительность», «предупредительность», «учтивость» и некоторые другие качества — все они могут передаваться с помощью соответствующих улыбок. А признак пола сам по себе, обособленно от других признаков, не выражается — нет ни *женских*, ни *мужских улыбок*, хотя пол вместе с возрастом, например, уже вполне могут обозначаться: существуют и *мальчишеская улыбка* и *девичья улыбка*.

4. Зато физическое состояние человека свободно передается с помощью этих жестов, и мы говорим о *болезненной улыбке*, *нездоровой улыбке* или о *вялой улыбке*. При этом обычно выражается только плохое физическое состояние, ср., например, неправильное сочетание **здоровая улыбка*. Прилагательные физического состояния могут описывать также некоторые психологические состояния человека — робость, застенчивость, нерешительность и т.п., и в этом они сходны с прилагательными интенсивности. Ср., например, следующий текст: (17) *Я увидел этого человека через несколько дней. Он был невысок, хрупок, светловолос, с предупредительными, без угодливости, манерами. Говорил тихо и немного, улыбка у него была неуверенная, застенчивая, болезненная какая-то.*

5. Наибольшую по численности группу образуют психологические признаки и выражающие их прилагательные. Эти слова бывают нескольких смысловых типов.

А. Первую группу составляют определяющие улыбку прилагательные, которые обозначают актуальное эмоциональное состояние субъекта. Соответствующие улыбки выражают либо сочетание двух и более чувств, испытываемых человеком, либо быструю смену одного чувства другим. *Грустная улыбка* — это улыбка на лице грустящего человека или, точнее, улыбка, подобная той, которая бывает у человека, когда тот грустит, — потому что, когда мы решаем, действительно ли человек с данной улыбкой грустный, мы автоматически производим умственное сопоставление с известным нам эталоном, ср. (18) *Я вспомнил о том, как я не собирался дожидаться этой зимы, до первого снега. Это вызвало у меня грустную улыбку.*

Рассеянная улыбка — это улыбка человека, погруженного в свои мысли, а удивленная улыбка обычно возникает, когда

происходит какое-то неожиданное событие, к которому или к возможному результату которого у жестикулирующего хорошее отношение (например, человек случайно встречает на улице друга детства, с которым много лет не виделся). Удивленную улыбку отличает слегка приоткрытый рот, что почти всегда бывает при выражении удивления, но губы растянуты в улыбку, а их уголки чуть оттянуты назад; кроме того, брови подняты, а глаза улыбающегося человека несколько расширены по сравнению с нормой. Чувство удивления обычно быстро проходит, и форма лица меняется: на нем остается **обычная** или **широкая улыбка**. См. также такие улыбки, как *страдальческая, задумчивая, глупая, довольная, тревожная, смущенная, злая, угрюмая, хитрая, лукавая, озорная, злобная улыбки*, ср., например, (19) *Я обратил внимание на его улыбку: она была жесточая и глупая, словно улыбка ребенка, приклеенная к лицу взрослого* (Т. Леру. «Духи Дамы в черном»). Многие из приведенных сочетаний образуют отдельные смысловые типы улыбок.

Б. Вторую группу образуют психологические прилагательные, выражающие постоянное свойство, а не временное состояние: *мудрая, добродушная, умная, надменная, наглая улыбки*. Впрочем, как хорошо известно, между первой и второй группой нет непроходимой границы: в ту же вторую группу могут войти, например, рассмотренные выше *страдальческая улыбка* и *рассеянная улыбка*, если эти улыбки, соответственно, характеризуют людей, по натуре склонных к страданиям и мечтательных, и потому постоянно им присущи.

В. В третью группу входят слова, обозначающие отношение жестикулирующего: а) к адресату, б) к ситуации или предмету речи, а возможно, и к третьему лицу. Имена *добрая, ласковая, любезная, нежная, заискивающая, недоверчивая, дружелюбная, презрительная, благосклонная, обольстительная, кокетливая, милостивая, сладкая, снисходительная* и т.п. применительно к улыбке выражают отношение к адресату, *торжествующая, деловая, победная, скептическая, невозмутимая* — к ситуации, предмету речи или третьему лицу. Ср. например, (20) — *В Таллинне опохмелимся, — сказал Жбанков, — есть около шести рублей. А хочешь, я тебе приятную вещь скажу? — Жбанков подмигнул мне. Радостная, торжествующая улыбка преобразила его лицо. — Сказать? Мне еще Жора семьдесят копеек должен!* (Довлатов); (21) *Он опять со снисходительной улыбкой направляя на нее токующий взгляд, под которым она еще больше выпрямлялась...* (Ф. Искандер. «Табу»); (22) *Странная, медленная, не-*

лицом, наделив его непривычной мягкостью (Ю. Нагибин. «Поездка на острова»); (23) *Улыбка у него была всегда сладкая: степень ее сладости зависела не от содержания разговора, а от того, с кем он говорил. Но коричневые глаза его никогда не отвечали улыбке, в них постоянно было беспокойство; иногда они желтели и сразу становились очень злыми. В этом полном несоответствии глаз и улыбки заключалась особенность его лица, вызывающая у наблюдательных людей смутную тревогу* (М. Алданов. «Начало конца»); (24) *«Пожертвовав четвертью акций, концерт перестанет быть белой вороной в сферах реального бизнеса... Это высокая, но разумная плата», — подчеркнул Андрияша, улыбаясь господам безжизненной деловой улыбкой* (Э. Гер. «Сказки по телефону»).

Описываемые здесь улыбки нередко смягчают отрицательные чувства и отношения к адресату, а иногда даже ловко маскируют отрицательные и — реже — нейтральные эмоции. Так, улыбка на лице говорящего, появившаяся сразу же вслед за резкими словами, брошенными в адрес собеседника, имеет ясную прагматическую цель — по возможности успокоить адресата, показать ему, что говорящий не намеревался его обидеть, что резкие слова говорящего не стоит воспринимать слишком серьезно, что адресат уже прощен, что к нему хорошо относятся, и т.п. Но в другой ситуации улыбка уже может быть вызвана совсем другими причинами. Например, в европейской культуре человек (как правило, это бывает мужчина) часто *натягивает на лицо улыбку*, как маску, стремясь в данной ситуации общения «сохранить лицо», то есть следовать этической установке не демонстрировать в разговоре мыслей и чувств, не вписывающихся в принятые обществом нормы поведения. (Не случайно, в одном из «Писем к сыну» граф Честерфилд, всегда наставлявший сына, как тому следует вести себя в светском обществе, писал, что превыше всего человеку нужно иметь *volto sciolto e pensieri stretti*, то есть открытое лицо и скрытые мысли.) В этих случаях человек не хочет показать собеседнику, какие у него возникли переживания, не хочет раскрыть перед ним своей истинной обиды, сожаления, злости, боли, недоверия, удивления или еще какого-либо реально появившегося отрицательного или нейтрального чувства. Такое невербальное поведение вызвано «требованиями момента» и может быть связано, в частности, со стремлением улыбающегося извлечь для себя какую-то выгоду, однако изначально оно всегда обусловлено существующими социальными нормами и правилами этикетного поведения. И хотя во всех случаях улыбки означают, что человек чувствует что-то хорошее, ситуации и

пень проявления испытываемых чувств могут быть самыми разными.

Г. Четвертая группа слов состоит из психологических прилагательных, которые отражают намерения жестикулирующего по отношению к собеседнику, например, желание его успокоить, утешить, приободрить, посочувствовать, поблагодарить, польстить, пококетничать или, наоборот, причинить зло, обмануть, войти в доверие, соблазнить и многое другое; ср. *успокаивающая, ободряющая, льстивая, подкупающая, сочувственная, благодарная, кокетливая, коварная, угодливая, предательская, соблазнительная, призывная улыбки*.

Д. Пятая группа — это слова, описывающие соответствие или несоответствие улыбки реальному психологическому состоянию улыбающегося: *искусственная, деланная, (не)естественная, (не)натуральная, фальшивая, неуместная, притворная, (не)искренняя, заученная, отработанная, натянутая* и т.п. *улыбки*. Часть из перечисленных прилагательных, например *искусственная*, является видообразующими. *Искусственная* (а также: *фальшивая, ненатуральная, неестественная, деланная*) улыбка напоминает *верхнюю улыбку*, разновидность естественной, однако между ними помимо очевидных смысловых имеются и некоторые структурные различия.

Поставив важный и интересный вопрос о том, можно ли по выражениям лица отличить искренние проявления чувств от притворных, и анализируя различные формы и конфигурации лица, которые могли бы служить достаточно надежными невербальными ключами к распознаванию обмана и лжи, известные в мире специалисты в области теории эмоций П. Экман и У. Фризен исходили из того, что мимику рта физиологически легче контролировать, чем, например, движения глаз или движения мышц верхней части лица. Поэтому именно в верхней части лица следовало, по их мнению, искать непроизвольно возникающие и неконтролируемые черты, свидетельствующие о неискренности воспроизводимых жестов. В частности, изучая разного рода улыбки, им удалось показать (см., например, Экман, Фризен 1982), что искусственная, или *фальшивая, улыбка* не образует под глазами тех кожных складок, что появляются при обычной *верхней улыбке*, и что человек, улыбающийся *фальшивой улыбкой*, не способен намеренно воспроизвести эти складки под нижними веками. П. Экман и У. Фризен утверждают, что даже малоискушенный, но достаточно внимательный человек после некоторой тренировки сумеет отличить *фальшивую улыбку* от естественной. И в этом ему может

помочь также то обстоятельство, что, как показала многолетняя практика наблюдений над бытовым поведением людей разных культур, **фальшивая улыбка** на лице человека чаще всего возникает не вовремя, то есть раньше или позже, чем можно было бы ожидать.

Е. Шестая группа — это имена прилагательные, передающие стилистические особенности поведения человека или стилистические особенности текста, например *ироничная, (не)выразительная, шутливая, ехидная, изгибающаяся, неофициальная или официальная улыбки*.

Ж. Наконец, последняя, седьмая, группа психологических прилагательных образована словами, дающими улыбке оценку при ее восприятии: *неприятная, безобразная, уродливая, отвратительная, омерзительная, гадкая, гнусная, вымученная, скверная, маразматическая, раздражающая, ядовитая улыбки*, а также *приятная, изумительная, восхитительная, обворожительная, очаровательная, чарующая, обаятельная, ангельская, привлекательная, пленительная, божественная, неотразимая улыбки* и др. Конечно, компонент оценки присутствует и у многих непсихологических прилагательных, о чем уже говорилось выше, но у слов данной группы оценочная функция является основной. Эти слова, как правило, прямо не связаны с отдельными семантическими классами улыбок, то есть не являются видообразующими, хотя в норме, например, **восхитительная улыбка** едва ли может быть фальшивой или натянутой; скорее всего, это **улыбка открытая, приветливая**.

Иногда, как все мы знаем, однозначно установить сферу действия прилагательного не удастся. Так, у сочетания *злая улыбка* наблюдается контаминация двух смыслов: с одной стороны, *злая улыбка* может выражать злобное отношение к адресату, а с другой стороны, быть вызвана какими-то аспектами ситуации. Аналогичное утверждение можно высказать и относительно сочетаний *ироничная улыбка, снисходительная улыбка* или *равнодушная улыбка*; ср. (25) *И Чорба облегченно вздохнул и понял, что искус окончен. Он перебрался на кушетку и, сжимая руками волосатую голень, с равнодушной улыбкой смотрел на женщину (В. Набоков. «Возвращение Чорба»)*.

6. Еще один класс составляют прилагательные, являющиеся метафорическими описаниями улыбок. Культурная маркированность лица как части тела широко отражается в устойчивых полусвободных сочетаниях, и применительно к улыбке используется целый ряд метафор.

Во-первых, это метафора света: светлая улыбка, ср. (26) *Молодая женщина тащила с речки корзину белья. Она шла и улыбалась такой светлой улыбкой, что Чонкин поневоле тоже заулыбался* (В. Войнович. «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»), ослепительная улыбка, сияющая улыбка, яркая улыбка, солнечная улыбка, лучезарная улыбка (примерно соответствует русскому выражению *рот до ушей*), хмурая улыбка, мрачная улыбка, тень улыбки. Когда у человека лицо *расплылось в улыбке*, то есть когда он «переполнен приятными эмоциями», когда его лицо *сияет от радости* или *освещается радостью*, когда улыбка *озарила его лицо*, то мы понимаем, что он улыбается настоящей улыбкой. Напротив, отсутствие света, то есть когда человек нахмурился, когда его лицо *омрачилось*, *потемнело* или *тень пробежала по лицу* и т.п., говорит о том, что улыбки на лице нет.

Во-вторых, это метафора движения улыбки — скольжения, хода, бега, плавания: *ускользающая, скользящая по лицу улыбка, убегающая улыбка*, см. также *расплыться в улыбке, улыбка пробежала по ее лицу, улыбка сошла с его губ, застывшая улыбка*. Далее назовем метафоры вкуса — *сладкая, слащавая, приторная, сладенькая, кислая и горькая улыбки*, ср. (27) (Джюльетта) *Ну, няня... Чем ты так огорчена? Дурных вестей не множишь угрюмым видом, Но если сообщенья хороши, Их портит кислая твоя улыбка* (В. Шекспир. «Ромео и Джульетта», пер. Б. Пастернака), метафоры мягкости — *мягкая улыбка, жесткая улыбка*, ср. (28) — *Фрейлейн Петерс, — с мягкой улыбкой обратился к ней Кречмар, — я хочу вам представить создателя знаменитого зверька, температуры — ледяная улыбка, холодная улыбка, теплая улыбка, застывшая улыбка, тяжести — легкая улыбка, тяжелая улыбка*, ср. (29) *Прежде он упоминал о начальстве не иначе как с серьезным видом, потом — с легкой улыбкой, которую можно было понимать разное, а еще позднее заговорил почти откровенно* (М. Алданов. «Начало конца»).

Сделаем один важный вывод. Все описанные метафоры говорят о том, что в норме русское «позитивное» лицо должно быть теплым, подвижным и экспрессивным; ср. сочетания *теплое лицо, живое лицо, оживленное лицо, выразительное лицо*. Если же лицо человека не выражает эмоций, то оно метафорически обозначается в русском языке с помощью выражений образа застывшей жидкости или твердого статуарного предмета, ср. *застывшее, неподвижное, деревянное, каменное лицо*. На таком лице улыбки также быть не может, и оно обычно оценивается как плохое (похожие замечания про метафоры тепла

и жесткости и про их применение в других языках можно найти в книге Вежбицкая 1999, с. 226—227.

Выше мы перечислили наиболее употребительные типы языковых номинаций русских улыбок, связанные с семантическими свойствами прилагательных. Всего нами было собрано порядка 160 прилагательных, и среди них: *белозубая* <улыбка> (форма, зубы), *дрожащая* (форма, губы), *натяннутая* (форма, восприятие), *слабая* (физический признак, интенсивность), *мимолетная* (абсолютное время), *запоздалая* (относительное время), *детская* (социальный признак, возраст), *клоунская* (социальный признак, профессия), *дружеская* (социальный признак, отношение к коммуникативному партнеру), *приветственная* (социальный признак, тип ситуации общения), *болезненная* (физическое состояние), *грустная* (психологический признак, актуальное эмоциональное состояние жестикулирующего), *выжидательная* (психологический признак, актуальное эмоциональное состояние жестикулирующего или относительное время), *рассеянная* (психологический признак, актуальное эмоциональное состояние или свойство жестикулирующего), *доброжелательная* (психологический признак, отношение жестикулирующего к адресату), *деловая* (психологический признак, отношение жестикулирующего к ситуации), *гадкая* (психологический признак, оценка при восприятии), *вежливая* (социальный признак, социальные отношения между говорящими), *официальная* (стилистические особенности ситуации общения), *ненатуральная* (несоответствие улыбки реальному психологическому состоянию субъекта), *мрачная* (метафора света), *ускользающая* (метафора движения), *кислая* (метафора вкуса), *легкая* (метафора тяжести), *холодная* (метафора температуры).

Эти примеры, как нам кажется, дают наглядное представление о семантическом богатстве и самих русских улыбок, и их имен.

4.4. Русские улыбки: фрагмент семантической типологии

Теперь мы можем представить фрагмент семантической типологии русских улыбок.

Основные семантические типы русских улыбок — это улыбки-чувства, которые распадается на два класса: позитивные и

нейтральные/отрицательные, улыбки-состояния/свойства, которые, как у улыбки-чувства, имеют свои морфологические и структурные признаки и отображают два вида состояний/свойств: физические и психические, и улыбки-отношения, также имеющие свои формальные показатели и разбивающиеся на четыре класса: эмоциональные, общекommunikативные, этикетные и социальные. Улыбки (точнее, выражаемые или чувства, свойства или состояния) каждого из выделенных классов могут оцениваться с помощью стандартных языковых средств, часть из которых указана в конце приводимой ниже таблицы.

Семантические типы русских улыбок:

1. Улыбки-чувства

а) позитивные

высокая интенсивность

Пример: тип открытая улыбка

физические свидетельства и/или степень проявления чувства

— *белозубая, открытая, широкая*
отображения чувств

— *блаженная, веселая, радостная, счастливая*
метафоры

— *белоснежная, светлая, сияющая*

нормальная интенсивность

Пример: тип нормальная улыбка

довольная, естественная, обыкновенная, обычная
метафоры

— *легкая, теплая*

б) нейтральные/негативные

Пример: тип кривая улыбка

физические свидетельства

— *кривая, «улыбка уголками губ»,*
отображения чувств

— *несчастливая, печальная, робкая*
метафоры

— *горькая, жесткая, кислая*

2. Улыбки-состояния/свойства

физические свидетельства и/или степень проявления чувства

- тонкая, «улыбка с втянутой губой»
отображения физических состояний/свойств
- больная, изможденная, измученная, нездоровая, усталая
отображения психических состояний/свойств
- беззаботная, наглая, нервная, равнодушная, спокойная
метафоры
- легкая, слабая

3. Улыбки-отношения

эмоциональные

- злая, коварная, приветливая, метафоры: ледяная, теплая
(обще)коммуникативные
- искусственная, неискренняя, притворная, фальшивая
этикетные
- вежливая, официальная, приветственная, прощальная, фамиллярная
социальные
- возраст
- детская, младенческая, старческая
- профессия
- голливудская, клоунская, профессиональная
- ранг
- барская, начальственная, холуйская
- степень родства/знакомства
- дружеская, материнская, отеческая

ОЦЕНКИ <ПРОЯВЛЕНИЯ> ЧУВСТВ / СВОЙСТВ / СОСТОЯНИЙ

Положительная оценка

хорошая
обаятельная
обворожительная
обезоруживающая
приятная
умная
мудрая

Метафоры

мягкая
солнечная

Отрицательная оценка

неприятная
глупая
отвратительная
ужасная
омерзительная
жалкая
скверная

Метафоры

приторная
слащавая

4.5. Реконструкция улыбок по их языковому описанию

При любом способе построения типологии улыбок встает правомерный вопрос: как соотносятся языковые обозначения улыбок, характеризующие жестикулирующего, с реальными русскими улыбками. Иными словами, речь идет о задаче восстановления жеста по его языковому описанию. На практике с такой задачей всегда сталкивается, например, режиссер при постановке пьесы или фильма. Особенно трудной и вместе с тем чрезвычайно актуальной является данная задача в случае, если произведение, выбранное для сценической или экранной реализации, является иностранным.

Поясним, что именно мы имеем в виду под реконструкцией улыбки. Допустим, что мы встретились со следующим текстом:

(30) *Левий улыбнулся столь недоброй улыбкой, что лицо обезобразилось совершенно (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).*

Сам по себе факт кардинального преобразования лица, о котором идет речь в этом предложении, — независимо от языковой характеристики улыбки как *недоброй*, — свидетельствует о том, что вызвавший трансформацию лица жест не является стереотипным, то есть естественным, обыкновенным. По сравнению с обычной улыбкой меняются и семантический тип, и физическая реализация жеста. Что же имеется в виду под языковым сочетанием *недобрая улыбка*? Очевидно, что это название улыбки, которая кодирует определенный смысл — отношение к адресату — и характеризуется определенными формой рта — почти закрытый рот — и положением губ — вытянутые губы, не направленные вверх. Кроме того, *недобрая улыбка* всегда сопровождается определенным — злым — выражением глаз и фиксированной формой бровей, лицо и, возможно, поза жестикулирующего напряжены. Иными словами, за языковым выражением *недобрая улыбка* скрывается не один жест улыбки, а целый жестовый комплекс.

Такого рода ситуация, по нашим наблюдениям, имеет место во всех случаях с психологическими и социальными прилагательными, на что указывают сразу несколько факторов: 1) языковой контекст номинации жеста; 2) улыбки, наблюдаемые в конкретных ситуациях общения, и 3) комментарий лиц, наблюдающих ту или иную улыбку (такой комментарий можно увидеть в сценариях к фильмам, в рекомендациях режиссеров или в ремарках, содержащихся в текстах сценических произведений).

Приведем еще несколько примеров того, как может идти реконструкция жеста улыбки.

А. Начнем с того, что рассмотрим, как под действием отдельных элементов языкового контекста восстанавливается определенный вид улыбки. Возьмем следующий текст:

(31) — Павел Константиныч! — проговорил он умоляющим голосом. — Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро!... — И все это Иван Иванович проговорил с жалкой, просящей улыбкой.

В авторской ремарке, вводящей слова обращения, указан тип голоса, которым оно произносится. Умоляющий голос как параязыковой элемент жестко привязан к определенным русским жестам — например, таким как прикладывание рук к груди или наклон корпуса в сторону адресата. Физическая дистанция между говорящим и адресатом при этом уменьшена по сравнению с нормой (русская культура является неконтактной или малоконтактной). Сюда же можно отнести и конкретную улыбку, а именно ту, о которой говорится в тексте. Таким образом, здесь наблюдается тройное семантическое согласование: жеста, голоса и языковых обозначений того и другого.

Некоторые виды улыбок уже прочно вошли в центр русской невербальной этикетной системы. Они допускают сравнительно небольшую вариативность как в названии, так и в форме исполнения. Они высокочастотны, хотя и являются ситуативными, то есть привязанными к строго фиксированным ситуациям и невербальным актам. Так, приветствия и знакомства, поздравления и пожелания — все эти коммуникативные семиотические, а отнюдь не только речевые, акты канонически совершаются с приветливыми улыбками.

Приветливая улыбка в таких ситуациях появляется почти всегда, то есть невербальное общение в указанных семиотических актах в сильной степени лексикализировано. Так, например, за приветливой улыбкой в ситуации приветствия (приветственная улыбка) скрываются важные, культурно и социально нагруженные, интерактивные, фатические и эмоциональные смыслы. Среди них «предложение установить коммуникативный контакт», «добродушие», то есть «теплое, доброжелательное отношение к адресату» (= «я хочу, чтобы ты знал, что я сейчас чувствую к тебе нечто хорошее»), «надежда получить в ответ аналогичную улыбку», то есть «оптимистичное ожидание от адресата ответной приветливой улыбки», и тем самым, «неприятие какой-либо негативной, жестовой или словесной, реакции с его стороны», «радушие» (= «доброе отношение, выражаемое при встрече, какое обычно бывает при радостной и сердечной встрече гостя хозяином») и др. Отсюда легко устанавливается близость приветливой и приветственной улыбок к

другому виду улыбок — **широкой** (открытой, доброжелательной и пр.). Иными словами, эти улыбки объединяются в один жестовый синонимический ряд.

По своей форме **приветливая улыбка** — это улыбка с открытым ртом, поза человека при этом свободная, корпус устремлен к адресату, глаза радостно смотрят на него. Такая улыбка часто сопровождается словами, передающими радость от встречи с адресатом или радость за него, а также жестами типа «раздвинуть руки в знак приветствия», «помахать приветственно рукой» и т.п.

Б. Обратимся теперь к драматургическим ремаркам. Мы рассмотрим здесь лишь один пример.

В пьесе Ж.-П. Сартра «Дьявол и Господь Бог» происходит диалог, в котором банкир предлагает архиепископу сделать то, что тот и сам бы хотел сделать, но не может, а потому в ответ, как сказано в ремарке, *«печально улыбается и пожимает плечами»*. Читатель понимает, что улыбка архиепископа меньше всего похожа на прототипическую, обычную, на что указывает наречие *печально*. Русские жесты печали — это **нахмуренный лоб**, **напряженный рот**, **немигающие или, напротив, закрытые глаза**, **сжатые губы**, **скованная поза**, и они никак не сочетаются с **открытой, широкой улыбкой**. Печальная улыбка должна соответствовать всем этим элементам: она образуется из комбинации почти прикрытого рта, губы при этом чуть скривлены, а их уголки направлены вниз, глаза улыбающегося могут не смотреть на адресата.

Для правильной интерпретации улыбки часто необходимо исследовать не только вербальный, но и **невербальный** контекст ее номинации.

В. Рассмотрим пример (32): — *Телохранитель?* — *удивленно переспросила Розочка.* — *Зачем он нам?* — *Да и дорого, наверное?* — *подхватила Зинаида Александровна.* — *Не беспокойтесь, все оговорено в вашем контракте!* — *с вежливой улыбкой поклонился им Эммануэль.*

Здесь мы видим совместное исполнение двух жестов — мимического (**улыбки**) и знакового телодвижения (**поклона**), причем имеется в виду не очень низкий поклон, то есть выражение именно вежливости, а не, скажем, раболепия или подобострастия. Поклон для большинства культур, включая русскую, является жестом почтительной вежливости, и в нормальной ситуации улыбка должна соответствовать исполняемому тело-

движению, согласованному с контекстом. Таким образом, если бы даже в разбираемом тексте не было прилагательного, характеризующего улыбку, можно было бы сравнительно легко реконструировать семантический тип и форму улыбки. Вообще, улыбка всегда должна сочетаться с выражением глаз, всего лица, позой, жестами рук, иначе она выглядит неестественной.

Итак, предметом рассмотрения 5-й главы стала теория и практика лексикографии жестов. Основное внимание было уделено проблемам создания жестовых словарей и Словарю русских жестов, мимики и поз. Определены теоретические принципы построения этого Словаря, описаны его общее устройство, строение и содержание зон, охарактеризована невербальная и вербальная информация, помещаемая в зонах. В конце главы в качестве примера приведены словарные описания русских эмблематических жестов разных лексикографических типов, которые опираются на сформулированные базовые теоретические предпосылки.

Следующий раздел посвящен еще одной области невербальной семиотики — окулесике, или науке о языке глаз. Как мы увидим, эта наука имеет очень много точек соприкосновения не только с наукой о жестах — кинесикой, но и с наукой о языке — лингвистикой.

Глава 6

ОКУЛЕСИКА: ЯЗЫК ГЛАЗ В КОММУНИКАЦИИ ЛЮДЕЙ

Его глаза говорили мне о многом; У женщины были глаза, как у куклы; Ее глаза подобны морю; <Шмерль был низенький, круглолицый.> Карие глаза выражали наивность и доброту; Блестят глаза, как звезды в океане; У него большие детские глаза; Глаза, словно неба осеннего свод; В глазах ее мелькнула надежда; В глазах Вики читалась решимость; Глаза зрачками в душу; В глазах его горела настоящая злоба; Глаза б мои тебя не видели!; Не строй ему глазки!; <Не лги мне!> Я по глазам вижу, что ты лжешь; Не три глаза!; С глаз моих долой!; <Приличнейший тихий старичок вдруг преобразился>. Глаза его сверкнули боевым огнем, он побагровел.

Подобными предложениями, в которых описаны глаза людей и части глаз, действия, совершаемые глазами и с глазами, а также функции и свойства глаз, буквально заполнены тексты художественной, да и не только художественной, литературы. В этих предложениях речь идет о смыслах, выражаемых и передаваемых глазами, о психологических состояниях человека, его чувствах, желаниях и намерениях, которые могут быть прочитаны по глазам. Глазное, или, иначе, визуальное, поведение человека в ситуации общения является чрезвычайно информативным и значимым. Американский философ и писатель XIX века Ральф В. Эмерсон в своей книге «The Conduct of Life» («Человек и его поведение») писал: «When the eyes say one thing, and the tongue another, a practiced man relies on the language of the first» «Когда глаза говорят одно, а язык — другое, опытный человек больше полагается на глаза». И он же как-то заметил, что глаза человека способны выражать и передавать столько же, сколько и язык, но у языка глаз есть одно неоспоримое преимущество — для него не требуется словаря, ведь этот язык понятен всем. Нам еще предстоит разобраться, действительно ли язык глаз столь универсален, как считал Р. Эмерсон.

§ 1. ГЛАЗА, МИМИКА И ЭМОЦИИ

Ключевые слова: лицо, глаза, мимический жест, эмоция, лицевое выражение, выражение глаз, правило, универсальность, специ-

Среди многих проблем, которые занимали Ч. Дарвина на протяжении всей его жизни, были следующие: «Какими бывают мимические выражения?», «Что выражают глаза?», «Являются ли выражения лица, которые возникают у людей даже во время самых примитивных физиологических или функциональных актов, одинаковыми для всех народов и культур?» и «Свойственны ли мимические выражения эмоций, которые можно встретить у людей, также животным?» (Дарвин 1872/1965).

С целью получить ответ на вопрос, какими в принципе могут быть мимические выражения на лицах у людей разных культур, Ч. Дарвин рассылает по всему миру друзьям, коллегам и просто знакомым анкету, включающую порядка ста частных вопросов такого типа: «Если вы погружаетесь в размышления над какой-то проблемой или сосредоточенно думаете о чем-то, морщите ли вы при этом лоб и собирается ли у вас кожа под глазами в складки?» Уже по одному этому примеру видно, что он отстаивал идею универсального характера выражений глаз. И хотя особой научной ценности, прежде всего в силу очевидной нечеткости и изрядной доли субъективизма в самой постановке вопросов, предлагаемая анкета иметь не могла, она была все же новаторской, достаточно информативной и интересно составленной, чтобы на нее можно было ориентироваться в дальнейших исследованиях по языку глаз, а также теории эмоций и их выражений. Прежде всего к ней прибегают специалисты, занимающиеся проблемой **универсальности** лицевого выражения эмоций, как стала называться в дальнейшем эта проблема. Чтобы не ограничиваться одним приведенным примером и более наглядно показать, что именно интересовало ученого, приведу формулировку еще одного пункта анкеты: «Выражаете ли вы или ваши соотечественники удивление с помощью широко открытых глаз, и поднимаются ли у вас при этом брови? А с помощью широко раскрытого рта?».

Последующие годы отмечены ростом интереса ученых разных профессиональных школ и направлений к языку глаз и к окулесике — науке о языке глаз и интерактивном глазном, или визуальном, поведении людей. Я имею в виду прежде всего исследования психологов, биологов, этологов и специалистов в области культурной антропологии. К сожалению, лингвистов, которые бы участвовали в соответствующих научных работах, на редкость мало, хотя проблема соотношения словесного и зрительного кодов несомненно заслуживает большего внимания с их стороны.

§ 2. КИНЕМЫ И ВЫРАЖЕНИЯ ГЛАЗ. ГЛАЗНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

Ключевые слова: глаз, кинема, жест, глазное поведение, виды глазного поведения, функция, параметр, правило, семантика, коммуникативный акт, выражение глаз, эмоция, взгляд, сочетаемость, диалог, универсальный, культурно-специфичный.

Глаза, части глаз и выражения глаз берут на себя особую роль и в невербальном отражении человеческих эмоций, и в передаче самой разнообразной информации, причем в значительной мере в этом «повинно» строение глаза. Физиологи установили, что человеческий глаз уникален: в одной только радужной оболочке глаза можно насчитать порядка 250 характерных признаков, комбинации которых не повторяются даже у близнецов. В этой связи можно упомянуть, что для идентификации личности преступника или жертвы бывает достаточно примерно 50 особенностей в рисунке отпечатков пальцев. Однако специальными косметическими операциями легко изменить конфигурации линий, причем настолько серьезно, что новый рисунок будет отличным от старого, а потому опознание личности по отпечаткам пальцев может оказаться невозможным. Между тем свойства и признаки глаз у конкретного человека с течением времени не меняются. Без постороннего вмешательства у человека со временем меняются многие индивидуальные черты: лицо, голос, вес, рост, цвет волос, но, например, разрез или радужная оболочка глаз остаются неизменными. На такой физиологической стабильности основано действие системы опознания человека по глазам, постепенно вводимой в практику криминалистов, работников различных фирм, банковских и библиотечных служб и др.

Сегодня уже нет никаких сомнений в том, что в пределах одной культуры и одного языка жестов выражения глаз тоже неизменны в том смысле, что имеют в них постоянное значение. Русская кинема **сощури** глаза — это мимический жест, который описывается — с точки зрения физической реализации — как «слегка сжимая веки, прикрыть глаза». Он передает смыслы «зафиксировать свое внимание на чем-то или ком-то»; таким образом, фиксация глаз здесь отражает внимание жестикулирующего на объекте наблюдения. Жест подмигивать означает нечто вроде предложения адресату участвовать сейчас вместе с жестикулирующим в некотором совместном деле,

скрытом от посторонних людей, например розыгрыше некоего третьего лица, то есть, говоря кратко, значение этого мимического жеста — сопричастность с адресатом, или «я с тобой сейчас заодно». По-видимому, из данного значения выводима прагматически важная роль данного глазного жеста в европейской культуре, где он является знаком приглашения к тайной любовной игре — флирту.

<Широко> раскрытые глаза передают разные степени удивления, вплоть до изумления и потрясения, а также «сильное желание», «заинтересованность чем- или кем-либо». Удивленные, изумленные (но не *потрясенные) глаза, делать круглые (большие, страшные, квадратные) глаза, вылупить (выкатить, вытаращить, выпучить) глаза, когда создается ощущение, что глаза вылезают из орбит и лезут на лоб, — все это мимические жесты, передающие разные степени удивления, а исходно симптоматическая эмблема делать страшные глаза с физической реализацией такой же, как и у жеста делать большие глаза, может, как мы видели, переходить в разряд коммуникативных и исполняться с целью напугать адресата необычно большими глазами и особым неподвижным взглядом.

Приведенные выше метаязыковые семантические выражения, раскрывающие смысл жестов, еще не являются окончательными, поскольку представляют собой неполные, а иногда и довольно расплывчатые описания смысла. Однако они демонстрируют, какие шаги следует предпринять в нужном направлении. Во всяком случае, это уже не семантические ярлыки, каковыми являются повсеместно встречающиеся в жестовых словарях «толкования» типа «жесты удивления» или «жесты внимания». Между тем, указав, к примеру, что прикрытые или закрытые глаза могут сигнализировать о концентрации внимания или о печали (ср. *Он закрыл глаза и ушел в себя*), мы должны ясно понимать, что еще не полностью вскрыли значение этого, в нашей терминологии, симптоматического мимического жеста (об этом подробно шла речь в главах 3 и 5).

Теперь скажу несколько слов о взгляде вообще, о взглядах разных типов и их естественно-языковых обозначениях.

Слово *взгляд* означает, в соответствии с толкованием, данным Е. В. Урысон, «то невидимое, что человек испускает из глаз, когда смотрит на что-либо (я бы добавил: или на кого-либо. — Г. К.)», см. Урысон 1997, с 23. Взгляд сопряжен с чувствами и мыслями человека, с его желаниями и устремлениями, он выражает состояние человека; иначе, за взглядом стоит, как правило, некая пропозитивная структура, характеризующая человека. *Взгляд* может быть *веселым* и *грозным*,

*тревожным и странным, грустным и нежным, измученным и лукавым. Он бывает умным и скучным, то есть показывать скуку или апатию, он может быть остановившимся, устремленным в точку, тяжелым, выпытывающим, укоризненным или восторженным. Как и глаза, взгляд часто характеризуется в тексте с помощью температурных прилагательных, бывая то холодным, выражая «отчужденность» или «агрессивность» (актуальную или постоянную), то теплым, передавая «симпатию» или «любовь». Мимические жесты опущенный взгляд и опущенные глаза выражают «стыдливость», «смущение», «скромность», ср. *Идешь на меня похожий, Глаза устремляя вниз. Я их опускала тоже, Прохожий, остановись* (М. Цветаева), или же свидетельствуют о «послушании», «смирении».*

Языковое обозначение взгляда того или иного типа обычно бывает в предложении семантически согласовано с подчиняющим предикатом. Так, *грозным и остановившимся взглядами* не только *смотрят* (нейтральное обозначение), но и, например, *вливаются* (оценочная характеристика глазного поведения): *Вытянувшийся в струнку городской на мгновение впился в кондуктора грозным взглядом, затем тотчас уставился на замедлившую ход легкую коляску, запряженную парой прекрасных рыжих лошадей* (М. Алданов); *Остановившимся взглядом он впился в лицо Плотия, а оно оставалось тяжелым и немым* (Г. Брех). Некоторыми взглядами можно *оценивать*, или *мерить*, человека. Так, *ласковым или нежным взглядом* человека *смерить* нельзя, а *быстрым, пристальным или оценивающим взглядом* — можно; ср., например, *Елена Павловна смерила меня быстрым и пристальным взглядом* (А. Апухтин).

С психофизиологической точки зрения взгляд выполняет в коммуникативном акте главным образом функцию мониторинга, то есть представляет собой физиологическую реакцию на возникающую у говорящего потребность увеличить или уменьшить объем информации, поступающей к нему по ходу акта коммуникации. В целом ряде культур, в особенности там, где люди избегают вербальных высказываний о себе, например о том, как они себя чувствуют или что переживают, глаза и их выражения, а также взгляды относятся к важнейшим коммуникативным средствам. Таковы, в частности, азиатские, например японская, малайская или филиппинская, культуры, в которых важную роль играет понимающий взгляд. Для диалогических взаимодействий в этих культурах характерна спокойная, свободная от эмоциональных и экспрессивных элементов речь. Однако существующие в них правила коммуникативного повеления предполагают, что каждый человек в разговоре отно-

сится к своему собеседнику чрезвычайно внимательно: наблюдает за выражением его глаз и лица, следит за жестами и вообще с пониманием и доверием относится к разного рода невербальным сигналам, даже не имеющим исходно знакового характера. Если воспользоваться предложенным А. Вежбицкой понятием **культурного сценария** (cultural script), то типичным сценарием диалогического поведения, относящимся к невербальному способу выражения эмоциональных отношений, будет в этих культурах следующий: «в тех случаях, когда человек X чувствует что-то про адресата Y, нехорошо говорить, обращаясь к Y-у, нечто вроде «Я это чувствую»; если Y видит X-а, то Y должен сам по поведению X-а понять, что тот чувствует, и показать это взглядом или жестом».

В азиатских культурах использование понимающих взглядов является приоритетной невербальной диалогической стратегией. Однако и в русской культуре, допускающей словесные выражения эмоций, роль таких взглядов чрезвычайно высока; ср. связанные с ними расхожие житейские представления, а также сочетания *укоризненный, осуждающий, испуганный, (не)одобрительный взгляд, смотреть с сожалением, с радостью, приветливо, раздраженно, добродушно* и многие другие выражения, передающие оценку поведения или состояния адресата.

Замечание. В некоторых культурах в целом ряде формальных ситуаций запрещены не только взгляды, но и другие жесты, выражающие добрые чувства к адресату. Так, я уже говорил о том, что в малайской культуре жених и невеста на свадьбе не должны улыбаться друг другу, а когда мужчина еще только начинает ухаживать за женщиной, обоим предписывается тщательно скрывать свои чувства. В противном случае «им же самим будет *стыдно* (malu)», а оценка «стыдно» является резко отрицательной характеристикой поведения в малайском обществе. Кроме того, замечу попутно, в малайской, а также филиппинской культурах, в отличие, например, от культуры чернокожих американцев (см. о ней в работе Кочман 1981), не принято громко и много разговаривать.

Как мы уже видели в главе 2, есть много русских кинем, относящихся к бровям. Кинема **поднятые вверх брови** может быть применена в этикетной ситуации как выражающая приветствие, кроме того, она обозначает вопрос. Что это — полисемия, омонимия? Только полный и подробный словарь жестов, включающий в себя толкования всех русских мимических кинем, сможет помочь правильно ответить на этот вопрос.

Еще больше русских жестов, относящихся непосредственно к самим глазам. Это жесты подмигивание, «бинокль», по-

тирание глаз рукой (речь идет не об иконическом физиологическом движении, а именно о жесте — символическом знаке) и многие другие, о которых еще пойдет речь ниже.

Собственно говоря, с глаз люди обычно начинают свой день. Просыпаясь и встречаясь со светом, они *потирают* или *протирают* глаза, часто смотрят на себя в зеркало, не *покраснели* или не *отекали* ли глаза, не *припухли* ли веки, нет ли *ячменя* и пр., а женщины, возможно, еще и думают, не нужно ли *подвести* глаза, *выщипать* брови, *накрасить* ресницы. В русском языке существует огромное количество языковых выражений, специально связанных с глазами и частями глаз (см. ниже). Кроме того, следует особо отметить, что ни для одного органа человека не создано столько разных орудий и приспособлений, сколько для глаз. Прежде всего нужно назвать обыкновенные очки, с которыми связаны особые русские жесты — *смотреть* поверх очков, *смотреть* из-под очков, *вертеть* очки в руках, а также темные очки, очки для подводного плавания, различные лупы, линзы, бинокли, монокли, лорнеты; специальные туши для ресниц, косметические краски для бровей и пр.

Скажу здесь лишь несколько слов об обыкновенных очках. Их особая знаковая роль в человеческой коммуникации несомненна. Будучи инструментом, созданным для коррекции зрения и тем самым продления активной жизни человека⁴⁵, очки давно превратились в культурные знаки, не являясь простым индексом плохого зрения. Обычные очки семиотически двойственны: они создают семиотический эффект удвоения глаз и говорят об изменении глаз. Очки порождают целый комплекс значений, приписываемых их владельцам. Описание внешности человека в сочетании с упоминанием очков на его лице, как правило, сопровождается в текстах непосредственным указанием на «ум», «серьезность», «знание», «начитанность», «интеллигентность» человека, а с другой стороны, также на его «наивность», «робость», «рассеянность», «беспомощность» или «неуклюжесть». Кроме того, очки часто воспринимаются как трудно преодолимая преграда между людьми, как препятствие на пути к нормальному общению, ср. *Лора смотрела на Аньес и видела свои очки в ее руках, этих очков вдруг стало не хватать ей. Ей нужен был щит, флер, которым она завесила бы лицо от*

⁴⁵ Еще в первой половине XI века арабский ученый Ибн аль-Хайтам описал увеличивающие линзы, а начало XIV века — это время широкого распространения очков в Европе в виде лорнетов и моноклей.

ненависти сестры. Но при этом она не решалась сделать четыре шага в ее сторону и взять у нее из рук очки. Она боялась ее (М. Кундера. «Бессмертие»)⁴⁶ Снимая очки, человек одним этим действием может устранить барьер между собой и собеседником, и общение идет уже совсем по другому руслу, ср. предложение *Сняв очки, она словно обнажила лицо. Словно разделась* (М. Кундера. «Бессмертие»). Или вот еще один пример, иллюстрирующий смену настроений и желаний на фоне игры с очками: *Лора, прислонившись к камину, смотрела на Поля. И вдруг Поль заметил, что на ней уже нет очков. Она держала их в руке, уставив на него свои глаза, опухшие от слез, влажные. — Поль, почему мы не встретились раньше, до всех остальных <...>. Эти слова простерлись между ними словно туман. Поль вступил в этот туман и протянул руку, точно незрячий, что пробирается ощупью; рука его коснулась Лоры. Вздохнув, Лора позволила руке Поля остаться на ее коже. Потом она отступила на шаг и снова надела очки. Этот жест заставил туман рассеяться, и они уже снова стояли друг перед другом, как свояченица и зять* (М. Кундера. «Бессмертие»). Наконец, очки представляют собой тот предмет, который естественным, непринужденным образом может оказаться в руках человека, и тот может ими «играть»: снимать их, держать в руке, класть перед собой на стол и вновь надевать, вертеть в руках, протирать стекла, брать дужку очков в рот и т.п. Такого рода «манипуляция» с очками часто интерпретируется как «выигрыш человеком времени для размышления над какой-то проблемой или над принятием решения» или как «нежелание действовать»; ср., например: *Какое у меня самое сильное ощущение победы? — сказал военврач раздумчиво: он протирал очки и глядел невидящими глазами в затемненный край комнаты, где лежали Таничев и такой же безмолвный его сосед. — Мы вас починим, как только сможем <...>* (Е. Воробьев. «Вчера была война») и *Милый, поторопись... — сквозь зубы сказала Марта <...> Он медленно отцепил очки,дохнул на стекла, открыв рот по-рыбы, и концом простыни стал их протирать. Потом так же медленно надел. Да, надо одеваться, уходить* (В. Набоков. «Король, дама, валет»).

Глаза представляют собой настолько важный в физиологическом, психологическом, социальном, религиозном, сексу-

⁴⁶ В этом отношении темные или затемненные очки большинством людей рассматриваются как еще больший по сравнению с обычными очками визуальный барьер: если обыкновенные очки не скрывают глаз и направление взгляда, то темные очки делают их не видимыми для собеседника.

альном и многих других отношениях орган, что каждая культура и каждый народ вырабатывают типовые модели глазного поведения и стереотипные языковые способы говорить о них. Правила этикетного глазного поведения, например, строго регулируют и запрещают определенные взгляды. Библейские истории и мифы разных народов полны трагических повествований о судьбах людей, наказанных богами за непослушание, за то, что они смотрели туда, куда им смотреть не позволялось. Достаточно вспомнить библейский рассказ о Лоте, его жене и дочерях. Бог пролил на Содом и Гоморру дождь из серы и огня, разрушив оба города. Он позволил спастись только Лоту, племяннику Авраама, его жене и двум дочерям, но жена Лота ослушалась Бога и во время бегства из Содома оглянулась назад, превратившись в неподвижный соляной столб. Можно вспомнить также легенду об античном певце, сыне музы поэзии Каллиопы, Орфее из города Фракии. Орфей спустился в подземное царство за своей женой Эвридикой, которая погибла от укуса змеи, спасаясь от преследовавшего ее бога Аристея. Растрогав владыку этого царства Аида своей искусной игрой на кифаре, музыкой и пением, Орфей убедил его отпустить умершую назад на Землю, но при этом нарушил запрет не смотреть на следовавшую за ним Эвридику и, оглянувшись, навеки потерял ее.

С помощью стереотипных моделей глазного поведения и их невербальных реализаций в коммуникативном акте передаются тысячи молчаливых сообщений (ср. сегодня уже стершуюся метафору *Его глаза говорили мне о многом*), выражаются чувства (*Ее глаза светились от радости; Давид направлял на него бледно-серые свои глаза с недоумением*), осуществляются воздействия (*Глаза его остановились на моем лице и вопросительно посмотрели на меня*), ср. также *Это был очень элегантный молодой человек с бледным и тонким лицом. Глаза его казались то очень ласковыми, то очень суровыми, то ироническими, то изысканно вежливыми* (М. Леблан). Разговор одного человека с другим под действием глаз может проходить более гладко или более шероховато, а то и вообще прерывается. Я еще буду говорить о культурно-специфичных и универсальных правилах визуального поведения, а пока лишь укажу, что одна из самых интересных закономерностей такого поведения, свойственная русской (но вовсе не только русской) культуре, состоит в следующем: когда человек с кем-то говорит, то в диалоге очень редко — исключение составляют строго определенные речевые или, точнее, семиотические акты — смотрит непосредственно в глаза собеседнику (хотя может при этом смотреть на собеседника). Это,

по-видимому, связано с тем, что трудно одновременно, глядя в глаза, говорить, то есть передавать информацию, и читать, то есть считывать информацию с глаз. Психологи давно отметили, что говорящий обычно (исключения хорошо известны и описаны в литературе) смотрит на слушающего, когда заканчивает фразу и когда по какой-то причине происходит синтаксический обрыв фразы или перебой текста. Цель подобных финальных взглядов, по нашему мнению, достаточно очевидна: увидеть, установлена ли связь со слушающим, понял ли он говорящего, хочет ли он сказать что-либо, или посмотреть, какова его реакция на сказанное.

Напротив, в русской, и видимо, в целом европейской, культуре, слушая, принято смотреть говорящему прямо в глаза. Если слушающему понятно сказанное, то он обычно чуть кивает, иногда придвигается к говорящему поближе, сокращая обычную коммуникативную дистанцию, и периодически отводит или опускает глаза. Если слушающий при этом возмущается или настроен агрессивно, то лицо его чуть вскинута, глаза раскрыты несколько больше, чем обычно, они смотрят прямо, вызывающе. Наконец, если он ведет себя пассивно, если ему неинтересно, что ему рассказывают, то глаза не смотрят на партнера — говорящего. В подобных случаях, описывая поведение глаз человека, обычно говорят, что они *бегают по сторонам* (брови при этом слегка опущены) или *уставлены в одну точку* — мимо собеседника или сквозь него (по-русски этот взгляд часто называют *отсутствующим*). Когда же собеседнику интересно, что ему рассказывают, то глаза его чуть расширены. При этом если он крайне заинтересован в получаемой информации, то его глаза характеризуются как *живые* или *яркие*, говорят, что они *блестят*, *горят*, — все это часто используемые по отношению к глазам световые и тепловые метафоры. Повышенное внимание маркируется также тем, что глаза человека моргают несколько быстрее обычного или сощурены больше обычного; кроме того, в этих случаях люди обычно поддакивают или кивают головой, поддерживая общение.

Различные признаки взгляда, такие как длительность, интенсивность (сила), статичность/динамичность и др., находятся в достаточно сложных соотношениях со многими кинетическими характеристиками, как постоянными, так и переменными. Так, сила взгляда обычно меняется в зависимости от величины расстояния между участниками коммуникации. Как было показано в серии экспериментов (см. Аржиль, Дин 1975; Аржиль, Ингам 1972), увеличение или уменьшение расстояния приводит, соответственно, к более высокому или более низ-

кому уровню контакта глаз. С возрастом падают динамика и продолжительность взглядов; в отдельных социальных ситуациях и видах речевых актов меняется взгляд и в зависимости от содержания и темы высказывания. Рассказывая занимательную историю или анекдот, русский человек обычно смотрит непосредственно в лицо или глаза слушающего, разговор на щекотливую для адресата тему вынуждает его, наоборот, не смотреть на говорящего.

В окулесике принято различать следующие виды взглядов и глазного поведения людей в диалоге (цит. по работе Кранах 1971): (1) «**односторонний взгляд**» (one-sided look), взгляд одного человека на другого (но не на лицо); (2) «**взгляд в лицо**» (face gaze) — взгляд одного человека на лицо другого; (3) «**прямой взгляд <в глаза>**» (direct <eye> gaze); (4) «**совместный взгляд**» (mutual gaze) — взгляд партнеров друг другу в лицо; (5) «**контакт глаз**», или «**визуальный контакт**» (eye contact) — оба партнера осознанно смотрят в глаза друг друга (ср. русское *переглядываться*); (6) «**избегание взгляда**» (gaze avoidance) — ситуация, когда один из участников диалога (или оба) стремится избежать взгляда в глаза со стороны собеседника; (7) «**пропуск взгляда**» (gaze omission) — не имея явного намерения избежать контакта глаз, не смотреть на партнера.

Многие из этих взглядов имеют идиоматичные и стереотипные выражения на русском языке. Мы говорим: *Он сделал вид, что не заметил направленного прямо на него взгляда*; *Его взгляд остановился на моем лице* (М. Павлова); *Мы обменялись быстрыми понимающими взглядами* (А. Пятигорский); *Мы все опустили глаза, как институтки* (М. Алданов); *Они смотрели друг на друга не отрываясь*; *Женщина должна смотреть вниз, потом медленно поднять глаза и сказать со вздохом: «Совершенно не знаю, как жить дальше»* (А. Левина); *Он теперь жаждал <...> глупого любовного трепета, нежных признаний, прогулок под луной, чтобы рука в руке, глаза — в глаза, щека к щеке* (Вл. Качан); *Я вытаращил на него глаза*; *Ее глаза сразу ловят его взгляд* (Р. Ибрагимбеков); *Наверное, мы держались странно — на нас смотрел человек, сидевший неподалеку на диване. Я стал на него глядеть, он отвернулся* (Г. Грин); *Она проводила его взглядом*; *Глаза ее принимали выражение, обычно называемое потусторонним* (М. Алданов); *Он невесело отвел взгляд* (Г. Грин); *Бетховен тяжело поднялся с кресла и уставился бешеными глазами на вошедших* (М. Алданов) и т.п.

Главными признаками, характеризующими коммуникативное глазное поведение, являются направление, или линия, взгляда, объект взгляда — «на что направлен взгляд» и тип взгляда

да, то есть сам способ визуального взаимодействия. Кроме того, в формулировке правил визуального поведения важную роль играют такие параметры, как движение и величина глаз, перемещение взгляда с одного объекта на другой, длительность взгляда и визуального контакта. Особая роль в коммуникации людей отведена при этом жесту прямой взгляд в глаза (см. об этом Кендон 1967; Элсуорф 1975).

Если движения глаз бывают *неуловимыми* или *трудно уловимыми*, если таковыми бывают и легкие изменения в размерах зрачков, если могут *остаться незамеченными* и чуть повышенная по сравнению с нормальной длительность взгляда, и перемещение взгляда (но не когда *глаза бегают!*), то **прямой взгляд** с весьма высокой степенью вероятности фиксируется адресатом, причем даже на большом расстоянии между коммуникантами. Такой взгляд выполняет важные социальные и коммуникативные функции. Адресат всегда обращает внимание на **прямой взгляд в глаза**, обычно трактуя его как взгляд вызова, как взгляд гипнотический или агрессивный. Прямой взгляд приводит адресата в состояние возбуждения и ставит его в затруднительное положение (Аржиль, Кук 1976; Элсуорф 1975). Согласно этикетным нормам, **прямой взгляд** должен быть очень коротким по длительности, а потому, если партнеры смотрят так друг на друга дольше, чем принято, и при этом, по крайней мере у одного из них, нет каких-либо особых установок и целей, которые бы с обязательностью требовали увеличения времени воспроизведения данного жеста, то через какое-то непродолжительное время оба партнера почти одновременно прерывают этот взгляд, отводя глаза. Напротив, **отвод глаз в сторону** и **опускание глаз** рассматриваются как умиротворяющие или успокаивающие коммуникативные сигналы, снимающие ненужное напряжение. Они выполняют в диалоге роль, аналогичную той, что выполняет обычная улыбка, внезапно возникающая на лице одного из партнеров.

Однако это не единственное значение и назначение данных жестов. Если человеку задают вопрос, ответ на который вызывает у него какое-то затруднение, то, думая над ответом, он обычно не смотрит на партнера, а смотрит в сторону, переключая внимание с внешнего объекта наблюдения на внутренний объект, предмет размышления. Были проведены эксперименты (см., например, Кинсбурн 1972), показывающие, что у людей, у которых доминантным является левое полушарие, взгляд в этом случае почти всегда направлен вправо, а у кого более развитым является правое полушарие, т. е. как правило, сразу начинают смотреть в левую от себя сторону.

Прямой взгляд в глаза не следует отождествлять с контактом глаз, жестом иной семантики и сферы употребления. Именно в случае, когда нам смотрят прямо в глаза, мы часто говорим *Он уставился* или *Она на меня уставилась*. Мы совсем не любим, когда на нас так смотрят, особенно если это происходит относительно долго, и потому зачастую люди раздраженно и грубо реагируют, говоря, например, *Чего уставился (уставилась)?* Нередко указанным мимическим жестом пользуются для того, чтобы силой «горящего взгляда» привлечь к себе внимание человека, на которого смотрят подобным образом, — особенно в ситуациях, когда речь запрещена или невозможна. Ср. — *Доченька, — мягко заметила Тата, — когда разговариваешь с мужчиной, не надо полыхать ему в глаза. — Куда же мне смотреть, мама? — полыхнула на нее невестка. — Бери немножко левее, — сказала Тата и добавила, показывая, что деликатность в своем роде тоже необъятна: — Можно и правее взять. А в глаза мужчине полыхать некрасиво* (Ф. Искандер. «Табу»). В свою очередь, обслуживающие нас люди, например официанты и продавцы, никак не реагирующие на наш прямой взгляд, тоже вызывают у нас неприязненное чувство.

В диалогах социально неравноправных партнеров взгляд человека с более высоким общественным статусом постоянно регистрируется собеседником с более низким статусом, а именно тот пытается *поймать взгляд* глазами и *прочесть по глазам* то, что ему нужно; ср. *Зейнвель всегда находил в Шмерле внимательного слушателя, который смотрел на него снизу вверх, поражаясь* (И. Зингер. «Горькая правда»). Здесь языковое выражение *смотреть снизу вверх* является контаминацией свободного сочетания — описания реального жестового поведения — и фразеологической единицы.

Во взглядах в глаза и в лицо читается готовность к общению и намерение быть внимательным: и голова, и корпус, и глаза — всё говорит об этом. Известно, что у невротиков улучшение «реакции ориентации» («orienting reactions»), которая есть не что иное, как жестовый комплекс, состоящий из взгляда, направленного в лицо или глаза собеседника, поворота головы и движения тела в его сторону (Крапах 1971), является важным диагностическим признаком улучшения общего состояния.

Выше мы рассмотрели предложенную М. Крапахом и уточненную нами классификацию глазных жестов (взглядов) по способу их исполнения. Можно делить взгляды и по-другому, например, в соответствии с типами ситуаций, в которых они используются, и различать социальные взгляды, в том числе тепловые — характерные исключительно для делового общения.

и личные (индивидуальные), включающие дружеские и интимные, свойственные более тесному общению.

Основные коммуникативные функции глаз — это:

(а) когнитивная (стремление передать глазами некоторую информацию и прочесть информацию в глазах партнера по коммуникации);

(б) эмотивная (выражение глазами и считывание с глаз испытываемых чувств);

(в) контролирующая (осуществление глазного мониторинга с целью проверки, воспринято и понято ли переданное сообщение или какой-то его фрагмент, указание адресату, что говорящий закончил передачу тому некоей порции смысла, и др.)

и

(г) регулятивная (выражаемое глазами требование вербальным или невербальным способом отреагировать на переданное сообщение или же, наоборот, подавить глазами предполагаемую реакцию); ср. Кендон 1967, с. 22—63; Кнапп 1972/1978, с. 131—137).

Опираясь на выделенные функции глаз, укажем основные смыслы, выражаемые глазами в коммуникативном акте:

(1) «готовность к коммуникации».

Реконструкция этого смысла достигается, в частности, анализом реакции ориентации. Описывая поведение больных с глубокой депрессией, связанной с временной потерей речи, М. Крапах заключает, что, когда у них усиливается реакция ориентации, это служит надежным свидетельством улучшения их общего состояния — еще до того, как у больных возобновляется речь (Крапах 1971).

«Готовность к коммуникации» отличает, в частности, невербальные и вербальные акты приветствия. Характеризуя, по всей видимости универсальные, компоненты моделей поведения людей во время приветствия, видный немецкий ученый-этолог Иренаус Эйбл-Эйбесфельд отмечает наличие очень короткой по времени (приблизительно в 1/3 секунды) последовательности, состоящей из взгляда на партнера, подъема бровей и быстрых кивков (Эйбл-Эйбесфельд 1972). Исполнение этих движений одним из участников коммуникации вызывает аналогичное поведение другого: некоторые ученые, как отмечает И. Эйбл-Эйбесфельд, даже считают этот комплекс врожденной реакцией человека;

(2) «подавление воли или влияния другого» и «контроль над процессом коммуникации и поведением партнера».

В кооперативном диалоге участники предпочитают видеть лицо и глаза друг друга, в некооперативном — не видеть. Сквозь *прямой, твердый, смелый или дерзкий взгляд* проступает волевая решимость, а исходный смысл избегания взгляда, как уже говорилось, это «неготовность к общению» или «нежелание общения». В большинстве случаев попытки уклониться от взгляда сопровождаются конкретными осознанными движениями тела и позами. Человек отворачивается, опускает голову, смотрит в сторону и т.п.; при этом он попадает под влияние и коммуникативную зависимость от партнера. Уклоняются люди от взгляда со стороны другого и тогда, когда тот другой задает им щекотливый, смущающий их вопрос. Некоторые психологи (см., например, работу Данкэн, Фиске 1977) говорят о подобном поведении человека как о подсознательном сигнале, указывающем на желание человека дистанцироваться от другого человека, который своими вопросами пытается вторгнуться в его личное пространство и угрожает общению;

(3) «желание установления контакта и получения информации».

Основным невербальным средством выражения этого смысла является *прямой взгляд в глаза*, а в случае если партнер тоже выражает желание контакта или согласие на контакт, то этот смысл в русском невербальном языке обычно кодируется *совместным взглядом*. Посредством контакта глаз люди не только передают сообщения, но также пытаются избежать возможных высказываний партнера, которые могут быть им неприятны.

Прямой взгляд в глаза и контакт глаз в русской культуре являются проявлением внимания к собеседнику. Граф Честерфилд учил сына не только быть внимательным ко всякому собеседнику, но и сделать так, чтобы собеседник почувствовал это внимание, ср. *Верх невоспитанности — во время разговора «вперять взоры» в окно или в угол, играть с собакой или крутить что-нибудь в руках (Честерфилд. «Письма к сыну»)*. Он сформулировал правило коммуникативного поведения, коему советовал сыну неукоснительно следовать: *Говоря с людьми, всегда смотри им в глаза*. Впрочем, как мы увидим ниже, правило это годится далеко не для всех культур.

Глазами можно не только передавать разнообразные смыслы (ср.: *К Всеволоду Эмильевичу [Мейерхольду. — Г. К.] я быстро привыкла — еще в санатории, научилась немного понимать, о чем говорят его глаза. Поневоле научишься, если человек много молчит, а глазами умеет разговаривать. Он подмигивал — откоро-*

венно или едва заметно, прищуривался — тоже по-разному, или просто смотрел то весело, то строго, то вопросительно, то еще как-нибудь. С помощью всего этого он мог за столом отдавать команды — «помолчи», «потерпи», «послушай, о чем говорят», «не сердись маму» и т.д. Из воспоминаний Т. Есениной, приемной дочери В. Э. Мейерхольда), глазами смыслы можно подчеркивать, как вспышкой, — у психологов даже есть такой термин *вспышка* для внезапно расширяющихся глаз или подчеркивающих что-либо зрачков.

Вспышка глаз у людей нередко сопровождается очень быстрым, едва заметным подъемом бровей, тем, что по-английски называется *eyebrow flash*. Это движение служит коммуникативным целям усиленного подчеркивания или <быстрого> указания на предмет. Замечу попутно, что та же форма является, по всей видимости, культурно универсальным способом выражения приветствия и приглашения завязать более тесные отношения. Гипотеза об универсальном характере данного жеста (наряду с целым рядом других) была впервые выдвинута И. Эйбл-Эйбесфельдом, который с кинокамерой в руках долгое время изучал жесты и мимику разных народов. В частности, он обнаружил, что даже столь далекие друг от друга народы, как французы, папуасы или филиппинцы, имеют в своих «языках тела» одни и те же мимические знаки-жесты, причем что касается, например, папуасов, то ученый снимал настолько древние и изолированные от контактов с цивилизацией племена, что не остается никаких сомнений в том, что это их собственные жесты, а не заимствованные. По его наблюдениям, когда встречаются на ходу двое людей, будь то европейцы, азиаты или африканцы, они всегда поднимают и опускают брови. Люди этого не замечают, поскольку эти жесты выполняются очень быстро: по времени подъем и опускание бровей в совокупности занимают порядка 1/6 сек (Эйбл-Эйбесфельд 1972).

К более длительным сигналам по сравнению с существующей для глазных жестов нормой относится *задерживающийся* на ком-то или чем-то взгляд, мимический жест, очень часто встречающийся в коммуникации русских людей. Есть еще взгляд слушающего, который пытается что-то сказать собеседнику, возразить ему, ответить на вопрос, но по какой-то причине не может этого сделать. По-английски такой взгляд называют *break glance* или *full-stop glance*, то есть «прерывающий (обрывающий) взгляд». Интересно, что Е. Герцык в воспоминаниях о Максимилиане Волошине пишет, что взгляд у него был всегда ожидающий, требующий от вас что-то или обрывающий вас;

(4) «выражение чувств».

В ситуации, когда между коммуникативными партнерами возникает напряженность или неприязнь, контакт глаз уменьшается по сравнению с обычным, что, по-видимому, является попыткой оградить или обезопасить себя от возможных последующих угроз, ссор, оскорблений и других неприятных речевых событий. Если один человек долго смотрит на другого, то это обычно вызывает в адресате чувство неловкости и беспокойства, и такой взгляд оценивается как *агрессивный*. О наличии связи между взглядами, особенно в сочетании с прилагательными огня и света, и выражением чувств удивления, радости, любви или симпатии, с одной стороны, и злости, ненависти или ярости, с другой (ср. хотя бы такие словосочетания и фразы, как *сияющие глаза*, *сверкать глазами*, *глаза, полные злобы*, *его глаза пылали гневом* и *ревнивый, изумленный, страстный, ненавидящий* и под. *взгляд*; см. другие примеры на ту же тему ниже), известно всем, и не только чисто теоретически. Тем не менее отметим, что систематического описания того, какими взглядами какие эмоции выражаются, еще не выполнено ни для одной культуры.

Слово *глаза*, как известно, многозначно. Оно обозначает не только «часть человеческого тела, орган зрения на лице человека», но также само «зрение», то есть «способность видеть» (ср. *В подвале было так темно, что он на какое-то время лишился глаз*), «взгляд» (*Их глаза внезапно встретились*), «пространство, находящееся сейчас перед глазами» (*Она скрылась из глаз*; *С глаз моих долой!*), «наблюдение над кем-либо, заботу» (*За ним нужен глаз да глаз*; *У семи нянек дитя без глазу*; *хозяйский глаз*), «мнение» (*в глазах закона*) и др. Глаза можно охарактеризовать по размеру: *большие, огромные, малюсенькие, глазки, глазенки, глазастый*; по форме: *круглые, узкие, раскосые, продолговатые, щелочки*; по цвету: *черные, карие, зеленые, светло-голубые*; по актуальному физическому состоянию: *здоровые, больные, заплаканные, глаза слезятся, покрасневшие, сонные, опухшие*. Глаза могут выражать определенные чувства, свидетельствовать о психологическом состоянии их владельца: *живые, мертвые, хмурые, лукавые, серьезные, честные, ласковые, мрачные, смеющиеся, радостные*; *глаза, полные слез, в глазах светится любовь* и др. (см. богатый материал, касающийся сочетаемости слов *глаз* и *глаза*, в словаре Иорданская, Паперно 1996, из которого взяты некоторые приведенные выше примеры).

Ральф Экслайн, психолог из университета Делавер, изучал связь человеческих отношений с различными типами глаз и характеристиками взгляда, передающего эти отношения. Ему принадлежит часто цитируемое высказывание: «The more you like, the more you look» («Чем больше человек вам нравится, тем больше вы на него смотрите»). Действительно, взгляды, которые ловят, например, люди, чувствующие симпатию или притяжение друг к другу, могут служить им некоторой компенсацией за невозможность по какой-то причине находиться рядом, в тесном контакте. Когда кто-то слушает рассказ, который ему нравится, глаза его тоже то и дело останавливаются на говорящем. Между тем в своей книге «Психология межличностного общения» М. Аржил (Аржил 1967) утверждает, что если во время разговора 60 и более процентов общего числа взглядов партнеров направлены один на другого, то это явное свидетельство того, что собеседники больше интересуются друг другом, чем собственно предметом беседы.

Рассмотрим ниже влияние только одного кинетического параметра, а именно пола, на визуальное коммуникативное поведение взрослых людей. Основные открытия последнего времени, касающиеся гендерных различий, таковы (речь идет о европейской и североамериканской культурах):

1) (автор Дж. Айелло) число и частота взглядов, которые мужчины бросают в сторону женщин, линейно возрастает с ростом расстояния между ними, в то время как для женщин соотношение между числом взглядов и расстоянием между ними и мужчинами, на которых они смотрят, обратно пропорциональное (Айелло 1972);

2) (автор Р. Экслайн) когда беседуют между собой женщины, контакт глаз больше, чем когда беседуют между собой мужчины, причем это относится как к акту говорения, так и к акту слушания (Экслайн 1963; см. также Коутс, Шнайдер 1975; Аржил, Кук 1976; Данкэн, Фиске 1977);

3) (автор Р. Экслайн) в смешанных парах женщины дольше смотрят на мужчину, чем наоборот, — даже если тот им не нравится! (Экслайн 1972; Аржил, Дин 1975) — и, добавим мы, женщины, таким образом, вообще смотрят на других людей больше, чем мужчины).

Указанные расхождения в визуальном поведении женщин по отношению к мужчинам и мужчин по отношению к женщинам можно объяснять разными причинами, и среди них: (а) (в среднем) более высокая, чем у мужчин, эмоциональность женщин, (б) подсознательное стремление женщины сохранять «тепло» беседы, (в) поиск женщиной внимания и участия со

стороны мужчины; (г) осознанное или неосознанное стремление получить у него одобрение и поощрение ее поступков и, наконец, (д) проявление в целом более зависимого положения женщин в обществе;

4) (автором этого открытия является, по-видимому, Стив Фушто, психолог из университета штата Риверсайд, Калифорния) когда один из участников коммуникации ждет от другого одобрения, он увеличивает длительность контакта глаз с собеседником, см. Клейнке и др. 1973.

Сумма взглядов, или, что фактически то же самое, время контакта глаз, — это в европейской культуре ключевой момент в установлении степени близости или симпатии людей. С другой стороны, мы уже видели, что, когда человек становится более враждебным или агрессивным по отношению к другому, когда он хочет ответить ему вызывающе, визуальный контакт тоже усиливается. В своей решимости «перехватить инициативу» мы не боимся того, что позволим глазам выдать испытываемые нами в этот момент чувства. Таким образом, с визуальным контактом связаны сигналы двух родов — **угрожающие**, или **агрессивные**, возникающие при конфронтации или схватке как выражение доминанции и стремления подавить адресата (см., например, прямой взгляд), и **соединяющие**, или **контактоустанавливающие**, выражающие признание адресата, уважение, симпатию или любовь к нему.

А что влечет за собой уменьшенная — по сравнению с нормой — длительность контакта глаз, то есть когда мы меньше смотрим на другого? Такое невербальное поведение тоже значимо. Во-первых, в этом случае мы скрываем от посторонних глаз свои чувства и реакции (см. выше). Старое русское поверье, по которому человек отводит или прячет глаза, испытывая чувство вины или стыда, не такая уж метафора. Ч. Дарвин видел в подобном поведении подсознательное стремление человека убежать, исчезнуть или раствориться; отворачивание глаз в норме означает признание своего подчиненного положения. Таким образом, стремление избежать контакта глаз — это подчеркивание психологической дистанции между коммуникативными партнерами. Во-вторых, глядя в сторону (а это не то же самое, что отводить или отворачивать глаза), мы можем сфокусировать свое внимание на чем-либо. Подобно маленькому ребенку, который закрывает при игре в прятки глаза рукой, думая, что его никто тогда не увидит, взрослые часто считают, что, коль скоро не видят (не *читают*) в глазах данного человека обвинения, злобы или агрессивного к себе отношения, этот человек не способен причинить им вреда.

Что касается закономерностей, связанных с поддержанием и прерыванием визуального контакта и относящихся к европейской культуре, то было замечено, что (а) говорящий чаще, чем слушающий, прерывает контакт и что (б) женщины в норме поддерживают контакт глаз дольше, чем мужчины (Экслайн 1963; Экслайн 1972). А в диалогах, в которых контакт глаз по какой-либо причине ограничен, функции глаз часто берут на себя голова и корпус. По наблюдениям П. Экмана, жесты головы передают информацию о качестве испытываемой эмоции, а корпус в целом и его части сообщают о ее интенсивности (Экман 1964).

Возвращаясь от аномалий визуального контакта к норме, замечу, что контакт глаз может быть непосредственно связан с аномалиями человеческого поведения — обманом, хитростью и некоторыми другими рациональными компонентами, описывающими *«желание человека достичь для себя какой-либо выгоды»*. Кроме того, непосредственно с контактом глаз и с физическими характеристиками данного глазного поведения — пространственным расположением смотрящих друг относительно друга, ориентацией тел, длительностью, напряженностью взгляда (ср. глаголы и глагольные сочетания *уставиться; напряженно, пристально смотреть на что-то или на кого-то; не сводить глаз* и др.) — в русской культуре связаны такие разнообразные вещи, как характер протекания самой коммуникации, например регулирование хода диалога при неформальном общении, выражение уверенности, умение держать себя в руках, самообладание или любовная игра. А в Японии общепринятой и общепризнанной нормой является не контакт глаз, а удержание взгляда на уровне подбородка или даже шеи собеседника. Тем самым японцы могут передавать через зрительный канал меньше информации, у них не образуется «уз взгляда». У нас подобное глазное поведение оценивается как этически не принятое (а следовательно, нехорошее) и эстетически неприятное: тот, кто избегает взгляда партнера по коммуникации, обычно считается совершившим нечто дурное или имеющим какие-то внутренние психологические проблемы. Известно, например, что у глубоких невротиков взгляд во время беседы, как правило, отсутствующий, что навело врачей на мысль использовать зрительный контакт в лечении, по методике, так сказать, «от противного» — движения от нормализации зрения к излечиванию невроза.

Как мы видим, на глазное поведение людей в диалоге большое влияние оказывают степень знакомства и тип отношения партнеров друг к другу. Приведу еще несколько примеров,

подтверждающих сказанное. Эти примеры иллюстрируют некоторые особенности глазного поведения, связанные прежде всего с кинетической переменной пола, или, как их еще называют, гендерные свойства глазного поведения.

В целом ряде разнообразных по своему характеру и задачам лабораторных экспериментов испытуемых просили высказывать предпочтение одним участникам коммуникации над другими. В результате было обнаружено, что⁴⁷:

(а) женщины больше смотрят на того, кто им больше нравится;

(б) мужчины, хотя обычно и не смотрят больше на того, кто им нравится, не смотрят меньше на того, кто им меньше всех нравится;

(в) мужчины больше всего смотрят на «холодного» интервьюера-мужчину, то есть на того, кто мало говорит, мало смотрит на них, мало улыбается. Это было убедительно доказано в тех экспериментах, в которых варьировалась эмоциональная теплота отношений к партнеру самого интервьюера;

(г) женщины больше смотрят на других женщин в дружеских встречах, а мужчины больше смотрят на мужчин в недружеских контактах и диалогах. По всей видимости, в актах коммуникации с незнакомым мужчиной мужчины с самого начала начинают борьбу за коммуникативное первенство, бросают вызов сами и принимают его со стороны другого. Это напоминает ситуацию, когда при первой встрече (а иногда и ряде последующих) мужчины, пожимая руку, используют силу рукопожатия для достижения «победы» над партнером. Кроме того, в борьбе за доминирующее положение мужчины широко применяют агрессивные позы: прямой корпус и напряженное тело, широко (шире, чем обычно) расставленные ноги, сжатые в кулак руки;

(д) в ситуации коммуникации с незнакомыми партнершами мужчины, как правило, считают более привлекательными тех женщин, которые на них больше смотрят, а женщины, напротив, часто считают, что незнакомые мужчины, которые на них смотрят не сводя глаз, ведут себя нахально и менее привлекательны. Правила русского глазного поведения говорят о том, что незнакомые мужчины и особенно женщины должны

⁴⁷ К сожалению, подавляющее большинство из этих результатов было получено в лабораторных, а не в реальных, «полевых» условиях. Остается надеяться, что будущие исследования глазного поведения людей в естественных ситуациях общения подтвердят если не все, то многие из приведенных фактов и выводов.

соблюдать известную осторожность во взглядах: например, взгляды не должны быть продолжительными или частыми, навязчивыми, чтобы не допустить ненужной ей или ему близости. Действительно, долгие или частые взгляды друг на друга (совместные взгляды), которые при первой же встрече *ловят* мужчины и женщины, обычно интерпретируются как приглашение к знакомству и установлению сексуального контакта;

(е) женщины, которым что-то нужно узнать или получить от другого лица, не важно, женщина это или мужчина, больше смотрят на партнера, стараются поймать его взгляд и при этом больше говорят по сравнению с теми женщинами, которым от собеседника или собеседницы ничего не нужно. Поведение мужчин в такого рода контекстных условиях в точности противоположное.

Таким образом,

(ж) что касается разнополых пар, в которых впервые встретившиеся люди понравились друг другу, то время совместных взглядов тут оказывается значительно большим, чем у пар, в которых люди остаются друг другу безразличны или сразу один другому не понравились;

(з) для пар, в которых люди хорошо относятся друг к другу, сумма взглядов больше тогда, когда они слушают, а для пар, где участники коммуникации относятся друг к другу плохо, она больше, когда люди обмениваются репликами, причем обычно негативного характера (Ноллер 1980). Здесь следует особо подчеркнуть, что содержание разговора, его общая направленность и характер протекания являются весьма важными факторами, влияющими на интерактивное глазное поведение; см. об этом, например, в статье Элсуорф, Карлсмит 1968.

По-видимому, большей длительностью взглядов со стороны женщин можно объяснить и тот факт, что они обычно лучше, чем мужчины, распознают и дешифруют эмоции по выражениям лиц. Соответствующие результаты были получены в экспериментальных условиях и опубликованы, в частности, в работах Холл 1984; Холл 1985.

Целый ряд закономерностей глазного поведения отличает здоровых людей от людей с различными нарушениями психики. Тщательный и разносторонний анализ патологии глазного поведения позволил выявить многие важные симптомы и диагностические признаки психических отклонений. Так, уже давно установлено, что люди, находящиеся в состоянии явно выраженного невроза или депрессии, обычно смотрят вниз, *под ноги*. Психологи и психотерапевты говорят, что *взгляд или взор у больного потупленный*. Он отводит или опускает глаза и при

этом, добавим мы, неестественно низко опускает голову. Человек боится и избегает контакта глаз и во время беседы очень часто прикрывает глаза рукой (один из важных симптомов состояния острой депрессии, на что обращено особое внимание в статье Экман, Фризен 1969).

Все закономерности и правила глазного (визуального) поведения, которые были приведены выше, не являются универсальными и, скорее всего, относятся только к людям европейской и североамериканской культур. Например, в Латинской Америке детей специально учат опускать глаза в разговоре со старшим, что является общепринятым знаком уважения, а у нас взрослые в разговоре с детьми, особенно если этот разговор малопривлекательный, часто говорят детям: «Подними глаза и посмотри на меня!». Анализируя невербальное, в частности визуальное и проксемикальное, поведение разных народов, О. Уотсон (Уотсон 1970) показал, что визуальное поведение латиноамериканцев, арабов и жителей юга Европы (прямой взгляд в глаза или взгляд в лицо) отличается от визуального поведения жителей Азии (Индии и Пакистана) и севера Европы (избегание, пропуск взгляда или использование периферического зрения). О. Уотсон опросил 110 человек, представителей разных национальностей и культур, с одной лишь целью выяснить, как эти люди интерпретируют отклонения от принятых в их культурах норм глазного поведения. Африканцы, азиаты и индийцы считают большое число взглядов, направленных в лицо или глаза, знаком превосходства и неуважения и рассматривают подобное поведение как угрожающее или оскорбительное для адресата. Арабы и южноамериканцы определяют малое число ответных взглядов как проявление невнимания и невежливости. Они заявляли интервьюеру, что люди, уклоняющиеся от прямых и общих взглядов, нечестные, неискренние или слишком робкие, чрезмерно стыдливые. Они же говорили, что у них не принято во время беседы быть в темных очках, это, как говорили они, очень раздражает. Индейцев навахо учат никогда не смотреть на собеседника, а говорят они при этом, по свидетельству наших американских студентов-информантов, очень тихо, так, что их еле слышно. Жители Эфиопии смотрят во время беседы вниз, и это является общепризнанным знаком уважения к собеседнику, а среди индейцев бороро и витото в Южной Америке говорящий и слушающий во время беседы оба смотрят в сторону на посторонние предметы, а не друг на друга. Если же человек что-то рассказывает аудитории, он может

(и часто делает это) повернуться к людям спиной и даже вообще выйти, например, из хижины и встать к ней спиной, продолжая свой рассказ (см. Аржиль, Кук 1976, с. 29). В то же время у многих народов Востока отсутствие контакта глаз во время диалога является серьезным нарушением этикетных норм.

В других культурах существуют еще более сложные правила глазного поведения людей в акте коммуникации. Так, согласно данным этнографов, мужчины луо в Кении никогда не смотрят на тещ (!), см. Эванс-Притчард 1950, а в Сьерра-Леоны люди менде верят, что умершие через какое-то время вновь появляются на земле, но уже в иной телесной оболочке (Аржиль, Кук 1976, с. 31 — со ссылкой на устное сообщение П. Коллета). Распознать людей, облаченных в другую телесную форму, можно по их абсолютной неспособности смотреть в глаза человеку, «впервые живущему» на Земле. Понятно, что тут жители с известным подозрением относятся к тем, кто от них отворачивается в разговоре или кто на них вообще не хочет смотреть. Напротив, в тех странах, где человеческие лица прикрыты вуалью или иной материей, глаза являются чуть ли не единственным источником передачи информации. Так, кочевники из племени туареги в Северной Африке, чьи лица спрятаны за материей, общаются друг с другом только «глаза в глаза» с целью обменяться максимально возможным количеством информации.

В Древнем Китае по типу глаз и глазных выражений классифицировали и сравнивали людей, их свойства и характеры. Сравнение при этом шло с глазами животных, которые казались людям имеющими сходство с человеческими глазами. В китайском физиогномическом списке, который мне любезно предоставили китаисты, насчитывается чуть менее 40 типов глаз. Вот лишь три из них:

(1) *львиные глаза* — большие, ореховидной формы, во взгляде ощущается сила. Человек с львиными глазами наделен такими качествами, как достоинство, горделивость, царственность, высоко развитое чувство справедливости, честность. Львиные глаза, согласно данному списку, принадлежат людям с организаторскими или деловыми способностями, ими обладают смелые и искусные военачальники;

(2) *овечьи глаза* — по форме узкие и длинные, с тремя слоями кожных складок над верхними веками, радужная оболочка глаз маленькая. Овечьи глаза часто блестят. Их обладатели

считались склонными к меланхолии и печали, доводящей до саморазрушения;

(3) *лошадиные глаза* — почти треугольные по форме, глубоко посаженные. Считается, что такие глаза указывают на очень эмоционального человека, человека, часто попадающего в неприятные ситуации, или на человека, склонного к тайным любовным связям.

Многие камни-самоцветы, похожие на глаза животных, называют «глазами». Разные культуры и народы рассматривали их как знаки, то есть приписывали им разнообразные значения, превращая тем самым предметы в знаки. Так, кошачий (зеленого или желто-зеленого цвета), соколиный (голубоватый с оттенком серого) и тигровый (золотисто-коричневый) глаза, названные так по сходству с глазами соответствующих животных, по восточным поверьям обладают магическими свойствами и волшебной силой. Они относятся к камням-оберегам, поскольку предохраняют владельца от несчастных случаев и покушений. Считается, что обладатели этих камней редко болеют или, во всяком случае, не подвергаются часто встречающимся на Востоке малярии, чесотке и проказе. Держать при себе эти камни полезно и всем, кто хочет предохранить себя от опрометчивых поступков и быть благоразумным, и всем, кому грозит опасность в предстоящем путешествии или предпрятии.

В Европе особенно ценился кошачий глаз. Его носили во Франции, Испании, Германии, но более всего популярен он был в Англии. Кошачий глаз относили к камням, оказывающим благотворное влияние на личную жизнь человека, его считали талисманом, приносящим любовь и долголетие. На Востоке, в частности в индийских храмах, до сих пор хранится множество изделий из глазковых кварцев, поскольку многие индуисты верят, что эти камни способствуют расширению познания. Древние брахманы полагали, что кварц — это глаз Вселенной, что в нем сосредоточено все, что было или будет на Земле (о камнях как знаковых единицах см. Крейдлин, Кронгауз 1997, с. 229—242).

Мы видели, сколь велико число единиц, с помощью которых в русском языке передаются свойства и функции глаз. Есть свои «любимые глаза» и у больших писателей. Например, у В. Набокова, по моим наблюдениям и подсчетам, преобладают *улыбающиеся, ясные, умные глаза*, а также *усталые и неприятные глаза*, даже *неприятно-мохнатые*, как у Людмилы в «Машеньке». А у В. Шекспира любимыми оказываются *соблазнительные, колдовские, коварные глаза, глаза, поражающие*

насквозь, пронизательные и злые. Яго, увлеченный Дездемоной, говорит о ее чувственных, соблазнительных глазах, а в «Ромео и Джульетте» Меркуцио сетует на то, что Ромео поражен черным глазом белой девки (*stabbed with in white wench's black eye*). Лев Толстой, как известно, любил описывать мужчин в очках, наделяя их соответствующими очкам чертами характера (см. об этом выше).

Существуют художественные произведения, целиком посвященные глазам и типам глаз. В качестве примера могу назвать стихотворение английского поэта XVII века Эндрю Марвелла «Глаза и слезы», в котором автор описывает разные типы глаз и слез (например, говоря о слезах Магдалины, он сравнивает их с цепями, оплетшими ступни Спасителя)⁴⁸.

Не только различия в глазном поведении, но и аномалии глазного поведения представляют собой весьма важный объект изучения — хотя бы потому, что они являются, как правило, симптомами более серьезных физических и психических нарушений. Речь идет, в частности, о постоянно отсутствующем, или, как называют его врачи, *депрессивном, взгляде, о блуждающих* и так называемых *драматических взглядах*, о чрезмерном *мигании*. В порядке гипотезы могу высказать утверждение, что анализ семантики таких жестов и контекстов их употребления позволил бы сделать картину предполагаемого медицинского диагноза более ясной, а сам диагноз надежней; см. в этой связи интересную статью Ример 1955.

§ 3. СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ ГЛАЗ И ГЛАЗНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: глаз, глазное поведение, кинема, жест, значение, функция, социальный, культурный, диалог, акт коммуникации, ритуал, злой глаз, сглаз, жест-оберег, часть глаза, зрачок, пьюпилометрия.

В ряде стран Латинской Америки в деревнях до сих пор соблюдается древний обычай и связанный с ним ритуал, который называется *paseo*. Весной и летом каждое воскресенье неженатые мужчины и незамужние женщины выходят на де-

⁴⁸ Об этом стихотворении Э. Марвелла высоко отзывался И. Бродский в своем эссе «Примечание к комментарию».

ревенскую площадь. Мужчины выстраиваются в одну шеренгу, женщины — в другую, напротив мужчин, после чего по сигналу особого человека ряды начинают перемещаться один относительно другого. Это челночное движение происходит под музыку, превращаясь в своеобразный ритуальный танец. Если мужчина **задержит свой взгляд** на какой-либо из женщин и в дальнейшем движении будет буквально поедать или пожирать ее глазами, то — в случае **ответного взгляда** со стороны женщины — через неделю во время нового тура *paseo* им разрешается обменяться несколькими словами и договориться о последующих свиданиях. Обычно такие встречи оканчиваются свадьбой.

Особые правила **употребления, социальная и коммуникативная функции** глаз и **глазного поведения** проявляются не только в контексте подобных специальных ритуалов.

В обычном повседневном диалоговом общении люди часто пользуются глазами для достижения своих целей. С помощью глаз, например, передаются такие разнообразные по своему характеру устремления и цели, как установление контакта, приглашение присоединиться к розыгрышу некоего третьего человека, демонстрация сексуального желания, и другие. Особенно заметными становятся социальная и коммуникативная роль глаз, если обратиться к особенностям мужского и женского **глазного поведения**.

В русском языке тела имеются типично женские глазные жесты, направленные обычно на мужчину, такие как, например, **хлопать глазами** (ресницами), **стрелять глазами** или **поводить (вести) глазами** <некоторым особым способом>; ср. языковые выражения *смотреть «в угол — на нос — на предмет»* или *сделать глазами «89»*. С другой стороны, мужчинам свойственно при встрече с женщиной более «решительное» глазное поведение: бывает, что они *глазеют на нее*, могут *впериться в нее глазами* или *вперить в нее глаза* (это просторечные языковые выражения; ср., впрочем, *Зрачков горячую угрюмость // вперять в меня повремени: // то смех любви, сверкнув, как юность, позолотил черты мои* (Б. Ахмадулина. «Прохожий, мальчик, что ты?..»), *сверлят* или *буравят ее глазами*, *поедают* или *пожирают* ее. Любопытно, что наша общественная мораль не очень-то осуждает мужчин за такое поведение, равно как часто прощает девушке известную манерность, когда та хлопает глазами. Напротив, манерное глазное поведение мужчины является неприемлемым и негативно оценивается социумом. Отрицательное заключение выносится и о «нахально-решительном» визуальном поведении женщины: *пожирание глазами*,

слишком настойчивое стремление женщины взглядами привлечь мужчину тоже осуждается обществом.

В своих знаменитых исследованиях сновидений З. Фрейд описывал и анализировал поведение глаз у спящих людей, и в частности, движение зрачков во время сна. Он считал само такое движение и некоторые его параметры важными показателями сексуальной активности и сексуальных устремлений. Если исходить из того, что, как уже давно установлено, глазное поведение людей действительно во многих случаях является отражением сексуального влечения и сексуальной притягательности, то становится понятным, почему, например, **быстрое закрывание и открывание глаз**, то есть мимическая кинема со значением «да», или жест **подмигивание** являются важными компонентами тайной любовной игры или флирта. Как поется в одном старинном русском романсе: *Ваши губы шептали мне «нет», а глаза говорили «да»*.

Рассмотрим еще примеры глазного поведения. Когда человек **шурится**, он уменьшает открытую область глаз, что дает ему возможность сконцентрировать внимание на объекте или человеке. **Раскрытые глаза**, как мы уже видели, передают не смысл «увидеть больше», как считают многие специалисты в области окуlesiки, а связаны, во-первых, с удивлением, а во-вторых, с желанием узнать нечто. Оба жеста — **сощуриться** и **<широко> раскрытые глаза** — имеют очевидные социальные и дискурсивные функции.

Глазное поведение тесно сопряжено с поведением собственно жестовым и позовым. **Сощуриться** или **смотреть прямо в глаза** можно только при статичных позах; задумываясь над чем-либо или уходя в себя, человек не только закрывает глаза, но и прекращает всякую жестикуляцию вообще; **подмигивание** обычно сочетается с приветливой или хитрой улыбкой.

В ходе коммуникации человек может вполне сознательно менять тактику и стратегию своего глазного поведения в зависимости от глазного поведения партнера. Так, говорящий обычно периодически смотрит на лицо или в глаза адресата для того, чтобы убедиться в существовании и/или степени прочности обратной связи, то есть что его слушают, понимают, или чтобы проследить за тем, как меняется эмоциональное состояние партнера, его отношение к говорящему, и в зависимости от этого менять свое собственное поведение и пр. Исследования разных ученых показали, что в процессе устного речевого общения сказанное воспринимается более точно, если участники имеют возможность следить за поведением глаз друг друга (см., например. Аржиль, Кенлон 1967; Битти, Катлер и

Пирсон 1981; Д'Одориго, Кассиба и Салерни 1997). С помощью глаз говорящий может вполне осознанно управлять речевым поведением адресата, и это при том, что он, во-первых, смотрит на адресата в общем случае меньше времени, чем адресат на него (Кендон 1967; Филипс 1976; Экслейн 1963), а во-вторых, время каждого из взглядов говорящего в среднем тоже меньше, чем у его партнера (см. Кендон 1967, с. 37; Филипс 1976, с. 84 и след.). Говорящий волен ускорять или замедлять процесс коммуникации, направлять внимание собеседника на какие-то моменты в самом сообщении и в его контексте, помогать адресату соотнести употребленные в тексте вербальные и невербальные знаки; кроме того, он способен взглядами включать или удалять адресата из сферы своего внимания, делая общение более или менее кооперативным, увеличивать или уменьшать степень вовлеченности партнера в диалог. Так, А. Кендон обнаружил, в частности, что если в конце своего высказывания, которое вынуждает собеседника к ответной речевой или поведенческой реплике, человек не смотрит на партнера, то соответствующая реакция со стороны последнего всегда бывает более замедленная, чем обычная, наступающая после финального взгляда говорящего (Кендон 1967). Причина этого понятна — взгляд на партнера в конце высказывания не только является невербальным маркером конца сообщения, но и служит дополнительным сигналом, синхронизирующим диалог. Ведь такое поведение показывает адресату, что от него ожидается непосредственная и быстрая реакция на полученную информацию.

Глаза и взгляды могут ласкать (ср. сочетание *ласковый взгляд*), а могут убивать, глаз может быть *добрым*, а может быть *злым*. Культурные функции глаз, как и социальные или дискурсивные, чрезвычайно разнообразны.

В пещерах Древнего Египта найдены настенные рисунки людей, датируемые примерно третьим тысячелетием до н.э. На этих рисунках глаза поражают всех непривычной выпуклостью и величиной. Дело в том, что древнеегипетская культура была особенно чувствительна к глазам людей, поскольку по представлениям древних египтян глаза имеют космическое происхождение: они являются символом Солнца. Кстати, этот символизм очень красиво передан В. Шекспиром в его 33-м сонете: «Я наблюдал, как солнечный восход Ласкает горы взором благосклонным» («*Full many a glorious morning have I seen Flatter the mountain-tops will sovereign eye*»).

Для древних египтян большие глаза были носителями верховной власти, но скорее в страшном, чем в добром смысле; вспомним также страшные глаза совы, глаза трех собак в сказке Х.К. Андерсена «Огниво», глаза дракона. С большими страшными глазами египтяне связывали огонь и ослепляющий свет, а те в свою очередь ассоциировались либо с сильными эмоциями, то есть с эмоциями столь же большой силы, либо с крайне неприятными ситуациями, ведущими к разрушениям и потерям (с яростью, гневом; с опасностью, бедой, смертью и т.п.). Эти ассоциации, видимо, породили новый символический знак — яростную кобру, лежащую на теле Высшего Бога и обвитую вокруг его бровей и глаз; она защищает Высшего Бога от врагов.

Культурная **охранная функция глаз** вполне хорошо известна и описана. Достаточно сказать, что сотни *амулетов*, то есть «небольших по размерам предметов, которые носят с собой или хранят дома люди, считающие, что эти предметы предохраняют их или близких им людей от возможных болезней, несчастий и другого большого зла, причиняемого им», имеют форму глаза. Так, Солнце, будучи глазом Бога, дает свет всем людям на Земле, оно сверху наблюдает за поведением людей, охраняет их и помогает им в жизни. Глаз Бога — это добрый глаз, он несет людям мир и счастье.

Однако у глаза есть еще одна очень важная культурная функция — его многие народы считают отверстием, через которое душа попадает в тело человека и покидает его. Этим путем в тело человека способны проникать также добрые и злые духи, которые, в свою очередь, выходя через глаза, оседали на всем, на что человек ни посмотрит. Так, вероятно, появились выражения *сила взгляда*, обозначающее «ресурсы, которыми обладает взгляд для достижения каких-то целей», а также *добрый и злой взгляд*.

Известно, что ученые раввины в Древнем Израиле часто спорили о том, какого человека следует считать достойным уважения, а какого порочным, какие черты человеческого характера являются лучшими, какие худшими. Один из самых достопочтенных раввинов Элизиер (I век н.э.), например, считал самым плохим человеком того, у кого злой глаз, и с этим мнением трудно спорить. Как следует относиться к человеку, имеющему злой глаз, лучше всего говорит известная древнееврейская пословица: «Лучше уничтожить половину его злого глаза, чем съесть половину его хлеба». Лингвист и культуролог Дж. Робертс из университета г. Питтсбурга (США), изучив 186 культур современного мира, в 67 обнаружил существо-

вание особых верований и ритуалов, относящихся к понятию злого, дурного, или черного, глаза. Особенно распространена вера в злой глаз в Европе, Америке, в странах Северной и Восточной Африки, Индии и Иране, и почти не встречается она у народов Кореи, Монголии, Тибета, Японии. В Эфиопии полагают, что злым глазом обладают люди только определенных сословий, а в Индии — что злым глазом может обладать любой человек любого социального статуса и даже животное. Любопытно, что, как отмечается в книге Дэвис 1973, с. 65, «невинным обладателем злого глаза был римский папа Пий IX, избранный в 1846 году. Его благословение, как считали многие, приводит к абсолютно фатальным, роковым последствиям». В Малороссии свойство «быть злым» приписывали глазам разного необычного строения, например глубоко посаженным или сильно раскосым. Цвет глаз тоже может иметь значение: в России и в Северной Европе, например, не любили редких черных глаз, а на юге Италии злые глаза — это голубые, тоже достаточно редкие по цвету.

Ревность, ненависть, презрение, алчность, озлобленность, даже удивление или преувеличенное восхваление — все эти чувства и их невербальные манифестации так или иначе связаны с завистью, и все они могут сопровождаться взглядом, идущим от злого глаза. По сути дела, английское *envy* является сращением и редукцией латинских слов *videre* «смотреть» и *in* «напротив, против». Фактически тот же корень имеется и в русских словах *зависть* и *ненависть*, и в английском *invidious* «вызывающий ненависть, вызывающий враждебное чувство».

Замечание. Существует один любопытный исторический анекдот о зависти и глазах, выражающих это чувство. Рассказывают, что как-то раз Александр Македонский, возвращаясь после одного из походов домой, наткнулся на волшебный ручей, берущий начало у самых ворот рая. Александр пошел вдоль ручья, дошел до его истока, но открыть ворота не смог. Когда он повернулся, чтобы идти назад, то увидел катящийся навстречу ему человеческий глаз. Полководец попросил мудрецов объяснить ему значение этого знака, и в ответ на просьбу мудрецы сделали следующее: взяв весы, они положили на одну чашку весов глаз, а на другую золото, серебро и драгоценности. И глаз перевесил! Мудрецы сказали Александру, что даже если он положит на чашку весов все богатство мира, то и тогда человеческий глаз перевесит. Александр не поверил их словам. Тогда мудрецы сняли с весов все драгоценности и золото и положили вместо них небольшую, почти ничего не весящую, горсть пыли. И горсть пыли перевесила глаз! Как свидетельствует эта красивая легенда. Александр понял смысл их

действий: пока человек живет и может смотреть глазами на мир, его постоянно терзают зависть и обуревают желания, и только смерть, превращая человека в прах, лишает глаза их завистливой силы.

Зависть — вещь крайне коварная и опасная. Не случайно в некоторых культурах, например в греческой, отдельные, на первый взгляд явно позитивные, речевые акты, такие как похвала или комплимент, обычно рассматриваются как акты угрозы. Ведь по представлениям греков комплименты и похвалы прячут в себе зависть к другому человеку, обладающему какими-то качествами или предметами, которыми не обладает говорящий.

Иногда несчастья, болезни и смерть людей или домашних животных относили на счет тех, кто ими часто восхищался. В подобных случаях обычно говорят, что человека или животное *сглазили*. А чтобы предохранить, например, ребенка от сглаза, на его тело, а также на связанные с телом предметы — колыбель, кроватку, коляску и др. — вешались специальные украшения, камни или какие-то другие предметы-амулеты. Есть множество способов *уберечься* от злого глаза или *отвести, отератить от себя* дурной глаз. В русской культуре наиболее известны вербальные способы — например, произнесение слов *чур меня*, символические (языковые) плевки — слова *тьфу-тьфу-тьфу*, произнесенные трижды, а также советы типа *плюнь три раза через левое плечо* (о плевках как символических актах см. Шмелев 1999) и целый ряд невербальных жестовых средств, в частности *жесты-обереги*.

Самым известным из жестов-оберегов, который имеется в том или ином виде во многих культурах, является *сплёвывание*. По всей вероятности (данным замечанием автор обязан этологу и антропологу М. Бутовской), происхождение этого жеста связано с миром животных и с гигиеническим действием слюны: животные часто облизывают своих детенышей, и первобытные женщины, как предполагают многие биологи и этологи, тоже, видимо, облизывали своих детей, *очищая* их (во всех смыслах этого слова). Интересно, что в одном из томов «Естественной истории» Плиния Старшего слюна упоминается среди основных средств, предохраняющих человека от укусов пресмыкающихся, прежде всего змей, от болезней и от злых чар дурных людей. Плиний дает, в частности, такой совет: если кто-нибудь посмотрит на вашего спящего ребенка, мамка должна трижды сплюнуть, даже если на ребенке имеется амулет.

Еще одним очень распространенным жестом-оберегом является кинема «кулак с вытянутыми вверх или вперед указатель-

ным пальцем и мизинцем». Этот жест, который, как мы уже говорили, носит имя *рога*, или *mano cornata*, означает «рука с рогами» и символизирует рога дьявола. Его исполнение считается достаточно мощным средством, чтобы защитить человека от магических дьявольских сил. Сегодня на рынках и в магазинах различных городов России можно встретить много амулетов такой формы, а в Америке мне случалось видеть не только рога, но и другой амулет, очень популярный среди живущих в штате Мичиган итальянских студентов и также предохраняющий от сглаза. Он имеет форму стручка красного перца, в связи с чем можно вспомнить английское фразеологическое выражение *hot as the devil*, означающее буквально «острый, как дьявол», и слово *devil*, основное значение которого «дьявол, черт, бес», а одно из переносных — «острое блюдо, представляющее собой жареное мясо или рыбу с перцем и другими специями и пряностями».

Интересно, что у некоторых народов вообще нет жестов, отгоняющих бесов и предохраняющих от злого глаза, а вместо такого рода жестов произносятся особые формулы — заклинания. В современном Израиле, например, в ответ на комплимент нередко можно услышать слова *каун аya ha vah* или сокращенное от него *каунаhorah* «тьфу-тьфу, чтоб не сглазить» (букв. «пусть не будет злого глаза»); ср. реплику <Ничего>, *слава Богу* в ответ на вопросы *Как дела?*, *Как жизнь?*, *Как поживаете?* и т.п.

Остановлюсь теперь на некоторых важных частях глаза и их характеристиках, которые мы обычно, описывая внешность или качества человека, указываем прямо в тексте. Ср. такие языковые единицы, как *глубоко посаженные зрачки*, *красивые ресницы*, *красные прожилки в глазах*, *хрусталик*, <глазное> *яблоко*, *глазомер*, *близорукий*, *дальнозоркость* и многие другие, а также слова и сочетания слов, семантически относящиеся к частям глаз: *косоглазие*, *пучеглазие*, *конъюнктивит*, *красные глаза*, *воспаленные глаза* и т.п.

Наиболее важной частью глаз справедливо считаются зрачки. Биологи-эволюционисты из Токийского технологического института обнаружили, что человеческий глаз уникален именно благодаря зрачкам. Есть даже специальная наука о зрачках, их свойствах и об измерении зрачков — пьюпилометрия. Это слово происходит от англ. *pupil* «зрачок», восходящего к лат. *pupilla* «очень маленькая кукла», уменьшительному от *pupa* «девочка». Отмечу попутно, что на иврите зрачок будет *eeshon*

«маленький человечек», то есть тут как бы сама внутренняя форма нам говорит о важности зрачков.

Основателем науки пьюпилометрии является американский ученый-психолог Экхард Хесс (Hess), который в 1960-е годы был деканом психологического факультета Чикагского университета. В 1996 году, работая в библиотеке Мичиганского университета, я случайно натолкнулся на одну статью Э. Хесса, помещенную в апрельском номере журнала «Scientific American» за 1965 год (Хесс 1965), которая сразу заинтересовала меня своим названием: «Отношения между людьми и размер зрачков». В самом ее начале автор описывает весьма любопытный случай, приведший его к систематическому научному исследованию зрачков.

Вот сравнительно небольшой отрывок из рассказанной им истории (перевод мой. — Г. К.): «Лет пять тому назад как-то вечером я лежал в кровати и листал перед сном книжку, в которой были удивительно красивые картинки различных животных и птиц. В это время, проходя мимо и случайно взглянув на меня, жена сказала, что, по-видимому, мне темно и что я читаю при плохом освещении. Свое суждение она вынесла на том основании, что, как она полагала, зрачки у меня были слишком расширены. Мне, однако, казалось, что свет, падающий от ночной лампы, которая находилась рядом с моей кроватью, был вполне достаточным, о чем я и сказал жене. Она, впрочем, со мной не согласилась и возразила, заметив еще раз, что у меня как-то неестественно расширены зрачки.

Будучи по профессии психологом, большую часть жизни уделившим проблемам зрительного восприятия, я был крайне удивлен этим. Позже, засыпая, я вдруг вспомнил, что уже где-то читал о связи между эмоциональными реакциями на некоторые особенности зрительно воспринимаемого контекста и размерами зрачков. Но ведь здесь, подумал я, едва ли можно говорить о какой-то эмоциональной реакции, — скорее уж речь может идти о чисто познавательном интересе, то есть чисто рациональном компоненте. И чтобы при этом расширились зрачки — об этом мне ничего не было известно.

На следующее утро, придя в свою лабораторию в Чикагском университете, я собрал в одну пачку порядка двадцати фотографий ничем не примечательных пейзажей и добавил к ним еще одну, на которой была изображена очень соблазнительно выглядящая девушка — полуобнаженная красотка. Когда через некоторое время в дверь вошел мой молодой ассистент Джеймс Полт, я тотчас же решил сделать его объектом внезапно пришедшего мне на ум эксперимента-экспромта.

Перетасовав фотографии произвольным образом, держа их над головой и показывая Джеймсу фото одно за другим по очереди, я попросил его внимательно следить, не обнаружит ли он на них что-нибудь интересное, а сам стал внимательно наблюдать за поведением его зрачков. Когда я выставил своему ассистенту на обозрение седьмую по счету фотокарточку, то, еще точно не зная, что на ней изображено, я сразу же заметил резко и внезапно расширившиеся зрачки глаз у моего молодого друга. Перевернув ее на другую сторону, я увидел, что на ней было изображение девушки. Именно с того времени мы с Дж. Полтом стали изучать соотношение эмоциональной и интеллектуальной деятельности и размеров зрачков» (Хесс 1965, с. 46 и след.).

Хотя теоретически Дж. Полт мог прийти в возбуждение и от внезапно увиденной красоты, как становится ясным из дальнейшего повествования и прежде всего из задаваемых ассистентом вопросов, его расширившиеся зрачки свидетельствовали скорее не о вполне ожидаемой эмоциональной реакции на изображение, а о реакции скорее рациональной — мысли о неожиданности появления самой такой фотографии в ряду снимков природы и о желании поскорее узнать, что все это значит. Иными словами, Дж. Полта озадачило именно само поведение шефа, то есть возникший интерес со стороны ассистента, выражаемый расширившимися зрачками, был чисто познавательным.

Ниже я остановлюсь на трех показательных и стимулирующих открытиях в пьюпилометрии и попробую взглянуть на некоторые выводы и комментарии, сделанные ранее по поводу этих открытий, с несколько отличной от «общепринятых» точки зрения.

1. Группу американских студентов как-то спросили, страдают ли они расовыми предрассудками. Ответ подавляющего большинства был, разумеется, «нет». Однако когда студентам показали фотографии целующихся чернокожей девушки и белого юноши, приблизительно у пятидесяти процентов людей зрачки заметно расширились. Этот факт, как утверждают некоторые специалисты в области невербальной семиотики, позволяет четко отделить, так сказать, мнимых либералов, заявлявших до опыта, что они не расисты, от подлинных.

Эксперимент, однако, как я полагаю, равным счетом ничего не говорит о расизме отдельных людей. Испытуемые могли просто удивиться тому, что им показывают, причем по-разному. В одном случае это могло быть удивление изображению как необычному — ведь даже для многонациональной Америки

интимная связь между черным и белым не столь уж частое явление, а в другом случае — удивление повторяющемуся много раз действию, то есть, грубо говоря, показу одного и того же, и это уже удивление привычному. В последнем случае интерпретация расширенных зрачков может быть такова: «зачем мне это, да еще столько раз, показывают, я и так знаю это, нет тут ничего нового — во многих университетах Америки сексуальные связи (любовь и т.п.) между студентами разных рас достаточно часты». Как первая, так и вторая интерпретация, различающиеся объектами и содержанием удивления, вполне соответствуют смыслу жеста **расширенных зрачков**: «удивлен некоторым Р и хочу узнать о Р больше».

2. У людей голодных при упоминании о пище зрачки резко расширялись, а при выборе блюд степень расширения зрачков имела устойчивую корреляцию с предпочтениями людей.

3. Эксперименты показали также, что зрачки расширяются не только от стимулов, заведомо доставляющих удовольствие человеку, но и от взгляда расширенных зрачков другого человека. В одном из элегантных опытов Э. Хесса (Хесс 1975, с. 3 и след.) группе испытуемых мужчин было показано два набора открыток с одинаковыми изображениями молодых красивых девушек, но открытки эти предварительно были подретушированы: в одном их наборе зрачки у девушек были сознательно значительно сужены, а в другом резко расширены. Испытуемых попросили внимательно рассмотреть карточки и рассказать по заранее составленной схеме-вопроснику о своих впечатлениях от увиденных лиц. Девушки с увеличенными зрачками были охарактеризованы подавляющим большинством мужчин как *привлекательные, нежные, красивые, женственные*, а девушки с уменьшенными зрачками — как *тяжелые, злые, эгоистичные и холодные*. Разброс мнений был невелик, но при этом никто из испытуемых не мог объяснить, почему он именно так описывает лицо женщины, а это является показателем того, что влияние на человека такого фактора, как увеличенные зрачки глаз, является подсознательным. Однако самое интересное в этом эксперименте было то, что у испытуемых, которые считали хорошенькими женщин с расширенными зрачками, зрачки глаз в ходе эксперимента тоже расширились.

Впрочем, сразу отмечу, что среди мужчин были и два-три таких, которые считали более привлекательными фотографии женщин с узкими зрачками глаз. В ходе последующего опроса оказалось, что у всех у них в жизни уже был неудачный опыт общения с женщинами, зрачки которых были расширенными по сравнению с нормой. Скорее всего, именно по этой при-

чине женщины на фотографиях с узкими зрачками казались этим мужчинам менее опасными и более привлекательными.

В связи с проделанными экспериментами следует сказать, что стереотипное представление о красоте женщины с большими глазами и расширенными зрачками, хотя и весьма распространено в разных культурах, прежде всего в европейской, присуще далеко не всем культурам. Это не универсальное, а культурно-специфичное отношение к красоте, и это обстоятельство нельзя не учитывать при интерпретации полученных данных. В Европе, в частности в Италии и Испании, многие молодые женщины специально капают себе в глаза жидкий раствор красавки, или белладонны (по-итальянски *bella donna* означает «прекрасная дама <леди>»), расширяющий зрачки. Уменьшая освещенность комнаты во время вечеринки или свидания, мы тоже видим перед собой более крупные и красивые глаза. В темноте зрачки глаз расширяются, и потому глаза кажутся большими и красивыми. Между тем, например, в Китае, такого устойчивого и стереотипного представления о красоте женских глаз нет, и китайки в норме не расширяют себе зрачки подобным способом.

В настоящей главе были рассмотрены некоторые признаки, свойства и функции языка глаз, ряд особенностей процесса семиотизации глаза и его частей, а также закрепленные за глазами смыслы и средства их выражения в естественном языке. Кроме того, я попытался сформулировать отдельные правила глазного интерактивного поведения, свойственного людям европейской культуры. За пределами исследования остался анализ многих социальных функций глаз и культурных концептов, связанных с глазами и зрением, таких как «видение», «представляется», «крутозор», «присутствие», «горизонт», «видимость», «взор», «прозорливость», «фасад», «заслонить», «изнанка» и др. Не касался я и целого ряда вопросов, относящихся к некоторым культурным разновидностям глаз, например сознательно не был включен в книгу детальный разбор концептов «сглаза», «злого глаза», «доброго глаза», «закрытых глаз» и различных способов их вербального и невербального выражения в устных коммуникативных актах и письменных текстах. Здесь еще многое предстоит додумать и доделать.

Закончить главу мне хотелось бы хотя и несколько пространными, но исключительно пронизательными и красивыми фрагментами из эссе «Человек и люди» замечательного испанского писателя, философа и мыслителя Ортеги-и-Гассета:

«Окружность — это часть мира, которая в данный момент ограничивает мой кругозор. Стало быть, это присутствующая часть мира... Все присутствующее являет только лик, фасад; остальное лишь сопresentsует. Мы наблюдаем лицо, а не изнанку вещей. Окружение — это явный или полускрытый мир, лежащий вокруг. Но мир по ту сторону горизонта на каждый данный момент содержит бесконечное множество скрытых вещей.

Горизонт — это граница мира между явной и скрытой частями мира. Зримое, явное — всем понятная форма присутствия. Со времени древних греков все термины актов познания происходят, как правило, от слов, выражающих идею видения. Греческое слово «идея» обозначает вид, который принимает та или иная вещь. Это ее аспект (слово от лат. корня *spes* «смотреть, видеть») <...>. Облик тела, его мимика, пантомима, слова и жесты не выявляют, а лишь выражают тот факт, что в нем — теле — заключается некий сокровенный мир, сходный с моим.

Тело человека — богатейшее «поле экспрессии», наивная выразительность. К примеру, на вас смотрит «Другой». Глаза — окна души — говорят о другом человеке гораздо больше, чем что бы то ни было, поскольку они представляют акты, исходящие изнутри. Мы видим, на что человек смотрит и как он это делает. Взгляд не просто исходит изнутри, он позволяет судить о своей глубине.

Именно поэтому для возлюбленного нет ничего приятнее первого взгляда возлюбленной. Однако надо быть начеку. Если бы мужчины умели измерять глубину женского взора, многих мучительных ошибок удалось бы избежать.

Иногда первый взгляд бросают, будто подают милостыню. Его едва хватает на то, чтобы быть взглядом — и только. А бывает другой, исходящий из самых глубин сокровенного, из недр женственности. Он словно всплывает со дна океана <...>. Вот взгляд, исполненный истинного смысла, желающий быть именно взглядом! Первый, по контрасту с ним, — почти не взгляд, а чистое видение. И если бы, повторяю, мужчины не были так тщеславны, если бы они не испытывали каждый робкий жест женщины в свою пользу, а терпеливо дожидались подлинных живых проявлений влюбленности, им никогда бы не грозили неприятные неожиданности!» (Ортега-и-Гассет 1995, с. 480—698, особ. 524, 525, 544, 560—561).

Глава 7

ГАПТИКА: ФОРМЫ, СМЫСЛЫ И ФУНКЦИИ КАСАНИЙ В КОММУНИКАЦИИ ЛЮДЕЙ

§ 1. КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ КАСАНИЙ

Ключевые слова: касание, культура, культурный, тип, целительное касание, дьявольское прикосновение, рукоположение, бытовые касания.

Изображая сцену сотворения мира в Сикстинской капелле в Ватикане, Микеланджело Буонарроти, вопреки тому, что говорится в Библии — «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт. 2, 7), — нарисовал, как Бог касается тела Адама. Не хотел ли великий итальянский художник этим творческим актом подчеркнуть особую роль, которую играют касания в человеческой истории и культуре, в частности религии и магии? Л. Тейлор в книге «Ступени человеческой жизни» пишет, что чувство прикосновения — наиболее значительное чувство в нашем теле. Оно дает нам знание о глубине или толщине предмета и о его форме. Мы чувствуем, любим и ненавидим, прикасаясь к другим и ощущая прикосновения других. Осязание как инструмент познания во всей полноте свойствен исключительно человеку; недаром английское выражение *human touch*, помимо буквального «человеческое прикосновение», означает также «человеческое измерение».

Сферу употребления касаний образуют чрезвычайно разные по своему характеру ситуации общения, от повседневных бытовых до ритуальных и магических. За касаниями как кинетической формой поведения стоит огромный культурный пласт, уходящий в далекое прошлое. Происхождение касаний, их виды, функции и смыслы, а также высокая частота использования в коммуникативных актах делают касания чрезвычайно важным и интересным объектом изучения. Гаптике как науке о касаниях и посвящена настоящая глава книги.

1.1. Целительные (терапевтические) касания

Невербальные акты касаний и разнообразные по форме, смыслу и назначению тактильные жесты всегда были окружены в культуре некоей тайной, аурой мистики, магии и табу. Считалось, например, что касания способны излечивать людей от разных болезней. Так, в Англии прикосновение короля к телу больного скрофулезом, или золотухой, признавалось целительным, а сама болезнь получила название *королевской* (king's evil). Люди верили, что если они дотронутся до одежды или тела «святых людей» — от Иисуса до римского папы, от апостолов до врачей и знахарей, — то это отведет от них действие злого глаза или предохранит от порчи. Предполагалось, что подобное прикосновение излечивает человека от болезней и изгоняет из него дьявола. Было подсчитано, что Новый Завет приписывает Иисусу 25 случаев излечения от болезней и порчи, и 14 из них происходит в результате его прикосновений к больным. А у японских крестьян, например, было заведено тереть хворые места об изваяния Будды, принадлежащие руке гениального скульптора Энлу. От этого, как указывает С. С. Аверинцев, «деревянные статуэтки непоправимо стирались, но зато вера в чудотворную силу жалости и милости, вдохновлявшую художника, со всей конкретностью наглядного жеста подхватывалась людьми, для которых художник работал» (Аверинцев 1996, с. 97).

К касаниям описываемого типа, которые я предлагаю называть целительными, или терапевтическими, принадлежат также действия современных нам врачей — специалистов в области мануальной терапии, а также окутанная тайной деятельность разного рода хилеров и экстрасенсов. Целительный эффект прикосновений сегодня стал совершенно очевидным. Так, психолог и врач Э. Монтегю отмечает исключительно высокую частоту случаев, когда ему удалось с помощью телесного контакта достичь заметных успехов в лечении больных, страдающих шизофренией и годами не поддававшихся другим терапевтическим способам лечения. Он пишет также о стабильном улучшении состояния психически больных детей, которых врачи брали во время приема за руку, обнимали или делали им массаж (Монтегю 1971). Об эффективности использования касаний во время интервью у психологов и психоаналитиков см., например, Бартон, Хеллер 1964; Минц 1969.

Широкое применение в настоящее время получил особый способ лечения мышечной ригидности, депрессии и некоторых других болезней, который был назван Розен-метод по имени

автора, американского терапевта Мэрион Розен. Основу метода составляют мягкое прикосновение к телу пациента и снятие у него с помощью прикосновений физических напряжений и психических «зажимов», ср. «в течение Розен-сеанса руки терапевта осуществляют глубокий контакт с телом, время от времени мягко двигаясь по различным областям, напоминая этими движениями телу о том, что в напряжении больше нет нужды. Ответ, который ищет Розен-терапевт, это расслабление мышц под руками и/или изменение дыхания <...>. Одна рука используется для контакта с напряжением, другая рука обычно отдыхает и “слушает”» (Вутен 1998, с. 42).

Показателями физического напряжения являются легкое движение в области солнечного сплетения, именно в том месте, где расположена диафрагма, или существование на теле выступающей части, указывающей на болезненное сокращение мышцы. Температура тела, цвет и текстура кожи тоже свидетельствуют о внутреннем напряжении, мышечных сокращениях и изменении циркуляции крови. Ср. «холодные руки подразумевают сокращение мышц, которые сужают кровеносные сосуды в области грудной клетки. Эти же мышцы позволяют нам поднимать и нести, дотягиваться до чего-то, брать или давать, притягивать или отталкивать. Когда мы скованы в этом месте, эти возможности ограничены» (там же, с. 42—43).

1.2. Дьявольские прикосновения

Существует другая разновидность касаний, которые я по уже сложившейся в теории культуры и семиотике традиции называю **дьявольскими прикосновениями** и которые тоже обладают чудесными магическими свойствами. По мифологическим верованиям, дьявол, вселяясь в человека, касается некоторого места на его теле, отчего это место полностью или частично теряет чувствительность, и именно через него дьявол проникает в человека. Как нам хорошо известно из истории, поиск подобных мест на теле был одним из тех судебных мероприятий, которые проводила испанская инквизиция во время процессов над ведьмами.

1.3. Рукоположение

Еще один известный по истории культуры тип касаний является сугубо религиозным и носит название **рукоположение**.

возложение, или **наложение**, рук. Рукоположение составляет один из этапов церемонии посвящения в духовный сан, то есть определенного конфессионального обряда-ритуала. Представители некоторых ветвей христианской церкви, например католики, считают, что их священнослужители принимают духовный сан в ходе непрекращающихся ни на минуту последовательных касаний один другого разных людей, причем непрерывное возложение рук идет от святого Петра по сей день. Такая апостольская последовательность наглядно демонстрирует чудодейственный характер, приписываемый различными культурами акту касания, и то, какое психологическое воздействие может касание оказывать на человека.

Наложение рук широко применяется также представителями многих других культур, например кришнаитами; ср. <...> *Он предоставлял исполнение ритуала двум таинственно избранным, а сам лишь ассистировал путем наложения рук для передачи своей кармы (Вас. Аксенов).*

Из всего сказанного до сих пор о касаниях можно сделать три важных вывода:

(1) во множестве актов касаний выделяются особые культурные типы, и среди них различаются по меньшей мере три — целительные касания; дьявольские прикосновения и рукоположение (наложение рук, возложение рук). Каждый из этих подтипов имеет свою сферу применимости, свое назначение и семантику. Культурные типы касаний противопоставлены бытовым касаниям; (2) невербальный акт касания может иметь ярко выраженный перлокутивный эффект; (3) действие отдельных видов касаний не прекращается с отниманием рук от тела адресата жеста. Так, все описанные культурные разновидности касаний представляют собой невербальные события, имеющие временную протяженность. По всей видимости, косвенным отражением этого представления является ситуация, когда сегодня многие молодые юноши и девушки во всем мире, в лице, например, футбольных болельщиков или поклонниц рок-групп и кинозвезд, пытаются после матча или во время концерта хотя бы дотронуться до своих кумиров. И в случае, если им это удастся, протягивают руки в экзальтации в сторону своих приятелей или просто незнакомых людей с явным намерением дотронуться до них, как бы передавая дальше по цепочке полученные прикосновения; ср. в этой связи часто раздающиеся в эти моменты восклицания типа *Он прикоснулся ко мне!*, *Она до меня дотронулась!*

§ 2. ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ БЫТОВЫХ КАСАНИЙ В КОММУНИКАТИВНОМ АКТЕ (общая характеристика)

Ключевые слова: касание, бытовой, коммуникация, коммуникативный, акт, функция, тактильное поведение, правило.

На протяжении всей своей жизни, от материнской ласки и прижимания ребенка к груди во время кормления до закрытия глаз и прикосновений губами ко лбу умершего, человек сталкивается с касаниями. Можно выделить следующие **важнейшие функции бытового касания в акте коммуникации**⁴⁹: (1) выражение дружбы, участия или заботы по отношению к адресату жеста; (2) отражение интимного отношения к адресату, в частности сексуально интимного. Желание интимного телесного контакта, как считают многие, является глубоко спрятанной физиологической потребностью, которая возникает у человека в самом раннем детстве и тянется через всю его жизнь (см., например, Харлоу 1958); (3) установление контакта между жестикулирующим и адресатом и привлечение внимания адресата к кому-либо или чему-либо (Хеслин, Альпер 1983); (4) отражение доминантного положения человека на некоторой социальной шкале.

Остановимся более подробно на этих функциях и смыслах бытовых касаний.

Касания часто происходят в диалогических взаимодействиях социально и коммуникативно неравных партнеров, например в таких парах, как учитель—ученик, врач—пациент, начальник—подчиненный, хозяин—слуга и др. В норме в русской культуре больший общественный вес человека как бы дает ему «право первого прикосновения». Если же, напротив, первым своего партнера касается человек, обладающий более низким статусом, то это действие, вне особо выделенных и оговоренных социальных ситуаций или речевых и невербальных актов, всегда оценивается как ненормативное нарушение субординации и даже с этической точки зрения как аномальное и неприличное. Впрочем, Н. Хенли, наблюдавшая за поведением в

⁴⁹В дальнейшем мы будем говорить только о бытовых касаниях, поэтому определение *бытовой* при слове *касание* часто опускается.

такого рода парах (см. Хенли 1973), отмечает, что фактор возраста вносит серьезные коррективы в указанное **правило коммуникативного тактильного поведения**, а именно в среде американцев подчиненный, значительно старший по возрасту, может первым коснуться своего более юного начальника, обращаясь к нему, например, с просьбой.

Аналогично, в тех случаях, когда имеется явное различие в статусах коммуникативных партнеров, инициативу при переходе к более интимным формам касаний обычно проявляет человек с более высоким статусом. Это правило коммуникативного тактильного поведения очевидным образом относится не только к невербальным, но и к вербальным актам. Например, право на инициативу в переходе к обращению на «ты» или к обращению по имени, а не, скажем, по имени-отчеству (ср. *Почему бы вам (тебе) не называть меня просто Боря?*) всегда принадлежит «старшему».

Той же привилегией проявления инициативы в касаниях обладает в европейской культуре мужчина, когда он ухаживает за женщиной. Обычно мужчина первым берет женщину под руку или за руку, обнимает за талию, кладет руку ей на плечо, а когда отношения становятся более интимными, первым целует и переходит к более интимным касаниям и ласкам. Видимо, тот факт, что мужчины чаще, чем женщины, выступают в разнополых коммуникативных актах в роли инициатора касаний, объясняется их большей от природы сексуальной активностью. В ухаживании мужчина обычно последовательно решает две задачи: привлечь сексуального партнера и преодолеть его страх перед более близким контактом. Вторая стадия ухаживания в гораздо большей степени, чем первая, является рискованной (более высока вероятность провала), поскольку она, если можно так выразиться, тактильно насыщена.

Если первые две функции касаний в процессе коммуникации (когда сам акт касания происходит в ходе общения равных партнеров, а во втором случае и вообще близких людей) направлены на выражение межличностных отношений, то последние две функции (когда касание обычно осуществляется не только друзьями, но просто знакомыми или даже малознакомыми людьми) отражает **установку жестикулирующего на некоторую деятельность**. Целью касания здесь может быть привлечение внимания адресата жеста к чему-либо или желание жестикулирующего нацелить адресата на выполнение каких-то действий.

§ 3. КАСАНИЕ КАК НЕВЕРБАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ АКТ

Ключевые слова: касание, контакт, кожа, тактильный, поведение, взаимодействие, трогающие люди, трогающие культуры, невербальные параметры, невербальные переменные, правило, условие применимости, контактный (проксимальный), дистантный (дистальный).

Из перцептивных способностей человека касание является одной из основных. Касание — это всегда установление физического контакта с человеком, с его кожей, волосами или (уже как переносное употребление) с одеждой, с предметами, которые человек держит, носит и т.п. Кожа, по словам Л. Франка, это оболочка, содержащая человеческий организм, в коже человека, как известно, содержится огромное количество рецепторов, реагирующих на боль, температуру, давление, на неровности и шероховатости тела или другого материального предмета. Она занимает большое пространство человеческого тела, так сказать, расходится по телу по всем направлениям и предохраняет человека от многих неприятных воздействий внешней среды. Кожа, в отличие от глаз, способна воспринимать и передавать сообщения в темноте: она мгновенно реагирует на внешние возмущения, отчетливо узнает объекты и распознает акты поведения. Э. Монтегю в этой связи пишет: «Касание — это ощущение, напрямую связанное с кожей, самым важным после мозга органом. Кожа, как и нервная система, развивается из наружного слоя эмбриональных клеток, или эктодермы. Это общая поверхность, покрывающая тело и позволяющая развиваться волосам, зубам и всем органам чувств — осязанию, зрению, обонянию, слуху, вкусу <...> О коже можно думать как о внешней нервной системе, оказавшейся на поверхности тела эмбриона. Таким образом, если нервная система — это скрытая часть кожи, то кожа, напротив, — это видимая часть нервной системы» (Монтегю 1971, с. 2). Не случайно, видимо, высказывание *Я это кожей чувствую!* является высшей оценкой ощущения и иррационального понимания; ср. также *На женское предательство у него был особый нюх, должно быть, обостренный всем его разнообразным опытом былых разочарований. Вот и теперь он чувствовал его кожей, то и дело улавливая взглядом мнимое Риммино равнодушие, тщательно маскируемую счастливую напряженность, спортивно-задорную предрасположенность к интриге (А. Макаров); Есть люди страс-*

тей — чувств — ощущений — Вы человек дуновений. Мир вы воспринимаете наощупь: это не меньше чем: душевно. Через кожу Вы воспринимаете и чужие души, и это верней (М. Цветаева).

К касаниям относятся и физиологические движения, и конвенциональные жесты, которые, как мы видели, обладают особыми условиями применимости. Так, касания охотно применяют между собой друзья, но человеку обычно не нравится, когда его трогают чужие. В норме человек на публике избегает прикосновений, если, разумеется, осознает присутствие людей, нам не нравится, когда проявляют «чувство локтя» в транспорте, когда нас касаются в лифте, в очереди или в переполненном помещении. Нормальный человек обычно вынужден совершать много «лишних» движений и лавировать в людском потоке, чтобы избежать ненужных и неприятных прикосновений. Если же он сам, проходя или пробегая, кого-то задевает, то по нормам этикета ему полагается за это извиниться. Впрочем, речевой акт извинения в подобной ситуации может и предшествовать касанию, если человек предполагает, что касание неизбежно.

Люди любят трогать всё для них новое или необычное, и привычка эта сохраняется с самого раннего детства. Неудивительно, что в залах музеев, на вернисажах и выставках повсюду развешены таблички с надписью: «Руками не трогать!». Существуют целые общественные группы и даже народы, которые можно назвать **трогающими**; для трогających людей условия использования касаний совершенно особые.

Трогающими являются, например, маленькие дети. Через касание, трогание осуществляется познание мира. В раннем детстве *трогать* просто тождественно *познавать*: младенец трогает все, что попадает ему под руки, вопреки всем предостережениям и наказаниям, и благодаря тактильным ощущениям открывает для себя мир. У детей разных народов и культур есть даже свои детские игры, в которых акт касания является доминирующим; в русской культуре к таким играм принадлежат, например, салки или жмурки. В то же время родители специально учат своих детей не трогать других людей и говорят детям, чтобы те не трогали своего тела и огромного числа предметов.

К трогającym людям относятся и некоторые социальные категории взрослых — врачи, медсестры, парикмахеры, банщики, массажисты, портные или косметологи. Все они в силу специфики своей профессиональной деятельности вынуждены трогать других людей. Выдающийся современный физиолог, один из авторов психобиологической теории терапевтического

гипноза Э. Росси как-то заметил, что касание в ряде случаев может быть наиболее сильным биологическим и социальным сигналом из всех. Мы открыты к близости, а потому неудивительно, что люди, которым мы позволяем прикасаться к нам — массажисты и физиотерапевты, парикмахеры, врачи и медсестры, — часто становятся объектами нашего глубокого личного доверия.

Есть культуры, любящие касания; это, например, итальянская, арабская, турецкая и различные латиноамериканские культуры. По наблюдениям, которые сделал антрополог Т. Каннон (устное сообщение), даже у тех итальянцев, которые давно живут в США и являются гражданами этой страны, касания гораздо более продолжительные, щедрые и искренние, чем, к примеру, у американцев-англосаксонцев, большинство касаний которых сводится к недолгим **объятиям** (*hug'am*), быстрым **поцелуям** и совсем формальным **рукопожатиям**.

У некоторых народов существующая тактильная практика жестко регламентирована и строго распределена по социальным и культурным сферам. Так, на острове Борнео Малайского архипелага, в северных горных районах, живет народ дусун численностью порядка 150 000 тыс. человек, который занимается в основном выращиванием риса, охотой и сбором плодов с лесных деревьев. Хотя в течение нескольких последних десятилетий на культуру этого народа заметное влияние оказали, да и сейчас продолжают оказывать, китайская, индийская и арабская традиции, центральные области ее до сих пор остаются такими же, какими они были в далеком прошлом. Нам удалось получить от информантов данные (см. также Вильямс 1966), которые говорят о том, что репертуар жестовых касаний в языке тела дусун достаточно богатый и в целом распределяется по трем крупным зонам: (а) жесты касания, обозначающие культурные и социальные интерактивные акты, дифференцированные в разных отношениях. Например, в культуре дусун существуют разные виды сельскохозяйственных и охотничьих обрядов, обряда инициации, церемониальные гигиенические акты омовения или одевания, ритуальное нанесение татуировок или косметики. К ним можно добавить бытовые социальные акты: ухаживание, воспитание детей, сбор урожая риса, приход в гости и целый ряд других социальных действий; (б) жесты касания, выражающие эмоции (около 50 различных жестов!) и (в) не менее полутора десятков интимных жестов-касаний.

Правила тактильного поведения, или взаимодействия, описывающие контакты местных жителей друг с другом. базнру-

ются на разнообразных кинетических параметрах и переменных, среди которых ведущую роль играют тип культурного и социального контекста ситуации, возраст и пол участников невербального коммуникативного акта, наличие или отсутствие адапторов, способ и место касания, вид, функция и значение жеста, совершается ли касание вместе с другими жестами или речью и др. Например, касания, которые допускаются (а некоторые даже обязательны) во время церемониальных обрядов, по характеристике участников этих актов, по способу, месту и самому значению касаний значительно отличаются от тех касаний, которые разрешены во время ритуальных танцев, лечения больного или похорон.

Нарушение правил тактильного поведения в ряде культур карается весьма строго. Так, в культуре дусун за невыполнение или неправильное выполнение обязательных — в данной ситуации — касаний могут последовать весьма строгие наказания: за это людей бьют палками, а в более серьезных случаях изгоняют из общества и даже отрубают голову. (Описание некоторых правил тактильного поведения в культуре жителей Борнео и санкций, которые применяются за неподчинение этим правилам, см. в статье Вильямс 1966).

В русской культуре касания — это всегда активное вторжение в личную сферу другого человека, поэтому они должны быть действиями осторожными и ненавязчивыми. В условиях применимости правил тактильного взаимодействия, свойственных русской невербальной культуре, входят не только информация о доступности (неуязвимости) resp. недоступности (уязвимости) для касаний определенных областей тела или информация о типе касания и выражаемом касанием смысле, но также сведения об актуальном психологическом состоянии и качествах адресата, об отношении его к касаниям вообще и к данному типу касаний в частности: не ущемит ли, например, касание его гордость, не заденет ли честь, будет ли оно ему приятно и т.п. Так, людям, находящимся в тревожном или взволнованном состоянии, или людям, часто теряющим контроль над собой, обычно необходимо участие, утешение, поддержка или помощь. Поэтому они нуждаются в том, чтобы их больше касались и тем выражали участие (хотя сами при этом других трогают меньше), а потому в отношении таких людей допустима большая по сравнению с нормой свобода касаний.

Многие люди испытывают настоятельную потребность в ощущении прикосновений, испытывая при этом чувство, подобное голоду (в среде западных ученых-физиологов в таких случаях обычно говорят о переживаемом человеком *skin hunger*,

то есть, буквально, «голоде кожи»). С недостатком прикосновений связаны эмоциональные нарушения у людей, например неврозы, некоторые виды детских страхов. В свою очередь человек, чувствующий и понимающий другого, путем касаний может более эффективно на него воздействовать. Данный факт хорошо известен врачам-психотерапевтам, медицинским сестрам и психологам и обычно учитывается ими при обследовании и лечении больных.

Аналогичным образом ведет себя ребенок. Он тоже стремится к физическому контакту с другими людьми, ищет у них тепла и защиты — прежде всего, конечно, у родителей, а также у бабушек и дедушек. И младенца прижимают к груди, держат на руках, качают, гладят и пр. Ф. Дэвис в этой связи замечает, что «без прикосновений ребенок умирает, человеческое сердце болит, душа увядает» (Дэвис 1991, с 3). Недостаточное число касаний между матерью и младенцем действует не только на ребенка, но и на мать, в частности на способность матери к вскармливанию.

Контактный, или, как его называют в социальной психологии, **проксимальный**, способ взаимодействия по мере взросления ребенка постепенно сменяется **дистантным**, или **дистальным**, когда диалогическое взаимодействие в норме больше происходит на расстоянии: люди смотрят друг на друга, разговаривают, улыбаются и т.п. Уже в самом раннем возрасте у людей проявляются половые различия в проксимальном поведении (см., например, Льюис 1978, с. 229—240). Так, мальчик, рожденный и воспитывающийся в Европе или Америке, в течение первых нескольких месяцев жизни получает в норме больше, чем девочка, касаний и других форм проксимального поведения, однако где-то примерно к шести месяцам количество и частота касаний постепенно выравниваются, и далее ситуация меняется на противоположную. Кроме того, мальчики быстрее девочек переходят от проксимальных типов социальных отношений к дистальным.

Резюмируем сказанное. В этом параграфе были введены важные для гаптики понятия и противопоставления — **тактильное поведение**, **трогающие люди и культуры**, **правило тактильного поведения**, **контактный** и **дистантный** способы **тактильного взаимодействия** и др. — и рассмотрены основные кинетические константы и переменные невербального акта касания. К ним относятся социальный статус и социальная роль участников коммуникации, возраст, пол, культурные, национально-эт-

нические и расовые характеристики, межличностные отношения. Большее число и большая площадь касаний, а также инициатива в касании сопряжены непосредственно с такими значениями кинетических переменных, как более высокий статус, мужской пол, белая раса, больший возраст. Кроме того, ведущую роль в касаниях играет фактор межличностных отношений, в частности люди с большей охотой трогают близких себе людей, чем далеких.

§ 4. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ АКТЫ И ГЛАГОЛЫ КАСАНИЯ И ОСЯЗАНИЯ

Ключевые слова: невербальный, вербальный, акт, синтетический, аналитический, русский язык, касание, осязание, статический, динамический, скользящий, сжимающий, ощупывающий, температурный, жестовый, глагол, семантика, семантический, признак, противопоставление.

Лексические единицы русского языка, в семантику которых входит указание на невербальный акт касания, осуществляемый человеком, — это, прежде всего, глаголы и глагольные фраземы: *касаться I*, *коснуться I*, *трогать I*, *тронуть I*, *задевать I*, *задеть I*, *щупать*, *гладить*, *вести рукой* и др., а также их приставочные корреляты: *прикасаться*, *прикоснуться*, *дотрагиваться*, *дотронуться*, *потрогать*, *ощупывать*, *ощупать*, *пощупать*, *проводить рукой*, *провести рукой* и пр.

Для многих действий, обозначенных перечисленными глаголами, касание является лишь первой, предварительной и не главной фазой комплексного действия. Например, чтобы *провести рукой* по поверхности какого-то предмета или *ощупать* его, то есть *осязать* (отметим сразу, что слово *осязать* в повседневном русском языке используется крайне редко, но как метаслово, то есть как метка для обозначения семантического лексикографического типа⁵⁰, кажется вполне пригодным), следует сначала вступить с объектом в физический контакт, а потом проделать определенное движение, чаще всего рукой — ладонью или пальцами. Причем, и это крайне существенно, основной идеей и главной ассерцией в толковании этих глаголов является не вступление в контакт, а другая пропозиция,

⁵⁰ О понятии лексикографического типа см. Апресян 1986а, Апресян 1995.

обозначающая реализацию желания и цели агенса обнаружить некие свойства осязаемого объекта. Иными словами, рассматриваемые глаголы не являются глаголами собственно касания, поскольку в их семантическом представлении пропозиция, отражающая смысл «касание», не имеет статуса единственной и основной ассерции. Например, такие глаголы, как *гладить*, *щупать* или *тереть*, в рассматриваемых значениях не являются собственно глаголами касания; мы будем называть их глаголами осязания, или **тактильными глаголами**.

Для другой группы глаголов в фокусе внимания оказывается обозначение непосредственно самого акта касания, причем многие из таких глаголов (но не все!) вообще не предполагают какого-либо дальнейшего движения вслед за касанием. Это группа глаголов <собственно> касания.

Первый класс глаголов соотносится со вторым как <семантически> **аналитические** глаголы с <семантически> **синтетическими** глаголами. Соответственно, касания, обозначаемые синтетическими глаголами, можно назвать синтетическими, а касания, обозначаемые аналитическими глаголами, **аналитическими**. Глаголы осязания делятся на несколько важных семантических подтипов, о которых речь пойдет ниже; точно так же можно выделить некоторые с семантической и прагматической точек зрения разные подтипы глаголов касания.

Отнесение глагола, или, точнее, глагольной лексемы, к тому или иному типу/подтипу производится на чисто семантической или на онтологической основе. В свою очередь, семантическая классификация глаголов и актов касания опирается, соответственно, на языковое и/или жестовое поведение соответствующих единиц. Так, тип глагольной единицы зависит не только от денотативной ситуации, которую она отражает, но и, как мы увидим, от способа представления этой ситуации в языке или невербальном знаковом коде, то есть от способа концептуализации ситуации в семиотической — языковой или жестовой — картине мира.

Сначала я рассмотрю глаголы <собственно> касания (напомню, что меня интересуют только касания, осуществляемые человеком) — *касаться*, *коснуться*, *трогать* I, *тронуть* I, *задевать* I, *задевать* Ia, *задеть* I, *задеть* Ia и их приставочные соответствия⁵¹. Я считаю их глаголами касания потому, что

⁵¹ Индекс «I» означает, что здесь имеются в виду лексемы — глаголы физического действия: о лексемах с индексом «Ia» см. ниже

семантический центр всех этих квазисинонимов, то есть главная ассерция, являющаяся смысловым инвариантом синонимического ряда, таков: «сделать так, чтобы часть тела жестикулирующего (в нашей терминологии — рабочий орган; обычно это рука) в результате движения пришла в физический контакт (= начала иметь контакт) с частью тела адресата или с некоторым материальным объектом». Таким образом, все эти глаголы описывают и итоговое состояние («находиться в контакте»), и способ, которым оно достигается («движение»).

Семантические признаки, по которым различаются синтетические глаголы касания, — это:

(1) сила контакта.

Для глаголов *касаться* и *коснуться*, *трогать* I и *тронуть* I вместе с их производными контакт — слабый, то есть в месте касания не приложена сила (о роли смыслового элемента «слабый» и его месте в контакте, наводимом глаголом *касаться*, правда взятым в другом значении, см. в работе Богуславский 1985, с. 30). Для глаголов *задевать* I и *задеть* I признак «сила контакта» несуществен: в этом отношении контакт может быть любым — слабым, средним и даже сильным;

(2) намеренность и контролируемость действия.

Физические действия, обозначаемые глаголами *прикасаться*, *прикоснуться* и *трогать* I, намеренные и контролируемые. Ср. неправильные предложения *Он нечаянно прикоснулся к ее больной руке, *Она нечаянно тронула (или: тронула рукой) его картуз, шероховатое ?Он случайно дотронулся до его раны (или: притронулся к его ране) и абсолютно нормальные Он дотронулся до его раны; Евгений Павлович удивился сначала, но с самым серьезным видом прикоснулся к протянутой ему руке, точно как бы прося прощение (Ф. Достоевский); Саша все время нарочно трогал его за рукав и сразу же убегал; Не трогайте меня, мне это неприятно[‡]; Деничик ротного командира разбудил меня, осторожно трогая за плечо (В. Гаршин); Я с ними не раз уходил от беды, Я к ним прикасался плечами... (Б. Окуджава); — Дитя мое, — заговорил он, — не прикасайтесь, пожалуйста, к этой ране: руки у вас нежные, а все-таки мне будет больно (И. Тургенев); Госпожа Отт сидела очень прямо, острым углом перекинув ногу на ногу, — и в ее твердых блестящих глазах мелькали ночные огни города. Ветер остановился. — Ну вот и ваш дом, — сказала она, тронув Эрвина за локоть (В. Набоков); Пройдя несколько шагов, он <Эрвин> увидел два огненных пузыря, — открытый автомобиль, стоящий у панели. Он подошел, тронул за плечо неподвижного шофера (В. Набоков).

Поскольку глагол *прикасаться*, в отличие от *касаться*, в современном русском языке не используется для обозначения ненамеренного действия, употребление его в предложении *Ее грудь дышала возле моей, ее руки прикасались моей голове* (И. Тургенев. «Первая любовь») мне представляется не вполне удачным, а сам пример устаревшим: сейчас вместо глагола *прикасаться* тут следовало бы употребить глагол *касаться*.

Касаться, коснуться, дотронуться и притронуться можно и намеренно, и случайно, ср. *Она нечаянно дотронулась рукой до его картуза; Я нечаянно коснулся ее больной спины; А сам Марк лежал под нею, и такая грузная боль давила на грудь, такая боль — и ничего не видать, кроме зыбкой лампы, — и в сердце упираются ребра, мешают вздохнуть, — и кто-то, перегнув ему ногу, ломает ее, натужился, сейчас хрястнет. Он рванулся опять, — лампа расплылась зеленым сиянием, и Марк увидел себя самого, поодаль, сидящего рядом с Кларой — и не успел увидеть, как уже сам касался коленом ее теплой шелковой юбки* (В. Набоков); *Марина коснулась его руки и, когда он повернулся, быстро заговорила* (М. Буров); *Стоит Истомина, она, Одной ногой касаясь пола, Другую медленно кружит* (А. Пушкин).

Лексемы *задевать 1* и *задеть 1* всегда обозначают действия случайные, в отличие, например, от лексемы *задевать 2*, ср. *Он еще в школе меня всегда задевал (= задевал 2), не давал проходу*. То, что *задевать 1* и *задеть 1* являются обозначениями случайных и неконтролируемых действий, объясняет неправильность предложений **Ее рука задела меня, *Его плечо задело мое или *Ее рука задела книгу*, хотя вполне допустимы и *Она задела меня рукой, и Ее рука коснулась моего плеча, и Мой палец дотронулся до маленькой кнопки в углу комнаты*. Дело в том, что агенсами неконтролируемых действий не могут быть неотделенные части тела живого человека. Нельзя сказать, например, **Его нога ударилась об стол*, но можно *Он ударился ногой об стол*. Некорректна фраза, сказанная о контролирующем свои действия человеке, **Ее рука зацепилась за веревку*, тогда как фраза *Она зацепилась рукой за веревку* допустима;

У глаголов, обозначающих намеренные действия, субъект контакта — одушевленный. Так, предложение *Ее волосы коснулись моей руки* правильное, а предложение **Ее волосы дотронулись до моей руки* неправильное;

(3) является ли движение, в результате которого происходит касание объекта, самостоятельным, или это движение, сопутствующее другому движению или вызванное им.

Глаголы *задевать 1* и *задеть 1* обозначают сопутствующее движение-касание, происшедшее при движении тела. Нельзя

сказать *Он, стоя, задел меня рукой, но допустимо Он, стоя, коснулся меня (или: дотронулся до меня, прикоснулся ко мне рукой). Ср. также предложение «Кость цела, — пробормотал он. — Пуля прошла, лишь задев кожу» (действие *задеть* является сопутствующим движению *пройти*) и предложения Он <...> опустился на колени и, кланяясь и касаясь (задевая) холодным лбом пыльного паркета, стал молиться (М. Булгаков); Она стояла с ним рядом, и ей вдруг ужасно захотелось коснуться шрама на его лице; [Софья] сидела у пианино — и порою тихо касалась клавиш (задевала клавиши) тонкими пальцами правой руки (М. Горький);

(4) является ли контакт, возникший в результате касания, моментальным однократным состоянием или событием, длящимся в течение некоторого времени.

Для глаголов *тронуть I*, *дотронуться*, *коснуться*, *прикоснуться*, *задеть I* (как в предложении выше) контакт является одномоментным состоянием, а для несколько устаревшей глагольной единицы *задеть Ia* в значении «зацепиться» (ср. предложения Он задел брюками за гвоздь и никак не мог освободиться или Она перескочила через плетень, юбка задела за сучок. — И. Гончаров) контакт — это событие, имеющее временную протяженность;

(5) площадь контакта.

В действиях *касаться*, *коснуться*, *прикоснуться*, *дотрагиваться*, *дотронуться* площадь контакта небольшая, обычно контакт — точечный, а для глаголов *задевать I* и *задеть I* в рассматриваемых значениях данный признак не определен. Для синтетических глаголов касания большая площадь контакта не характерна;

(6) повлек ли контакт за собой какие-либо изменения в самом объекте.

Действие, описываемое глагольной лексемой *задеть I*, в отличие от действий, выраженных другими глаголами касания, предполагает некоторые изменения в объекте, причем эти изменения, в случае если они, по мнению говорящего, портят объект, нарушая его структуру или целостность, оцениваются говорящим отрицательно. Ср. — Кость цела, — бормотал он сквозь зубы, — пуля прошла неглубоко насквозь, один мускул *vastus externus* задет (И. Тургенев); Карл Иванович разбудил меня, ударив над моей головой хлопнушкой — из сахарной бумаги на палке — по мухе. Он сделал это так неловко, что задел образок моего ангела (Л. Толстой).

Если в первом из этих двух примеров речь идет о том, что нарушен мускул, то во втором что-то произошло с образком ангела (изменилось его положение, образок разбился — в са-

мом тексте примера об этом ничего не говорится) — в каждом случае отрицательная оценка действия налицо. Впрочем, информация о том, что в объекте произошли какие-то изменения, видимо, должна здесь вводиться через предикат «возможно»: *Х задел ла У* = «находясь в движении, человек Х вступил в кратковременный контакт с частью тела или предметом У и тем самым, возможно, вызвал некоторые изменения в У-е, которых Х не хотел; то, что в У-е произошли изменения, плохо».

Замечания. 1. Для другой глагольной лексемы *задеть 2*, выступающей в лексически довольно ограниченных контекстах типа *задеть несть* (*гордость, самолюбие, достоинство, лучшие чувства, за живое* и др.) и описывающей слова или действия человека Х, вступившего в психологический контакт с человеком У, в результате которого в У-е произошли внутренние изменения, коснувшиеся самых важных и охраняемых им чувств или комплексов чувств, отчего У-у очень неприятно (возможно, он обижен или оскорблен этим), негативная оценка действий еще более очевидна.

2. Быть может, более точным было бы вместо указания на чувства, испытываемые человеком У, ввести в толкование лексемы *задеть 2* сопоставительный компонент типа того, что был предложен В. Ю. Апресян и Ю. Д. Апресяном для семантического представления слов, обозначающих эмоции, а именно «душа человека У чувствует нечто подобное тому, что чувствует тело человека, когда некий Z задевает 1 какой-то орган или часть тела У-а» (Апресян 1995, с. 463). Впрочем, вопрос о подобного рода компонентах в семантическом представлении лексических единиц еще требует дальнейшего изучения.

Рассмотрим теперь **тактильные глаголы**, или **глаголы осязания**. Для многих из них обязательным является следующее за касанием движение, совершаемое с определенной целью, и потому я буду называть тактильные глаголы этого типа, а также соответствующие им невербальные акты **динамичными касаниями**. Особую роль в описании динамичных глаголов и динамичных касаний получает признак «тип следующего за касанием движения», который, в свою очередь, обусловлен и тесно связан с еще одним признаком — «цель касания».

Можно выделить несколько семантических типов динамичных касаний (типы определяются в зависимости от способа и цели касания):

(1) **скользящие касания**, когда вслед за непосредственным прикосновением совершается поступательное — «туда-сюда» — движение руки по поверхности объекта, осуществляемое как бы вдоль некоей воображаемой прямой. Целью осязания, выра-

женного единицами типа *проводить рукой* или *гладить рукой* <по поверхности предмета>, является, в частности, определение текстуры объекта, наличия или отсутствия на его поверхности чужеродного нежелательного слоя или примесей, обнаружение некоторых других свойств его поверхности. Ср. признаки, которые распознаются тактильно именно через скользящие касания, и обозначающие их русские прилагательные: *ровный 1, гладкий, шершавый, колючий, потертый, шероховатый, пушистый, острый 1, тупой 1* и т.п.

Прилагательные *гладкий* и *ровный 1* несколько по-разному характеризуют поверхность предмета: если оценка *гладкий* — это результат субъективных ощущений человека, полученных на основании тактильного восприятия фактуры поверхности (впрочем, по всей видимости, лишь преобладающего, так как зрение тоже может участвовать в определении данного свойства), то в оценке *ровный 1* доминирующим является визуальное восприятие кривизны. Свойство *гладкий* как норма бытования поверхности не знает разновидностей, тогда как аномальная «негладкость» поверхности весьма разнородна, ср. *шероховатый, шершавый, заскорузлый, морщинистый, колючий, ребристый* и т.п., причем каждая из этих оценок может быть получена через скользящее касание. Свойства *острый 1* и *тупой 1* — это характеристики части, прежде всего края, поверхности, а, например, часто определяемые тактильно *чистый* и *грязный* (а также *сальный, жирный* и т.п.) говорят, соответственно, об отсутствии и наличии на поверхности объекта примесей;

(2) *сжимающие, иля ощупывающие, касания*, когда после касания осуществляется сжатие и перебирание пальцами объекта. Такой способ кожного восприятия в норме передается глаголами *щупать*⁵², *ощупывать, перебирать, трогать 2* (на *ощупь*) или *потирать*. Обычно он применяется при определении материала или свойств материала, из которого сделан объект, консистенции, а иногда и обнаружения — через тактильный канал — характера и свойств сразу нескольких поверхностей одновременно. Ср. качества *мягкий, твердый, жесткий, гибкий, плотный, вязкий, упругий, клейкий, эластичный, (не)мнущийся* и др., определяемые посредством касаний такого рода;

(3) *обрамляющие касания*, когда ладонь или пальцы движутся по всему объекту, в том числе и по его внутренним областям. Этот способ представлен, например, такими русски-

⁵² Глагол *щупать* (в одном из значений) — это «сжимать и перебирать пальцами некоторый объект, чтобы определить, что это за объект или его свойства».

ми языковыми единицами, как *ощупывать со всех сторон, проводить рукой по всему предмету или по его поверхности, исследовать на ощупь* и даже *осматривать* (например, врачебный осмотр часто бывает в большей степени тактильным, чем зрительным).

Целью подобного движения, которое может быть как поступательным движением в разных плоскостях и направлениях, так и вращательным, является получение информации о конфигурации, контурах, краях, границах объекта, а также об определенных геометрических соотношениях его частей; см. прилагательные, отражающие оценку объекта в результате его тактильного осмотра указанным способом: *ровный 2, неровный, кривой, изгибающийся, выпуклый, круглый, закругленный* и пр.

Замечания. 1. Сделаю сначала одно замечание общего характера. Ведя речь об актах касания и тактильных глаголах, я до сих пор говорил все время о руке, потому что именно рука является важнейшим органом касания и осязания. Важнейшим, но не единственным. Органами касания могут быть также губы или ноги, а у других народов к вполне стандартным органам касания относятся нос, лоб, щека и пр. В русской культуре с помощью губ, например, получают информацию о форме, структуре или температуре объекта, а ноги при ходьбе сообщают нам сведения о свойствах поверхности, по которой они ступают; кроме того, ногами можно ощущать температуру поверхности земли (песка, воды и др.). Высказывание *Пол в комнате скользкий* (или: *неровный, холодный, гладкий*) обычно делается под влиянием информации, полученной от контакта ног с полом. Именная группа *Маша* во фразе *Маша поскользнулась на улице* — это поверхностная реализация семантической составляющей «ноги Маши». В ответ на изменения в поверхности, по которой совершается движение, например на изменения вида поверхности (то есть земля, вода и др.) или ее свойств (твердость, текстура и др.), человек меняет способ или вид своего движения: ускоряет или замедляет шаг, начинает ступать твердо, обходить лужи, камни и другие препятствия. А слепые люди, например, получают информацию о свойствах поверхности земли еще и от палочки, при помощи которой они передвигаются.

2. Перечисленными семантическими типами динамические касания не исчерпываются. Существуют и другие типы динамических касаний (например, представленный глаголами «затрудненного передвижения в пространстве» — *протискиваться, проталкиваться, протираться, пропихиваться* и под.), которые я здесь не рассматриваю.

Таким образом, русскими глаголами динамического касания и сочетаниями с этими глаголами являются *гладить, по-*

глаживать, ощупывать, проводить рукой, тереть, трогать <на ощупь>, *потирать, мять, сжимать, чувствовать* <на ощупь> и ряд других. Для аналитических динамических осязаний характерна относительно большая площадь касания, поскольку осязание всегда предполагает перемещение по некоторой пространственной области. Кроме того, касания-осязания предусматривают приложение определенной силы.

Помимо перечисленных существуют и другие ситуации, в которых используются аналитические касания. В частности, аналитические касания являются основным элементом многих жестов, входящих в социальные и культурные акты, такие как ритуальные и ритуализованные приветствия, прощания, акты заключений договоров или пари, невербальные конвенциональные выражения чувств, акты наказаний и поощрений. Этот тип аналитических касаний, которые я называю **жестовыми**, не выражается в языке тактильными глаголами: жестовые касания кодируются именами жестов (или именами классов жестов), жестовыми глаголами или глагольными фразами; ср. *объятие, рукопожатие, поцелуй, подзатыльник, отшлепать, ударить, прижать к груди, похлопать по плечу, потрепать по щеке, погладить по голове* и пр. Жестовые касания составляют предмет кинесики, а не гаптики. Сфера их употребления, их ведущая функция и среда обитания — коммуникативная. Жестовые касания используются главным образом для привлечения внимания другого человека и установления с ним коммуникативной связи, для облегчения последующего воздействия на партнера или приведения его в нормальное психологическое состояние. С помощью жестовых касаний человек выражает свои чувства и отношение к другому человеку.

Еще один тип аналитических касаний предполагает ограниченное, локальное восприятие, а потому годится только для определения тепловых свойств; ср. прикосновение руки или губ ко лбу для определения температуры человеческого тела. Такого рода касания я предлагаю называть **температурными**.

В отличие от локальных и статичных температурных актов, «настоящие» осязания являются действиями динамичными и служат для распознавания самого объекта или его формы, структуры, материала. Так, ощупывая человека, чтобы узнать, кто перед ним находится, например в темноте или во время игры в жмурки, мы проводим рукой по его лицу или телу. Точно так же действует и слепой, пытающийся опознать человека или предмет. Чтобы показать, сколь они сильны, неко-

торые юноши просят *пощупать их мускулы* (не **коснуться их мускулов*). Щупают пульс, слегка надавливая пальцем, то есть осуществляя некоторое движение, в строго определенном месте руки. Когда человеку предлагают посмотреть, гладкий ли брусок, он обычно пользуется динамичной тактильной системой для большей точности восприятия: одного зрения тут может оказаться совсем не достаточно.

§ 5. ДИНАМИЧНЫЕ И ТЕМПЕРАТУРНЫЕ КАСАНИЯ. ОСЯЗАНИЕ И ЗРЕНИЕ КАК СЕНСОРНЫЕ МОДАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: невербальный, акт, динамичный, температурный, сенсорный, модальность, осязание, зрение, тактильный, взаимодействие, конкуренция, конфликт, язык, концептуализация.

Между зрением и осязанием как двумя сенсорными модальностями нередко возникает конкуренция (см. об этом, например, Джибсон 1962; 1966; Клейнке и др. 1973), и это обстоятельство, казалось бы, должно было привести к всестороннему анализу соответствующих ситуаций. Однако этого до сих пор не произошло, что объясняется, по-видимому, не только исключительной ролью зрительного восприятия в жизни человека, но и чрезмерным исследовательским вниманием к руке как органу-носителю исполнительной функции, которое сочетается с пренебрежительным отношением к руке как элементу осящающему и осязающему.

Тактильное восприятие имеет свои отличительные особенности. Если зрительное восприятие является целостным и быстрым (я имею здесь в виду восприятие, не осложненное интеллектуальной деятельностью, то есть я не говорю тут о восприятии, представленном, например, глаголами *рассматривать* или *исследовать*), то тактильное восприятие значительно более медленное, более фрагментарное и последовательное. Далее, в жизни человека часто встречается обман зрения, тогда как тактильную систему «провести» намного труднее. Поэтому при доказательстве существования, реальности какого-то объекта, например выясняя, не мираж и не сон ли это, человек не может положиться на одно только зрение — он стремится потрогать, пощупать объект (ср. такие предложения, как — *Не может быть! Это ты? — дай-ка я тебя потрогаю и Гюрза? А ее можно погладить?*). Наконец, данные тактильного

опыта также очень сложно опровергнуть: в нашем языке даже нет для этого нужных выражений. Можно сказать *Ты этого не видишь*, но едва ли приемлемо **Ты этого <кожей> не ощущаешь* (для выражения другого смысла фраза *Ты этого не ощущаешь* допустима). Возможно *Если не видишь, что у ребенка жар, пощупай ему лоб*, но крайне странно ??*Если не чувствуешь рукой, что у ребенка горячий лоб, взгляни на ребенка, какая у него температура*.

Как замечает А. Коппола (Коппола 1970, с. 15), «едва ли нужно говорить о том, что зрение — это исключительно важная человеческая способность, но зрение можно переоценить в том отношении, что оно может сделать нас нечувствительными к тем вещам, которые предназначены для тактильного, а не зрительного восприятия («Sight can be overestimated in the sense that it blinds us to those things that are meant not to be seen but to be felt»). Неудивительно, что у кожного восприятия есть своя сфера применимости, отличная от зрительного (см. подробно об этом ниже, там, где идет речь о соотношении возможностей зрения и осязания). Здесь мы ограничимся лишь несколькими примерами.

Если судить о наличии повышенной температуры у человека или животного можно и косвенно, например по особому поведению, то температуру неодушевленного предмета человек по большей части определяет через касание. Известно, что маленькие дети зимой во дворе часто трогают руками металлические предметы и даже проводят по ним языком, желая проверить, не холодные ли они. И такие действия уже могут приводить к весьма неприятным последствиям — например, зимой дети иногда «прилипают языком» к пожарной лестнице. Кроме того, мы спрашиваем *Это мягкая игрушка?*, просим *Пощупай, пеленка сухая?*, высказываем свое мнение о свитере *Какая грубая вязка!* или о клеенке: *Липкая!*, утверждаем *Палынич горячий*, и все эти высказывания содержат суждения о материальных объектах, вынесенные на основе нашего тактильного опыта. Точно так же обстоит дело и с человеческой кожей: потертость, потливость, ожоги, порезы, раны, нарывы, покраснения, болевые ощущения — все это разные по своему характеру изменения и реакции кожи, которые нередко случаются на протяжении человеческой жизни и кодификация которых в естественном языке подтверждается языковыми обозначениями.

Философ XVIII века Джордж Беркли считал, что пространство, открытость (outness) и расположение вещей на расстоянии, строго говоря, не являются объектами зрения, нельзя

видеть ни само расстояние, ни соотносительное положение предметов на расстоянии. Он считал, что человек в течение жизни учится связывать данные своего визуального и слухового опыта с информацией, постигаемой тактильно. А другой, не менее знаменитый философ XVIII века Дени Дидро вообще полагал, что касание нередко поправляет и обучает зрение и слух. Позже были опубликованы данные, говорящие, что дети в первые годы жизни больше полагаются на тактильные, чем на какие-либо другие ощущения (см., например, Джибсон 1966). Объясняется это довольно просто: и у детей, и у взрослого человека разные сенсорные модальности имеют каждая свою область приложения, во всяком случае, именно так эти модальности отображаются в языке.

Чувства и ощущения, как и знание, бывают **прямые** и **косвенные**. В высказываниях *Я вижу, что эта замша мягкая* и *Я вижу, что это замша темно-коричневая* обычно усматривают две разные лексемы *видеть* только на том основании, что нельзя увидеть глазами мягкость, но можно распознать цвет. Мы считаем, что **интеллектуальные процессы** имеют место в **обоих** случаях. В первом высказывании использование глагола *видеть* представляет собой, как давно и хорошо известно, отражение целого ряда ментальных процессов, относящихся к восприятию. Меньше обращалось внимания на то, что интеллектуальные процессы скрыты и в семантике самого видения, в частности в модели *вижу, что*. Они экстериоризируются как выводы, которые делает человек на основании прямых свидетельств органов чувств, то есть в толкование рассматриваемого здесь зрительного *видеть*, выступающего в стандартной конструкции *Х видит, что Р*, тоже, на наш взгляд, входит сема «думать». Определяя, какой или какие каналы восприятия участвуют в установлении свойств или характеристик объекта, можно прогнозировать синонимию глагола *видеть* в контексте *Х видит, что Р* некоторым другим глаголам восприятия. Например, в предложении *Я вижу, что эта замша мягкая* глагол *видеть* близок по смыслу (вообще говоря) родовому глаголу *чувствовать*, в предложениях *Я вижу, что она хорошо поет* или *Вы видите, что он сказал?* (М. Жванецкий) тот же глагол синонимичен *слышать*, а предложение *Я вижу, что здесь ели чеснок* может означать не только вывод из данных, полученных зрением, но также умозаключение, основанное на сохранившемся запахе.

В принципе бывают и конфликты различных сенсорных систем, в частности зрения и осязания. Рассмотрим следующий диалог: — *Я вижу, картошка уже готова.* — *Да ты потыкай ее вилкой!* Реакция адресата здесь — несогласие с утверж-

дением собеседника, и, по мнению адресата, истину можно установить только посредством тактильного ощущения. Зрение не только охватывает объект целиком, его объем и поверхность; оно может обнимать сразу несколько объектов одновременно, причем даже находящихся в разных точках пространства. Динамическое осязание, будучи фрагментарным, предполагает перемещение органа, например руки, по объекту (телу) и сегментирование объекта (тела) или его поверхности. Ср. такие специфические движения, как простукивание и прослушивание, являющиеся важнейшими элементами медицинской диагностики, а также поглаживание, совершаемое для получения впечатления от формы предмета или свойств материала, из которого он изготовлен.

Руки лучше, чем глаза, распознают и ощущают: (1) очень маленькие объекты, их размер, малую кривизну и наклоны; (2) пропорции, или отношения величин, особенно для малых значений соответствующих параметров. Кроме того, руки (3) лучше, чем какие-либо другие органы человеческого тела, приспособлены для распознавания самых незначительных, мельчайших движений, таких как, например, вибрации. Опытный водитель или автомеханик часто определяют, стучит ли мотор, то есть, как говорят профессионалы, *биение мотора*, положив на него руку, но иногда шофер делает это, просто сидя на сиденье и ощущая колебания телом. При движении руки зрение по возможности «следит» за движением и наряду с осязанием добывает сведения о свойствах поверхности объекта, о его пропорциях, о качестве материала или вещества. Использование двух или более перцептивных каналов в большинстве случаев приводит к более точным данным об изучаемом объекте.

Впрочем, то, что сенсорные модальности зрения и осязания и в реальности, и в языке наряду со своими областями приложения имеют *зону пересечения* действий, может осложнять получение нужной информации об объекте. При установлении некоторых свойств объекта, как мы уже видели, далеко не всегда можно указать, на основании какого из рассматриваемых способов восприятия мы это делаем или какая из сенсорных модальностей в данном случае является основной, а потому тут вполне возможны ошибки. Так, свойства *шероховатый*, *волосатый* и *пушистый* часто определяются *на вид*, но иногда, при малом количестве признака, их можно установить только *на ощупь*. Необходимую ей степень *густоты* супа или варенья хорошая хозяйка может определить зрительно, но предпочтительно подкрепить свой вывод с помощью ложки: тактильная информация гораздо надежнее. В булочной хлеб продав-

цы заворачивают в бумажный или полиэтиленовый пакет, в частности в гигиенических целях, поскольку *мягкость* хлеба определяется людьми исключительно на ошупь. Узкие ли платье или брюки, не всегда определяется зрением, для этого может потребоваться примерка, то есть восприятие признака телом. Вес коробки при большом ее объеме можно установить на глаз, поскольку в стереотипном представлении признаки объема и веса согласованы: большему объему соответствует больший вес. Однако, чтобы понять, действительно ли данная коробка тяжелая, в особенности если содержимое коробки неизвестно, ее обычно пробуют поднять, не доверяя ни зрению, ни предшествующему опыту.

В словарные статьи всех выделенных прилагательных и существительных (а также им подобных) следует, на мой взгляд, включать информацию о стереотипных сенсорных модальностях, с помощью которых человек определяет наличие у объекта описываемых этими словами свойств.

Осязание в каком-то смысле является процессом, прямо противоположным зрению. Так, я уже отмечал, что во время акта осязания, в отличие от акта видения, преобладает **индуктивный процесс восприятия объекта**, а именно происходит создание целостного образа объекта по его частям, как бы синтез образа объекта. Осязание предмета нередко напоминает действия слепого, ошупывающего человека. *Вот теперь я чувствую тебя всю* — эта фраза одного из персонажей фильма «Эммануэль» отражает последовательное тактильное восприятие частей тела главной героини и суммирование ощущений. Иногда, однако, мы позволяем себе проводить интеллектуальные операции индуктивного обобщения, не только устанавливая, например, температуру всего тела или предмета, прикладывая руку к какой-то одной точке, но и определяя ряд других его свойств, например своеобразно высказываемся по поводу болевых ощущений, основываясь на прошлом жизненном опыте или на существующих нормах. Прикладывая руку ко лбу, чтобы узнать температуру, прикасаясь к стакану, чтобы понять, горячая ли в нем вода, или ставя под мышку градусник, человек не совершает каких-либо последующих движений по поверхности тела; ср. странную фразу **Он двигал (водил) рукой по лбу ребенка, определяя, есть ли у него температура*. Но точно так же достаточно провести рукой по какому-то одному месту мужской щеки, чтобы вынести заключение о том, что мужчина плохо побрился или что не брит вовсе; ср. столь же нелепое предложение **Она водила рукой по его щеке, чтобы узнать, побрился ли он*; нормальное же высказывание *Она провела рукой*

по щеке, чтобы узнать, побрился ли он не выражает индуктивного обобщения.

Испытывая сильную боль, человек зачастую не способен ее точно локализовать и в таких случаях обычно говорит *У меня все (или: везде) болит*, хотя нередко он подсознательно прикладывает руку к тому месту или близко от того места, где болевое ощущение наиболее сильное, а вовсе не водит рукой по всему телу. Болевой опыт человека всегда субъективен, приобретается им с самого раннего детства и изначально тесно связан с жизненными событиями, социальными условиями и культурными факторами, а также с ролевым поведением. Все это позволяет человеку сравнительно легко строить общие суждения о месте, силе и характере боли по локальному ее восприятию.

Невозможность актов касания и осязания в той или иной жизненной ситуации приводит в действие разного рода компенсаторные сенсорные механизмы. Так, чтобы определить температуру человека или предмета, которые находятся от нас на большом расстоянии и потому недоступны непосредственному тактильному восприятию, мы пытаемся найти какие-нибудь косвенные признаки, которые дали бы нам более или менее достоверную информацию о температуре, в частности обращаем внимание на особенности поведения человека, на наличие или отсутствие пара над жидкостью, на температуру окружающего воздуха и пр.

Помехой касанию или осязанию может оказаться не только значительное расстояние от человека до предмета. Древесная или металлическая структура (например острие лезвия) может быть *видна* или *ясна на ощупь*, но практически далеко не всегда поддается ощупыванию. В таких случаях человек может иногда выносить суждения о свойствах материала, из которого сделан объект, или о внутренней структуре объекта, используя для этого тот или иной инструмент, например, раскалывая предмет ломом или разрубая топором, применяя рубанок или наждачную бумагу и т.п.

С точки зрения русского языка касание или осязание не может быть *нормальным*, *нарушенным* или *испорченным*: так, сочетания *нормальное зрение*, *нормальный слух* вполне приемлемы, а сочетания *нормальное касание* или *испорченное осязание* плохо интерпретируемы. Говоря о дефектах, связанных с тактильным восприятием, мы употребляем слово *чувствительность*: жалуемся на то, что *чувствительность нарушена*, или отмечаем *временную* или *постоянную потерю чувствительности*, но при этом мы все-таки тоже пользуемся не обычным языком,

а «медицинским». Можно *проверить зрение* или *слух*, то есть определить, насколько они соответствуют норме, но нельзя **проверить осязание*. Слова *косоглазие*, *близорукость* и *дальнозоркость*, *глуховатость* и *тугоухость*, наряду с чисто профессиональными медицинскими терминами типа *миопия* или *аудиопатия*, — это всё имена, обозначающие плохую работу зрительного и слухового каналов информации, но для обозначения смысла «плохого осязания» у нас таких узкоспециальных имен нет.

§ 6. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ПРИВЕТСТВИЯ И ПРОЩАНИЯ КАК ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЖЕСТОВЫХ КАСАНИЙ

Ключевые слова: жест, значение, тип, жестовый, касание, приветствие, прощание, симметричное приветствие, несимметричное приветствие, коммуникация, культура, культурное несоответствие, невербальный стиль.

Как уже говорилось в предыдущих параграфах, касания составляют важнейший элемент жестового поведения людей. Жесты приветствий и прощаний, одобрений и утешений, заключения договоров и союзов, скрепляемые рукопожатиями, невербальные выражения дружбы и любви — все включают в себя касания в качестве важнейшего составного элемента. Жестовые приветствия и прощания — это не просто обычаи и ритуалы, значение которых проявляется только тогда, когда люди по какой-либо причине их не исполняют. Невербальные приветствия служат для открытия встречи, а невербальные прощания — для завершения. Это церемонии, которые люди совершают, чтобы, прикоснувшись к другому, почувствовать его и напомнить партнеру, кто они друг другу и в каком социуме живут, чтобы снять напряжение от неожиданной встречи и успокоить партнера. Отклонения от норм приветствий и прощаний обычно плохо переносятся людьми, и не только потому, что разрушают личные связи, но и потому, что затрагивают систему общественных отношений в целом. Эгалитарным обществам свойственны более эгалитарные ритуалы, в обществах с высоко развитой иерархической структурой чаще применяются иерархические церемонии. Изменения в системе приветствий и прощаний обычно идут рука об руку с изменениями в общественной структуре.

Следует отметить, что с точки зрения особенностей процесса коммуникации невербальные приветствия более важны, чем прощания, поскольку то, как люди поздоровались, во многом определяет характер и стиль их дальнейшего общения. В разных странах и даже разных районах одной страны люди, как правило, приветствуют друг друга по-своему. Они или подходят близко друг к другу или находятся друг от друга сравнительно далеко, они принимают свойственные только для данной культуры или близких культур позы, смотрят в лицо или в глаза друг друга неодинаковое количество времени, а то и вообще не смотрят один на другого; они говорят в разных тональностях и разными жестами выражают свои чувства к другому человеку. В то же время бывают ситуации, когда отсутствие приветствий рассматривается как норма поведения. Так, если индивидуальные связи между людьми очень тесные или люди часто встречаются друг с другом, то вполне может отпасть необходимость в жестовом (но не словесном!) обозначении входа в контакт. Наоборот, чем дальше друг от друга отстоят люди по общественному положению и чем слабее проявляются их человеческие связи, чем более ритуализованной является данная культура и чем большее значение имеют в ней ритуалы приветствия, тем более важными являются именно невербальные формы вступления в речевой контакт и точность их соблюдения.

Полный, нередуцированный акт приветствия содержит пять последовательных стадий: (а) взгляд и узнавание; (б) приветствие на далеком расстоянии (типа подъема бровей или помахивания рукой); (в) пространственное сближение; (г) приветствие на близком расстоянии (типа рукопожатия или поцелуя); (д) отход и расставание. Впрочем, как мы уже видели, часто люди, приветствуя один другого, ограничиваются двумя первыми стадиями.

В работе Кендон, Фербер 1973 представлен интересный семиотический анализ приветствий. В течение довольно длительного времени авторы записывали на видеокамеру прием гостей, приходивших по одному или группами. Прием был устроен двумя относительно молодыми людьми, отцом с матерью, по случаю дня рождения их сына, которому исполнилось пять лет. Всего было зафиксировано около 70 отдельных актов приветствий; причем гости были самых разных возрастов. На кадрах, как отмечают авторы работы, ясно различимы как отдельные стадии невербальных и смешанных, вербально-невербальных, актов приветствий, так и исполняемые участниками этих актов жесты. Так, на снятых видеокассетах хозяй-

ка, сидевшая в саду под деревом, все время вытягивает шею. чтобы разглядеть, кто идет. Затем она поднимается на ноги с улыбкой, которую А. Кендон и Э. Фербер назвали *upper smile* (улыбка, при которой обнажается верхний ряд зубов; эта улыбка, как считают авторы, является наиболее характерной для обычных приветствий⁵³), и начинает движение в сторону гостя. На этом начальная фаза акта приветствия завершается.

Далее женщина медленно идет по тропинке, затем, чуть отклонив голову назад, говорит *Hi* («Привет, Здравствуйте») или что-то в таком духе, после чего голова ее немного опускается, и женщина отводит глаза (при этом женщина обычно поправляет прическу, одергивает платье, проводит по нему рукой и т.д., то есть исполняет серию жестов-экстерналайзеров из разряда прихорашиваний, см. об этих жестах в §11 главы 2). Это фазы дальнего приветствия и пространственного сближения.

Дойдя до определенного места — границы некоторого воображаемого коммуникативного пространства, — женщина снова на какое-то время останавливается в ожидании гостя, а тот продолжает движение и по мере приближения к смотрящей прямо на него хозяйке дома отворачивает взгляд: ответить женщине таким же взглядом он не может, поскольку в противном случае его глазное поведение весьма походило бы на вызов. Перед тем как подойти ближе к хозяйке, гость в очень быстрой последовательности наклоняет голову, поднимает руку или руки, поднимает голову и протягивает навстречу хозяйке руки с открытыми вверх ладонями; при этом гость обязательно улыбается. Хозяйка здоровается с гостем, обхватывая обе руки гостя своими, протягивая ему или ей руку (руки), обнимается или приветствует гостя еще каким-то способом. Фаза близкого приветствия пройдена.

После того как гость и хозяйка поздоровались, они делают шаг назад и отходят друг от друга на более далекое расстояние. Возможно, особенно если они не находятся между собой в близких отношениях, сразу же после приветствия они поворачиваются спиной друг к другу, и заключительная фаза акта приветствия завершена.

Описывая жесты приветствия и прощания, необходимо соотнести их с разными кинетическими признаками и с раз-

⁵³ Описываемая улыбка имеет несколько вариантов физической реализации — от улыбки, при которой в основном приподнимается лишь верхняя губа, чуть-чуть обнажая верхний ряд зубов (формальная улыбка приветствия), до улыбки, при которой рот открыт и верхние зубы полностью открыты (улыбка радости от встречи)

ными типами социальных, культурных, расовых и иных связей, функционально важных для данного народа. Это возраст и пол участников коммуникации, их образовательный и имущественный ценз, религиозная или кастовая принадлежность (в частности, регламентированы ли, и если да, то в какой степени, способы приветствия и прощания); это также индивидуальные характеристики жестикулирующего и адресата (в частности, свойственны ли им отношения, сохраняющиеся в настоящее время как реликтовые: например, в некоторых русских и украинских семьях дети, приветствуя мать, целуют ей руку), количественный показатель (двое приветствуют друг друга, один здоровается с несколькими людьми и т.п.), география жеста и среда обитания (страна или ее часть, город или село и др.), культурная ориентация. Вот что, например, пишет о себе и о своем отношении к приветствиям М. Варгас: «Я отношу себя скорее к дружелюбным людям. Например, я легко могу заговорить на улице с незнакомым человеком и никогда не упущу возможности поприветствовать того, кого хорошо знаю. Дома, в штатах Среднего Запада, подобное поведение относится к разряду достоинств, и потому естественно, что я продолжала так себя вести и во время путешествий. Однако вскоре после того, как в Боливии я познакомилась и стала встречаться со своим будущим мужем, он спокойно и вместе с тем достаточно ясно объяснил мне, что не следует так живо приветствовать мужчин, которых я встречаю на улице. Почему нет, я, однако, не понимала, особенно если учесть, что все эти люди — мои хорошие знакомые. Муж терпеливо пояснил, что в боливийской культуре скромные девушки и добропорядочные женщины никогда сами не заговорят с мужчиной до тех пор, пока тот первым не обратится к ним, поскольку женщина, первая вступившая в такой разговор, считается в обществе легко доступной. Тем не менее мне было очень не просто расстаться с привычкой, которая была у меня с самого детства» (Варгас 1986, с. 49).

Формы и способы приветствия у людей разных культур различны. Так, узбекское приветствие друг друга у мужчин сопровождается рукопожатием, а у женщин — похлопыванием по плечу, при этом мануальное приветствие обязательно сопровождается открытой, широкой улыбкой. В Иране женщина вообще не должна пожимать руку мужчине, и это относится не только к рукопожатию как к знаку приветствия, но и к, скажем, рукопожатию спортсменов во время ритуала их награждения мужчинами. А самоанцы из Западного Самоа при приветствии совершают очень сложный знаковый ритуал, состоящий из

серии вербальных и невербальных актов, объединенных общим смыслом инкорпорации, или включения в сообщество (Дюранти 1992). Гость принимается как новый член группы, как человек, уже интегрированный в существующий коллектив. Неожиданный приход гостя обычно оповещается громким криком человека, старшего по возрасту, после чего дети или прислуга бегут за специальными циновками, чтобы человек мог сесть (гостю положено сразу же сесть). Сидеть внутри помещения полагается, скрестив ноги, а бедра должны быть обернуты специальным материалом ('ie), причем касается это как женщин, так и мужчин. Смотреть на старших по рангу не принято, о чем я уже писал. Только после того, как вошедший сядет, он произносит словесные формулы приветствия, но еще до всех приветствий хозяева могут спросить гостя о том, как он или она живет, о его или ее близких, об их самочувствии, сказать несколько слов по поводу одежды гостя. В формальных ситуациях лишь вождям и другим лицам того же ранга разрешается сидеть по-другому, с одной ногой, покоящейся на бедре другой. Во всех случаях важно не выставлять ноги в направлении другого.

Любимые русскими людьми жесты-поцелуи запрещены на улицах Неаполя уже почти как пять столетий, а в 1910 году поцелуи были запрещены специальным законом на вокзалах Франции. Если в Китае на улицах не принято встречать человека не только поцелуем, но и объятием, то в Перу, напротив, люди почти исключительно приветствуют друг друга поцелуем в щеку. В Египте мужчина может целовать женщину на глазах других людей, только если она ему мать, жена или сестра, между тем как в Афганистане повсеместно принято приветствие **тройной поцелуй в щеку**: в левую, в правую и снова в левую.

В Индии в знак приветствия и прощания часто исполняется один и тот же традиционный жест **анджали** (форма «руки с прижатыми одна к другой ладонями направлены пальцами вверх; кончики пальцев находятся на уровне бровей, руки обычно разведены так, что их части от кисти до локтя располагаются горизонтально или под углом примерно 50—60 градусов друг к другу; голова чуть наклонена вперед»). В индуистском сознании этот жест считается аналогом рукопожатия; тем не менее индусы, ориентированные на западные формы поведения, **анджали** не пользуются, а применяют обычные рукопожатия (правда, исполняют рукопожатия только мужчины, причем не очень старые и не близкие родственники). Как считают индологи, касания и физический контакт у индусов играет значи-

тельно меньшую роль, чем у европейцев или американцев: индусам не свойственны, например, поцелуи (а на людях вообще можно целовать только детей) или объятия, даже такой вид объятия, как *hug*. Зато у жителей Индии в актах приветствия и прощания широко используются жесты рук, причем избираемый способ приветствия и прощания, как и в любой другой культуре, зависит от того, как жестикулирующий мыслит себе свою роль в социальной иерархии и каково ее отношение к роли собеседника, какими являются личные отношения между ними, в какой ситуации происходит данный акт и еще от очень многих других факторов.

Замечание. Принятые во многих странах Азии способы мануальной жестовой коммуникации, телесного контакта и обмена взглядами при приветствии и прощании в значительной мере детерминированы принципиально иными, чем европейские, психологическими, культурными и религиозными традиционными установками. Те проблемы, которые неизбежно приходится решать европейцу и которые связаны с осознанием себя и другого как участников некоторого совместного действия — например, как оградить свои права и свое личное пространство, не задев вместе с тем права другого — для носителя азиатской культуры не являются столь же актуальными. Психологическая доминанта невербального поведения, например, индуса заключается не в том, чтобы сориентироваться в данной ситуации, а чтобы строго придерживаться предписанного всем индусам кодекса поведения и вести себя в соответствии с правилами, выполнение которых от него как от индуса всеми ожидается. В частности, если он не знает, каким жестом нужно приветствовать того или иного человека или как следует правильно вести себя в ответ на невербальное приветствие, то он должен, согласно существующим правилам, стоять и просто улыбаться, ожидая, что другие придут ему на помощь и тактично объяснят, намекнут или подскажут, что он должен делать.

Любимый на севере и юге Америки приветственный жест *hug* редко можно увидеть в средней части этой страны. Не очень популярен этот жест и в центральной части России, тогда как в Германии, напротив, он вполне частый.

Замечание. О жесте-объятии *hug*⁵⁴ и его огромном смысловом и прагматическом потенциале рассказывает одно весьма примечательное американское детское стихотворение (цит по: The Mini-Scroll, St. Clair Shores: Springbrook Publications, Inc., 1993):

⁵⁴ Описание жеста *hug* дано в главе 5.

It's wondrous what a hug can do.
 A hug can cheer you when you are blue.
 A hug can say, «I love you so»,
 Or «Gee, I hate to see you go».

A hug is, «Welcome back again!»
 And «Great to see you!» or «Where you have been?»
 A hug can sooth a small child's pain
 And bring a rainbow after rain.

The hug! There's just no doubt about it,
 We scarcely could survive without it.
 A hug delights and warms and charms,
 It must be why God gave us arms.
 Hugs are great for fathers and mothers,
 Sweet for sisters, swell for brothers.
 And chances are some favorite aunts
 Love them more than potted plants.

Kittens crave them. Puppies love them.
 Heads of state are not above them.
 A hug can break the language barrier,
 And make the dullest day seem merrier.

No need to fret about the store of 'em
 The more you give, the more there are of them
 So stretch those arms without delay
 And give someone a hug today.

Используемые в данном невербальном языке способы приветствий и прощаний можно разбить на классы по самым разным основаниям и построить семиотически содержательную внутриязыковую типологию жестов приветствий и прощаний. Так, по степени закреплённости в обществе жесты делятся на социальные и индивидуальные, по уровню формализованности — на регламентированные и нерегламентированные, по отношению к прошлому — на традиционные и нетрадиционные (инновации), по отношению к другим культурам — исконные и заимствованные, по характеру жеста — на экспрессивные и неэкспрессивные, по длительности — на долгие и краткие, по форме — на полные и редуцированные.

Семиотические акты приветствий и прощаний можно делить по объёму, то есть по количеству исполняемых в них жестов, по наличию/отсутствию речевой части, то есть обязательного

речевого сопровождения в виде особых формул, параязыковых клише и т.п., по числу и/или структурной конфигурации лиц, участвующих в данном акте (с такими, например, возможными значениями для актов приветствий, как «один здоровается обязательно с одним», «один здоровается обязательно с более чем одним, но по отдельности с каждым», «один здоровается сразу с группой людей» и др., по контексту, в рамках которого исполняется данное приветствие или прощание (например, в семье, на улице, в учреждении и др.), по личностным характеристикам участников данного коммуникативного акта (пол, возраст, физическое здоровье, психическое состояние и т.д.), по сравнительной социальной иерархии жестикулирующего и адресата и по еще очень многим признакам.

Среди жестов приветствия (а также и среди жестов прощания) можно выделить две особые группы: **симметричные** — знаки **солидарности** и **несимметричные** — знаки **уважения**. Во время симметричных приветствий обе стороны производят тождественные или сходные невербальные знаковые действия, а в ходе несимметричных приветствий один из участников ситуации общения выполняет действия, которые другой не выполняет. Несимметричное приветствие в зависимости от значений различных кинетических признаков, таких как возраст, пол, положение тела (например, наклонное оно или прямое), степень активности, тип взгляда (например, прямой или в сторону) и пр., может интерпретироваться как совокупность знаковых действий, выражающих доминацию или подчиненное положение человека. При симметричных приветствиях использование каких-либо кинетических характеристик, определяющих доминацию или подчинение, по правилам жестового поведения не допускается. Избираемый способ приветствия обусловлен личными отношениями партнеров и тем, как они представляют себе свой статус по отношению к партнеру в социальной иерархии.

Приветствия солидарности и прощания солидарности не идеально симметричны хотя бы по той тривиальной причине, что кто-то всегда первым начинает приветствие, а другой это приветствие подхватывает. Партнеры никогда не начинают последовательность действий вместе, хотя заканчивают приветствие и прощание одними и теми же действиями (см. об этом Коллет 1982). Инициатива всегда принадлежит кому-то одному из участников коммуникации, причем то, кому она принадлежит, зависит от самых разных обстоятельств, едва ли поддающихся исчислению, например один человек приходит к другому в гости, один вынужден подойти к другому на ули-

це, один узнал другого, увидев в театре или ресторане, и т.п. В подобных <квази>симметричных солидарных приветствиях инициатива имеет смысл «приглашения к взаимодействию, диалогу», тогда как в несимметричных приветствиях уважения она носит характер «просьбы», «прошения».

Симметричные приветствия и прощания отличаются друг от друга помимо смысла еще и условиями употребления. Так, предварительные действия, которые предшествуют, например, рукопожатиям, такие как снятие перчаток или головного убора, могут быть сделаны одним из участников диалога, когда его партнера перед ним нет, когда тот отсутствует, а действия, предваряющие жесты прощания (расставания), неизбежно выполняются в компании другого участника коммуникации (последнее наблюдение мы заимствовали из книги Гоффман 1971).

Наконец, жест-приглашение к взаимному приветствию, например **протянуть руку для рукопожатия**, часто прочитывается как знак положительного отношения к адресату, а приглашение к прощанию, напротив, может интерпретироваться как проявление со стороны инициатора прощального жеста негативных чувств к партнеру (см. о жестах прощания также в Кнапп и др. 1973).

Даже в сравнительно гомогенной группе людей возможны значительные расхождения в тактильном поведении, особенно при приветствии. Например, американцы, как показывают проведенные мной визуальные и фотонаблюдения, а также ответы американских студентов на вопросы предложенной нами анкеты, очень легко отличают невербальный стиль общения, и в частности, способы приветствия коренных латиноамериканцев, или «испанцев», от приветствий белых американцев, «anglo». По данным антрополога Р. Шатера, выделившего и описавшего элементы жестового, тактильного и проксеимного поведений жителей стран Латинской Америки, даже внутри самой латиноамериканской культуры существует значительная вариативность приветствий. Например, костариканцы гораздо больше любят касания, чем панамцы, а панамцы — более трогательный народ по сравнению с колумбийцами (Шатер 1976). маори из Новой Зеландии встречают и провожают людей, обнимая их за шею и плача (Фрэйзер 1919), а эскимосы, жители юга Аляски, приветствуют гостей легкими ударами по плечам и голове. Некоторые народы, населяющие берега Амазонки, в знак приветствия шлепают друг друга по спине, а полинезийцы

обнимают и ладонями потирают спину друг друга. На островах, расположенных между северо-восточной Австралией и южной частью Новой Гвинеи, издавна существует следующая форма приветствия: слегка согнутые пальцы правой руки сцеплялись с пальцами правой руки партнера, после чего выпрямлялись таким образом, чтобы можно было скрести ими ладонь партнера, и эта последовательность движений повторяется несколько раз (ЛяБар 1947). У айнов мужчина при встрече с женщиной — близкой родственницей, например с сестрой, берет ее обе руки в свои и держит в течение нескольких секунд, затем внезапно освобождает руки, хватает ее руками за уши и издает традиционный айнский крик радости. Затем какое-то время они молча глядят друг друга по лицу и плечам. Мужчины народа каян с острова Борнео при приветствии гостя обнимают или обхватывают один другого, берут за предплечья, затем хозяин забрасывает руку через плечо гостя и любовно поглаживает ладонью его спину. Мужчины-курды хватают правую руку друг друга, поднимают вверх, и каждый целует руку партнера (Вильямс 1966, с. 29 и след.). На Андаманских островах в Бенгальском заливе, когда встречаются двое друзей или родственников, которые долго не виделись, они приветствуют друг друга, сидя на колене один у другого. Руки каждого обвиты вокруг шеи партнера или партнерши, при этом они плачут или громко причитают несколько минут. Так здороваются, например, два брата, отец с сыном, мать с дочерью, муж с женой, причем именно муж сидит на коленях у жены. Когда же близкие расстаются, один из них поднимает вверх руку другого, подносит ко рту и нежно дует на нее (Радклифф-Браун 1922/1964, с. 117).

В статье Холл, Уайт 1960 приводится следующий любопытный случай культурного несоответствия в актах касания у двух народов, которое имело своим последствием серьезную коммуникативную неудачу. Однажды один американский бизнесмен, находившийся с деловым визитом на острове Ява, был приглашен на коктейль. И здесь американец, сам того не желая, разорвал невидимые культурные канаты, которые определяют границы приемлемого поведения. Он хотел завязать деловые отношения с одним из бизнесменов — жителей Явы и успешно продвигался в намеченном направлении. Однако когда вечер уже близился к концу, американец положил руку яванцу на плечо, причем сделал это в присутствии других людей. Такое поведение было сочтено совершенно беспардонным и унижающим достоинство человека, поскольку нарушало давний традиционный этикет. И хотя американский бизнесмен

почти сразу же принес своему яванскому коллеге самые искренние и изысканные извинения, завязать деловые отношения уже было невозможно.

Представляется очевидным, что культурные расхождения в жестах приветствия и прощания, как и в тактильном взаимодействии людей в целом, по существу являются различиями в семантике самих жестов, а также различиями в функциях и степени значимости и тактильного поведения для данной культуры. Если трогать человека является культурной нормой у некоторых народов, то касание партнера в процессе коммуникации не может интерпретироваться в языке тела этого народа как вторжение в личную сферу человека (о понятии личной сферы см. в работе Апресян 1986б; см. также замечания по поводу понятия «личное пространство» в следующей главе).

На значение и интерпретацию жестовых касаний влияют следующие важнейшие факторы:

(1) **какая часть тела и какую трогает.**

Касание губами руки явно имеет не ту же семантику, что касание губами губ. Точно так же, когда мужчина и женщина идут, взявшись за руки, данная поза значит одно, а когда женщина идет рядом с мужчиной и берет его под руку, то такая поза значит совсем другое;

(2) **продолжительность жеста.**

Высказывания *Он задержал ее руку в своей* и *Он быстро отдернул руку* имеют, конечно, совершенно разные осмысления. Жест **продолжительный поцелуй в губы** не синонимичен жесту **быстрый поцелуй**: если первый — это, бесспорно, жест выражения любви, то второй такого смысла не имеет.

Замечание. В книге Найроп 1901/1968, с. 8 говорится, что старые евреи-раввины признавали только три вида поцелуев, а именно поцелуй приветствия, прощания и уважения. Римляне тоже различали три вида поцелуев, но другие: *oscula* «дружеские поцелуи», *basia* «поцелуи любви» и *suavia* «страстные поцелуи».

(3) **Имеется ли помимо касания давление (сжатие) части тела партнера, и если да, то насколько сильное.**

Рукопожатие «вялой» рукой — это одна разновидность жеста [ср. *Это был крупный мужчина с широким тазом, узкими плечами, а также с большими, пухлыми и всегда теплыми руками. Он всегда был очень приветлив и всегда при встрече всех целовал, даже если вчера с этим человеком виделся. А если не целовал, то неизменно протягивал вялую руку для рукопожатия, и пожимать эту руку было так же приятно, как связку подогретых сарделек*

(В. Качан. «Роковая Маруся»)], а рукопожатие «мужской» рукой совсем другая. Эмблематический жест **взять за локоть**, средний по силе, относится к семантическому типу коммуникативных жестов и может означать следующее (мы приводим толкование только одного из возможных значений жеста): «жестикулирующий (обычно это мужчина) показывает, что он хочет отвести адресата в сторону, чтобы с ней/ним побеседовать наедине». Жест **сжать локоть** тоже имеет несколько значений и в каждом случае предполагает за касанием приложение силы. Так, жестовая лексема **сжать локоть 1**, номинация жеста, обращенного к женщине, предполагает приложение со стороны исполняющего этот жест мужчины силы, большей, чем нужна для жеста **взять за локоть**; жест **сжать локоть 1** является символическим и выражает сексуальное желание; ср. *Он делал счастливое лицо и улыбался всякий раз, когда его спрашивали, как поживает самая прочная супружеская пара в Париже. Отшучивался, нес какую-то забавную ерунду и не отпускал при этом мой локоть, сжимая его изо всех сил* (Ф. Саган). А еще один мужской жест **сжать локоть 2**, адресатом которого может быть уже человек любого пола, требует, вообще говоря, применения еще большей силы и выражает желание жестикулирующего предотвратить, по его мнению очевидную и немедленную, реакцию адресата жеста на действия или слова третьего человека, например удерживать таким способом адресата жеста от произнесения каких-то слов, которые, если бы были высказаны, могли бы причинить зло адресату или каким-то другим лицам;

(4) происходит ли движение после того, как произошел контакт, и если да, то какое.

После рукопожатия некоторые мужчины трясут сцепленными вместе руками — это, например, часто бывает при произнесении каких-то поздравительных слов. **Поглаживание** — это всегда движение вдоль поверхности тела, а **шлепок** — это отрывистый, быстрый, не очень сильный, однократный удар. **Похлопывание по плечу** — это обычно три-четыре удара, очень слабые по силе и наносимые по одному и тому же сегменту области плеча; важную роль в этом жесте играет звук;

(5) присутствуют ли при касании посторонние люди, и если да, то кто они.

Интимные касания не предполагают присутствия посторонних людей. **Рукопожатия** совершаются как на людях, так и вне посторонних глаз, но если омонимичная рукопожатия жестовая форма обозначает «пари», при котором сцепленные руки следует *разбить*, то присутствие, по меньшей мере еще одного, третьего человека, «разбивающего», почти обязательно. Им

бывает обычно человек, являющийся знакомым или другом двух спорящих (в русской культуре в норме не принято просить совсем незнакомых или малознакомых людей, чтобы они разбили руки спорящих). Такого человека специально просят: «Разбей!». И **разбить шар** — это тоже жест, по форме — однократный удар, совершаемый сверху вниз и который должен приходиться именно в то место, где сцеплены руки, причем «посередине», как говорят дети;

(6) **тип контекста**, а **рамках** которого происходит касание.

Прикосновение к руке или касание плеча скорбящего человека во время похорон на кладбище или во время траурной церемонии, где слова неуместны, — это невербальное (тактильное) выражение сочувствия или утешения, знак солидарности и единения с адресатом жеста в общем с ним горе. И совсем другое означает касание рукой плеча или руки товарища во время, например, спортивной эстафеты или игры: это сигнал того, что наступила очередь бежать (или, в ситуации игры, если не бежать, то действовать как-то иначе, причем вид действия определен правилами игры) человеку, которого коснулись. Иными словами, это сигнал передачи хода партнеру по команде.

Ряд исследований был посвящен вопросу о том, связаны ли между собой, и если да, то как, конкретный тип речевого акта (вопрос, ответ, передача информации, ее принятие, обращение за советом, получение совета, просьба, выражение согласия выполнить просьбу, приказ и т.п.) и касание. В книге Хенли 1977, с. 105 и след. описан проведенный ее автором эксперимент, во время которого всем участникам был задан один вопрос: как они думают, касался бы их человек, выполняющий одновременно роль субъекта речевого акта (всего испытуемым было предложено ответить на вопрос о 20 речевых ситуациях типа приведенных выше). Предварительная гипотеза Н. Хенли заключалась в том, что (1) человек, который общается своему коммуникативному партнеру некоторую информацию, дает ему совет или, например, отдает приказ, находится, пусть даже временно, в доминантной позиции, что (2) люди, просящие оказать им некоторую услугу или пытающиеся убедить кого-то что-то сделать, навязывают адресату свою волю и тем самым пытаются занять такую позицию⁵⁵ и что

⁵⁵ См. об этом также статью Баранов, Крейдлин 1992а, где все подобные импозитивные отношения между участниками коммуникации были рассмотрены как частные разновидности отношения иллокутивного вынуждения.

(3) доминанция прямо связана с большей вероятностью касания. Также предполагалось, что (4) человек, находящийся в более возбужденном или взволнованном состоянии, теряющий над собой контроль или нуждающийся в поддержке или помощи, больше хочет, чтобы касались его, нежели сам касаться партнера. В результате опроса почти все предварительные гипотезы подтвердились — за исключением одной, согласно которой взволнованный человек больше трогает своего партнера. Иными словами, отношение доминанции и ситуация, в которой один из участников коммуникации находится в доминантной позиции перед своим партнером, при отсутствии иных «возмущающих» факторов увеличивают вероятность появления в соответствующем коммуникативном акте параллельного невербального акта касания;

(7) характер стиля невербального поведения и взаимоотношений между партнерами.

Р. Хеслин (Хеслин 1974) выделил пять типов невербальных стилей (он сам называет их ситуациями, хотя, на мой взгляд, то, о чем он говорит, это скорее стили невербального поведения) и пять типов характерных для каждого из них отношений между коммуникантами: (а) функциональный стиль и деловой (профессиональный) тип взаимоотношений; (б) социальный стиль и вежливость как тип отношений; (в) стиль дружеского общения и теплота; (г) любовное общение и близость (интимность); (д) сексуальное общение («сексуальный контакт» в терминологии Р. Хеслина) и сексуальное возбуждение. В данную классификацию сознательно не включаются «отрицательные» касания, такие как **шлепки**, **щелчки**, **пощечины** и пр., поскольку эти жесты-касания гораздо более редкие (хотя, разумеется, классификацию можно было бы легко дополнить). Мы здесь этого тоже не делаем, так как приведенная классификация нужна нам лишь для иллюстрации выдвигаемого нами тезиса о влиянии стиля невербального поведения и типа отношений между партнерами на значение и интерпретацию жестов касаний.

В функциональном невербальном стиле, когда связи между партнерами чисто деловые (например, в русской культуре в социальных ситуациях общения врача с пациентом, парикмахера с клиентом, тренера со спортсменом, учителя с учеником), один из партнеров касается другого, если хочет сделать для того что-то или если хочет, чтобы тот другой сделал для него самого что-нибудь. Иными словами, значение касания здесь — «привлечение внимания адресата для осуществления последующего речевого акта: просьбы, приказа, совета и пр.».

При функциональном стиле общения в целом ряде случаев разрешены, а иногда и необходимы прикосновения к различным интимным местам человеческого тела, как, например, в ситуациях общения портного, банщика или массажиста со своими клиентами, врача с пациентом. Само по себе это обстоятельство, однако, еще не делает касания интимными. И вообще, не будь отношения между участниками коммуникации сугубо деловыми, подобного рода касания при достаточно малой степени знакомства были бы совершенно недопустимыми.

В каждой культуре в социальном невербальном стиле и вежливых отношениях существуют жесткие нормы, предписывающие, кто, кого, как и когда может трогать. Из наиболее типичных жестов здесь можем назвать **рукопожатия** (см. описание условий употребления русского рукопожатия — жеста мужской субкультуры — в гл. 5), поцеловать руку, подать руку 2, когда мужчина помогает женщине, например, выйти из автобуса. Языковое отображение этих жестов может быть богаче невербального, насыщаясь дополнительными смыслами. Так, в предложении *«Но вы! Кто же вы, наш ангел, наше Провиденье?»* — восклицала вдова, покрывая поцелуями руки императрицы (М. Алданов) сочетание *покрывать поцелуями руки* — это выражение не только почтения перед царственной особой, но и благодарности за некое оказанное ею благодеяние. В русском дворянском обществе дети обычно благодарили родителей за обед, почтительно целуя им руки.

Смысловой инвариант этих жестов-касаний можно в первом приближении сформулировать следующим образом: «демонстрация признания другого человека как имеющего данный социальный статус (в частности, признание в коммуникативном партнере женщины, признание у адресата статуса «высокого лица», например религиозного, установление отношений равенства с адресатом и т.п.) и установление связи, единения со своим коммуникативным партнером (например, соучастие с ним в каком-то деле)».

Взаимные касания, или невербальные реципроки, такие как мужские рукопожатия, могут в ряде случаев нивелировать различия в социальных статусах. Как пишет Д. Шифрин, «когда за руку здороваются мужчины, это означает не только их равное участие в данном ритуале, но и равное достоинство двух людей» (Шифрин 1974, с. 190). Рукопожатие — это не только намерение продемонстрировать отсутствие оружия и мирные намерения (Холл П., Холл Д. 1983), но и, учитывая важные смысловые компоненты взаимности и симметрии, демонстрация равенства и солидарности (см. описание этого жеста в

гл. 5), это знак того, что после рукопожатия партнеры становятся доступны один другому, готовы общаться или участвовать в некотором совместном предприятии; ср. *руки, созданные для рукопожатия во время опасности* (О. Мандельштам).

Интересно сопоставить рукопожатие как жест близкого приветствия с жестом *махать рукой* 1 (в направлении «слева направо») как жестом приветствия на расстоянии. Приветствие, совершаемое на дальнем расстоянии (дальнее приветствие) в виде жеста *махать рукой*, содержит в своей семантической структуре императивный компонент, который делает данный невербальный знак непригодным для использования при встречах с людьми более высокого статуса. К тому же жест намекает на некую интимность отношений между участниками коммуникации, неприемлемую в данном стиле общения. В связи с жестами рукопожатие и *махать рукой* представляет интерес одно замечание современного английского психолога и антрополога П. Коллета о поведении европейцев и американцев: «Когда европеец или американец машут рукой другому человеку на далеком расстоянии в знак приветствия, они исполняют этот жест с целью привлечь внимание адресата, показать, что адресата заметили или опознали, а также предупредить его о возможном предстоящем приветствии на близком расстоянии. Следовательно, приветствия на дальнем расстоянии представляют собой своеобразные невербальные ритуалы, выражающие просьбу о разрешении доступа к другому, а само отношение между партнерами проявляется только при близком приветствии. Если приветствия на дальнем расстоянии предполагают, что адресат в ответ каким-то образом покажет или обозначит, будет ли он доступен и открыт для общения, то близкие приветствия применяются для выражения разных степеней солидарности и уважения» (Коллет 1982, с. 84).

Таксономический класс «дружба-теплота», в отличие от двух предыдущих, определяет неформальные отношения между партнерами по коммуникации. Для дружеского невербального стиля общения типичны возникновение недоразумений и частые коммуникативные провалы из-за того, что в интерактивном акте один из участников, как правило мужчина, прибегает к касаниям, присущим совсем другому, любовному, стилю общения. Реакциями на подобное «нахальное» поведение могут явиться невербальные «касания» совсем иного типа: *пощечины*, «*вырывания из рук*» и т.п., часто сопровождаемые словесными репликами *Пусти*; *Отстань*; *Ты что, с ума сошел?* и др. Эти реплики говорят о явной неуместности и резком осуждении адресатом такого поведения. С другой стороны, то

же невербальное поведение может быть оценено и как выказывающее любовь или сексуальное влечение, хотя и в этих случаях касания способны привести к коммуникативным, да и не только к коммуникативным, конфликтам. Различная интерпретация стилей и отношений в невербальных событиях-касаниях — это один из основных источников недоразумений, ссор и полного разрыва человеческих отношений.

В известной работе Нгуйен и др. 1975 была предпринята попытка определить, на касания какого типа и значения реагируют мужчины и женщины (хотя стиль общения в явном виде в работе зафиксирован не был, из текста статьи ясно, что речь идет о неформальном дружеском общении). Когда незамужних и неженатых студентов попросили ответить на вопрос, как они относятся к тому, что представители противоположного пола применяют к ним такие жесты-касания, как *pat* «похлопать», *stroke* «погладить», *squeeze* «прижать к себе» и *brush* «<слегка> коснуться, задеть», что они при этом испытывают и что, по их мнению, может означать использование этих жестов, ответы девушек и юношей были совершенно разными. Для девушек крайне важным было место касания — даже в большей степени, чем способ касания, в то время как для юношей способ касания существеннее, чем место. Далее, студентки выделяют такие смыслы, как «любовь» и «дружба», — когда местом касания были руки, голова, лицо, плечи и верхняя часть спины. Девушки резко отрицательно отнеслись к касаниям груди и гениталий и отделили касания, обозначающие любовь и дружбу, от касаний, выражающих сексуальное желание. Для юношей, однако, «приятное ощущение», «любовь», «теплота отношений» и «сексуальное влечение» выражаются более или менее одинаково, одними и теми же касаниями, то есть девушки оказались намного более чувствительны к различиям в тактильных формах выражения указанных смыслов.

В любовном невербальном стиле общения, который сочетается с очень близкими, интимными, отношениями между партнерами, и в сексуальном контакте касания передают смыслы «сексуальное желание» и «любовь». Способы касаний (ср. слова и сочетания *нежные, ласковые прикосновения, поцелуи, интимные касания, поглаживания*) и места касаний не должны вызывать у партнеров даже малейшего ощущения дискомфорта. Любовные и особенно сексуальные касания должны быть приятны обоим партнерам и доставлять им обоюдное удовольствие/наслаждение, и эта информация входит в смысл соответствующих жестов.

По мере перехода от функционального стиля к сексуальному растет не только индивидуация партнера, то есть выделение его в обществе, но и самоидентификация, или самоопределение: происходит как бы движение от человека — социальной личности к человеку частному, индивиду. Однако наиболее нейтральным стилем для касаний является всё же не функциональное, а дружеское общение и сопряженная с ним теплота взаимоотношений: именно здесь человек, полностью контролируя свои действия, что далеко не всегда бывает в сексуальном стиле невербального общения, более свободен в выборе жестов-касаний (по сравнению с другими невербальными стилями и отношениями) и более толерантен к возможным отклонениям от нормы. Жестовое касание является прежде всего актом связи, установления контакта с коммуникативным партнером, а потому на уровне дружеского общения, когда уже не просто завязаны контакты, а установлены тесные отношения, люди вполне открыты для разнообразного по форме тактильного подтверждения своей близости друг к другу.

Подведем итог. Из множества **кинетических переменных и параметров**, которые должны использовать правила, призванные описывать тактильное поведение человека в невербальной коммуникации (**правила тактильного поведения**), мы выделили и подробно рассмотрели в этой главе следующие: **социальное положение партнеров, пол, степень знакомства, отношение участников коммуникации друг к другу и к самим актам касания, стиль тактильного поведения, физическое и психологическое состояния партнеров, присутствие в акте коммуникации «третьих лиц», тип касания** (например, **статичное** оно или **динамичное**) и его значение. Другие, по-видимому не менее важные, факторы, определяющие тактильное поведение людей в коммуникативном акте, такие как количество участников тактильной ситуации (например, участвуют в ней двое или более лиц), возраст участников, тип культуры или субкультуры, в рамках которой происходит тактильное общение (см. в этой связи исследование Шатер 1977), и сопровождается ли тактильная коммуникация зрительной или какой-либо иной, и если да, то каковы правила взаимодействия тактильной с другими знаковыми системами, были сознательно оставлены нами в стороне. Полный анализ влияний каждого из параметров на тактильную коммуникацию и формальное описание их соотношений друг с другом в невербальной семиотике еще предстоит провести. Наука гаптика находится пока лишь в начале своего рож-

дения и исследовательского пути: она еще только создает свой язык, выявляет и описывает необходимые формальные и содержательные противопоставления, совершенствует понятийный и терминологический аппарат и определяет круг проблем, идей и подходов к их решению. Именно поэтому в настоящей главе мы ставили перед собой не более чем скромную задачу продвинуться в этом направлении.

Глава 8

ПРОКСЕМИКА: КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА

§ 1. ПРАВИЛА ПРОКСЕМНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: проксемика, пространство, коммуникативный, коммуникация, концептуализация, проксемный, поведение, правило, универсальный, культурно-специфичный, восприятие.

Проксемика — это наука о **пространстве коммуникации**, или **коммуникативном пространстве**, это наука о том, как человек мыслит **коммуникативное пространство**, как его обживает и использует. Предметом проксемики является невербальная концептуализация и культурная организация пространства, изучение способов восприятия, организации и использования пространства людьми во время коммуникации. О различных видах пространств и их возможных естественно-языковых концептуализациях существует достаточно большая литература (см., например, работы Апресян 1995; Всеволодова, Владимирский 1982; Селиверстова 1983; Талми 1983, а также Крейдлин 1994а). Ниже речь будет идти в основном о **невербальных способах концептуализации пространства коммуникации в их соотношении с вербальными**.

Выдающийся американский антрополог, один из создателей проксемики Эдуард Холл к частным задачам проксемики относил: (1) изучение структуры естественной или специально построенной коммуникативной среды; (2) построение типологии коммуникативных пространств; (3) описание значений и функций различных характеристик коммуникативной среды и семиотических — вербальных и невербальных — средств их выражения в акте коммуникации; это прежде всего расстояния (дистанции), сознательно или неосознанно реализуемые в межличностных взаимодействиях, взаимные положения и ориентации тел партнеров (см. Холл 1968). Кроме того, современную проксемику интересуют (4) анализ вербального и невербального диалогического поведения людей в коммуникативных пространствах разных типов и (5) культурные и соци-

альные функции и смыслы тех пространств и пространственных объектов, которые имеют непосредственное отношение к человеку, например исчисление смыслов, которые регулярно приписываются различным пространствам в зависимости от действий, совершаемых находящимися в этих пространствах людьми, внешние или внутренние формы жилищ и связанные с ними людские суеверия, элементы среды обитания, трудовой деятельности и отдыха человека и их семиотизация.

Каждый народ видит пространственное устройство бытия в особой проекции, которую можно назвать **национальная концептуализация пространства**. Приведу ряд примеров культурных функций проксемного поведения и проявлений культурных смысловых различий в национальной концептуализации пространства, связанных с проксемным поведением человека.

Согласно представлениям нанайцев⁵⁶, описанным в нанайских народных легендах и сказках, шаманы, вступая в поединок со своими врагами, никогда для этого не сходятся, так сказать, телесно. Они как жили, так и продолжают жить на большом расстоянии друг от друга, а в сражение вступают только их души (души шаманов всегда живут вне тела и находятся в недостижимом для противника месте, как у русских колдунов, — в яйце, на острие иглы, в какой-то птице). Внешне это выражается в том, что шаманы надолго засыпают, а потому сроки поединка шамана с противником — несколько дней и ночей без перерыва, год, несколько лет — не кажутся фантастическими.

На домашних цыганских застольях женщины и мужчины сидят в разных комнатах. А в зале московского ресторана «У яра» столы разделяет проход, и женщины и дети сидят слева, а мужчины справа от него.

«Под латинским *spatium* (откуда английское *space* и французское *l'espace*) лежит интуиция шагания: глагол *spatior* — шагать; ср. немецкое *spazieren*, то есть пространство мыслится рубленным, дискретным. Немецкое же *Raum* (от *rdimen* — очищать) — есть “чистое”, “пустое”. В картине мира здесь приемлема пустота, тогда как романский гений преследуем “страхом пустоты” (*horror vacui*), и здесь вняты континуум и полнота (такова космогония по Декарту и Лапласу)», — пишет Г. Гачев в статье Гачев 1987. Характеризуя итальянскую пространственную картину мира, Г. Гачев отмечает такие ее важные компо-

⁵⁶ Нанайцы — это небольшой по численности народ, живущий в Хабаровском крае по берегам Амура. Их родной язык, нанайский, входит в семью алтайских языков (подгруппа южных, или приамурских, тунгусо-маньчжурских языков).

ненты, как вертикальность (Г. Гачев использует здесь термин «статурность») и опускание. Вертикальность проявляется в том, что, например, *комната* — по-итальянски *stanza*, то есть «стоянка», а не как, например, по-французски *logement* «лежанка». И итальянское *стихи* — это «стансы», и «Как живешь?» по-итальянски *Come sta?* — буквально «как стоишь?», тогда как в культуре англосаксов, где человек — *self-made*, буквально «самосделанный», тот же вопрос звучит как *How do you do?*, то есть буквально «Как делаешь?», а по-французски *Comment ça va?*, то есть фактически «Как идется?» (и то же по-немецки: *wie geht's*). По поводу концепта опускания Г. Гачев замечает: «Космос опускания (купола = тверди неба на земле) прочитывается и в открытии и в совершенстве здесь архитектурной формы купола, и в арке, и в нисходящих дифтонгах, преобладающих в итальянской фонетике: *io*, *ua*, и в теории свободного падения у Галилея, и в типе мелодики итальянских песен и арий, которые, как правило, начинаются с вершины и ниспадают секвенциями («Санта Лучия», например, или тема неаполитанской тарантеллы и проч.), тогда как в немецкой мелодике тема обычно восходит, вырастает по модели древа (ср. аналогичные по содержанию: предсмертный дуэт Аиды и Радамеса у Верди и сцену смерти Изольды у Вагнера). <...> Гете обратил внимание на то, что возносящаяся мадонна на картине Тициана смотрит не вверх, на небо, но вниз».

Одним из любимых предметов проксемики является семиология (то есть наполнение культурными смыслами) различных частей дома, что нельзя никак считать случайным, поскольку дом, квартира, комната — это основные личные территории человека. Проксемика ищет ответы на разнообразные вопросы, связанные со смысловой нагрузкой этих пространств. Например, ее интересует, почему бельэтаж традиционно считается хорошим этажом, а для простолюдинов обычно отводят первые этажи, или почему вообще верхняя часть дома издревле считалась чистой, а нижняя — нечистой (Цивьян 1988) и какова пространственная организация дома, в частности символика углов дома и его частей. Ее предметом является семиотика дверей⁵⁷, лестниц и окон, описание того, как исполь-

⁵⁷ По мнению замечательного немецкого социолога Георга Зиммеля, дверь символизирует соединение и разъединение пространств, а также неразрывную связь открытого и замкнутого пространств и непрерывное перетекание одного в другое. Организуя пространство, дверь выделяет свое из общего и становится проводником между миром общих и миром «моих» значений. Поэтому открытая дверь является знаком готовности к контакту, к встрече и служит символом доброжелательности и доверия к друго-

зуются разные части дома в разных вербальных и акциональных ритуалах, например во время семейных встреч, празднования именин, в свадебных церемониях, похоронных обрядах и др., и многое другое.

В этой связи можно назвать такие важные в культурном, социальном и коммуникативном плане понятия, относящиеся к компетенции проксемики, как свое и чужое пространство, открытая и замкнутая территория, желательные и нежелательные помещения, чистая и нечистая половина дома (обычно, соответственно, верхняя и нижняя), теснота и перенаселенность. Например, большое или более свободное пространство — это прерогатива сильного и богатого человека, а бедным и слабым, как правило, отводятся пространства маленькие, тесные, неудобные, плохо охраняемые и защищаемые. Таким образом, обладание большим пространством имеет высокую социальную ценность, что проявляется даже в таких, казалось бы, жизненных «мелочах», как, например, отводимое на бумаге место для подписи и размерах самой подписи (см. весьма любопытную статью на эту тему Цвайгенхафт 1970), и является одной из важнейших форм принадлежности.

Понятия двора, кухни, чулана, красного, или переднего, угла избы, комнаты, чердака и их семиотизация в разных культурах и этносах тоже входят в область проксемики как науки о невербальной концептуализации и культурной организации коммуникативного пространства. См., например, следующее замечание: «в углоцентрических комнатах венгерского крестьянского жилища место главы семьи совпадало с местоположением “красного угла”. В рамках этой системы пространственная структура укрепляла авторитет главы семьи, поддерживала традиционную семейную структуру. Реорганизация пространства часто отражает установление новых семейных связей»

му; ср. *У нас дома двери не закрываются, Мои двери всегда открыты для вас* или *День открытых дверей*. Напротив, закрытая дверь свидетельствует о нежелании контакта, об отчужденности и скрытности. Закрытые двери символизируют, в частности, тотальное недоверие властей к народу и отделенность от него; ср. принятие решений *за закрытыми дверями*. Фразы *Ему указали на дверь*, *Отныне двери моего дома закрыты для вас* говорят о прекращении каких-либо контактов с человеком, к которому они обращены, а фраза *Перед ней закрылись все двери* обозначает то, что человек подвергнут общественному ostracism или изгнан из общества; ср. также английские выражения *to open the door to an agreement* «открыть путь (букв.: дверь) к соглашению», *to close the door upon an agreement* «закрыть путь к соглашению» и *to deny the door to smb.* «отказать кому-л. от дома; не принимать кого-л.».

(М. Хоппал, цит. по Цивьян 1988, с. 28). Здесь можно вспомнить и такие русские языковые выражения, как *снять угол, иметь свой угол, собственный угол, поставить в угол, ходить из угла в угол, из-за угла* и пр., отражающие значимость в нашей культуре такого понятия, как *угол*, в повседневной жизни человека. Вот, например, как, описывая невербальное поведение героя, передает его характер замечательный русский писатель: *Во всякой комнате, даже очень уютной и до смешного маленькой, есть нежилой угол. Именно в такой угол и сел Слепцов (В. Набоков. «Рождество»).*

К семиологии дома относятся решение проблем, какой из углов комнаты или избы является сакральным, а в каком углу нельзя вешать предметы религиозного культа, культурные смыслы и функции подвалов, чуланов и чердаков, то есть темных частей дома, знаковый символизм входов и выходов, соотношение пространственной организации жилищ с особенностями социальной жизни их обитателей, а также поведение человека в замкнутом пространстве дома. Человек обычно стремится к тому, чтобы у него был свой *собственный угол*, то есть отдельное место в доме, квартире, комнате и даже на службе, как есть у него и любимый стул, стол, одежда, машина и т.п. предметы, которыми он особенно дорожит и которые готов охранять и защищать от внешних посягательств.

Отмечу также, что смысл «Х вне дома» в нашей культуре устойчиво соотносится со смыслом «Х плохой», что проявляется в процессах образования переносных значений слов, метафоризации значений, а также в закономерностях совмещения значений при реальном употреблении слов; ср. такие сочетания, как *дворовый пес, задворки империи, уличная девчонка, уличные замашки, площадная брань, бульварный роман* и пр., а смысл «Х вне основной части дома» достаточно регулярно соответствует смыслу «Х вторичный, скрытый и потому плохой»: *подпольная деятельность, подвальная хроника, чердачный роман, живу на лестнице* (из письма: его автор имеет в виду, что его частенько выгоняют из квартиры), *подвальная организация* (речь идет об организации «неформалов» — молодых людей, ютящихся по чердакам, подъездам, подвалам и другим подобным помещениям) и т.п.; см. об этих и других путях и типах метафоризации слов в языке в нашей статье Крейдлин 1990, с. 124—139.

Отношение человека к коммуникативному пространству и его поведение в этом пространстве, или, как я буду далее говорить, проксемное поведение человека, покрывают очень широкий спектр телесных и околотелесных проявлений — от универсальных, обусловленных исключительно биологическими

факторами, до культурно-специфичных. Это поведение, как и жестовое, подчиняется особым правилам. К **универсальным правилам проксемики** относятся, например:

(1) общие законы семиотизации и окультуривания пространства, то есть приписывание некоторым пространственным фрагментам и характеристикам определенных смыслов и наделение их культурными функциями. Например, это обязательное для всех народов и культур выделение какой-то части пространства (или нескольких таких частей) как маркированной (сакральной, почетной, светлой или задней («чулан»), темной, черной и пр.), наложение ограничения или запрета на размещение отдельных предметов или расположение лиц в определенных местах. В качестве примера можно привести знаменитую фреску Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» в соборе Санта-Мария-делле Грацие в Милане, на которой художник оставил вокруг фигуры Христа больше пространства, чем между апостолами, композиционно разбитыми им на группы — по три группы слева и справа от Христа. Лицо Иуды менее выразительно, чем другие, а фигура откинута назад, резко контрастируя с фигурами других апостолов, то есть Иуда изображен Леонардо так, как если бы отпрянул, услышав слова Христа «<...> Истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня» (Еванг. от Иоанна, 12:21), и др.;

(2) вербальное или невербальное заявление человека о претензии на свою территорию, на **личное пространство**, которое он готов организовывать, обустраивать, поддерживать, охранять и защищать (Вильямс 1971; Литл 1965; Соммер 1959). Речь идет не только о правилах, касающихся, например, занятия и защиты индивидуальных, частных территорий и владений, то есть того, что относится к **личному пространству**, но и о правилах, относящихся к **социальному пространству**: к делению социальных организаций — институтов, заводов, административных центров, городов — на более мелкие подразделения, например филиалы, округа, районы, цеха, отделы и другие части, к связанной с этим делением диверсификации социальных функций и ролей, к присваиванию, захвату, получению и т.п. этих пространств человеком (ср. языковые выражения *мой кабинет, мой станок, наш класс* или невербальные акты типа смены обстановки или перевешивания картин в кабинете как знаковые свидетельства смены владельца данной территории. Ср. языковые выражения *мой кабинет, мой станок, наш класс* или, например, невербальные акты типа смены обстановки или перевешивания картин в кабинете как знаковые свидетельства смены владельца данной территории: ср. также раз-

ные по смыслу и прагматике выражения *занять кому-либо место* и *занять чье-то место* (в прямом значении). *Занимают кому-то место* в физическом пространстве (чаще всего в помещении), делая другого владельцем, как правило, «ничейной территории», всегда по желанию этого другого или, по крайней мере, думая, что тот другой этого хочет, причем так поступающие люди, вообще говоря, не нарушают принятых норм поведения. Но когда *занимают чье-то место* в помещении, то всегда нарушают существующие нормы поведения, захватывая у другого его пространство, которое тот другой по каким-то причинам (обычно это отсутствие другого в данное время в данном месте) не может защитить, и тем самым причиняют ему зло, а себе приобретают незаслуженное и незаконное благо. Отсюда понятны и разные реакции со стороны бенефициантов в каждом из этих случаев. Кроме того, способы, которым осуществляются действия *занять чье-то место* и *занять кому-то место*, разные. В первом случае кладется легкий предмет или вешается табличка, которые можно легко поднять или снять, а во втором человек садится на место, и поднять его с этого места значительно сложнее. Универсальными являются также некоторые закономерности, отражающие типы и способы влияния со стороны разного рода социальных коллективов на частного человека, и пр.;

(3) общие законы пространственной организации среды и правила выбора канала коммуникации (например, стремление человека — в норме — избавиться от шума и помех в коммуникативном канале), а также сознательно осуществляемый человеком в условиях свободы выбор динамичной или статичной коммуникативной среды (например, человек может ходить взволнованно по комнате и говорить; желая сообщить адресату какую-то неожиданную для него новость, говорящий может попросить его сесть, чтобы он, так сказать, «не упал от неожиданности», и т.п.).

Среди культурно-специфических правил проксеимного поведения можно выделить:

(1) **правила выбора места и расстояния**, например правила, которые человек соблюдает, выбирая расстояние (дистанцию) для беседы в зависимости от тех или иных факторов: места встречи с другим человеком, пола, возраста или социального статуса предполагаемого собеседника, степени знакомства с ним, его физических и психических свойств, предполагаемого способа взаимодействия, жанра разговора, темы, цели беседы, ее продолжительности и т.п. Отмечая двоякую природу дистанции между партнерами, Э. Холл рассматривает дистанцию

между партнерами по диалогу и как контекст, в котором проходит коммуникативный акт, и как знаковое сообщение о самой коммуникации (Холл 1966).

Место и расстояние, которое выбирает по отношению к нам другой человек, нечто сообщают нам о нем и в большой мере обуславливают наши действия. Если вы, например, едете в пустом вагоне метро или электрички и на остановке в вагон входит незнакомый человек, то вы, скорее всего, почувствуете себя неуютно, если тот займет место рядом с вами или сядет прямо напротив. Войдя в кафе или кинозал, в котором много свободных мест помимо тех, что имеются рядом с неким сидящим там человеком, вы едва ли сами займете одно из соседних с ним мест. Дело в том, что существует особое правило (мне, однако, не известно, является оно универсальным или культурно-специфичным; а ргіогі лучше считать, что оно культурно-специфично), покрывающее много разных ситуаций, связанных с проксемным поведением незнакомых людей в общественных местах. В соответствии с ним человек в ситуации свободного выбора должен занимать позицию по возможности подальше от находящихся в данном месте других лиц. Если же человек по каким-то причинам ведет себя иначе, вторгаясь в личное пространство другого (о личном пространстве см. ниже в § 2) и нарушая это правило, то такое поведение воспринимается как злонамеренное, подозрительное, агрессивное или враждебное.

Правила выбора места и расстояния должны, в частности, предусматривать и отражать возможность сближения проксемного поведения с жестовым. Я имею в виду, например, вот что: когда один человек в процессе коммуникации внезапно и быстро притягивает к себе другого человека, стоящего перед ним, он тем самым резко уменьшает расстояние между ними и этим движением (часто вместе с соответствующей мимикой) может выразить, например, смыслы «мы с ним вместе (заодно)», «я его в обиду не дам» или «я его сейчас защищу». В этом случае проксемное поведение сближается с жестовым;

(2) **правила пространственного взаимного положения и ориентации тел во время общения** (см. русские языковые единицы *лицом, лицом к лицу, вполоборота, сидя спиной или рядом друг с другом, предстать перед кем-либо, отодвинуться, повернуться боком, на большом расстоянии от кого-либо* и многие другие языковые обозначения положений тел участников коммуникативного акта и расстояний между телами);

Приведу в качестве примера два таких правила (несколько других правил пространственного взаимного положения и ори-

ентации людей в ситуации общения указаны ниже): (а) за вычетом ситуации игры или ей подобных общение людей, стоящих или сидящих спиной друг к другу, невозможно или противостоестественно, но разговор двух человек, лежащих у противоположных стен комнаты, вполне возможен и не выглядит со стороны странным, даже если собеседники повернулись (как мы говорим: *уткнулись*) каждый лицом в свою стену; (б) коммуникативное пространство человека концептуализуется как несимметричное относительно его тела, а именно область «перед человеком», перед его лицом и глазами, в норме оценивается как более естественная, коммуникативно важная и немаркированная по отношению к областям «сбоку», «сверху/снизу» или «сзади, за спиной». Это проявляется и в вербальном отношении (так, например, едва ли требует уточнения место локализации относительно фигуры говорящего объектов, упомянутых в нижеследующих фразах: *Раскинулось море широко; А вот и наш дом; Катька, неужто это ты?* и тысячи подобных), и в невербальном — жестовые движения различных языков и культур в большинстве случаев осуществляются в пространстве перед жестикулирующим, повернутым лицом к адресату (адресат при этом тоже находится лицом к жестикулирующему).

Нарушения этих и подобных правил обычно фиксируются людьми, а пренебрежение правилами влечет за собой индивидуальные или общественные санкции: нарушителям прямо говорят о неэтичности или просто о недопустимости подобного поведения, а в более серьезных случаях подвергают индивидуальному или общественному ostracism: с ними перестают разговаривать, «не приглашают в дом», исключают из коллектива и др.;

(3) **правила, приписывающие определенные коммуникативные веса различным пространственным параметрам.** Это, например, правила, фиксирующие культурно-специфичные закономерности в соотношениях между полами участников ситуации общения и типом коммуникативного расстояния между ними; правила, отражающие для разных культур разное отношение людей к присутствию или отсутствию третьих лиц в актуальном коммуникативном акте; правила, определяющие культурную ценность и функциональную значимость той или иной разновидности проксежного поведения, и другие. О проксежном поведении людей разных культур см., например, работы Уотсон 1970, Шатер 1976.

Как и большинство правил невербального поведения, правила проксежного поведения соблюдаются автоматически, подсознательно: явно фиксируются лишь их нарушения, причем не

только невербальным способом (осознанным движением, позой, взглядом и др.), но и словесно; см. высказывания типа *Здесь сидеть воспрещается; Не подходи ко мне; Неужели больше нет других мест?; Лучше уходите отсюда; Вы не подвинетесь?; Не стойте под стрелой крана?; Ты так и будешь лежать?* — Тогда я с тобой говорить не буду! и под.

В связи с различным пространственным поведением можно выделить **три основных типа социальных взаимодействий** между людьми: (а) взаимодействие с друзьями, товарищами или просто хорошо знакомыми людьми, открытыми для диалога; (б) взаимодействие с малознакомыми или совсем незнакомыми людьми, которые хотят общения, и (в) взаимодействие с незнакомыми людьми, не ожидающими никакого контакта или не желающими контакта с данным человеком. Каждое из этих отношений порождает особый тип коммуникативной ситуации, который характеризуется **своими правилами выбора пространства** (например, статическое или динамическое, близкое или далекое) **и расстояния между коммуникантами в целях обеспечения комфортности общения** и — при этих условиях — **особым типом невербального коммуникативного поведения**, например определенными позами и мануальными жестами.

Проксемику интересует не только организация коммуникативного пространства, но и способы его восприятия. Так, Э. Холл ввел важные для проксемики понятия **неконтактных** (distance receptors) и **контактных рецепторов** (immediate receptors). К первым принадлежат глаза, уши и нос, ко вторым — кожа и мышцы (Холл 1966, с. 39—47, 49—60). Проксемное поведение человека обычно легко воспринимается и оценивается коммуникативным партнером или сторонним наблюдателем, причем в процессе восприятия участвуют органы зрения, осязания и обоняния; кроме того, проксемное поведение воспринимается кинестетически, то есть через нейронно-мышечную оценку человеком пространства и расстояния. Реализуется же проксемное поведение человека всегда посредством кинетической (двигательной) активности.

Самый надежный из неконтактных рецепторов пространства коммуникации и проксемного поведения — это глаза: в сборе и обработке информации о коммуникативном пространстве зрение в сотни раз более эффективно, чем слух. Вообще, из всех сенсорно двигательных модальностей, быть может, только запах в этом отношении не столь существен для человека (хотя исключительно важен для животных). Между тем хорошо известно, что устранение неприятных запахов может снимать

пространственные, и не только пространственные, барьеры между людьми. Например, при отсутствии плохих запахов люди могут подходить друг к другу на более короткие дистанции и дольше находиться рядом в одном помещении; ср. в этой связи разнообразные вербальные и невербальные реакции людей на хорошие и нехорошие запахи. К сказанному о корреляции между пространством коммуникации и запахами можно добавить, что в ряде исследований, относящихся к ольфакции (науке о запахах), сообщается, что некоторые опытные врачи-психиатры способны выявить больного шизофренией по исходящему от него специфическому запаху, а Э. Холл утверждает даже, что отдельные врачи могут распознать у пациента особый запах ярости (!) (Холл 1966, с. 46).

§ 2. ФИЗИЧЕСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСТАНЦИИ

Ключевые слова: дистанция (расстояние), тип, концептуализация, физический, психологический.

В работах Холл 1959, Холл 1966, Холл 1974, а вслед за ними Шатер 1976; Шефлен, Ашкрафт 1976 и др. была предложена классификация межличностных расстояний в пространстве диалога, на каждом из которых кинетическая активность и проксеминое поведение людей различаются, причем различие это функционально, социально, культурно или прагматически значимо. Ныне усовершенствованная, классификация расстояний выглядит следующим образом: все коммуникативные дистанции делятся на 5 типов: дальнюю, публичную, социальную, личную и интимную. Для контактного диалога особенно важны последние три типа.

(1) Социальная дистанция (социальное расстояние).

Социальная дистанция имеет, по Холлу, величину от 7—12 футов, то есть порядка 2,2—3,7 м (фут, напомним, составляет примерно 30,5 см), причем это максимальное удаление партнеров друг от друга, до минимального расстояния в 4—7 футов (1,2—2,2 м) между ними. Социальная дистанция, если так можно выразиться, разделяет людей; она обычно соблюдается во время формальных деловых свиданий, при встречах в общественных местах, при весьма формальных приветствиях «на расстоянии» — именно это языковое выражение лучше всего подходит для обозначения социальной дистанции.

(2) Личная дистанция (личное расстояние).

Личная дистанция (от 2,5—4 футов до 1,5—2,5 футов, то есть от 0,75—1,2 до 0,45—0,75 м) — это **защитная область** одного человека от другого, это пространство, удобно **отделяющее** людей. Тем самым личная дистанция фактически является также межличностной, определяющей интерперсональные отношения людей. Данный тип коммуникативной дистанции предполагает помимо визуального контакта активное включение и использование других сенсорных каналов коммуникации, в частности кожного (тактильного) и обонятельного (ольфакторного).

(3) Интимная дистанция (интимное расстояние).

Интимная дистанция (от 6—8 дюймов до 0 дюймов, или, считая дюйм примерно 2,5 см, от 0,15—0,2 м до 0 м, то есть до полного телесного контакта) — это дистанция особой полной человеческой близости. Она определяет высокую коммуникативную значимость и часто даже решающую роль в общении проникновенных и глубоких взглядов, особых интонаций и голосов (например, интимного голоса или голоса с придыханием), тепловых ощущений, эмоциональных интимных касаний, поз, сплетений тел и пр. Здесь люди общаются не столько словами, сколько касаниями, дыханием, биением сердец, запахами.

В соответствии с коммуникативными дистанциями могут быть определены и характерные для них различные классы жестов — социальные, личные, интимные и т.д.

Очень важно то, что социальная, личная и интимная дистанции отличаются, причем довольно значительно, в разных культурах, — меняются, как правило, не только размеры дистанций, то есть количественная величина, но и их качественные характеристики. Так, в неконтактных культурах типа скандинавских физическая дистанция может восприниматься и оцениваться как интимная или личная (иногда говорят: *близкая*)⁵⁸, тогда как контактные культуры, например израильская, латиноамериканские или арабская, ту же дистанцию сочтут социальной (*нормальной*). В Юго-Восточной Азии люди, желающие вступить в диалог, как правило, не подходят слишком близко друг к другу, чтобы не коснуться партнера, поскольку, например, даже нечаянное прикосновение к голове партнера в соответствующих культурах рассматривается как серьезное нарушение этикетных норм проксеменного взаимодействия. Уже из этого примера понятно, что разным бывает отношение

⁵⁸ В русской культуре физическая близость тоже может свидетельствовать о близких отношениях, прежде всего о сексуальной близости.

культур и к самим коммуникативным расстояниям, и к нарушениям норм расстояний, в том числе к случайным проникновениям или намеренным силовым вторжениям одних людей в личную сферу (то есть в то, что в англоязычной традиции зовется *privacy* или *intimacy*) других.

В каждом естественном языке существуют особые выражения, обозначающие актуальное коммуникативное пространство или расстояние между участниками коммуникации, смену коммуникативных партнеров или конкретных параметров имеющейся коммуникативной среды, ср. *Подойди сюда; Он встал рядом со мной; Сядь с ней; Отец посадил ее на колени; Не приближайся ко мне; Уходи отсюда; Не смей поворачиваться ко мне спиной; Ты от меня отдаляешься; Вы не могли бы подвинуться?; Встань передо мною; Явись ко мне; Побудь со мною; Почему ты стоишь там так далеко?; Что вы меня окружили?; Она подошла к ней близко-близко; на расстоянии; на почтительном расстоянии; Мы взяли за руки и, глядя друг другу в глаза, дали клятву, Что-то влекло меня к ней, но я не смел к ней даже приблизиться; Нагнись, я тебе скажу что-то на ухо; Разрешите обнять вас; К отцу, весь издрогнув, малютка приник (В. Жуковский); Она подлетела ко мне, как легкий ветерок, и, улыбаясь, сказала (В. Жуковский); Поравнявшись с Усладом, она <...> села подле своего друга, поцеловала его в пламенную щеку и, окружив его белою рукою, склонилась к нему на плечо свою прелестную голову (В. Жуковский).*

Многие из этих языковых выражений сопровождаются строго определенными жестами и позами, при этом исполнение и восприятие жестов в той же мере, что и употребление слов, связаны с пространством коммуникации. В частности, разные коммуникативные жесты требуют разных физических дистанций между партнерами, а это предполагает в том или ином виде указание на дистанцию в лексикографическом представлении жестов.

Огромное число русских пространственных единиц, в исходных значениях обозначающих вторжение в некое пространство (или выход из него) и принятие человеком какой-либо позы, в производных значениях представляют когнитивные, сенсорные, оценочные и другие области психической деятельности человека, ср. *захватывать, занимать, завоевывать (пространство), отодвигаться от кого-либо, делать шаг навстречу, принимать позу, продвигаться вперед, вставлять на чье-либо место, приближаться, становиться рядом, отходить подальше и под.*

Описывая коммуникативный акт, необходимо, на мой взгляд, различать два типа расстояний и отмечать не только

физическое расстояние, как это делали Э. Холл и многие другие после него, но также расстояние психологическое. Например, жест **объятие** предполагает физически — интимную дистанцию, а психологически — личную, тогда как **формальный кивок** в знак приветствия — психологически социальную (ср., например, *К Леоненкам запросто приезжали в гости такие важные персоны, какие никого в нашей семье не удостоили бы и кивка* (В. Тростников. «Сильные нашего мира»)), а **показать нос** — психологически личную дистанцию. **Поцелуй** (любого вида) осуществляется на очень близком физическом, интимном, расстоянии партнеров, а психологически **поцелуй** может быть и интимным, и формальным социальным жестом (например, при встрече или прощании мужчина-поляк обычно целует женщину руку; это жест чисто ритуальный и, хотя он служит проявлением теплых чувств, не является психологически интимным). Между тем жест **воздушный поцелуй** и не является психологически интимным, и исполняется на более далеком (личном) расстоянии.

Между физическим и психологическим расстояниями бывают и более серьезные несоответствия. Так, жест **глубокий поклон**, в котором участвуют корпус и голова, в силу чисто анатомических условий предполагает большое физическое расстояние между партнерами, однако по своим семантике и функциям он осуществляется на личной дистанции. Этим данный жест отличается от гораздо более формального, исполняемого одной только головой, обычного поклона. Заметим попутно, что именно **глубокий поклон** является семантической базой для высокого по стилю оборота *имею честь кланяться*. <**Формальный**> поклон, хотя физически и требует меньшего расстояния, чем **глубокий поклон**, исполняется — с психологической точки зрения — на социальной дистанции, а потому является с этой точки зрения социальным жестом.

Концептуализация психологического расстояния и психологического пространства между участниками коммуникации происходит по своим законам, вообще говоря, иным, чем концептуализация физического пространства и физического расстояния. Это проявляется как в языковом коде (например, в общих принципах и способах выражения речевых актов (см. Вежицкая 1985б), в словах, обозначающих эмоции: если, например, *скупать* по какому-то человеку можно, только когда он физически далеко от вас, то *нерасположенность* к кому-либо чему-то — это нежелание быть с этим кем-то или чем-то в психологической близости, и в еще очень многих других языковых единицах), так и в невербальном. В частности, англо-

саксонская культурная традиция с ее особым вниманием к правам и автономии отдельного частного лица (то есть к тому, что по-английски передается трудно переводимым на русский словом *privacy*), с ее уважением к желаниям и стремлениям человека, а не, например, к тому, что мы сами считаем будет хорошо для него, не позволяет *переступить границы* личного психологического пространства партнера и вмешиваться в его жизнь. Это пространство для носителя традиций англосаксонской культуры всегда имеет положительную ценность, и он вполне терпимо относится к особенностям характера и поведения другого человека. А потому, по сравнению, скажем, с русской или польской культурами, поцелуи, похлопывания и поглаживания, то есть жесты, не сохраняющие ни психологическую, ни физическую личные дистанции, у англичан и североамериканцев встречаются значительно реже. Между тем поляки осуждают такое постоянное стремление держать дистанцию, поскольку считают, что оно связано с отчуждением и даже враждебностью (см. Вежицкая 1985б, с. 156).

§ 3. КИНЕТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОКСЕМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Ключевые слова: кинетический, параметр, социальный, культурный, пространство, личный, проксемино поведение, диалог, правило, конгруэнтность.

Различные социальные и культурные кинетические параметры играют в проксемике разные роли. Исследование их влияния на коммуникативное пространство способствует более глубокому проникновению в природу коммуникативного акта. Рассмотрим в качестве примера соотношение параметров пола партнеров и коммуникативной (физической) дистанции в европейской культуре.

Наблюдения и специальные эксперименты показали, что: (1) в женских парах физическое расстояние между участниками коммуникативного акта меньше, чем в мужских, причем (2) весьма существенный в других случаях параметр «степень знакомства» здесь особой роли не играет. Зато (3) с возрастом межличностная дистанция в женских парах возрастает, а в мужских уменьшается. (4) В однополых женских парах расстояние между участниками коммуникации меньше, чем в разнополых,

а (5) в разнополых парах расстояние меньше, чем в однополых мужских. (6) В стрессовых ситуациях расстояние между партнерами уменьшается по сравнению с обычным. (7) В смешанных парах степень знакомства партнеров приобретает большой вес. Так, женщина стоит ближе к тому человеку, которого она любит или считает близким другом, чем к просто товарищу или коллеге по работе. В результате как мужчины, так и женщины находятся на большем физическом расстоянии от партнера-мужчины, нежели от партнера-женщины, а вторжение незнакомого мужчины в личную сферу человека любого пола менее приятно, чем вторжение в то же пространство со стороны женщины: когда мужчина вторгается в личное пространство другого человека, будь то женщина или мужчина, считается, что у него «плохие намерения». Интересно, что мужчины и женщины при этом по-разному реагируют и на способ приближения к ним незнакомых людей: женщины обычно чувствуют себя более неуютно, когда незнакомец находится у них за спиной, а мужчины — когда тот находится к ним лицом.

Особое место в проксемных исследованиях отводится анализу понятия **групповое пространство**. Если у животных постоянно поддерживаемое расстояние между членами одного коллектива связано прежде всего с репродуктивной функцией, а также со склонностью животных к имитации и передаче информации или настроения от одной особи ко всем остальным, то у людей наличие **группового**, или, как его чаще применительно к людям называют, **социального**, пространства служит главным образом защитной реакцией от посягательств на коллектив извне и средством самоидентификации, то есть выделения «своей группы» в кругу всех. У людей общность территории и решение задач по ее благоустройству и охране, а также стремление к групповой самоидентификации предопределили появление особых коммуникативных функций внутри коллектива и создание социальных языков, включая особые жестовые диалекты.

Среди исследований социального пространства и его влияния на коммуникативное групповое взаимодействие можно выделить работы по анализу соотношений пространственных характеристик и различных параметров вербального и невербального общения. Так, в общественной группе с явно выраженным лидером, «главным говорящим», наблюдается иерархия пространственного расположения слушающих по отношению к

лидеру. Например, слушающие, к которым лидер испытывает особую симпатию, располагаются ближе к лидеру. Сам лидер при этом занимает позицию, при которой он всех видит и его все видят, что позволяет осуществлять прямой и потому эффективный мониторинг присутствующих, воздействовать на них и моментально реагировать на их действия (ср. в этой связи расположение в соответствии с «актуальным социальным весом» членов Политбюро коммунистических партий из бывшего Советского Союза и бывших социалистических стран во время всевозможных демонстраций, проводимых в их странах, пространственное распределение мест и дистанций «рядовых» участников переговоров возле или вокруг «главных» участников, функции и роли президиумов). Выделенность определенного места⁵⁹ и ориентация остальных мест в данном пространстве относительно данного имеют еще один коммуникативно и социально очень важный смысл. Предполагается, что лидер — это не только один из многих, то есть такой же член коллектива, как и другие, так сказать, рядовой⁶⁰ член группы, но и человек, находящийся как бы вне данной группы. Особое положение главы семьи, директора завода, министра обороны, президента страны и т.п. обычно пространственно маркировано.

Люди, сидящие в зале в первых рядах, оцениваются обществом как имеющие более высокий социальный статус; тот, кто не хочет выступать на общественном собрании или иной коллективной встрече, кто не является социально активным, обычно любит занимать места подальше от части пространства, где предполагается основное коммуникативное взаимодействие. В экспериментальных ситуациях, как это описано в ряде работ (см., например, Лотт, Соммер 1967), испытуемые, которым указывали на некоторого находящегося среди них человека как на обладающего очень высоким или очень низким социальным статусом, выбирали во время совместного рассаживания за столом для себя места подальше от этого человека.

Способ и качество (легкость беседы, общая тональность разговора, свобода выбора тем, занимательность и т.п.) про-

⁵⁹ Такие реально выделяемые места маркируются и в естественном языке, ср. сочетания *место во главе стола, императорская ложа, правительственные места на трибуне*. Слово *правофланговый* тоже обозначает не только «человка, находящегося на правом фланге», но и лидера, то есть «человека, кто своим поведением выделяется среди других, кто оценивается людьми как лучший среди членов данного коллектива и кто должен служить для других примером».

⁶⁰ О семантике, прагматике и синтаксических свойствах языковых таксономических операторов типа слов *рядовой, обычный, обыкновенный, типовой* и под. см. в Крейдлин 1994б.

текания речевого общения тоже существенно зависят от местоположения людей относительно «основного» говорящего, а также физического и психологического расстояний до него. В целом ряде исследований Р. Соммера было показано, что люди, желающие побеседовать между собой, предпочитают садиться напротив друг друга, если физическое расстояние между ними не превышает некоторой пороговой величины, могущей затруднить беседу; для американцев эта величина порядка пяти — пяти с половиной футов, то есть чуть более полутора метров (см. Соммер 1959; Соммер 1961; Соммер 1962; Соммер 1969). По нашим собственным визуальным наблюдениям над разнополыми парами, сающимися за «двухместный» столик в кафе, барах и ресторанах (мы фиксировали поведение примерно двухсот пар, представителей разных — русской, западноевропейской и американской — культур, в период 1996—1998 годов), те люди, которые пришли просто поесть и поговорить, размещались за столиком напротив друг друга, а те, кто хотел более интимного общения, предпочитали садиться рядом.

Вводя в обиход круглый стол, король Артур, как известно, пытался уничтожить невербальные преимущества одних людей (рыцарей) перед другими. Однако это королю сделать не удалось, поскольку понятие «сидеть во главе стола» сохранилось и для круглого стола: многие из тех, кто сидел от короля на расстоянии, испытывали чувство ревности по отношению к тем, кому посчастливилось сидеть рядом с ним.

Существуют устойчивые корреляции между психологическим типом человека, его любимой коммуникативной дистанцией и соотносительным с партнером пространственным положением (Вильямс 1971; Соммер 1959), а также между текущим эмоциональным состоянием человека и характеристиками коммуникативного пространства. Например, в шести из семи пар женщин-пациенток, которые регулярно приходили к доктору Дж. Лафту на психотерапевтический сеанс, те женщины, которые находились в более возбужденном состоянии, оценивали физические расстояния между собой и своими партнерами как значительно меньшие по сравнению с теми величинами, которые называли их партнерши, более адекватно ощущавшие и более точно определявшие искомые расстояния (Лафт 1966).

В клинической терапевтической ситуации больные шизофренией располагаются по отношению к своим коммуникативным партнерам значительно дальше, чем нормальные люди. Существует методика наблюдения, диагностики и лечения психиатрических больных, которую врачи между собой называют

приманкой (*decoy*). Если шизофреникам говорят, что в данном месте за круглым столом будет сидеть очень важная персона, например глава попечительского совета больницы, как это было в случае эксперимента, на котором мне довелось присутствовать самому, то больные обычно «клюют на приманку» и стараются занять места поближе к тому, где, скорее всего, будет сидеть эта персона. Во всяком случае, они стремятся сесть не очень далеко от этого человека и не напротив него. Аналогичная ситуация описана в художественной литературе, например у Кена Кизи в его романе «Над кукушкиным гнездом».

Диалогическое взаимодействие людей является многоместной функцией от пространственного расположения участников диалога, дистанции, поз, типов взглядов и еще очень многих других пространственно-кинетических переменных. Направление жеста, ширина жеста (объем занимаемого им пространства), ход жестового движения (например, плавный или порывистый), взаимная пространственная ориентация партнеров, глазное поведение собеседников и расстояние между ними существенно влияют на характер исполнения жеста и его интерпретацию. Перечисленные переменные, по-видимому, обусловлены или, во всяком случае, непосредственно связаны с глубинными психическими свойствами человека и особенностями той культуры, к которой он принадлежит.

Ширина движения соотносится с такими чертами человеческой психики, как интровертность/экстравертность/амбивертность. Интроверт сосредоточен на самом себе, на своих внутренних переживаниях и предпочитает не показывать свои эмоции другим людям; экстраверт, наоборот, любит быть на людях, делиться с ними своими мыслями и чувствами, выставить себя на обозрение другим; амбиверт занимает промежуточное положение между данными психотипами, обладая качествами и интроверта и экстраверта. От интроверта естественнее ожидать узких движений, стереотипно соотносимых со скромностью, сомнением, осторожностью, неуверенностью в себе. Широкие движения более типичны для экстраверта, поскольку свидетельствуют о бурных чувствах, которыми тот готов поделиться с другими людьми; они говорят об испытываемой им радости или бурной ярости, о переживаемом душевном подъеме, об охватившем его энтузиазме.

Направление движения вдоль пространственных осей тоже семиотически значимо и коррелирует с разными смыслами и культурными коннотациями. Например, движение вверх вдоль вертикальной оси (оси «верх—низ») связано с возрастом человека, его взрослением (о разных смыслах этих слов см. Крей-

длин 1996), с ростом чувства собственного достоинства, с увеличением количества и качества исполняемых человеком общественных функций и ролей. Движение вдоль той же оси вниз связано с низкой самооценкой, со стремлением спрятаться от других, с желанием быть маленьким, а также с униженностью и покорностью. Движение вперед вдоль сагиттальной оси (оси «вперед—назад») сопряжено с уменьшением физического расстояния и связано с интересом, любопытством, желанием быть рядом, а также возможностью более тесного, вплоть до телесного, контакта. Движение назад, увеличивающее физическую дистанцию, соотносится с испугом, страхом, отвращением (ср. разобранные ранее жестовые движения *отшатнуться*, *отпрянуть*), желанием больше увидеть, узнать, а потому — с удивлением.

Важными пространственно-кинетическими характеристиками невербального поведения являются также

(а) наличие или отсутствие третьего лица в актуальном пространстве коммуникативного взаимодействия: многие люди *кожей чувствуют* приближение к ним сзади постороннего человека, и диалог может прерваться: положение за спиной даже самых близких людей неприятно для беседующих. С другой стороны, люди на публике, особенно при большом скоплении народа, обычно подчеркивают, что они вместе, что их нахождение в одном месте не является случайным, что их объединяют территория и время, общность интересов, задач или целей и что их совместное пребывание создает коллективное (*публичное*) пространство и «*privacy*» (незнакомые люди при этом стоят ближе друг к другу, чем обычно, берутся за руки, кладут руки друг другу на плечи, одновременно, «как бы в едином порыве», поднимаются с кресел, хором произносят речевки; скандируют лозунги и призывы, тянут вверх руки в качестве приветствий, пускаются в танец, скорбно молчат и пр.);

(б) статичное или динамичное положение партнера: если партнер во время диалога начинает перемещаться перед нашими глазами, непрерывно двигаясь взад-вперед, — мы в таких случаях обычно говорим *мельтешит*, — то это тоже создает существенные неудобства для общения;

(в) несходство поз и ориентаций тел во время диалога: неприятной и очень трудной, если вообще возможной, бывает беседа, когда один человек лежит, а другой перед ним стоит. Она случается, только если по каким-то причинам один из собеседников не может принять ту же позу, что и другой. Например, врач, подходя к больному, чтобы с ним побеседовать (но не во время обхода!), как правило, берет стул и садится

рядом с кроватью больного — он не разговаривает с ним стоя, а наиболее задушевная, по-человечески комфортная беседа людей в купе поезда, в одной комнате отеля, санатория или общежития происходит тогда, когда оба человека лежат на своих местах или оба сидят, то есть когда их позы **конгруэнтны**.

Е. Чарни (Чарни 1966) изучал поведение врача-психотерапевта и пациентов во время психотерапевтических сеансов, занимавших каждый по времени один час. Исследователь обнаружил статистически вполне убедительную тенденцию роста степени конгруэнтности поз участников сеанса по мере сглаживания коммуникативных барьеров, увеличения интенсивности вербального общения между ними и нахождения некоторых путей к решению волнующих пациента проблем.

Конкретные значения, которые принимают перечисленные пространственно-кинетические переменные, находятся в прямой зависимости не только от контекста, в котором происходит взаимодействие людей, но и от культуры, к которой принадлежат эти люди. Культурно зависимой является, в частности, корреляция между типом ориентации тел и физическим расстоянием между участниками коммуникации. Как показали исследования О. Уотсона и Т. Грэйвса, по мере уменьшения физической дистанции между партнерами определенным образом менялись соотносительное расположение и ориентация тел у американцев и японцев, общавшихся в парах друг с другом. Между тем характеристики, которые описывают соотношение тех же признаков в ситуации, когда общались между собой одни только американцы, были совсем иные (Уотсон, Грэйвс 1966).

Пространственная близость (физическое личное расстояние) и *тесное общение* (психологическое личное расстояние), например, в случае, когда учитель, допуская учеников в свою личную сферу, говорит им: *«А теперь садитесь-ка ко мне поближе»*, предполагают совместное диалогическое обсуждение каких-то интересных проблем или интересный всем ученикам, выходящий за пределы темы урока монологический рассказ учителя. В свою очередь, реализация многих смыслов в актуальном коммуникативном акте непосредственно связана с использованием тех или иных пространственных характеристик. Так, реализация смысла «теплое отношение к другому человеку» предполагает наличие личной или интимной физической дистанции между участниками коммуникативного акта, а выражение смысла «интимность отношений» является функцией сразу от нескольких взаимосвязанных переменных коммуникации, включая физические (тип пространства, дистанция, ориентация и пр.) и психологические (например, близость, кон-

такт глаз, стиль речи, количество жестов ласки, улыбок и др.). Сами перечисленные переменные участвуют, впрочем, и в выражении других смыслов. Например, контакт глаз между говорящим и слушающим может указывать на то, что зрительный канал открыт для прохождения сквозь него передаваемой информации, а жесты поглаживания выражать не «ласку», а, например, «утешение».

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что:

— существуют правила проксемного поведения людей, которые бывают двух типов — универсальные и культурно-специфичные и которые опираются не только на физические (собственно пространственные), но и на личностные, социальные, культурные, языковые и другие параметры;

— среди пространственных параметров одним из важнейших является расстояние, которое бывает двух типов — физическое и психологическое.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В одном из «Писем к сыну» граф Честерфилд пишет: «Не думай, что знания, приобрести которые я тебе так настоятельно советую, заключены в книгах, как бы приятны, полезны и необходимы эти знания ни были: я имею в виду настоящее знание людей, еще более необходимое, чем добытое тобой из книг <...>. Оно приобретается только среди людей, а не в тиши кабинета <...>. Не обольщайся надеждой, что ты сможешь приобрести это знание за пустою и праздною болтовней. Нет, ты должен проникнуть гораздо глубже. Ты должен не просто смотреть на людей, а внимательно в них всматриваться» (письмо от 4 окт. ст. стиля 1746 года).

Всматриваться — это не только, пристально смотря, пытаться различить детали, но и пытаться понять людей. Знание людей, о котором говорит замечательный английский писатель-эссеист и философ, понимание их мыслей, слов, действий и поступков, общение с другими людьми являются основными условиями существования человека в обществе и взаимодействий в нем различных социальных и культурных групп. Общение же предполагает правильное оформление, передачу и интерпретацию сообщений в коммуникативном процессе.

В настоящей книге решалась задача представить и описать одну из важнейших разновидностей коммуникативного процесса, устное общение, как взаимодействие нескольких семиотических кодов, которыми люди обычно пользуются одновременно и из которых главным является естественный язык и его коммуникативное воплощение — речь, а остальные, дополнительные, коды являются невербальными. Объектом нашего анализа послужили жестовый и проксеминый невербальные коды, а также паралингвистические элементы, занимающие промежуточное положение между языковым и неязыковыми средствами выражения смысла.

Перечислю кратко основные теоретические результаты и выводы, полученные в работе:

1. Выделены **центр и периферия** паралингвистической системы в ее корреляции с естественным языком, с одной стороны, и кинесикой — с другой. Уточнены и охарактеризованы **основные функциональные типы паралингвистических категорий**, относящихся к центру системы, — **параметры звучания, квали-**

фикаторы, различители и альтернанты. Указан ряд объективных и субъективных причин, по которым нам не удалось построить строгую классификацию единиц внутри каждого из типов. Особое место было отведено периферическим паралингвистическим средствам, а именно материальным объектам и некоторым семантически нагруженным звукам, возникающим от действий с ними, — адапторам. Показано, что адапторы играют важную роль в когнитивных и семиотических процессах, происходящих в акте коммуникации. Два основных структурных типа адапторов — собственно адапторы, или адапторы тела, и адапторы-объекты, будучи отнесенными к периферическим паралингвистическим средствам относительно естественного языка, образуют центр паралингвистической системы относительно жестового кода. Описаны разновидности адапторов тела — волитивные и неволитивные адапторы, а также самоадапторы в противопоставлении адапторам, ориентированным на другого.

2. Рассмотрены основные структурные типы знаковых кинетических единиц; особое внимание при этом обращается на жесты рук и ног, мимические жесты и выражения лица, позы и семантически нагруженные телодвижения. Дается краткий очерк истории создания и основных идей и положений кинесики, понимаемой здесь как наука о языке тела и его частей. Уточнены место и роль жестов в истории культуры и общества. «Белыми пятнами» остаются здесь многие неевропейские системы, которые либо вообще не представлены в литературе, либо описаны в ней весьма схематично.

Установлены фундаментальные аналогии и различия между жестовыми и естественными языками. Выдвигается и обосновывается тезис о том, что параллельное существование и взаимодействие языка тела и языка слов в акте коммуникации возможно в силу того, что глубинные процессы, лежащие в основании невербальной и вербальной деятельности человека, в важных отношениях сходны.

Под новым углом зрения, а в ряде случаев впервые были рассмотрены следующие центральные понятия кинесики: (а) кинетическая переменная и ее виды; (б) невербальное поведение; (в) типология невербального поведения; (г) правило невербального поведения; (д) жестовая фразема; (е) форма кинетического поведения; (ж) стадия кинетического поведения; (з) артикуляция жеста и фаза (стадия) артикуляции. Описаны признаки, на основании которых проведено важное разграничение жестов и жестовых движений. Уточнены основные семиотические классы жестов, определены состав и функции отдельных их представи-

телей — эмблематических жестов, или эмблем, иллюстративных жестов, или иллюстраторов, и регулятивных жестов, или регуляторов. В каждом из выделенных классов проведено более дробное членение.

Систематизированы, охарактеризованы и проиллюстрированы основные оппозиции внутри жестовых языков. Это (а) исконные и заимствованные жесты; (б) жесты языка и диалектные (территориальные, профессиональные и др.) варианты; (в) взрослые и детские жесты; (г) мужские и женские жесты; (д) жесты с адапторами и жесты без адапторов; (е) прагматически освоенные и прагматически не освоенные жесты; (ж) жесты, имеющие стандартную языковую номинацию, и жесты, не имеющие таковой.

Особое внимание в книге уделено эмблемам — жестам, которые могут выступать в коммуникативном акте сами по себе, отдельно от речи, и передавать смысл независимо от вербального контекста. Хотя бывают эмблемы, являющиеся невербальными аналогами слов, для русского языка жестов более типичны эмблемы — аналоги речевых высказываний. Построены две морфологические (по активным и пассивным органам) и одна семантическая классификации эмблематических жестов.

Жестовые знаки, как и естественно-языковые, имеют свой синтаксис, впрочем, мало похожий на языковой. В книге проведено разграничение внутреннего и внешнего синтаксиса жестов.

В книге также ставится и обсуждается проблема межкультурного соответствия жестов, которая тесно связана с проблемами интерпретации невербального текста одной культуры носителями другой и проблемами переводимости. Рассматриваются случаи межкультурной синонимии и омонимии жестов, а также различного речевого сопровождения одной жестовой формы. Важным для теории межкультурной коммуникации и невербальной типологии представляется вывод о существовании нескольких типов возможных отклонений от правильного понимания кинетического текста при переходе от одной культуры к другой. Каждый из выделенных типов снабжен прокомментированными примерами коммуникативных неудач при невербальном общении.

Строятся основания теории жестовой лексикографии, опирающейся на сформулированные в работе идеи, концептуальный аппарат и утверждения невербальной семиотики и современной лингвистики. Описаны назначение, идеология, структура и содержание словарей жестов. Выявлены необходимые типы информации и указано возможное распределение ее

по зонам как для жестовых словарей вообще, так и для нового экспериментального словаря русских жестов в частности.

Затронуты в монографии и некоторые проблемы соотношения эмоций с выражениями лица и мимическими жестами. Особое внимание обращено на то, как происходит языковая и жестовая концептуализация некоторых эмоциональных состояний в русском языке.

Вводится понятие «правило лицевого выражения». Правила лицевых выражений, образующие важный подкласс правил невербального выражения эмоций, определяют, как должно меняться выражение лица в зависимости от тех или иных контекстных условий и от тех или иных значений кинетических переменных. Делаются выводы о том, что (а) правила невербального выражения эмоций, в том числе правила лицевых выражений, в своей основе являются культурно- и социально-специфичными: они меняются от культуры к культуре, от одного социального диалекта к другому и по-разному выражают модификацию выражений лица и что (б) действие этих правил в разных культурах может быть разным: они могут отражать (1) интенсификацию, или усиление, испытываемого человеком чувства; (2) деинтенсификацию, или ослабление, чувства; (3) контекстный (в широком смысле слова, включая культурный или социальный) запрет на выражение определенной эмоции; (4) маскировку одной эмоции другой.

3. Отдельный предмет книги составили теоретические и методологические вопросы построения науки о языке глаз — окулесики. Выявлены основные смыслы, выражаемые глазами. Определены средства кодирования этих смыслов в русском языке и русском языке тела, описаны особенности процесса семиотизации глаз и частей глаза. Перечислены наиболее характерные для русского жестового языка глазные жесты, охарактеризованы важные культурные и коммуникативные функции глаз.

Вводится в обиход ряд важных для окулесики теоретических понятий, таких как правило и модель глазного поведения, социальная функции глаз и глазного поведения.

4. Предметом науки гаптики являются формы, смыслы и функции касаний в коммуникации людей. Построена типология невербальных актов касания, среди которых особо выделяются культурные типы. Каждый из этих типов имеет свою сферу применимости, назначение и семантику.

Вводятся важные для гаптики понятия и противопоставления — тактильное поведение, трогающие люди и трогающие культуры, правило тактильного поведения, контактный и дистантный способы тактильного взаимодействия; определяются

основные кинетические константы и переменные невербального акта касания, показано богатство и разнообразие средств, обслуживающих данную область коммуникативной деятельности человека.

Наряду с невербальными актами касания в нашей книге рассматриваются лексические единицы русского языка, в семантику которых входит указание на акт касания, осуществляемый человеком.

В книге описано несколько важных семантических подтипов глаголов осязания. Один из них — это глаголы, обозначающие динамичные касания. Особую роль в описании динамичных касаний и обозначающих их глаголов получает признак «тип следующего за касанием движения», который, в свою очередь, обусловлен и тесно связан с признаком «цель касания». Среди динамичных касаний и соответствующих им русских глаголов выделяются более мелкие подтипы. Выделены русские глаголы, обозначающие каждый из типов динамичных касаний, и указаны характерные свойства, которые выявляются посредством соответствующих движений.

Помимо динамичных существуют и другие типы аналитических касаний (осязаний) — температурные и жестовые касания. Температурные касания предполагают ограниченное, локальное, восприятие, а потому годятся только для определения тепловых свойств объекта.

Среди жестовых касаний особо выделяются два подтипа: жесты приветствия и прощания, а в каждом из них по две группы знаков: симметричные — знаки солидарности и несимметричные — знаки уважения.

В книге обосновывается тезис, согласно которому существующие культурные расхождения в жестах приветствия и прощания являются различиями в семантике самих жестов, а также в степени значимости тактильного поведения для данной культуры.

5. Под проксемикой понимается наука о коммуникативном пространстве, которая изучает, как человек мыслит это пространство, как его обживает и использует. При изучении проксемики основной акцент в книге был сделан на анализе невербальных способов концептуализации коммуникативного пространства в их соотношении с вербальными. Вводится понятие «проксеминое поведение человека», которое покрывает широкий спектр проявлений от универсальных, обусловленных исключительно биологическими факторами, до культурно-специфичных и, как и жестовое поведение, подчиняется особым правилам. Выделяются универсальные и культурно-специфичные

правила проксеимного поведения. К универсальным правилам относятся семиотизация определенных частей пространства, вербальное или невербальное заявление человека о претензии на личное пространство, которое он готов организовывать, обустраивать, поддерживать, охранять и защищать, а также общие законы пространственной организации среды и правила выбора канала коммуникации. Среди культурно-специфичных правил проксеимного поведения в работе рассматриваются (а) правила выбора места и расстояния для беседы и (б) правила пространственного взаимного положения и ориентации тел во время общения.

При формулировке правил проксеимного поведения широко используется понятие расстояния, или дистанции. В книге предложено важное уточнение этого центрального понятия проксеимики, а именно, описывая коммуникативный акт, следует учитывать не только физическое расстояние, но также расстояние психологическое. Показана релевантность обоих понятий для описания жестов.

Практическая часть представляемого в книге исследования была нацелена на: (а) экспериментальную проверку эффективности существующих и вводимых новых теоретических понятий и инструментария невербальной семиотики, а также на демонстрацию их практической полезности в работе с новым материалом; (б) описание значения и правил употребления русских жестов в их соотношении с вербальными единицами; (в) формулировку общих и частных правил невербального поведения, определяющих поведение участников коммуникации и удачное протекание самой коммуникации.

Невербальная семиотика как наука еще только рождается, и выполненная работа представляет собой начальный этап на пути ее построения. «Белых пятен» в невербальной семиотике гораздо больше, чем сделанного; достаточно назвать пять разделов невербальной семиотики — аускультация, гастика, ольфакция, системология и хронемика, — которые остались за пределами настоящей книги и к разработке теории которых ученые во всем мире еще только подступают. Поэтому представляется, что глубокая разработка концептуального и терминологического аппарата, появление, развитие и распространение научных идей, а также качество их воплощения сегодня в невербальной семиотике более актуальны и перспективны, чем следование какому-то одному теоретическому направлению,

пусть даже обретшему идеологические и эстетические очертания. Мы можем лишь заключить с абсолютной уверенностью: широкое привлечение внимания лингвистики и лингвистов самых разных традиций и школ к этой важной области знания, несомненно, приведет к интенсификации научных исследований, а применение разнообразных идей и методов лингвистического анализа способно принести новые и неожиданные результаты. В свою очередь, построение невербальной семиотики безусловно будет стимулировать развитие лингвистики и других «классических» наук, поскольку, как хорошо известно из истории, от междисциплинарных контактов всегда извлекают пользу все контактирующие между собой науки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев 1996 — Аверинцев С. С. Роскошь узора и глубины сердца: поэзия Григора Нарекаци // *Аверинцев С. С. Поэты*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996, 97—118.
2. Айелло 1972 — Aiello J. R. A test of equilibrium theory: visual interaction in relation to orientation, distance, and sex of interactants // *Psychonomic society*, 27, 1972, 335—336.
3. Акишина, Кано 1980 — Акишина А., Кано Х. Словарь русских жестов и мимики. Токио, 1980.
4. Акишина А. А., Кано, Акишина Т.Е. 1991 — Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1991.
5. Андреа, Бур 1982 — Andrea P., de Boer H. P. *Nieuw Nederlands Gebarenboekje*. Amsterdam: Manteau, 1982.
6. Ансфилд и др. — Ansfield M. E., DePaolo B. M. & Bell K. L. Familiarity effects in nonverbal understanding: recognizing our own facial expressions and our friends // *Journal of nonverbal behavior*, 19, № 3, 1995, 135—149.
7. Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
8. Апресян 1986а — Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // *Вопросы языкознания*, № 2, 1986, 57—70.
9. Апресян Ю. Д. 1986 — Интегральное описание языка и толковый словарь // *Вопросы языкознания*, 2, 1986, 57—70.
10. Апресян 1986б — Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наявная модель мира // *Семиотика и информатика*, 28, 1986, 5—33.
11. Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», т. 2, 1995.
12. Армстронг и др. 1995 — Armstrong D. F., Stokoe W. C. & Wilcox S. E. *Gesture and the nature of language*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1995.
13. Аржиль 1967 — Argile M. *The psychology of interpersonal behaviour*. London: Penguin Books Ltd., 1967.
14. Аржиль, Дин 1975 — Argile M., Dean J. Eye contact, distance and affiliation // *Sociometry*, 28, 1975, 289—304.
15. Аржиль, Ингам 1972 — Argile M., Ingham R. Gaze, mutual gaze, and proximity // *Semiotica*, 6, № 1, 1972, 32—49.

16. Аржиль, Кендон 1967 — Argile M., Kendon A. **The experimental analysis of social performance** // I. Berkowitz (ed.) *Advances in experimental social psychology*, v. 3, New York & London: Academic Press, 1967, 55—98.
17. Аржиль, Кук 1976 — Argile M., Cook M. **Gaze and mutual gaze**. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1976.
18. Арутюнова 1998 — Арутюнова Н. Д. **Язык и мир человека**. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
19. Бак 1975 — Buck R. **Nonverbal communication of affect in children** // *Journal of personality and social psychology*, 31, 1975, 644—653.
20. Балаш 2000 — Balázs G. **Gesture jokes in Hungary** // *Semiotica*, 128, № 3/4, 2000, 205—220.
21. Балвер 1644/1974 — Bulwer J. **Chirologia: Or the natural language of the hand and Chironomia: Or the art of manual rhetoric**. (ed. J. W. Cleary). Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois Univ. Press, 1974 (1st edition — 1644).
22. Баракат 1969 — Barakat R. **Gesture systems** // *Keystone folklore quarterly*, 14, 1969, 105—121.
23. Баракат 1973 — Barakat R. **Arabic gestures** // *Journal of popular culture*, 6, № 4, 1973, 749—893.
24. Баракат 1975 — Barakat R. A. **The Cistercian sign language: A study in nonverbal communication**. Kalamazoo, MI: Cistercian publications, 1975.
25. Баранов, Крейдлин 1992а — Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. **Иллюкутивное вынуждение в структуре диалога** // *Вопросы языкознания*, № 2, 1992, 84—99.
26. Баранов, Крейдлин 1992б — Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. **Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов** // *Вопросы языкознания*, № 3, 1992, 84—93.
27. Барлоу и др. 1979 — Barlow D. H., Hayes S. C., Nelson G. O., Steele D. L., Meeler M. E. & Mills J. R. **Sex role motor behavior: A behavioral check list** // *Behavioral assessment*, 1, 1979, 119—138.
28. Бартон, Хеллер 1964 — Burton A., Heller A. G. **The touching of the body** // *Psychoanalytic review*, 51, 1964, 122—134.
29. Баттерворт, Битти 1978 — Butterworth B., Beattie G. **Gestures and silence as indicators of planning in speech** // R. N. Campbell, P. T. Smith (eds.) *Recent advances in the psychology of language: Formal and experimental approaches*. New York: Plenum Press, 1978, 347—360.
30. Баумль Б., Баумль Ф. 1975 — Bauml B. J., Bauml F. H. **A Dictionary of Gestures**. Metuchen, N.J.: Scarecrow Press, 1975.
31. Бевингтон 1984 — Bevington D. **Action is eloquence. Shakespeare's language of gestures**. Cambridge, Mass., London: Harvard Univ. Press, 1984.

32. Бейнауэр 1934 — Beinhauer W. *Iber/propos: Eine Studie über spanische Liebersprache* // *Volkstum und Kultur der Romanen*, 7, № 2/3, 1934, 111—163.
33. Беликов 1983 — Беликов В. И. Жестовые системы коммуникации (обзор) // *Семиотика и информатика*, вып. 20, 1983, 127 — 148.
34. Белл 1844 — Bell Ch. *Visible speech: The science of universal alphabets*. London: Simkin, Marshall & Co, 1844.
35. Белнап, Стил 1981 — Белнап Н., Стил Т. *Логика вопросов и ответов*. М.: Прогресс, 1981.
36. Бетвал, Полхехемас 1975 — J. Benthall, T. Polhehemus (eds.) *The body as a medium of expression*. New York: Dutton, 1975.
37. Бенсон 1980 — Benson R. G. *Medieval body language: A study of the use of gesture in Chaucer's poetry*. (Anglistica, 21), Copenhagen: Rosenkild and Bagger, 1980.
38. Бирдвистел 1952 — Birdwhistell R. L. *Introduction to kinesics: An annotation system for analysis of body motion and gesture*. Louisville, KY: Univ. of Louisville Press, 1952.
39. Бирдвистел 1964 — Birdwhistell R. L. *Kinesics*. 16-mm film, black and white. 72 minutes. Distributed by Penn State Univ. Audio — Visual Service. University Park, Pennsylvania: Penn State University, 1964.
40. Бирдвистел 1967 — Birdwhistell R. L. *Some body motion elements accompanying spoken American English* // O. Thayer (ed.) *Communication: concepts and perspectives*. Washington, D. C.: Spartan, 1967, 53 — 76.
41. Бирдвистел 1970 — Birdwhistell R. L. *Kinesics and context: Essays on body-motion communication*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1970.
42. Биркенбил 1979/1997 — Биркенбил В. *Язык интонации, мимики, жестов*. СПб.: Питер Пресс, 1997 (ориг. изд. — 1979).
43. Битти, Катлер и Пирсон 1981 — Beattie G. W., Cutler A., Pearson M. *Why is Mrs. Thatcher interrupted so often?* // *Nature*, 300, 1981, 23—30.
44. Блертон-Джоунз 1972 — Blurton-Jones N. G. *Non-verbal communication in children* // R. A. Hinde (ed.) *Nonverbal communication*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1972, 271—296.
45. Блинушова 1995 — Блинушова Г. Е. *Взаимодействие вербальных и невербальных факторов при реализации побуждения в современном немецком языке*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 1995.
46. Блэйзер 1966 — Blazer J. A. *Leg position and psychological characteristics in women* // *Psychology*, № 1, 1966, 5—12.
47. Богуславский 1985 — Богуславский И. М. *Исследования по синтаксической семантике*. М.: Наука, 1985.

48. Богуцкая 1983 — Bogucka M. **Le geste dans la vie religieuse, familiale, sociale, publique et politique de la noblesse polonaise aux XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles** // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 30, 1983, 4—19.
49. Болиджер 1983 — Bolinger D. **Intonation and gesture** // *American speech*, 1983, 156—174.
50. Болиджер 1986 — Bolinger D. **Intonation and its parts**. Stanford: Stanford Univ. Press, 1986.
51. Бреммер, Руденбург 1991 — J. Bremmer, H. Roodenburg (ed.) **A cultural history of gesture**. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1991.
52. Брид 1972 — Breed G. R. **The effect of intimacy: Reciprocity or retreat?** // *British journal of social and clinical psychology*, 11, № 2, 1972, 135—142.
53. Бройде 1977 — Broide N. **Israeli emblems — Israeli communication units: Emblems repertoire of «Sabras» of East European Descents**. MA dissertation. Tel Aviv: Tel Aviv Univ., 1977.
54. Брэнниган, Хэмфрис 1967 — Brannigan Ch., Humphries D. **Human non-verbal behavior: a means of communication** // N. Blurton-Jones (ed.) **Ethological studies of child behavior**. Cambridge, Eng.: Cambridge Univ. Press, 1967, 37—64.
55. Брюер 1951 — Brewer W. D. **Patterns of gesture among the Levantine Arabs** // *American anthropologist*, 53, № 2, 1951, 232—237.
56. Бугенталь 1974 — Bugental D. E. **Interpretations of naturally occurring discrepancies between words and intonation: Modes of inconsistency resolution** // *Journal of personality and social psychology*, 1974, 30, 125—133.
57. Бугенталь и др. 1970 — Bugental D. E., Kaswan J. W., Love L. R. & Fox M. **Child versus adult perception of evaluative messages in verbal, vocal, and visual channels** // *Developmental psychology*, 2, 1970, 367—375.
58. Бугенталь, Лав, Джанетто 1971 — Bugental D. E., Love L. R. & Gianetto R. M. **Perfidious feminine faces** // *Journal of personality and social psychology*, 17, 1971, 314—318.
59. Вайн, Кранх 1975 — M. von Cranah, I. Vine (eds.) **Expressive movement and nonverbal communication**. London: Academic Press, 1975.
60. Ваграс 1986 — M. F. Vargas. **An introduction to nonverbal communication**. The Iowa State Univ. Press /Ames, 1986.
61. Вежбицкая 1985a — Wierzbicka A. **A semantic metalanguage for a crosscultural comparison of speech acts and speech genres** // *Language and society*, 14, № 4, 1985, 491—514.
62. Вежбицкая 1985b — Wierzbicka A. **Different cultures, different languages, different speech acts (Polish vs. English)** // *Journal of pragmatics*, 9, 1985, 145—178.

63. Вежбицкая 1986 — Wierzbicka A. Human emotions: universal or culture-specific? // *American anthropologist*, 88, № 3, 1986, 584—594.
64. Вежбицкая 1992a — Wierzbicka A. Talking about emotions: Semantics, culture, and cognition // *Cognition and emotion*, 6, 1992, 285—319.
65. Вежбицкая 1992b — Wierzbicka A. Defining emotion concepts // *Cognitive science*, 16, 1992, 539—581.
66. Вежбицкая 1993 — Wierzbicka A. Reading human faces. Emotion components and universal semantics // *Pragmatics and cognition*, 1, № 1, 1993, 1—23.
67. Вежбицкая 1995a — Wierzbicka A. Kisses, Handshakes, Bows. The Semantics of Nonverbal Communication // *Semiotica*, v. 103, № 3/4, 1995, 207—252.
68. Вежбицкая 1995b — Wierzbicka A. Emotion and facial expression: A semantic perspective // *Culture and psychology*, 1/2, 1995, 227—258.
69. Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
70. Вежбицкая 1999 — Вежбицкая А. «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999.
71. Верещагин, Костомаров 1981 — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // *Вопросы языкознания*, № 1, 1981, 36—47.
72. Вейте 1972 — Weitz S. Attitude, voice and behavior: A repressed affect model of interracial interaction // *Journal of personality and social psychology*, 1972, 24, 14—21.
73. Вили 1977 — Wylie L. *Beaux gestes: A guide to French body talk*. New York: The Undergraduate Press / Dutton, 1977.
74. Вильямс 1966 — Williams T. R. Cultural structuring of tactile experience in a Borneo society // *American anthropologist*, 68, 1966, 27—39.
75. Вильямс 1971 — Williams J. L. Personal space and its relation to extraversion-introversion // *Canadian journal of behavioral sciences*, 3, 1971, 156—160.
76. Винер и др. 1972 — Wiener M., Devoe S., Rubinow S. à Geller J. Nonverbal behavior and nonverbal communication // *Psychological review*, 79, 1972, 185—214.
77. Винкин 1995 — Winkin Y. Les corps est-il soluble dans l'analyse? Le cas de la kinésique // A.-M. Drouin-Yans (ed.) *Le corps et ses discours*. Paris: Editions l' Harmattan, 1995, 23—32.
78. Винклер 1981 — P. Winkler (ed.) *Methoden der Analyse von face-to-face Situationen*. Stuttgart: Metzler, 1981.
79. Волбот 1982 — Wallbott H. G. Contributions of the German «expression psychology» to nonverbal communication research. Part III: Gait,

- gestures, and body movements // *Journal of nonverbal behavior*, 7, 1982, 20—32.
80. Волек 1987 — Volek B. Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian (Linguistic and literary studies in Eastern Europe 24). Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1987 (рецензия: А. Wierzbicka. Emotivity in language structure // *Semiotica*, 80, № 1/2, 1990, 161—169).
81. Вокер, Назми 1979 — Walker M., Nazmi M. K. Communicating shapes by words and gestures // *Australian journal of psychology*, 31, 1979, 137—143.
82. Волоцкая и др. 1962 — Волоцкая З. М., Николаева Т. М., Сегал Д. М., Цивьян Т. В. Жестовая коммуникация и ее место среди других систем человеческого общения // *Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тез. докл. М.*, 1962, 65—79.
83. Вольфанг 1979 — Wolfgang A. The teacher and nonverbal behavior in the multicultural classroom // A. Wolfgang (ed.) *Nonverbal behavior. International conference on non-verbal behavior. Ontario Institute for studies in education*, New York: Academic Press, Inc., 1979, 159—174.
84. Вругт, Керкстра 1984 — Vrugt A., Kerkstra A. Sex differences in nonverbal communication // *Semiotica*, 50, № 1, 1984, 1—41.
85. Всеволодова, Владимирский 1982 — Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Наука, 1982.
86. Вундт 1911/1973 — Wundt W. The language of gestures. The Hague: Mouton, 1973 (ориг. изд. — 1911).
87. Вутен 1998 — Вутен С. Прикасаюсь к телу, трогаешь душу. М.: Содружество, 1998.
88. Галичев 1986 — Галичев А. И. Сопоставительное описание некоторых элементов кинесики и проксемики носителей немецкого и русского языков // *Перевод и проблемы сопоставительного изучения языков / Ред. В. М. Нечаева. М.*, 1986, 18—24.
89. Галюас, Каллан 1986 — Gallois C., Callan V. Decoding emotional messages: influence of ethnicity, sex, message type, and channel // *Journal of personality and social psychology*, 51, 1986, 762—775.
90. Гаррисон 1948/1990 — Garrison J. F. «Body» language. Tokyo; New York; London: Kodansha International, 1990 (ориг. изд. — 1948).
91. Гачев 1987 — Гачев Г. Национальные образы мира. Итальянский, Английский и Американский образы мира // *Вопросы литературы*, № 10, 1987.
92. Годдард 1991 — Goddard C. Anger in the Western desert: Semantics, culture and emotion // *Man*, 26, 1991, 602—619.
93. Голдшмидт 1974 — Goldschmidt W. Absent eyes and idle hands // *Ethos*, 3, 1974, 157—163.

94. Голдшмидт 1993 — Goldschmidt W. *On the relationship between biology and anthropology* // *Man*, 28, 1993, 341—359.
95. Горелов 1980 — Горелов И. Н. *Невербальные компоненты коммуникации*. М.: Наука, 1980.
96. Горелов, Енгальцев 1991 — Горелов И. Н., Енгальцев В. Ф. *Безмолвный мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации*. М., 1991.
97. Горелов, Седов 1997 — Горелов И. Н., Седов К. Ф. *Основы психолингвистики: Учебное пособие*. М.: Лабиринт, 1997.
98. Гоффман 1956 — Goffman E. *The presentation of self in everyday life*. Social Science Research Center Monograph, № 2, Edinburgh: Univ. of Edinburgh Press, 1956.
99. Гоффман 1963 — Goffman E. *Behavior in public places*. New York: Free Press, 1963.
100. Гоффман 1967 — Goffman E. *Interactional ritual: Essays on face-to-face behavior*. Garden City, N.Y.: Anchor, 1967.
101. Гоффман 1971 — Goffman E. *Relations in public*. New York: Basic Books, 1971.
102. Гренобль 1992 — Grenoble L. *An overview of Russian sign language* // *Sign language studies*, 77, № 1, 1992, 321—337.
103. Григорьева, Григорьев, Крейдлин 1996 — С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. *Словарная статья в новом экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз* // *Московский лингвистический журнал*, № 2, 1996, 136—146.
104. Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 — С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. *Словарь языка русских жестов*. М.; Вена: Языки русской культуры; Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 49, 2001.
105. Грин 1968 — Green J. R. *A gesture inventory for the teaching of Spanish*. Philadelphia, PA: Chilton Books, 1968.
106. Грэммер и др. 1988 — Grammer K., Schiefenhovel W., Schleidt M., Lorenz B. & Eibl-Eibesfeldt I. *Patterns on the face: the eye brow flash in cross-cultural comparison* // *Ethology*, 77, 1988, 279—299.
107. Грэхэм, Аржиль 1975 — Graham J. A., Argile M. *A cross-cultural study of the communication of extra-verbal meaning by gestures* // *International journal of psychology*, 10, 1975, 57—67.
108. Гэлловей 1968 — Galloway C. *Nonverbal communication* // *Theory and practice*, 7, 1968, 172—175.
109. Даль 1978—1980 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.
110. Данкэн 1969 — Duncan S. *Nonverbal communication* // *Psychological bulletin*, 1969 v. 72, № 2, 118—137.

111. Данкэн, Фиске 1977 — Duncan S., Fiske D. W. *Face-to-face interaction: Research, methods, and theory*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1977.
112. Данов 1980 — Danow K. D. *Semiotics of gesture in Dostoevskian dialogue* // *Russian literature*, 8, 1980, 41—75.
113. Дарвин 1872/1965 — Darwin Ch. *The Expression of the Emotions in Man and Animals*. New York: Philosophical Library, 1872 [3rd edition — 1965].
114. де Кадт 1998 — Kadt E. de *The concept of face and its applicability to the Zulu language* // *Journal of pragmatics*, 29, 1998, 173—191.
115. де Форнел 1987 — Fornel M. de. *The relevance of gesture to repair in conversation* // *International Pragmatics Conference. Abstracts*. Antwerp., August 1987.
116. Джеймс 1884 — James W. *What is an emotion* // *Mind*, 9, 1884, 188—204.
117. Джеймс 1890/1984 — James W. *The principles of psychology*. Vol. 1. New York: Holt, 1984 (1st edition — 1890).
118. Джиббинс 1969 — Gibbins K. *Communication aspects of women's clothes and their relation to fashionability* // *British journal of social and clinical psychology*, 8, 1969, 301—312.
119. Джибсон 1962 — Jibson J. J. *Observations on active touch* // *Psychological review*, 69, 1962, 477—491.
120. Джибсон 1966 — Jibson J. J. *The senses considered as perceptual systems*. Boston: Houghton Mifflin, 1966.
121. Дживенс 1977 — Givens D. B. *Shoulder shrugging: A densely communicative expressive behavior* // *Semiotica*, 19, № 1, 1977, 13—28.
122. Дживенс 1986 — Givens D. B. *The big and the small: toward a paleontology of gesture* // *Sign language studies*, 51, № 3, 1986, 145—170.
123. Джонсон 1971 — Johnson K. *Black kinesics: Some non-verbal communication patterns in the Black culture* // *The Florida foreign language reporter*, 57, 1971, 17—20.
124. Джонсон 1972 — Johnson H. G. *American communicative gestures: the emblem repertoire of middle-class males in the western United States*. Ph. D. dissertation. Univ. of California, San Francisco, 1972.
125. Джонсон 1985 — Johnson S. *Japanese nonverbal communication*. Rowley, MA: Newbury House, 1985.
126. Джонсон 1987 — Johnson M. *The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.

127. Джонсон, Экман, Фризен 1975 — Johnson H. G., Ekman P., Friesen W. V. *Communicative body movements: American emblems* // *Semiotica*, 15, № 4, 1975, 335—353.
128. Диадори 1990 — Diadori P. *Senza parole: 100 gesti degli Italiani*. Rome: Bonacci Editore, 1990.
129. Диттман 1972 — Dittman A. T. *Interpersonal messages of emotion*. New York: Springer, 1972.
130. Диттман, Левелин 1968 — Dittman A. T., Llewellyn L. G. *Relationships between vocalizations and head nods as listener responses* // *Journal of personality and social psychology*, 9, 1968, 79—84.
131. Добрунова 1990 — Добрунова О. В. *Влияние эмоций на синтаксический строй разговорной речи (на материале нем. языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.*
132. Добрушина 1995 — Добрушина Н. Р. *Принципы и методы лексикографического описания междометий. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.*
133. Д'Одориико, Кассиба и Салерни 1997 — D'Odorico L., Cassiba R. & Salerno N. *Temporal relationships between gaze and vocal behavior in prelinguistic and linguistic communication* // *Journal of psycholinguistic research*, v. 26, № 5, 1997, 54—63.
134. Дракман и др. 1982 — Druckman D., Roseli R. & Baxter J. *Non-verbal communication: Survey, theory, and research*. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1982.
135. Дрэй, МакНил 1990 — Dray N. L., McNeill D. *Gestures during discourse: the contextual structuring of thought* // S. L. Tsahatzidas (ed.) *Meaning and prototypes. Studies in linguistic categorization*. New York: Routledge, 1990, 465—487.
136. Дэвис 1973 — Davis F. *Inside intuition: What we know about nonverbal communication*. New York, St. Louis, San Francisco, Düsseldorf et al.: Mc.Graw-Hill Book Company, 1973.
137. Дэвис 1991 — Davis P. *The power of touch*. Carson, CA: Hay House, 1991.
138. Дэвиц, Уэйтс 1981 — Davis M., Weits S. *Sex differences in body movements and postures* // C. Mayo & H. N. Henley (eds.) *Gender and nonverbal behavior*. New York: Springer Verlag, 1981, 81—92.
139. Дэвиц 1964 — Davitz, J. R. *The communication of emotional meaning*. New York: McGraw-Hill, 1964.
140. Дюранти 1992 — Duranti A. *Language and bodies in social space: Samoan ceremonial greetings* // *American anthropologist*, 94, 1992, 657—691.
141. Дюшен 1862/1990 — Duchenne G. B. *The mechanism of human facial expression or an electro-psychological analysis of the expression of the emotions*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990 (1-st edition — 1862: в 1862 году книга вышла под названием «Mecanisme de la physionomie humaine»).

142. Жинкин 1998 — Жинкин Н. И. *Язык. Речь. Творчество (Избранные труды)*. М.: Лабиринт, 1998.
143. Зайцева 1974 — Зайцева Г. Л. К вопросу о синтаксисе жестового языка глухих // *Дефектология*, 3, 1974.
144. Зайцева 1987 — Зайцева Г. Л. Методы изучения системы жестового общения глухих // *Дефектология*, 1, 1987, 3—11.
145. Зайцева, Фрумкина 1981 — Зайцева Г. Л., Фрумкина Р. М. Психолингвистические аспекты изучения жестового языка // *Дефектология*, 1, 1981, 14—21.
146. Зигман, Фельдштайн 1978 — A. W. Siegman, S. Feldstein (eds.) *Nonverbal behavior and communication*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1978.
147. Изард 1971 — Izard C. E. *The face of emotion*. New York: Appleton—Century—Crofts, 1971.
148. Изард 1977/1980 — Izard C. E. *Human emotions*. New York: Plenum Press, 1977 (рус. изд. — 1980).
149. Изард 1992 — Izard C. E. Basic emotions, relations among emotions, and emotion-cognition relations // *Psychological review*, 99, № 3, 1992, 561—565.
150. Изард и др. 1984 — Izard C. E., Kagan J. & Zajonc R. E. *Emotions, cognition and behavior*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984.
151. Изон 1988 — Eason A. *Emotion and gesture in «Nicholas Nickleby»* // *Dickens quarterly*, 5, 1988, 136—151.
152. Иорданская, Паперно 1996 — Iordanskaja L., Paperno S. A *Russian-English collocational dictionary of the human body* (ed. by R. L. Leed). Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1996.
153. Казакевич 1999 — Казакевич О. А. Между гневом и страхом (человек и его эмоции в фольклоре северных селкупов) // *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке: Сб. статей / Под ред. И. Д. Арутюновой и И. Б. Левониной*. М.: Индрик, 1999, 272—280.
154. Кальоньетто, Поджи 1997 — Caldognetto M., Poggi I. *Mani che parlano. Gesti e psicologia della comunicazione*. Padova: Unipress, 1997.
155. Кальбрис 1985 — Calbris C. La mimique faciale et gestuelle du refus: *Motivation* // *Geste et Image*, 4, 1985, 11—37.
156. Кальбрис 1987 — Calbris G. *Geste et motivation* // *Semiotica*, 55, № 1/2, 1987, 57—96.
157. Кальбрис 1990 — Calbris G. *The semiotics of French gestures*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1990.
158. Кальбрис 1998 — Calbris G. *Deixis representative* // *The semantics and pragmatics of everyday gestures. Abstracts*. Berlin, Research center for semiotics of the Technical University, 1998.

159. Кальбрис, Монтредон 1986 — Calbris G., Montredon J. **Des gestes et des mots pour le dire**. Paris: Cle International, 1986.
160. Кассел, МакНил 1991 — Cassell J., McNeill D. **Gesture and the poetics of prose** // *Poetics today*, 12, 1991, 375—404.
161. Кей 1975 — Key M. R. **Paralanguage and kinesics**. Metuchen, N.J.: The Scarecrow Press, Inc., 1975.
162. Кей 1982 — M. R. Key (ed.) **Nonverbal communication today. Current research**. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton Publishers, 1982.
163. Кей 1996 — Key M. R. **Male / female language**. Lanham, Md. & London: The Scarecrow Press, Inc., 1996.
164. Келли 1969 — Kelly J. **Dress as non-verbal communication**. Paper presented to the annual conference of the American association for public opinion research, May, 1969.
165. Кендон 1967 — Kendon A. **Some functions of gaze direction in social interaction** // *Acta psychologica*, 26, 1967, 22—63.
166. Кендон 1972 — Kendon A. **Some relationships between gestures and speech: An analysis of an example** // A. Siegman, B. Pope (eds.) *Studies in dyadic communication*. Elmsford, N.Y.: Pergamon Press, 1972, 177—210.
167. Кендон 1980a — Kendon A. **A firework for the semiotics of visible human action** // *Semiotica*, 29, 1/2, 1980, 185—192.
168. Кендон 1980b — Kendon A. **Sign language of the women of Yucadumn: A preliminary report on the structure of Waripiri sign language** // *Sign language studies*, 27, 1980, 101—113.
169. Кендон 1981 — Kendon A. **Geography of gestures** // *Semiotica*, 37, № 1/2, 1981, 129—163.
170. Кендон 1982 — Kendon A. **The study of gesture: Some observations on its history** // *Recherches semiotique/Semiotic inquiry*, 2, 45—62.
171. Кендон 1983 — Kendon A. **Gesture and speech: How they interact** // J. M. Wiemann, R. P. Harrison (eds.) *Nonverbal interaction*. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1983, 13—45.
172. Кендон 1988 — Kendon A. **Sign languages of aboriginal Australia: Cultural, semiotic and communicative perspectives**. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1988.
173. Кендон 1990 — Kendon A. **Gesticulation, quotable gestures, and signs** // M. Moerman, M. Momura (eds.) *Culture embodied*. Osaka: National museum of ethnology, 1990, 53—77.
174. Кендон 1992 — Kendon A. **Some recent work from Italy on quotable gestures («emblems»)** // *Journal of linguistic anthropology*, 2, № 1, 1992, 72—93.
175. Кендон 2000 — Kendon A. **Studying gesture in Naples and elsewhere** // *Gestures: meaning and use*, Porto, 2000.

176. Кендон, Фербер 1973 — Kendon A., Ferber, A. A description of some human greetings // P. M. Michael, J. H. Cook (eds.) *Comparative ecology and behavior of primates*. London: Academic, 1973, 591—688.
177. Килбрайд, Ярчовер 1980 — Kilbride J. E., Yarczower M. Recognition and imitation of facial expression: A cross-cultural comparison between Zambia and the United States // *Journal of cross-cultural psychology*, 11, 1980, 141—155.
178. Ким 1978 — Kim Ki-hong. Misunderstanding in nonverbal communication: America and Korea // *Papers in linguistics*, 1978, № 1/2, 1—22
179. Кинсбурн 1972 — Kinsbourn M. Eye and head turning indicates cerebral lateralization // *Science*, 176, 1972. 539—541.
180. Кирк, Бертон 1976 — Kirk L., Burton M. Physical versus semantic classification of non-verbal forms: a cross-cultural experiment // *Semiotica*, 17, № 4, 1976, 315—337.
181. Кирх 1987 — Kirch M. S. *Deutsche Gebardensprache*. Hamburg: Baske, 1987.
182. Кларк 1885 — Clark C. *The Indian Sign Language*. Philadelphia, 1885.
183. Клейн 1984 — Klein Z. Sitting postures in male and female // *Semiotica*, 48, № 2, 1984, 119—131.
184. Клейнке и др. 1973 — Kleinke C. L., Bustos A. A., Mecker F. B. & Staneski R. A. Effects of self attributed and other attributed gaze in interpersonal evaluations between males and females // *Journal of experimental social psychology*, 9, 1973, 154—163.
185. Клинеберг 1935 — Klineberg O. *Emotional expression* // *Race differences*. New York: Harper and Bros., 1935, 278—289.
186. Клинеберг 1940 — Klineberg O. *Social Psychology*. New York: Henry Holt, 1940.
187. Кнапп 1972/1978 — Knapp M. L. *Nonverbal communication in human interaction*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1978 (1st edition — 1972).
188. Кнапп и др. 1973 — Knapp M. L., Hart R. P., Friedrich G. W., & Schulman G. M. The rhetoric of goodbye: Verbal and nonverbal correlates of human leave-taking // *Speech monographs*, 40, 1973, 182—198.
189. Коваль, Тьям 1998 — Коваль А. И., Тьям А. Г. Жест и жестовое поведение как проблема перевода (на материале франкоязычной африканской прозы) // *Африка: общества, культуры, языки (взаимодействие культур в процессе социально-экономической и политической трансформации местных обществ. История и современность)*. Материалы выездной сессии Научного совета по проблемам Африки РАН, состоявшейся в Санкт-Петербурге 5 — 7 мая 1997 г. М., 1998, 177—183.

190. Кодзики 1994 — Кодзики. Записи о деяниях древности. Свиток 1-й / Пер. и коммент. Е. М. Пинус. СПб.: ШАР, 1994.
191. Колл и др. 1990 — Coll J., Geiabert M. J. & Martinelli E. *Diccionario de gestos con sus giros mas usuales*. Madrid, 1990.
192. Коллет 1982 — Collett P. *Meetings and misunderstandings* // G. Bochner (ed.) *Cultures in contact: Studies in cross-cultural interaction*. Oxford: Pergamon Press, 1982, 81—98.
193. Коллет 1983 — Collett P. *Mossi salutations* // *Semiotica*, 45, № 2, 1983, 191—248.
194. Колшанский 1974 — Колшанский Г. В. *Паралингвистика*. М.: Наука, 1974.
195. Коппола 1970 — Coppola A. F. *Reality and the haptic world* // *Phi Kappa Phi journal*, 1, 1970, 14—15.
196. Копчевская-Тамм, Рахилина 1999 — Копчевская-Тамм М., Рахилина Е. В. *С самыми теплыми чувствами (по горячим следам Стокгольмской экспедиции)* // *Типология и теория языка. От описания к объяснению. Сб. научных статей к 60-летию А. Е. Кибрика*. М.: Языки русской культуры, 1999, 462—487.
197. Косниер, Броссард 1984 — Cosnier J., Brossard A. *Communication non verbale: Co-texte ou contexte?* // J. Cosnier, A. Brossard (eds.) *La communication non verbale*. Neuchatel-Paris: Delachax et Niestle, 1984, 1—29.
198. Косниер и др. 1982 — J. Cosnier, A. Berrendonner, J. Coulon & J. Orecchioni (eds.) *Les voies du langage: Communications verbales, gestuelles et animales*. Paris: Dunod, 1982.
199. Коутс, Шнайдер 1975 — Coutts L. M. & Schneider K. W. *Visual behavior in an unfocused interaction as a function of sex and distance* // *Journal of personality and social psychology*, 11, 1975, 64—77.
200. Кочман 1981 — Kochman Th. *Black and white styles in conflict*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1981.
201. Козн 1977 — Cohen A. *The communicative functions of hand illustrators* // *Journal of communication*, 27, 1977, 54—63.
202. Кранх 1971 — von Cranach M. *The role of orienting behavior in human interaction* // A. H. Esser (ed.) *Behavior and environment: The use of space by animals and men*. New York: Plenum Press, 1971, 217—237.
203. Красильникова 1977 — Красильникова Е. В. *Жесты и языковые фразеологизмы (к соотношению вербального и невербального кодов)* // *Из опыта создания лингвострановедческих пособий по русскому языку: Сб. работ / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова*. М., 1977, 23—35.
204. Красильникова 1983 — Красильникова Е. В. *Жест и структура высказывания в разговорной речи* // *Русская разговорная речь. Фо-*

- нетика, морфология, лексика, жест / Под ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1983, 214—235.
205. Краут, Джонстон 1979 — Kraut R. E., Johnston R. E. *Social and emotional messages of smiling: an ethological approach* // *Journal of personality and social psychology*, 37, № 6, 1979, 1539—1553.
206. Крейдер 1977 — Creider C. A. *Toward a description of East African gestures* // *Sign language studies*, 14, 1977, 1—20.
207. Крейдер 1978 — Creider C. A. *Intonation, tone groups and body motion in Lao conversation* // *Anthropological linguistics*, 1978, 20, 327—339.
208. Крейдлин 1979 — Крейдлин Г. Е. *Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения)*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1979.
209. Крейдлин 1990 — Крейдлин Г. Е. *Некоторые пути и типы метаформизации слов в языке* // *Логический анализ языка. Тождество и подобие, сравнение и идентификация: Сб. работ под ред. Н. Д. Арутюновой*. М.: Наука, 1990, 124—139.
210. Крейдлин 1994а — Крейдлин Г. Е. *Метафора семантических пространств и значение предлога* // *Вопросы языкознания*, № 3, 1994, 19—27.
211. Крейдлин 1994б — Крейдлин Г. Е. *Таксономия, норма, оценка* // *Знак; Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журицкого*. М.: Русский учебный центр, 1994, 19—26.
212. Крейдлин 1996 — Крейдлин Г. Е. *Стереотипы возраста* // *Wiener Slawistischer Almanach*, 37, 1996, 207—218.
213. Крейдлин 1998 — Крейдлин Г. Е. *Семантические типы жестов* // *Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской: Сб. работ / Под ред. М. Я. Гловинской и др.* М.: Наследие, 1998, 174—184.
214. Крейдлин, Рахилина 1984 — Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. *Семантический анализ вопросно-ответных структур со словом «какой»* // *Известия Академии наук. Серия литературы и языка*, 43, № 5, 1984.
215. Крейдлин, Кронгауз 1997 — Крейдлин Г. Е., Кронгауз М. А. *Семиотика, или азбука общения. Экспериментальное учебное пособие для учащихся V—VII классов*. М.: МИРОС, 1997.
216. Крейдлин, Шаронов 1998 — Крейдлин Г. Е., Шаронов И. А. *Итогационные пометы в словаре коммуникативов (содержание и способ представления)* // *Экспрессия в языке и речи: Сб. тезисов*. М., 1998, 43—46.
217. Крейдлин, Чувилина 2001а — Крейдлин Г. Е., Чувилина Е. А. *Улыбка как жест и как слово (к проблеме внутриязыковой типологии невербальных актов)* // *Вопросы языкознания*, № 4, 2001, 66—93.

218. Крейдлин, Чувилина 20016 — Крейдлин Г. Е., Чувилина Е. А. **Семантические типы русских улыбок**. М., 2002 (в печати).
219. Крессвел 1968 — Cresswell R. **Le geste manuel associe au langage** // *Langages*, 10, 1968, 119—127.
220. Кречмер 1925 — Kretschmer E. **Physique and character: An investigation of the nature of constitution and of the theory of temperament**. New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1925.
221. Кристал 1971 — Crystal D. **Prosodic and paralinguistic correlates of social categories** // E. Ardener (ed.) *Social anthropology and language*. London: Tavistock Publications, 1971, 162—174.
222. Кристал, Квирк 1964 — Crystal D., Quirk R. **Systems of prosodic and paralinguistic features in English**. The Hague: Mouton, 1964.
223. Критчли 1975 — Critchley M. **Silent Language**. London: Butterworth & Co (Publishers) Ltd, 1975.
224. Кэшер, Фейн 1996 — Fein O., Kasher A. **How to do things with words and gestures in comics** // *Journal of pragmatics*, 26, № 4, 1996, 793—808.
225. КЯО 1999 — **Книга японских обыкновений** / Сост. А. Н. Мещеряков. М.: Наталис, 1999.
226. ЛаБар 1947 — LaBarre W. **The cultural basis of emotions and gestures** // *Journal of personality*, 16, 1947 (1948), 49—68.
227. ЛаКросс 1975 — LaCross M. B. **Nonverbal behavior and perceived counselor attractiveness and persuasiveness** // *Journal of counseling psychology*, 22, 1975, 563—566.
228. Ламб, Уотсон 1979 — Lamb W., Watson E. **Body code: The meaning in movement**. London: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1979.
229. ЛаМери 1941 — LaMeri. **The gesture language of the Hindu dancing**. New York, 1941.
230. Латеинер 1995 — Lateiner D. **Sardonic smile. Nonverbal behavior in Homeric epic**. Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan Press, 1995.
231. Лафт 1966 — Luft J. **On nonverbal interaction** // *Journal of psychology*, 63, 1966, 261—268.
232. Лац 1988 — Lutz C. **Unnatural emotions: Everyday sentiments on a Micronesian atoll and their challenge to Western theory**. Chicago: Chicago Univ. Press, 1988.
233. Лебра 1976 — Lebra T. S. **Japanese patterns of behavior**. Honolulu: East-West Center of the Univ. Press of Hawaii, 1976.
234. Леви, МакНил 1992 — Levy E., McNeill D. **Speech, gesture, and discourse** // *Discourse processes*, 15, 1992, 277—301.
235. Леруа-Гуран 1964 — Leroi-Gourhan A. **Le geste et la parole: Technique et langage**. Paris: Albin Michel, 1964.
236. Липовска 1999 — Липовска А. **О прагматическом аспекте исследования невербальных (кинетических) компонентов коммуникации**

- при сопоставительном анализе близкородственных языков // *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия II: Прагматический аспект исследования языка*. Тарту: Изд-во Тартуского университета (Tartu Univ. Press), 1999, v. 2, 170—181.
237. Литл 1965 — Little K. B. *Personal space* // *Journal of experimental social psychology*, 1, 1965, 237—247.
238. Лихтенберг 1965 — Лихтенберг Г. К. *Афоризмы*. 2-е изд. М.: Наука, 1965.
239. Лотт, Коммер 1967 — Lott D. F., Sommer R. *Seating arrangements and status* // *Journal of personality and social psychology*, 7, 1967, 90—95.
240. Лоуэн 1971/1997 — Лоуэн А. *Язык тела*. СПб.: Гуманитарное агентство Академический проект, 1997 (ориг. изд. — 1971).
241. Лоуэн 1998 — Лоуэн А. *Биоэнергетика (революционная терапия, которая использует язык тела для лечения проблем разума)*. СПб.: Ювента, 1998.
242. Лоуэн 1969/1999 — Лоуэн А. *Предательство тела*. Екатеринбург: Деловая книга, 1999 (ориг. изд. — 1969).
243. Лумис 1956 — Loomis C. G. *Folklore in the news: Sign language of truck drivers* // *Western folklore*, 5, 1956, 205—206.
244. Лэйкин 1963 — Laikin P. *A hand guide to language, with a guide to famous international hand gestures*. New York: Sloves & Frey, 1963.
245. Льюис 1978 — Lewis D. *The body language of children: How children talk before they can speak*. London: Souvenir Press, 1978.
246. Майо, Хенли 1981 — C. Mayo, N. M. Henley (eds.) *Gender and nonverbal behavior*. New York: Springer — Verlag, 1981.
247. МакВей — McVeigh B. *Standing stomachs, clamoring chests and cooling livers: Metaphors in the psychological lexicon of Japanese* // *Journal of pragmatics*, 26, 1996, 25—50.
248. МакГуир 1980 — McGuire M. T. *Metakinesic behavior: Some theoretical considerations* // W. von Raffler-Engel (ed.) *Aspects of nonverbal communication*. Lisse, Holland: Swets and Zeitlinger, 1980, 125—132.
249. МакНил 1979 — McNeill D. *The conceptual basis of language*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1979.
250. МакНил 1986 — McNeill D. *Iconic gestures of children and adults* // *Semiotica*, 79, № 3/4, 1986, 107—28.
251. МакНил 1992 — McNeill D. *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago: Chicago Univ. Press, 1992.
252. МакНил, Леви 1982 — McNeill D., Levy E. *Conceptual representation in language and gesture* // R. J. Jarvella, W. Klein (eds.) *Speech, Place and Action*. New York: John Wiley & Sons Ltd., 1982, 271—295.

253. МАС 1981—1984 — **Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд.** М.: Русский язык, 1981—1984.
254. Махов 1993 — Махов А. Е. **Ранний романтизм в поисках музыки. Слух. Воображение. Духовный быт.** М.: Лабиринт, 1993.
255. Мейснер, Филпот 1975 — Meisner M., Philpott S. B. **The sign language of sawmill workers in British Columbia** // *Sign language studies*, 9, 1975, 291—308.
256. Мельчук 1995 — Mel'čuk, I. **Phrasemes in language and phraseology in linguistics** // M. Everaert, E.-J van der Linden, A. Shenk à R. Schreuder (eds.) *Idioms: Structural and psychological perspectives*. Hillsdale, NJ. — Hove, UK.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1995, 167—232.
257. Мессинг 1960 — Messing S. D. **The nonverbal language of the Ethiopian toga** // *Anthropos*, 55, 1960.
258. Мехрабиан 1968 — Mehrabian A. **Relationship of attitude to seated posture, orientation, and distance** // *Journal of personality and social psychology*, 10, 1968. 26—30.
259. Мехрабиан 1969a — Mehrabian A. **Some referents and measures of nonverbal behavior** // *Behavior research methods and instrumentation*, 1, 1969, 203—207.
260. Мехрабиан 1969b — Mehrabian A. **Significance of posture and position in the communication of attitude and status relationships** // *Psychological Bulletin*, 71, 1969, 359—372.
261. Мехрабиан 1970 — Mehrabian A. **A semantic space for nonverbal behavior** // *Journal of consulting and clinical psychology*, 35, 1970, 248—249.
262. Мехрабиан 1971 — Mehrabian A. **Silent messages**. Belmont, California: Wadsworth Publishing Company, Inc., 1971.
263. Мехрабиан 1972 — Mehrabian A. **Nonverbal communication**. Chicago: Aldine, 1972.
264. Миллер 1994 — Miller G. A. **Nonverbal communication** // V. P. Clark, P. A. Eschholz & A. F. Rosa (eds.) *Language: introductory readings, 5-th edn.*, New York: St. Martin's Press, 1994, 655—663.
265. Миллз, Аронсон 1965 — Mills J., Aronson E. **Opinion change as a function of the communicator's attractiveness and desire to influence** // *Journal of personality and social psychology*, 1, 1965, 73—77.
266. Минц 1956 — Mintz N. L. **Effects of esthetic surroundings: II. Prolonged and repeated experience in a «beautiful» and «ugly» room** // *Journal of psychology*, 41, 1956, 459—466.
267. Минц 1969 — Mintz E. **Touch and psychoanalytic tradition** // *Psychoanalytic review*. 56, 1969, 367—376.
268. Монохан 1983 — Monohan B. **A dictionary of Russian gestures**. Ann Arbor, MI: Hermitage, 1983.

269. Монтегю 1971 — Montagu A. *Touching: The human significance of skin*. New York: Harper & Row, 1971.
270. Мори-Руан 2000 — Maury-Rouan C. *Audible facial expressions and the case of the smile in blind-born children: Доклад на конференции «Gestures: meaning and use», Porto, 2000.*
271. Моррис 1977 — Morris D. *Manwatching: A field guide to human behavior*. London: Jonathan Cape, 1977.
272. Моррис и др. 1979 — Morris D., Collett P., Marsh P., O' Shaughnessy M. *Gestures: their origins and distributions*. New York: Stein and Day, 1979.
273. Моррис 1994 — Morris D. *Bodytalk: A world guide to gestures*. London: Jonathan Cape, 1994.
274. Морсбах 1973 — Morsbach H. *Aspects of nonverbal communication in Japan* // *Journal of nervous and mental disease*, 157, 1973, 262—277.
275. Морсбах 1988 — Morsbach H. *Nonverbal communication and hierarchical relationships: The case of bowing in Japan* // F. Poyatos (ed.) *Crosscultural perspectives in nonverbal communication*. Toronto; Lewiston; NJ.; Gottingen; Zurich: C. J. Hogrefe, Inc., 1988, 189—199.
276. Мосс 1921/1996 — Мосс М. *Обязательные выражения чувств (Австралийские погребальные словесные ритуалы)* // Мосс М. *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии*. М.: Восточная литература, 1996 (ориг. изд. — 1921), 74—82.
277. Мосс 1935/1996 — Мосс М. *Техники тела* // Мосс М. *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии*. М.: Восточная литература, 1996 (ориг. изд. — 1935), 242—263.
278. Мотли, Камден 1988 — Motley M. T., Camden C. T. *Facial expression of emotion: A comparison of posed expressions versus spontaneous expressions in an interpersonal communication setting* // *Western journal of speech communication*, 52, 1988, 1—22.
279. Мунари 1963 — Munari B. *Supplemento al dizionario italiano*. Milan: Muggiani Editore, 1963.
280. Муханов 1989 — Муханов И. Л. *Жест и мимика в обучении эмоциональным коммуникациям (устная и письменная речь)* // *Русский язык за рубежом*, 2, 1989, 11—19.
281. Мучемблед 1987 — Muchembled R. *Pour une histoire des gestes (XV—XVIIIe siecle)* // *Review d'histoire moderne et contemporaine*, 34, 1987, 81—101.
282. Найроп 1901/1968 — Nyrop Ch. *The kiss and its history*. Michigan: Singing Tree Press, 1968 (1st edition — 1901).
283. НБП 1979 — A. Wolfgang (ed.) *Nonverbal behavior: Applications and cultural implications*. New York; San Francisco; London: Academic Press, 1979.

284. Нгуйен и др. 1975 — Nguyen T., Heslin R. & Nguyen M. The meanings of toach: Sex differences // *Journal of communication*, 1975. 25, 92—103.
285. Неуступный 1987 — Neustupny J. V. Communicating with the Japanese. Tokyo, 1987.
286. Николаева 1972 — Николаева Т. М. Жест и мимика у лектора. М.: Знание, 1972.
287. Николаева 1973 — Николаева Т. М. Интерференция речевых и перечевых средств в человеческом общении // *Recherches sur les systèmes signifiants*. The Hague; Paris, 1973.
288. Николаева 1990 — Николаева Т. М. Словарная статья «Паралингвистика» // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990, 367.
289. Николаева, Успенский 1966 — Николаева Т. М., Успенский Б. А. Языкознание и паралингвистика // *Лингвистические исследования по общей и славянской типологии* / Ред. Т. М. Николаева. М.: Наука, 1966, 63—74.
290. Ноллер 1980 — Noller P. Gaze in married couples // *Journal of nonverbal behavior*, 5, № 2, 1980, 115—129.
291. НОСС 2000 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2 / Под общим руководством Ю. Д. Апресяна. М: Языки русской культуры, 2000.
292. Ноулсон 1965 — Knowlson J. R. The idea of gesture as a universal language in the 17th and 18th centuries // *Journal of the history of ideas*, 26, 1965, 495—508.
293. Ньюман, Мавер 1938 — Newman S. S., Mather V. G. Analyses of spoken language of patients with affective disorders // *American journal of psychiatry*, 1938, 94, 913—942.
294. Олпорт, Вернон 1933 — Allport G. W., Vernon P. E. Studies in expressive movement. New York: MacMillan, 1933.
295. Ортега-и-Гассет 1994 — Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // *Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды*. М., 1997. 480—698.
296. Ортони, Тернер 1990 — Ortony A., Turner T. «What's basic about basic emotions?» // *Psychological review*, 74, 1990, 315—331.
297. Павлова 1998 — Pavlova S. Head and hand gestures in Bulgarian — semantics, specific nature and lexicographic presentation // *The semantics and pragmatics of everyday gestures*. Abstracts. Berlin, Research center for semiotics of the Technical University, 1998.
298. Падучева 1985 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985.
299. Пайк 1967 — Pike K. L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. The Hague: Mouton, 1967.
300. Пайрато 1993 — Payrato L. A pragmatic view on autonomous gestures: A first repertoire of Catalan emblems // *Journal of pragmatics*, 20, 1993, 193—216.

301. Панькин, Филиппов 1979 — Панькин В. М., Филиппов А. В. О словесных обозначениях несловесных сигналов и смыслов // *Пути развития национально-русского двуязычия в нерусских школах РСФСР*. М., 1979, 68—80.
302. Партридж 1959 — Partridge E. *Origins: A short etymological dictionary of modern English*. New York: MacMillan, 1959.
303. Педелти, МакНил 1986 — Pedelty L., McNeill D. *Gesture form changes with level of discourse focus* // A. Farley, P. Farley & K-E. McCullough (eds.) *Papers from the 22nd annual meeting of the Chicago linguistic society*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1986, 336—343.
304. Перкинс 1986 — Perkins R. E. *The checklist of sex role motor behavior applied to European population in a natural setting* // *Behavioral assessment*, 8, 1986, 285—300.
305. Поджи 1998 — Poggi I. *Italian gestuary. Lexical gestures of Italian hearing people*, 1998 (рукопись).
306. Поджи, Зомпарелли 1987 — Poggi I., Zomparelli M. *Lessico e grammatica nei gesti e nelle parole* // I. Poggi (ed.) *Le parole nella testa. Guida a un'educazione linguistica cognitivista*. Bologna: Societa editrice il Mulino, 1987, 291—327.
307. Познер и др. 1998 — Posner R., Krüger R., Noll T. & Serenari M. *The Berlin Dictionary of everyday gestures* // *The semantics and pragmatics of everyday gestures. Abstracts*. Berlin: Research center for semiotics of the Technical University, 1998.
308. Пойатос 1976 — Poyatos F. *Man beyond words: Theory and methodology of nonverbal communication*. New York: The New York State English Council, 1976.
309. Пойатос 1977 — Poyatos F. *Forms and functions of nonverbal communication in the novel: A new perspective of the author-character-reader relationship* // *Semiotica*, 21, № 3/4, 1977, 295—337.
310. Пойатос 1988 — F. Poyatos (ed.) *Crosscultural perspectives in nonverbal communication*. Toronto; Lewiston, N.J.; Gottingen; Zurich: C. J. Hogrefe, Inc., 1988.
311. Пойатос 1992 — Poyatos F. *Aspects of nonverbal communication in literature* // J. Holts-Manttari, Chr. Nord (eds.) *Traducere Navem: Festschrift K. Reiss*. Tampere, Finland, 1992, 137—151.
312. Пойатос 1993 — Poyatos F. *Paralanguage. A linguistic and interdisciplinary approach to interactive speech and sound*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993.
313. Потапова 1990 — Потапова Р. К. *Фонетические средства оптимизации речевого воздействия* // *Оптимизация речевого воздействия (коллективная монография)*. М.: Наука, 1990.
314. Потапова 1997 — Потапова Р. К. *Коннотативная паралингвистика*. М.: Триада, 1997.
315. Пройшофт, Хофф 1997 — Preuschoft S., Hooff J. A. R. van. *The social function of «smile» and «laughter»: variation across primate species*

- and societies // U. Segestrele, P. Molnar (eds.) *Nonverbal communication: Where nature meets culture*. Mahwah, New Jersey, 1997, 171—190.
316. Пронников, Ладанов 1996 — Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы. М., 1996.
317. Радклифф-Браун 1922/1964 — Radcliffe-Brown A. R. *The Andaman islanders*. New York: Free Press, 1964 (1st edition — 1922).
318. Раздорский 1981 — Раздорский А. И. Национально-культурные особенности коммуникации в японском устном диалоге: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
319. Райан 1966 — Ryan M. S. *Clothing: A study in human behavior*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966.
320. Райх 1933/1949 — Reich W. *Character analysis*. New York: Orgone Institute Press, 1949 (1st edition — 1933).
321. Рассел 1994 — Russell J. A. Is there a universal recognition of emotion from facial expression? A review of the cross-cultural studies // *Psychological bulletin*, 115, 1994, 102—141.
322. Рассел 1995 — Russell J. A. Facial expressions of emotions: What lies beyond minimal universality? // *Psychological bulletin*, vol. 118, № 3, 1995, 379—391.
323. Рассел и др. 1993 — Russell J. A., Suzuki N. & Ishida N. Canadian, Greek, and Japanese freely produced labels for facial expressions // *Motivation and emotion*, 17, 1993, 337—352.
324. Раттер 1984 — Rutter D. R. *Looking and seeing: The role of visual communication in social interaction*. Chichester; New York; Brisbane; Toronto; Singapore: John Wiley and Sons, 1984.
325. Раффлер-Энджел 1986 — von Raffler-Engel W. The transfer of gestures // *Semiotica*, 62, № 1/2, 1986, 129—145.
326. Раффлер-Энджел 1988 — von Raffler-Engel W. The impact of covert factors in cross-cultural communication // F. Poyatos (ed.) *Cross-cultural perspectives in nonverbal communication*. Toronto; Lewiston, N.J.; Gottingen; Zurich: C. J. Hogrefe, Inc., 1988, 71—104.
327. Рейнах 1924 — Reinach S. L'histoire des gestes // *Revue archéologique*, 20, 1924, 64—79.
328. Ректор 1986 — Rector M. Emblems in Brazilian culture // P. Bouissac, M. Herzfeld & R. Posner (eds.) *Iconicity: Essays on the nature of culture. Festschrift for Thomas A. Sebeok on his 65th birthday*. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 1986, 447—462.
329. Ректор, Тринта 1985 — Rector M., Trinta A. R. *Comunicacao nao-verbal: A gestualidade Brasileira*. Petropolis, Rio de Janeiro: Editora Vozes, 1985.
330. Реформатский 1963 — Реформатский А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // *Исследования по структурной типологии*. М.: Изд-во АН СССР, 1963, 208—215.

331. Риджио, Фридман 1986 — Riggio R. E., Friedman H. S. **Impression formation: The role of expressive behavior** // *Journal of personality and social psychology*, 50, 1986, 421—427.
332. Райм, Шнаратура 1991 — Rime B., Schiaratura L. **Gesture and speech** // R. S. Feldman, B. Rime (eds.) *Fundamentals of nonverbal behavior*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1991, 239—281.
333. Ример 1955 — Riemer M. D. **Abnormalities of the gaze — a classification** // *Psychiatric quarterly*, 29, 1955, 659—672.
334. Рис, Уитмэн 1962 — Reece M. M., Whitman N. R. **Expressive movements, warmth, and verbal reinforcement** // *Journal of abnormal and social psychology*, 64, № 3, 1962, 234—236.
335. Риччи-Битти 1976 — Ricci-Bitti P. E. **Communication by gesture in South and North Italian** // *Italian journal of psychology*, 3, 1976, 117 — 126.
336. Риччи-Битти 1992 — Ricci-Bitti P. E. **Facial and manual components of Italian Symbolic gestures** // F. Poyatos (ed.) *Advances in nonverbal communication: Sociocultural, clinical, esthetic and literary perspectives*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 1992, 187—196.
337. Розенталь 1979 — R. Rosenthal (ed.) **Skill in nonverbal communication: Individual differences**. Cambridge, MA: Oelgeschlager, Gunn & Hain, 1979.
338. Розик 1998 — Rozik E. **Ellipsis and surface structures of verbal and nonverbal metaphor** // *Semiotica*, 119, № 1/2, 1998, 77—103.
339. Рубин 1973 — Rubin Z. **Liking and loving**. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1973.
340. Саарни, Хэррис 1989 — C. Saarni, P. L. Harris (eds.) **Children's understanding of emotion**. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1989.
341. Сафадн, Валентайн 1988 — Safadi M., Valentine C. **Emblematic gestures among Hebrew speakers in Israel** // *International journal of intercultural relations*, 12, 1988, 327—361.
342. Сафадн, Валентайн 1990 — Safadi M., Valentine C. **Contrastive analysis of American and Arab nonverbal and paralinguistic communication** // *Semiotica*, 82, № 3, 1990, 269—292.
343. Себеок и др. 1964 — T. A. Sebeok, A. S. Hayes & M. C. Bateson (eds.) **Approaches to semiotics**. The Hague: Mouton, 1964.
344. Сегештрале, Молнар 1997 — U. Segestråle, P. Molnar (eds.) **Nonverbal communication: Where nature meets culture**. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1997.
345. Секвейра 2000 — Sequeira R. **An Indian approach to movements, gestures and dance** // *Gestures: meaning and use. Papers for the First International Conference on Gestures: Gesture, Meaning and Use*. Universidade Fernando Pessoa, Oporto, Portugal, 2001 (in print).

346. Селиверстова 1983 — Селиверстова О. Н. Понятия «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса // *Известия Академии наук. Серия литературы и языка*, т. 2, М., 1983, 152—160.
347. Селищев 1928 — Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). М., 1928.
348. Сина 1983 — Sena J. F. The language of gestures in «Gulliver's Travels» // *Papers on language and literature*, 19, № 2, 1983, 145—166.
349. Ситтл 1890/1970 — Sittl C. Die Gebarden der Griechen und Römer. Hildesheim; New York: Georg Olms Verlag, 1970 (ориг. изд. — 1890).
350. Сиффорд 1978 — Seaford H. W., jr. Maximizing replicability // *Semiotica*, v. 24, № 1/2, 1—30.
351. Славянские древности 1995 — Славянские древности: Энциклопедический словарь / Ред. Н. И. Толстой. М.: Международные отношения, т. 1, 1995.
352. Слама-Казаку 1976 — Slama-Cazacu T. Nonverbal components in message sequence: «Mixed syntax» // W. C. McCormack, S. A. Wurm (eds.) *Language and man: Anthropological issues*. The Hague: Mouton, 1976, 217—222.
353. Словарь XVIII 1984 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1 и след. (изд. продолжается). Л., 1984 (вып. 1).
354. Смирнова 1971 — Смирнова Н. И. Невербальные аспекты коммуникации (на материалы русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук, М., 1971.
355. Смит, Чейз & Либлич 1974 — Smith W. J., Chase J. & Lieblich A. K. Tongue showing: A facial display of humans and other primate species // *Semiotica*, 1974, 11, № 1, 201—246.
356. Солженицын 1994 — Солженицын А. И. Раскаивание и самоограничение как категории национальной жизни // *Звезда*, 6, 1994, 3—19.
357. Sommer 1959 — Sommer R. Studies in personal space // *Sociometry*, 22, 1959, 247—260.
358. Sommer 1961 — Sommer R. Leadership and group geography // *Sociometry*, 24, 1961, 99—110.
359. Sommer 1962 — Sommer R. The distance for comfortable conversation: A further study // *Sociometry*, 23, 1962, 111—125.
360. Sommer 1969 — Sommer R. Personal space: The behavioral basis of design. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1969.
361. Сорин-Баррето 1982 — Sorin-Barreteau L. Gestes narratifs et langage gestuel chez les Mofu (North Cameroon) // *Cahiers de littérature orale*, 11, 1982, 37—93.
362. Сорокин 1999 — Сорокин Ю. А. Антропоцентризм vs. антропофилия: доводы в пользу второго понятия // *Фразеология в контексте культуры: Сб. статей / Под ред. В. Н. Телии*. М.: Языки русской культуры, 1999, 52—57.

363. Сорокин, Марковина 1988 — Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Типы китайской символики в языке и культуре // *Этнопсихоллингвистика* / Ред. Ю. А. Сорокин. М.: Наука, 1988, 64—71.
364. Спархок 1981 — Sparhawk C. M. *Contrastive-identificational features of Persian gesture* // *Semiotica*, 24, № 1/2, 1978, 49—86.
365. Стефенсон и др. 1993 — Stephenson J., Pine N., Zhang Liwei & Xie Jian. *Some gestures commonly used in Nanjing, PRC* // *Semiotica*, 95, № 3/4, 1993, 235—259.
366. Стинсон, Икс 1992 — Stinson L., Ickes W. *Emphatic accuracy in the interactions of male friends versus male strangers* // *Journal of personality and social psychology*, 62, 1992, 787—797.
367. Сэйтс, Сервенка 1972 — Saitz R. L. & Cervenka E. J. *Handbook of gestures: Colombia and the United States (Approaches to Semiotics. 31)*. The Hague: Mouton, 1972.
368. Сэпир 1927/1951 — Sapir E. *The unconscious patterning of behavior in society* // D. G. Mandelbaum (ed.) *Selected writings of Edward Sapir in language, culture, and personality*. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1951 (статья впервые вышла в 1927 г.), 544—559.
369. Талми 1983 — Talmy L. *How language structures space* // H. Pick, L. Acredolo (eds.) *Spatial orientation: Theory, research and application*. New York: Plenum Press, 1983, 225—282.
370. Тарский 1948 — Тарский А. *Введение в логику и методологию дедуктивных наук*. М., 1948.
371. Тинг-Туми 1994 — S. Ting-Toomey (ed.) *The challenge of facework: Cross-cultural and interpersonal issues*. New York: State Univ. of New York Press, 1994.
372. ТКС 1984 — Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики / Сост. И. А. Мельчук и А. К. Жолковский. Вена, Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14, 1984.
373. Трэйджер 1958 — Trager G. L. *Paralanguage: A first approximation* // *Studies in linguistics*, 1958, 13, 1—12.
374. Тумаркин 2001 — Тумаркин П. С. *Жесты и мимика в общении японцев. Лингвострановедческий словарь-справочник*. М.: Русский язык, 2001.
375. Тэйлор 1974 — Taylor H. M. *Japanese kinesics* // *Journal of the Association of teachers of Japanese*, 9, № 1, 1974, 65—72.
376. Уильямс, Толч 1965 — Williams F., Tolch J. *Communication by facial expression* // *Journal of communication*, 15, 1965, 20.
377. Уотсон 1970 — Watson O. M. *Proxemic behavior: a cross-cultural study*. The Hague: Mouton, 1970.
378. Уотсон, Грэйвс 1966 — Watson O. M., Graves T. D. *Quantative research in proxemic behavior* // *American anthropologist*, 68, 1966, 971—985.

379. Урысон 1997 — Урысон Е. В. **Синонимический ряд лексемы *взгляд* 1** // Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В., Гловинская М. Я., Крылова Т. В. / *Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Вып. 1. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
380. Фельдман, Райм 1991 — R. S. Feldman & B. Rime (eds.) **Fundamentals of nonverbal behavior**. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1991.
381. Фернандес-Долс, Руиз Белда 1995 — Fernando-Dols J. M., Ruis-Belda M. A. **Are smiles a sign of happiness? Gold-medal winners at the Olympic games** // *Journal of personality and social psychology*, 69, № 6, 1995. 1113—1119.
382. Фёрс 1970 — Firth J. R. **Postures and gestures of respect** // P. Miranda, J. Pouillon (eds.) *Echanges et communications: Melanges Claude Levi-Strauss*, vol. 1, The Hague: Mouton, 1970, 188—209.
383. Филиппов 1975 — Филиппов А. В. **Жесты и их отображение в тексте художественного произведения** // *Лингвистический сборник: Сб. трудов Министерства просвещения РСФСР*. Вып. 4. М.: Изд-во МОПИ им. Крупской, 1975, 185—194.
384. Филипс 1976 — Philips S. U. **Some sources of cultural variability in the regulation of talk** // *Language in society*, 5, 1976, 81—95.
385. Флеминг и др. 1990 — Fleming J. H., Darley J. M., Hilton J. L. & Koetin B. A. **Multiple audience problem: A strategic communicative perspective on social perception** // *Journal of personality and social psychology*, 58, 1990, 593—609.
386. Фонадь 1982 — Fonagy I. **Situation et signification**. Amsterdam: Benjamins, 1982.
387. Фонадь, Мадич 1963 — Fonagy I., Magdics K. **Emotional patterns in intonation and music** // *Zeitschrift fur Phonetik*, 16, 1963, 293—326.
388. Формановская 1982 — Формановская Н. И. **Вы сказали «Здравствуйте!» (речевой этикет в нашем общении)**. М.: Русский язык, 1982.
389. Фридман 1977 — Friedman N. **Hands, words and mind: On the structuralization of body movements during discourse and the capacity for verbal representation** // N. Friedman, S. Grand (eds.) *Communicative structures and psychic structures: a psychoanalytic approach*. New York and London: Plenum Press, 1977, 109—132.
390. Фридланд 1994 — Fridlund A. J. **Haman facial expression**. San Diego, CA: Academic Press, 1994.
391. Фрэйзер 1919 — Fraser J. G. **Weeping as a Salutation** // J. G. Fraser. *Folk-lore in the Old Testament: Studies in comparative religion, legend and law*. London, vol. 2, 1919, № 92/93.

392. Фэрбэнкс, Проновост 1939 — Fairbanks G., Pronovost W. An experimental study of the durational characteristics of the voice during the expression of emotion // *Speech monographs*, 1939, 6, 87—104.
393. Хан 1998 — Хан Х. И. *Минимализм звука*. М.: Сфера, 1998.
394. Харлоу 1958 — Harlow H. The Nature of Love // *American psychologist*. 13, 1958, 673—685.
395. Харпер, Вьене, Матаразцо 1978 — Harper R. G., Wiens A. N. & Matarazzo J. D. *Nonverbal communication: The state of art*. New York: John Wiley, 1978.
396. Хенли 1973 — Henley N. M. States and sex: Some touching observations // *Bulletin of the psychonomic society*, 1973, 2, 91—93.
397. Хенли 1977 — Henley N. M. *Body politics: Power, sex, and non-verbal communication*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1977.
398. Хеслин 1974 — Heslin R. Steps toward a taxonomy of touching. Paper presented at the annual meeting of the Midwestern psychological association, Chicago (May), 1974.
399. Хеслин, Альпер 1983 — Heslin R., Alper T. Touch: A bonding gesture // J. M. Wiemann, R. P. Harrison (eds.) *Nonverbal interaction*. London: Sage, 1983, 47—75.
400. Хесс 1965 — Hess E. H. Attitude and pupil size // *Scientific American*, 212, № 4, 1965, 46—54.
401. Хесс 1975 — Hess E. H. *The tell-tale eye: How your eyes reveal hidden thoughts and emotions*. New York; Cincinnati; Toronto; London; Melbourne: Van Nostrand Reinhold Company, 1975.
402. Хинде 1974 — Hinde R. A. *Biological bases of human social behavior*. London: McGraw-Hill, 1974.
403. Холл 1959 — Hall E. T. *The silent language*. Garden City, New York: Doubleday, 1959.
404. Холл 1966 — Hall E. T. *The hidden dimension*. Garden City, New York: Doubleday, 1966.
405. Холл 1968 — Hall E. T. *Proxemics* // *Current anthropology*, 9, 1968, 83—108.
406. Холл 1974 — Hall E. T. *Handbook of proxemic research*. Washington, DC.: Society for the Anthropology of Visual Communication, 1974.
407. Холл 1984 — Hall J. A. *Nonverbal sex differences. Communication accuracy and expressive style*. Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 1984.
408. Холл 1985 — Hall J. A. Male and female nonverbal behavior // A. W. Siegman, S. Feldstein (eds.) *Multichannel integrations of nonverbal behavior*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1985, 195—225.
409. Холл П., Холл Д. 1983 — Hall P. M., Hall D. A. S. The handshake as interaction // *Semiotica*, 45, № 3/4, 1983, 249—264.

410. Холл, Уайт 1960 — Hall E. T. & Whyte W. F. *Intercultural communication: a guide to men of action* // *Human organization*, 19, 1960, 567—576.
411. Хофф 1976 — Hooff J. A. R. van. *The comparison of facial expression in man and higher primates* // Cranach N. (ed.) *Methods of inference from animal to human behavior*. Chicago, 1976, 165—196.
412. Хьюнс 1955 — Hewes G. H. *World distribution of certain postural habits* // *American anthropologist*, 57, № 2, 1955, 231—244.
413. Хьюнс 1957 — Hewes G. H. *The anthropology of posture* // *Scientific American*, 196, № 2, 1957, 122—132.
414. Хьюнс 1966 — Hewes G. H. *The domain posture* // *Anthropological linguistics*, 8, № 8, 1966, 106—112.
415. Цвайгенхафт 1970 — Zweigenhaft R. *Signature size: key to status awareness* // *Journal of social psychology*, 81, 1970, 49—54.
416. Цивьян 1988 — Цивьян Ю. Проксемика: язык пространства // *Наука и техника*, № 8/9, 1988, 28—30.
417. Чарни 1966 — Charney E. J. *Postural congruence in psychotherapy* // *Psychosomatic Medicine*. 28, 1966, 305—315.
418. Шаронов 1996 — Шаронов И. А. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // *Русистика сегодня*, 2, 1996, 89—111.
419. Шатер 1976 — Shuter R. *Proxemics and Tactility in Latin American* // *Journal of communication*, 26, 1976, 46—52.
420. Шатер 1977 — Shuter R. *A field study of nonverbal communication in Germany, Italy, and the United States* // *Communication monographs*, 44, 1977, 298—305.
421. Шатер 1979 — Shuter R. *The damp in the military: Hand-to-hand communication* // *Journal of communication*, 29, 1979, 136—142.
422. Шелгунова 1979 — Шелгунова Л. М. Указания на рече-жестовое поведение персонажей как средство создания образа в русской повествовательной реалистической художественной прозе. Волгоград, 1979.
423. Шерер 1992 — Scherer K. R. *What does a facial expression express?* // K. T. Strongman (ed.) *International review on studies of emotion*. Chichester, England: Wiley, 1992, vol. 2, 139—166.
424. Шерер, Экман 1982 — K. R. Scherer & P. Ekman (eds.) *Handbook of methods in nonverbal behavior research*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1982.
425. Шерзер 1972 — Sherzer J. *Verbal and nonverbal deixis: The pointed lip gesture among the San Blas Cuna* // *Language in society*, 2, № 1, 1972, 117—131.
426. Шефлен 1963 — Schefflen A. E. *Communication and regulation in psychotherapy* // *Psychiatry*, 26, 1963, 126—136.

427. Шефлен 1964 — Schefflen A. E. The significance of posture in communication systems // *Psychiatry*, 27, 1964, 316—331.
428. Шефлен 1972 — Schefflen A. E. *Body language and the social order*. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice — Hall, Inc., 1972.
429. Шефлен 1973 — Schefflen A. E. *How behavior means*. New York: Gordon and Breach, 1973.
430. Шефлен, Ашкрафт 1976 — Schefflen A. E, Ashcraft N. *Human Territories: how we behave in space-time*. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice — Hall, Inc., 1976.
431. Шиффрин 1974 — Shiffirin D. *Handwork as ceremony: The case of the handshake* // *Semiotica*, 12, № 2, 1974, 189—202.
432. Шиминоф 1980 — Shiminoff S. B. *Communication rules: Theory and research*. Beverly Hills, CA.: Sage, 1980.
433. Шмелев 1999 — Шмелев А. Д. *Ново время: Символические жесты и их отражение в языке* // *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке: Сб. статей / Под ред. И. Д. Арутюновой и И. Б. Левониной*. М.: Индрик, 1999, 186—193.
434. Шмелева 1988 — Шмелева Т. В. *Модус и средства его выражения в высказывании* // *Идеографические аспекты русской грамматики: Сб. работ / Под ред. В. А. Белошапковой и И. Г. Милославского*. М., 1988.
435. Шмитт 1992 — Schmitt J-C. *Die Logik der Gesten im europäischen Mittelalter*. Stuttgart, Germany: Klett — Cotta, 1992.
436. Шнеллер 1992 — Schneller R. *Many gestures, many meanings: Nonverbal diversity in Israel* // F. Poyatos (ed.) *Advances in nonverbal communication: Sociocultural, clinical, esthetic and literary perspectives*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 1992, 213—233.
437. Штрек 1988 — Streeck J. *The signification of gesture: how it is established* // *Papers in pragmatics*, 2, № 2, 1988, 60—83.
438. Щерлоф 1984 — Schegloff E. A. *On some gestures' relation to talk* // J. M. Atkinson, J. S. Heritage (eds.) *Structures of social action*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1984, 266—296.
439. Эванс-Притчард 1950 — Evans-Pritchard E. E. *Marriage customs of the Luo of Kenya* // *Africa*, 20, 132—142.
440. Эйбл-Эйбесфельд 1972 — Eibl-Eibesfeldt I. *Similarities and differences between cultures in expressive movements* // R. A. Hinde (ed.) *Nonverbal communication*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1972, 297—311.
441. Эйбл-Эйбесфельд 1979 — Eibl-Eibesfeldt I. *Universals in human expressive behavior* // A. Wolfgang (ed.) *Nonverbal behavior. International conference on non-verbal behavior. Ontario Institute for studies in education*, New York: Academic Press, Inc., 1979, 17—30.

442. Эйбл-Эйбесфельд 1988 — Eibl-Eibesfeldt I. **Social interactions in an ethological, cross-cultural perspective** // F. Poyatos (ed.) *Crosscultural perspectives in nonverbal communication*. Toronto; Lewiston, N.J.; Gottingen; Zurich: C. J. Hogrefe, Inc., 1988, 107—130.
443. Экман 1964 — Ekman P. **Body position, facial expression, and verbal behavior during interviews** // *Journal of abnormal and social psychology*, 68, 1964, 295—301.
444. Экман 1967 — Ekman P. **Head and body cues in the judgement of emotion: a reformulation** // *Perceptual and motor skills*, 24, 1967, 711—724.
445. Экман 1972 — Ekman P. **Universals and cultural differences in facial expression of emotion** // J. Cole (ed.) *Nebraska Symposium on Motivation* (vol. 19). Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 1972, 207—284.
446. Экман 1973 — Ekman P. **Cross-cultural studies of facial expressions** // P. Ekman (ed.) *Darwin and facial expression*. New York: Academic Press, 1973, 169—229.
447. Экман 1979 — Ekman P. **About brows: emotional and conversational signals** // M. von Cranach, K. Foppa, W. Lepenies à D. Ploog (eds.) *Human ethology: Claims and limits of a new discipline*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1979, 169—202.
448. Экман 1982 — Ekman P. (ed.) **Emotion in the human face** (2nd edition). Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1982.
449. Экман 1984 — Ekman P. **Expression and the nature of emotion** // K. R. Scherer, P. Ekman (eds.) *Approaches to emotion*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1984, 319—344.
450. Экман 1992a — Ekman P. **An argument for basic emotions** // *Cognition and emotion*, 6, № 2, 1992, 169—200.
451. Экман 1992b — Ekman P. **Are there basic emotions?** // *Psychological review*, 99, 1992, 550—553.
452. Экман, Дэвидсон, Фризен 1990 — Ekman P., Davidson R., Friesen W. V. **Duchenne's smile: emotional expression and brain physiology II** // *Journal of personality and social psychology*, 58, 1990, 343—353.
453. Экман, Остер 1982 — Ekman P., Oster U. **Facial expressions of emotion** // *Annual review of psychology*, 6, 1982, 238—252.
454. Экман, Фризен 1969 — Ekman P., Friesen W. V. **The Repertoire of Nonverbal Behavior: categories, origins, usage and coding** // *Semiotica*, 1, № 1, 1969, 49—98.
455. Экман, Фризен 1971 — Ekman P., Friesen W. V. **Constants across cultures in the face and emotion** // *Journal of personality and social psychology*, 17, 1971, 124—129.
456. Экман, Фризен 1972 — Ekman P., Friesen W. V. **Hand movements** // *The journal of communication*, 22, 1972, 353—374.
457. Экман, Фризен 1975 — Ekman P., Friesen W. V. **Unmasking the face**. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1975.

458. Экман, Фризен 1982 — Ekman P., Friesen W. V. *Felt, false, and miserable smiles* // *Journal of nonverbal behavior*, 6, 1982, 238—252.
459. Экман, Фризен, Томкинс 1971 — Ekman P., Friesen W. V., Tomkins S. S. *Facial Affect Scoring Technique (FAST): A first validity study* // *Semiotica*, 3, № 1, 1971, 37—58.
460. Экслейн 1963 — Exline R. V. *Explorations in the process of person perception: Visual interaction in relationship to competition, sex, and need for affiliation* // *Journal of personality*, 31, № 1, 1963, 1—20.
461. Экслейн 1972 — Exline R. V. *Visual interaction: The glances of power and preference* // J. Cole (ed.) *Nebraska symposium on motivation* (vol. 19). Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 1972, 163—206.
462. Экслейн, Фер 1978 — Exline R. V., Fehr B. J. *Applications of semiosis to the study of visual interaction* // A. W. Siegman, S. Feldstein (eds.) *Nonverbal behavior and communication*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1978, 117—158.
463. Элкин 1953 — Elkin A. P. *The one-leg resting position in Australia* // *Man*, 53, № 95, 1953.
464. Эллис 1967 — Ellis D. S. *Speech and social status in America* // *Social forces*, 45, 1967, 431—437.
465. Элсуорф 1975 — Ellsworth P. S. *Direct gaze as a social stimulus: the example of aggression* // L. Pliner, T. Krames, T. Alloway (eds.) *Nonverbal communication of aggression*. New York, 1975, 53—76.
466. Элсуорф, Карлсмит 1968 — Ellsworth P. S., Carlsmith J. M. *Effects of eye contact and verbal content on affective response to a dyadic interaction* // *Journal of personality and social psychology*, 1968, 10, 15—20.
467. Эфрон 1941/1972 — Efron D. *Gesture and Environment*. New York: King's Crown Press, 1941 (2nd edition — 1972: в 1972 году книга вышла под названием *Gesture, Race and Culture*).
468. Якобсон 1970 — Якобсон Р. О. *Да и нет в мимике* // *Язык и человек: Сб. статей памяти проф. Петра Саввича Кузнецова (1899—1968)* / Публ. Отделения структурной и прикладной лингвистики филол. факультета МГУ. Вып. 4. М.: Издательство МГУ, 1970, 284—289.
469. Якобсон 1972 — Jakobson R. *Motor signs for «yes» and «no»* // *Language in society*, 1, 1972, 91—96.
470. Ямпольский 1994 — Ямпольский М. Б. *Жест палача, оратора, актера* // *Ad Marginem '93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН*. М.: Ad Marginem, 1994, 21—70.
471. Ямпольский 1996 — Ямпольский М. Б. *Демон и лабиринт (диаграммы, деформации, мимесис)*. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

АВТОРСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ КНИГИ

Монографии

1. Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. *Словарь языка русских жестов*. М.; Вена: Языки русской культуры, Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 49, 2001.
2. Крейдлин Г. Е. *Голос а тон в культуре и языке (глава в коллективной монографии)* // *Язык о языке* / Ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 1999, 433—501.
3. Крейдлин Г. Е., Кронгауз М. А. *Семиотика, или азбука общения. Экспериментальное учебное пособие для учащихся У—VII классов*. М.: МИРОС, 1997.

Статьи

4. Крейдлин Г. Е. *Голос, голосовые признаки и оценка речи* // *Логический анализ языка. Язык речевых действий* / Ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994, 141—153.
5. Крейдлин Г. Е. *Голос власти и глас народа (статья)* // *Сборник материалов международного семинара «Мова тоталитарного суспільства»: лексика, синтаксис, прагматика* / Ред. Г. М. Яворская. Київ: Изд-во Інститута мовознавства ім. О. О. Потебні и Інститута української мови, 1995, 24—37.
6. Крейдлин Г. Е., Григорьева С. А., Григорьев Н. В. *О Новом экспериментальном словаре русских жестов, мимики и воэ* // *Гуманитарная наука в России. Соросовские лауреаты (лингвистика). Материалы Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук*. М., 1996, 184—195.
7. Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. *Словарная статья в новом экспериментальном словаре русских жестов, мимики и воэ* // *Московский лингвистический журнал*. М., № 2, 1996, 136—146.
8. Крейдлин Г. Е. *Язык русских жестов и русские фразеологизмы: к проблеме сопоставления лексикографических описаний* // *Актуальные проблемы русистики: Тез. докл. международной научной конференции*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997.
9. Крейдлин Г. Е., Шаронов И. А. *Итогационные вометы в словаре коммуникативов (содержание и способ представления)* // *Экспрессия в языке и речи: Сб. тезисов*. М., 1998, 43—46.

10. Крейдлин Г. Е. Семантические типы жестов // *Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской: Сб. науч. работ. М.: Наследие. 1998, 174—184.*
11. Крейдлин Г. Е. Национальное и универсальное в семантике жеста // *Логический анализ естественного языка. Образ человека в культуре и языке / Ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 1999, 170—185.*
12. Крейдлин Г. Е. Проксемика и поведение человека в диалоге // *Труды Международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1: Теоретические проблемы. Таруса, 1999, 144—150.*
13. Kreidlin G. E. The Russian Body Language and Russian Phraseology: A Comparative Cognitive and Linguistic Analysis // *Обработка текста и когнитивные технологии (Text Processing and Cognitive Technologies): Сб. науч. работ / Ред. В. Д. Соловьев. Вып. 3. Пущано, 1999, 82—91.*
14. Крейдлин Г. Е. Вербальная коммуникация и ее соотношения с невербальной // *Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кыбрика / Ред. Е. В. Рахлина и Я. Г. Тестелец. М.: Языки русской культуры, 1999, 580—590.*
15. Крейдлин Г. Е. Тон — понятие а слово (язык и паразытик) // *Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность: Сб. работ / Ред. С. И. Гиндин и Н. Н. Розанова. М.: Научный мир, 1999, 155—161.*
16. Козеренко А., Крейдлин Г. Русские жесты и жестовые фразеологизмы II (тело как объект природы и тело как объект культуры) // *Фразеология в контексте культуры: Сб. работ / Ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999, 269—277.*
17. Kreidlin G. A Comparative Study of Two Semantic Systems: Body Russian and Russian Phraseology // *Research Support Scheme Network Chronicle. 7, August, 1999, 36—37.*
18. Kreidlin G. Body Language and Natural Language: The Comparative Analysis of Two Correlative Semantic Systems // *Maschinen und Geschichte. 9. Internationaler Kongress der Deutschen Gesellschaft für Semiotik (DGS). Abstracts. Dresden, 1999.*
19. Kreidlin G. The Semiotics of voice: Voice in language and culture // *Sign processes in complex systems. The 7th International Congress of the International Association for Semiotic Studies (IASS/AIS). Abstracts. Dresden, 1999.*
20. Kozerenko A., Kreidlin G. Gesten und Gestenphraseologismen: von den logischen Verhältnissen zwischen den verbalen und nonverbalen Zeichen // *Sign processes in complex systems. The 7th International Congress of the International Association for Semiotic Studies (IASS/AIS). Abstracts. Dresden, 1999.*

21. Крейдлин Г. Е. Движения рук: касание и тактильное взаимодействие в коммуникации людей // *Логический анализ языка. Языки динамического мира* / Ред. Н. Д. Арутюнова и И. Б. Шатуновский. Дубна; М.: Языки русской культуры, 1999, 330—348.
22. Крейдлин Г. Е. Невербальные акты касания и русские глаголы касания // *Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. Международной конференции. IV Шмелевские чтения, 23—25 февраля 2000 г.* М.: Азбуковник, 2000.
23. Крейдлин Г. Е. Русские жесты и жестовые фразеологизмы III: отражение нанивной этики в вербальном и невербальном семиотических кодах // *Логический анализ языка. Языки этики* / Ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000, 341—352.
24. Крейдлин Г. Е. Невербальные акты и глаголы касания // *Слово в тексте и словаре: Сб. статей к 70-летию ак. Ю. Д. Апресяна* / Отв. ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М.: Языки русской культуры, 2000, 109—121.
25. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2000.
26. Крейдлин Г. Е. *Кинесика* // Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. *Словарь языка русских жестов*. М.; Вена: Языки русской культуры, Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 49, 2001, 166—254.
27. Крейдлин Г. Е. Русский язык в его соотношении с языком русских жестов: позы как жестовые и языковые знаки // *Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы международного конгресса 13—16 марта 2001 г.* М.: Изд-во МГУ, 2001, 307.
28. Крейдлин Г. Е. Женское и мужское невербальное интерактивное поведение (межкультурный аспект) // *Тезисы Международной конференции «Gender — Sprache — Kommunikation — Kultur»*. Jena (Германия), 2001.
29. Крейдлин Г. Е., Чувилина Е. А. Улыбка как жест и как слово (к проблеме внутриязыковой типологии невербальных актов) // *Вопросы языкознания*, № 4, 2001, 66—93.
30. Крейдлин Г. Е. Риторика позы // *Язык и культура. Факты и ценности: Сб. статей к 70-летию ак. Ю. С. Степанова* / Отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001, 207—216.
31. Крейдлин Г. Е. «Свое» и «чужое» в межкультурном невербальном общении // *Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докладов международной конференции. Екатеринбург. 24—26 октября 2001 г.* Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001, 77—80.

32. Kreidlin G. E. Towards the General Semantic Typology of Emblematic Gestures (the case of the Russian Body Language) // Ch. Cave, I. Guantella et S. Santi (eds.) *Oralité et Gestualité. Interactions et Comportements Multimodaux dans la Communication. Actes du colloque internationale ORAGE*. Aix-en-Provence (France), 18—22 juin, 2001, 245—248.
33. Крейдлин Г. Е. Просодика, семантика и прагматика невербального коммуникативного поведения: жесты, позы и знаковые телодвижения женщин и мужчин // Тезисы второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация» 22—23 ноября 2001 г., Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ). М., 2001.
34. Крейдлин Г. Е. Русские жесты глаз и их языковые поминания // *Wiener Slawistischer Almanach*, 48, 2001, 197—213.
35. Крейдлин Г. Е. Проксемное поведение человека в акте коммуникации и его отражение в лексике, семантике и прагматике // Тезисы докладов международной конференции. Пятые Шмелевские чтения 23—25 февраля 2002 г. М., 2002, 44—46.
36. Крейдлин Г. Е. Жесты глаз и визуальное коммуникативное поведение // Труды по культурной антропологии: Памяти Григория Александровича Ткаченко. М.: Вост. лит.; Муравей. 2002, 236—251.
37. Kreidlin G. Towards the general theory of proxemics (proxemic signs, oppositions, types of rules). *Körper — Verkörperung — Entkörperung (Body — Embodiment — Dosembodiment. 10. Internationaler Kongress. Abstracts. Deutsche Gesellschaft Für Semiotik (DGS) E V. 19—21.7. 2002. Kassel (Germany)*. 2002, 100.
38. Крейдлин Г. Е. Женское и мужское невербальное интерактивное поведение (межкультурный аспект). *Gender-Forschung In Der Slawistik. Beitrage der Konferenz Gender — Sprache — Kommunikation — Kultur. 28 April bis 1 Mai 2001. Institut für Slawistik. Friedrich Schiller-Universität Jena. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 55*. 2002, 55—68.
39. Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов в его сопоставлении с другими жестовыми словарями // *Semiosis Lexicographica*, X, Warszawa, 2002, 27—45.
40. Крейдлин Г. Е. Невербальное поведение людей в деловом общении // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии»: Труды Международного семинара Диалог '2002 (Протвино, 6—11 июня 2002): В 2 т. / Ред. А. С. Нариньяни. Т. 1: Теоретические проблемы. М.: Наука, 2002, 227—240.
41. Kreidlin G. Russian Gestures and Russian Phraseology I (types of lexical information and the structure of lexical entries in the Dictionary of Russian gestures) // R. Posner (ed.) *Body, Sign, Culture. Proceedings of The International symposium on the semantics and pragmatics of everyday gestures*. Berlin, 2002, in print.

42. Kreidlin G. The Favourite Russian Postures (semantics and pragmatics of nonverbal units) // *Gestures: meaning and use. Papers for the First International Conference on Gestures: Gesture, Meaning and Use*. Universidade Fernando Pessoa, Oporto, Portugal, 2002, in print.
43. Kreidlin G. The Semantics and Pragmatics of Russian Gestures: Acts of Touching and Russian Verbs of Touching // *Gestures: meaning and use. Papers for the First International Conference on Gestures: Gesture, Meaning and Use*. Universidade Fernando Pessoa, Oporto, Portugal, 2002, in print.
44. Крейдлин Г. Е. Язык тела и кинесика как раздел невербальной семиотики (идеи и результаты) // *Actes de colloque international «Le corps dans la culture russe et au-delà»*. Université de Paris-Sorbonne (Paris IV), UFR d'Etudes slaves. Paris, 2002, в печати.
45. Крейдлин Г. Е. Единицы и категории паралингвистики в их отношении к кинесике // *Сб. научных работ памяти Татьяны Ждановой*. М., 2002, в печати.
46. Крейдлин Г. Е., Чувилина Е. А. Семантическая типология русских улыбок: *Сб. науч. работ / Ред. В. А. Виноградов*. М., 2002, в печати.
47. Крейдлин Г. Е. Красивые движения // *Логический анализ языка. Языки эстетики / Ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко*. М., 2002, в печати.
48. Крейдлин Г. Е. Невербальные приветствия в прощания // *Сб. науч. работ в честь проф. Е. А. Брызгуновой*. М., 2002, в печати.
49. Kreidlin G. Ethics and etiquette in nonverbal signs // *Сб. науч. работ в честь проф. А. И. Кузнецовой*. М., 2002, в печати.
50. Крейдлин Г., Летучий А. Языковая концептуализация частей тела в русском языке (на примере плеч). М., 2002, в печати.
51. Крейдлин Г. Е., Самохин М. В. Слухи, слухи, молва — гармония и беспорядок // *Логический анализ языка. Космос и хаос / Ред. Н. Д. Арутюновой и Т. Е. Янко*. М.: Языки русской культуры, 2002, в печати.
52. Крейдлин Г. Е. Просодика, семантика в прагматика невербального коммуникативного поведения: жесты, позы и знаковые телодвижения женщин и мужчин. М., 2002, в печати.

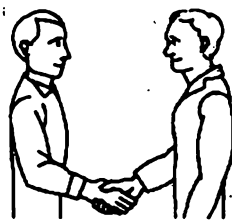
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ГЛАВЕ 5.

Заткнуть уши (2)
Ил. к с. 324—325

Заткнуть уши (1)
Ил. к с. 323—324

Пожимать руку
Ил. к с. 314—318

Закрывать
лицо руками (3)
Ил. к с. 326—327

Закрывать
лицо руками (2)
Ил. к с. 326

Закрывать
лицо руками (1)
Ил. к с. 325—326

Отвернуться (2)

Отвернуться (1)

Отшатнуться
Ил. к с. 328—329

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

Настоящий предметный указатель состоит из двух частей: терминологической и именной.

Терминологический указатель построен по гнездовому принципу. Ключевые термины гнезда даны полужирным шрифтом. Составные (более чем однословные) термины сгруппированы вокруг опорных слов, а именно тех, с которых начинается поиск термина в указателе. В тех случаях, когда опорный термин является как смысловым, так и синтаксическим центром составного термина, повтор опорного термина в именительном падеже для компактности заменён символом «~».

Иногда опорный термин является только смысловым центром составного термина, будучи при этом синтаксически зависимым от другого компонента словосочетания — а именно, релятивного имени, т.е. существительного с релятивным значением (такого, как *форма, значение, структура, классы, виды, функция* и т.п.). В составных терминах данного типа опорный термин заполняет смысловую валентность релятивного имени. В таких случаях повтор опорного термина (в косвенном падеже, обычно в родительном) отмечен символом «:» и помещён перед релятивным именем, выступающим (в основном тексте книги) в роли синтаксического центра сложного термина.

Там, где это требуется содержательно — в первую очередь, при упоминании парного множества (напр., *зрачки, партнеры, участники*) или более крупного множества сравниваемых предметов (напр., *поклоны, единицы, рукопожатия, телодвижения*), соответствующий термин включается в указатель в форме мн.ч. Курсивом даны отсылки к тем страницам, где встречается не данный термин, а его деривационный эквивалент (напр., не инфинитив *повышаться*, а существительное *повышение*; или, наоборот, не существительное *протягивание (руки для рукопожатия)*, а глагол *протянуть (руку для рукопожатия)*).

Регулярно образуемые (путем добавления уточняющего определения) гипонимы (видовые термины более узкого значе-

¹Указатель терминов (сост. С. А. Крылов при участии Г. Е. Крейдлина)

ния, чем опорный термин) даны в статье своего гиперонима (родового термина с более широким значением), и при их подаче гипоним сокращенно обозначается символом ~, ~ ~, ~ ~ ~ в соответствии с количеством словесных компонентов в регулярном (образуемом путем отбрасывания уточняющего определения) гиперониме. Отсылки к малоупотребительным гипонимам даны в статье ключевого гиперонима, или опорного термина. При этом употреблены следующие виды разделителей. Противопоставленные понятия отделяются друг от друга знаком «vs.». Синонимичные термины (термины-дубликаты), смысловые различия между которыми в контексте книги признаются несущественными, отделяются знаком //.

Знак равенства (=) соединяет синонимы, знаки логического включения отсылают от гипонима к гиперониму (C) или обратно (⊃). Многозначные термины различаются цифровыми индексами и иногда (где надо) пояснением в квадратных скобках.

При составлении предметного указателя использовалась интегрированная информационная среда STARLING, разработанная членом-корреспондентом РАН С. А. Старостиным.

I. Терминологический указатель

A

адаптор 36, 37, 79, 93, 94, 122, 299, 305, 421, 480, 481
адаптор: виды 100
~ имя 94
~ классы 37, 40
~ название 94
~ обозначение 94
~ разновидности 480
~ роль 306, 480
~ типы 39, 480
адаптор скрытый 94
~ собственно 37
~ тела 36, 37, 38, 94, 95, 141, 480
~ явный 94
адаптор-объект 36, 37, 40, 41, 93, 94, 100, 141, 307, 480
адапторы тела волевые 480
~ ~ неволевые 480
акт коммуникативный невербальный 338
~ невербальный 18, 60, 76, 213, 335, 336, 371, 387, 415, 416, 417, 421, 422, 423, 428, 439, 442, 451, 462, 482, 483, 499, 518
~ речевой: интерпретация 248, 249
~ ~ компоненты оценочные 18
~ ~ ~ эмоциональные 18
~ речевой невербальный 61

~ ~ этикетный 101
~ семиотический 9, 48, 371, 382
акты символические 405
~ физиологические 375
альтернативы 26, 29, 35, 36, 480
анализ компаративный 60
~ ~ межкультурный 60
~ ~ 60, 145
~ семиотический 17, 350, 351, 439
~ сопоставительный 145

Б

близость: подтверждение тактильное 454
~ проявление 239
~ ~ неуместное 239

В

варианты межкультурные 190
взаимодействие визуальное 385
~ визуальное: способ 385
~ людей корректирующее 128
~ ~ поддерживающее 128, 129
~ межкультурное 133
~ невербальное 38, 127, 129, 133, 181, 209, 210
~ проксемика 468

~ проксемика: нормы 468
~ ~ нормы: нарушение 468
~ тактильное: правила 421
~ тактильное 518
взаимодействие тактильное: расхождение в ~-и 448
взаимодействие тактильное: способ 422, 482
~ ~ ~ дистантный 422, 482
~ ~ ~ контактный 422, 482
возбуждение физиологическое 153
возмущение физиологическое 155
возраст: концептуализация языковая 237
вокабула жестовая 282, 312
воплощение невербальное 152
~ семиотическое 250
вопрос: выражение вербальное 284
~ ~ вербальное: неуместность 284
вопрос выраженный невербально 284
восклицания оценочные 240
восприятие: канал визуальный 211
~ ~ тактильный 211, 429

- восприятие визуальное 429
 ~ тактильное 429, 432, 433
 восприятие тактильное: дефекты связанные с ~ем 437
 восприятие тактильное непосредственное 437
 ~ ~ последовательное 436
 выражение: способ невербальный 379
 ~ формы тактильные 454
 выражение лица 10, 52, 54, 55, 64, 71, 85, 90, 127, 131, 151, 152, 168, 169, 174, 177, 178, 179, 180, 185, 196, 281, 294, 311, 364, 480, 482
 ~ лица: анализ семантический 351
 ~ ~ восприятие 180
 выражение лица: дешифровка эмоций по ~ям лица 395
 выражение лица: допустимость 148
 ~ ~ значение 173, 182, 286
 ~ ~ изменения 168
 ~ ~ интерпретация 180
 выражение лица: контроль за ~ем лица 345
 выражение лица: контроль над ~ ~ ~ 171
 выражение лица: корреляция между ~ ~ и типами личностных свойств человека 52
 выражение лица: модификация 170, 482
 ~ ~ обозначение языковое 176
 ~ ~ одинаковость 375
 ~ ~ описание 131, 352
 ~ ~ ~ семантическое 131
 выражение лица: распознавание эмоций по ~ям лица 166
 выражение лица: семантика ~ий лица 337
 выражение лица: синтаксис ~ ~ ~ 337
 выражение лица: смена 169
 ~ ~ смысл 55
 ~ ~ содержание семантическое 181
 ~ ~ специфичность 177
 ~ ~ ~ культурная 177
 ~ ~ ~ лингвистическая 177
 ~ ~ универсальность 177
 ~ ~ форма 182
 ~ лица vs. поза 200, 208
 ~ ~ ~ чувство 158
 ~ ~ в культуре 178
 ~ ~ запрещенное 177
 ~ ~ комплексное 182
 ~ ~ контролируемое 346
 ~ ~ некрасивое 54
 ~ ~ необычное 181
 ~ ~ неприятное 181
 ~ ~ несовместимое с улыбкой 161
 ~ ~ отвечающее эмоциям 166
 ~ ~ приятное 181
 ~ ~ разрешенное 177
 ~ ~ сознательное 346
 ~ ~ у животных и человека 157
 ~ ~ холистическое 182
 ~ ~ целостное 182
 ~ невербальное 100, 143, 147, 169, 170, 171, 178, 188, 410, 431, 438, 450; 482
 ~ проксемино 173
 ~ проксемино: правила 173
 выражения лица: синтаксис 127, 337
 ~ ~ синтаксис: правила 127
 ~ ~ синтаксис внешний 337
 ~ ~ ~ внутренний 127, 337
 ~ ~ ~ внутренний: правила 127
 высказывание: эквивалент невербальный 101
 высказывание невербальное 70
 ~ риторическое 252

Г

- гаптика 17, 18, 25, 335, 422, 431, 454, 482
 география жестовая 87
 глаголы осязания 424, 428, 483
 ~ осязания: подтипы 483
 ~ тактильные 424, 428, 430, 431
 Голос 229
 ~ свыше 216
 голос 30, 34, 41, 212, 216, 222, 227, 230, 241, 245, 246, 251, 254, 269, 516

- голос: анализ 8, 17
 ~ ~ концептуальный 8, 17
 ~ ~ лингвистический 8, 17
 ~ ~ семиотический 17
 ~ ассоциации 216
 ~ вибрации 233
 ~ виды 223, 239, 241
 ~ возвращение 214
 ~ воздействие на человека и мир 242
 голос: впечатление эстетическое от ~а 218
 голос: вслушиваться в ~ 230
 голос: выделить ~ 269
 голос: выражение 242
 ~ выражение: формы 250
 голос: выражение с помощью ~а 241
 голос: высота 222, 223, 225, 226, 262, 266
 ~ ~ изменившаяся
 ~ глубина 236
 ~ громкость 31, 222, 231
 ~ громкость: увеличение 231
 ~ диапазон 219
 ~ звуки 41, 219, 222
 ~ звуки: обрамление 222
 ~ ~ окраска 222
 ~ ~ ~ общая 222
 ~ ~ ~ эмоционально-чувственная 222
 ~ звучание 216, 217, 263, 271, 273
 ~ звучание: изменение 271
 ~ ~ параметры 263
 ~ ~ ~ физические 263
 ~ звучание актуальное 271
 ~ значимость 227
 ~ ~ коммуникативная 227
 ~ ~ семантическая 227
 голос: играть ~ом 217
 голос: изменение 217, 237, 242
 ~ иллюзия 243
 ~ имитация 242
 ~ звуковая 242
 ~ качества 28, 42, 224, 235, 241, 242
 ~ качества: оценка 224
 ~ ~ ~ эстетическая 224
 ~ качество эфирное 242
 ~ контролируемость 271
 ~ концептуализация 263, 269
 ~ ломка возрастная 31
 ~ модуляция 50, 152
 ~ мутация 235
 ~ ~ у мальчика 213
 ~ направление 242
 ~ нахождение 214
 ~ непостоянство 235
 ~ носитель 234
 ~ нюансы 260
 ~ обладатель 224, 225
 ~ обозначение 235
 ~ ~ языковое 371
 ~ обрамление 222
 голос: обращать ~ 242
 голос: обретение 214
 ~ обусловленность 222
 ~ огрубление 42
 ~ окраска 222
 ~ освобождение 214
 ~ особенности 232, 263
 ~ ~ психические 232
 ~ ~ физические 232
 ~ отсутствие 215, 235
 ~ ~ временное 215
 ~ ~ полное 215
 ~ оценка 232, 245
 ~ ~ положительная 245
 ~ ~ утилитарная 245
 ~ ~ этическая 232
 ~ параметры 225, 226, 233, 242, 252
 ~ ~ паралингвистические 226
 ~ ~ физические 225, 233, 252
 ~ ~ физические: смена 233, 252
 ~ ~ физические закрепленные словарно 225
 ~ ~ ~ фиксированные строго 225
 ~ передразнивание 240
 ~ пересадка 237
 ~ повышение 217, 230, 231, 232, 253, 267
 ~ понижение 217, 267
 голос: поставить ~ 245
 голос: потеря 215, 235
 голос: потерять свой ~ 260
 голос: появление 214
 ~ прагматизация 225
 ~ признаки 222, 223, 234, 235, 248
 ~ ~ постоянные 262
 голос: различить ~ 250
 голос: разновидности 234
 ~ свойства 215, 218, 223, 226, 232, 235, 262, 267, 271
 ~ ~ природные 232, 271
 ~ сила 217, 222, 232
 ~ сила: изменение 217, 233
 ~ скорость 50
 ~ смена 252

- голос: совмещение ~а с шепотом 31
голос: спецификация 244, 247
голос: способность изменять ~ 218
голос: способность направлять ~ 242
голос: срыв 233
~ становление 213, 214
~ тембр 29, 216, 217, 222, 225, 226
~ тембр: изменение 217
~ тембр глухой 216
~ ~ изменившийся 233
~ ~ низкий 29
~ ~ тусклый 216
~ тип 224
~ тон основной 260
голос: улучшить ~ 245
голос: умение направлять ~ в определенную точку пространства и на нужную дистанцию 242
голос: установка коммуникативная 228
голос: утешать ~ом 230
голос: участие 42
~ фонации 222
~ функция 18, 227, 247, 271
~ ~ в тексте 227
~ ~ коммуникативная 227
~ ~ прагматическая 227
~ ~ семантическая 227
~ характеристика 217, 225, 245
~ характеристики оценочные 235
~ ~ психические 225
~ ~ физические 225
голос: чередование ~а с шепотом 31
голос vs. жест 68, 371
~ ~ лицо 242
~ ~ отголоски 255
~ ~ тело 237, 238
~ ~ тон 271, 516
~ актера 237
~ без ноток сомнения 254
~ Божественного откровения 230
~ в диалоге 223, 228, 233, 271
~ ~ разговоре 30
~ ~ русской культуре 75
~ ~ славянской культуре 75
~ веры 230
~ взрослый 216
~ власти 251, 253, 516
~ внешний 242
~ внутренний 231
~ возникает в речи 231
~ врача при разговоре с пациентом 31
~ врожденный 245
~ выразительный 270
~ высокий 223, 236, 245
~ говорит едва слышно 231
~ говорящего 240, 242
~ Господа 228
~ громкий 225, 228, 230, 231, 232, 233, 242, 251
~ гроыхает 230
~ грудной 223
~ действующий возбуждающе 242
~ ~ раздражающе 242
~ ~ ужасающе 242
~ детский //ребенка 30, 216, 235, 342
~ джелал 241
~ джемал 241
~ дикторский 225
~ доходит до крика 30
~ дрожащий 30, 217, 244
~ дружеский 225
~ дружеского совета 230
~ женский 29, 89, 216, 235
~ животного 224
~ захлебывается 240
~ звучащий 223, 242, 262, 267, 272
~ звучащий: параметры 242
~ звучащий актуально 218, 263
~ ~ в момент речи 262, 266
~ звучит 224
~ ~ громче 252
~ знакомого мужчины 228
~ знакомый 216, 227
~ и дыхание 275
~ индивидуальный 216
~ интимный 468
~ искренний 245
~ искусственно отывается от своего носителя 237
~ исцеляющий 242
~ исчезает 227
~ как вместилище 263
~ ~ выражение способности 222
~ ~ выразитель человеческих эмоций 271
~ ~ индивидуальная черта 376
~ ~ инструмент 217, 247

- ~ ~ ~ речи 244
- ~ ~ источник звуков 234
- ~ ~ ~ производимых звуков 244
- ~ ~ образ родины 252
- ~ ~ орган 244, 245, 246
- ~ ~ орган-вместилище 269
- ~ ~ принадлежность 237
- ~ ~ проявление нечистой силы 218
- ~ ~ свойство 238
- ~ ~ сколок души 250
- ~ ~ средство 244, 250, 253
- ~ ~ таковой 262
- ~ ~ устройство 245
- ~ ~ характеристика человека или его речи 250
- ~ ~ кемаль 241
- ~ ~ клакера 254
- ~ ~ командирский 225
- ~ ~ конкретный 271
- ~ ~ красивый 217, 245
- ~ ~ крепнет 213
- ~ ~ легкий 242
- ~ ~ менторский 225
- ~ ~ меняется 233
- ~ ~ металлический 251
- ~ ~ младенческий 216
- ~ ~ мудрости 241
- ~ ~ мужает 213
- ~ ~ мужской 29, 89, 216, 228, 235, 236
- ~ ~ музыкальный 216, 234, 235, 245
- ~ ~ музыкальный: обозначение в русском языке 235
- ~ ~ ~ ~ языке 235
- ~ ~ музыкальный женский 236
- ~ ~ на повышенных тонах 251
- ~ ~ расстояния 230
- ~ ~ надежды 242
- ~ ~ наполненный злобой 254
- ~ ~ угрозой 254
- ~ ~ народа 251
- ~ ~ начальственный 225, 251
- ~ ~ начинает жить в другом теле 237
- ~ ~ ~ ~ чужом теле 237
- ~ ~ нашептывает 231
- ~ ~ негромкий 225
- ~ ~ недовольства 230, 251
- ~ ~ неземной 242
- ~ ~ незнакомый 227
- ~ ~ некрасивый 245
- ~ ~ ненавидящий 225
- ~ ~ низкий 223, 225, 235, 236
- ~ ~ низкий: обозначение 235
- ~ ~ ~ ~ языковое 235
- ~ ~ ~ ~ стандартное 235
- ~ ~ обожания 230
- ~ ~ обретается в результате специальных длительных упражнений 245
- ~ ~ обыкновенный 245
- ~ ~ обычный 225, 233, 235, 242
- ~ ~ одобрения 251
- ~ ~ окрика 230
- ~ ~ орет 230
- ~ ~ отрывистый 31
- ~ ~ певческий 216, 234, 236
- ~ ~ передает 253
- ~ ~ писклявый 223
- ~ ~ плохой 245
- ~ ~ погибает 250
- ~ ~ подсказывает 231
- ~ ~ поставленный 245
- ~ ~ ~ ~ на диафрагму 251
- ~ ~ почтения 230
- ~ ~ поэта 230
- ~ ~ появляется 227
- ~ ~ прекрасный 217
- ~ ~ призыва 230, 251
- ~ ~ раздражения 230
- ~ ~ резкий 31, 216, 225, 252
- ~ ~ резко выраженной доминации 251
- ~ ~ речевой 216, 234, 235, 236, 270
- ~ ~ робкий 216
- ~ ~ ровный 225
- ~ ~ с придыханием 468
- ~ ~ рождения 245
- ~ ~ сговора 230
- ~ ~ сдавленный 216
- ~ ~ сильный 217
- ~ ~ скрипучий 34, 216
- ~ ~ слабый 216, 245
- ~ ~ слышен 254
- ~ ~ сопровождает жесты 271
- ~ ~ социальный 216
- ~ ~ сочный 217
- ~ ~ срывается 217, 233
- ~ ~ срывающийся 233
- ~ ~ становится громче обычного 30
- ~ ~ страшный 254
- ~ ~ таинственный 227
- ~ ~ тайны 230
- ~ ~ теплый 225
- ~ ~ тихий 29, 225, 231
- ~ ~ толпы 254
- ~ ~ тоталитарный 251, 253
- ~ ~ тренерский 225
- ~ ~ у мальчика 213
- ~ ~ уверенный 251, 254
- ~ ~ увещевания 230, 251
- ~ ~ умоляющий 371
- ~ ~ услышан 228
- ~ ~ успокаивающий 242
- ~ ~ учительский 225
- ~ ~ хороший 234, 235

~ хриплый 244
 ~ человека 224
 ~ ~ благородного 217
 ~ ~ с твердым характером, физически здорового, красиво-го или внешне интересного 217
 ~ человеческий 272
 ~ чужой 243
 ~ шипящий 225
 ~ юноши 31
 голоса: подобие 235
 ~ признаки 262
 голоса близких и друзей 250
 ~ взрослые 30, 235
 ~ визгливые 254
 ~ животных 75
 ~ живут 250
 ~ зарубежные 216
 ~ зычные 251
 ~ кликушествовавшие 254
 ~ командные 251
 ~ кричащие 251
 ~ маркированные 217
 ~ надрывные 254
 ~ небесные 216
 ~ обертонов 230
 ~ передающие на-строение 254
 ~ представителей профес-сий 225
 ~ ~ родов деятельности 225
 ~ ~ тоталитарной власти 251
 ~ призывные 251
 ~ приказные 251
 ~ речевые: шкала не-прерывная 236
 ~ родных и любимых 250
 ~ скрытые 230
 ~ социальные 225
 ~ социальных постов 225

~ ~ рангов 225
 ~ стереотипные 225
 ~ теплые 254
 ~ ушедших 250
 ~ эталонные 225
 группа жестовая 119

Д

движение: интерпрета-ция 287
 движения: анализ дви-жения: анализ ана-томический 54
 ~ ~ психологический 54
 ~ ~ физиологический 54
 движения поддержива-ющие диалог 125
 ~ регулирующие диа-лог 125
 ~ символические 78
 ~ телесные 47
 ~ устанавливающие диалог 125
 ~ физиологические 8, 50, 59, 148, 161, 163, 286, 287, 288, 294, 380, 419
 дейксис непосред-ственный 213
 действие: интерпрета-ция 145
 ~ оценка 428
 действие адресата: оценка 322
 ~ неуместное 359
 ~ речевое: репрезен-тация визуальная 76
 ~ телесное 59, 186, 306
 действия знаковые не-вербальные 72, 445
 ~ физиологические 15, 145, 162
 деятельность жестовая 71
 ~ коммуникативная невербальная 5

~ невербальная 47, 480
 ~ тактильная 5
 ~ театральная 23
 ~ телесная 162
 диалекты жестовые 43, 79, 86, 87, 472
 диалог: прагматика невербальная 188
 диалог кооперативный 129
 ~ корректирующий 129
 ~ межкультурный 151
 ~ невербальный 125
 ~ поддерживающий 129
 дистанция 121, 471, 475, 484
 дистанция: нормы 281
 ~ обозначение 467
 ~ подчеркивание 392
 ~ природа двойная 463
 ~ размер 468
 дистанция: распреде-ление ~ий про-странственное 473
 дистанция: сокраще-ние 383
 ~ сохранение 314, 471
 ~ увеличение 328
 ~ уменьшение 193, 328, 477
 ~ характеристик ка-чественные 468
 дистанция близкая 130
 ~ в европейской куль-туре 471
 ~ ~ женских парах 471
 ~ ~ лексикографичес-ком представлении жестов 469
 ~ ~ мужских парах 471
 ~ вежливого общения 314
 ~ интимная 468, 470, 477

- ~ коммуникативная 193, 231, 383, 467, 468, 471
 - ~ коммуникативная: типы 468
 - ~ коммуникативная интимная 468
 - ~ ~ личная 468
 - ~ ~ любимая 474
 - ~ ~ социальная 468
 - ~ короткая 467
 - ~ личная 468, 470, 471, 477
 - ~ ~ психологическая 471
 - ~ ~ психологически 470
 - ~ ~ физическая 471
 - ~ между говорящим и адресатом 371
 - ~ ~ жестикулирующим и адресатом 328
 - ~ ~ коммуникантами // коммуникативными партнерами // партнерами // партнерами по диалогу / / собеседниками // участниками коммуникативного акта 281, 298, 392, 463, 469, 477
 - ~ межличностная 468
 - ~ нормальная 468
 - ~ нужная 242
 - ~ психологическая 392
 - ~ релевантная 298
 - ~ рядовых участников переговоров возле или вокруг главных участников 473
 - ~ с незнакомым человеком 130
 - ~ социальная 467, 468, 470
 - ~ традиционная [японская] 314
 - ~ уменьшенная 371
 - ~ физическая 371, 468, 469, 470, 471, 476, 477
 - дифференциаторы 34
- Е**
- единица 26, 36, 211, 256
 - единица: декомпозиция 182
 - ~ значение 50, 190, 336
 - ~ имя 343
 - ~ использование 33
 - ~ описание 8, 277
 - ~ поведение 101, 424
 - ~ портрет лексикографический 292
 - ~ признаки 286
 - ~ референция 50, 51
 - ~ роль 62
 - ~ свойства 280, 286
 - ~ связи 281, 308, 309
 - ~ ~ парадигматические 281
 - ~ семантика 50, 226
 - ~ смысл 299, 301
 - ~ толкование 155, 308
 - ~ употребление 48, 50, 280, 283, 342
 - ~ форма 50
 - ~ форма, вопросительная 248
 - единица // единицы 10, 17, 43, 45, 50, 58, 61, 82, 96, 99, 100, 115, 119, 126, 182, 249, 255, 261, 269, 274, 276, 278, 282, 284, 289, 290, 295, 297, 300, 304, 309, 313, 398, 429
 - ~ vs. класс 351
 - ~ входная 284, 305
 - ~ глагольная 424, 427
 - ~ звуковой или тоновой последовательности 272
 - ~ исходная 155
 - ~ лексикографического описания 295
 - ~ порождающая 256
 - ~ предшествующая тексту 256
 - ~ результирующая 256
 - ~ толкуемая 301, 469
 - ~ эстетического пространства 265
 - единицы: анализ 11
 - ~ выделение 9
 - ~ группы 356
 - ~ класс 351
 - ~ классификация 480
 - ~ классы 27, 282
 - ~ множество 69
 - ~ омонимия 309
 - ~ типология 50, 353
 - единицы vs. отношения 69
 - ~ базовые 17
 - ~ вербальные // естественно-языковые / / естественного языка 6, 11, 13, 15, 17, 33, 63, 64, 69, 127, 290, 301, 308, 336, 337, 484
 - ~ вербальные: семантика 127
 - ~ ~ синтаксис 127
 - ~ голосовые 41
 - ~ жестового языка 61, 278
 - ~ жестовые 61, 70, 81, 88, 117, 127, 138, 182, 305, 340
 - ~ жестовые: семантика 127
 - ~ ~ синтаксис 127
 - ~ звуковые 117
 - ~ знаковые 6, 101, 336, 398, 480

- ~ интерпретативные 307
 - ~ квазисинонимичные 241
 - ~ кинетические //кинематические 292, 336, 480
 - ~ клишированные 252
 - ~ коммуникативные 304
 - ~ крупные 65, 119, 245
 - ~ лексические 18, 48, 117, 280, 423, 428, 483
 - ~ медицинского языка 262
 - ~ мимические 131
 - ~ нагруженные семантически 347
 - ~ невербальные 6, 7, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 20, 33, 42, 50, 55, 63, 64, 69, 80, 101, 131, 280, 296, 308, 336, 337, 353, 355
 - ~ неосвоенные прагматически 343
 - ~ освоенные плохо 343
 - ~ ~ прагматически 96
 - ~ паралингвистические 26, 27, 117
 - ~ параречевые 118
 - ~ паразыковые 26, 29, 47, 131, 135
 - ~ поведенческие 123
 - ~ полисемантические 351
 - ~ привычные 343
 - ~ производные 155
 - ~ произносительные 27
 - ~ простые 156, 285
 - ~ разговорные 154
 - ~ речевые //единицы речи 49, 70, 82, 118
 - ~ самостоятельные 299
 - ~ сегментные 118
 - ~ семиотические 16
 - ~ синонимичные 241
 - ~ синтаксические 226
 - ~ сложные 285
 - ~ смысловые 97, 119, 337
 - ~ тактильные 18
 - ~ устаревшие 427
 - ~ устойчивые 343
 - ~ фразеологические 58, 61, 85, 163, 167, 291, 309, 310, 386
 - ~ фразеологические: синтаксис 61
 - ~ эмблематические 277
 - ~ языка 48
 - ~ ~ тела 95
 - ~ языковые 8, 20, 48, 50, 51, 58, 97, 135, 155, 214, 248, 253, 257, 278, 288, 299, 300, 305, 307, 346, 406, 430, 464, 470
 - единицы измерения 262
- Ж**
- жест (= кинема) 5, 25, 45, 47, 55, 56, 59, 62, 68, 70, 76, 78, 80, 82, 85, 92, 94, 95, 97, 105, 114, 120, 127, 128, 130, 131, 135, 136, 138, 139, 141, 142, 143, 148, 149, 150, 152, 169, 178, 179, 183, 185, 188, 189, 280, 281, 282, 289, 295, 302, 303, 304, 310, 316, 317, 318, 319, 324, 329, 331, 340, 351, 379, 421, 439, 440, 443, 453, 470, 499
 - ~ «I am sleepy» 284
 - ~ «Quiet! Calm» 284
 - ~ «аплодисменты» 37, 93
 - ~ «барабанить пальцами по столу» 114, 298
 - ~ ~ пальцами» 282
 - ~ «бить себя в грудь» 297, 301
 - ~ ~ челом» 94
 - ~ «вести, взяв за руку» 88
 - ~ «взять за локоть» 449
 - ~ «воздеть руки к небу» 304
 - ~ «воздушный поцелуй» 38, 470
 - ~ «возьми меня на ручки» 89
 - ~ «вот какой большой» 62
 - ~ «высунуть язык между зубами» 177
 - ~ «глубокий поклон» 109, 470
 - ~ «голливудская улыбка» 359
 - ~ «делать большие глаза» 114, 310, 311, 377
 - ~ ~ «крутые глаза» 114, 311
 - ~ ~ «страшные глаза» 114, 311
 - ~ «дотронуться до плеча» 96
 - ~ «загородить спиной» 88
 - ~ «задерживающийся на ком-то или чем-то взгляд» 389
 - ~ «зажмуриться» 297, 323

- ~ «закрыть глаза» 377
- ~ ~ лицо руками» 88, 301, 331
- ~ «заламывать руки» 301
- ~ «засучить рукава» 304
- ~ «заткнуть уши» 298
- ~ «зуб даю» 293
- ~ «идти, взявшись за руки» 300
- ~ «ищу третьего» 138
- ~ «качать головой» 88
- ~ «кивать головой сверху вниз» 142
- ~ «кивать» 116
- ~ «кивок» 62
- ~ «коза» 139
- ~ «колыцо (ОК)» 207
- ~ ~ (ОК)» 303
- ~ «корчить рожу» 88
- ~ «кулак Дантона» 78, 304
- ~ «кусать губы» 114
- ~ «ладонь вверх» 125
- ~ ~ вниз» 125
- ~ «лопух» 88
- ~ «манить к себе пальцем» 73
- ~ «махать рукой» 453
- ~ «махнуть рукой» 146, 310
- ~ «меня считают лжецом» 137
- ~ «мотать головой» 142
- ~ «надуть щеки» 88
- ~ «наклон корпуса в сторону адресата» 371
- ~ «насуленные брови» 66
- ~ «натянуть юбку на колени» 73
- ~ «нахмурить брови» 67
- ~ «нахмуриться» 293
- ~ «облизывание языком губ» 30
- ~ «обнять» 302
- ~ «объятие» 302, 470
- ~ «окинуть глазами» 310
- ~ «осуждающе качать головой» 88
- ~ «отвернуться» 332
- ~ «отпрянуть» 328
- ~ «отшатнуться» 328
- ~ «перекреститься» 57, 288
- ~ «пистолет у виска» 104
- ~ «поглаживание» 37
- ~ «поглаживать бороду» 88
- ~ «погрозить пальцем» 101
- ~ «подзатыльник» 116
- ~ «подмигивание» 401
- ~ «подмигнуть» 96
- ~ «поднятая на уровне груди или плеч рука (иногда в нетерпении дрожащая) с открытой ладонью, обращенной к адресату» 63
- ~ «пожать плечами» 288
- ~ ~ руку» 96
- ~ «показать большой палец» 304
- ~ ~ глазами» 96
- ~ ~ кукиш» 88, 297
- ~ ~ нос» 88
- ~ ~ пальцем» 299
- ~ ~ ручкой» 299
- ~ ~ фигу» 62
- ~ ~ языку» 88, 297, 303, 309
- ~ «показывать языку» 139
- ~ «покачать указательным пальцем» 89
- ~ «покрутить пальцем у виска» 116, 298
- ~ «поманить к себе рукой» 73, 138
- ~ ~ пальцем» 290
- ~ «помахать приветственно рукой» 372
- ~ ~ рукой» (на прощание) 299
- ~ «поморщиться» 323
- ~ «помотать головой» 116
- ~ «поправить волосы» 91
- ~ «постукивание костяшками пальцев <по столу>» 103
- ~ «постучать по дереву» 302
- ~ «потирание глаз» 30
- ~ «потирать руки» 183
- ~ «потрепать по щеке» 288
- ~ «потрясти <трясти> головой» 323
- ~ «похлопать по плечу» // «похлопывание по плечу» 37, 93
- ~ ~ рукой по животу» 100
- ~ «поцеловать руку» 303
- ~ «поцелуй» 164
- ~ «почесать в затылке» // «почесывание в затылке» 92, 167, 297
- ~ «пощечина» 37
- ~ «привстать со стула» 114
- ~ «приглашение выпить» 88
- ~ «прижать палец к губам» 284
- ~ ~ палец» 47
- ~ «прикладывание рук к груди» 371

- ~ «прикрыть рот рукой (от изумления)» 114
- ~ «приложить палец к губам» 62, 290
- ~ «провести ладонью по горлу» 290
- ~ «протягивание руки для рукопожатия» 102
- ~ «протянуть руку» 96
- ~ «разбить пари» 450
- ~ «развести руками» 88
- ~ «раздвинуть руки в знак приветствия» 372
- ~ «раскрытые глаза» 401
- ~ «раскрыть рот» 185
- ~ «рога» 139, 140, 141, 406
- ~ «рот-фронт» 292
- ~ «рукоплескания» 37
- ~ «рукопожатие» 453
- ~ «сдвинутые брови» 66
- ~ «сжать локоть» 449
- ~ «сидеть, сомкнув колени» 91
- ~ «скрестить пальцы» 302
- ~ «скрещенные над головой руки» 45
- ~ «смея» 167
- ~ «смотреть прямо в глаза» 293
- ~ «сощурить глаза» 376
- ~ «сощуриться» 401
- ~ «стоять руки в стороны» 88
- ~ «стукнуть кулаком по столу» 88
- ~ «стучать кулаком по столу» 93, 94, 288
- ~ «схватиться за голову» 303
- ~ «топанье ногой» 37
- ~ «топнуть ногой» 114, 299, 301
- ~ «удар» 37
- ~ «указательный палец у нижнего века» 137
- ~ «улыбаться с сомкнутыми губами» 356
- ~ «улыбка» 102, 162, 338, 341, 499, 518
- ~ «улыбнуться одними уголками рта» 343, 356
- ~ «футурэй» (futsurei) 107
- ~ «хлопать глазами» 312
- ~ ~ дверью» 93
- ~ ~ рукой <при рукопожатии>» 38
- ~ «хлопнуть дверью» 306, 307
- ~ ~ по лбу» 116
- ~ «ходить, покачивая бедрами» 91
- ~ «чесать в затылке» 309
- ~ «чуть наклонить голову» 91
- ~ «широко открытые глаза» 184, 309
- ~ ~ раскрытые глаза» 184, 401
- ~ «шлепок» 37
- ~ «штопор» 84
- ~ «щелчок» 37, 95
- ~ «экспрессивная фи́га» 88, 89
- ~ «я с тобой сейчас заодно» 377
- жест: адресат 38, 134, 139, 147, 315, 415, 416, 417, 449, 450
- ~ анализ 169, 211, 302
- ~ ~ семантический 211, 302
- ~ аналоги речевые 290
- ~ артикуляция 73, 298, 480
- ~ артикуляция: стадия 480
- ~ ~ фаза 480
- ~ архитектоника 116
- ~ вариант 88, 137
- ~ ~ экспрессивный 62
- ~ вид: реконструкция 354
- ~ виды 79, 83, 88, 352, 354, 421
- ~ восприятие 58, 469
- ~ воспроизведение 114, 115, 139, 298, 320, 385
- ~ воспроизведение: время 385
- ~ ~ место 115
- ~ ~ способ 115
- ~ восстановление 370
- ~ выполнение 73, 306, 313
- ~ выполнение: сила 313
- ~ география 441
- ~ декомпозиция смысловая 300
- ~ динамика 296
- ~ дублирование мимикой 137
- ~ значение 57, 67, 76, 80, 95, 135, 138, 144, 208, 284, 286, 288, 289, 290, 301, 309, 352, 377, 421, 449, 484
- ~ ~ «не делай этого» 89
- ~ ~ «нет» 89
- ~ значение: описание 286, 484
- ~ ~ тип 80
- ~ ~ экспликация 185
- ~ значение лексическое 344

- ~ ~ символическое 137
- ~ идиоматизация 310
- ~ изображение 87, 296, 297
- ~ ~ схематическое 296
- жест:** изображений ~ов в живописи 61
- жест:** имя 62, 288, 289, 406, 431
- жест:** имя: ударение в ~ах 288
- жест:** имя языковое 289
- ~ ~ ~ стандартное 289
- ~ инициатор 446
- ~ интерпретация 134, 136, 137, 140, 148, 183, 475
- ~ ~ избыточная 148
- ~ ~ неправильная 136
- жест:** информация историческая о ~е 304
- жест:** информация о ~ ~ 283, 289, 298, 304
- жест:** информация этимологическая о ~ ~ 304
- жест:** исполнение 60, 72, 80, 88, 97, 108, 109, 115, 116, 136, 137, 138, 140, 141, 144, 198, 298, 314, 315, 318, 319, 324, 330, 331, 333, 338, 372, 449, 469, 475
- ~ исполнение: вариант 97, 319
- ~ ~ варианты 285, 318
- ~ ~ место 72, 115
- ~ ~ момент 333
- ~ ~ способ 115, 116, 298
- ~ ~ характер 74, 113, 475
- ~ исполнение одно-временное 331
- ~ ~ совместное 372
- ~ ~ стандартное 116
- ~ исполнение последовательное 331
- ~ исполнитель 40
- ~ использование 94, 100, 124, 125, 138, 279, 281, 284, 297, 322
- ~ использование: контекст 281
- ~ ~ ситуация 284, 297
- ~ ~ ~ стандартная 284
- ~ использование в повседневном общении 279
- ~ ~ ~ преподавании родного и иностранных языков 279
- ~ компоненты 124
- ~ ~ физические 298
- ~ коннотация 134, 304
- ~ ~ идеологическая 134
- ~ ~ культурная 134
- ~ ~ смысловая 134
- ~ контекст 481
- ~ ~ социальный 61
- ~ копирование 303
- ~ культура 55
- ~ место в истории культуры и общества 480
- ~ мотивация культурная 304
- ~ название 66, 94, 95, 96, 97, 99, 141, 202, 284, 288, 290, 299, 304
- ~ ~ английское 95
- ~ ~ историческое 304
- ~ ~ польское 95
- ~ ~ русское 95
- ~ ~ стандартное 97
- ~ наименование 62
- ~ направление 475
- жест:** наука о ~ах 22, 337, 373
- жест:** неисполнение 47
- ~ номинация 49, 94, 96, 97, 167, 185, 279, 281, 282, 287, 290, 296, 297, 305, 309, 310, 370, 449
- ~ номинация: контекст 370
- ~ ~ ~ языковой 370
- ~ номинация естественно-языковая 95, 97
- ~ ~ естественно-языковая: значение 95
- ~ ~ речевая 185
- ~ ~ текстовая 309
- ~ ~ языковая 95, 97
- ~ ~ ~ стандартная 97
- ~ обозначение 20, 95, 96, 97, 282
- ~ ~ языковое 134, 282, 287
- жест:** обучение ~ам 112, 283
- жест:** означаемое 114, 287, 295
- ~ означающее 287, 295
- ~ омонимы 125
- ~ описание 8, 94, 95, 97, 138, 167, 279, 280, 281, 282, 284, 290, 293, 297, 298, 299, 305, 330, 373, 376, 452
- ~ описание: язык 293
- ~ ~ ~ словарный 293
- ~ описание лексикографическое 115

- ~ ~ семантическое 8, 82, 284, 299
- ~ ~ словарное 284, 373
- ~ ~ сопоставительное 8
- ~ ~ физическое 94, 95, 97, 280, 282, 284, 297, 298
- ~ ~ физическое: метаязык 297
- ~ ~ ~ текст 97
- ~ ~ языковое 167, 354, 356, 370
- ~ определение 309
- ~ особенности семантические 299
- ~ осуществление 299, 317
- ~ осуществление: момент 317
- ~ отображение невербальное 452
- ~ ~ языковое 452
- ~ отражение вербальными средствами 490
- ~ отсутствие 151
- ~ оценка 58
- ~ параметры 100, 116, 303
- ~ ~ кинетические 303
- ~ ~ ~ коммуникативные 303
- ~ ~ ~ социальные 303
- ~ ~ структурные 100
- ~ ~ ~ значимые 100
- ~ перинтерпретация 148
- жест: переход одних ~ов в другие 61
- жест: повтор 237
- ~ повтор: техника 237
- жест: помета при ~е 297
- жест: понимание 70
- ~ правила 281
- ~ прагматика 76, 94, 287
- жест: превращение ~ов во фразеологизмы 310
- жест: превращение символическое в культурный и языковой элемент 306
- ~ предназначение 327
- ~ применение 60, 303
- ~ ~ в воспитании детей и в обучении 60
- ~ применимость 281
- ~ применимость: сфера 281
- ~ природа биологическая 134, 287
- ~ ~ семантическая 289
- ~ продолжительность 448
- ~ производство 70, 116, 282
- ~ производство: место 116
- ~ ~ органы 116
- ~ ~ способ 116
- ~ происхождение 304, 405
- жест: пространство занимаемое ~ом 475
- жест: пространство занимаемое ~ом: объем 475
- жест: путеводители по ~ам 279
- жест: разновидности 82, 448
- ~ распознавание в диалоге 105
- жест: распределение ~ов по культурам и географическим районам 279
- жест: расхождения гендерные в ~ах 93
- жест: расхождения культурные в ~ ~ 448, 483
- жест: реализация 91, 115, 296, 298, 313, 370
- ~ реализация: вариант естественный физиологически 298
- ~ ~ ~ удобный физиологически 298
- ~ ~ варианты 313
- ~ ~ место 296, 298
- ~ ~ способ 296
- ~ ~ форма 91
- жест: реализация: форма: расхождений в ~е 91
- жест: реализация физическая 113, 282, 298, 316, 370, 376
- ~ ~ физическая: способы альтернативные 298
- ~ реконструкция 356, 370
- ~ рисунок 296
- ~ роль 61, 68, 78, 343, 377
- ~ роль: типология 68
- ~ роль в европейской культуре 377
- ~ ~ ~ истории культуры и общества 480
- ~ ~ ~ риторике 61
- жест: сведения культурные о ~ах 294, 304
- жест: сведения о ~ ~ 280, 294, 304
- жест: сведения о ~е 281
- жест: сведения энциклопедические о ~ах 294, 304
- жест: свойства 124
- ~ связи парадигматические 296

- ~ семантика 76, 95, 113, 145, 172, 182, 280, 301, 337, 360, 399, 448, 483, 517
- ~ семантика: анализ 182, 399
- ~ ~ характеристика 301
- ~ ~ ~ однословная 301
- ~ синтактика 287
- ~ синтез 169, 297
- ~ ~ последовательный 297
- ~ смысл 47, 80, 134, 182, 287, 309, 377, 409, 481
- жест: совмещение ~ов 237
- жест: создание 297
- ~ создание: результат статический 297
- ~ соответствие функциональное 137
- ~ соотношение с вербальными единицами 484
- ~ сопровождение 142, 147, 285, 289, 304, 317, 319, 320, 342
- ~ ~ вербальное 130
- ~ ~ звуковое 142, 289, 290, 304, 319, 320
- ~ ~ кинетическое 342
- ~ ~ параречевое 342
- ~ ~ речевое 304, 319, 320, 342
- ~ ~ словесное 142
- ~ состав 307
- ~ сочетание с молчанием 75
- ~ специфика 296
- ~ среда обитания 441
- ~ статья словарная 298
- ~ строение морфологическое 182
- ~ ~ формальное 182
- ~ структура семантическая 302
- ~ суть биологическая 306
- жест: теория ~ов 55
- жест: тип 370
- ~ ~ лексикографический 84, 88, 311
- ~ ~ семантический 300, 370
- ~ типы 82, 85, 286
- ~ ~ семантические 499, 517
- ~ толкование 76, 97, 183, 184, 185, 186, 301, 307, 308, 310, 312
- ~ толкование: текст 97, 307
- ~ толкование словарное 76
- ~ употребление 57, 76, 77, 92, 94, 101, 111, 114, 115, 151, 281, 284, 288, 295, 297, 303, 315, 317, 319, 321, 324, 327, 328, 329, 330, 331, 399, 484
- ~ употребление: контекст 48, 57, 94, 281, 399
- ~ ~ контекст: анализ 399
- ~ ~ норма 281
- ~ ~ особенности 281
- ~ ~ правила 484
- ~ ~ правила: описание 484
- ~ ~ приемы ораторские 77
- ~ ~ различия половые 92
- ~ ~ ситуация 297
- ~ ~ условия 101, 288, 289, 328, 331
- ~ ~ ~ жест: употребление: условия ситуативные 303
- ~ ~ ~ канонические 101
- ~ ~ ~ контекстные 101
- ~ ~ ~ прагматические 303
- ~ ~ характер обязательный 315
- ~ ~ ~ ритуальный 315
- ~ употребление вторичное 114
- ~ ~ исходное 186
- ~ ~ коммуникативное 114, 295
- ~ ~ мужское 321
- ~ ~ переносное 321
- ~ ~ риторическое 78
- ~ ~ текстовое 288
- ~ ~ шутливое 101
- ~ усиление 325, 332
- жест: учение о ~ах 43
- жест: фаза 73
- ~ ~ центральная 73
- ~ фаза-экскурсия 73
- ~ форма 48, 62, 66, 73, 88, 129, 134, 135, 137, 138, 139, 140, 145, 147, 198, 282, 284, 287, 302, 303, 360, 450
- ~ ~ свободная 73
- ~ фотография 296
- ~ функционирование 61
- ~ функция 8, 61, 63, 68, 76, 77, 104, 288, 306, 401, 421
- ~ функция: типология 68
- ~ функция в коммуникации 75, 78
- ~ ~ ~ риторике 61
- ~ ~ дискурсивная 401

- ~ ~ коммуникативная 288
- ~ ~ контактоподдерживающая 63
- ~ ~ контактоустанавливающая 63
- ~ ~ культурная 306
- ~ ~ предикатная 104
- ~ ~ психологическая 306
- ~ ~ регулятивная 63
- ~ ~ социальная 288, 401
- ~ ~ субъектная 104
- ~ ~ фатическая 63
- ~ ~ характер 145, 444
- ~ ~ вульгарно-похотливый 321
- ~ ~ знаковый 161
- ~ ~ скрытный 137
- ~ ~ универсальный 389
- ~ ~ характеристика, однословная 301
- ~ ~ цель 319, 453
- ~ ~ риторическая 77
- ~ ~ широта 475
- ~ ~ элементы 116, 431
- ~ ~ составные 299
- ~ ~ физические 124
- ~ ~ этимоны 304
- ~ ~ эффективность 58
- жест: язык ~ов 278, 376
- жест: язык ~ ~ русский 10, 79, 95, 130, 211, 277, 278, 285, 305, 309, 360, 481, 482, 486, 519
- жест: язык ~ ~ ~ русский: словарь 10, 130, 211, 277, 285, 305, 486, 519
- жест: язык ~ ~ ~ ~ толковый экспериментальный 482
- жест — переводной эквивалент 134
- ~ Da'i 105
- ~ OK 85
- ~ cross «крест» 284
- ~ embrace 302
- ~ hug 302, 443
- ~ vs. голос 68, 371
- ~ ~ голос: согласование семантическое 371
- ~ ~ движение 161
- ~ ~ ~ физиологическое 288, 380
- ~ ~ движения физиологические 161, 287, 294
- ~ ~ имя класса жестов 162
- ~ ~ класс жестов 105
- ~ ~ комбинация жестов 119
- ~ ~ обозначение языковое 371
- ~ ~ ~ языковое: согласование семантическое 371
- ~ ~ реакция физиологическая 287
- ~ ~ сочетание кинем 120
- ~ ~ фразеологизм 291, 305, 310
- ~ ~ фразеологизм: анализ семантический сопоставительный 305
- ~ ~ американской культуры 303
- ~ ~ англосаксонской культуры 303
- ~ анджали 442
- ~ артикуляционный 237
- ~ благодарности 103
- ~ благодарственный 332
- ~ близкого приветствия 453
- ~ в интерактивном общении 68
- ~ ~ культуре 86, 101, 114, 138, 302
- ~ ~ ситуации знакомства 315
- ~ ~ ~ приветствия 315
- ~ ~ тексте 290
- ~ ~ взрослый 88
- ~ ~ вместе со звуковым сопровождением 320
- ~ ~ воспроизводимый реально 351
- ~ ~ встречающийся редко 107
- ~ ~ выброшенной вверх руки со сжатым кулаком 304
- ~ ~ выражения любви 448
- ~ ~ высокой тональности 98
- ~ ~ головы 115, 298
- ~ ~ голосовой 237
- ~ ~ грубый 297, 319, 331
- ~ ~ детский 88, 297
- ~ ~ диалогический 109
- ~ ~ дискурсивный 190
- ~ ~ для «да» 143
- ~ ~ дружбы 129
- ~ ~ дружеский 59
- ~ ~ естественный 370
- ~ ~ женский //женщины 89, 91, 92, 411
- ~ ~ женщины в адрес мужчины 151
- ~ ~ живой 58
- ~ ~ заботы 88
- ~ ~ запрещенный 320
- ~ ~ защиты 88, 303
- ~ ~ знакового телодвижения 372
- ~ ~ и фразеологизм 308, 311
- ~ ~ изысканный 54
- ~ ~ иллюстративный 80, 125

- ~ интимный 303, 468
- ~ исполняемый ходе судебного процесса 57
- ~ ~ ~ во время богослужения 57
- ~ ~ ~ коронации 57
- ~ ~ ~ свадебного обряда 57
- ~ ~ рукой 116
- ~ как аналог рукопожатия 442
- ~ ~ действие 307
- ~ ~ знак 47, 287
- ~ ~ ~ отрицания 142
- ~ ~ значимое физическое действие тела 306
- ~ ~ невербальная метафора 78
- ~ ~ произвольная реакция 328
- ~ китайский 177
- ~ крестного знамения 332
- ~ лексический (lexical gesture) 82
- ~ лжи 137
- ~ личный 468
- ~ мануальный 71, 100, 466
- ~ масаи 144
- ~ мимический 55, 67, 151, 177, 181, 182, 184, 211, 293, 297, 298, 309, 310, 311, 337, 372, 376, 377, 389, 482
- ~ многозначный 300
- ~ многократный 116
- ~ мужской 89, 91, 92, 315
- ~ ~ субкультуры 452
- ~ наттоку 109
- ~ национально-специфичный 301
- ~ недовольства 253
- ~ нейтральный стилистически 98
- ~ немецкой культуры 85
- ~ необходимый в данном контексте 151
- ~ нервной улыбки 340
- ~ несимметричный 113
- ~ неэкспрессивный 444
- ~ нижней губой 120
- ~ ног 115, 298
- ~ обидный 319
- ~ обиходный 98
- ~ обращенный к женщине 449
- ~ общенный 88
- ~ общекоммуникативный 94
- ~ общий 99
- ~ обыкновенный 370
- ~ обязательный 298
- ~ однократный 116, 299
- ~ описывающий дугу 59
- ~ освоенный прагматически 96, 287, 343
- ~ осуждаемый 319
- ~ отображающий ситуацию 104
- ~ отрицания 139
- ~ официальный 57
- ~ передающий разрыв зависимости 57
- ~ повседневный 57, 86
- ~ поднятой руки 291
- ~ похлопывания по плечу 449
- ~ правой руки 59
- ~ прерывания контакта 253, 300
- ~ приветствия 38, 70, 88, 300, 448, 483
- ~ привлечения внимания 60
- ~ приглашения к выпивке 300
- ~ прощальный // прощания 146, 446, 448, 483
- ~ радости 355
- ~ раздражения 253
- ~ размера 101
- ~ разъединительный 72
- ~ расширенных зрачков 409
- ~ регулятивный 81
- ~ резкий 331
- ~ ритуального почтительного приветствия 139
- ~ ритуальный 57, 470
- ~ собственно 298
- ~ сопричастности с адресатом 377
- ~ сопровождающий // сопутствующий 124, 208, 298, 311, 325, 469
- ~ стереотипный 370
- ~ тепла 303
- ~ угрозы 144
- ~ удобный физиологически 298
- ~ укрытия 88, 303
- ~ фамильярный 98
- ~ форма <исторически ритуальная> 302
- жест-объятие** hug 443
- жестикулция** 11, 48, 59, 119, 132, 148, 358, 401
- жесты** 131, 164, 293, 313, 328, 361
- ~ «подмигивания» 98
- ~ «похлопывания» 98
- жесты:** анализ сопоставительный 132, 279
- ~ ~ структурный 126

- ~ ~ функциональный 126
- ~ близость семантическая 182
- ~ вариабельность географическая 86
- ~ виды 9, 83, 88, 121, 337, 352, 354, 421
- ~ деление [классификационное] 115, 134
- ~ ~ [классификация] 82, 97
- ~ ~ по отношению к адресату 134
- жесты:** деривация семантическая одних ~ов из других 83
- жесты:** записи: нотация для ~и 64
- жесты:** использование 338
- ~ исследование 69
- ~ категории 131
- ~ классификация 85, 99, 115, 301, 386
- ~ ~ морфологическая 115
- ~ ~ по активным (рабочим) органам 115
- ~ ~ ~ пассивным органам 115
- ~ ~ семантическая 82, 99, 301
- ~ ~ семиотическая 84
- ~ ~ типологическая 295
- ~ классы 79, 81, 83, 84, 96, 99, 105, 106, 287, 295, 353, 431, 468
- ~ классы: имена 81, 431
- ~ ~ название 353
- жесты:** классы: разбиение на ~ы 82
- жесты:** классы семиотические 79, 82, 480
- ~ комбинаторика 337
- ~ комбинаторика: правила 337
- ~ лексикография 19, 280
- ~ несоответствие культурное 135
- ~ омонимия 481
- ~ ~ межкультурная 141, 481
- ~ описание 278, 389
- ~ осуществление одновременное 323
- ~ отношение к адресату 134
- ~ оценка 188
- ~ ~ вербальная 188
- ~ ~ этическая 188
- ~ перевод 148
- ~ ~ взаимный 148
- ~ ~ взаимный: способы 148
- ~ подкласс дейктический 101
- ~ подклассы 101, 102, 103
- ~ происхождение 60
- жесты:** различия стилистические в ~ах 98
- жесты:** разновидности семиотические 82
- ~ разряды 114
- ~ разряды: переход регулярный из одного в другой жесты коммуникативные 114
- ~ репертуар 49, 105
- ~ синонимия 481
- ~ ~ межкультурная 481
- ~ синтаксис 127
- ~ ~ внешний 127
- ~ ~ внутренний 127
- ~ словарь 18, 279, 280, 281, 283, 284, 379
- ~ ~ многоязычный 279
- ~ ~ экспериментальный 99
- жесты:** совмещение ~ов: техника 237
- жесты:** соответствие межкультурное 131
- ~ сочетаемость 295, 303
- ~ сочетаемость: правила 295
- ~ тип лексикографический 295
- ~ типология 60, 444
- ~ ~ внутриязыковая 444
- ~ ~ содержательная семиотически 444
- ~ типы 186, 301
- ~ ~ лексикографические 373
- ~ ~ семантические 449
- ~ упорядочивание 337
- ~ упорядочивание: правила 337
- ~ функция риторическая 76
- ~ характеристики, 71
- ~ эволюция 60
- ~ эволюция: закономерности 60
- ~ эволюция историческая 60
- ~ ~ культурная 60
- ~ ~ социальная 60
- ~ язык 289
- жесты:** язык ~ов испанский 137
- жесты:** язык русский 283
- ~ языки ритуальные 44
- жесты vs. движения жестовые** 480
- ~ ~ ~ незначимые 83
- ~ ~ ~ физиологические 8, 161

- ~ ~ единицы языковые: описание семантическое сопоставительное 8
- ~ ~ мимика 284
- ~ ~ фразеологизмы: описание параллельное 309
- ~ ~ ~ сопоставление семантическое 305
- ~ актёра // актёров 87, 238
- ~ Америки 279
- ~ бразильские 279
- ~ бытовые 86, 137
- ~ венгерские 279
- ~ водителей грузовиков 44
- ~ вообще 100, 278
- ~ глаз // глазные 81, 115, 357, 377, 386
- ~ дейктические 101, 121, 294
- ~ животных vs. жесты человека 55
- ~ заимствованные 79, 84, 85, 95, 137, 389, 444, 481
- ~ и мимесис 61
- ~ ~ речь 70
- ~ игровые 297
- ~ иконические // жесты-иконы 79, 99, 101, 103, 104, 105, 292
- ~ иллюстративные // жесты-иллюстраторы (= иллюстраторы) 77, 79, 80, 81, 83, 102, 115, 117, 118, 121, 122, 124, 125, 129, 481
- ~ имеющие <стандартную> языковую номинацию 97
- ~ индейцев 120
- ~ индексальные // жесты-индексы 79, 99, 105
- ~ индуистские 442
- ~ иранские 279
- ~ исконные 79, 84, 85, 444, 481
- ~ испанские 92
- ~ итальянцев // итальянские 48, 86, 100, 279
- ~ итальянские Севера и Юга Италии 86
- ~ касания // касаний 88, 451
- ~ клерикальные 58
- ~ Колумбии 279
- ~ коммуникативные 99, 100, 101, 102, 103, 105, 115, 148, 292, 294, 300, 303, 310, 449
- ~ ласки 478
- ~ любви 92
- ~ мимические 43, 55, 67, 117, 151, 152, 165, 177, 178, 179, 181, 182, 184, 211, 278, 293, 297, 298, 309, 310, 311, 323, 337, 347, 374, 376, 377, 386, 389, 480, 482
- ~ мимические: синтаксис 337
- ~ ~ ~ внешний 337
- ~ ~ ~ внутренний 337
- ~ не имеющие стандартной номинации 97
- ~ негритянской части населения США 389
- ~ немецкие 279
- ~ необычные 87
- ~ неосвоенные прагматически 79, 96, 97, 343, 481
- ~ нерусские 172
- ~ несимметричные 445
- ~ нетривиальные 57
- ~ неуместные этические 188
- ~ обвинительные 151
- ~ ораторов 87
- ~ освоенные прагматически 62, 79, 96, 97, 286, 287, 343, 481
- ~ палачей 87
- ~ повседневные 76
- ~ политические 58
- ~ приветствий 292
- ~ приветствия 444, 445
- ~ прошлого 58
- ~ прощания 444, 445
- ~ разных культур 279
- ~ регулятивные // жесты-регуляторы (= регуляторы) 79, 81, 109, 115, 125, 126, 481
- ~ риторические 77
- ~ ритуальные 58
- ~ рук 43, 115, 129, 298, 373
- ~ руки 71, 116, 124
- ~ русские 10, 11, 62, 66, 88, 96, 97, 99, 100, 101, 102, 114, 116, 137, 138, 172, 181, 277, 279, 281, 283, 285, 286, 288, 289, 291, 292, 293, 294, 296, 371, 373, 484
- ~ русские: язык 10, 277, 278, 285, 286, 291, 292, 293, 294, 296, 516
- ~ ~ язык: словарь 277, 285, 286, 291, 292, 293, 294, 296, 299
- ~ с адапторами 37, 94, 95, 299, 305
- ~ ~ ~ тела 141
- ~ ~ адапторами-объектами 141

~ символические (? символы) 57, 79, 83, 101, 103, 105
 ~ симметричные 445
 ~ симптоматические 114, 115, 167, 182, 184, 186, 292, 295, 300, 310, 345, 377
 ~ социальные 58, 468
 ~ типичные 452
 ~ уважения 194
 ~ удивления 292
 ~ указательные 101, 120
 ~ улыбки 162, 347, 352, 353, 370, 478
 ~ уместные этически 188
 ~ универсальные 173, 301
 ~ условные 135
 ~ французские 279
 ~ экспрессивные 347, 444
 ~ эмблематические (= эмблемы) 8, 79, 80, 82, 83, 85, 98, 99, 100, 101, 105, 106, 115, 124, 135, 142, 144, 277, 279, 286, 289, 292, 302, 312, 344, 373, 449, 481
 ~ этикетные 94, 101, 102, 106, 112, 138, 294
 ~ языка иврит 279
 ~ ~ идиш 279
 ~ японцев //японские 110, 279, 281, 282
жесты-движения 73
жесты-действия 299
жесты-дразнилки 88, 309
жесты-маркеры 117
жесты-обереги 399
жесты-поклоны см. поклоны

жесты-приглашения 446

жесты-символы 99

жесты-улыбки 62, 353, 354, 372

З

задачи лексикографические 8

заявление невербальное 462, 484

звучание: параметры 26, 29, 263, 479

знак: смысл символический 138

знак дейктический 48

~ ~ невербальный 48

~ жестовый 45, 51, 87, 134, 342

~ невербальный 16, 48, 88, 104, 110, 145, 148, 179, 187, 193, 335, 336, 402, 453

знаки естественно-языковые: синтаксис 481

~ жестовые: синтаксис 481

~ пунктуационные 119

~ символические 48, 49, 286, 380, 403

~ тактильные 19, 51

значение символическое 45, 141

значимость семиотическая 40

~ символическая 40

зрочки 406, 407, 409

зрочки: движение 90

~ ~ во время сна 401

~ измерение 406

~ интерпретация 409

~ исследование научное систематическое 407

зрочки: наука о ~ах 406

зрочки: поведение 408

~ размер 407, 408

зрочки: размер: изменения в ~ах 385

зрочки: расширение 408, 409, 410

~ расширение: степень 409

~ свойства 406

зрочки другого человека 409

~ как часть глаз 406

~ подчеркивающие что-либо 389

~ расширенные //расширившиеся 407, 408, 409, 410

~ расширенные: интерпретация 409

~ расширенные неестественно 407

~ расширившиеся резко и внезапно 408

~ суженные 409

~ у девушек 409

~ увеличенные 409

~ узкие 409, 410

~ уменьшенные 409

И

игра 127, 203, 207, 241, 450, 465

игра: окончание 315

~ правила 127, 450

~ цель 127

игра актеров 39

~ в жмурки 431

~ ~ кегли 349

~ ~ прятки 392

~ глаз 200

~ голосовая //игра голосом 28, 35, 217, 233, 268

~ любовная 133, 377.

393, 401
 ~ на кифаре 382
 ~ ~ сиене 78
 ~ с очками 381
 ~ спортивная 450
 ~ сценическая 246
 ~ языковая 35
игры детей //детские 419
 ~ диалогические 93
 ~ ролевые 93
идеографы 117, 121, 122
изменения телесные 153
 ~ физиологические внутренние 153
иллюстраторы (= жесты иллюстративные) 77, 79, 80, 81, 82, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 149, 481
 ~ дейктические 120, 121
 ~ риторические 77
интенсификаторы невербальные 313
интерпретация 9, 131, 132, 134, 135, 145, 167, 180, 280, 296, 297, 409, 410
интерпретация: множественность ~ий 167
интерпретация: неполнота 148
 ~ способ 174
интерпретация избыточная 147, 148
 ~ контекстная 167
 ~ неполная 147
 ~ неправильная 114, 131, 132, 136, 145, 147, 287
 ~ нестандартная 346
 ~ ошибочная 132

~ различная 145, 454
 ~ семантическая 132, 271, 307
 ~ смысловая 133
информация невербальная 373
 ~ постигаемая тактильно 434
 ~ семиотическая 294, 295
 ~ тактильная 435
исследование невербальное 90
 ~ паралингвистическое 33
 ~ проксемное 472
исследования кинетические 60, 61

К

кавал визуальный 211
 ~ тактильный 211, 429
картина мира семиотическая 424
касание: категории 18
касания взаимные 129, 452
 ~ жестовые 483
 ~ жестовые: интерпретация 448
 ~ невербальные 453
 ~ целительные 413, 415
категории 10, 17, 26, 29, 36, 122, 131, 135, 176, 178, 293
 ~ абстрактные 51
 ~ актуальные 51
 ~ вербальные 69
 ~ временные 51
 ~ ментальные 176
 ~ невербальные 12, 69
 ~ понятийные 174, 175
 ~ пространственные 51
 ~ таксономические 278
 ~ эмоциональные 174
 ~ языковые 176
категории людей 319
 ~ социальные 419
категория паралингвистическая 29, 33, 34, 35, 89, 479
квансионным оценочные 154
квалификаторы 26, 29, 33, 34, 42, 480
кivanje 116, 199, 383
 ~ головой 109, 142, 199, 383
 ~ ~ сверху вниз 142
 ~ невпопад 199
кивки 64, 125, 197
кивки: виды 65
 ~ количество 173
 ~ скорость 173
кивки быстрые 387
 ~ японские 109
кивок 51, 62, 81, 101, 288, 290, 306
кивок: аналог мимический 81
кивок академический 63
 ~ в знак приветствия 470
 ~ головой //кивок головы 100, 120, 142, 173, 200, 287
 ~ ~ вверх 67
 ~ двукратный 65
 ~ едва заметный 142
 ~ однократный 65
 ~ повторяющийся периодически 63
 ~ согласия 48, 99
 ~ трехкратный 65
 ~ утвердительный 287
кип 65
кинеграфы 67, 68
кинема (= жест) 65, 82, 337

- ~ «вот какой большой» 62
- ~ «вскидывание головы вверх» 65
- ~ «кланяться» 113
- ~ «кулак с вытянутыми вверх или вперед указательным пальцем и мизинцем» 405
- ~ «на!» 80
- ~ «наклон головы вперед» 65
- ~ «погладить бороду» 91
- ~ «потирать подбородок» 91
- ~ ~ челюсть» 91
- ~ «сощурить глаза» 376
- ~ «стоять, согнувшись перед кем-то» 113
- кинема:** значение 18, 79, 137, 295, 401
- ~ название 105
- ~ номинация синонимичные 66
- ~ номинация 49, 66
- ~ описание 68
- ~ отражение вербальное 49
- ~ переменные кинетические 71
- ~ смысл 71, 293
- ~ толкование 379
- ~ употребление 68
- ~ устройство формальное 18
- ~ функция 71
- кинема для языка**_п [tongue] 65
- ~ мануальная 105, 138
- ~ невербальная 295
- ~ принятая на Востоке 138
- ~ со значением «да» 401
- кинематографисты** 238
- кинеморфемы** 65
- кинеморфы** 65
- кинемы** 42, 65, 66, 67, 79, 89, 99, 117, 121, 122, 123, 131, 182, 304
- кинемы:** виды 79
- ~ использование 65
- ~ каталог 65
- ~ классификация 68
- ~ ~ семиотическая 68
- ~ ~ функциональная 68
- ~ классы 61
- ~ ~ семиотические 79
- ~ комбинация 66
- ~ объединение 61
- ~ репертуар 18
- ~ сочетание 120
- ~ типы лексикографические 88
- кинемы бровей** 65, 66
- ~ бытовые 113
- ~ глазные 18
- ~ головы 337
- ~ для подбородка 66
- ~ ~ щек 66
- ~ завершающие коммуникацию 79
- ~ идентичные внешне 133
- ~ из лексикографического типа «приглашение выпить» 88
- ~ иллюстративные 122
- ~ исконные 84
- ~ мимические 379, 401
- ~ невербальные 295
- ~ ног 337
- ~ носовые 65
- ~ относящиеся к бровям 379
- ~ поддерживающие коммуникацию 79
- ~ радости и удовольствия 170
- ~ рта 65
- ~ рук 337
- ~ русские 18, 113, 376, 379
- ~ связанные с бровями 67
- кинемы-идентификаторы** 123
- кинемы-касияния** 121
- кинемы-милеры** 122
- кинесемка** 8, 17, 18, 23, 25, 43, 44, 45, 64, 68, 69, 73, 76, 81, 87, 90, 92, 101, 121, 131, 147, 153, 159, 179, 196, 286, 295, 335, 337, 350, 373, 479, 520
- кинесемка:** аспекты прикладные 60
- ~ задачи 69
- ~ идеи 480
- ~ категории 8
- ~ область предметная 44
- ~ объект 43
- ~ положения 480
- ~ понятия 480
- ~ предмет 431
- ~ элементы 491
- кинесемтагмы** 65
- кинемографы** 117, 122
- кинемофотографы** 117, 122
- кино** 45, 61, 110, 132
- кинозал** 464
- кинозвезды** 415
- кинокамера** 389
- кинокритики** 215
- кинопродюсеры** 19
- киносценарии** 19
- киносьемки** 85
- кинофильмы** 146

- книги** 65
класс семиотический
 79
классификация семиотическая 68, 84
 ~ типологическая 295
классы лексикографические 291
 ~ семиотические 79, 82, 480
ключ невербальный
 16, 358, 364
код невербальный 6, 42, 49, 68, 69, 78, 97, 136, 151, 424, 470, 479, 498, 518
 ~ ~ проксемный 479
 ~ семиотический // знаковый 33, 46, 50, 74, 97, 98, 336, 424, 479, 518
кодирование невербальное 18, 142
кодификация невербальная 188
коммуникация 18, 20, 22, 24, 26, 28, 29, 34, 35, 36, 41, 46, 61, 64, 68, 75, 78, 79, 81, 84, 98, 117, 119, 120, 124, 125, 126, 127, 136, 151, 152, 186, 203, 212, 222, 242, 255, 329, 344, 352, 380, 385, 401, 416, 438, 457, 464, 482, 518, 519
коммуникация: акт 5, 16, 27, 30, 36, 38, 41, 42, 51, 63, 77, 117, 119, 152, 172, 187, 202, 203, 226, 271, 287, 306, 340, 378, 394, 397, 399, 416, 454, 457, 480, 519
 ~ акт: участники 113
 ~ акт актуальный 38
 ~ аспекты невербальные 508
 ~ время 22, 457
коммуникация: готовность к ~-ни 387
коммуникация: завершение 79
 ~ канал 169, 463, 484
 ~ ~ сенсорный 468
 ~ компонента вербальная 193
 ~ компоненты кинетические 500
 ~ ~ невербальные 131, 193, 492, 500
 ~ механизмы 55
 ~ модели 223
 ~ моделирование 60
 ~ налаживание 347
 ~ особенности национально-культурные 506
коммуникация: партнер по ~-ни 37, 38, 71, 76, 127, 357, 360, 387, 393, 453
коммуникация: переменные 477
 ~ поддержание 79, 347
 ~ прагматика 266
 ~ практика 19, 73
 ~ пространство 22, 188, 457, 466, 467, 469
 ~ протекание 212, 393, 484
 ~ процесс 15, 22, 23, 27, 28, 40, 41, 178, 388, 402, 417, 439, 448, 464
 ~ синхронизация 116
 ~ системы жестовые 488
 ~ ситуация 194, 394
 ~ ~ актуальная 307
 ~ способы 217
 ~ строение ритмическое 23
 ~ теория 13, 19, 29, 64, 69, 73, 179, 280, 336, 481
 ~ течение 130
 ~ упорядочение 116
 ~ условия 77
 ~ установление 79
 ~ участники 63, 127, 129, 188, 314, 315, 387, 392, 394, 395, 422, 441, 445, 446, 451, 452, 453, 454, 469, 470, 471, 484
коммуникация: участники: расстояние между ~-ами 383, 477
коммуникация: фрагмент 79
 ~ ~ речевой 79
 ~ характер 77, 102
 ~ этика 187
коммуникация актуальная 36, 63, 203, 235, 296
 ~ вербальная 55, 102, 517
 ~ визуальная 18
 ~ воров и бандитов 32
 ~ жестовая 60, 89, 118, 119, 132, 296, 443, 491
 ~ зрительная 454
 ~ мануальная 443
 ~ массовая 250, 251
 ~ массовая: языки 251
 ~ между властью и народом 250
 ~ межкультурная 73, 481
 ~ мужчины с незнакомыми партнершами 394
 ~ невербальная 6, 17, 19, 22, 36, 51, 55,

- 69, 140, 196, 454, 492, 517
 ~ нормальная 347
 ~ паразыковая 8
 ~ повседневная 9, 218
 ~ практическая 47
 ~ разнополюх пар 209
 ~ речевая 27, 32, 74, 116, 212, 226, 266
 ~ речевая: механизм аксиологический 247
 ~ ~ протекание нормальное 354
 ~ русских людей 389
 ~ с незнакомым мужчиной 394
 ~ ~ помощью актуально звучащего голоса 218
 ~ ~ ~ иконических жестов 105
 ~ ~ социально неравноправными участниками 194
 ~ словесная 60
 ~ социальная 255, 353
 ~ тактильная 18, 22, 454
 ~ устная 11, 20, 250, 251, 255
 компоненты невербальные 130, 131, 500
 ~ семиотические 127
 констатация любовно-эротическая 302
 константы кинетические 71, 173, 422, 483
 конструкты паралингвистические 34
 контакт визуальный 385, 392, 393, 468
 ~ визуальный: аномалии 393
 ~ ~ длительность 385
 ~ ~ норма 393
 ~ ~ поддерживание 393
 ~ ~ прерывание 393
 ~ телесный 413, 416, 443, 468, 476
 контекст коммуникативный невербальный 71
 ~ невербальный 71, 372
 концептуализация: различия в ~-ин 236
 концептуализация: способы 457
 ~ ~ вербальные 457
 ~ ~ ~ в. невербальные: соотношение 483
 ~ ~ невербальные 457, 483
 концептуализация в русском языке 163, 482
 ~ вербальная 174, 176, 178
 ~ жестовая 154
 ~ ~ в русском языке [тела] 482
 ~ национальная 458, 460, 470
 ~ невербальная 165, 174, 175, 176, 178, 457, 460
 ~ ситуации 424
 ~ температурная языковая 165
 ~ языковая 154, 159, 163
 ~ ~ в русском языке /русская 163, 482
 корреляты невербальные 15
 крик: сигналы паралингвистические 162
 кукиш 88, 318
 ~ в кармане 319
 культура жестовая 55, 89
 ~ невербальная 18, 67, 95, 421
 Л
 лексема жестовая 312, 337
 лексика жестовая 50
 лексика невербальная 292
 лексикографии жестов 19
 лексикографирование 162, 167
 лексикография 337
 ~ жестов 8, 280, 373
 ~ жестовая 11, 18, 481
 ~ системная 281, 283, 285, 286, 289, 486
 ~ системная: принципы 286
 лингвистика: категории 9
 лицо₁: свойства физиологические 336
 любовь 96, 167, 178, 454
 любовь: выражение 30, 38, 70, 164, 193, 390, 438, 448
 ~ выражение: жесты 448
 ~ дар первый 344
 ~ жесты 92
 ~ поцелуй 448
 любовь: признание в ~-и 238
 любовь: проявления 193
 ~ ~ невербальные 193
 ~ чувство 156, 390
 ~ чувство: описание 156
 любовь горячая 165

- ~ Господа к человеку 291
- ~ жаркая 165
- ~ к адресату 392
- ~ ~ ~ жеста 38
- ~ матери 343
- ~ родительская 291
- ~ солдата к Родине 102
- ~ ~ ~ своей [воинской] части 102
- ~ чувственная 164

М

- макрокинезика** 60, 61
- манера: интерпретация** 71
- манера ведения речи** 269
 - ~ говорения 31, 42
 - ~ двигаться 72
 - ~ держаться 205
 - ~ обхождения 98
 - ~ письма 264, 265
 - ~ поведения 59, 72, 76, 122
 - ~ произнесения 35
 - ~ раскланиваться 48
 - ~ речи 264, 266
- манеры** 71, 72, 93, 122, 148, 151, 189, 195, 199, 205, 215, 225, 251, 255, 268, 270, 271, 361
 - ~ приветствия 72
 - ~ разговорного общения 72
 - ~ этикетные 72, 205
- манifestация невербальная** 345, 404
 - ~ телесная 55
- маркер невербальный** 402
- маркеры временные** 121
 - ~ дейктические 120, 121

- ~ идеографические 121
- ~ конца сообщения 402
- ~ пространственные 121
- материал визуальный** 12
 - ~ лексикографический 278
 - ~ невербальный 7, 354
- местоимения дейктические** 61
- метаморфозы телесные** 77
- метафора невербальная** 78, 328
- метафоризация невербальная** 78
- микрокинезика** 60, 61
- миника: дискретность физиологическая** 166
- мипр: отображение телесное** 105
- мипр телесный** 206
- модели анализа** 280
 - ~ глазного поведения 90, 91, 382, 482
 - ~ движения глаз 90
 - ~ действующие 90
 - ~ дыхания 55
 - ~ жизни 276
 - ~ коммуникации 223
 - ~ образа мысли 276
 - ~ поведения 15, 34, 387
 - ~ поступка 276
 - ~ речи 276
 - ~ синтеза 280
 - ~ социального взаимодействия 127
 - ~ стиля 276
 - ~ творчества 276
 - ~ типовые 382
 - ~ человеческих эмоций 173

- ~ языка 276
- модели, жизни** 338
- ~ когнитивные 105
- ~ культурные 346
- ~ социальные 346
- ~ стандартные 286
- модель: компоненты** 34
- модель взаимодействия вербальной и невербальной семиотических систем** 278
- ~ интегральная 300
- модель лингвистическая «Смысл — Текст»: теория — ей** 285
- модель многоуровневая** 285
 - ~ описания языка 285
 - ~ поведенческая 173
 - ~ синтаксическая 130
 - ~ сопоставительного анализа вербальной и невербальной семиотических систем 277
 - ~ стереотипная 382
 - ~ формальная 277
 - ~ человеческой эмоции 173
- ~ языка интегральная 300
 - ~ ~ многоуровневая 285
 - ~ ~ многоуровневая: компонент глубинный 285
- модель_{1.1} «Х-овая поза»** 189
 - ~ «вижу, что» 434
 - ~ «поза Х-а» 189
- модель_{1.2} «голос — носитель голоса»** 234
 - ~ «характеристика художественного произведения» — «стиль

произведения или творчества в целом» — «манера поведения или стиль жизни» 258
 модель, мира наивная 486

Н

наблюдатель 59, 162, 168, 205, 225, 322, 357, 359
 наблюдения визуальные 11, 136, 352, 446
 ~ ~ над разнополыми парами 474
 ~ ~ поведенческие 354
 нравы 203
 направления театральные 221
 напряжения телесные 201
 немота физиологическая 215
 неологизмы невербальный 88
 неудача коммуникативная невербальная 148
 неуместность 187, 453
 норма: нарушение 397
 нормы этикетные 193, 207, 232, 272, 319, 330, 334, 347, 385, 397, 468
 нрав 53

О

облик телесный 213, 218
 оболочка телесная 397
 образ визуальный 77
 обряд инициации 44, 420
 ~ приветствия 111
 ~ свадебный 57

обряд-ритуал конфессиональный 415
 обряды: виды 420
 обряды охотничьи 420
 ~ похоронные 460
 ~ ритуальные 75
 ~ сельскохозяйственные 420
 ~ церемониальные 421
 общение 6, 61, 65, 72, 98, 136, 199, 243, 267, 326, 328, 330, 346, 381, 388, 453, 465, 466, 468, 479, 491, 504, 510
 ~ «на ходу» 130
 общение: азбука 499, 516
 ~ акт 5, 16, 125, 186, 210
 ~ акт: участники 271
 ~ акт актуальный 63
 ~ ~ конкретный 74, 308
 ~ время 22, 179, 188, 464, 484
 ~ голос 231
 общение: готовность к ~ю 386
 общение: дистанция традиционная 314
 ~ интенсивность 477
 ~ код невербальный 136
 ~ комфортность 466
 ~ манеры этикетные 72
 общение: неготовность к ~ю 388
 общение: нежелание 388
 общение: неудачи коммуникативные при ~ии 481
 общение: неудобства для ~я 476

общение: обострение 314
 ~ опыт 409
 ~ особенности интерактивные 225
 ~ ~ социальные 225
 ~ параметры 472
 ~ поддержание 81, 109, 383
 ~ поддержание: средство 109
 ~ ~ ~ невербальное 109
 общение: помехи в ~ии 148
 общение: постулаты 151, 249
 ~ правила 274, 315
 ~ ~ общие 274
 ~ ~ этикетные 315
 ~ прагматика 232
 ~ практика 44
 общение: преграда в ~ии 231
 общение: прекращение 156
 ~ приемы 338
 ~ пространство 328
 ~ протекание 474
 ~ процесс 40, 118, 233, 267, 285, 304, 343, 401
 ~ психология 179, 391
 ~ регуляторы 63
 ~ синхронизация 23
 ~ ситуация 7, 49, 92, 135, 151, 230, 281, 283, 301, 319, 360, 363, 367, 374, 412, 445, 452, 465
 ~ ~ актуальная 100, 287
 ~ ~ бытовая 412
 ~ ~ конкретная 169, 310, 370
 ~ ~ магическая 412
 ~ ~ ритуальная 412

- ~ ~ социальная 344, 451
- ~ сложность 266
- ~ способы 5, 338
- ~ средства 6
- ~ средство 253
- ~ срыв 314
- ~ стиль 439, 453, 454
- ~ ~ любовный 453
- ~ ~ невербальный 446, 453, 454
- ~ ~ ~ дружеский 453
- ~ ~ ~ любовный 454
- ~ ~ сексуальный 454
- ~ ~ функциональный 452
- ~ уровень 454
- ~ участники 212
- ~ характер 439
- ~ характеристики 472
- ~ ~ пространственные 472
- ~ цель 84
- ~ частота 315
- ~ этика 200
- ~ эффективность 20
- общение банщика с клиентом 452
- ~ бытовое 110, 253
- ~ вежливое 314
- ~ вербальное 472, 477
- ~ врача с пациентом 451, 452
- ~ гладкое 314
- ~ глухих 495
- ~ дальнейшее 314, 439
- ~ деловое 386, 519
- ~ диалогическое: параметры невербальные 281
- ~ диалоговое 400
- ~ дружеское 451, 454
- ~ жестовое 495
- ~ жестовое: синхронизация 23
- ~ интерактивное 5, 18, 68, 179
- ~ интимное 231, 474
- ~ интимное: голос 231
- ~ кооперативное 151, 402
- ~ любовное 451
- ~ людей разных национальностей 148
- ~ массажиста с клиентом 452
- ~ межкультурное 518
- ~ межличностное 179, 391
- ~ межэтническое: код невербальный 136
- ~ мужчин и женщин 92
- ~ невербальное 7, 17, 371, 472, 481, 518
- ~ невербальное: ситуация актуальная 287
- ~ ~ стиль сексуальный 454
- ~ ~ формы знаковые 11
- ~ неформальное 319, 393, 454
- ~ нормальное 228, 380
- ~ обычное 400
- ~ парикмахера с клиентом 451
- ~ повседневное 109, 110, 179, 279, 400
- ~ повседневное: нормы этикетные 232
- ~ портного с клиентом 452
- ~ постоянное 156
- ~ приятное 156
- ~ равных партнеров 417
- ~ разговорное 72
- ~ речевое 5, 63, 68, 118, 401, 474
- ~ речевое: общение: практика 23
- ~ ~ постулаты 249
- ~ ~ правила 274
- ~ ~ ~ общие 274
- ~ ~ протекание 474
- ~ ритуальное 228
- ~ с Богом 228
- ~ ~ близкими людьми 156
- ~ ~ друзьями 109
- ~ ~ женщинами 409
- ~ ~ коллегами по работе 109
- ~ ~ нижестоящими по рангу и/или возрасту 109
- ~ ~ равными по рангу и/или возрасту 109
- ~ сексуальное 451
- ~ словесное 78
- ~ тактильное 454
- ~ тесное 387, 477
- ~ тренера со спортсменом 451
- ~ устное 5, 49, 69, 343, 401, 479
- ~ учителя с учеником 451
- ~ формальное 128
- ~ этикетное 338
- ~ этикетное: приемы 338
- ~ ~ способы 338
- ~ японцев 509
- объятие 38, 106, 164, 302, 303, 431, 442, 470
- объятие: фаза начальная 313
- объятие hug 300, 420, 443
- объятие жаркие 165
- обычай 64, 171, 438
- обычай бить челом 94
- окулесника 17, 18, 22, 25, 90, 335, 373, 375, 384, 401, 482
- ольфакция 17, 22, 23, 467, 484

- омонимия** межкультурная 68, 135, 141
омонимы кинетические межкультурные 136
описание: единицы 295, 336
описание лексикографическое 10, 11, 18, 115, 277, 279, 281, 284, 295, 312, 494, 512, 516
 ~ невербальное 280
определение тактильное 429
опыт визуальный 179, 434
 ~ визуальный: данные 434
 ~ тактильный 433
 ~ тактильный: данные 432
осмотр тактильный 430
особенности физиологические 34, 230
осязание 18, 423, 431, 432, 435, 436, 437, 438
осязание: акты 18, 431, 436, 437
 ~ возможности 433
 ~ выражение 428
 ~ глаголы 424, 428, 483
 ~ глаголы: подтипы 483
 ~ органы 418, 430, 466
осязание: помеха ~ю 437
осязание: цель 428
осязание vs. зрение 436
 ~ ~ зрение: конкуренция 19
 ~ ~ ~ конфликт 434
 ~ динамическое 431, 435
 ~ как инструмент познания 412
отклики невербальные 123
отношение [между людьми]: интерпретация 454
 ~ невербальное 465
отображение невербальное 452
отражение невербальное 376
оттенки физиологические 154
оценка 164, 165, 208, 224, 250, 293, 357, 358, 365, 369, 429, 469, 499
 ~ «гладкий» 429
 ~ «ровный 1» 429
 ~ «стыдно» 379
оценка: виды 187
 ~ выражение 187
 ~ мотивы 247
 ~ объекты 247
оценка: ошибки в ~е 239
оценка тали «стыдно» 339
 ~ в позе 186
 ~ выражений 181
 ~ высшая 256, 418
 ~ голоса 245
 ~ индивидуальная 250
 ~ интеллектуальная 340
 ~ иррационального понимания 418
 ~ людей 123, 179
 ~ меры свободы действий тела 187
 ~ невербального поведения 149, 209
 ~ негативная 189, 322, 428
 ~ нейтральная 189
 ~ объекта 430
 ~ отрицательная 32, 163, 189, 357, 369, 428
 ~ ощущения 418
 ~ поведения 322, 379
 ~ позы 186, 187, 189, 205, 208, 209, 210
 ~ положений тел 205
 ~ положительная 164, 273, 369
 ~ при восприятии 367
 ~ пространства человеком 466
 ~ речи 212, 227, 238, 516
 ~ ~ персонажа 248
 ~ скрытая 32
 ~ со стороны говорящего 357
 ~ состояния как приятного 164
 ~ творческой деятельности 221
 ~ ~ ~ 218
 ~ телодвижений 187
 ~ улыбки 357
 ~ ~ при восприятии 365
 ~ человека 245
 ~ ~ малознакомого или незнакомого 216
 ~ эмоционального поведения и состояния 163
 ~ этическая 187, 188, 205, 208, 209, 232, 245
оценки 358, 429
ощущение субъективное: точка зрения физиологическая 160
 ~ тактильное 419, 434, 435

- П**
- пантомима** 44, 188, 411
- парадигма** II. научная типологическая 285
- паралингвистика** 17, 23, 25, 26, 27, 36, 41, 42, 43, 335, 504, 520
- паралингвистика**: единицы 8, 27
- ~ категории 8
- паралингвистика** vs. лингвистика 26
- ~ коннотативная 505
- паралингвистический** 26, 29, 36
- параметры** звучания 29
- ~ кинетические 73, 108, 172, 303, 360, 391, 421, 471
- ~ ~ невербальные 172
- ~ ~ 281, 418
- ~ относящиеся к каналам восприятия 211
- ~ паралингвистические 33, 226
- ~ релевантные типологически 81
- параязык** 26, 27, 32, 36, 41, 42, 517
- параязык**: элементы 42
- паузы** 28, 29, 35, 118, 217, 233, 251, 255
- персекутерпация** 148
- перемешные** кинетические 64, 71, 92, 169, 186, 208, 394, 423, 454, 480, 482
- ~ невербальные 418
- пленки** 133, 405
- ~ символические 405
- поведение**: аспект невербальный 6
- ~ неуместность 453
- ~ норма 103
- ~ способы этикетные 98
- поведение** визуальное 374, 396
- ~ визуальное: закономерности 9
- ~ ~ правила 9, 18, 382, 385
- ~ ~ правила: формулировка 385
- ~ ~ правила культурно-специфичные 382
- ~ ~ ~ универсальные 382
- ~ ~ стратегии универсальные 9
- ~ визуальное арабов 396
- ~ ~ в русской культуре 18
- ~ ~ взрослых людей 391
- ~ ~ во время общения 22
- ~ ~ женщин по отношению к мужчинам 391
- ~ ~ женщины 400
- ~ ~ жителей Азии (Индии и Пакистана) и севера Европы 396
- ~ ~ ~ юга Европы 396
- ~ ~ интерактивное 375
- ~ ~ латиноамериканцев 396
- ~ ~ мужчин по отношению к женщинам 391
- ~ ~ нахально-решительное 400
- ~ глазное 129, 198, 374, 376, 382, 401
- ~ глазное: аномалии 399
- ~ ~ виды 384
- ~ ~ закономерности 395
- ~ ~ интерпретация 130
- ~ ~ ~ неправильная 130
- ~ ~ модели 90, 91, 382, 482
- ~ ~ ~ стереотипные 382
- ~ ~ ~ стереотипные: реализация в коммуникативном акте 382
- ~ ~ ~ типовые 382
- ~ ~ модель 91, 482
- ~ ~ нормы 396
- ~ ~ особенности, 91, 394, 400
- ~ ~ оценка 393, 400
- ~ ~ ~ социумом 400
- ~ ~ патология 395
- ~ ~ правила 90, 382, 394, 397, 482
- ~ ~ программы 90
- ~ ~ ~ типовые 90
- поведение** глазное: различия в ~-ии 399
- поведение** глазное: свойства гендерные 394
- ~ ~ стратегия 401
- ~ ~ тактика 401
- ~ ~ употребление 400
- ~ ~ употребление: правила 400
- ~ ~ функция 400, 482
- ~ ~ ~ коммуникативная 400
- ~ ~ ~ социальная 400, 482
- ~ ~ характеристика оценочная 378
- ~ ~ характеристики физические 393

- ~ глазное в акте коммуникации 397
- ~ ~ ~ диалоге 384, 393
- ~ ~ ~ разных культурах 396, 397
- ~ ~ женское 90, 91, 400
- ~ ~ здоровых людей 395
- ~ ~ интерактивное 375, 395
- ~ ~ коммуникативное 384
- ~ ~ людей с нарушениями психики 395
- ~ ~ манерное 400
- ~ ~ мужское //мужчин //мужчины 90, 91, 400, 440
- ~ ~ национально-специфичное 91
- ~ ~ незнакомых людей 129
- ~ ~ неприемлемое 400
- ~ ~ оцениваемое негативно 400
- ~ ~ партнера 401
- ~ ~ решительное 400
- ~ ~ русское 91, 394
- ~ ~ собеседников 475
- ~ ~ солдат [американских] в Японии 106
- ~ ~ универсальное 91
- ~ ~ этикетное 382
- ~ жестовое 30, 46, 48, 56, 60, 64, 72, 92, 97, 149, 150, 157, 286, 386, 424, 438, 445, 483, 497
- ~ коммуникативное. 5, 74, 121, 338
- ~ коммуникативное: единицы 101
- ~ ~ нормы 151, 347
- ~ ~ правила 151, 378, 388, 417
- ~ ~ прагматика 519, 520
- ~ ~ просодика 519, 520
- ~ ~ семантика 519, 520
- ~ ~ типы 466
- ~ ~ формы 37
- ~ коммуникативное взрослых людей 391
- ~ ~ визуальное 391, 519
- ~ ~ глазное 384
- ~ ~ девиантное 128
- ~ ~ невербальное 19
- ~ ~ корректирующее 128
- ~ ~ невербальное 6, 7, 9, 11, 19, 20, 47, 54, 89, 91, 92, 93, 98, 128, 150, 176, 179, 194, 198, 209, 292, 363, 457, 480, 518, 519
- ~ ~ невербальное: анализ 349, 396
- поведение невербальное: антитезы в ~и 133
- поведение невербальное: аспекты 300
- ~ ~ доминанта психологическая 443
- ~ ~ закономерности 19
- ~ ~ знак 47
- ~ ~ значимость 392
- ~ ~ картина 11
- ~ ~ компоненты 70
- ~ ~ координаты социокоммуникативные 178
- ~ ~ модели, 346
- ~ ~ ~ культурные 346
- ~ ~ ~ социальные 346
- ~ ~ нормы 171
- поведение невербальное: оппозиции в ~и 133
- поведение невербальное: особенности 5
- ~ ~ отображение 16
- ~ ~ отображение: способы 16
- ~ ~ оценка 149, 454
- ~ ~ оценки выраженные вербально 209
- ~ ~ понимание 132
- ~ ~ ~ неправильное 132
- ~ ~ правила 69, 171, 194, 195, 465, 480, 484
- ~ ~ ~ жесткие 194
- ~ ~ ~ общие 484
- ~ ~ ~ условные 195
- ~ ~ ~ частные 484
- ~ ~ прагматика 519, 520
- ~ ~ причины 150
- ~ ~ просодика 519, 520
- поведение невербальное: расхождения гендерные в ~и 93
- поведение невербальное: свойства 293
- ~ ~ семантика 519, 520
- ~ ~ стиль 91, 451
- ~ ~ сценарии 346
- ~ ~ ~ культурные 346
- ~ ~ ~ социальные 346
- ~ ~ тип 466
- ~ ~ типология 480
- поведение невербальное: управление ~ем 171
- поведение невербальное: форма 133
- ~ ~ формы 74, 194

- ~ ~ характеристики пространственно-кинетические 476
- ~ ~ элементы 47
- ~ ~ невербальное американцев 346
- ~ ~ во время переводческой деятельности 148
- ~ ~ ~ ~ светских приемов 198
- ~ ~ героя [произведения] 461
- ~ ~ женщин 89
- ~ ~ людей славянской, романской, германской и англосаксонской культур 172
- ~ ~ межличностное 69
- ~ ~ мужчин 89
- ~ ~ нормативное 91
- ~ ~ параязыковое 89
- ~ ~ при оплакивании 192
- ~ ~ ритуальное 192
- ~ ~ русское 11
- ~ ~ стереотипное 91
- ~ ~ учащихся 134
- ~ ~ учеников и учителей 133
- ~ ~ неловкое 128
- ~ ~ неумеренное 128
- ~ ~ нормативное 209
- ~ ~ паралингвистическое 73
- ~ ~ правильное 107
- ~ ~ притворное 128
- ~ ~ проксежное 73, 458, 461, 467
- ~ ~ проксежное: восприятие 466
- ~ ~ ~ кинестетическое 466
- ~ ~ правила 9, 19, 465, 478, 484
- ~ ~ ~ культурно-специфичные 463, 484
- ~ ~ ~ универсальные 462, 484
- ~ ~ разновидности 465
- ~ ~ реализация 466
- ~ ~ рецепторы 466
- ~ ~ функция культурная 458
- ~ ~ элементы 446
- ~ ~ проксежное vs. жестовое: сближение 464
- ~ ~ людей разных культур 465
- ~ ~ незнакомых людей в общественных местах 464
- ~ ~ разных народов 396
- ~ ~ регламентированное 194
- ~ ~ речевое коммуникативное 33
- ~ ~ коммуникативное: тактика 33
- ~ ~ тактильное 9, 422, 446, 454, 482
- ~ ~ тактильное: значимость 422, 448, 483
- ~ ~ правила 417, 420, 421, 454, 482
- ~ ~ правила: нарушение 421
- ~ ~ поведение тактильное: расхождения в ~ии 446
- ~ ~ поведение тактильное: стереотипы 18
- ~ ~ стиль 454
- ~ ~ факторы 454
- ~ ~ функция 448
- ~ ~ телесное 46, 55, 65, 95, 129, 153, 187, 205
- ~ ~ эмоциональное: оценки 163
- ~ ~ этикетное 103, 107, 198, 205, 209, 382
- ~ ~ этикетное: нормы 363
- ~ ~ ~ социальные 363
- ~ ~ правила 363
- поглаживание символическое 147
- поддерживающий vs. ограничивающий 179
- подобострастие неуместное 314
- подсистема невербальная 7
- подтверждение тактильное 454
- подход семиотический 7
- поза: неудобство физиологическое 191
- ~ этика 205
- поза статичная 65, 192, 401
- позы: оценка 188
- ~ ~ вербальная 188
- ~ ~ этическая 188
- ~ синтаксис 337
- ~ ~ внешний 337
- ~ ~ внутренний 337
- позы неуместные 197
- ~ этикетные 207, 294
- показатель невербальный 183, 190, 203, 345
- поклон: варианты 107
- ~ выполнение 107, 111, 112
- ~ выражение в языке 111
- ~ исполнение 108, 112
- ~ повтор 112
- ~ сопровождение речевое 110
- ~ употребление 109

- ~ употребление: правила 109
- ~ форма 109
- поклон глубокий 106, 107, 108, 109, 113, 206, 470
- ~ глубокий: версия женская vs. мужская 108
- ~ ~ разновидности 107
- ~ ~ ~ женская vs. мужская 107
- ~ глубокий kou-tou 111
- ~ ~ мужской 108
- ~ легкий 107, 109, 197
- ~ мужской 107
- ~ нейтральный 111
- ~ низкий 106
- ~ ~ не очень 372
- ~ нормальный 107
- ~ обычный 106, 470
- ~ одинарный 113
- ~ первый vs. второй vs. третий 112
- ~ перед старшим vs. равным vs. более низким в иерархии 108
- ~ подобоострастный 112
- ~ приветствия gong 111
- ~ словесный 111
- ~ средний 107
- ~ традиционный 106
- ~ формальный 470
- поклон-кивок 109
- поклоны: виды 107, 110, 111
- ~ вытеснение 113
- поклоны: обучение ~ам 112
- поклоны: описание 108
- ~ совершение 109, 207
- ~ употребление 110
- поклоны // жесты-поклоны 102, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 198, 206, 372
- ~ guixiakoutou 111
- ~ бытовые 113
- ~ в сторону усопшего 108
- ~ ~ храме 110
- ~ взаимные 113
- ~ земные 112
- ~ китайские 111
- ~ на богослужении 112
- ~ ~ ~ в храме 111
- ~ неглубокие 107, 109
- ~ раболепные 112
- ~ ритуальные 112
- ~ симметричные 113
- ~ японские 106, 107, 109, 110, 113, 300
- порошки любовные 23
- портрет лексикографический 292, 354
- пособие лексикографическое 283
- потребности телесные 41
- ~ физиологические 416
- поцелуй: виды 448
- ~ запрещение 442
- поцелуй basia 448
- ~ oscula 448
- ~ suavia 448
- ~ в губы 165
- ~ ~ лоб 165
- ~ ~ щеку 165
- ~ дружеские 448
- ~ любви 448
- ~ приветствия 442, 448
- ~ прощания 448
- ~ страстные 448
- ~ уважения 448
- поцелуй 15, 95, 102, 103, 162, 300, 439, 442, 443, 470, 471
- поцелуй: звук 143
- ~ место 102
- ~ нанесение 103
- поцелуй vs. рукопожатие 448
- ~ быстрый 420
- ~ в губы 162, 448
- ~ ~ знак приветствия 98
- ~ ~ ~ прощания 98
- ~ ~ щеку 164, 442
- ~ ~ ~ левую 442
- ~ ~ ~ правую 442
- ~ воздушный 38, 470
- ~ жаркий 165
- ~ как социальный жест 470
- ~ на прощанье 38
- ~ при встрече 448
- ~ продолжительный 448
- ~ руки 98
- ~ ~ в знак приветствия 98
- ~ ~ ~ ~ прощания 98
- ~ тройной 284, 442
- правила невербальные 103
- ~ этикетные 103, 283, 315
- практика невербальная 188
- практика тактильная 420
- превращение символическое 306
- предложение: интерпретация семантическая 271
- предложение оценочное 234
- предпочтение невербальное 134
- представление жестовое 76

- ~ лексикографическое 289, 293, 342, 469
 - преимущества** невербальные 474
 - преклевесика** 60, 61
 - приветствие** невербальное 439, 443
 - привычки** 41, 146, 163, 171, 187, 265, 340, 419, 441
 - признаки** [предметов]: распознавание тактильное 429
 - прикосновение** 412, 413, 414
 - прикосновение**: чувство 412
 - прикосновение** к голове партнера 468
 - ~ ~ моче уха 142
 - ~ ~ руке скорбящего человека 450
 - ~ ~ телу пациента 414
 - ~ короля к телу больного 413
 - ~ непосредственное 428
 - ~ нечаянное 468
 - ~ первое 416
 - ~ первое: право 416
 - ~ руки или губ ко лбу для определения температуры человеческого тела 431
 - ~ целительное 413
 - прикосновения** 415, 419, 422
 - прикосновения**: недостаток 422
 - ~ ощущение 421
 - прикосновения**: ощущение: потребность в ~-ии 421
 - прикосновения**: эффект целительный 413
 - прикосновения** Иисуса к больным 413
 - ~ губами ко лбу умершего 416
 - ~ других 412
 - ~ дружеские 193
 - ~ дьявольские 414, 415
 - ~ к интимным местам человеческого тела 452
 - ~ ненужные 419
 - ~ неприятные 419
 - прикладательное**: функция оценочная 365
 - приемы** лексикографические 182
 - притворство** 128
 - проблемы** лексикографические 297
 - произведение**: синтаксис 265
 - проксемика** 17, 19, 24, 25, 457, 460, 471, 483, 484
 - проксемика**: единицы 8, 19
 - ~ задачи 466
 - ~ категории 8, 19
 - ~ предмет 457, 459
 - ~ элементы 491
 - пространство**: концептуализация 458, 460
 - ~ ~ естественно-языковая 457
 - ~ ~ национальная 458, 460
 - ~ ~ невербальная 457
 - пространство** коммуникативное 483
 - ~ коммуникативное: концептуализация 483
 - ~ ~ концептуализация: способы 483
 - ~ ~ ~ вербальные vs. невербальные: соотношение 483
 - ~ межкультурное 302
 - ~ невербальное 302
 - ~ ~ межкультурное 302
 - ~ физическое: концептуализация 470
 - ~ ~ ~ национальная 470
 - противопоставления** значимые социально 89
 - ~ ~ типологически 89
 - процесс** знаковый символический 44
 - ~ семиотический 79, 83, 480
 - ~ ~ невербальный 83
 - ~ физиологический 159
 - процессы** телесные 155
 - ~ физиологические 163, 165
 - ~ физиологические: концептуализация 163
 - ~ ~ ~ языковая 163
 - прощание** невербальное 438
 - проявление** невербальное 152, 154, 172, 181, 193
 - ~ телесное 153, 155, 461
 - пунктуация** 119
 - пунктуация**: форма визуальная 119
 - пьюпиометрия** 406, 407, 408
- Р**
- работа** лексикографическая 10
 - работы**, лексикографические 354
 - различия** 26, 29, 33, 34, 42, 480
 - различия** культурные невербальные 151
 - ~ межкультурные 90, 146, 346

- ~ невербальные 175
- ~ статусные 195
- распознавание** так-
тильное 429
- расстояние** 434, 464
 - ~ далекое 440
 - ~ для беседы 463
 - ~ значительное 437
 - ~ интимное 468
 - ~ личное 468
 - ~ между [людьми] 464
 - ~ ~ мужчинами и
женщинами 391
 - ~ ~ партнерами 470
 - ~ ~ соседними стан-
циями 333
 - ~ ~ участниками ком-
муникации 469
 - ~ необходимое 242
 - ~ от человека до
предмета 437
 - ~ психологическое
470
 - ~ психологическое:
концептуализация
470
 - ~ социальное 467
 - ~ уменьшенное 197
 - ~ физическое 470
 - ~ физическое: кон-
цептуализация 470
 - ~ ~ ~ национальная
470
- расхождения** кинети-
ческие межкультур-
ные 147
- реакции** физиологи-
ческие 27, 35, 42,
59, 153, 287, 294,
378
 - ~ ~ неконтролируе-
мые 114
- реакция** невербальная
177, 467
- реализация** невербаль-
ная 382
- регуляторы** (= жесты
регулятивные) 63,
79, 81, 82, 125,
126, 161, 481
- режиссеры** театраль-
ные 19, 215, 243
- рекурсия** 73
- реплика-реакция** не-
вербальная 100
- реплика-стимул** невер-
бальная 100
- репрезентация** визу-
альная 76
- реширок** невербаль-
ный 452
- риторика** 76
- ритуал** 141, 399, 400,
452
 - ритуал**: значимость 344
 - ~ исполнение 415
 - ~ структура 129
 - ритуал** воинский 103
 - ~ знаковый 441
 - ~ награждения 441
 - ~ невербальный 98,
453
 - ~ рукопожатия 314
 - ~ целования знамени
102
 - ритуалы** 250, 404, 438
 - ~ акциональные 460
 - ~ вербальные 460
 - ~ культурные 344
 - ~ невербальные 98,
453
 - ~ общественные 57
 - ~ погребальные 503
 - ~ приветствия 439
 - ~ словесные 503
 - ~ социальные 344
 - ~ частные 57
 - ~ эгалитарные 438
 - роль** паралингвисти-
ческая 27
 - рост** физиологический
213
 - рукоплескание** 93
 - рукопожатие** 58, 102,
105, 106, 113, 313,
314, 316, 449, 452,
453
 - рукопожатие**: акт 315
 - ~ аналог 442
 - ~ варианты 313
 - рукопожатие**: движе-
ние руки приглаша-
ющее к ~ю 316
 - рукопожатие**: интер-
претация 315
 - ~ исполнение 442
 - рукопожатие**: предва-
рительные действия
которые предше-
ствуют ~ям 446
 - рукопожатие**: пригла-
шение к ~ю 316
 - рукопожатие**: протя-
нуть руку для ~я
57, 99, 102, 129,
315, 446
 - рукопожатие**: сила 394
 - ~ синоним 71
 - рукопожатие**: союз
скрепляемый ~ем
438
 - рукопожатие**: форма
жестовая омони-
мичная ~ю 449
 - рукопожатие**: хлопать
рукой при ~ия 38
 - рукопожатие** vs. ма-
хать рукой 453
 - ~ во время знаком-
ства 314
 - ~ вялое 313, 315
 - ~ вялой рукой 448
 - ~ до хруста пальцев
314
 - ~ мужское 313, 314
 - ~ мужской рукой 449
 - ~ мужчины 315, 442,
449
 - ~ обычное 313, 442
 - ~ обычное: интен-
сификаторы невер-
бальные 313
 - ~ при встрече 57, 314

- ~ ~ ~ малознакомых людей 314
- ~ ~ знакомстве 314
- ~ ~ приветствии 38, 106
- ~ приветствия 439, 441, 453
- ~ русское 452
- ~ сильное 313, 314
- ~ слабое 313
- ~ спортсменок во время ритуала их награждения мужчинами 441
- ~ формальное 420
- рукопожатия: обмен ~ями 106
- рукопожатия: разновидности 38
- рукопожатия в знак дружбы 213
- ~ ~ ~ знакомства 213
- ~ ~ ~ примирения 213
- ~ мужские 452

- С**
- самоадапторы 36, 38, 39, 84, 141, 480
- самоадапторы-звуки 39
- свидетельство невербальное 129
- свойства [предметов]: определение тактильное 429
- связь любовная 398
- семiose 83, 306
- семнология 459
- ~ дома 461
- семнотизации глаза 410, 482
- семнотизация 83, 458, 460, 484
- ~ конвенциональная 27
- ~ пространства 462
- семнотика 21, 29, 49, 65, 69, 280, 414
- семнотика: категории 9, 17
- семнотика вербальная 518
- ~ дверей 459
- ~ лестниц и окон 459
- ~ невербальная 7, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 17, 19, 21, 22, 27, 69, 83, 93, 105, 131, 166, 174, 179, 191, 335, 336, 408, 454, 484, 485
- ~ невербальная: аппарат концептуальный 481
- ~ ~ инструментарий 484
- ~ ~ метаязык 8
- ~ ~ области 7, 13, 22, 24, 43, 286, 373
- ~ ~ подсистемы 6, 7, 17
- ~ ~ понятия 484
- ~ ~ предмет 6
- ~ ~ принципы 337
- ~ ~ разделы 6, 17, 23, 25, 27, 520
- ~ ~ состав 8, 11, 15
- ~ ~ ядро 8
- ~ невербальная аппарат понятийный 8
- ~ общая 13, 286
- ~ синхронной и асинхронной речи 23
- сигнал невербальный 379
- сигналы паралингвистические 162
- символизация 59, 83, 260, 406
- ~ стука 40
- ~ тона 261
- символизм входов и выходов 461
- ~ знаковый 461
- символизм, 24, 402
- символизм, 75
- символика 75
- ~ внутренняя 75
- ~ ~ интеллектуальная 75
- ~ ~ эмоциональная 75
- ~ китайская 509
- ~ углов дома 459
- ~ фаллическая 320
- ~ шума 40
- символисты 258
- символы (жесты символические) 83, 192, 293, 402
- ~ власти 70
- ~ кинеграфические 67
- ~ мужества 139
- символизм межкультурная 142, 481
- символизм межкультурные 135
- синтаксис 130
- синтаксис: правила 130
- ~ семантика 508
- синтаксис внутренний 127, 130
- ~ внутренний: правила 130
- ~ жестового языка глухих 495
- ~ жестовый 50
- ~ зигзагообразный 264
- ~ смешанный 130
- ~ языковой 127, 481
- система 29, 45, 69, 460, 480
- система: перевод одной ~ы в другую 9
- система: периферия 50, 96
- ~ типология 286
- ~ центр 50, 96, 479
- ~ эволюция 60
- система вербальная 8, 16, 130, 278
- ~ гаптики 18

- ~ голосов 17
- ~ естественно-языковая 289
- ~ естественного языка 28
- ~ жестовая 9, 11, 18, 22, 45, 60, 62, 87, 101, 127, 130, 146, 147, 281, 289, 295, 488
- ~ жестовая: эволюция 60
- ~ жестового общения глухих 495
- ~ записи 64, 67
- ~ знаковая // знаков 5, 16, 43, 44, 289, 454, 491
- ~ знаковая: типология 286
- ~ интерактивная 69
- ~ кинетическая 86, 89, 98, 135, 277, 295
- ~ когнитивная 13
- ~ кодирования 166
- ~ коммуникативная 5, 69, 506
- ~ коммуникации 488
- ~ музыкальная 45
- ~ невербальная 8, 16, 44, 96, 130, 278, 343, 371
- ~ ~ торговая система невербальная биржевая 44
- ~ общения 491
- ~ общественных отношений 438
- ~ объектов 22, 24
- ~ паралингвистическая 28, 479
- ~ паралингвистическая: периферия 26, 28
- ~ ~ центр 27
- ~ паразыковая 17
- ~ понятий 15
- ~ приветствий и прощаний 438
- ~ ритмическая 45
- ~ семиотическая 8, 278
- ~ словесная 127, 130
- ~ тактильная 454
- ~ тонов 17
- ~ устойчивая 44
- ~ эмблематическая 9
- ~ этикетная 371
- ~ этническая 13
- ~ языковая // языка 17, 41, 50, 289
- система_{2,1} нервная 54, 418
- ~ сенсорная 434
- система_{2,1} дыхания 162
- ~ обработки знаковой информации 5
- ~ опознания человека по глазам 376
- ~ сосудистая 153, 158
- ~ тактильная 432
- система_{2,2} FAST 166, 167, 168
- ~ автоматической обработки 19
- ситуация: концептуализация 424
- ситуация невербальная 136
- ~ реального несоответствия визуального и акустического «Я» 237
- ~ тактильная 454
- ~ тактильная: участники 454
- ~ этикетная 379
- сленг жестовый 88
- слова: неуместность 450
- ~ синтаксис 63
- слова жестовые: синтаксис 61
- ~ со значением оценки 224
- словари жестовые 12, 18, 48, 130, 134, 277, 279, 281, 285, 286, 301, 336, 337, 373, 377, 482
- словарь невербальный 299
- ~ толковый 486
- слово: аналог невербальный 79, 481
- ~ значение оценочное 273
- слух 220, 274, 418, 502
- слух: напрягать ~ 243
- слух: обучение 434
- ~ поправка 434
- слух: проверить ~ 438
- слух vs. зрение 466
- ~ нормальный 437
- смысл символический 138, 192
- событие жестовое 78
- ~ невербальное 78, 415
- события-касания невербальные 454
- сообщение: интерпретация 268, 479
- сообщение невербальное 132, 147, 180
- сообщество жестовое 56
- соответствие межкультурное 9, 131, 481
- составление типологическое 11
- состояние: оценка как приятного 164
- состояние эмоциональное: концептуализация 482
- ~ ~ ~ в русском языке 482
- ~ ~ ~ жестовая 482
- ~ ~ ~ в русском языке [тела] 482
- ~ ~ ~ языковая 482

- ~ ~ ~ в русском языке 482
 ~ ~ оценки 163
состояния психологические: концептуализация 163
социокinesis 61
сочетание: интерпретация семантическая 271
сочинение лексикографическое 278, 279
 ~ лексикографическое: пользователь 278
сочинение лексикографическое: требования к ~ям 279
спектакль театральный 218
способ невербальный 176, 387, 466
средства оценочные 248
 ~ паралингвистические 18, 28, 29, 32, 33, 35, 36, 241, 480
 ~ семиотические 300, 457
средство невербальное 7, 27, 77, 109, 187, 194, 300, 350, 388, 405, 457
стабильность физиологическая 376
статус 40, 92, 108, 193, 417, 445
статус: изменение 217
статус: разница в ~ах 108
статус адресата 315, 319
 ~ высокий 134, 194, 198, 200, 205, 206, 318, 319, 386, 417, 423, 453, 473
 ~ ~ социально 108
 ~ высокого лица 452
 ~ женщины в Японии 151
 ~ ~ ~ обществе 210
 ~ жестикулирующего 315, 319
 ~ коммуникантов 269
 ~ низкий 113, 204, 205, 206, 232, 319, 333, 334, 386, 416, 473
 ~ общественный 188, 194, 200, 386
 ~ партнеров 71, 417
 ~ собеседника 232, 463
 ~ социальный 71, 94, 96, 113, 126, 134, 172, 198, 200, 204, 232, 315, 318, 319, 333, 404, 422, 452, 463, 473
статус социальный: различие в ~ах 452
статус социальный: сходство ~ов 96
статус социальный: тождественность ~ ~ 96
статус тот же 206
статус_{п.л.} 424
статус_{п.л.} нереферентный 189
статусы: близость 203
 ~ неравенство 200
 ~ соотношение 315
статусы разные 194
стереотипы поведенческие невербальные 112
стиль: интерпретация 454
стиль невербальный 438, 446, 451, 452, 454
 ~ ~ любовный 454
стратегия диалогическая невербальная 379
 ~ невербальная 93
сцена 24, 78, 145, 180, 214, 243, 412, 459
сценарии 76, 203, 290, 300, 301, 346, 370, 379
- Т**
- танец** 25, 45, 326, 400, 476
танцмейстеры 54
танцоры 45, 87
танцы 24, 45, 112, 421
татуировки 420
творчество жестовое 44
театр 24, 45, 75, 100, 110, 145, 260, 446
театрализация 44
текст: синтаксис 265
текст невербальный 11, 131, 280, 481
 ~ невербальный: интерпретация 481
телесное представление 105
телесность 306
телефон 109, 227, 270, 363
тело: движения: анализ психологический 54
 ~ ~ ~ тело: движения: анализ анатомический 54
 ~ ~ ~ физиологический 54
 ~ положение: оценка 205
 ~ положение статичное: оценка этическая 208

- ~ части 520
 - ~ части: концептуализация 520
 - ~ ~ ~ языковая 520
 - ~ ~ ~ в русском языке 520
 - телодвижение** «скакать на одной ножке» 88
 - телодвижение**: исполнение 372
 - телодвижения** 11, 71, 72, 90, 299, 304
 - телодвижения**: оценка 187, 188
 - ~ ~ вербальная 188
 - ~ ~ этическая 188
 - телодвижения** вкрадчивые 123
 - ~ женщин 90, 519, 520
 - ~ знаковые 10, 43, 54, 102, 210, 278, 286, 294, 337, 372, 519, 520
 - ~ знаковые: синтаксис 337
 - ~ ~ ~ внешний 337
 - ~ ~ ~ внутренний 337
 - ~ значимые семиотически 210, 227
 - ~ мужские 90
 - ~ мужчин 90
 - ~ нагруженные семантически 480
 - ~ неожиданные 233
 - ~ обязательные 298
 - ~ сопутствующие 298
 - техника** тела 43
 - тип** лексикографический 84, 88, 182, 198, 286, 291, 292, 294, 295, 296, 300, 311, 312, 313, 336, 354, 373, 423
 - ~ семиотический 79, 98, 125, 126
 - типология**: база для ~-и 342
 - типология**: фрагмент 367
 - типология** бытовых эмблематических жестов 8
 - ~ внутриязыковая 9, 336, 353, 355, 499, 518
 - ~ жестов 60
 - ~ ~ приветствий и прощаний 444
 - ~ жестового поведения 60
 - ~ знаков 286
 - ~ знаковых систем 286
 - ~ иллюстративных жестов 81
 - ~ коммуникативных неудач 9
 - ~ ~ пространств 457
 - ~ ~ ситуаций 19
 - ~ невербальная 481
 - ~ невербального поведения 480
 - ~ невербальных актов 336, 499, 518
 - ~ ~ ~ касаний 18
 - ~ ~ ~ касания 482
 - ~ ~ ~ осязаний 18
 - ~ ~ единич 353, 355
 - ~ общая 504
 - ~ пространственных параметров ведения диалога 19
 - ~ ролей жестов 68
 - ~ русских улыбок 335, 353, 354, 367, 520
 - ~ семантическая 8, 335, 342, 353, 354, 355, 367, 520
 - ~ семиотических актов касания 9
 - ~ структурная 506
 - ~ улыбок 335, 353, 354, 367, 370, 520
 - ~ функций жестов 68
 - ~ характеров [людей] 201
 - тон** 262, 270
 - ~ горячий 264
 - ~ знакомый 271
 - ~ нормативный этикетно 271
 - ~ холодный 264
 - точка зрения** семиотическая 66
 - традиция** невербальная 7, 124
 - тропы** 75
 - ~ жестовые 77
- У**
- угроза** притворная 129
 - ударение** 119, 288
 - ~ в именах жестов 288
 - ~ жестовое 85, 117, 118, 119, 120
 - ~ ~ дополнительное 119
 - ~ ~ основное 119
 - ~ на предлоге 288
 - ~ не на предлоге 288
 - ~ основное 119
 - ~ редуцированное 120
 - ~ языковое 119
 - улыбка**: интерпретация 340, 372
 - ~ природа физиологическая 344
 - ~ семантика 357
 - улыбка**: семантика: компоненты оценочные в ~е 357
 - улыбка**: точка зрения физиологическая 342
 - ~ употребление исходное физиологически 345
 - улыбки**: характеристики оценочные 355
 - улыбки** русские 357
 - ~ этикетные 368
 - употребление**: сфера этикетная 345

употребление правильное: модели, стандартные 286

уточнение жестовое 76
ухаживание 98, 102, 339, 379, 417, 420

ухаживание: стадии 417

~ стадия насыщенная тактильно 417

Ф

факт невербальный 17
факторы невербальные 488

феномены невербальные 8

физиогномика 52, 54

физиология 31, 65, 82, 116, 152, 159, 163, 233, 235, 239, 294, 298, 342, 344, 345, 364, 376, 381

флирт 377, 401

форма визуальная 119

~ жестовая 86, 87, 94, 281, 341, 481

~ кинетическая свободная 71

~ ~ связанная 71, 73

~ невербальная 91, 173, 439

~ свободная 73

~ связанная 72, 73

~ телесная 397

формулы речевые этикетные 102, 194

фото 408

фотографии в словаре 283

~ отдельных частей лица 166

~ рукопожатия 58

фотография 296, 407, 408, 409, 410

фотография: статичность 296

фотозапись 11

фотоиллюстрации 283

фотокарточка 408

фотоматериал 12

фотонаблюдения 136, 172, 446

фраза: оценка 248

фраза жестовая 58, 127, 286, 310, 480

фразеологизм жестовый 8, 11, 58, 277, 278, 279, 290, 291, 295, 305, 306, 307, 308, 309, 312, 517, 518

функция дейктическая 76

~ семиотическая 22, 162

фуцурэй (futsurei) 107

Х

хохот неуместный 199

Ц

целование знамени 102, 103

центр телесный 196

церемонии 438

~ иерархические 438

~ официальные 110

~ религиозные 46

~ свадебные 460

~ торжественные 112

~ чайные 108

церемония 111

церемония: структура 129

~ эталы 415

церемония брачная 339

~ награждения 349

~ посвящения в духовный сан 415

~ траурная 450

Ч

чрезмерность 128

чувства: проявление невербальное 172

~ проявления 364

~ ~ искренние vs. притворные 364

Ш

шкала этикетная 208

школа семиотическая 182

~ типологическая Московская 335

школы этикетные 198

Э

эквивалент невербальный 101, 281

эксальтированность 128

экскурсия 73

элементы паралингвистические 239, 479

~ семиотические 306

эмблема «открыть рот <от удивления>» 185

~ «подзывать рукой» 101

~ «поднять брови» 185

~ «показать глазами» 101

~ ~ пальцем» 101

~ ~ рукой» 101

~ «ломанить пальцем» 101

эмблема: дефиниция семантическая 292

~ звуковое 79

~ значение 287, 292

~ омоним 125

~ перевод 149

~ семантика 100

~ сопровождение звуковое 80

~ ~ речевое 79

~ форма 185

~ функция 76

эмблемы (= жесты эмблематические) 77, 79, 80, 81, 82, 83, 147, 278, 481

эмблемы: классы 291

~ ~ лексикографические 291

~ ~ семантические 291

- ~ подклассы 82
- ~ типы 291
- ~ ~ лексикографические 291
- ~ ~ семантические 99, 291
- эмблемы** — аналоги речевых высказываний 79, 481
- ~ ~ невербальные аналоги слов 79, 481
- ~ американские 279
- ~ арабские 279
- ~ бытовые 277
- ~ дейктические 101, 121
- ~ иконические 83, 122, 286
- ~ индексальные 83
- ~ каталанские 279
- ~ коммуникативные 76, 99, 100, 294
- ~ обиходные 292
- ~ русские 101, 277, 278, 291, 292, 294
- ~ символические 83
- ~ симптоматические 76, 99, 294, 377
- эмблемы-идеографы** 121
- эмоции:** выражение 154, 157, 169, 170, 171, 173, 350, 482
- эмоции:** выражение: инструмент для ~-ия 247
- эмоции:** выражение: приемы 89
- ~ ~ способы 246
- ~ ~ средства 244, 345
- ~ выражение лицевое 375
- ~ ~ мимическое 375
- ~ ~ на лице 54, 153, 169, 347
- ~ ~ словесное 379
- ~ ~ у животных 157
- ~ концептуализация вербальная 176, 178
- ~ ~ невербальная 165, 176, 178
- ~ проявление физиологическое 114, 295
- этика** 186
- этика:** законы 206
- ~ нарушение 206
- ~ нормы 206
- ~ нормы: нарушение 206
- ~ отражение 518
- ~ языки 518
- этика** дворянская 195
- ~ коммуникации 187
- ~ наивная 518
- ~ общения 200
- ~ позы 205
- ~ телесная 205, 206
- этикет** 83, 108, 111, 179, 198, 199, 205, 207, 324, 327, 347
- этикет:** законы 338
- ~ нарушение 207
- ~ нормы 419
- ~ правила 283
- ~ элементы 187
- этикет** австрийский 198
- ~ времен Конфуция 339
- ~ придворный 112
- ~ речевой 510
- ~ страны 112
- ~ традиционный 447
- ~ французский 112
- ~ японский 338
- этикетные** 369
- эффект семиотический** 380
- Я**
- явление** семиотическое 337
- язык:** модель интегральная 300
- ~ ~ многоуровневая 285
- ~ словарь 279
- язык** естественный: модель синтаксическая 130
- ~ невербальный 7, 16, 19, 20, 50, 56, 96, 97, 105, 141, 211, 279, 281, 343, 344, 388, 444
- ~ тела (body language) 8, 16, 43, 45, 46, 50, 52, 55, 81, 85, 86, 130, 174, 200, 201, 202, 280, 420, 448, 480, 501
- ~ ~ ~ language): взаимодействие с языком слов 47, 480
- ~ ~ ~ ~ грамматика 130
- ~ ~ ~ ~ единицы 11, 95
- ~ ~ ~ ~ жесты 49, 63
- ~ ~ ~ ~ жесты-иллюстраторы 81
- ~ ~ ~ ~ лексикон 48
- язык** тела (body language): наука о ~-е 43, 480
- язык** тела (body language): носители 50
- ~ ~ ~ ~ описание 132
- ~ ~ ~ ~ ~ лексикографическое 11
- ~ ~ ~ ~ ~ система невербальная 96, 343
- ~ ~ ~ ~ ~ усвоение 49
- ~ ~ ~ ~ ~ новый 49
- ~ ~ ~ ~ ~ польский 95
- ~ ~ ~ ~ ~ русский 11, 18, 95, 129, 139, 141, 283, 299, 343, 400, 482
- ~ частей тела 480
- языки** жестовые искусственные 43

II. Именной указатель¹

А. Авторы текстов по невербальной семиотике

А1. (персоналии)²

Аверинцев С.С. 56,
265, 413, 486	Аржил М. (Argile
M.) 16, 90, 185,
383, 385, 391, 397,
401, 486—487, 492	Балгазар Г.У. фон
(Balthasar G.U.
von) 343
Агапкина Т.А. 75	Аронсон Э. (Aronson
E.) 25, 502	Баракат Р.А.
(Barakat R.A.) 87,
279, 487
Адлер А. (Adler A.)
188	Арутюнова Н.Д. 21,
166, 258, 487, 495,
499, 513, 516—518,
520	Баранов А.Н. 63, 487
Айелло Дж.Р.
(Aiello J.R.) 391,
486	Аткинсон Дж.М.
(Atkinson J.M.) 513	Барлоу Д.Х.
(Barlow D.H.) 91,
487
Акишина А.А. 69,
279, 281—283, 486	Ашкрафт Н. (Ashcraft
N.) 467, 513	Баулин А.Н. 21
Акишина Т.Е. 279,
486	Бак Р. (Buck R.) 487	Баттерворт Д.
(Butterworth B.) 82,
487
Альпер Т. (Alper T.)
416, 511	Баксанделл М. 78	Баумль Б.Дж.
(Bauml B.J.) 279—
280, 487
Андреа П. (Andrea P.)
279, 486	Бакстер Дж. (Baxter
J.) 494	Баумль Ф.Х.
(Bauml F.H.) 279—
280, 487
Ансфилд М.Э.
(Ansfield M. E.)
180, 486	Балаш Дь. (Balázs G.)
88, 487	Бахтин М.М. 74, 233
Апресян В.Ю. 428	Балвер Дж.
(Bulwer J.) 52, 487	Бевингтон Д.
(Bevington D.) 16,
487
Апресян Ю.Д. 12,
21, 182, 247, 258,
285, 289, 292,
335—336, 428, 448,
457, 486, 504, 510,
518		Бейнауэр В.
(Beinhauer W.) 92,
488

¹ Именной указатель состоит из трех частей. В первой даны имена учёных и сокращённые обозначения словарей; во второй — литературные источники с их авторами; в третьей — имена исторических лиц и мифологических персонажей, выступавшие в роли исполнителей или интерпретаторов жестов.

² В данный указатель включены: (а) авторы, упоминаемые в тексте и (б) участники соавторских работ, обозначаемые в тексте сокращением «и др.».

- Беликов В.И. 21, 44, 488
Белл К.Л. (Bell K.L.) 180, 486
Белл Ч. (Bell Ch.) 54, 55, 347, 488
Белнап Н. (Belnap N.) 248, 488
Белошапкова В.А. 513
Бенсон Р.Дж. (Benson R.G.) 16, 488
Бентал Дж. (Benthal J.) 15, 488
Беркли Дж. (Berkeley G.) 433
Берковитц И. (Berkowitz I.) 487
Беррендоннер А. (Berrendonner A.) 15, 498
Бертон А. (Burton A.) 413, 487
Бертон М. (Burton M.) 120, 279, 497
Бирдвистел Р.Л. (Birdwhistell R.L.) 49, 64—68, 70—71, 89, 90, 117, 172—173, 337, 488
Биркенбил В. 15—16, 488
Битти Дж.У. (Beattie G.W.) 82, 401, 487—488
Блертон-Джоунз Н.Г. (Blurton-Jones N.G.) 348, 488—489
Блинушова Г.Е. 15, 488
Блок М. 56
Блэйзер Дж.А. (Blazer J.A.) 199, 488
Богуславская О.Ю. 21, 510
Богуславский А. (Bogusawski A.) 12, 285, 335
Богуславский И.М. 21, 182, 243, 425, 488
Богушкая М. (Bogucka M.) 56, 489
Болинджер Д.Л. (Bolinger D.L.) 16, 489
Бонифацио Дж. 55
Бохнер Дж. (Bochner G.) 498
Брагина Н.Г. 21
Бреммер Дж. (Bremmer J.) 56, 83, 288, 489
Брид Дж.Р. (Breed G.R.) 209, 489
Бройде Н. (Broide N.) 279, 489
Броссар А. (Brossard A.) 15, 498
Брызгунова Е.А. 520
Брэнниган Ч. (Brannigan Ch.) 353, 489
Брюер У.Д. (Brewer W. D.) 279, 489
Буасак П. (Bouissac P.) 506
Бугенталь Д.Э. (Bugental D.E.) 62, 268, 489
Бур Х.П. де (Boer H.P. de) 279, 486
Бустос А.А. (Bustos A.A.) 392, 432, 497
Бутовская М.Л. 21, 405
Бэйтсон М.Ч. (Bateson M.C.) 507
Бэкон Ф. (Bacon Fr.) 55—56
Вайн И. (Vine I.) 16, 489
Валентайн Ч. (Valentine C.) 279, 507
Варгас М.Ф. (Vargas M.F.) 23, 191—192, 441, 489
Вежбицкая А. (Wierzbicka A.) 12, 16, 95, 152, 155, 169, 174—175, 182—183, 185, 285, 300, 302—303, 335, 337—338, 350—353, 367, 379, 470—471, 489—491
Вейтц С. (Weitz S.) 169, 209, 490, 494
Велмерс (Welmers) 26
Верещагин Е.М. 37, 49, 69, 490, 498
Верещагина Т. 21
Вернон П.Э. (Vernon P.E.) 169, 504

- Вили Л. (Whyllie L.) 279, 490
 Вильямс Дж.Л. (Williams J.L.) 420—421, 447, 462, 474, 490
 Вильямс Т.Р. (Williams T.R.) 490
 Винер М. (Wiener M.) 124, 490
 Винкин Й. (Winkin Y.) 15, 490
 Винклер П. (Winkler P.) 16, 490
 Виноградов В.А. 520
 Винокур Г.О. 264—265, 517
 Витгенштейн Л. (Wittgenstein L.) 240
 Владимирский Е.Ю. 457, 491
 Вожла К. де (Vaugelas Cl. F. de) 269
 Вокер М. (Walker M.) 101, 491
 Волбот Х.Г. (Wallbott H.G.) 90, 490
 Волек Б. (Volek B.) 16, 491
 Волконский С. 272
 Волоцкая З.М. 69, 135, 491
 Волошин М.А. 215, 228, 259
 Вольфанг А. (Wolfgang A.) 133, 175, 491, 503, 513
 Вругт А. (Vrugt A.) 90, 491
 Всеволодова М.В. 457, 491
 Вундт В. (Wundt W.) 82, 491
 Вурм С.А. (Wurm S.A.) 508
 Вутен С. 414, 491
 Вьенс А.Н. (Wiens A.N.) 15, 511
 Вэйнбаум И. 158—159, 162
 Галичев А.И. 69, 491
 Галлуа К. (Gallois C.) 169, 491
 Гаррисон Дж.Ф. (Garrison J.F.) 279, 491
 Гачев Г.Д. 458—459, 491
 Геллер Дж. (Geller J.) 124, 490
 Гиндин С.И. 517
 Гинзбург Е.Л. 21
 Гиппиус З.Н. 230
 Гладкий А.В. 21
 Гловинская М.Л. 499, 510
 Годдарт К. (Goddard C.) 174, 491
 Голдшмидт У. (Goldschmidt W.) 16, 491—492
 Горелов И.Н. 69, 138, 492
 Гофман Э.Т.А. 260
 Гоффман Э. (Goffman E.) 127—128, 130, 446, 492
 Гренобль Л. (Grenoble L.) 43, 492
 Григорьев Н.В. 20, 98—99, 231, 277, 335, 344, 350, 492, 516, 518
 Григорьева С.А. 20, 98—99, 231, 277, 335, 344, 350, 492, 516, 518
 Грин Дж.Р. (Green J.R.) 279, 492
 Гринфельд И. 32
 Грэйвс Т.Д. (Graves T.D.) 477, 509
 Грэммер К. (Grammer K.) 66, 492
 Грэхэм Дж.А. (Graham J.A.) 16, 492
 Гуантелла И. (Guantella I.) 519
 Гэлловей Ч. (Galloway C.) 178—179, 492
 Д'Одориико Л. (D'Odorico L.) 494
 Даль В.И. 113, 219, 492
 Даниэль М.А. 21
 Данкэн С. (Duncan S.) 16, 388, 391, 493
 Данов К.Д. (Danow K.D.) 16, 493
 Дарвин Ч. (Darwin Ch.) 55, 133, 152—154, 157—159, 173,

- 182—183, 341, 347,
375, 392, 493, 514
Дарли Дж.М.
(Darley J.M.) 180,
510
ДеПаоло Б.М.
(DePaolo B.M.)
180, 486
Девоу С. 124, 490
Декарт Р. 458
Джеймс У.
(James W.) 153—
154, 157—158, 408,
493
Джианетто Р.М.
(Gianetto R.M.) 62,
489
Джиббинс К.
(Gibbins K.) 25, 493
Джибсон Дж.Дж.
(Jibson J.J.) 432,
434, 493
Дживенс Д.Б.
(Givens D.B.) 101,
132, 493
Джованни Бонифацио
55
Джонсон К.
(Johnson K.) 134,
279, 493
Джонсон М.
(Johnson M.) 15,
493
Джонсон С.
(Johnson S.) 279,
493
Джонсон Х.Дж.
(Johnson H.G.) 279,
493—494
Джонстон Р.Э.
(Johnston R.E.)
348—349, 499
Диадори П.
(Diadogi P.) 279,
494
Дин Дж. (Dean J.)
383, 391, 486
Диттман А.Т.
(Dittman A.T.) 16,
25, 494
Добрунова О.В. 16,
494
Добрушина Н.Р. 494
Дракман Д.
(Druckman D.) 494
Друэн-Ян А.М.
(Drouin-Yans A.-M.)
490
Дрэй Н.Л.
(Gray N.L.) 16, 77,
494
Дэвидсон Р.
(Davidson R.) 348,
358, 514
Дэвис М. (Davis M.)
209, 494
Дэвис П. (Davis P.)
494
Дэвис Ф. (Davis F.)
30, 125, 404, 422,
494
Дэвити Дж.Р.
(Davitz J.R.) 16,
169, 494
Дэвоу С. (Devoc S.)
490
Дюранти А.
(Duranti A.) 198,
442, 494
Дюшен Дж.Б.
(Duchenne G.B.)
358, 494
Есенина Т. 389
Жданова Т. 520
Желаберт М.Х.
(Gelabert M.J.) 279,
498
Жинкян Н.И. 16, 36,
495
Жолковский А.К. 12,
285, 335, 509
Журинский А.Н. 499
Зайонц Р.Э.
(Zajonc R.E.) 15—
16, 160, 162, 169,
495
Зайцева Г.Л. 43, 495
Зализняк Анна А. 21
Земская Е.А. 499, 517
Зигман А.У.
(Siegman A.) 16,
495—496, 511, 515
Зомпарелли М.
(Zomparelli M.)
279, 505
Изард К.Э.
(Izard C.E.) 16,
168—169, 178, 495
Изон А. (Eason A.)
16, 495
Икс У. (Ickes W.)
180, 509
Ингам Р. (Ingham R.)
90, 383, 486
Иомдин Л.Л. 21, 518
Иорданская Л.Н.
(Iordanskaja L.) 66,
354, 390, 495
Исида Н. (Ishida N.)
174, 506
Кав Ш. (Cave Ch.)
519
Енгальчев В.Ф. 69,
492

- Каган Дж. (Kagan J.) 16, 169, 495
 Кадт Е. де (Kadt E. de) 193—194, 493
 Казакевич О.А. 175, 495
 Каллан В. (Callan V.) 169, 491
 Кальбрис Ж. (Calbris G.) 81, 89, 121, 130, 279, 495—496
 Кальдоньетто М. (Caldognetto M.) 82, 495
 Камден Ч.Т. (Camden C.T.) 174, 503
 Кано Х. 69, 279, 281—283, 486
 Карлсмит Дж.М. (Carlsmith J.M.) 395, 515
 Касван Дж.У. (Kaswan J.W.) 489
 Кассел Дж. (Cassell J.) 16, 496
 Кассиба Р. (Cassiba R.) 494
 Касьян А.С. 21
 Катлер А. (Cutler A.) 401, 488
 Каутс Л.М. (Coutts L. M.) 498
 Кверк Р. (Quirk R.) 16, 500
 Квинтилиан М.Ф. 46
 Кей М.Р. (Key M.R.) 16, 25—26, 32, 61, 89, 496
 Келли Дж. (Kelly J.) 25, 496
 Кендон А. (Kendon A.) 44, 46, 56, 70, 82, 84, 92, 118, 279, 300, 338, 385, 387, 401—402, 439—440, 487, 491, 496—497
 Керкстра А. 90, 491
 Кибрик А.А. 21
 Кибрик А.Е. 21, 285, 335, 498, 517
 Килбрайд Дж.Э. (Kilbride J.E.) 168, 497
 Ким Ки-хон (Kim Ki-hong) 339, 497
 Кинсбурн М. (Kinsbourn M.) 385, 497
 Кирк Л. (Kirk L.) 120, 279, 497
 Кирх М.С. (Kirch M.S.) 279, 497
 Кларк В.П. (Clark V.P.) 502
 Кларк Ч. (Clark C.) 40, 497
 Клаусс Р. 118
 Клейн В. (Klein W.) 501
 Клейн З. (Klein Z.) 90, 497
 Клейнке Ч.Л. (Kleinke C.L.) 392, 432, 497
 Клинеберг О. (Klineberg O.) 177, 338—339, 497
 Кнапп М.Л. (Кларп М.Л.) 95, 387, 446, 497
 Коваль А.И. 192, 497
 Кодзасов С.В. 21
 Козеренко А. (Kozerenko A.) 21, 517
 Колл Х. (Coll J.) 279, 498
 Коллет П. (Collett P.) 83, 86—87, 198, 397, 445, 453, 498, 503
 Колшанский Г.В. 26, 498
 Конье Ж. (Cosnier J.) 15, 498
 Коппола А.Ф. (Coppola A.F.) 433, 498
 Копчевская-Тамм М.Н. 164, 498
 Костомаров В.Г. 37, 49, 69, 490, 498
 Коул Дж. (Cole J.) 514—515
 Коутс Л.М. 391, 498
 Кохман Т. (Kochman Th.) 31, 379, 498
 Кошелев А.Д. 21
 Козн А. (Cohen A.) 81, 498
 Коэтин Б.А. (Koetin B.A.) 180, 510
 Кранах М. фон (Cranach M. von) 16, 384, 386—387, 489, 498, 514
 Кранах Н. (Cranach N.) 512
 Красильникова Е.В. 69, 498
 Краут Р.Э. (Kraut R.E.) 348—349, 499
 Крейдер Ч.А. (Creider C. A.) 118—119, 279, 499
 Крейдлин Г.Е. (Kreidlin G.E.) 29, 39, 62—63, 81, 98, 99, 162, 185, 237, 277, 335, 344, 360, 398, 457, 461, 476,

- 487, 492, 499—500,
516—520
Крейдли́н Е.Г. 5
Крейдли́н Л.Г. 21
Крейдли́на А.В. 21
Крейдли́на А.Г. 21
Крессвел Р. (Cresswell
R.) 16, 500
Кречмер Э.
(Kretschmer E.) 55,
500
Кристал Д. (Crystal
D.) 16, 500
Критчли М. (Critchley
M.) 50, 500
Кронгауз М.А. 21,
398, 499, 516
Крылов С.А. 21
Крылова Т.В. 510
Крысин Л.П. 518
Крэ́ймс Т. (Krames
T.) 515
Крюгер Р. (Krger R.)
49, 86, 182, 279,
505
Кубрякова Е.С. 518
Кузнецов П.С. 515
Кузнецова А.И. 520
Кук М. (Cook M.)
385, 391, 397, 487
Кулон Ж. (Coulon J.)
15, 498
Кэ́мпбелл Р.Н.
(Campbell R.N.) 487
Кэ́шер А. (Kasher A.)
16, 500

Лац Ч. (Lutz C.) 500
Ла́Бар У. (LaBarre
W.) 142, 197, 447,
500
Ла́Кросс М.Б.
(LaCross M.B.) 117,
500
Ла́Мери (LaMeri) 45,
500
Лав Л.Р. (Love L.R.)
62, 489
Лавут О. 21
Ладанов И.Д. 109,
110, 506
Ламб У. (Lamb W.)
16, 500
Латейнер Д. (Lateiner
D.) 16, 500
Лафатер И.К.
(Lavater J.C.) 52—
54, 347
Лафт Дж. (Luft J.)
474, 500
Лац К. (Lutz C.) 16,
175, 500
Лебра Т.С. (Lebra
T.S.) 279, 500
Левелин Л.Г.
(Llewellyn L.G.) 25,
494
Леви Э. (Levy E.) 16,
500—501
Леви-Стросс К.
(Levi-Strauss C.) 510
Левкиевская Е.Е. 75
Левонтина И.Б. 21,
495, 510, 513
Леонардо да Винчи
(Leonardo da Vinci)
462
Лепениес У. (Lepenies
W.) 514
Леруа-Гуран А. де
(Leroi-Gourhan A.
de) 16, 500
Летучий А. 520
Либlich А.К. (Lieblich
A.K.) 139, 508
Лид Р.Л. (Leed R.L.)
495
Линден Э.Й. ван дер
(Linden, E. J. van
der) 502
Линкольн А. (Lincoln
A.) 342
Липовска А. 142, 500
Литл К.В. (Little
K.B.) 462, 501
Лихтенберг Г.К.
(Lichtenberg G.Chr.)
54, 347, 501
Лоренц Б. (Lorenz
B.) 66, 492
Лотман Ю.М. 275
Лотт Д.Ф. (Lott D.F.)
473, 501
Лоуэн А. 201—202,
501
Лумис Ч.Г. (Loomis
C.G.) 44, 501
Льюис Д. (Lewis D.)
422, 501
Лэйкин П. (Laikin P.)
279, 501
Лютер М. (Luther
M.) 188

Магдич К. (Magdics
K.) 30, 510
Мазель Л.А. 276
Мазер В.Г. (Mather
V.G.) 30, 504
Майкл П.М. (Michael
P.M.) 497
Майо Ч. (Mayo C.)
89, 501
Мак-Каллаф К.Э.
(McCullough K.-E.)
505
Мак-Кормак У.Ч.
(McCormack W.C.)
508
МакВей Б. (McVeigh
B.) 196, 501

- МакГуир М.Т.
(McGuire M.T.) 83, 501
- МакНил Д.
(McNeill D.) 15, 16, 70, 77, 81, 130, 494, 496, 500—501, 505
- Маканин В. 231
- Мамардашвили М. 260
- Мандельбаум Д.Г.
(Mandelbaum D.G.) 509
- Марвелл Э. 399
- Марковнна И.Ю. 24, 509
- Мартинелли Э.
(Martinelli E.) 279, 498
- Марш П. (Marsh P.) 83, 86, 87, 503
- Матараццо Дж.Д.
(Matarazzo J.D.) 15, 511
- Махов А.Е. 256—257, 259—260, 502
- Мейснер М.
(Meisner M.) 44, 87, 502
- Меккер Ф.Б.
(Meeker F.B.) 392, 432, 497
- Мельчук И.А.
(Mel'uk I.) 12, 167, 285, 335, 502, 509
- Мень А. 228
- Мессинг С.Д.
(Messing S.D.) 25, 502
- Мехрабиан А.
(Mehrabian A.) 16, 178, 193, 204, 209—210, 502
- Мещеряков А.Н. 500
- Микеланджело Буонаротти (Michelangelo Buonarotti) 412
- Милер М.Э.
(Meeler M.E.) 91, 487
- Миллер Дж.А.
(Miller G.A.) 132, 502
- Миллз Дж.Р.
(Mills J.R.) 25, 91, 487, 502
- Милославский И.Г. 513
- Минлос Ф.Р. 21
- Минц Н.Л.
(Mintz N.L.) 25, 502
- Минц Э. (Mintz E.) 413, 502
- Миранда П.
(Miranda P.) 510
- Михайлова Т.А. 21
- Михеев М.Ю. 21
- Модель Е.С. 21
- Мольнар П.
(Molnar P.) 15, 25, 169, 506—507
- Момура П.
(Momura M.) 496
- Монохан Б.
(Monohan B.) 279, 283—284, 502
- Монтегю Э.
(Montagu A.) 92, 413, 418, 502
- Монтредон Ж.
(Montredon J.) 279, 496
- Мори-Руан К.
(Maury-Rouan C.) 355, 503
- Моррис Д.
(Morris D.) 83—87, 125, 279, 503
- Морсбах Х.
(Morsbach H.) 113, 171, 503
- Мосс М. 43, 145—146, 503
- Мотли М.Т.
(Motley M.T.) 174, 503
- Моэрман М.
(Moerman M.) 496
- Мунари Б.
(Munari B.) 279, 503
- Муханов И.Л. 28, 69, 503
- Мучемблед Р.
(Muchembled R.) 56, 503
- Назми М.К. 101, 491
- Найроп Ч.
(Nyrop Ch.) 448, 503
- Нариньяни А.С. 519
- Нгуйен М.
(Nguyen M.) 454, 504
- Нгуйен Т.
(Nguyen T.) 454, 504
- Нельсон Дж.О.
(Nelson G.O.) 91, 487
- Неуступный Й.В.
(Neustupny J.V.) 279, 504
- Николаева Т.М. 16, 21, 27, 69, 80, 135, 491, 504
- Ноллер П. (Noller P.) 395, 504

- Нолль Т. 49, 86,
182, 279, 505
- Норд Кр. (Nord Chr.)
505
- Ноулсон Дж.Р.
(Knowlson J.R.) 56,
504
- Ньюман С.С.
(Newman S.S.) 30,
504
- Нэзми М.К.
(Nazmi M.K.) 101,
491
- О'Шоннесси М.
(O'Shaughnessy M.)
83, 86—87, 503
- Оганова Н. 25
- Огден Ч. (Ogden Ch.)
50
- Олпорт Г.У.
(Allport G.W.) 169,
504
- Ореккьони Дж.
(Orecchioni J.) 15,
498
- Ортега-и-Гассет Х.
410, 504
- Ортони А. (Ortony A.)
182—183, 504
- Остер У. (Oster U.)
169, 514
- Павлова С.
(Pavlova S.) 142,
504
- Падучева Е.В. 12,
21, 248, 504
- Пайк К.Л. (Pike K.L.)
15, 504
- Пайн Н. (Pine N.)
509
- Пайрато Л.
(Payrato L.) 279,
504
- Панина А.С. 21
- Панькин В.М. 69,
505
- Паперно С.
(Paperno S.) 66,
354, 390, 495
- Партридж Э.
(Partridge E.) 46,
505
- Пастернак Б. 258
- Педелти Л.
(Pedelty L.) 16, 505
- Перкинс Р.Э.
(Perkins R.E.) 91,
505
- Петроний 52
- Пик Х. (Pick H.) 509
- Пинус М. 498
- Пирс Ч.С.
(Peirce Ch.S.) 83
- Пирсон М.
(Pearson M.) 401—
402, 488
- Плайнер Л.
(Pliner L.) 515
- Плиний Старший 405
- Поджи И. (Poggi I.)
16, 82, 279, 495,
505
- Подлесская В.И. 21
- Познер Р. (Posner R.)
49, 86, 182, 279,
505—506, 519
- Пойатос Ф.
(Poyatos F.) 16, 29,
31, 83, 503, 505—
507, 513
- Полхемас Т.
(Polhehemus T.) 15,
488
- Померанц Г. 265
- Поппер К.
(Popper K.) 13
- Порта Дж.Б. делья
(Porta J.B. della)
55—56
- Поталова Р.К. 16,
27, 505
- Поуп Б. (Pope B.) 496
- Пройшофт С.
(Preuschoft S.) 348,
505
- Пронников В.А. 109—
110, 506
- Проновост У.
(Pronovost W.) 31,
511
- Пуийон Ж. (Pouillon
J.) 510
- Радклифф-Браун А.Р.
(Radcliffe-
Brown A.R.) 447,
506
- Раздорский А.И. 279,
506
- Райан М.С.
(Ryan M.S.) 25, 506
- Райм Б. (Rime B.)
16, 81, 507, 510
- Райсс К. (Reiss K.)
505
- Райх В. (Reich W.)
201, 506
- Рассел Дж.А.
(Russell J.A.) 173—
174, 183, 506
- Раттер Д.Р.
(Rutter D.R.) 16,
506
- Раффлер-Энджел У.
фон (Raffler-
Engel W. von) 148,
501, 506

- Рахилина Е.В. 21,
29, 164, 498—499,
517
- Рейнах С.
(Reinach S.) 56, 506
- Ректор М.
(Rector M.) 279,
506
- Реформатский А.А.
5—6, 9, 506
- Ридджио Р.Э.
(Riggio R.E.) 90,
507
- Ример М.Д.
(Riemer M.D.) 399,
507
- Рис М.М.
(Reese M.M.) 169,
507
- Риччи-Битти П.Э.
(Ricci-Bitti P.E.)
76, 279, 507
- Робертс Дж.
(Roberts) 403
- Роза А.Ф. (Rosa A.F.)
502
- Розанова Н.Н. 517
- Розел Р. (Rosell R.)
494
- Розенталь Р.
(Rosenthal R.) 15,
507
- Розик Э. (Rozik E.)
104, 507
- Розина Р.И. 21
- Росел Р. (Rosell R.)
494
- Рубин З. (Rubin Z.)
507
- Рубинов С.
(Rubinow S.) 124,
490
- Руденбург Х.
(Roodenburg H.)
56, 83, 288, 489
- Руиз-Бельда М.А.
(Ruis-Belda M.A.)
510
- Рэйнодс Дж. 133
- Рябцева Н.К. 518
- Саарни Ч. (Saarni C.)
507
- Сайте Р.Л.
(Saits R.L.) 509
- Салерни Н.
(Salerni N.) 402,
494
- Самохин М.В. 21,
520
- Сафад М.
(Safadi M.) 279, 507
- Сегал Д.М. 69, 135,
491
- Сегестрейл У.
(Segestræle U.) 15,
25, 169, 506—507
- Седов К.Ф. 138, 492
- Секвейра Р.
(Sequeira R.) 45,
507
- Селиверстова О.Н.
21, 457, 508
- Селищев А.М. 253,
508
- Сепир Э. (Sapir E.)
509
- Серенари М.
(Serenari M.) 49,
86, 182, 279, 505
- Сибек Т.А.
(Sebeok Th.A.) 506—
507
- Сина Дж.Ф.
(Sena J.F.) 16, 508
- Ситтл Ч. (Sittl C.)
56, 508
- Сифорд Х.У.
(Seaford H.W.) 352,
508
- Слама-Казаку Т.
(Slama-Cazacu T.)
130, 508
- Смирнова Н.И. 69,
508
- Смит П.Т.
(Smith P.T.) 487
- Смит У.Дж.
(Smith W.J.) 139,
508
- Соколянский И.А. 5
- Соловьев В.Д. 517
- Соммер Р.
(Sommer R.) 462,
473—474, 501, 508
- Сорин-Баррето Л.
(Sorin-Barreteau L.)
279, 508
- Сорокин Ю.А. 24,
69, 508—509
- Спархок Ч.М.
(Sparhawk C.M.)
279, 509
- Сперанский М.М. 78
- Станески Р.А.
(Staneski R.A.) 392,
432, 497
- Станиславский К.С.
78
- Степанов Ю.С. 518
- Стефенсон Дж.
(Stephenson J.) 87,
92, 509
- Стил Д.Л.
(Steele D.L.) 91,
487
- Стил Т. 248, 488

- Стинсон Л.
 (Stinson L.) 180, 509
 Стокоу У.Ч.
 (Stokoe W.C.) 15, 486
 Стронгман К.
 (Strongman K.T.) 512
 Сузуки Н. (Suzuki N.) 174, 506
 Сэйтс Р.Л.
 * (Saits R.L.) 140, 279, 509
 Сэпир Э. (Sapir E.) 127, 509
 Тайер О. (Thayer O.) 488
 Талми Л. (Talmy L.) 509
 Тарский А. (Tarski A.) 249, 509
 Тейлор Л. (Taylor L.) 412
 Тейлор Х.М.
 (Taylor H.M.) 509
 Телешов Н. 219
 Телия В.Н. 508, 517
 Тернер Т. (Turner T.) 182—183, 504
 Тестелец Я.Г. 517
 Тинг-Туми С. (Ting-Toomey S.) 16, 509
 Ткаченко Г.А. 519
 Толстой Н.И. 75, 508
 Толч Дж. (Tolch J.) 178, 509
 Томкинс С.С.
 (Tomkins S.S.) 166, 515
 Топоров В.Н. 214
 Тринта А.Р.
 (Trinta A.R.) 279, 506
 Тростников В.Н. 470
 Трэйджер Дж.
 (Trager G.L.) 26, 509
 Тсохатцидас С.Л.
 (Tsohatzidas S.L.) 494
 Тумаркин П.С. 279, 314, 509
 Тьям А.Г. 192, 497
 Тэйлор Х.М.
 (Taylor H.L.) 279, 509
 Уайт У.Ф.
 (Whyte W.F.) 447, 512
 Уен Б. 108
 Уилкоккс С.Э.
 (Wilcox S.E.) 15, 486
 Уильямс Ф.
 (Williams F.) 178, 509
 Уиманн Дж.М.
 (Wiemann J.M.) 496, 511
 Уинкин Й.
 (Winkin Y.) 490
 Уинклер П.
 (Winkler P.) 490
 Уитмэн Н.Р.
 (Whitman N.R.) 169, 507
 Уотсон О.М.
 (Watson O.M.) 396, 465, 477, 509
 Уотсон Э.
 (Watson E.) 16, 500
 Урысон Е.В. 21, 339, 352, 354, 377, 510
 Успенский Б.А. 69, 80, 504
 Уэйнрайт Г. 355
 Уэлмерс (Welmers) 26
 Фарли А. (Farley A.) 505
 Фарли П. (Farley P.) 505
 Фейн О. (Fein O.) 16, 500
 Фельдман Р.С.
 (Feldman R.S.) 16, 507, 510
 Фельдштайн С.
 (Feldstein S.) 16, 495, 511, 515
 Феёрс Дж.Р.
 (Firth J.R.) 96, 510
 Фер Б.Дж. (Fehr B.J.) 83, 515
 Фербер Э. (Ferber A.) 92, 439—440, 497
 Фернандес-Доле
 Дж.М. (Fernando-Dols J.M.) 349, 510
 Филиппов А.В. 16, 69, 505, 510
 Филиппс С.У.
 (Philips S.U.) 402, 510
 Филпотт С.Б.
 (Philpott S.B.) 44, 87, 502
 Фиске Д.У.
 (Fiske D.W.) 16, 388, 391, 493
 Флеминг Дж.Х.
 (Fleming J.H.) 180, 510

- Фокс М. (Fox M.) 489
 Фонадь И. (Fonagy I.) 16, 30, 510
 Фоппа К. (Forra K.) 514
 Формановская Н.И. 69, 510
 Форнел М. де (Fornel M. de) 104, 493
 Фрейд З. 162, 201, 348, 401
 Фрид М.Е. 21
 Фрид Н.Е. 21
 Фридланд А.Дж. (Fridlund A.J.) 357, 510
 Фридман Н. (Friedman N.) 81, 510
 Фридман Х.С. (Friedman H.S.) 90, 507
 Фридрих Дж.У. (Friedrich G.W.) 446, 497
 Фризен У.В. (Friesen W.V.) 16, 36, 62, 166, 169—170, 176, 279, 348, 358, 364, 396, 494, 514—515
 Фрумкина Р.М. 43, 495
 Фрэйзер Дж.Дж. (Fraser J.G.) 446, 510
 Фушто С. 392
 Фэрбэнкс Дж. (Fairbanks C.) 31, 511
 Хан Х.И. 242, 276, 511
 Харлоу Х. (Harlow H.) 416, 511
 Харпер Р.Дж. (Harper R.G.) 15, 511
 Харрис П.Л. (Harris P.L.) 507
 Харрисон Р.П. (Harrison R.P.) 496, 511
 Харт Р.П. (Hart R.P.) 446, 497
 Хейс А.С. (Hayes A.S.) 507
 Хейс С.Ч. (Hayes S.C.) 91, 487
 Хеллер А.Дж. (Heller A.G.) 413, 487
 Хенли Н.М. (Henley N.M.) 16, 89, 416—417, 450, 494, 501—511
 Херцфельд М. (Herzfeld M.) 506
 Хеслин Р. (Heslin R.) 416, 451, 454, 504, 511
 Хесс Э.Х. (Hess E.H.) 407—409, 511
 Хилтон Дж.Х. (Hilton J.H.) 180, 510
 Хинде Р.А. (Hinde R.A.) 15, 488, 511, 513
 Холл Д.А. (Hall D.A.) 452, 511
 Холл Дж.А. (Hall J.A.) 395, 511
 Холл П.М. (Hall P.M.) 452, 511
 Холл Э.Т. (Hall E.T.) 25, 447, 457, 463—464, 466—467, 470, 511—512
 Хольте-Манттари Дж. (Holts-Manttari J.) 505
 Хомяков М.В. 239
 Хоофф Й.А.Р. ван (Hooff J.A. van) 347—348, 505, 512
 Хоппал М. 461
 Хьюис Г.Х. (Hewes G.H.) 190, 197, 279, 512
 Хэмфрис Д. (Humphries D.) 353, 489
 Цвайгенхафт Р. (Zweigenhaft R.) 460, 512
 Цивьян Т.В. 69, 135, 459, 461, 491, 512
 Цивьян Ю. Г. 512
 Цицерон (Cicero) 46
 Чаплин Ч. (Chaplin Ch.) 132
 Чарни Э.Дж. (Charney E.J.) 477, 512
 Чейз Дж. (Chase J.) 139, 508
 Червенка Э.Дж. (Červenka E.J.) 140, 279, 509
 Чувилина Е.А. 21, 62, 162, 499—500, 518, 520

- Шаламов В.Т. 276
 Шаронов И.А. 16,
 21, 81, 499, 512,
 516
 Шатер Р. (Shuter R.)
 87, 446, 454, 465,
 467, 512
 Шатуновский И.Б.
 21, 518
 Шекспир В. 244,
 258, 398, 402
 Шелгунова Л.М. 16,
 69, 512
 Шенк А. (Shenk A.)
 502
 Шерер К.Р.
 (Scherer K.R.) 16,
 512, 514
 Шерзер Дж.
 (Sherzer J.) 15, 120,
 512
 Шефлен А.Э.
 (Scheflen A.E.) 126,
 178, 200, 202—203,
 467, 512—513
 Шиаратура Л.
 (Schiaratura L.) 81,
 507
 Шиминофф С. Б.
 (Shiminoff S.B.) 15,
 513
 Шифенховел У.
 (Schiefenhovel W.)
 66, 492
 Шиффрин Д.
 (Shiffrin D.) 452,
 513
 Шиханович Ю.А. 20
 Шлегель Ф. 257
 Шлезингер Ю. 21
 Шлейдт М. (Schleidt
 M.) 66, 492
 Шлейермахер Ф. 259
 Шмелев А.Д. 21,
 155, 405, 513
 Шмелева Е.Я. 21
 Шмелева Т.В. 239,
 513
 Шмитт Дж.-Ч.
 (Schmitt J.-C.) 56,
 513
 Шнайдер К.У.
 (Schneider K.W.)
 391, 498
 Шнеллер Р. 136, 513
 Шройдер Р.
 (Schreuder R.) 502
 Штрек Й. (Streck J.)
 104, 513
 Шульман Дж.М.
 (Schulman G.M.)
 446, 497
 Шухардт Г.
 (Schuhhardt H.) 12
 Щеглофф Э.
 (Schegloff E.A.)
 104, 118, 513
 Эванс-Притчард Э.Э.
 (Evans-Pritchard
 E.E.) 397, 513
 Эверэрт М. (Everaert
 M.) 502
 Эйбл-Эйбесфельдт И.
 (Eibl-Eibesfeldt I.)
 15—16, 387, 389,
 492, 513
 Эйхенбаум Б.М. 258
 Экман П. (Ekman P.)
 15—16, 36, 62, 66,
 118, 166, 168—170,
 173, 176, 196, 279,
 348, 358, 364, 393,
 396, 494, 512,
 514—515
 Экслейн Р.В. (Exline
 R.V.) 83, 391, 393,
 402, 515
 Элкин А.П. (Elkin
 A.P.) 190, 515
 Эллис Д.С. (Ellis
 D.S.) 25, 515
 Эллисорт П.С.
 (Ellsworth P.S.)
 385, 395, 515
 Эмерсон Р. 374
 Эразм Роттердамский
 316
 Эссер А.Х. (Esser
 A.H.) 498
 Эткинд Е.Г. 264
 Эфрон Д. (Efron D.)
 25, 79, 83, 85,
 103, 117—118, 238,
 338, 515
 Эшхольц П.А.
 (Eschholz P.A.) 502
 Яворская Г.М. 516
 Якобсон Р.О.
 (Jakobson R.) 142,
 515
 Ямпольский М.Б. 78,
 87, 227, 237, 515
 Янко Т.Е. 21, 518,
 520
 Ярвелла Р.И. (Jarvella
 R.J.) 501
 Ярчовер М.
 (Yarczower M.)
 168, 497

A2. (крупные лексикографические работы)

Вебстер 163	НВП 503	Славянские древности
КЯО 109, 500	НОСС 339, 352, 354,	75, 218, 508
МАС 59, 216, 259,	504, 510	ТКС 243, 296, 509
501		

Б. Литературные источники и их авторы***B1. (литературные памятники)***

Библия 228, 229,	Жития святых 187	Кодзики 106, 190,
291, 382, 412	Иез. (Иезекииль) 7	498
Вт. (Второзаконие)	291	
1, 291	Иер. (Иеремия) 47	
Евангелие от Иоанна	291	
462	Исход 2 229	

B2. (авторы художественных текстов)

Абрамов Ф.А. 332	Бабель И.Э. 265	Вовк О. 312
Аксенов В.П. 154,	Баксанделл М. 78	Войнович В.Н. 214,
155, 331, 415	Бальзак О. де 146	366
Алданов М.А. 112—	Баратынский Е.А. 218	Волкова А. 263
113, 198, 216, 259,	Бертен Л.Ф. 260	Волконский А.М. 254
263—264, 339, 341,	Борхес Х.Л. 275	Воробьев Е.З. 381
345—346, 363, 366,	Бродский И.А. 218	
378, 384, 452	Брох Г. 195, 378	Гаевский В.С. 59
Алексиевич С.А. 268	Булгаков М.А. 75,	Гандельсман В. 244,
Алешковский Ю.Е.	189, 317—318, 320,	327
155	323, 326, 328,	Гандлевский С.М. 120
Алпатов М.В. 255	330—331, 360, 370,	Гаррисон Г. 91
Андерсен Г.Х. 403	427	Гаршин В.М. 425
Андреева В. 233	Бунин И.А. 38, 74	Гер Э. 363
Антоний, митр. 228	Буров М. 426	Гиляровский В.А. 259
Антонов С.П. 322	Быков Дм. 268	Глинка Ф.Н. 219
Апухтин А.Н. 378		Гоголь Н.В. 67, 156
Артемов В. 275	Васильев Б.Л. 184,	Гомер 500
Астафьев В.П. 322	213, 272	Гонкуры Ж. и Э. 261
Ахмадулина Б.А. 269,	Вересаев В.В. 264	Гончаров И.А. 221,
400	Ветров М. 215	259, 321—322, 326
Ахматова А.А. 228	Витте С.Ю. 251	

- Горький М. 235, 240, 244, 427
 Готье Т. 250
 Гофман Т. 275
 Гофман Э.-Т.-А. 260
 Гранин Д.А. 49
 Грин Г. 93, 384
 Гусев Вл. 259
- Давыдов Ю.Н. 213
 Диккенс Ч. 495
 Дмитриева М. 257
 Доватур А. 266
 Довлатов С.Д. 74, 155, 269, 362
 Достоевский Ф.М. 75, 316, 325, 425, 493
 Драгунский В.Ю. 237
- Екимов Б.П. 59, 240
 Ерофеев Вик. 273
- Жванецкий М.М. 263, 274, 434
 Житинский А. 316
 Жуковский В.А. 275, 469
 Жуховицкий Л. 128, 214
- Зайцев Б.К. 221
 Зеленая Р.В. 237, 312
 Зингер И.Б. 386
- Ибрагимбеков Р.М. 384
 Искандер Ф.А. 189, 230, 321, 357, 362, 386
- Каменецкий Ю. 311
 Кандинский В.В. 265
- Карякин Ю.*269
 Катков Р. 265
 Качан В.А. 384, 449
 Князев Е. 260, 265
 Крапивин В. 223
 Крелин Ю.З. 74, 155, 167, 243, 266, 275
- Крутиер Б. 256
 Кумок Я. 217
 Кундера М. 381
- Ламартин А. 275
 Ларин С. 263
 Леблан М. 58, 74, 382
 Левина А. 384
 Левина С. 234
 Лермонтов М.Ю. 52—53, 67, 327, 331, 332
 Леру Г. 344, 362
 Лесков Н.С. 51
 Лещенко-Сухомятина Т. 231
 Лурье С. 184
 Любимов Ю.П. 258
- Мазур Г. 217
 Макаров А. 311, 418
 Максимов В.Е. 204, 232
 Мандельштам О.Э. 213, 221, 453
 Маркова В. 93
 Матлин В. 233, 234
 Мень А.В. 228
 Мочалов Лев 254
 Музиль Р. 93
- Набоков В.В. 58—59, 62, 72, 192, 196, 224, 237, 321, 327, 359—360, 365, 381, 425—426, 461
- Нагибин Ю.М. 214, 257, 264, 268, 363
 Найман А.Г. 230
 Новалис Г. 275
 Носик Б. 269
- Окуджава Б.Ш. 186, 425
 Орлов В. 156
 Ортега-и-Гассет Х. 411
- Павлова М. 384
 Пастернак Б.Л. 259, 261
 Паулс Р. 264
 Пелевин В. 341, 353
 Первенцев А. 59
 Перова Е. 270
 Петрушевская Л.С. 37
 Платонов А.П. 326, 327
 Погодин М.П. 360
 Померанцев И. 224
 Попов В. 235
 Попов Е.А. 263
 Пришвин М.М. 113
 Пушкин А.С. 222, 233, 256, 259, 275, 335, 426
 Пятигорский А.М. 384
- Радищев А.Н. 52
 Распутин В.Г. 146
 Рахманинов С.С. 257
 Решетников Л. 216
 Роден О. 304
 Розанов В.В. 276
 Рунге Ф. 257, 260

Рыбаков А.Н. 155,
327	Толстой А.Н. 67	Чехов А.П. 24, 235,
237, 321
Савич О. 212	Толстой Л.Н. 58, 62,
67, 195, 399, 427	Чосер 488
Саган Ф. 72, 263,
287, 449	Троепольский Г.Н.
316	Чуковская Л.К. 229,
233
Салтыков-Щедрин
М.Е. 272	Тростников В.Н. 272,
344, 470	Чулаки М.М. 266
Самойлов Д.С. 255,
263, 270	Тургенев И.С. 67,
332, 425—427	Шаламов В.Т. 276
Свирский А.И. 247	Уайльд О. 162	Шапиро А. 260, 264
Сендеров В.А. 256	Фадеев А.А. 267	Шварц Е.Л. 323, 325
Синявский А.Д. 275	Флоренский П.А. 228	Шекспир В. 71, 102,
223, 244, 258, 316,
366, 398, 402
Слепцов В.А. 236	Харитонов Е. 245	Шлейермахер Ф. 259
Слущкий Б.А. 270	Хомяков М.В. 239	Шмелев Н.П. 155
Солженицын А.И.
251—252, 260, 508	Цветаева А.И. 259	Штайнзальц А. 215
Сторожев В.Н. 263	Цветаева М.И. 67,
185, 224, 229,
243—244, 259, 378,
419	Эйхенбаум Б.М. 258
Стругацкие А. и Б.
74, 236, 312, 328		Юдина М.В. 257
Токарева В.С. 233,
267		Яркевич И. 251

В. Известные люди (исторические или мифологические лица) — исполнители и интерпретаторы жестов

Авраам (библ.) 229,
382	Верлен П. 221	Исаак (библ.) 229
Адам (библ.) 412	Вийон (//Виллон) Ф.
221	Истомина А.И. 426
Александр Македонс-
кий 404	Гиппиус З.Н. 215	Каллиопа (миф.) 382
Арафат Я. 58	Григор Нарекаци 486	Лаплас П. 458
Аристей (миф.) 382	Данте Алигьере 244	Лот (библ.) 382
Арсений Великий 187	Дантон Ж.Ж. 78, 304	ЛяГурдиа Ф. 49
Артур, король 474	Джойс Дж. 265	Маяковский В.В. 264
Бальмонт К.Д. 215	Донская М. 242	Мейерхольд Вс.Э.
388, 389
Борисова Ю. 221	Иаков (библ.) 229	Паулс Р. 264
Брюсов В.Я. 215	Иванов Вяч.И. 265	Петр I (Петр I) 94
Будда 413	Иисус Христос 413,
462	Пий IX (Пий IX) 404
Вагнер Р. 459	Иоанн 462	Пимен 187
		Рабин И. 58

-
Расин Ж. 244	Сталин И.В. 267	Шарден Т. де 261
Рихтер С.Т. 255	Толстой Л.Н. 306	Эвридика (миф.) 382
Розен М. 413, 414	Фрейндлих А.Б. 221	Яковлева О. 221
Сислей А. 260	Цветаева М.И. 229	
Слуцкий Б.А. 270	Честерфилд Ф.Д.С.	
Сорос Дж. 10	(Спенсер) 62, 363,	
Спаситель 326, 399	388, 479	

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. НЕВЕРБАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА (общая характеристика)	22
Глава 2. ПАРАЛИНГВИСТИКА	26
§ 1. Основные единицы и категории	26
1.1. Параметры звучания	29
1.2. Квалификаторы	33
1.3. Различители (дифференциаторы)	34
1.4. Альтернанты	35
§ 2. Периферические средства. Адапторы	36
2.1. Адапторы тела	37
2.2. Адапторы-объекты	40
Глава 3. КИНЕСИКА	43
§ 1. Введение	43
§ 2. Жесты в истории культуры. Язык жестов и естественный язык	46
§ 3. Жесты и жестовые фраземы	58
§ 4. Кинетические исследования	60
§ 5. Жесты в их соотношении с речью	61
§ 6. Рождение кинесики: люди, проблемы, идеи, основные единицы	64
§ 7. Формы и стадии кинетического поведения	71
§ 8. Основные функции жестов в человеческой коммуникации	75
§ 9. Важнейшие противопоставления внутри жестов и внутри жестовых систем	79
9.1. Основные семиотические классы жестов	79
9.2. Исконные и заимствованные жесты	85
9.3. Жесты языка и диалектные варианты	86
9.4. Жесты взрослых и детей	88
9.5. Мужские и женские жесты	89
9.6. Жесты с адапторами и жесты без адапторов	93
9.7. Прагматически освоенные и неосвоенные жесты ..	96
9.8. Стилистически нейтральные и стилистически маркированные жесты	98
§ 10. Эмблемы	98
10.1. Семантическая классификация эмблематических жестов	99
10.1.1. Коммуникативные жесты	99
10.1.2. Симптоматические жесты	114
10.2. Морфологические классификации жестов	115

§ 11. Иллюстраторы	117
§ 12. Регуляторы	125
§ 13. Синтаксис жестов	126
§ 14. Жесты в разных культурах	131
14.1. Межкультурная омонимия	135
14.2. Межкультурная синонимия	142
14.3. Различная интерпретация внешне сходных форм	145
14.4. Различия в речевом сопровождении внешне сходных форм	146
14.5. Межкультурные кинетические расхождения: неполные и избыточные интерпретации	147
§ 15. Эмоции и мимические жесты	152
15.1. Эмоции, физиология и выражения лица	152
15.2. Языковая концептуализация физиологических процессов	163
15.3. Эмоции и их невербальная концептуализация: функции лицевых выражений и мимические жесты	165
15.4. Примеры семантического описания русских мимических жестов	181
§ 16. Позы как жестовые знаки	186
16.1. Семантика позы. Оценка в позе и оценка позы	186
16.2. Функции поз в акте коммуникации и в языке тела	202
16.3. Позы и кинетические переменные	208
Глава 4. ПАРАЛИНГВИСТИКА: ГОЛОС И ТОН В РЕЧИ, ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ	212
§ 1. Голос	212
1.1. Семантика слова <i>голос</i>	212
1.2. Признаки и свойства голосов	222
1.3. Семантические, коммуникативные и прагматические функции голоса в тексте	227
1.4. Речевые и музыкальные голоса	234
1.5. Голосовое оформление речевых высказываний	239
1.6. Спецификации голоса и типы речевых актов	244
1.7. Голос как средство устной массовой коммуникации	250
§ 2. Тон	255
2.1. Семантика слова <i>тон</i>	255
2.1.1. Тон как единица художественного целого (<i>тон 1</i>)	255
2.1.2. Тон как эстетическое свойство текста (<i>тон 2</i>)	256

2.1.3. Переносные употребления лексемы <i>тон</i> 2.....	258
2.1.4. Аналоги и источники неречевых значений слова <i>тон</i>	261
2.1.5. Речевые значения слова <i>тон</i>	262
2.2. Функции тона речи в коммуникативном акте и тексте	266
2.3. Смысловые сходства и различия слов <i>голос</i> и <i>тон</i>	269
2.4. Парадигматические связи слова <i>тон</i> в его речевых значениях	272
2.5. Язык, тон, музыка	274
Глава 5. КИНЕСИКА: ЛЕКСИКОГРАФИЯ РУССКИХ ЖЕСТОВ	277
§ 1. Общая характеристика Словаря языка русских жестов	277
§ 2. Структура и содержание словарной статьи в Словаре языка русских жестов	294
2.1. Вход	296
2.2. Интерпретация	297
§ 3. Примеры лексикографического описания жестов	312
§ 4. Семантическая типология русских улыбок	335
4.1. Аналитический обзор основных идей и результатов, связанных с анализом улыбок	342
4.2. Семантическая типология русских улыбок: методика и способ решения задачи	353
4.3. Семантика атрибутивных сочетаний со словом улыбка	356
4.4. Русские улыбки: фрагмент семантической типологии	367
4.5. Реконструкция улыбок по их языковому описанию	370
Глава 6. ОКУЛЕСИКА: ЯЗЫК ГЛАЗ В КОММУНИКАЦИИ ЛЮДЕЙ	374
§ 1. Глаза, мимика и эмоции	374
§ 2. Кинемы и выражения глаз. Глазное поведение людей в разных культурах	376
§ 3. Социальные и культурные функции глаз и глазного поведения	399
Глава 7. ГАПТИКА: ФОРМЫ, СМЫСЛЫ И ФУНКЦИИ КАСАНИЙ В КОММУНИКАЦИИ ЛЮДЕЙ	412
§ 1. Культурные типы касаний	412
1.1. Целительные (терапевтические) касания	413
1.2. Дьявольские прикосновения	414

1.3. Рукоположение	414
§ 2. Основные функции бытовых касаний в коммуникативном акте (общая характеристика)	416
§ 3. Касание как невербальный социальный акт	418
§ 4. Невербальные акты и глаголы касания и осязания	423
§ 5. Динамичные и температурные касания. Осязание и зрение как сенсорные модальности	432
§ 6. Невербальные приветствия и прощания как основные типы жестовых касаний	438
Глава 8. ПРОКСЕМИКА: КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА	457
§ 1. Правила проксемного поведения	457
§ 2. Физическая и психологическая дистанции	467
§ 3. Кинетические параметры и их влияние на проксемное поведение человека	471
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	479
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	486
АВТОРСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ КНИГИ	516
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ГЛАВЕ 5	521
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	522
I. Терминологический указатель	524
II. Именной указатель	564

Формат 60х90/16

Бумага офсетная № 1

Печ. л. 37. Тираж 2000 экз. Заказ № 2139

Отпечатано с готовых диапозитивов
в РГУП «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15